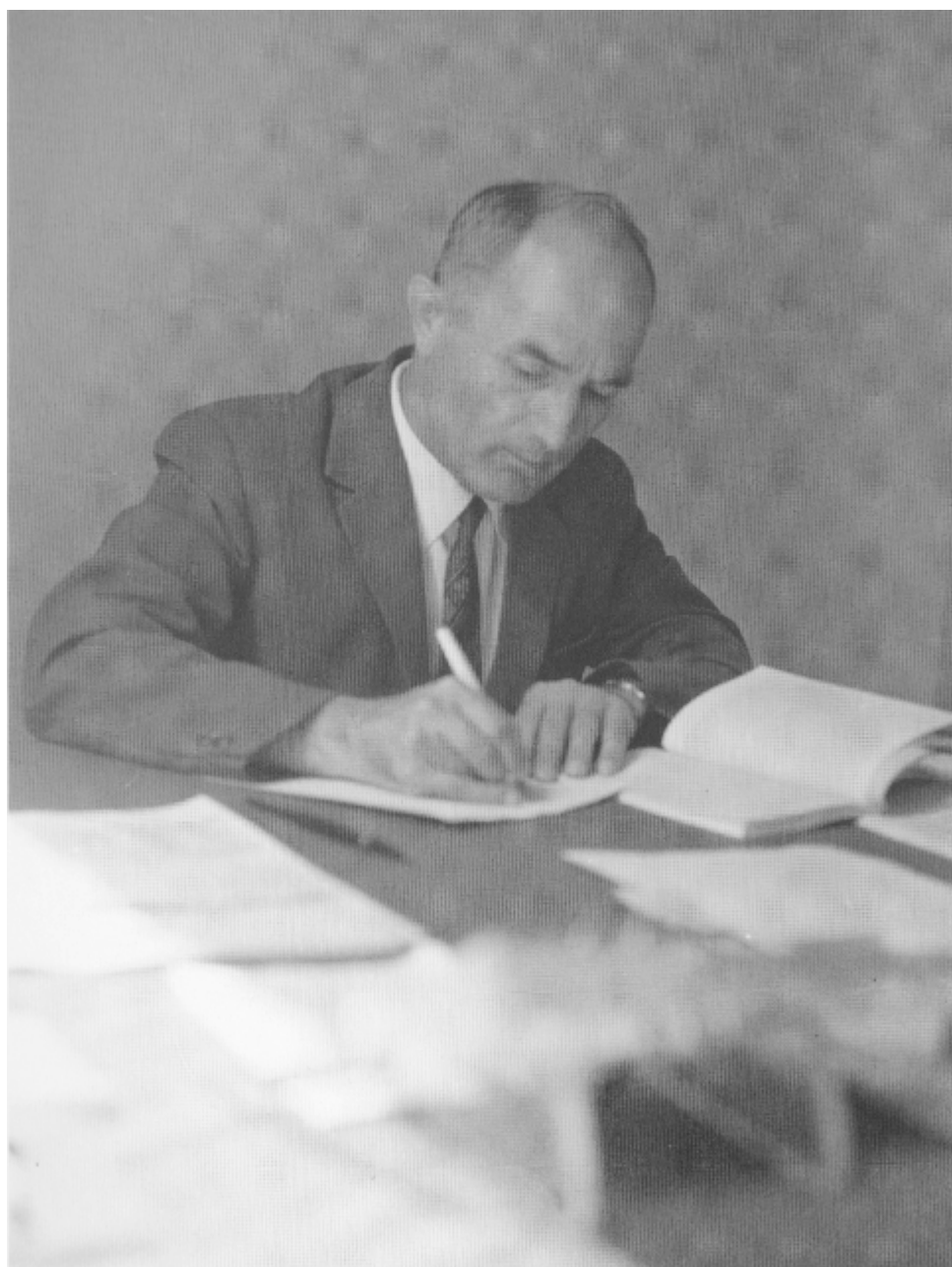

Ш. Д. ИНАЛ-ИПА

Lucas. 1776

III

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ им. Д. И. ГУЛИА

Ш. Д. ИНАЛ-ИПА

ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ АБХАЗОВ

Второе, переработанное и дополненное издание

**ТОМ
III**

Сухум – 2011

ББК 63.5 (5 Абх) я 54
И 57

Научный редактор акад. АН СССР *М. А. Коростовцев*

Подготовка текста к изданию *Ю. Г. Аргун,*
М. К. Хотелашвили-Инал-ипа

Шалва Дениович Инал-ипа.

Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухум: Дом печати,
2011. – 688 стр.

Вниманию читателей предлагается 2-е, дополненное издание фундаментального труда «Вопросы этнокультурной истории абхазов» – этой своего рода энциклопедии по проблемам этногенеза и культурно-политической истории абхазов – одного из самых древнейших народов многоязычного Кавказа. Автор приходит к выводам, что абхазы и адыгские племена являются автохтонами Восточного Причерноморья, включая собственно Абхазию.

Комплексное исследование Ш. Д. Инал-ипа, насыщенное разнообразными фактическими данными – историко-этнографическими, археологическими, антропологическими, языковыми, фольклорными и другими, значительная часть которых впервые была введена в научный оборот, заключающее в себе важные выводы и наблюдения автора, – несомненно, серьезный и ценный вклад в кавказоведческую науку.

Книга рассчитана на специалистов, студентов, и широкий круг читателей, интересующихся историей и этнологией Абхазии.

© Академия Наук Абхазии, Абхазский институт
гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

Ш. Д. ИНАЛ-ИПА

ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ АБХАЗОВ

Второе, переработанное и дополненное издание

Сухум – 2011

*Книга посвящается светлой
памяти сына моего – Адгура,
погибшего 18 сентября 1993 года в
бою при освобождении столицы
Абхазии – Сухума.*

ОТ РЕДАКТОРА

Абхазское издательство «Алашара» обратилось ко мне с просьбой написать небольшое предисловие к этому труду. Я с радостью принял это предложение. Позволю себе сказать несколько слов об авторе этой монографии, известном абхазском ученом-этнографе, докторе исторических наук, профессоре Шалве Денисовиче Инал-Ипа, имя которого пользуется заслуженной репутацией далеко за пределами Абхазии. Это ученый широкого профиля, автор многих трудов по различным вопросам исторической и

современной этнографии абхазского народа. Он не только этнограф, но и историк, и филолог, и фольклорист, и во всех этих дисциплинах его суждения всегда интересны, оригинальны, и заслуживают самого пристального внимания со стороны коллег. Его прекрасная монография «Абхазы» выдержала уже второе издание (Сухуми, 1965) и является, безусловно, очень ценным компендиумом в абхазоведении.

Предлагаемый вниманию читателей новый фундаментальный труд «Вопросы этнокультурной истории абхазов» – это своего рода энциклопедия по проблемам этногенеза и культурно-политической истории абхазов – одного из самых древних и интереснейших народов многоязычного Кавказа. Кому когда-либо приходилось в плане научно-исследовательских изысканий сталкиваться со сложными и запутанными проблемами этногенеза любого народа на любом континенте знает по опыту, что этногенез является труднейшей комплексной проблемой, требующей разносторонних и глубоких знаний, широкой осведомленности в научной литературе и, вместе с тем, неизбежно порождающей полемику, столкновения взглядов и мнений, столкновения, нередко вызываемые мотивами, далекими от авторитетности и беспристрастности подлинной науки. Несомненно, все эти трудности и осложнения в известной мере подстерегали и Ш.Д. Инал-Ипа, но он весьма осторожно и умно в значительной степени преодолел их благодаря методу своего исследования; каждая проблема рассматривается им в историческом аспекте, доведенном до дня изложения. Этот метод имеет еще и то преимущество, что читателю становится совершенно ясным, в каком состоянии находится та или иная проблема сегодня, какие имеются в науке разногласия по ее трактовке, что выяснено и что остается неясным и т. д. Скрупулезно, объективно и весьма добросовестно автор подчеркивает разногласия в том или ином вопросе и очень осторожно и деликатно указывает на несостоятельность взглядов и мнений того или иного исследователя, всегда обосновывая свою весьма лаконичную критику конкретными фактами. Этот историографический аспект исследования и изложения пронизывает всю книгу и является, бесспорно, очень сильной и творческой стороной монографии.

Вплетая свою собственную концепцию этнокультурной истории абхазов в ткань научной литературы, созданной разными учеными, автор в конечном итоге приходит к существенным выводам, строго обоснованным на огромной массе конкретных и проверенных фактов. В частности, абхазы и родственные им адыгские племена являются древнейшими автохтонами Восточного Причерноморья, включая собственно Абхазию; они ниоткуда сюда не пришли, они формировались как этническая общность именно здесь; инфильтрации, передвижения племен и другие этнические процессы происходили в многоплеменной, но все же, в целом, в этнически (и географически) однородной среде, в основном в пределах указанной территории; и время формирования этой общности с древнейших времен до наших дней охватывает несколько десятков веков; понимаемая в этом аспекте автохтонность абхазов ни в коей степени не означает их этнической и культурной изолированности, наоборот, она предполагает их тесные многовековые этнические и культурные связи с другими историческими народами Западного Кавказа и смежных с ним областей, в первую очередь с грузинским народом. Но вместе с тем абхазы и грузины разные, а не тождественные этнокультурные общности, которые жили одной исторической жизнью и воздействовали друг на друга в самых различных областях жизни на протяжении не одного тысячелетия. Эта концепция автора, построенная на огромном фактическом материале при соблюдении самой строгой и требовательной логики, вряд ли может в своей основе вызвать у непредвзятого читателя существенные или обоснованные возражения. Представляется, что эта концепция автора правильно отражает исторический процесс, как он происходил в действительности.

С большим интересом читаются и страницы культурно-политической истории Абхазии.

Комплексное исследование Ш.Д. Инал-Ипа, насыщенное разнообразными фактическими данными – историко-этнографическими, археологическими, языковыми,

фольклорными и другими, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, заключающее в себе важные выводы и наблюдения автора, — несомненно, серьезный и ценный вклад в советскую историческую науку.

Академик М.А.КОРОСТОВЦЕВ.

Москва-Сухуми,
сентябрь, 1975.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Какими бы надоедливymi ни стали сетования, раздающиеся со страниц предисловий к ученым трудам, относительно трудности исследуемой проблемы, приходится, не претендуя на оригинальность, повторить и здесь то же самое. Действительно, этногенез и культурное развитие абхазов принадлежат к числу сложнейших проблем научного изучения многовековой, полной превратностей истории абхазского народа. Трудности усугубляются еще и тем, что абхазы вплоть до второй половины XIX в. не имели своей письменности, которая запечатлела бы страницы их исторической жизни, а свидетельства о них на других языках — прямые или косвенные — весьма фрагментарны и нередко противоречивы (что особенно характерно для древней и средневековой эпох). К тому же и

наличные исторические источники все еще недостаточно исследованы с точки зрения формирования абхазской народности и ее культурно-исторических связей.

Ввиду ограниченности источников и трудности их интерпретации перед исследователем возникают многочисленные вопросы, далеко не до конца разрешимые на современном уровне наших знаний. Например, когда и при каких условиях абхазские племена обрели свою этническую индивидуальность, чем характеризовались этнические процессы, происходившие в течение веков на территории современной Абхазии? Иначе говоря, в чем заключается конкретность исторического развития абхазов как особой этнической единицы, то есть своеобразие той географической, исторической и этнокультурной среды, в которой происходил процесс формирования абхазских племен и абхазской народности? К сожалению, многие из этих вопросов пока остаются скудно освещенными в научной литературе, что не может не сказаться на уровне и полноте любой работы, посвященной соответствующим сюжетам.

Абхазия, расположенная на юго-западных отрогах Главного Кавказского хребта, является связующим звеном между Северо-Западным Кавказом, с одной стороны, и Закавказьем и Малой Азией, с другой, не только в географическом, но и в этнокультурном отношении, прежде всего, между картвельским и адыгским «племенными мирами». Это нашло свое отражение в истории Абхазии, в языке, антропологической классификации, материальной и духовной культуре абхазского народа. Поэтому комплексное изучение вопросов его культурной истории представляет большой научный интерес, выходящий далеко за пределы абхазоведения.

Целью настоящей работы является не систематическое изложение этапов этнической и культурной истории абхазского народа, а попытка собрать, по возможности, разнообразные материалы и на их основе рассмотреть отдельные вопросы этногенеза абхазов, их историко-культурных связей и взаимодействия с разными народами региона, хотя, как сказано, многие из этих проблем остаются все еще мало изученными и в предлагаемом труде не могут получить исчерпывающего разъяснения.

Разработка этногенетических проблем требует, как известно, широкой источниковедческой базы, и автор стремился привлечь к исследованию по возможности все доступные фактические данные, почерпнутые из специальной литературы и других источников – письменных, археологических, антропологических, языковых и других, но в целом все же в основу публикации положены материалы исторической этнографии абхазов.

Работа состоит из вводной части с краткой историей вопроса и нескольких основных разделов, посвященных широкому кругу научных проблем (ранняя этническая история абхазов; политическая карта и этнический состав Восточного Причерноморья III – II тыс. до н.э.; этнокультурные связи Западного Кавказа и Малой Азии; этническая ситуация на Кавказском Причерноморье в античную эпоху; основные компоненты древнеабхазского этноса; его язык и культура; политическое и этническое развитие раннефеодальной Абхазии и др.). Завершается труд обобщающим заключением.

В целом, однако, нижеследующие очерки напоминают собой, образно говоря, мерцание лампы, которое выхватывает из темноты лишь отдельные уголки покрытого мраком загадочного замка. И все же можно надеяться, что они будут способствовать восполнению в какой-то мере существующих больших пробелов в области научного абхазоведения и преодолению разногласий хотя бы по некоторым вопросам истории и этнографии абхазов, а отчасти и родственных с ними народов Кавказа.

Каждая книга, как и человек, имеет свою судьбу. Судьба этого труда, изданного впервые в Сухуме, в 1976 году, была сложной и неоднозначной, а в известном смысле даже драматичной. 4 января 1977 года в областных газетах «Апсны капш», «Советская Абхазия» и «Сабчота Абхазети» появилась положительная рецензия на книгу видных

востоковедов Э.А. Грантовского и В.Г.Ардзинба¹, которая, однако, как и редакторское предисловие, была встречена с крайним неодобрением в некоторых местных кругах, где заявляли, что авторы не смогли отразить недостатки монографии. Восприятие ее читателями сопровождалось большими колебаниями оценок – от восторженного до резко отрицательного, – причем эта полярность суждений нередко менялась не в пользу автора в зависимости от «указаний сверху» и грубого вмешательства идеологических служб партийных органов. Дело доходило до того, что некоторые близкие коллеги, высказывавшие сначала свое одобрение автору по поводу выполненной им работы, вдруг меняли свое мнение и становились активными участниками устной и печатной «проработки» ученого и его книги.

В некоторых тбилисских научных кругах работа была встречена особенно резко отрицательно, как книга, содержащая много спорных, тенденциозных и необоснованных положений, как попытка чуть ли не «ограбления» истории и культуры грузинского народа, хотя дискуссионные и недостаточно обоснованные утверждения можно найти почти в каждом научном исследовании, которое из-за подобных недостатков отнюдь анафеме не предается. Одна за другой писались уничтожающие критические рецензии, публиковать которые в условиях очередного обострения «абхазского вопроса» тогдашнее руководство республики сочло однако нецелесообразным. Ординарная книга беспретенциозного ученого сделалась на какое-то время притчей во языцех, объектом разного рода отнюдь не всегда коллегиальных споров и дискуссий. Высказывались требования о срочной организации досконального разбора монографии в Академии наук. Пошли даже разговоры об изъятии монографии, и привлечении к ответственности тех, кто имел отношение к ее публикации. Нашлись и отдельные лица, которые решили воспользоваться удобным моментом для сведения личных счетов с автором. В результате многих неблагоприятных действий определенных лиц и шантажирования со стороны тех же сил, положительной рецензии, находившейся в редакции журнала «Советская этнография», поступившей от кафедры этнографии МГУ, не суждено было увидеть свет.

5 марта 1977 года в Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузии в непосетительный день состоялось тайно организованное обсуждение книги, среди оповещенной заранее небольшой части сотрудников, с участием ректора АГУ З. В. Анчабадзе и нескольких сотрудников кафедры истории университета, а также и из Центральной научно-исследовательской лаборатории по туризму и экскурсиям с их руководителем В. П. Пачулия. Обсуждение было проведено не без пристрастия и тенденциозности, с заданной целью опорочить труд и его автора. Тем не менее, на собрании, где выступило 12 человек – историков, языковедов, археологов, этнографов и других, работа, как ни странно, получила при всем том в целом положительную оценку.

С главным докладом выступил на нем З. В. Анчабадзе. Отметив ряд недостатков, которые с его точки зрения имеются в работе, например, недостаточное использование грузинских источников и литературы, натяжки при сопоставлении некоторых абхазских и хаттских терминов, трактовка этнической принадлежности племени мисимиян, «уязвимые места» истории Абхазского царства, резкое неприятие предисловия «некомпетентного» М.А Коростовцева (непонятно только, почему такой «некомпетентный в абхазоведении» ученый был в свое время приглашен оппонентом при защите им самим своей докторской диссертации, посвященной средневековой истории Абхазии), он вместе с тем, к удивлению, в целом дал работе высокую оценку. «Девяносто процентов содержания обсуждаемой книги не вызывает никаких споров», — сказал он в начале своего выступления, а в конце еще раз подчеркнул, что положительная часть работы «составляет девять десятых, поэтому она заслуживает одобрения»². С ним в основном был солидарен и

¹Грантовский Э. А., Ардзинба В. Г. Этапы этнической и политической истории Абхазии. //Газ. «Советская Абхазия», «Апсны капш», «Сабчота Абхазети», 4 января, 1977 г.

²Архив АБИЯЛИ, № 659, с. 20, 23 и др. (Эти материалы, к сожалению, как и весь институт, во время оккупации были преданы огню).

председательствовавший на собрании директор Института Г. А. Дзидзария, который, стараясь не обострять вопрос, вкратце подвел общие итоги состоявшегося диспута.

Несмотря на все это, в редакционной статье двух ведущих абхазских историков, посвященной итогам обсуждения и опубликованной 14 мая того же года во всех областных газетах, книга получила общую отрицательную оценку, как «не способствующая прогрессу науки, написанная без должной глубины разработки научных проблем» и без должного «понимания актуальных задач, вытекающих из марксистско-ленинских основ укрепления дружбы между братскими народами нашей многонациональной страны»³. Редакционная поправка с целью некоторого смягчения негативной направленности статьи, в частности, путем добавления слова «ряда» (труд, «...написанный без должной глубины разработки ряда научных проблем»), появившаяся в «Советской Абхазии» 19 мая, не изменила положения. Местная общественность была возмущена и требовала восстановления репутации ошельмованного автора, которому, как мы видели, было предъявлено серьезное политическое обвинение. Свое несогласие со статьей выражали также и ученые, в том числе видные представители кавказоведения. «Что же касается редакционной статьи без подписи в абхазской газете, обвинившей Ш. Д. Инал-Ипа в политических ошибках при рассмотрении им очень темных, сугубо академических вопросов далекого прошлого, то считаю ее неправильной и, по существу, вредной, так как она мешает нормальной научной разработке назревших проблем истории нашей Родины», так заканчивается заключение, написанное Л. И. Лавровым по моей книге. Общая оценка труда Ш. Д. Инал-Ипа, – писал Р. М. Мунчаев в своей рецензии, – «оказалась необъективной» (цитаты из материалов личного архива автора этих строк).

В этих условиях некоторые представители молодой творческой интеллигенции обратились с письмом в ЦК КПСС с просьбой реабилитировать оклеветанного ученого и его исследование. В результате на Бюро Отделения истории АН СССР была выделена авторитетная комиссия в составе 7 человек из числа известных ученых и не только кавказоведов – работников шести центральных академических научно-исследовательских институтов – этнографии и антропологии, истории СССР, Всеобщей истории, археологии и языкознания (академик В. П. Алексеев и доктора наук В. К. Гарданов, Е. С. Голубцова, Г. А. Климов, Л. И. Лавров, Р. М. Мунчаев, А. П. Новосельцев). Председатель комиссии В. К. Гарданов на основе написанных указанными учеными рецензий составил сводное Заключение (14 машинописных страниц), в котором, нисколько не обходя ошибки, спорные положения и упущения, содержащиеся в работе, в целом, однако, дал ей высокую оценку.

Поскольку, к сожалению, это Заключение, не став достоянием гласности, покоится, должно быть, в бывших партийных архивных темницах, я позволю себе, с извинениями перед читателем, привести здесь полностью выводы, к которым пришла комиссия в итоге своей оценки книги. Вот эти выводы:

«В целом книга Ш. Д. Инал-Ипа должна быть оценена вполне положительно. Она написана на сложную и мало разработанную тему. Автор стоит на правильных методологических позициях. В освещении вопросов этнической истории он исходит из теоретических положений, общепризнанных в советской исторической и этнографической науке. Во многих случаях автор критически относится к работам своих предшественников, аргументировано оспаривая их положения. Вместе с тем, Ш. Д. Инал-Ипа в достаточной мере осторожен в оценках и суждениях. Часто он подчеркивает незавершенность решения тех или иных проблем, предположительность своих высказываний по конкретным спорным вопросам. Таким образом, его изложение носит не догматический, а критический характер.

Большого одобрения заслуживает тот факт, что исследование Ш. Д. Инал-Ипа развернуто на широком историко-этническом фоне с привлечением данных истории,

---

³За глубокое научное изучение истории Абхазии. //Газ. «Советская Абхазия», «Апсны капш», «Сабчота Абхазети», 14 мая 1977 г.

археологии, этнографии, лингвистики и антропологии. Перед нами, таким образом, первый в советской историографии труд, в котором на основе комплексного использования разнообразных источников рассматривается проблема древней и раннефеодальной этнокультурной истории абхазов. И если целый ряд вопросов этой важной проблемы остались в книге Ш. Д. Инал-Ипа нерешенными или спорными, то это объясняется в значительной мере состоянием источников, спорностью и гипотетичностью большинства существующих в литературе точек зрения.

В свете всего вышеизложенного следует подчеркнуть, что комиссия не может согласиться с той отрицательной оценкой книги Ш. Д. Инал-Ипа, которая дана в редакционной статье газеты «Советская Абхазия» 14 мая 1977 г. В этой связи нельзя не отметить, что авторы статьи, видимо, сами недостаточно продумали оценку книги Ш. Д. Инал-Ипа, ибо они, во-первых, допустили в своей оценке ряд противоречий: отмечая, что книга Ш. Д. Инал-Ипа содержит «многие верные положения, обоснованные новыми материалами», «многие правильные утверждения», что автор «хорошо сознавал» необходимость «всестороннего, комплексного подхода к проблеме, попытался привлечь самые разнообразные источники», что он «поставил своей задачей осветить весьма широкий круг вопросов», редакционная статья приходит к выводу, что эта же книга написана «без должной глубины разработки научных проблем» и «не способствует прогрессу науки», а во-вторых, дали к ней через несколько дней в номере газеты от 19 мая довольно существенную «поправку», предлагающую читать; «без должной глубины разработки ряда научных проблем», оставляя остальное без изменения. Вместе с тем, авторы статьи недостаточно точно изложили взгляды Ш. Д. Инал-Ипа по таким существенным вопросам, как формирование антропологического состава абхазов, этническая принадлежность населения древней Колхиды, роль абхазского этнического элемента в колхидской культуре, процесс образования Абхазского царства, этническое содержание термина «обезы» в древнерусских источниках и др. В ряде случаев авторы статьи в своих критических замечаниях сами допускают весьма спорные и недостаточно аргументированные утверждения. Не считая, что книга Ш. Д. Инал-Ипа лишена недостатков и не нуждается, как всякая научная работа, в объективной критике, комиссия не может, однако, признать правомерным, когда книга советского ученого без достаточных оснований квалифицируется как неспособствующая прогрессу науки. К тому же следует еще раз напомнить, что вопросы, по которым авторы статьи не согласны с Ш. Д. Инал-Ипа, до сих пор являются недостаточно разработанными и дискуссионными, а потому декларировать окончательное суждение по этим вопросам в редакционной газетной статье вряд ли полезно для дальнейшего развития науки» (Заключение..., с.11-14. (Рукопись).

Такова в кратких словах история этой книги, если не считать моего большого письма от 15 июля 1977 года на имя тогдашнего первого секретаря ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе, в котором, в частности, я просил дать возможность выступить в прессе с ответом на критику и которое, к сожалению, осталось гласом вопиющего в пустыне.

В Москве, в Институте этнографии, была подготовлена статья – рецензия на эту книгу, которая должна была выйти в очередном номере журнала СЭ (за подписью Новосельцева А.П. и Гарданова В. К. с использованием Заключения Комиссии АН СССР). Но в это время туда прибыл, оповещенный одним из сотрудников института, З. В. Анчабадзе в сопровождении В. П. Пачулия. Ознакомившись с рецензией, они сказали: «Нельзя ссорить ЦК Москвы с ЦК Грузии – будут очень плохие последствия. Если эту рецензию опубликуют в «Советской этнографии» и в центральной печати, то в Грузии произойдет восстание». Об этом рассказал мне ученый секретарь Института этнографии В.Н. Басилов, да и другие сотрудники института. В редакции лежала положительная рецензия и от кафедры этнографии МГУ. Она была отклонена еще раньше.

Через некоторое время Л. И. Лавров, не вполне удовлетворенный составленным Г. К. Гардановым «Заключением», написал, как он говорил, «Рецензию на рецензию», с

использованием важных материалов, непосредственно взятых из рецензий членов комиссии и почему-то не вошедших в «Заключение». Она пролежала в редакции журнала «Советская этнография» много месяцев и затем в декабре 1978 года, была возвращена автору. Л.И. Лавров в своем письме говорит о том, что это было сделано **«по указанию свыше»**. (Письмо Л. И. Лаврова, из моего личного архива).

Книга тиражом в 5000 экземпляров полностью разошлась через месяц после выхода в свет. Ввиду того, что она так скоро сделалась библиографической редкостью, читатели неоднократно ставили вопрос о ее переиздании (об этом говорилось уже и на указанном выше обсуждении), но я, как автор, учитывая ее нашумевшую историю и принимая во внимание те трудности, с которыми связана подготовка второго варианта публикации, не решался пойти навстречу пожеланиям читателей, пока, наконец, такая работа не была на меня возложена официально.

24 июля 1990 года группа товарищей обратилась в Совет Министров Абхазии, в Абхазский институт и издательство «Алашара» с просьбой о переиздании книги. 25 февраля 1991 года к ним же повторно поступило заявление следующего содержания: «Как известно, книга профессора Ш. Инал-Ипа «Вопросы этнокультурной истории абхазов», вышедшая в 1976 г., стала библиографической редкостью. Между тем, очень многие хотят ее иметь, т.е. спрос на эту книгу необычайно большой. Вместе с тем, считаем уместным напомнить, что в свое время эта работа получила положительную оценку специальной комиссии Академии наук СССР. Исходя из этого, просим Вашего содействия в переиздании названной книги». В ответ 5 апреля 1991 года директором Абхазского института В. Г. Ардзинба мне было поручено «переработать книгу и подготовить к переизданию в максимально короткие сроки»⁴.

Итак я начал работу над настоящим изданием. В процессе его подготовки сделаны существенные исправления, уточнения, сокращения и дополнения (местами значительные). Были по возможности учтены критические замечания и пожелания, сделанные как на указанном обсуждении, так и содержащиеся в рецензиях и читательских отзывах, включая «Заключение» московских коллег. При всем том, однако, основные авторские положения, а также построение материала (за исключением главы «Язык») во всем остаются прежними, причем в ряде случаев эти положения подкрепляются новой аргументацией и материалами.

Конечно, второе издание также никак не претендует на какое-то совершенство, в нем также будет, вероятно, немало упущений и недостатков (например, в отношении полноты использования новейшей литературы, в особенности археологической и др.) Любую работу можно улучшать чуть ли не до бесконечности. Но для этого у меня не было ни условий, ни времени, ни возможности широко пользоваться литературой, ни душевного спокойствия. И без того работа требовала большого напряжения сил и энергии.

Но я буду считать себя вознагражденным с лихвой, если оправдается надежда, что второй вариант в результате исправлений и доработок будет хотя бы несколько лучше, чем первый, и что новая редакция труда встретит благосклонное отношение читателя – высшего судьи всякой книги.

Наконец, еще одно предварительное замечание. Настоящее издание, как и первое, открывается редакторским предисловием акад. М. А. Коростовцева (без каких-либо, разумеется, изменений авторского текста). Это сделано не столько из-за содержащихся в нем добрых слов в адрес автора монографии и высокой оценки проделанной работы (не во всем, возможно, заслуженной), а больше по мотивам морального характера и авторского права, а также в знак глубокого уважения к имени ныне покойного большого ученого, память о котором будет жить у всех тех, кому близки интересы востоковедения, кому дорог образ прекрасного человека.

---

⁴ Канцелярия Абхазского института, вх. № 24, 10.04.91.

ВВЕДЕНИЕ

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

1. Этнос и этногенез

Основным понятием, с которым имеет дело исследователь происхождения народа и особенностей его культуры, является этническая общность, этнос и его культура.

Этнос – не сельская или городская община, не кровнородственная или расовая общность. Раса – понятие биологическое, этнос – историческое. Род – основная ячейка первобытного общества – мог быть только частью этноса. Первой этнической общностью было племя, когда бы оно ни возникло: с самого начала человеческой истории, как

утверждают одни ученые или же на грани доклассового и классового общества, как думают другие⁵.

Если для первобытнообщинного строя характерной этнической общностью является племя, то в раннеклассовую эпоху в результате объединения отдельных племен образуются племенные союзы. Когда такие союзы делаются достаточно долговечными и прочными из их тесного слияния складываются народности и народы, которые как этнические единицы сохраняются до наших дней. В основном в эпоху разложения феодализма и развития капиталистических отношений появляются нации – высшая ступень этнического развития, до которой, однако, доросли не все народности.

Нельзя мыслить себе этнос вне истории. Этнос – сугубо историческая категория – на всех этапах своего существования неразрывно связан с жизнью общества, с развитием производительных сил, общественных и международных отношений. Изучить и понять его, не применяя к нему научных принципов историзма, невозможно.

Этнос представляет собой сложную динамическую систему, многоплановое явление. Основными его свойствами являются те этнические черты, которые, передаваясь из поколения в поколение, обладают особой долговечностью, устойчивостью и характеризуют собой ядро этнической общности – специфические особенности его традиционно-бытовой культуры (язык, религия, традиции, обычаи, этнические аспекты психики) и его этническое самосознание⁶. «Таким образом, этнос, в узком смысле слова, в самой общей форме может быть определен как исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований»⁷. Такие этно-социальные организмы выступают как определенные исторически обусловленные социально-экономические целостности разного уровня развития при соответствующих формациях⁸. Если согласиться, что род – фактически антипод этнических общностей, так сказать, «антиэтнос», то на стадии первобытнообщинного строя в роли этноса выступают «классические» племена – этникосы, «надплеменные» этнические общности (союзы племен)⁹, в то время, как для более развитых в социально-экономическом отношении обществ характерны народность и нация. В классовом обществе основным фактором, связывающим народность в некое единое целое, выступают уже не брачно-родственные отношения, а государство¹⁰.

Развитие народа как этнической общности происходит в основном медленным, эволюционным путем, но в определенных исторических условиях и скачками – с разрывом постепенности. Эти процессы неразрывно связаны с развитием самого общества. «Переход от одной социально-экономической формации к другой неизбежно влечет за собой изменение основных типологических черт этносоциальных организмов. Но этникос может существовать на протяжении нескольких формаций (двух, трех, а подчас даже четырех – например, армяне)»¹¹.

Изменения этносоциальных структур характеризуются определенными процессами, связанными с конкретной исторической действительностью. Основными видами таких изменений являются процессы этнического объединения, сближения и слияния, характерные особенно для доклассовых обществ. Родственные этнические единицы могут объединиться в одну общность (этническая консолидация), небольшие группы одного народа растворяются в среде другого (этническая ассимиляция), бывает и взаимодействие разных племен и народностей, ведущее к их межэтническому сближению (интеграция).

---

⁵Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // СЭ. 1949, 3, с. 18.

⁶Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. – М. 1973, с. 10 – 37 и др.

⁷Там же. с. 37.

⁸Там же. с. 46.

⁹Там же. с. 128, 133, 135.

¹⁰Там же. с. 142.

¹¹Бромлей Ю. В. Указ. соч. с. 154.

Изменения этноса носят, таким образом, внутриэтнический, межэтнический характер, причем объединительным процессам содействуют близость взаимодействующих языков и культур, общность территории. Большое влияние на этническую ситуацию оказывают численное соотношение этносов, географическая среда (например, характер одежды во многом зависит от климата и т. д.), хотя «этногенез народов не предопределяется ни разнообразием, ни однообразием ландшафта; они возникали и в тех, и в других условиях»¹². Важнейшими факторами, воздействующими на этнические процессы, являются производственные отношения, социально-экономический базис, хозяйственные связи и контакты, а также воздействие государства, сферы политики вообще.

Говоря о теоретических основах этногенетических исследований, А. Д. Удальцов пишет, что историческая наука «изучает не метафизический, раз навсегда установившийся «этнос», а процессы этногенеза в жизни племен и народов, протекающие на основе развития производительных сил и производственных отношений, исторически развивающихся все более тесных сношений и объединений, скрещений и культурных влияний»¹³. С. А. Токарев также указывает: «Проблема этногенеза является, с нашей точки зрения, чрезвычайно сложной задачей отыскания тех элементов, из которых составила данная народность и ее культура, и тех исторических процессов, в результате которых складывался и развивался народ»¹⁴.

Несмотря на огромную работу, проделанную учеными по изучению древних и современных народов, проблема этногенеза до сих пор не разрешена полностью и окончательно ни для одного народа Европы или Азии, Америки или Африки, Австралии или Океании.

Этногенез в узком смысле – это формирование народа как особой единицы, как отдельной, самостоятельной группы, отличающейся всеми основными этническими признаками (своей территорией, языком, культурой и пр.). Сам термин «этногенез», образованный сочетанием двух древнегреческих слов («этнос» – племя, народ и «генезис» – происхождение), означает в буквальном переводе происхождение этноса, т. е. народа.

Этногенез в узком смысле и этническая история не совсем одно и то же, они соотносятся между собой, как часть к целому, условно, как корневая система ко всему дереву. Рассматривая же их отдельно, можно сказать, что этногенез есть коренная часть этнической истории, а последняя представляет собой органическое продолжение этногенеза. Если ранний этногенез народа принять за начальную главу исследования формирования этноса, тогда остальную этническую историю можно было бы представить себе как последующие разделы книги о дальнейшем этническом и культурном развитии народа во всей ее сложности и неповторимой оригинальности. Если этногенез отвечает на вопрос где, когда, из каких компонентов и при каких условиях – культурно-исторических, географических и других сложилось первоначальное ядро данного этноса, – то этническая история показывает те многообразные изменения, которые пережил он после своего зарождения, на протяжении последующего исторического развития, длившегося сотни и тысячи лет.

В широком же смысле этногенез понимается как вся этническая история народа, включая не только ранний этап образования того или иного народа, но и все ступени истории складывания его современных особенностей – этнографических, лингвистических и антропологических. Одним словом, этногенез в широком смысле предполагает выявление существеннейших моментов всей истории народа, как народа.

Как сказано, этногенез (будь это в широком или узком его понимании) принадлежит к числу труднейших проблем исторической науки. Это объясняется не только ограниченностью соответствующих исторических источников по древнейшей истории

---

¹² Там же. с. 165.

¹³ Удальцов А. Д. Теоретические основы этногенетических исследований // СЭ. 1947, № VI – VII, с. 302.

¹⁴ Токарев С. А. Указ. соч. с.15.

народов, не только необычайной сложностью самих этногенетических процессов, но также все еще недостаточной разработанностью общетеоретических основ и принципов этногенеза, равно как и методологии конкретных этногенетических исследований.

Если бы можно было без риска переносить законы природы, изучаемые естественными науками, на человеческое общество, то, пожалуй, этногенез можно было бы сравнить с генетикой – разделом биологической науки, исследующей развитие живых организмов, главным образом наследственность и ее изменчивость под влиянием внешней среды. «Наследственностью» для этноса было бы все то, что получено им, так сказать, «во чреве матери», что связано с ним «по рождению», а «влиянием внешней среды не только воздействие природных условий, но, главным образом, влияние не менее сложных и многообразных условий исторической жизни».

Этногенез – это не генеалогия в такой же степени, в какой род («генос») не является этносом. Генеалогия (родословная) – вспомогательная историческая дисциплина, возникшая еще в античности, но получившая значительное развитие в эпоху феодализма, – изучает только историю возникновения и развития отдельных родов. Но если этногенез не может быть сведен к родословию, то тем меньше оснований сопоставлять его с биографией отдельной человеческой личности. Сравнения в этом направлении еще более условны не только по масштабам, но и по существу: у каждого человека бывает только два родителя, а у народа могут быть и два, и три, и большее количество составляющих его генетических компонентов.

Этносу присущи исторически сложившиеся определенные признаки – общность языка, территории, хозяйственной системы и духовной культуры (в том числе этнического самосознания), которые свойственны любому этническому образованию, будь то племя, народность, народ или нация. Но есть и существенная разница, которая выражается не только в количественной характеристике племени, народности и нации, но и в степени развития указанных признаков, то есть в степени единства и внутренней связанности каждой из этих групп.

Если, как отмечено выше, для доклассовой стадии общественного развития характерны такие общности, как род, сельская территориальная община и племя, то в результате разложения первобытнообщинного строя и развития антагонистических классовых отношений главными этническими категориями становятся уже народность, народ и, наконец, нация. Вот как об этом пишет академик Б.А. Рыбаков: «Народностью мы можем назвать этническую общность эпохи формирующегося и развивающегося рабовладельческого или феодального общества, возникшую на основе давней языковой родственности племен. Признаки народности: общий язык (при наличии племенных диалектов), общая территория без существенных природных или иноязычных преград, известная культурная общность и, как правило (допускающее исключения), одинаковость системы хозяйства и наличие постоянных связей». И далее: «условием объединения племен в народность является распад первобытнообщинных отношений, приводящий к появлению территориальной общины (менее замкнутой, чем родовая), к созданию временных и постоянных племенных союзов, неизбежно вырабатывающих свой общий межплеменной язык – койнэ. Народность, являющаяся, как и нация, категорией исторической, не остается неизменной на протяжении своего тысячелетнего существования; степень единства и взаимной связанности племен в момент сложения народности значительно отличается от внутреннего единства народности в конце ее исторического пути, когда она превращается в нацию, приобретая и новый признак – экономическую связность. Древние племена с их этнографическими особенностями отмирают очень медленно, долгое время сосуществуя со сформировавшейся народностью (например, «племена» русских летописей). Территория народности неизбежно подвержена историческим изменениям; при благоприятных условиях она закономерно

расширяется за счет родственных племен, находящихся первоначально в менее развитом состоянии и за счет ассимиляции не родственных, но близких по развитию племен»¹⁵.

2. Теории этногенеза

Наиболее распространенными теориями этногенеза являются автохтонная и миграционная. Первая исходит из представления об изначальности данного народа на данной территории, а вторая, являясь ее противоположностью, дает предпочтение бесконечным передвижениям, завоеваниям, трансформациям и смешениям народов и их культур. Если для гипертрофированных автохтонистов характерно чрезмерное увлечение местными, внутренними факторами развития этноса, то сторонники миграционной концепции решающее значение придают передвижениям и всякого рода скрещениям и смешениям племен и народов. Однако, если не говорить о крайностях и упрощениях этих концепций, трактующих этногенез отдельных народов только как простые перемещения издревле существовавших этнических образований, или, напротив, как вечное их обитание на одном и том же месте, то автохтонная и миграционная теории, при правильном их толковании и сочетании, помогают установлению исторической реальности и, разумеется, заслуживают серьезного внимания.

Разновидностью миграционной концепции является гипотеза т.н. «языковых взрывов», которую развивали не так давно Н. Я. Марр и его последователи. Сторонники этой точки зрения утверждали возможность превращения (трансформации) одних народов в другие, в результате образования новых языков путем скрещивания.

В свое время Н. Я. Марром руководила идея родства всех народов и языков в глубочайшей древности. Стремясь убрать преграды, разделяющие народы разных языковых групп, он доказывал существование между ними глубочайших исторических связей, выражающихся, с его точки зрения, в общности корнеслова чуть ли не на всех языках мира. Отсюда вытекает его учение о скрещенном характере происхождения всех современных языков.

Однако упрощенная теория миграции также является односторонней и ошибочной, как и упрощенный автохтонизм. Реальные этнические процессы трудно укладываются в прямолинейную миграционную, автохтонную или иную схему родословного древа, не оставляющего места этническим смешениям и взаимовлияниям.

Вопросами происхождения отдельных народов стали заниматься не сейчас. Ими интересовались еще в древности и в эпоху средних веков, не говоря уже о новом времени, хотя действительно научные основы теории этногенеза начинают создаваться лишь совсем недавно и до сих пор они еще не вполне разработаны.

Почти все старые направления в области этногенетических исследований, как указывает С. А. Токарев, можно свести к трем основным приемам (или методам): 1) возведению генеалогии изучаемого народа к легендарному родоначальнику; 2) отождествлению или сближению этого народа с тем или иным древним народом – «народом-предком»; 3) поискам «прародины»¹⁶.

Первый из этих «методов» – возведение генеалогии народа к личности одного реального или легендарного основателя или родоначальника – является донаучным, наивным. Другое дело второй метод – выяснение связей изучаемого народа с древними «предками», ибо никто, надо полагать, не станет отрицать существование генетических связей между отдельными из современных и древних народов, например, между абазгами и абхазами, зихами и адыгскими (черкесскими) народами, аланами и осетинами, албанцами и азербайджанцами и т. д. Только необходимо при этом учитывать, что «даже

¹⁵ Рыбаков Б. А. К вопросу об образовании древнерусской народности. //Тезисы докладов и выступлений сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований. – М. 1951, с. 15, 16.

¹⁶ Токарев С. А. Указ. соч. с. 12.

вполне убедительное сближение современного народа с древним еще очень мало помогает понять его происхождение»¹⁷, так как нет ни одного не смешанного, «химически чистого» народа, дожившего до нас в своей, так сказать, первозданной чистоте. Каждый народ состоит из представителей различных племен, вошедших в его состав органическим образом в процессе его длительных культурно-исторических связей с другими народами. Вот почему было бы рискованно без всяких оговорок отождествлять и сближать современные и древние народы.

Еще более осторожно следует пользоваться понятием «прародина», как следует различать мифическое от исторической действительности. Конечно, понятие «прародина», как и связанные с ним понятия «пранарод» и «миграции», не всегда фикция и заслуживает соответствующего внимания. Но оно не пустая фантастика только в том случае, если речь идет о научных поисках реально существовавшей прародины, реально существовавшего (или существующего) народа, первоначальная область проживания которого не совпадает с ареалом его нынешнего расселения (например, действительной прародиной евреев, ныне рассеянных по всему свету, была Палестина, прародиной широко распространенных теперь арабов являлся Аравийский полуостров, цыган – Индия, еще не установлена прародина древних итальянских этрусков, современных пиренейских басков и т.д.). Бесплодными являются попытки найти «прародину» мифически или только теоретически реконструируемого народа, о чем лучше всего свидетельствует бесчисленное количество гипотез о местонахождении «прародины», возможно, никогда не существовавшего индоевропейского народа.

Иначе обстоит дело с миграциями. Как уже говорилось, нельзя отрицать миграции. Больших и малых передвижений населения было много в различные периоды истории и они сыграли огромную роль (созидательную или разрушительную) в исторической жизни множества народов. Наша наука выступает не вообще против миграции, а только против гипертрофированного миграционизма (как и против гипертрофированного автохтонизма), против вульгарно-плоской миграционной теории, которая подменяет сложную проблему формирования народа вопросом о его простом, механическом пространственном перемещении, «переезде» с места на место со всем своим «добром», причем этот народ-скиталец всегда остается самим собой, ничего или почти ничего не теряя и ничего не приобретая на долгом пути своего, как правило, очень длительного следования с большими или малыми остановками. Кроме того, сторонники этой теории иногда только по наличию в культуре данного народа отдельных элементов иноземного происхождения начинают доказывать миграцию всего народа. Такая теория не может служить основой научных этногенетических исследований.

Как бы еще недостаточно не были разработаны теоретические принципы и методы этногенетических исследований, философское обоснование этногенеза, то, что уже сделано учеными в этой области, позволяет наметить основные вопросы и направления в разработке проблем этногенеза. При этом, разумеется, недопустимы никакой шаблон и догматизм, ибо история каждого народа, особенно его этническое развитие, при всем значении некоторых общих закономерностей, сугубо индивидуальна и неповторима.

3. Источники изучения этногенеза

Громадное значение для изучения происхождения народа имеют языковые данные, в том числе данные диалектов, причем исключительно ценными могут быть материалы, собранные среди ассимилированного в языковом отношении населения. Язык, который иногда называют даже решающим источником этногенеза, не только главнейший, хотя и не единственный признак народа, но в то же время один из важнейших источников наших познаний в области этногенеза. Хотя несколько преувеличенно, но не даром говорят:

---

¹⁷ Там же. с. 13.

«история языка – история народа». Если мы знаем историю языка, прежде всего историю его происхождения, то тем самым мы очень много знаем и о происхождении самого народа, который говорит на этом языке. Теоретически возможны два пути образования языковой общности; во-первых, вследствие распада языка-основы, а, во-вторых, в результате продолжительных связей на определенной территории в условиях первобытнообщинного строя (гипотеза «лингвистической непрерывности» С.П. Толстова, теория контакта Д.В. Бубриха).

В основном только язык дает нам возможность безошибочно определить принадлежность этноса к данной, а не какой-нибудь другой группе народов. Например, осетины по всем другим признакам (этнографическим, антропологическим, фольклорным и др.) такие же «чистые» кавказцы, как и другие, окружающие их, местные народы, но как только мы обращаемся к их языку, сразу же убеждаемся, что лингвистически они, безусловно, относятся не к кавказской семье, а к совершенно иной, именно иранской (скифо-сармато-аланской) группе.

Языковые данные (грамматическая структура и основной словарный фонд), если только их анализ в научном отношении не вызывает сомнений, одни или в сочетании с другими источниками могут характеризовать собой этническую историю народа, а иногда даже служить хорошим подспорьем для относительной хронологии некоторых этнических процессов. Так, анализ данных по современной и прошлой этнонимике и ономастике дает неоценимый материал для суждений об этническом составе населения на данной территории. Наличие одинаковых родовых или племенных названий у разных родственных (и других) народов в ряде случаев указывает на вхождение в состав этих народов одних и тех же этнических компонентов. Изучая этнические названия, рискованно однако делать какие-либо далеко идущие выводы на основании только совпадения или сходства этих названий. Необходимость проявления осторожности диктуется тем фактом, что зафиксированные в тех или иных памятниках письменности этнонимы очень часто не совпадают с самоназваниями народов. В литературе, особенно древней, мы часто встречаемся с неразберихой, путаницей, как в отношении употребления чисто случайных этнических названий, так и в отношении локализации соответствующих групп. Особенно надо быть осторожным, с этническими названиями у античных авторов, которые часто пользовались сведениями из вторых и третьих рук, вследствие чего их свидетельства порою носят фантастический характер. Требуется глубокое знание письменных источников и серьезная исследовательская работа, чтобы уверенно можно было воссоздать объективную историю того или другого этнонима, или возьмем, например, топонимику. Топонимика свидетельствует о местах прежнего обитания или же путях миграций тех племен, к которым эти топонимические факты по относятся языку. Топонимика, в том числе микротопонимика, может служить иногда исключительно ценным источником этногенеза.

Самое главное при использовании топонимического материала состоит в выделении древнейших и последующих слоев топонимики и выяснении этнической принадлежности каждого из этих слоев.

А что касается культурно-исторических взаимоотношений разных народов, то с этой точки зрения язык представляет собой, можно сказать, неисчерпаемую и вполне надежную кладовую драгоценных свидетельств. Особое значение имеют научно-проверенные факты влияния одного языка на грамматический строй другого языка. Если влияние не ограничивается только лексическими заимствованиями (хотя это и само по себе является весьма существенным показателем), а распространяется на некоторые грамматические формы, то есть, если можно так выразиться, проникает в душу и сердце языка, то тогда мы имеем основание с уверенностью утверждать не только о длительных и теснейших культурно-исторических контактах между народами-носителями этих языков, но и о наличии у них когда-то в глубокой древности общего этнического субстрата каковы

бы ни были их нынешние взаимоотношения, степень литературного развития и распространения каждого из них.

Соотношение языка и культуры не отличается постоянством. При известных сложных условиях взаимоотношений отдельных народов, тот или другой из взаимодействующих языков может подвергаться смене на данной территории. Но ассимилированное население вносит с собой много своего в язык и культуру народа, язык которого одержал здесь победу (например, у «самурзаканцев» в юго-восточной части Абхазии, где, как это будет показано ниже, в результате ассимиляции абхазский язык уступил свое место мегрельскому в основном на рубеже XIX – XX вв).

Однако при всем исключительно важном значении языковых данных для изучения этнической истории, нельзя подменять этногенез глоттогенезом, ставить знак равенства между языком и народом, его носителем. Этнос не сводится к языку. Характеристика народа отнюдь не исчерпывается одним только его языком, который является важнейшим, но не единственным его признаком. У каждого народа имеются и другие отличительные черты, связанные с ареалом его распространения, средой этнического окружения, системой хозяйства, материальной и духовной культурой. Известно много фактов, когда разные народы говорят на одном языке (сколько народов говорят, например, на английском, испанском, арабском языках), а также факты несовпадения языковой принадлежности с национальным самосознанием (например, большинство ирландцев говорит по-английски, но у них имеется сильно развитое национальное самосознание). Все это свидетельствует об ошибочности замечающегося иногда у некоторых исследователей известного смешения проблем этногенеза и глоттогенеза, некоторого превышения лингвистами своих возможностей при изучении происхождения того или иного народа, умаления роли и значения других важных источников.

В частности, неопределимое значение имеет археологический материал. Хотя археология совершенно не может судить о развитии языка – основного признака любого народа, но зато правильная характеристика научных итогов археологических исследований на данной территории позволяет выделить основную археологическую культуру (или культуры), которая обычно соответствует определенной этнической группе (или группам).

Археология может устанавливать последовательную смену археологических культур на определенной территории. Без знания этих культур мы лишены возможности создавать какие бы то ни было исторические реконструкции, а данные археологии являются одним из важнейших, если не важнейшим источником по истории древнего общества. Но весьма сложным является определение соотношения археологической культуры с конкретным этносом и его культурой. Эта задача, несомненно, трудная, однако она в целом ряде случаев выполнима, ибо «в пределах этих широких археологических категорий можно выделить такие особенности той или иной локальной группы населения, которые характеризуют эту группу как этническую (особенности быта, одежды, жилища, утвари, орудий труда, орнамент, детали погребального обряда и т.д.)», – пишет А. Д. Удальцов.

Большую помощь при этом может оказать ретроспективный метод, благодаря которому нередко удается установить наличие или, наоборот, отсутствие генетической связи между определенным этносом и соответствующей археологической культурой прошлого, наличие или отсутствие прерывности или непрерывности в развитии культуры¹⁸.

Из сказанного видно, насколько важно при исследовании этногенеза изучение соотношения этнографического комплекса и языка, археологической культуры и народа, ее носителя. Однако, при всей важности археологических материалов, они сами, без сочетания с другими видами источников, не могут решить проблему этногенеза. Мертвые,

---

¹⁸ Удальцов А. Д. Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза. // Тезисы докладов..., подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований. – М. 1951, с. 7 – 8.

немые вещественные памятники не позволяют решить вопрос об этнической принадлежности их носителей. Ни погребения, ни керамика, ни другие виды материальной культуры, выявляемые археологами, не говорят ничего о том, на каком языке общались их создатели. Известно также, что одна и та же материальная культура является нередко одинаковым достоянием совершенно различных по языку и происхождению народов (например, современные мадьяры и соседние с ними славянские народы, осетины и, скажем, кабардинцы и др.), и, наоборот, отдельные географические группы одной и той же народности обнаруживают довольно резкие культурные различия между собой (например, северо-западные и восточные башкиры).

Перейдем к характеристике данных антропологии. Значение антропологического материала для изучения этногенеза «возрастает по мере увеличения древности рассматриваемых этногенетических процессов»¹⁹. «В настоящее время, – писал В. Бунак, – не существует сомнений в том, что антропологические факты составляют необходимое, иногда решающее звено в разрешении этногенетических проблем»²⁰. М. Г. Левин также указывал: «Антропологический тип народа всегда связан с его историей. Формирование, распространение, смешение антропологических типов есть следствие исторических процессов. Изменение территории распространения того или иного типа, изменение антропологического состава населения всегда отражает переселения и смешения конкретных племен и народностей, то есть процессы этнической истории. Антропологический тип населения той или иной территории может сохраняться в течение длительных эпох, на протяжении которых уровень развития, культурный облик и даже язык этого населения неузнаваемо изменяются. Поэтому в ряде случаев только антропологические материалы могут засвидетельствовать наличие или отсутствие миграций в прошлом. Проследивая распределение антропологических типов в составе различных современных этнических групп, сопоставляя их, при наличии палеантропологических материалов, с антропологическими типами предшествующих эпох и учитывая закономерность в изменчивости антропологических признаков во времени, антрополог с достаточной определенностью часто отвечает на такие вопросы истории народа, на которые данные других дисциплин бессильны дать ответ (автохтонное или пришлое происхождение группы, направление имевших место переселений, характер смешения различных популяций и др.)»²¹. При всем этом, однако, нельзя упускать из виду, что «для разработки проблем этногенеза основное значение имеет генеалогическая классификация, в которой типы группируются не по сходству, а по родству»²².

Вместе с тем трудно провести четкие границы этнических и антропологических взаимоотношений. Не существует каких-либо раз и навсегда данных отношений между ними, ибо эти отношения складываются неодинаково в зависимости от развития хозяйства и культуры, роста количества населения, размеров занимаемой территории и т.д. Изменения антропологических признаков происходят несравненно более медленными темпами, чем изменения этнической общности. Формирование антропологических типов связано с историко-этнографической областью²³, их расселение и смешение – следствие исторических процессов. Язык и культура могут распространяться и независимо от распространения антропологических типов, но последние никогда не распространяются без языка и культуры. Соотношение языковой и антропологической общности в разных случаях различно, что объясняется хотя бы тем, что язык может формироваться как путем

¹⁹ Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза (Тезис 5). // Тезисы докладов.... – М. 1951.

²⁰ Бунак В. В. Этнографические группы и антропологические типы. // Тезисы докладов... (Тезис 1).

²¹ Левин М. Г. Этнографические и антропологические материалы как исторический источник. (К методологии изучения истории бесписьменных народов). Доклад на VI МКАЭН в Париже // СЭ. 1961, № 1, с. 26.

²² Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А. Указ. соч. с. 10.

²³ Там же. с. 8.

распада общего языка – основы, так и путем длительных контактов соответствующих групп.

Антропологические материалы в сочетании с данными других наук дают возможность выяснить этнические элементы, из которых состоит данная группа, долю участия каждого элемента в ее образовании, а изучение древних костных останков помогает в установлении связи современных этнических групп с более ранними на определенной территории. С помощью антропологического изучения удастся определить те субстраты или «суперстраты», которые принимали участие в формировании отдельных народов. Особенно важную роль могут играть антропологические данные «в определении характера конкретных исторических явлений, обусловивших процесс распространения языка. На Северном Кавказе, например, кумыкский и ногайский языки одинаково входят в число тюркских языков. Однако, кумыки антропологически целиком связаны с соседними кавказскими народами и в их составе пока не удалось обнаружить сколько-нибудь определенных следов центрально-азиатских монголоидов, а у ногайцев монголоидные элементы выступают совершенно отчетливо. Ясно, что исторические условия формирования этих двух народов различны»²⁴.

Образование новых антропологических типов (или вариантов) всегда является отражением изменения этнического состава населения. Причем, как указывает В.В. Бунак, одним из путей возникновения новых антропологических типов является изменение круга брачных связей, которое неизбежно ведет к некоторой их перестройке.

Таким образом, подчеркивал Г.Ф. Дебец, вопрос соотношения антропологических, лингвистических и этнографических материалов является не предпосылкой, а задачей исследования. В целом все-таки совпадения антропологической классификации и историко-этнографической более определенные, чем совпадения антропологических типов с языками, ибо формирование антропологического типа, несомненно, больше связано с историко-культурной общностью, чем с языковым единством. Антропологи изучают происхождение населения определенной территории, его физический облик. О языке же и культуре, без которых не существует этноса, антропология мало что может дать.

Уже из сказанного вытекает значение этнографического материала для исследования вопросов этногенеза. Недаром эта проблема разрабатывается, в основном, все-таки этнографами, хотя она и не является их исключительной монополией. Этнограф, прежде всего, устанавливает характер и интенсивность культурных связей и близость между родственными народами, входящими в общую языковую семью, чтобы показать происхождение этой близости, учитывая при этом, что этнографическая близость народов не всегда совпадает с языковым единством, ибо родственные по языку народы этнографически могут быть и различными. Этнограф обращает главное свое внимание на устойчивые специфические черты материальной и духовной культуры изучаемого народа, которые в совокупности составляют веками складывающуюся этническую традицию или хозяйственно-культурный тип (например, типы народного жилища, его конструкция и планировка; некоторые элементы одежды, особенно женской; брак, в том числе термины родства, и т.д.)

Вот что пишут об этом **С. А. Токарев** и **Н. Н. Чебоксаров**: «Для вопросов этногенеза наибольший интерес представляет изучение именно тех культурных явлений, которые связаны со специфическими особенностями исторического развития в различных природных условиях или же с этнической традицией. К числу таких явлений принадлежат многие формы материальной и, отчасти, духовной культуры, как, например, типы хозяйственных орудий, поселений, жилища, средств передвижения, пищи, утвари, одежды, а также некоторые специфические черты обрядов и обычаев, верований и культа, народного изобразительного искусства и устного поэтического творчества. Используя

---

²⁴ Там же. с. 6 – 7.

данные этнографии при изучении этнических процессов, исследователь должен всегда четко различать культурно-бытовые сходства между отдельными народами, обусловленные общностью их происхождения, от таких аналогий, которые объясняются общеисторическими закономерностями, характерными для всего человечества, или же являются результатами позднейших связей»²⁵.

Однако следует иметь в виду, что один и тот же хозяйственно-культурный тип может быть свойственен народам отдаленных территорий, не связанным единством происхождения, и наоборот, родственные народы могут относиться к разным хозяйственно-культурным типам. Это «позволяет выделить крупные историко-этнографические области, в состав которых входят народы, живущие на смежных территориях и связанные общностью происхождения или последующего хозяйственного и культурного развития... Историко-этнографическим областям далекого прошлого в некоторых случаях могут соответствовать «культуры», выделяемые археологами»²⁶.

При исследовании этногенеза классификация по историко-этнографическим областям имеет гораздо большее значение, чем по хозяйственно-культурным типам. При этом следует учитывать, что географические границы историко-этнографических областей и населяющих эти области групп родственных народов обычно не совпадают, вероятно, в силу того, что культура претерпевает сравнительно быстрые изменения. «Наличие в пределах одной историко-этнографической области народов, говорящих на разных языках, указывает обычно, что некоторые из этих народов сложились вне рассматриваемой области и лишь впоследствии проникли в ее пределы, частично или полностью восприняв культуру местного коренного населения, но сохранив свой язык»²⁷.

Одним из важнейших вопросов этногенетического исследования является соотношение археологических и этнографических материалов из одной и той же или смежных территорий. Нередко только такое сопоставление помогает решить вопросы наличия или отсутствия миграций, преемственности культур, а следовательно и населения, этнической принадлежности археологических культур и др. Однако здесь исследователь должен соблюдать большую осторожность, ибо «сходство характерных форм материальной культуры (керамики, украшений и пр.) в пределах определенной археологической «культуры» отнюдь не всегда означает, что носители этой культуры представляли этническое единство»²⁸.

Некоторые зарубежные ученые относятся с большим недоверием к подобного рода сопоставлениям, особенно когда речь идет об аналогиях между древнейшими археологическими и современными этнографическими материалами. Так, по мнению французского археолога и этнографа **А. Леруа-Гурана**, мы ничего не знаем о палеолитических обрядах. Ошибочно, по его мнению, проводить аналогии между искусством людей верхнего палеолита и искусством современных австралийцев, бушменов и других народов. Он отрицает этнографическую интерпретацию археологических фактов, не находит положительных доказательств существования магии или тотемизма в палеолите. Отдавая должное его научной осторожности, нельзя не заметить излишнего скептицизма автора, отвергающего всякие этнографические аналогии, подвергающего сомнению почти весь сравнительный этнографический материал.

Этнографы широко привлекают к исследованию этногенеза языковой, в частности, топонимический и этнодинамический материал, а также фольклорные данные, прежде всего то, что думает народ о своем происхождении, то есть этногенетические предания,

---

²⁵Токарев С. А. и Чебоксаров Н. Н. Методология этногенетических исследований на материале этнографии...(Тезис 9) //Тезисы докладов и выступлений ...подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований. – М. 1951, с. 2 – 3.

²⁶Там же.

²⁷Там же. Тезис 10.

²⁸Там же. Тезис 13.

которые, если отделить от них мифолого-фантастические мотивы и позднейшие наслоения, нередко содержат то или иное рациональное зерно.

Материалы народного искусства – изобразительного, музыкального и других тоже могут представить нам очень много ценного для изучения этногенеза. При этом всегда надо считаться с тем, что народное искусство почти никогда не является однородным. В частности, мало выявить бытующие типы народного искусства. Необходимо еще решить вопрос об этнической среде и времени их возникновения, а также дальнейшего развития и распространения. «При этом может оказаться, что различимые в настоящее время типы восходят к единой основе и представляют собой не что иное, как результат расхождения, отражающий исторические судьбы носителей этих типов»²⁹.

Как мы видим, из всех видов источников одним из наиболее важных для этногенетических исследований являются собственно этнографические материалы, без привлечения которых ни один другой материал не дает возможности до конца разрешить проблему этногенеза. Это и понятно, ибо этногенез народа по преимуществу сводится к выяснению происхождения и развития того этнокультурного облика, которым в первую очередь характеризуется каждый народ.

Особенно важным из собственно этнографических источников по этногенезу являются материалы родоплеменного состава (генеонимика), материальной и духовной культуры народа.

Как известно, одни и те же племенные и родовые названия иногда встречаются на очень большой и разноязычной территории, повторяются у разных народов. Эта одноименность и повторяемость родоплеменных делений хотя бы отчасти может свидетельствовать о том, что в состав данных народов в свое время вошли одни и те же этнические компоненты, ибо многие из родоплеменных групп по существу оказываются остатками целых племен и народностей, свидетельствуя тем самым о смешанном происхождении данного народа. Однако применение генеонимического метода может быть плодотворным в основном только при изучении этногенеза народов, от которых сохранились в живом быту (или же в письменных источниках) хотя бы пережитки родоплеменного строя. Общность же тотемических названий родов ничего не объясняет нам по вопросу этногенеза, ибо одинаковые тотемные родовые имена встречаются у самых отдаленных народов, не имеющих ничего общего по своему происхождению,

Самым ценным видом этнографических источников по проблеме происхождения народов являются памятники духовной и, особенно, материальной культуры, если только исследователь имеет возможность определить точные научные критерии, «позволяющие приписывать сходным культурным формам у разных народов общее или независимое происхождение»³⁰. С неперенным учетом возможности самостоятельного развития параллельных и сходных форм, метод анализа традиционного культурного комплекса является одним из важнейших для решения проблем этногенеза; особенно он может быть плодотворным при изучении народов, сохранивших архаический хозяйственно-культурный уклад.

Итак, источники исследования этногенеза многообразны, все они необходимы, но не все они равноценны. Например, сравнительно меньше обычно дают для этногенетических исследований письменные источники, хотя сбрасывать их со счета не приходится. Ценным является установление генетической связи названий современного и древнего народов. Антропология посредством своих средств анализа показывает нам физический состав населения изучаемой страны, элементы, из которых в процессе миграций и смешений сложился антропологический тип народности, но это еще далеко не этногенез. Археологические исследования представляют возможность судить о наличии или

²⁹ **Иванов С. В.** Материалы изобразительного искусства к проблеме культурно-исторических связей хантов и манси. // Тезисы докладов, подготовленных... к совещанию по методологии этногенетических исследований. – М. 1951.

³⁰ **Токарев С. А.** К постановке проблем этногенеза // СЭ. 1949, № 3, с. 31.

отсутствии культурной преемственности на данной территории, однако археологическая культура – это еще не весь народ. Разумеется, исключительно важными являются данные языка, но происхождение народа не сводится целиком к происхождению его языка, причем границы последнего не всегда совпадают с этническими и т.п. Отдельные этнографы, склонные к некоторому преувеличению возможностей своей науки, считают этнографический материал едва ли не самым решающим при исследовании этногенетических проблем. «Этнография и только этнография, как наука, изучающая этнические особенности отдельных народов, способна дать наиболее полное и исчерпывающее решение проблемы этногенеза каждого данного народа. Но она может дать такое решение не в отрыве от других упомянутых выше наук, ибо такие попытки неизбежно приводят к отрыву культуры от народа, чем грешила гребнерианская школа, – а непременно в тесном сотрудничестве с ними»³¹.

II. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА АБХАЗОВ

Существующие взгляды об этногенезе абхазов условно можно разбить на три-четыре группы; сторонников южного (малоазийского), северного (северокавказского), местного (автохтонного) и автохтонно-миграционного происхождения коренного населения Абхазии. Несомненно, – и об этом у нас еще будет речь впереди, – каждая из этих точек зрения заслуживает внимания, но ни одна из них сама по себе не решает проблемы полностью.

Почти у всех авторов, писавших об этом предмете, имеются материалы или высказывания в пользу каждого из названных направлений. К сожалению, это не дает возможности положить в основу моего изложения проблемно-тематический принцип, и свой обзор истории изучения этногенеза абхазов я вынужден построить в основном в хронологическом порядке по авторам.

* * *

Академик **Н. Я. Марр**, едва ли не первым выдвинувший этногенез абхазов как научную проблему, проявлял большой интерес к изучению языка, истории и этнографии абхазов, «абхазской живой старины». Многие положения его абхазоведных работ прочно вошли в науку, не лишены так же интереса его остроумные догадки, гипотезы, высказывания.

Вместе с тем нужно различать ценные исследования Н.Я. Марра, написанные на основе тщательного изучения конкретных материалов в период его кавказоведной ориентации, от тех работ, которые были им созданы после 1924 года, когда он слишком увлекся общелингвистической (яфетидологической) теорией, созданием своего «действительно нового и по идеологии и по технике учения» о языке³². В этот последний период своей деятельности Н. Я. Марр не особенно стал считаться с фактами, допускал вольности в обращении с ними в угоду своей теории, увлекся туманным палеонтологическим четырехэлементным анализом, дологическим (мифологическим) мышлением, бесконечными смешениями народов и их культур, ведущей ролью в глоттогоническом процессе скрещений языков, стадийным их развитием путем взрывов и т. д. И ему хотелось, чтобы созданная по его инициативе Академия абхазского языка и литературы была бы «не только... приятной подругой, как бы личным другом, но и верной союзницей нового учения об языке»³³.

---

³¹ Там же. с. 36.

³² Марр Н. Я. Постановка учения об языке в мировом масштабе. // Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. – М – Л. 1938, с. 353.

³³ Марр Н. Я. Указ. соч. с. 348.

Особенно много неприемлемых положений содержатся в таких работах Н. Я. Марра, как «Термины из абхазско-русских этнических связей», «Абхазоведение и абхазы», «Русское «человек» и абхазское «ауаҭ», «Абхазский аналитический алфавит», «Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык» и других, в которых он почти перестал держаться фактов, отбросил историко-сравнительный метод, отказался от своих прежних работ.

Так, в 1928 году, утверждая коренной поворот в постановке изучения абхазского языка, Н. Я. Марр писал: «Если бы меня спросили, какую работу я рекомендовал бы из печатных для ознакомления с общим ныне положением лингвистического изучения абхазского языка, то я совершенно правильно мог бы ответить «никакую». Не мог бы я теперь рекомендовать в этих целях не только первой работы «К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических», но и центрального вводного обобщения «Кавказоведение и абхазский язык»³⁴.

Для Н. Я. Марра характерно преувеличение роли внешних факторов, заимствований, этнических вторжений, всеобщих безграничных скрещений. Он исходил из положения, что нет «яфетического языка, не представляющего скрещения одного и того же сложного состава», что, «где улавливаем одно какое-либо яфетическое племя, там обязательно присутствие всех остальных»³⁵. Он считал элементарной мыслью о том, что «до скрещения собственно и не было человеческого племени». Подчеркивая, что из этой аксиомы приходится исходить, Н. Я. Марр говорил: «народ бывает всегда скрещенным»³⁶, а доисторическая общественность – это племенная общественность, причем в этой древнейшей общественности находил производственно-классовые объединения, представляющие якобы картину резкого расслоения в творчестве культурных ценностей.

У Н. Я. Марра к племенному названию восходит едва ли не любое слово в любом языке. Согласно его палеонтологии речи, слово «человек», например, на всех языках – это племенное название. Племенные названия непосредственно означали человека данного племени. «И если, – писал он, – мы имеем в абхазском ауаҭ составной термин «человек», то существовало, следовательно, племя с таким составным названием, причем каждое из входящих в его состав простых слов также являлось племенным названием и как нарицательное слово, также могло обозначать и обозначало «человека»³⁷.

Н. Я. Марр высказывал противоположные взгляды о древности абхазского языка, о степени его развития. В одно время (1912 г.) он говорил о «роковом» значении для правильного понимания абхазского языка предвзятой точки зрения о том, что в абхазском мы имеем язык в первобытном, «младенческом» состоянии и утверждал, что «в общем абхазский обнаруживает крайнюю степень развития»³⁸. А в 1926 – 1928 годах он уже писал, что «во многих случаях Чарая был прав, считая абхазский древнейшим, чем грузинский и более близко сродные»³⁹, что, по сравнению с грузинским, абхазский язык является «более архаичным не только по общему строю и формальной типологии, но и по состоянию его материальных данных»⁴⁰, что абхазский язык мы застаем «на исключительно древней стадии развития»⁴¹.

Менялись взгляды Н. Я. Марра и по вопросу этногенеза абхазов. Сперва он придерживался теории общего миграционного движения «яфетидов», то есть всех нынешних коренных кавказских народов с малоазийского юга на север, к Кавказу, а впоследствии, резко изменив свою точку зрения, наоборот, уже утверждал об их приходе на юг с севера. Вместе с тем, у него одним из главнейших является тезис о том, что абхазы

---

³⁴ Там же. с. 351.

³⁵ Там же. с. 193.

³⁶ Там же. с. 172.

³⁷ Там же. с. 316.

³⁸ Там же. с. 2.

³⁹ Там же. с. 298.

⁴⁰ Там же. с. 313.

⁴¹ Там же. с. 381.

(как, впрочем, и всякий другой народ) представляют собой языково и этнически смешанный, гибридный тип, образовавшийся из сложного скрещения самых различных по своей этнической принадлежности, а также по месту и времени формирования этнических групп, неоднократно сменявших друг друга на территории Абхазии.

Остановимся немного на аргументации автора. Ставя вопрос, где родился народ и отрицая существование прародины, Н.Я. Марр на передний план выдвигал миграции и скрещения племен и народов в различные эпохи и в разных местах. Он писал: «Доисторический человек абсолютно не оседл. Процесс возникновения племени, тем более образование народа, это длительный акт нарастания все новых и новых сматывавшихся в один клубок слоев не только в различные эпохи, но и различных местах. Искать прародину народа в одном пункте – это искать то, что не потеряно» (этому противоречит его же утверждение о том, что абхазский язык «происходит с далекого ...юга», имея в виду М. Азию)⁴², утверждал, что как в языковом, так и в этническом отношении в лице абхазов мы имеем скрещенный, причем многослойный племенной тип, «включающий в себя прежде всего рядом с басками, этрусский слой, не исключая, конечно элементов или слоев отложений от иберского, скифского, сарматского и других яфетических языков»⁴³. Абхазский язык, насколько он представляет яфетическую ветвь, – писал он в 1912 году, – «не только происходит с далекого от нынешней Абхазии юга, но и сложился еще там в сложный тип яфетического языка, в котором отложились особенности различных яфетических групп»⁴⁴.

В других своих дореволюционных трудах он развивал дальше точку зрения «всеобщего миграционного движения яфетических племен с юга на север», на Кавказ⁴⁵. С особенной четкостью эта мысль изложена в работе «Кавказоведение и абхазский язык» (1916 г.). Многочисленные яфетические народы и их языки рассматривались им не как результат автохтонного развития, а как «вклад постепенного оттеснения ветвями (если не всей семьей) на Кавказ, с незапамятной и для древней Европы эпохи, народов древнейшего культурного мира на юге, в пределах Ассирии-Вавилонии и Месопотамии и прилегающих к ним с севера и запада в Малой Азии странах. Здесь и жили первоначально в непосредственном соседстве с родственными семитическими просвещенными народами и в общении также с родственными хамитическими просвещенными народами яфетические народы, создатели древнейшей в мире культуры...»⁴⁶. На культурной прародине яфетических народов появляются потом ариоевропейские племена, разобщившие семью семитских и хамитических языков, оттеснив главную массу ее членов в пределы Кавказа, а некоторых из них заставив выселиться далеко на Запад (предполагается, что это были этруски, обладавшие письменностью яфетического происхождения)⁴⁷.

Абхазов Н. Я. Марр относил «если не к чисто яфетическим, то бесспорно яфетидоидным народам». Однако и в том и в другом случаях, по его словам, «в лице абхазов перед нами этнически мешанный тип, в котором слились племена по крайней мере «двух различных народов»⁴⁸, – как он писал в работе о религиозных верованиях абхазов.

Таким образом, современных абхазов Н. Я. Марр характеризовал как народ смешанного происхождения, представляя его результатом смешения пришлого яфетического племени с местным населением. Говоря о том, что яфетические языки в наличном виде отнюдь не представляют чистых типов, он писал: «Абхазский язык также

---

⁴² Там же. с. 170.

⁴³ Там же. с. 193.

⁴⁴ Там же. с. 33.

⁴⁵ Там же. с. 67.

⁴⁶ Там же. с. 136.

⁴⁷ Там же. с. 2.

⁴⁸ Там же. с. 98.

представляет мешаный тип, в составе которого рядом с яфетическим органическим слоем, вкладом и спирантной и сибилантной ветвей, отложился слой не поддающегося пока определению языка, по всем видимостям «северного племени»⁴⁹. Абхазы-яфетиды, в числе прочих ближайших родственных племен (черкесы), жившие первоначально на юге в пределах архаичного культурного мира, близ его центра (если не в его центре), появились на месте нынешнего обитания не в порядке сепаратного, одинокого передвижения, а в системе общего переселения многочисленных яфетических народов и племен за много сотен лет до н. э., со времени великого распада яфетическо-семитического мира, когда стали появляться в Передней Азии ариоевропейцы.

Вместе с тем Н. Я. Марр допускал возможность родства египетского языка с абхазским. «Теоретически, – писал он, – родство египетского с абхазским может не подлежать сомнению, однако родство это фактически обосновывается более по тому положению, что египетский имеет много общего с яфетическими языками, в семью которых входит и абхазский, чем по линии исключительного родства египетского языка именно с абхазским»⁵⁰. В 1924 году он уже говорил, что «абхазы... переплетались с этрусками в пределах именно своего территориального распространения»⁵¹, находил он в Абхазии и норманские следы, например, в абхазском наименовании села Лдзаа у Пицунды (Лдзаа), которое он интерпретировал как все то же племенное название, т.е. как название некоего народа, двойника норманюов, говоря, что в абхазском названии этого села отложилось имя племени lud-ы или luz-ы как лузы – доисторическое население Лузитании, т.е. этруски»⁵². Он считал, что основа «тырчей» абхазского слова «атырчей», означающего бег на лошади во время поминок, восходит к прототипу египетского названия этрусков *tursha* – *tursha*, а в полном виде, по его же мнению, это одновременно архетип также средиземноморской основы, отложившейся в латинском *tyrh-en-us*⁵³.

Н. Я. Марр говорил о процессе этнического, а с ним лингвистического скрещения, которое могло, по его мнению, произойти в пределах Абхазии, куда «различные яфетические племена притекали все новыми переселенческими волнами, осложняя один первичный, яфетический слой другим, вторичным и третичным», или это могло произойти на яфетической первородине, а, может быть, и на более древнем этапе миграционного движения⁵⁴. Он пытался установить и конкретные генетические связи абхазов. На основе изучения термина «абхаз» он производил абхазов от яфетидов-месхов (мосхов) и утверждал, что мосхи в абхазах, народе мешаного происхождения, входили преимущественно в состав знати, составляли дворянство⁵⁵. Так, абхазское «аамста» – «дворянин» представлялся ему этническим термином, основа которого тождественна со словом «месх»⁵⁶. Эти месхи, считал он, дали тогдашнему населению Абхазии не только дворянство, но и общее их национальное самоназвание (апсуа)⁵⁷.

Хотя, – говорил Н. Я. Марр, – абхазы впервые упоминаются Аррианом в форме «абаск», а несколько раньше у Страбона встречаются «зиги», т.е. «зихи», ныне в основном «адыги», которые и лингвистически, и по происхождению самого названия находятся в тесной связи с абхазами, но это не значит, – писал он, – что до этого их в Абхазии не было. Со II в. пределы политического господства абхазов расширяются, они получили здесь политическое возобладание. В первую очередь они вытесняют эниохов⁵⁸, а к VIII в. абхазское царство достигает почти пределов распространения господства древних

---

⁴⁹ Там же. с. 98.

⁵⁰ Там же. с. 124.

⁵¹ Там же. с. 185.

⁵² Там же. с. 177 – 178.

⁵³ Там же. с. 204.

⁵⁴ Там же. с. 71.

⁵⁵ Там же. с. 68.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. с. 64.

эниохов, «абхазы тогда соперничают на юге с армянским царством в пределах Ширака, но этнически их в этом царстве вскоре сменяют карты, или картвелы, т.е. грузины»⁵⁹.

Настроенный в пользу сложности этнического состава и привнесенной «мешаности» типа языка, вселявшегося впервые в пределы Абхазии яфетического народа⁶⁰, Н. Я. Марр утверждал, что абхазам в их стране предшествовал другой народ, а именно **ṭan'ы**. В доказательство этого он приводит, в частности, абхазское предание о карликовом племени «ацанов» (ацан), считая это предание отражающим этническую смену населения Абхазии, а именно, гениохов (чано-санов) абхазами в течение II – V вв. н. э.

Но вряд ли гениохов можно отождествлять с легендарным карликовым племенем абхазского высокогорья – ацанов, первейших, согласно преданию, насельников Абхазии, нерасторжимыми узами связанных с нартами, а начало нартов никак нельзя относить ко II-V вв. н. э., ибо нартский эпос, которого Н. Я. Марр, как ни странно, почти не заметил, отражает значительно более раннюю ступень развития.

В соответствии с положением о гибридном составе абхазского этноса, смешении местного населения с пришлыми завоевателями, находятся частично и другие марровские толкования некоторых фактов абхазского фольклора и этимологии отдельных древнеабхазских терминов социально-культурного содержания.

Так, о термине «дворянин», представляющем, по Марру, остаток слоя иноземных завоевателей, уже говорилось. Кроме того, название абхазского божества Айтар сопоставляется им с итало-альпийским, сарматским, этрусским божествами, Нептуном и др. Для него было характерно и увлечение скифами, преувеличение их роли в этническом развитии не только Северного, но и Южного Кавказа. Он причислял к скифским племенам и колхов, в среду которых проникли впоследствии предки абхазов. «Абхазы своим внедрением на восточное Черноморское побережье разорвали... цепь сплошной массы населения с скифской речью и сменили колхов, двойников скифов»⁶¹.

Н. Я. Марр отождествлял с названием скифов, которые себя именовали скелотами, племенное название «колх». Он считал, что скифы «первоначально соседнили с юга непосредственно со скифскими же племенами, колотами, или колхами», говорившими на языках или наречиях шипящей группы.

Следовательно, по Н. Я. Марру, мегрело-чаны и скифы языково принадлежали к одной шипящей группе. Скифы и колхи одинаковые по сути скифские племена, а абхазы, по его словам, не могут быть в общем и целом отнесены к этим народам с шипящей речью, несмотря на присутствие в абхазской речи элементов шипящей группы. И в то же время он доказывал, что этногенез абхазов ведет к северу, все к тем же скифам.

Вот как формулирует сам Н. Я. Марр свою точку зрения: «И вот в эту иберо- или киммеро-скифскую, или что то же, тамо-скифскую этническую массу мы видим заброшенным племенное образование абхазское, с сарматским по речи слою в составе, в Закавказье, представляющее и по местоположению в западной его части не менее исключительное, одинокое явление, чем по архаизму и по резко выраженной двуприродности строя своей речи, абхазской речи...»⁶². Абхазский язык «сложился, по всей видимости, в основных своих слоях на Северном Кавказе»⁶³.

В архетипе этнического самоназвания абхазов (апсуа), Н.Я. Марр видел скрещение двух (скифо-берских) племенных названий⁶⁴, а хорошо известное в русской истории племенное название абхазов «обезы», также характеризовал как скифо-кимерскую гибридную форму⁶⁵, хотя в другом месте приведенное национальное название абхазов,

---

⁵⁹ Там же. с. 70.

⁶⁰ Там же. с. 70.

⁶¹ Там же. с. 329.

⁶² Там же. с. 246.

⁶³ Там же. с. 247.

⁶⁴ Там же. с. 220.

⁶⁵ Там же. с. 226.

собственно основу «пс», с его двойником «пшь» в глаголе «апшра» – «смотреть» он возводил к слову «глаз», первично «солнце», равно «небо» и т.д.⁶⁶.

Таким образом, главное во взглядах акад. Н. Я. Марра на проблему этногенеза народов Кавказа сводится в целом к тому, что если и пришли с севера или скорее с юга далекие предки кавказских горских народов – абхазов, черкесов, дагестанцев, чеченцев и других, то это было в эпоху глубокой доисторической древности, а с тех пор они непрерывно занимали сплошной полосой Кавказские горы, а также южные и северные их склоны от Черного моря до Каспийского, пока позднее не вклинились в их родственную среду древнегрузинские, аланские, тюркские и другие племена. Вот как он сам писал об этом в своей работе «Кавказоведение и абхазский язык»: «Черкесы или адыги еще сохранили с абхазами в речи близкое сравнительно родство, оба они, с одной стороны, и горские языки Восточного Кавказа, с другой – значительно разошлись. **Лингвистически сейчас уже устанавливается, что названные народы и племена занимали непрерывно всю горную полосу от Черного моря до Каспийского, распространяясь на юг и север от хребта. Не только карачайцы-турки и осетины или ираны-арийцы, но и грузины яфетиды в этой полосе новые сравнительно с горцами обитатели. Позднейшие победители иранцы, карачайцы, грузины занимали именно главные проходы хребта и прилегающие к ним районы, и тем, сделав брешь в непрерывной ближайшей цепи родственных племен, разобщили абхазо-черкесскую группу от чеченских и лезгинских народов и племен**»⁶⁷.

Что касается абхазских племен, то они, по мнению Н.Я. Марра, некогда занимали значительную территорию в западной части Закавказья – от этнических границ с адыгскими племенами на Черном море до Сванетии. Это он доказывал, в частности, тем, что основа «бас», «пас» термина «абхаз» сохранена в названии речки Пашьгуашь в Сванетии. «В этом термине, – писал Н. Я. Марр в «своей истории термина «абхаз» gwa – диалектическая разновидность абхазского показателя множественности – gwa, и в этом факте одно из драгоценных свидетельств того, что именно абхазы, точнее вошедшие в их состав яфетиды, первоначально были оседлы в Свании». В то же время он допускал, что название села Илор в южной Абхазии является переживанием господства сванов в этом крае⁶⁸.

Мы видим, что в научном наследии Н. Я. Марра Абхазия и ее коренное население занимают очень большое место. Он касался многих важнейших вопросов языка и истории абхазов, в том числе их этногенеза, социально-политической истории, религиозных верований, ономастики и т.д.

Н. Я. Марр не занимался специально разработкой общей или частной теории этногенеза. Тем не менее в разной связи он неоднократно обращался к проблемам происхождения многих народов, в том числе абхазов и выдвигал по ним важные положения и гипотезы, нередко противоречивые, но, как правило, остроумные и интересные, отражающие огромную эрудицию их автора.

Занимаясь этногенезом абхазов как бы попутно, он все же внес существенный вклад в эту проблему не только постановкой вопроса, но и привлечением разнообразных материалов (прежде всего языковых и др.), а также исследованием вопросов культурно-исторических связей абхазского народа,

Как мы видели, он отрицал существование прародины и на передний план выдвигал миграции и скрещения языков, племен и народов .

Ученый считал относительным и понятие аборигенности. Разумеется, он знал (и писал об этом), что абхазы представляют собой древних жителей своей страны, но, согласно его концепции и такая древность ограничена определенными временными рамками. В этом аспекте следует понимать его утверждение о том, что «абхамам в их

---

⁶⁶ Там же. с. 381.

⁶⁷ Там же. с. 148.

⁶⁸ Там же. с. 122 – 123.

стране предшествовал другой народ». Н. Я. Марр думал, что абхазы, как и родственные им кавказские народы, первоначально жили на юге в пределах архаичного культурного мира и появились на месте нынешнего обитания не в порядке одноактного передвижения, а в процессе общего переселения многочисленных яфетических племен за много сотен лет до н.э., то есть со времени великого распада яфетически-семитического культурного мира, когда стали появляться в Передней Азии арио-европейцы.

Основными в марровской теории этногенеза абхазов являются два положения – о смешанном, гибридном типе абхазского языка и абхазского этноса и о приходе древнеабхазских племен в Абхазию с относительно далекого юга или, наоборот, с севера. («В лице абхазов, – писал он, – перед нами этнически мешаный тип, в котором слились племена по крайней мере двух различных народов»). Н. Я. Марр опирался в основном только на данные языка, но даже в отношении языка сам признавал, что слой иноземного языка (возможно «северного племени»), отложившийся в абхазском, «пока определению не поддается». И все это при неоспоримой непрерывности культурного развития с древнейших времен, устанавливаемой археологическим изучением края, что было бы необъяснимо, если бы имели место неоднократные резкие смены населения и смешение пришлых и местных племен («различные яфетические племена притекали все новыми и новыми переселенческими волнами»).

Вообще удивительным представляется изменчивость взглядов и свободный полет мысли Н. Я. Марра. Он говорил то о скифском или северном происхождении абхазов, как и других кавказских горских племен (абхазский язык «сложился, по всей видимости, в основных своих слоях на Северном Кавказе»), о том, что «названные народы и племена занимали непрерывно всю горную полосу от Черного моря до Каспийского», пока картвельские, иранские и тюркские народы не разобщили абхазо-черкесскую группу от чеченских и лезгинских, то он писал, что абхазский язык «происходит с далекого от нынешней Абхазии юга, что он «и сложился еще там в сложный тип яфетического языка», развивал теорию «всеобщего миграционного движения яфетических племен с юга на север». Ему принадлежит, в частности, и утверждение о том, что абхазы имели несомненно народное распространение на юге до р. Чорохи, которая некогда называлась Абсаром – разновидностью названия абхазов (апсуа). Абхазскими по происхождению он считал и названия гурийской реки Супсы и западногрузинского города Кутаиси (Кутатиси), в основе имени которого находил абхазское слово «кута» – поселок, селение и др.⁶⁹

* * *

Взгляды, сходные в ряде отношений с марровскими, развивались и некоторыми другими авторами. Так, **И. А. Джавахишвили** одно время также склонялся к тому, что не только абхазские, но и грузинские племена появились в Закавказье с севера. Он писал: «Не явились ли они (то есть грузинские племена – Ш.И.) в Закавказье с севера также, как абхазские племена, именно этим путем, по-видимому, появившиеся в Закавказье»⁷⁰. Но в целом он, а также **С. Н. Джанашия**⁷¹ придерживались гипотезы о продвижении в далеком прошлом предков абхазо-адыгской этнической группы, как и грузинской, с юга на север. Они, в частности, утверждали, что ряд топонимических названий Западной Грузии получает свое объяснение лишь на основе северокавказских языков. По словам И.А. Джавахишвили, в «историческую эпоху адыгейские племена должны были жить в пределах Западного Закавказья».

---

⁶⁹ Там же. с. 179.

⁷⁰ **Джавахишвили И. А.** Введение в историю грузинского народа. Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Книга первая.// Тбилиси. 1950, с. 228 (на груз.яз).

⁷¹ **Его же.** Основные историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. //ВДИ. 1939, № 4; **Джанашия С.Н.** Черкесский [адыгейский] элемент в топонимике Грузии.//Сообщения Грузинского филиала АН СССР. – Тбилиси. 1940. Том 1, № 8.

Одним из первых абхазов, попытавшихся проследить в самом сжатом очерке историческую жизнь Абхазии, был **С. М. Ашхацава**. Им руководило желание содействовать устранению «самых диких» понятий об Абхазии и ее народе, который, по его словам, проделал «колоссальную культурную работу»⁷². В своем предисловии к цитированной его брошюре Н. Я. Марр отмечал: «Опыт исторического построения прошлых судеб Абхазии и ее государственного образования, предложенный в докладе С. М. Ашхацава на краеведческом съезде, помимо того, что резко и неустранимо выдвигает на первый план первоочередных работ вопрос о подлинно абхазском национальном периоде Абхазского царства, роли в нем абхазского языка и о взаимоотношениях иберов, абхазов и картвелов (грузин) и их языков в государственных образованиях иберском и грузинском, является хорошей сводкой имеющихся в литературе сведений материального и теоретического значения, доступной и неспециалистам»⁷³.

С. М. Ашхацава, пытаясь проследить пути истории Абхазии, исходил из того, что «Кавказ был всегда теснейшим образом связан с историей Ближнего Востока» и что «абхазы и черкесы представляют в прошлом одно большое целое как по сходству языка, так и культуры»⁷⁴.

Кавказ, как часть Передней Азии, читаем мы у него, искони жил с ней одной культурной жизнью. Их процветание и падение совпадают друг с другом и вызываются общими причинами. Это ярко выражается в археологических памятниках как в отношении общей кавказской культуры, так и в особенности в отношении южнокавказской⁷⁵, причем в историческом прошлом в основе культурной близости Закавказья и Передней Азии лежали этническая общность и единство. «Население Южного Кавказа – пишет он, – в начале железной эпохи принадлежало к одному народу, распадавшемуся на большое число племен. Самым древним из них является племя урартов, или «наири»⁷⁶, с которым «всецело связывается политическая сила Закавказья и всего Кавказа, его «наилучшее культурное процветание»⁷⁷. **Абхазы так же, как и другие жители Кавказа, особенно Закавказья, по мнению С. М. Ашхацава, составляют часть, ветвь урартов, или наири,** которых он характеризует как древнейших обитателей Кавказа, причем генетическая связь абхазов с наири «подкрепляет абхазская и общекавказская легенда о герое «Нарта»⁷⁸. Говоря об абхазо-грузинских связях, автор отмечает «громадное сходство» абхазского языка с грузинским как по структуре, так и по корню⁷⁹, причем, продолжает он, «абхазский язык, будучи в то же время родственным с черкесским языком, является объединяющим звеном для языков картских и адыгских групп»⁸⁰.

Однако концепция С. М. Ашхацава страдает существенными недостатками, связанными, главным образом, с известной идеализацией прошлого Абхазии и преувеличением культурно-политической роли абхазов в истории народов Кавказа. Без должного основания он утверждал, например, о том, что абхазы уже с начала христианской эры выступают как организованное государство и с ними считаются самые могущественные державы⁸¹, а их владения, вместе с владениями черкесов, в разное время простирались на север от р. Терека до Волги и Дона, а на запад по обе стороны Азовского моря и доходили до Крымских степей, причем к абхазским племенам причисляет убыхов

⁷² Ашхацава С. М. Пути развития абхазской истории. – Сухум. 1925, с. 5.

⁷³ Там же. с. 3.

⁷⁴ Там же. с. 12.

⁷⁵ Там же. с. 8.

⁷⁶ Там же. с. 9.

⁷⁷ Там же. с. 10.

⁷⁸ Там же. с. 32.

⁷⁹ Там же. с. 33.

⁸⁰ Там же. с. 8.

⁸¹ Там же. с. 11.

и некоторые черкесские народности (абадзехов, шапсугов и др.)⁸². Встречаются у него и другие неприемлемые утверждения⁸³. Например, не соответствует действительности, также, почти полное отождествление современных абхазов с черкесами, ибо эти народы хотя и родственны между собой, но давным-давно разошлись и пошли затем по пути самостоятельного этнического и культурного развития, как и то, что население Закавказья в начале эпохи железа, т.е. на рубеже II – I тысячелетий до н. э., было этнически однородным, ибо этническая дифференциация древнего населения Кавказа началась задолго до этого времени.

* * *

Большое место этногенезу родного народа уделил **Д. И. Гулиа** в своей «Истории Абхазии». Автор не без оснований писал во введении: «Этот труд, надеюсь, будет первым камнем, брошенным в спокойную гладь научного равнодушия и возбудит приток сил к разработке задач по истории культур и наций Кавказа»⁸⁴. История абхазов все еще оставалась настолько мало освещенной и искаженной, что Д. И. Гулиа вынужден был констатировать: «Ученые должны еще десятками лет работать, чтобы подойти, хотя бы немного, к истине».

Главная проблема гулиевской «Истории Абхазии» – это проблема этногенеза абхазов, а основной ее тезис, неоднократно повторяемый автором, сводится к африканскому происхождению древнеабхазских племен. Опираясь, по преимуществу, на языковые и фольклорные данные, которые, как казалось автору, «совпадают со сказаниями Геродота о выходе из Египта, вообще из Африки»⁸⁵, Д. И. Гулиа пишет, что «абхазы и их предки гениохи (иниохи) суть колхи, вышедшие из Египта и главным образом из Абиссинии»⁸⁶. Завоеватели Древнего Египта гиксосы, ввиду частых мятежей среди египтян «должны были часть египтян и эфиопов выселить в свою страну и на ее окраины в области смежные с Закавказьем... Потомками этих невольных переселенцев и могли явиться отчасти те колхи, египетское происхождение которых для Геродота стояло вне сомнения»⁸⁷. По его мнению, аборигенами восточного берега Черного моря были колхи. Затем племена колхов начинают именоваться гениохами («ибо гениохи суть те же колхи»), отнявшими господство у первых, вследствие чего название (а не народ) «колхи» исчезает с горизонта истории. Потом новые властители Колхиды, сбросив с себя данное им чужеземцами из-за их пиратского образа жизни прозвище гениохов-возничих (около н. э.), начинают носить особые, настоящие свои названия – «абазги», «абсилы» и др. Наконец, «один народ из этого племени, т.е. колхов», лазы, с помощью греков, получает здесь первенство, и Колхида начинает называться Лазикой (после н. э.). Далее это господство переходит к абазгам (абхагам), и страна, бывшая Колхида, впоследствии Лазика, начинает называться Абхазией, а позже, по соединению Абхазии и Грузии в одно царство, – Имеретией (после X века).

Д. И. Гулиа допускал также родство абхазов с семитами и хамитами, исходя из «родства языков семитических и яфетических». А. И. Грен задолго до него говорил о префиксах в абхазском языке, как о черте, указывающей на связь абхазско-черкесских языков с хамитическими. Дополняя его указанием на аналогичные явления в одном из хеттских языков, Д. И. Гулиа писал: «Если классовые префиксы существовали в древнем языке Малой Азии в XIV столетии до н. э., то можно, по нашему мнению, рассматривать не только митанийский, но и хаттский язык как мост между Египтом и Абхазией

---

⁸² Там же. с. 12.

⁸³ Там же. с. 37.

⁸⁴ Гулиа Д. И. История Абхазии. Том I. – Тифлис. 1925, с. 14.

⁸⁵ Там же. с. 12.

⁸⁶ Там же. с. 9.

⁸⁷ Там же. с. 13.

(Колхидой)»⁸⁸. Он находил даже возможным говорить, что абхазский язык по своей фонетике имеет сходство с языками отсталых племен Южной Африки – бушменов и готтентотов⁸⁹, что устанавливается «лингвистическая связь между абхазами и древними племенами Африки, посредствующим звеном между которыми являлись хетты»⁹⁰. Автор усматривал тождественную связь между названием «Абиссиния» (Абасия) и абхазским наименованием Абхазии – «Апсны», утверждая при этом, что формы «абхаз» и «Абхазия» совершенно несостоятельны и должны быть заменены правильным «абас» и «абасец», «Абасия»⁹¹.

Таковы основные положения книги Д. И. Гулиа. Нет особой нужды доказывать, что многие из них устарели и теперь уже имеют разве только историографический интерес. Вместе с тем, это большое научное исследование, первая наиболее серьезная попытка широкого освещения древней и средневековой истории Абхазии. Ряд идей и положений книги значительно обогатили абхазоведческую научную литературу. Особо следует отметить ее непреходящее значение благодаря содержащимся в ней богатейшим конкретным материалам – языковым, фольклорным и др.

* * *

Проблемой связи Кавказа с Ближним Востоком, в частности Египтом, был в свое время увлечен и крупный английский ученый-египтолог **Флиндерс Петри**, а именно в смысле не только взаимной связи, но и определенного приоритета Кавказа, на территории которого он искал следы древнейшей культуры. В своей вышедшей в 1926 году работе⁹², опираясь на соответствующие мифолого-топонимические сопоставления, он приходит к парадоксальному выводу о зарождении древнеегипетской мифологии на почве Кавказа⁹³.

Критически оценивая этот «вызов кавказоведению», брошенный английским ученым, И. И. Мещанинов указывал, что «если это оказалось верным и подтвердилось бы дальнейшими научными исследованиями египтологов и кавказоведов, то взгляд наш на Кавказ изменился бы коренным образом, и нам придется, в таком случае, смотреть на него, как на видный культурный центр, современный Египту»⁹⁴. Следует учитывать, предостерегал, однако, Мещанинов, что «географические названия часто в сходных формах всплывают в разных местах, не стесняясь расстоянием и, если мы видим колха у реки Фазиса-Риона, то этот же термин мы встречаем на карте Птолемея у Ванского озера»⁹⁵ и т.д.

* * *

По предположению немецкого ученого начала XX века **М. Кисслинга**, все Черноморское побережье Кавказа примерно до новой эры было заселено грузинскими племенами, так как, по его мнению, керкеты, ахейцы и гениохи были картвельского происхождения, в частности, лазы, переселившиеся будто бы около рубежа н.э. в центральные районы Колхиды, являлись керкетскими племенами. Но в 100 – 75 гг. до н.э. здесь произошли крупные передвижения племен, чем и объясняется разноречивость сообщений античных авторов об этническом составе и локализации народностей на указанной территории. Согласно утверждению М. Кисслинга, эти передвижения коренным образом изменили этнографическую карту всего кавказского Причерноморья; грузинский этнический состав сменился абхазо-адыгским. Абхазо-адыгские племена вторглись на побережье с двух сторон; джики явились из Прикубанья и заняли земли

---

⁸⁸ Там же. с. 20.

⁸⁹ Там же. с. 32.

⁹⁰ Там же. с. 34.

⁹¹ Там же. с. 95.

⁹² Petrie F.I. Origin of the Book of the Dead. 1926.

⁹³ Мещанинов И. И. Египет и Кавказ. – Баку. 1927, с.38.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. с. 41.

керкетов, а несколько позднее, во второй половине I в. н.э., абхазские племена – апсилы и абазги – пришли с севера по современной Военно-Грузинской дороге и заняли всю северную Колхиду, в том числе и территорию санигов, вплоть до Никопсии (древняя «Старая Лазика» современный Нечепсухо), то есть до юго-восточных пределов распространения джиков.⁹⁶ И только с тех пор все это побережье становится ареной исторической деятельности двух указанных народов – апсило-абазгов и джиков⁹⁷. Но все это на уровне предположений, так как ни проживание грузинских племен на всем Кавказском побережье, ни переселение абхазов с севера по Военно-Грузинской дороге в Абхазию в I в. и прочее другое никакими источниками не подтверждается.

* * *

Существует и «киммерийская» теория, представленная в некоторых ранних работах **Л. И. Лаврова**, который придерживался в одно время того мнения, что Северо-Западный Кавказ в доскифскую эпоху входил в территорию киммерийских кочевых племен, обитавших в древности и в Северном Причерноморье⁹⁸. Согласно сообщениям Геродота и других авторов, киммерийцы занимали земли Северного Причерноморья вплоть до Фракии, откуда были изгнаны скифами, с которыми, кстати, источники нечетко их разграничивают. Он считал, что не все киммерийцы были вытеснены скифами, часть из них, в том числе ахеи, зихи и другие, продолжали обитать на прежней территории. «Так как, – писал Лавров, – эти племена являются несомненными предками нынешних абхазов, абазин, адыгейцев и кабардинцев, то эти последние четыре народа имеют основания выводить свое происхождение от восточной части киммерийских племен»⁹⁹. Однако, по мнению подавляющего большинства современных ученых, киммерийцы – это обозначение не доскифского населения Северного Причерноморья, а лишь небольшой группы племен, вторгшихся в VIII в. до н.э. в Переднюю Азию и относящиеся к скифскому вернее иранскому этническому конгломерату. Более подробно об этом писала А. Л. Членова¹⁰⁰.

Когда-то некоторые ученые считали скифов племенами урало-алтайского корня, другие относили их к славянам, Н. Я. Марр усматривал тесную связь скифов с яфетическими народами Кавказа, а В. Ф. Миллер и другие создали принятую в настоящее время в науке теорию об их иранском происхождении. Г. Ф. Дебец подвергал сомнению этническое единство скифо-сарматских племен, считая, что в пользу этого предположения не существует ни одного серьезного аргумента¹⁰¹.

А вместе с тем в некоторых своих более поздних трудах Л. И. Лавров выступал, наоборот, сторонником южного происхождения абхазо-адыгской группы народов (см. ниже).

***

Вопросы происхождения и этнической истории народов Кавказа занимают особое место в фундаментальных научных исследованиях **Г. А. Меликишвили** – «Наири-

⁹⁶ **Kiessling.** *Hvioχοι* // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue bearbeitung* begonnen von Georg Wissowa. Fünftehnter Halbband. – Stuttgart. 1912, s. 258 – 280.

⁹⁷ **Мещанинов И. И.** Указ. соч. с. 41.

⁹⁸ Киммерийцы впервые упоминаются в Одиссее и у Каллина (VII в. до н.э.) применительно к племенам Северного Причерноморья, в частности, Керченского пролива («Босфор Киммерийский», ср. и топонимы значительно южнее – Гумм, Гумрика, армянское название Каппадокии Гамир и т.д.)

⁹⁹ **Лавров Л. И.** О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // *Сб. материалов по истории Кабарды.* – Нальчик. 1954, с. 198 – 199; **Его же.** О пути вторжения киммерийцев в Переднюю Азию // *СА.* 1965, № 3, с. 225

¹⁰⁰ **Членова Н. Л.** Оленные камни как исторический источник. – Новосибирск. 1984, с. 81 – 82.

¹⁰¹ **Дебец Г. Ф.** Палеоантропология СССР. – М – Л. 1948, с. 117 – 199.

Урарту», «К истории древней Грузии» и др. В них на основе использования первоисточников история Грузии и Абхазии рассматривается на широком фоне и в тесной связи с главнейшими событиями общекавказской и мировой истории.

Г. А. Меликишвили в ряде своих исследований в той или иной степени касается происхождения абхазо-адыгских племен. Собранные воедино его мысли и высказывания в совокупности позволяют нарисовать определенную концепцию, которая, правда, не всегда отличается достаточной четкостью и не лишена некоторых противоречий. Эту концепцию условно можно было бы назвать малоазийско-миграционно-джикской, а также, если говорить его же словами, концепцией «горной стихии», так как автор, вслед за Кисслингом, придает важное значение в процессе этногенеза проникновению горцев (северокавказских и др.) на Черноморское побережье в эллинистическую эпоху.

Г. А. Меликишвили везде подчеркивает связь народов Кавказа с народами Древнего Востока, прежде всего Малой Азии, где жили различные по своей этнической принадлежности племена, прежде всего протохетты, которые, по его словам, «стояли по языку близко к носителям современных горских кавказских (абхазо-адыгских и баббийско-кистинских) языков»¹⁰².

Иберийско-кавказские, в том числе абхазо-адыгские племена, являются древнейшими обитателями Закавказья и Северного Кавказа, что, однако, не исключает того, что когда-то, в глубокой древности, их предки могли переселиться на Кавказ откуда-то, скорее всего с юга¹⁰³. Он склоняется к тому, что первоначальная родина кавказских народов находилась, «конечно», где-то на юге, в Малой Азии, но с течением длительного времени они распространились на север, часть из них перевалила и через Кавказский хребет, а в эллинистическую эпоху наблюдается обратный процесс – движение абхазо-адыгских племен к побережью Черного моря. Однако, если в указанную эпоху и происходило проникновение апсилов, абазгов и других с севера на юг, в чем у него самого нет полной уверенности, то оно шло не по Военно-Грузинской, а скорее в том же направлении, в каком происходило движение джиков, то есть с северо-запада¹⁰⁴. В этом аспекте автор неоднократно говорит об абхазо-адыгских племенах, как о племенах северокавказского происхождения, причем и кашков, которые в XIII – XII вв. до н. э. находились в глубине Малой Азии¹⁰⁵, он почему-то причисляет к северокавказскому этническому миру.

Утверждая, что лазы являются древнейшими обитателями Западной Грузии, прямыми потомками колхов, принадлежащими к мегрело-чанской ветви картвельских племен, Г. А. Меликишвили признает вместе с тем, что на этой территории, наряду с грузинскими племенами, жили в древности и абхазо-адыгские племена¹⁰⁶, которые квалифицируются им в основном как горские племена, совершавшие часто нападения на население прибрежных районов. Натиск северокавказских горцев на прибрежную полосу Северной Колхиды, по его мнению, особенно усилился с падением местной государственности и установлением слабого господства Понтийского царства на рубеже новой эры. Ссылаясь на сообщения Страбона, он даже говорит о засилии горцев, о «стихии горцев», живших в условиях разлагавшегося родового строя¹⁰⁷.

Г. А. Меликишвили считает, что предками абхазо-адыгских племен являются джики – воинственное племя северокавказского происхождения. Под натиском джиков и других горцев в эллинистическую эпоху происходит вытеснение из прибрежной полосы древнего мирного оседлого населения – керкетов. В результате территория между Сухумом и Новороссийском подпадает под безраздельное господство воинственных горцев,

---

¹⁰² Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. – Тбилиси. 1959, с. 77 – 78.

¹⁰³ Там же. с. 97.

¹⁰⁴ Там же. с. 89.

¹⁰⁵ Там же. с. 89 – 90, 167 – 168.

¹⁰⁶ Там же. с. 66 – 69. В то же время Г. А. Меликишвили считает лазов пришедшими из области Луша.

¹⁰⁷ Там же. с. 364.

кочевников и пиратов – джиков, гениохов, ахейцев, зигов. Эти же горцы обрушились и на центральную Колхиду, вытеснив из ряда ее районов древнее местное (западногрузинское) население. Так оказались в прибрежной полосе в I в. н. э. саниги (в районе Диоскурии), абазги (к югу от нее) и апшилы (еще южнее). «Все они раньше, несомненно, находились в составе той грозной стихии, которая под названием джиков, ахейцев и гениохов, по сообщениям Страбона, господствовала в Северной Колхиде и соседних областях»¹⁰⁸.

Подводя итог этой части своего исследования, Г. А. Меликишвили пишет: «Таким образом, почти на всем протяжении прибрежной полосы Юго-Восточного и Восточного Причерноморья **появляются новые племена** (выделено мной. – Ш.И.), проникшие сюда частично из северных областей Колхиды и Северного Кавказа, частично же из горных областей Юго-Восточного Причерноморья. Они и захватывают постепенно гегемонию в Юго-Восточном и Восточном Причерноморье, на территории исторической Колхиды. Слившись с древним земледельческим населением прибрежной полосы, в ряде случаев в этническом отношении **весьма близко стоявшим** к ним, они становятся во главе новых крупных политических образований («царства» махелонов и гениохов, лазов, апшилов, абазгов и санигов)»¹⁰⁹.

Так выглядит, если говорить коротко, концепция Г. А. Меликишвили. При этом, однако, возникает ряд вопросов, требующих разъяснения. Прежде всего, положение о сокрушительном наступлении горцев на Колхиду в эллинистическую эпоху вряд ли можно считать доказанным, причем и у самого автора в этом нет достаточной уверенности. В источниках мы также не находим указаний, на основании которых можно было бы так категорически утверждать о массовом нашествии горцев и вытеснении ими местного прибрежного населения. Вместе с тем абазги, апсилы и другие племена во всех имеющихся источниках упоминаются не как пришлые, а как местные, коренные племена, населявшие не только горы, а прежде всего именно побережье Абхазии. Конечно, нельзя отрицать как проникновение горцев на юг, так и обратный процесс (примером чего может быть позднейшее переселение абазин на Северный Кавказ). Эти передвижения происходили издавна, причем временами действительно носили интенсивный характер. Но происходили они в основном в однородной в этнокультурном и социально-экономическом отношениях среде и поэтому не могли повлечь за собой столь глубоких изменений.

Кроме того, если на территории Западной Грузии с древности жили, наряду с картвельскими и абхазо-адыгские племена, то почему последние, в отличие от рядом обитавших картвельских групп, характеризуются как горские племена?

Хотя Г. А. Меликишвили не указывает конкретно, где именно жили горцы, в данном случае предки абхазов, до своего прихода на равнину, но из контекста его сочинения вытекает, что они издревле обитали в горных областях и на севере западной части Главного Кавказского хребта. Но как же в таком случае следует понимать то обстоятельство, что абхазов и гениохов, которые, по Г. А. Меликишвили, также пришли из-за гор¹¹⁰, источники рисуют как искусных мореплавателей и страшных морских пиратов, которые на своих знаменитых судах под названием «камары» совершали нападения не только на корабли в открытом море, но даже и на города еще в IV в. до н. э. (см. ниже)? Откуда эти «камариты» так хорошо знали море и как могли так далеко пойти вперед в сложнейшем деле морского судоходства, требующего для своего развития наличия накопленных веками знаний, навыков и традиций, если они сами не были аборигенными приморскими жителями, имевшими, говоря словами Н. Я. Марра, с древнейших времен, интимные отношения с морем?

Если, как думает Г. А. Меликишвили, гениохи – сваны, позднейшие мисимияне тоже сваны, плюс к ним еще собственно сваны, то получается большая по тому времени

---

¹⁰⁸ Там же. с. 365.

¹⁰⁹ Там же. с. 366.

¹¹⁰ Там же. с. 90, 364.

сванская страна, простиравшаяся от верховьев р. Ингур до современного Сочи. И как удалось абхазским племенам ассимилировать или даже вытеснить столь значительный и могучий народ менее, чем за сто лет: ведь в 66 г. до н. э. Митридат проходил еще по гениохским землям, а Плиний в середине I в. н. э. и Арриан в первой трети II в. в тех же местах упоминают уже апсиров и абазгов? И почему гениохи-сваны, если они жили здесь с древнейших времен и до начала н. э., не оставили никаких существенных следов в топонимике? «Трудно сомневаться, – пишет Г. А. Меликишвили, – в том, что проникшие сюда джики были адыгскими племенами. Названия же абазгов и апсиров связываются с названием абхазов (местн. форма «апсуа»). По-видимому, здесь мы имеем дело с абхазо-адыгскими племенами. В данных наименованиях, если оформление основы (апс-) суффиксами «-уа-» и «-ги-» можно отнести к абхазо-адыгейской языковой среде, то в других случаях это название выступает с грузинскими суффиксами (так, например, в западногрузинском оформлении эта же основа выступает в форме «апс-ари»), что может указывать в этих местах также и на присутствие грузинского элемента»¹¹¹. Совершенно очевидно, что этот довод вряд ли может быть принят за достаточное доказательство присутствия и грузинского элемента в тех областях, где истари обитали апсир и абазги.

Итак, по Г. А. Меликишвили, в позднеллинистическое время на территории современной Абхазии и прилегающих с северо-запада областях произошло слияние абхазо-адыгских племен с местным западно-грузинским земледельческим населением (к которому он, опять-таки весьма неуверенно, причисляет и керкетов). При этом автор не отрицает, что пришлые и местные племена – разные этнические группы, хотя и близкие между собой. Слияние двух и более народов возможно, но при этом, как правило побеждает (в «общенациональном» масштабе) язык того народа, который является более многочисленным и более передовым в социально-экономическом и культурном отношении. Таким более многочисленным, а главное несравненно более культурным – с городами, оседлым земледелием, мореходством и. т. д. – представляется Г. А. Меликишвили древнее западногрузинское население указанных мест. Но почему же тогда здесь победили языки не столь многочисленных и значительно более отсталых горских племен?

До первых веков н. э. абхазские племена, как таковые, почти отсутствуют в исследовании Г. А. Меликишвили, их можно только подразумевать. Нередко встречаются выражения «племена абхазо-черкесского происхождения», но фактически речь идет в основном только о черкесских племенах, которые автор находит и на Северном Кавказе, и в Закавказье, и в Малой Азии. Абхазские же племена не только для древнего, но даже и для большей части античного времени почти нигде прямо не называются. Даже апсир определяются как племя абхазо-черкесского, а не абхазского происхождения. Племена керкетов, ахейцев, гениохов, джиков и других, занимавшие в античное время территорию современной Абхазии и прилегающих к ней с северо-запада областей, являются, по Г. А. Меликишвили, в основном черкесскими племенами. В начале I в. до н. э. произошло вторжение северокавказских джиков, которые заняли земли древних керкетов; пространство между современными Туапсе и Сочи занимали ахейцы – племена неопределенной этнической принадлежности, а от Сочи до Сухума жили гениохи, которые причисляются к сванским племенам. Основываясь на неопределенном и единственном сообщении Страбона о том, что сваны «господствовали над Диоскурией», Г. А. Меликишвили настаивает на «широком распространении сванских племен на территории Северной Колхиды».

Однако по общему контексту страбоновского сообщения трудно вывести заключение, что гениохи сванские племена (может быть, мы имеем здесь какой-то пробел в источнике). Во всяком случае, одно это мимоходом оброненное замечание Страбона недостаточное основание для причисления гениохов к сванским племенам. Г. А.

---

¹¹¹ Там же. с. 90.

Меликишвили сам локализует генихов на территории между Сочи и Сухумом, где еще никем не найдено каких-либо заметных следов пребывания неабхазского населения. И тем не менее он пишет, что «по крайней мере, в гениохах мы должны видеть сванские племена». Правда, чувствуя шаткость такого категорического утверждения, он тут же вынужден вновь выразить свои немалые сомнения и добавить, «хотя в этом не может быть полной уверенности. Возможно и то, что под данным расплывчатым и грецизированным названием подразумеваются этнически разные племена»¹¹².

В целом же акад. Г. А. Меликишвили, несмотря на то, что он не занимался специально вопросами происхождения народов Северо-Западного Кавказа, а лишь в связи с общими проблемами истории древней Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, своими замечательными трудами внес огромный вклад в научное изучение ранних этапов этнической истории абхазо-адыгских народов. Доказывая, что если абхазо-адыгские племена и пришли когда-то с юга, то это было, несомненно, в глубокой древности, он считает их в этом аспекте аборигенами края, а вместе с тем рассматривает их генезис в неразрывной связи с процессами этногонии на всей обширной территории – от Малой Азии до Северного Кавказа, вводит для решения этногенетических проблем новые источники, в том числе ценнейшие памятники древневосточной письменности, в частности, один из первых, обратил внимание ученого мира на связь абхазо-адыгских племен с некоторыми этническими группами, населявшими северо-западные районы древней Малой Азии.

* * *

Другой грузинский ученый **П. Ингороква** в своей работе «Леонтий Мровели – грузинский историк VIII в.»¹¹³, написанной в 1941 г., говорил о большом движении и политической экспансии «абхазского племени», которое он тогда не считал грузинским по своей этнической принадлежности. П. Ингороква отмечал, что только после перенесения столицы Абхазского царства в Кутаиси «абхазская династия... огрузинивается, переходит на грузинский язык». Тогда он подчеркивал, что «абхазское племя» оставило «большой след в политической истории древней Грузии, в результате которого абхазское племя втянулось в общую жизнь Грузии и внесло значительный вклад в дело государственного строительства древней Грузии»¹¹⁴. Но в более поздней своей работе «Георгий Мерчуле», помещенной в трех номерах журнала «Мнатоби»,¹¹⁵ П. Ингороква уже утверждает, что Мровели, которого к тому же он пытается представить автором VIII, а не XI века, не упоминает об абхазах, поскольку считает их эгрисцами. Абхазов Ингороква теперь считает идентичными эгрисцам (мегрелам) или картам, этнически отождествляя их друг с другом. Глубоко ошибочный тезис об отсутствии предков современных абхазов на территории Абхазии вплоть до позднего средневековья, П. Ингороква пытался доказать и анализом топонимики Абхазии, которую (топонимику) считал почти целиком принадлежащей «к грузинскому языковому миру».

Если не считать П. Ингороква и его ревностных последователей, которые, противопоставляя название и самоназвание «апсуа», считают древних абхазов грузинами и исконным населением Абхазии, куда лишь в позднейшее время вторглось откуда-то из-за гор дикое адыгское племя «апсуа», то никто другой из серьезных историков не отрицает этническую самостоятельность абхазов и их тождественность с «апсуа». Ни один народ, тем более древний, имеющий свой особый язык, отличающийся и другими самобытными этническими особенностями, не лишен своей самостоятельной этнической, культурной и политической истории, что, разумеется, нисколько не исключает, а,

---

¹¹² Там же. с. 309.

¹¹³ **Ингороква П.** Леонтий Мровели – грузинский историк VIII в. // Известия ИИЯМК. Том X. – Тбилиси. 1941 (на груз. яз.).

¹¹⁴ Цит. по **Анчабадзе З. В.** Из истории средневековой Абхазии (VI – XVII вв.) – Сухуми. 1959, с. 222 – 223.

¹¹⁵ **Ингороква П.** // «Мнатоби» 1950 г. и в книге «Георгий Мерчуле грузинский писатель X века» 1954 года.

наоборот, предполагает, взаимовлияние и связь с другими народами, прежде всего родственными (об ингоровских многоглаголиях см. и ниже).

* * *

Большие заслуги в деле всестороннего и объективного освещения вопросов древней и средневековой истории Абхазии принадлежат **З. В. Анчабадзе**. В своей «Истории и культуре древней Абхазии» он поставил целью осветить основные вопросы истории культуры Абхазии с древнейших времен до V в. н. э., показать возникновение, расцвет и разложение первобытнообщинного строя и образование «классового общества («рабовладельческой формации античного периода») на территории современной Абхазии, а также проследить происхождение и раннюю этническую историю абхазского народа¹¹⁶. Культура энеолита и ранней бронзы представлены в работе, в основном, материалами Очамчирского поселения и дольменами. Переходя к античной эпохе, автор отмечает, что при образовании и развитии причерноморских городов Колхиды ведущую роль играло местное население, которое ко времени прихода греков прошло длительный путь общественного развития и вполне было подготовлено для городской жизни. С одной стороны, он высказывается против идеализации колониационного процесса, а с другой – показывает несостоятельность примитивного подхода к нему только как «агрессии», подчеркивая исключительно важное значение греческих колоний для социально-экономического и культурного развития Колхиды¹¹⁷.

Далее З. В. Анчабадзе переходит к установлению отношения современного абхазского населения и его культуры к археологическим памятникам разных эпох, найденным на этой территории, к характеристике племен и народностей, выступающих в исторических свидетельствах. Трудность этой проблемы заключается, в частности, в том, что раньше чем начались широкие археологические исследования и появилась возможность обоснованных обобщений, Абхазия сделалась предметом различных, нередко априорных заключений – включалась механически (притом иногда «извечно») в рамки более поздних политических и этнических единств, изображалась как периферия, отстававшая в своем развитии во все эпохи. Целым рядом ученых было приложено немало усилий для распространения чисто умозрительного взгляда о том, что абхазская народность не имеет исторических корней на данной территории, что должен рано или поздно обнаружиться разрыв в эволюции форм материальной культуры то ли в античную, то ли в средневековую эпоху. И автор поставил своей задачей выяснить, какие фактически имеются основания в археологических материалах, в сведениях древних писателей и в этнографическом быту для утверждения о существовании разрыва в преемственности культуры и о том, что когда-то до абхазов на территории Абхазии жило картвело-мегрельское население. Это приводит его к необходимости исследования вопроса об этнической принадлежности племен, упоминаемых древними авторами в Кавказском Причерноморье. При этом он отдает предпочтение протохеттской теории, по которой в образовании абхазского этноса в конце III тысячелетия до н. э. приняли участие протохеттские племена «кашка» (сопоставляются с «кашаги», «касоги», как именовали черкесов у соседей) и «абешла» (сопоставляются с южноабхазским племенем «апсилов»). Приведя ряд обоснований этой теории, З. В. Анчабадзе заключает: «Результатом процесса консолидации пришлых и местных элементов и явился древнеабхазский этнос – непосредственный предок единой абхазской народности». Опираясь на археологические и другие исследования, он устанавливает преемственность форм материальной культуры и погребального обряда от эпохи дольменов до колхидской позднебронзовой эпохи и вплоть до XIX в., когда в пережиточных погребальных обрядах абхазов прослеживаются те же традиции древнейшего культа.

---

¹¹⁶ **Анчабадзе З. В.** История и культура древней Абхазии. – М. 1964.

¹¹⁷ **Там же.** с. 148, 155.

Обращаясь к анализу сведений о племенах древней Колхиды, З. В. Анчабадзе отмечает двоякое значение терминов «Колхида» и «колхи»: одно более широкое, политико-географическое и другое более узкое, собственно этническое. Анализ источников приводит его к утверждению, что, вопреки представлениям некоторых ученых гениохи и саниги, не говоря об абазгах и апсилах, не являются картвельскими (мегрело-чанскими или сванскими) племенами, а представляют собой предков абхазов, в частности саниги – предки абхазского племени садзов (вопрос же о кораксах и колхах оставляет открытым).

Таким образом, З. В. Анчабадзе убедительно показывает несостоятельность попыток оторвать современных абхазов от занимаемых ими издавна земель, утверждает их автохтонность на этой территории, в частности, неоспоримое их обитание здесь в античную эпоху.

Вместе с тем трактовка отдельных вопросов исторической этнографии Абхазии вызывает некоторые возражения. Например, З. В. Анчабадзе пишет, что в Южной Абхазии «действительно в феодальную эпоху (да и ранее) ясно прослеживается мегрело-сванское население»¹¹⁸. Но как быть тогда с апсилами, которые локализуются как раз в южной части Абхазии и которые, вместе с абазгами, согласно ему же, бесспорно являются непосредственными предками абхазского народа?

Нет также достаточных оснований для утверждения об особой пестроте этнической карты Абхазии в эпоху, признаваемого им существования Колхидского царства, в состав которого она входила (частично или полностью)¹¹⁹. Вряд ли можно считать вполне доказанным высказываемое и другими исследователями отождествление многоплеменных гениохов с одними только санигами. Трудно согласиться с тем, что садзы (джики), не без оснований сближаемые с санигами, являются этнической общностью, отличающейся как от черкесов, мегрелов, сванов, так и от самих абхазов¹²⁰, что садзский язык (асаdziпсуа) был самостоятельным языком абхазо-адыгской группы¹²¹, а не одним из сравнительно крупных племенных наречий или диалектов абхазского языка. Не обосновано и мнение, что племя мисимиян, упоминаемое в VI в. в верховьях р. Кодор, было одним из сванских племен (см. ниже)¹²².

Итак, дав характеристику существующих теорий этногенеза абхазов (эфиопо-египетской, северокавказской, малоазийской, автохтонной) и подчеркнув, что этот вопрос нельзя рассматривать вне связи с общей проблемой происхождения иберийско-кавказских народов, З. В. Анчабадзе присоединяется к автохтонно-миграционной точке зрения, которая исходит из консолидации древнейших аборигенов Абхазии с пришлыми завоевателями. Он пишет, что абхазский этнос сложился на Черноморском побережье Кавказа (в том числе на территории нынешней Абхазии) в результате длительного (от конца III до середины I тысячелетия до н. э.) процесса этнической консолидации аборигенного населения края с более культурными племенами кашков. Последние, пришедшие из северо-восточных районов Малой Азии, и явились носителями «языка-победителя», причем аборигены, возможно, находились с ними в определенном этническом родстве. «В данном аспекте мы рассматриваем процесс автохтонности в формировании древнеабхазского этноса, поскольку он не в готовом уже виде явился на территорию Абхазии откуда-то извне, а исторически сформировался именно на данной территории»¹²³.

---

¹¹⁸ Там же. с. 180.

¹¹⁹ Там же. с. 160.

¹²⁰ Там же. с. 176.

¹²¹ Там же. с. 175.

¹²² Там же. с. 183.

¹²³ Там же. с. 120, 122, 124, 126.

В другой работе **З. В. Анчабадзе**, посвященной истории средневековой Абхазии¹²⁴, также большое место занимает доказательство автохтонности и этнической индивидуальности абхазского народа. Автор убедительно доказывает, что в представлении грузинских и других авторов XI – XIII вв. абхазы являлись самостоятельной этнической единицей, которая в этом отношении отличалась от других народов Кавказа, в частности, как от картвельской народности в целом, так и от ее отдельных этнических ветвей – картов, мегрелов и сванов¹²⁵.

Вместе с тем Анчабадзе первым поставил одну из главнейших задач истории средневековой Абхазии – вопрос о времени и условиях образования абхазской феодальной народности. На основе документальных данных излагаются сведения исторической географии Абхазии, устанавливаются южные и северные границы основных областей Абхазии, говорится о том, что в VIII в. Абазгия получила преобладание, что она фактически включила в свой состав Апсилию и некоторые другие абхазские этнические единицы. Здесь же автор выдвигает положение о том, что в основу образования единого языка абхазской народности ляжет апсильский диалект и т.д.¹²⁶.

Выдвижение апсильского диалекта на первое место автор объясняет тем, что Апсилия в социально-экономическом и культурном отношении будто бы занимала ведущее место среди других областей исторической Абхазии¹²⁷. Однако многое говорит, наоборот, за то, что именно Абазгия в период раннего средневековья занимала ведущее положение в политической и культурной жизни страны. Она пользовалась большей независимостью по отношению к Византийской империи (о сравнительной ее суверенности красноречиво свидетельствует, например, печать Константина Абазгского), столица объединенного Абхазского княжества Анакопия находилась на территории Абазгии, именно сперва сюда, в Абазгию проникает христианство. Название Абазгии распространилось и на все Абхазское царство, в то время как «Апсилия», «апсилы» постепенно исчезают с исторического горизонта и т.д. Все это не может быть случайным.

Хронологически работа **З. В. Анчабадзе** охватывает период от времени «феодальной революции» по XVII в. Однако недостаточно анализируется внутреннее вызревание и развитие феодальных отношений, их влияние на этническую консолидацию мелких народностей в более значительную и устойчивую этническую общность, правильные положения об этнической консолидации выглядят иногда общими схемами, годными и для характеристики других народов. Например, он пишет, что «этническое состояние абхазского народа предопределялось в конечном итоге его социально-экономическим положением»¹²⁸. Это положение не получило достаточно конкретного исторического подтверждения. Дав описание культуры и социальных отношений в Грузии и переходя к Абхазии, автор нередко ограничивается утверждениями о том, что «аналогичными, в основном, чертами отличались и социальные отношения в Абхазии»¹²⁹, что, правда, отчасти связано с ограниченностью источников. Одним из преимуществ исследования **З. В. Анчабадзе** является широкое освещение грузино-абхазских отношений. В работе приводится большое количество материалов, говорящих о разносторонних связях между абхазским и грузинским народами.

В третьей своей работе «Очерк этнической истории абхазского народа»¹³⁰ **З. В. Анчабадзе**, опираясь на прежние и новые свои разыскания, впервые предпринял попытку написания систематического очерка этнической истории абхазского народа, попытку проследить основные этапы этногенеза абхазов, начиная с древнейших времен до наших

¹²⁴ **Анчабадзе З. В.** Из истории средневековой Абхазии (VI – XVII вв.). – Сухуми. 1959.

¹²⁵ Там же. с. 218.

¹²⁶ Там же. с. 69.

¹²⁷ Там же. с. 70.

¹²⁸ Там же. с. 281.

¹²⁹ Там же. с. 161.

¹³⁰ **Анчабадзе З. В.** Очерки этнической истории абхазского народа. – Сухуми. 1976.

дней. В ней освещаются, в частности, вопросы палеокавказской этнической общности, выделения из нее древнеабхазского этноса, этнической характеристики населения античной и средневековой Абхазии, показаны образование раннефеодальных абхазских народностей, их последующая консолидация в единую абхазскую народность (завершившаяся, в основном, в VIII в.), ее место в составе объединенного Грузинского царства, наступившие затем неблагоприятные условия этнического развития абхазов в XVI начале XX вв., реальная угроза этнического исчезновения, формирование абхазской нации на основе глубоких социально-экономических и культурных преобразований в стране и др.

* * *

Как своеобразное сочетание преувеличенного автохтонизма и миграционизма представляются взгляды **К. С. Шакрыл** на проблему этногенеза абхазо-адыгских племен, ибо с одной стороны он находит возможным «положительно» ответить на вопрос об участии предков указанных народов в создании не только неолитической, но даже и палеолитической культуры на территории Северо-Западного Кавказа, а с другой – утверждает, что малоазийские абешла и кашки «являются древнейшими предками нынешних абхазо-адыгских народов», что формирование последних этносов произошло в древней Передней Азии, где некогда жил народ, говоривший на едином абешло-кашкайском языке с тремя диалектами – абешлайским, кашкайским и апехским, из которых впоследствии выросли современные абхазский, адыгские и убыхский языки¹³¹.

Однако не ясно, почему абешло-кашкайцы упоминаются в древневосточных источниках II тысячелетия до н. э. в пределах Малой Азии, если они, по К. С. Шакрыл, переселились на Западный Кавказ на рубеже III – II тысячелетий до н. э., не говоря об отсутствии сведений об апсилах в ранней – VI – V вв. до н. э. – античной литературе¹³².

* * *

Исключительно важное значение для изучения исторической Передней Азии, включая Кавказ, имеют труды **И. М. Дьяконова**, в том числе его работа «Предыстория армянского народа». Значение этой работы заключается, говоря словами самого автора, не только в установлении новых положений и фактов, излагаемых автором («за исключением некоторых соображений историко-лингвистического порядка»), сколько в той концепции и ее систематическом изложении, которое он дает на основе установленных ранее положений и фактов¹³³. Как будет видно из дальнейшего содержания труда, автор этих строк во многом опирается на факты и положения, содержащиеся в указанном и других трудах И. М. Дьяконова.

* * *

Как отмечалось выше, археологи, исследуя памятники древней, античной или средневековой Абхазии, в той или иной степени касаются вопросов этнического состава и этнической истории края (**Л. Н. Соловьев, Б. А. Куфтин, М. М. Трапш, А. Н. Каландадзе, А. А. Иессен, О. М. Джапаридзе** и др.). Здесь пока мы ограничимся указанием лишь на то, что в целом данные археологии не подтверждают каких-либо резких смен населения в Абхазии, по крайней мере в течение последних четырех тысячелетий¹³⁴. Это нисколько не означает полного отрицания разнородных

¹³¹ **Шакрыл К. С.** К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов. // Ученые записки АдИЯЛИ. Том IV. – Краснодар. 1965, с. 210, 212.

¹³² **Там же.** с. 220.

¹³³ **Дьяконов И. М.** Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты. Лувийцы. Протоармяне. – Ереван. 1968, с. 5.

¹³⁴ В то же время, например **А. Н. Каландадзе**, все изученные им материалы Сухумской горы – остатки медеплавильного производства, могильника и поселения, объявил принадлежавшими «**издревле проживавшим в этом крае Грузии колхам**», что якобы свидетельствует о единстве грузинских племен,

этнических инфильтраций с севера или с юга на Абхазское побережье. Наличие ряда выразительных памятников малоазийского, скифского¹³⁵ или иного этнического происхождения свидетельствует и о культурно-исторических связях местного населения не только с соседними, но территориально и более далекими народами еще задолго до античной эпохи, и о частичном оседании здесь тех или иных групп с последующей их ассимиляцией среди многочисленного аборигенного окружения.

Например, подвергнув анализу погребальные обряды цебельдинских некрополей, **М. М. Трапш** пришел к выводу, что наиболее распространенный в этих могильниках обряд – труположение, связан преемственностью с погребениями I тыс. до н. э. в могильниках Черноморского побережья Абхазии, в результате чего он предположил, что за это время в составе населения Абхазии не произошло существенных перемен. Сходным образом, по-видимому, объясняется и происхождение второго обряда погребения цебельдинских могильников – трупосожжение с сохранением остатков пережженных костей и пепла в урне. Автору удалось доказать преемственность памятников культуры от эпохи поздней бронзы до конца античного периода.

* * *

По мнению **Л. Н. Соловьева**, положение **В. В. Бунака** о том, что территорию современной Абхазии и прилегающих к ней областей, занимаемую абхазскими и родственными им племенами, еще в эпоху неолита заселили представители понтийской расы, оказавшиеся на Кавказе вследствие передвижения малоазийских племен по Черноморскому побережью к Северному Кавказу, вполне подтверждается и археологическими материалами. Затем, со времени неолита до начала II тыс. до н. э., как считает **Л. Н. Соловьев**, на этой территории не было нарушений в преемственности местных традиций. Все абхазское побережье населяли племена южнодольменной культуры, южнее же – на открытых пространствах Колхидской низменности сильны были элементы высокой культуры Южнокавказского энеолита. По словам **Л. Н. Соловьева**, археологический материал позволяет говорить о проникновении в период около 2000 года до н. э. малоазийских племен, предполагаемых кашков, носителей традиций новой на этой территории культуры, называемой им проколхидской.

Территория Колхидской низменности и окаймляющих ее предгорий, где «обитали еще в первую половину III тыс. до н. э. поздненеолитические племена, имевшие культуру типа Одиши, родственную культуре Абхазского побережья, в последнюю четверть того же тысячелетия попала в область культурной и, вероятно, этнической экспансии земледельческих племен Южнокавказского энеолита, вероятно из Триалети или Восточной Грузии, на которую **Б. А. Куфтин** неоднократно указывает, как на область распространения Триалетского варианта Южнокавказского энеолита»¹³⁶.

На рубеже III – II тыс. до н. э. в Колхидской низменности происходит смена населения. Археологические культуры этого времени, с одной стороны, близки к Очамчирскому селищу, а с другой стороны несут на себе явные следы «тесной связи с культурными центрами Малой Азии». Эту культурную группу по всей вероятности, родственную южнодольменной в этническом отношении, **Л. Н. Соловьев** называет «проколхидской», оговариваясь, тут же, что это название дается им не только в смысле, что она предшествовала колхидской, но что она находится с ней в преемственной связи. «С большой долей вероятности, – пишет он, – можно рассматривать эту смену населения в

широко распространенных в древности на территории Передней Азии. (**Каландадзе А. Н.** Археологические памятники Сухумской горы. – Сухуми. 1953, с. 71, 72, 91.)

¹³⁵ **Трапш М. М.** Памятники колхидской и скифской культуры в селе Куланурхва Абхазской АССР. – Сухуми. 1962.

¹³⁶ **Соловьев Л. Н.** Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры и прилегающей части Адлерского района. //Труды АБИЯЛИ. Том XIX. – Сухуми. 1958, с.162 – 163.

Колхидской низменности как первый этап продвижения на Кавказ малоазийских кашков, принесших сюда не только своеобразный малоазийский тип глиняной посуды, но собственную металлургию, образцы которой хотя и не найдены в данных памятниках, но проявили свое существование на занятой этими племенами территории»¹³⁷.

Встреча же малоазийских племен с носителями дольменной культуры носила характер мирного слияния. «Потери могли сказаться разве только в языке, поскольку протохеттский язык кашков, по-видимому, оказался победителем»¹³⁸. Л. Н. Соловьев полагал, что «многие особенности в материальной культуре, религии, языке и фольклоре далеких предков абхазов», возможно, следует объяснить сухопутными связями с Малой Азией, не столько торговыми, сколько непосредственным передвижением довольно крупных этнических массивов»¹³⁹. В этих этнических массивах предположительно он видел кашков, одно из малоазийских племен, известное со времени правления хеттского царя Хантили I (XVII в. до н. э.)

Таким образом, по Л. Н. Соловьеву, с древнейших времен на побережье Черного моря бытовали культуры вероятно родственные по происхождению. По-видимому, это была и в этническом отношении довольно гомогенная среда. Однако уже тогда культура здесь имела несколько вариантов: на севере, в районе современной Абхазии и ее окрестностей, это была южнодольменная культура, а южнее – близкие ей племена в III тыс. до н. э., подверглись сильному влиянию и, возможно, даже ассимиляции со стороны представителей южного Куро-аракского энеолита (его триалетского варианта). Начавшееся в начале II тыс. до н. э. продвижение на север племен кашков положило начало проколхидской культуре в Колхидской низменности, а на территории современной Абхазии кашки, встретив близкие в этническом отношении племена, смешались с ними, причем языком победителем оказался кашкский. В дальнейшем кашки продвинулись далеко на север через перевалы Главного Кавказского хребта не только в северо-западном направлении, но, распространившись на территорию Грузии, проникли через Дарьяльский, Мамисонский и другие перевалы на Северный Кавказ, где приняли также участие в сложных этнических процессах, происходивших там во II-ом тысячелетии до н. э. На выходах указанных горных проходов к Северному Кавказу формировалась северокавказская культура, ведущая роль в которой принадлежала, по видимому, тем же кашкам, ассимилировавшим местные племена – носителей культуры Нальчикского могильника. Большую роль отводил Л. Н. Соловьев кашкам и в формировании катакомбной и других культур юга бывшего СССР.

Иначе говоря, согласно Л. Н. Соловьеву, кашки двумя (а, может быть и тремя) волнами переселявшиеся (точнее – расселявшиеся) из Малой Азии в Закавказье и на Северный Кавказ через абхазские перевалы и Мамисонское и Дарьяльское ущелья (в неолитическую, энеолитическую и раннебронзовую эпохи), принесли с собой не только малоазийский тип глиняной посуды и собственную металлургию, но, возможно, также дольменную и «нартскую» культуру.

При всем значении ряда выводов и наблюдений такого знатока кавказской археологии, каким являлся Л. Н. Соловьев, следует все-таки заметить, что он порою чрезмерно увлекался миграциями этносов и их культур из Малой Азии, которые, по его мнению, несколькими волнами проникали на Кавказ, преувеличивал масштабы этнокультурного влияния предполагаемых пришельцев (кашков) на культуру и этническое развитие кавказских и даже некоторых других народов, а также, не располагая другими историческими источниками, слишком доверялся археологическим материалам при решении сложнейших этногенетических проблем, требующих комплексного исследования. Ибо распространение археологической культуры, а тем более отдельных ее элементов (малоазийский тип керамики и металлургия) далеко не обязательно связано

---

¹³⁷ Там же. с. 163.

¹³⁸ Там же. с. 164.

¹³⁹ Там же. с. 159.

также с массовыми этническими передвижениями, с переселениями или расселениями создателей и носителей данной культуры.

Концепция **Л. Н. Соловьева** была подвергнута справедливой во многом критике со стороны **Г. А. Меликишвили**¹⁴⁰ и **О. М. Джапаридзе**¹⁴¹. Последний, в частности, пишет: «Мнение **Л. Н. Соловьева** о том, что на рубеже III и II тысячелетий в Колхидской низменности произошла смена населения, не представляется убедительным. Основанием для такого мнения послужило появление в этот период новых керамических форм. Смена населения, по мнению Л. Н. Соловьева, связана с переселением из Малой Азии кашков, которые принесли с собой не только своеобразный малоазиатский тип глиняной посуды, но также и свою металлургию и т. д. Культура, выявленная в Колхидской низменности, включается **Л. Н. Соловьевым** в сферу закавказского энеолита. Он отмечает, что пришлое население целиком уничтожило местную культуру и распространило здесь совершенно новую. Однако культура Колхидской низменности целиком связана с местными традициями, и включение ее в сферу закавказской энеолитической культуры не может быть признано верным». Об этом мы читаем в автореферате **О. М. Джапаридзе**, посвященном специально «Истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры», а также более подробно в его капитальном труде «К этнической истории грузинских племен...»¹⁴² и др.

* * *

Не останавливаясь на бездоказательной гипотезе о каком-то «иранском» (кавказско-иранском) происхождении абхазов, о чем мы находим сообщения в некоторых немецких публикациях бывшей ГДР – большом справочном издании **Гердера** (Фрейберг, 1953), 12-томном издании **Брокгауза** (Висбаден, 1954) и «**Энциклопедическом словаре**» (Лейпциг, 1956), следует сказать несколько подробнее о «фракийской» теории парижского профессора (черкеса по происхождению) **Айтека Намиток**.

А. Намиток в своей работе «Происхождение черкесов»¹⁴³ развивает теорию о генетическом родстве фракийской группы народов с черкесской, утверждает, что черкесы в широком смысле, включая абхазов, являются прямыми потомками фракийцев. Пишет он и о влиянии фракийской культуры Северного Кавказа на культуру хеттов, шумеров и других народов, а также считает, что фракийская культура послужила базой для формирования древнегреческой цивилизации. По его мнению, прародина абхазов также находилась где-то на северной стороне кавказских гор. «Северный Кавказ – древнейшая страна абазгов», – указывает он. В авторском предисловии к названной работе мы читаем: «Здесь прежде всего следует упомянуть об этническом положении фракийцев, киммерийцев, мидийцев, касситов и т. д. Черкесы являются прямыми потомками этих народов, а они, в свою очередь, состоят в очень близком родстве и с другими народами Средиземноморского бассейна и Малой Азии – с пеласгами, этрусками, лигурами, карийцами, мидийцами, митанийцами, хеттами и так далее, то есть с первыми жителями Европы, являющимися творцами цивилизации, которую наследовали и развили греки».

«Фракийская» гипотеза А. Намитока не выдерживает критики по двум причинам: во-первых, из-за территориального разрыва между фракийскими племенами (даки, одрисы, геты и др.), населявшими в древности северо-восток Балканского полуострова и северо-запад Малой Азии, а адыги являются исконными жителями Западного Кавказа; во-вторых,

¹⁴⁰ **Меликишвили Г. А.** К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. – Тбилиси. 1965, с. 42 и сл. (на груз. яз.).

¹⁴¹ **Джапаридзе О. М.** К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. – Тбилиси. 1961, с. 39.

¹⁴² **Его же.** К этнической истории грузинских племен по данным археологии. – Тбилиси. 1976 (на груз. яз.).

См. **Его же.** На заре этнокультурной истории Кавказа. – Тбилиси. 1989.

¹⁴³ **Namitok A.** Origines des Circassiens. – Paris. 1939.

фракийский язык принадлежит к индоевропейской семье языков, с которой абхазо-черкесская группа генетической связи не имеет.

Заметим еще об одном более частном выводе А. Намитока – это его предположение о выходе лазов из древней Черкессии. При этом он опирается на упоминание в источниках на Черкесском побережье пункта под названием Старая Лазика. Другим доводом в пользу северо-восточной миграции лазов является, по его мнению, существование в Скифии, севернее Ольвии, племен алазонов, родственных, согласно Геродоту, скифам. Автор связывает также племенное название алазонов с названием р. Алазани, пишет об Алазе, как абхазской форме имени лазов, об алазанском городе Алазия, где-то на р. Одриссе. Он склоняется к тому, что алазаны также являются племенем фракийского происхождения и связывает иммиграцию лазов в Колхиду с проблемой переселения киммеро-фракийцев, хотя, как он отмечает, эта проблема осложняется фактом наличия лазских колоний в области верхнего Евфрата во втором тысячелетии до н. э.

* * *

Вышеизложенным, конечно, не исчерпывается вся история изучения этногенеза абхазов, ибо здесь были охарактеризованы только основные теории их происхождения. Существует немало высказываний и других ученых по различным аспектам проблемы, с которыми мы еще встретимся в соответствующих местах дальнейшего изложения.

Можно было, конечно, выделить здесь еще и традиционный вопрос об источниках и литературе. Но это, во-первых, повлекло бы за собой без особой надобности чрезмерное увеличение объема и без того обширного введения, а, во-вторых, читатель по научному аппарату книги легко может заметить сам, насколько значителен и разнообразен тот комплексный материал, на который опирается автор этой работы. К тому же в новом издании источниковедческая база ее расширена в немалой степени, включая работы и местных ученых так как, за последние десятилетия и в Абхазии выросли свои замечательные кадры историков, этнографов, археологов, искусствоведов, филологов, нумизматов, лингвистов и др. Если говорить о специалистах исторического профиля в широком смысле слова, то и их работы являются незаменимым вкладом в изучение различных периодов и разнообразных проблем абхазской истории. Прежде всего, они насыщены превосходными фактическими материалами (во многом уникальными), на основе которых удалось разрешить или поставить целый ряд важных вопросов исторического прошлого Абхазии. Естественно, многие из этих работ довольно широко используются мною в соответствующих разделах настоящей книги (см. ниже).

Нельзя, разумеется, забывать и о необходимости критического отношения к источникам и литературе, в том числе и к таким большим и важным памятникам, как грузинская летопись «Картлис цховреба» и многим другим.

«Картлис цховреба» является основным древнегрузинским нарративным историческим памятником. Вместе с тем его изучение показывает, что до сих пор остаются нерешенными или спорными многие вопросы, связанные с источниками этого сложного памятника, их датировками и достоверностью. Это связано прежде всего с тем, что отдельные его части и весь свод в целом дошел до нас лишь в более поздних списках (самый ранний XVI в.). **Как пишет А. Г. Шанидзе, летопись сокращалась, «подвергалась многочисленным искажениям в процессе многократной переписки; вследствие этого многие ее места в существующих изданиях (М. Броссе, С. Каухчишвили) остаются малопонятными, [противоречивыми, часто нелогичными], либо вовсе непонятными, соответственно неправильно толкуются они и в переводах (М. Броссе, М. Церетели, Г. Пэч). Все еще нет единого и окончательного,**

общепринятого понимания отдельных частей летописи...предложено множество чтений, отличающихся от чтений существующих изданий»¹⁴⁴.

***

Наконец, хочу коснуться замечания авторов вышеупомянутой газетной статьи относительно того, что я будто бы почти совершенно не знаком с грузинской историографией вопроса, что далеко не соответствует действительности. Как это видно из научного аппарата книги, она в большой степени опирается именно на разыскания грузинских ученых. Правда, в основном на те исследования, которые написаны или переведены на русский язык. В работе привлекались в общей сложности около 80 грузинских авторов. Некоторые из перечисленных в отзыве неравноценных работ мало что могли дать нового по вопросам, которых я касаюсь. Главнейшие же труды ведущих ученых, внесших наибольший вклад в абхазоведение, ныне мною, кажется, не упущены.

Я отнюдь не хочу сказать этим, что сделанное мне замечание лишено всякого основания и что мною использованы вся существующая литература и источники, о чем и подчеркиваю дважды сам в соответствующих местах книги, указывая, что целью работы является «попытка собрать, **по возможности**, разнообразные доступные мне материалы и исследовать отдельные вопросы этногенеза абхазов...» (с. 6). Ни один объективный автор не может, по-моему, считать «историографический аспект одной из слабых сторон автора книги», в которой использованы написанные на разных языках материалы и исследования сотен авторов.

Вообще же говоря, в условиях современного информационного взрыва никто не может сказать, что он полностью исчерпал все источники и всю литературу по предмету своего исследования, особенно по такой комплексной проблеме, как этногенез и этническая история народа.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

К РАННЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АБХАЗОВ

І. Истоки и связи археологических культур

Обзор археологического изучения Абхазии показывает, что за последние десятилетия накоплен большой, можно сказать, уникальный материал, относящийся к разным историческим эпохам. К сожалению, он не весь еще издан и недостаточно исследован с точки зрения его увязки с историко-этнографической жизнью и этническим развитием местного населения. А между тем данные археологии, как известно, сохраняют свое важное значение не только для ранних эпох, но и для периодов, освещенных письменными источниками.

Важнейший вопрос, с которым мы сталкиваемся, изучая происхождение народа – вопрос об этнической и культурной преемственности, – требует, как уже было сказано, комплексного решения, в том числе обязательного сопоставления археологических материалов с этнографическими данными. Тем более, что на Кавказе мы имеем дело с необычайно древними народами, подвергшимися различного рода влияниям. Все более +становится очевидным, что исходная точка этнической истории многих из них упирается в такое отдаленное от нас время, как эпоха энеолита. Для определения этнической принадлежности населения наиболее важным являются такие элементы культуры, как одежда, украшения, орнаменты, погребальные и другие консервативные обряды, подлежащие преимущественно археологическому изучению. При всем том необходимо

---

¹⁴⁴ Шанидзе А. Г. Вопросы текстологического изучения «Жизнеописания царя царей Давида». //Материалы Первого международного картвелологического симпозиума. – Тбилиси. 1988, с. 253.

учитывать и ограниченность возможностей археологии. Если вреден своего рода археологический нигилизм, то не менее ошибочным является любое преувеличение роли вещественных памятников при этногенетических исследованиях. Этническая интерпретация археологических культур требует максимума осторожности, ибо археологические культуры хотя и отражают этнические общности, но проведение четкой границы между ними почти невозможно.

Как уже указывалось, этногенетика подстерегает две опасности – гипертрофированные теории автохтонности и миграции. Сторонники преувеличения автохтонности недоучитывают того, что весьма значительными были миграции племен и их взаимосвязи еще в эпоху неолита. Вместе с тем установление общей культуры на какой-либо обширной территории нередко является результатом слияния народов, без миграции какого-либо из них. И только в том случае, когда «изменение материальной культуры сопровождается резким изменением физического типа, археолог может быть безусловно уверен в том, что оно произошло в результате смены населения»¹⁴⁵.

Переселения и завоевания играли значительную роль в образовании новых этнических общностей. Ярким примером этого являются «великие переселения народов» в Евразии, оказавшие большое влияние на этнические процессы во многих странах Старого Света. Примером более ограниченного значения может служить то, как венгерские племена, принадлежащие к угорской ветви финно-угорских языков, двигаясь из Северного Прикаспия, за короткий срок промчались через южнорусские степи и около одиннадцати веков тому назад обосновались в бассейне Дуная. Подобных примеров можно привести немало из этногенеза болгар, турок и др.

В этническом отношении завоевания влекут за собой либо ассимиляцию побежденного населения, либо растворение в нем пришлого элемента, либо, – что также бывает часто, – «синтез этнического суперстрата и субстрата, в ходе которого возникает новый этнос»¹⁴⁶.

Кавказ, с этой точки зрения, занимает, можно сказать, особое положение. Бесспорно, местные истоки археологических культур теснейшим образом переплетаются с различными этнокультурными инфильтрациями. «Кавказ, в частности Закавказье и Восточный берег Черного моря, – пишет Б. Б. Пиотровский, – представляется нам одним из центров древнейшей человеческой культуры, связующим звеном палеолитических культур Средиземноморья с Северным Причерноморьем»¹⁴⁷, сыгравшим роль соединительного коридора, по которому шло передвижение первобытных племен и распространение культур.

Закавказье вместе с Малой Азией являлись составной частью средиземноморско-африканской палеолитической области.¹⁴⁸ Поздний палеолит Кавказа и Приазовья объединялся и С. П. Замятиным в одну культурную область с палеолитом Передней Азии, а наиболее близкие аналоги его инвентаря «могут быть указаны в стоянках Сирии, Палестины, Ирака»¹⁴⁹.

Появление в верхнем палеолите вкладышевой техники и развитие в связи с этим микролитических орудий (сегментов, трапечий и др.) привело далее к их совершенствованию и широкому распространению в эпоху мезолита и раннего неолита. Материалы стоянок мезолита Кавказа ясно иллюстрируют преемственность мезолитической культуры от местного верхнего палеолита¹⁵⁰. К мезолитическим памятникам Кавказа с севера примыкают соответствующие памятники Причерноморья,

---

¹⁴⁵ Монгайт А. Л. Задачи и возможности археологической картографии // СА. 1962, № 1, с. 26, 28.

¹⁴⁶ Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. 1968, № 2, с. 36.

¹⁴⁷ Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. – Л. 1949, с. 24

¹⁴⁸ Любин В. П. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества // СА. 1957, № 27, с. 87 и сл.

¹⁴⁹ Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. – Москва. 1965, с. 51.

¹⁵⁰ Его же. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе // СА. 1963, № 4, с. 186.

Приазовья, Крыма, Днепровских порогов, инвентарь которых также представлен в основном указанными микролитическими формами. Эти памятники А. А. Формозов выделял в особую культурную область Европейской части СССР, однако появление геометрических микролитов и других характерных орудий произошло не позднее, чем на Кавказе, но не связано с предшествующими культурами. Это указывает на привнесение извне, в результате вторжения с юга, через Кавказ, мезолитических групп населения¹⁵¹, что подтверждают и антропологические материалы из могильников, давших выраженный средиземноморский тип¹⁵².

Что же касается неолита Северо-Западного Кавказа, то он не только наследовал микролитическую технику мезолита, но обогатился новым важнейшим приобретением культуры – земледелием и животноводством. Если последнее здесь было освоено только в неолите, то в Передней Азии это событие произошло еще в мезолитическую эпоху. По-видимому, навыки скотоводства были занесены сюда вместе с традицией двусторонней обработки геометрических орудий и пластинками с головкой-черешком. Эти находки тянутся узкой полосой по Кавказскому побережью Черного моря и расходятся далее по Предкавказью¹⁵³. Орудия этого типа характерны для стоянок Ирака, натуфийских стоянок Палестины, для Ирана и Малой Азии». О тех же направлениях связей говорит и ранняя плоскодонная керамика, присутствие пращевых камней вместо стрел и др.

Таким образом, неолитическая культура Северо-Западного Кавказа, с одной стороны унаследовала черты местного мезолита, а с другой – «черты, заимствованные у древнейших земледельческо-животноводческих культур Передней Азии»¹⁵⁴. Эта культура была характерна для узкой полосы Черноморского побережья Кавказа и для всего Северного Предкавказья. В этой же полосе, а также в долине р. Риони (Тетрамица) находят и стоянки с тяпкообразными мотыжками так называемого сочи-адлерского типа. Такие мотыжки появляются в переднеазиатских памятниках V – IV тыс. до н. э. (Хассуна, Сиалк, Сузы, Джемдет-Наср). Здесь же они в больших количествах выявлены на распаханых полях и лишь однажды в документированном слое Очамчирского селища конца III тыс. до н. э., где было найдено всего два экземпляра. Это, по-видимому, говорит об угасании производства орудий в период ранней бронзы. А. А. Формозов не исключает возможной принадлежности части мотыг этого типа к тому же времени, что и мотыжки, найденные в Передней Азии. За пределами Черноморского побережья они на Кавказе нигде не найдены¹⁵⁵. Эти находки документируют не только связь с переднеазиатской культурой, но и «существование земледелия в позднем неолите Кавказского Причерноморья».

Прямые связи Кавказского Причерноморья с Передней Азией прослеживаются и на многочисленных материалах меднобронзовой эпохи. Например, ярким доказательством тесной связи культуры Западного Кавказа и Малой Азии служат комплексы Очамчирского и Мачарского поселений в Абхазии, знаменитого Майкопского кургана, особенно предметы из драгоценного металла, медные топоры и керамика (конец III тыс. до н. э.); материалы и стоянки Воронцовской пещеры (близ гор. Сочи), а в Прикубанье у ст. Каменноостской, наряду с фрагментами малоазиатской керамики, найдена и глиняная статуэтка человека с перевязью через плечо¹⁵⁶. Круглые постройки – наиболее распространенный тип жилища Закавказья в энеолитическую эпоху (IV тыс. до н. э.), пережиточно сохранившийся у абхазов до нашего времени, – близки к жилищам, обнаруженным при археологических раскопках в Малой Азии.

¹⁵¹ **Его же.** Древние историко-этнографические области Европейской части СССР // СЭ. 1958, № 5, с. 21.

¹⁵² **Дебец Г. Ф.** Черепа из эппалеолитического могильника у с. Волошского // СЭ. 1955, № 3, с. 64.

¹⁵³ **Формозов А. А.** Каменный век... с. 59.

¹⁵⁴ **Там же.** с. 59 – 60.

¹⁵⁵ **Там же.** с. 61.

¹⁵⁶ **Там же.** с. 120, 131, рис. 63, 2.

Карта находок предметов и орудий переднеазиатских типов показывает, что основной путь развития отношений Кавказа с Передней Азией и интенсивное культурное развитие последней, происходившее этап за этапом, волна за волной, пролегал в эти ранние периоды истории и по Черноморскому побережью Кавказа. Этот путь был долгим и длинным – от восточных берегов Средиземного моря и Двуречья, через Малую Азию к Черному морю и, огибая Западный Кавказ, заходил на северную сторону хребта, а оттуда веерообразно разветвлялся в разных направлениях¹⁵⁷. Вполне возможно, что как навыки в культуре обработки орудий, так и начатки животноводства и земледелия были занесены сюда непосредственными носителями этих традиций, принадлежавшими к понтийскому антропологическому типу, как предполагает В. В. Бунак, относивший это событие к эпохе позднего неолита. Вместе с тем следует иметь в виду, что культурные влияния и сношения далеко не всегда сопровождаются переселением самих носителей культур, ибо если «слово следует за вещью», то с этносом это происходит куда реже.

Как уже указывалось, особый интерес с точки зрения этногенетических процессов представляют археологические материалы энеолита и ранней бронзы. Памятники этого периода на территории Западного Кавказа немногочисленны и, тем не менее, выделяются исследователями в особую культурную область.

В этот период в хозяйственной жизни жителей Кавказа происходят крупнейшие изменения. Суть этих изменений состоит не только в происшедшей и здесь «неолитической революции», говоря словами Чайлда Гордона, и в употреблении неизвестных ранее металлических изделий, но и в том, что на смену охоте и собирательству, составлявшим основу существования людей предшествующего периода, приходят земледелие и скотоводство (явные начатки которых прослеживаются здесь уже в позднем неолите). О сочетании примитивного земледелия со скотоводством свидетельствуют находки кремневых вкладышей серпов, каменных мотыг, зернотерок, зерен пшеницы и ячменя (близких к диким видам, известным в Закавказье), керамической посуды, костей крупного и мелкого рогатого скота. Эти материалы получены при раскопках энеолитических оседлых поселений, местами с круглыми в плане жилищами. Это было в основном однотипное хозяйство, хотя уже в энеолитическую эпоху в развитии культуры Северного Кавказа и Закавказья намечаются и значительные различия, связанные с природно-климатическими, а также, видимо, и с племенными особенностями.

С интенсивным развитием земледелия и скотоводства, «освоением металлов в эпоху энеолита и ранней бронзы связан и переход от матриархальных отношений к патриархальным. Эта длительная переходная стадия нашла свое яркое отражение, в частности, в древнейших абхазских сказаниях и в наиболее архаических частях нартского эпоса.

Соответственно шел длительный и сложный процесс социальной дифференциации общества, выделения племенной аристократии. Уже в середине III тыс. появляются большие курганные насыпи (так называемые «курганы вождей») с погребениями племенных предводителей, резко отличающихся своим социальным и имущественным положением¹⁵⁸ от рядовых общинников.

Различия в величине и убранстве дольменов, а еще больше то обстоятельство, что, по всей вероятности, не все могли построить себе такие фундаментальные усыпальницы, как дольмены, заставляют предполагать разделение общин, коллективно строивших эти памятники почти с середины III тыс. и до XIV в. до н. э.,¹⁵⁹ на сильных и слабых, т. е. на более бедных и более богатых. Сторонники точки зрения о том, что в эпоху строительства дольменов Западный Кавказ не знал еще никакой имущественной и социальной дифференциации не учитывают, например, материалы такого уникального памятника, как

---

¹⁵⁷ Там же. с. 61.

¹⁵⁸ Массон В. М. Древние гробницы вождей на Кавказе (некоторые аспекты социологической интерпретации). // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М. 1973, с. 104, 107 и др.

¹⁵⁹ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. – М. 1975, с. 32, 34.

Майкопский курган III тыс. до н. э., содержащий погребение племенного вождя и двух женщин. В комплексы погребений входило много изделий из золота, серебра и других материалов. Довольно заметное социальное и имущественное расслоение населения Абхазии того времени подтверждают погребения очень бедного инвентарем Гумистинского курганного могильника, находящегося в непосредственной близости от Эшерских дольменов. Погребения сопровождались глиняными горшочками, и лишь в одном случае был обнаружен миниатюрный каменный топорик с начатым сверлением и овальная подвеска в форме оленьего зуба. Гумистинский курган занимает особое положение по обряду погребения: тела умерших укладывались в скорченном положении головой на юго-запад и обкладывались большими камнями¹⁶⁰. Такие же простые грунтовые захоронения скорченных костяков почти без инвентаря раскопаны и **И. И. Цвинария** вблизи нескольких дольменов Отхарского комплекса.

В религиозных представлениях основное место занимали, по-видимому, тотемизм и анимизм, а также культ плодородия и семейного очага, о чем говорит культовая статуэтка богини-матери из дольмена в с. Хуап.

Вместе с тем шли процессы дальнейшего этнического развития древних племен Кавказа. Образуются объединения племен. Эти долговременные сложные процессы постепенно приводят к формированию и выделению отдельных локальных этнокультурных областей. Археологи выделяют несколько таких культурно-исторических областей на Кавказе для всего периода палеометалла, что уже само по себе служит выражением далеко зашедшего процесса дифференциации древнейшего населения края.

Одной из таких «особых» культурно-исторических областей оседлых земледельцев и скотоводов является Черноморское побережье Кавказа, что, может быть, объясняется ограниченностью соответствующих материалов на территории современной Западной Грузии и Абхазии.

Р. М. Мунчаев, подробно рассмотревший памятники Кавказского Причерноморья, отмечает, что «здесь, как и в неолите, была распространена единая в своей основе культура со специфическими особенностями, отличающими ее от раннеземледельческой культуры Закавказья», что вообще энеолит Причерноморья, как и на Северном Кавказе, характеризовался уходящей корнями в местный неолит самобытностью культуры, развивавшейся «спокойно», без заметных влияний со стороны¹⁶¹.

Исследователи, изучая культуру эпохи неолита и ранней бронзы в Абхазии, констатируют отличие ее бытовых и погребальных памятников от синхронных ей культур как Северного Кавказа, так и Южного Закавказья. Характерными признаками этой культуры **В. В. Бжания** считает, например, массовое и длительное использование орудий из валунов и гальки, среди которых большое значение имели тяпкообразные и дискообразные мотыги, грузила для сетей, зернотерки и терочники, шары для пращи, вкладыши серпов, наконечники стрел, изготовленные высокой техникой, употребление проушных топоров и топоров с опущенным обухом, своеобразных крючьев и т.д. Важным атрибутом этой культуры следует считать широкое распространение обряда вторичного захоронения, сооружение кромехов и строительство дольменов. Как указывает автор, некоторые из этих признаков были присущи и другим культурам Кавказа, но «ни одна из них не имела подобного сочетания»¹⁶². Определяя условно границы распространения и отмечая общие корни единой неолитической культуры Черноморского побережья, **В. В. Бжания** высказал предположение о возможном единстве культур энеолита и ранней бронзы на Черноморском побережье Кавказа. Он считает, что накопление соответствующих фактов, вероятно, позволит наметить границу этой культуры на юго-

¹⁶⁰ **Бжания В. В.** Древнейшая культура Абхазии (эпоха неолита и ранней бронзы). – М. 1966, с. 20, 21.

¹⁶¹ **Мунчаев Р. М.** Кавказ в эпоху неолита и ранней бронзы. – Тбилиси. 1971, с. 34.

¹⁶² **Бжания В. В.** Указ. соч. с. 23.

востоке в Рионской низменности, на востоке – у села Дабла-Гоми, а на севере и северо-западе – вдоль Главного Кавказского хребта¹⁶³.

Итак, не вызывают сомнения местные истоки археологических культур Восточного Причерноморья с учетом большого значения культурного влияния, идущего из стран Ближнего Востока на протяжении тысячелетий, начиная с каменного века. В то же время некоторые ученые не исключают распространение определенных культур и их носителей также с севера на юг. Например, **Г. Л. Кавтарадзе** высказал предположение о том, что майкопская культура, которую он связывает с предками абхазо-адыгских племен, была привнесена ее носителями в Малую Азию во второй половине III тысячелетия до н. э., отождествляя тем самым хаттов с создателями майкопской культуры¹⁶⁴. Утверждая проникновение носителей майкопской культуры «царских гробниц» в Центральную Анатолию с севера, исходя из идентичности некоторых черт погребального обряда майкопцев и малоазийских «царских гробниц» (культура Аладжа Хююка), **Г. Л. Кавтарадзе** пишет: «Вслед за исследователями майкопской культуры, которые допускают возможность отождествления ее носителей с предками абхазо-адыгских племен, возникает возможность связать также и протохеттское (хаттское) население Центральной Анатолии, язык которых обнаруживает определенные черты структурного и материального сходства с абхазо-адыгскими языками, с культурой «царских гробниц» Аладжа Хююка, а появление протохеттов в Центральной Анатолии – с предполагаемой миграцией с северо-западного Кавказа». Вместе с тем допускается возможность древнегрузинской этнической принадлежности населения препрохеттской Центральной Анатолии¹⁶⁵. В этом же духе высказывается **Г. Г. Гиоргадзе**¹⁶⁶ и др. Однако, со всем вышеизложенным трудно согласиться. Этому противоречит и то, что металл Большого Майкопского кургана был импортным, сосуды – из Двуречья, а орудия труда, судя по составу металла, из Малой Азии¹⁶⁷.

Выше упоминалась дольменная культура, получившая большое развитие на Западном Кавказе. Более подробное ее рассмотрение диктуется тем исключительным интересом, который она вызывает с точки зрения основной проблематики настоящей работы.

---

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ **Кавтарадзе Г. Л.** К вопросу о взаимоотношении раннебронзовых культур Центральной Анатолии и Северного Кавказа. // Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов. – Тбилиси. 1975, с. 11, 12.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ **Гиоргадзе Г. Г.** Страна тысячи божеств. – Тбилиси. 1988, с. 20, 21 (на груз. яз.)

¹⁶⁷ **Формозов А. А.** Указ. соч. с. 139.

II. ДОЛЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА

1. Из истории вопроса

О значении взаимного дополнения и сравнения археологических материалов с данными этнографии **И. И. Мещанинов** писал: «Вполне учитывая то громадное расстояние, которое лежит между нами и культурой, раскапываемой лопатой археолога, все же хотелось соединить их прослеживанием общих черт, наличных как в том далеком прошлом, так и в быту современного нам населения, хотя бы в иначе осмысляемых пережитках. Много раз я оказывался менее осведомленным, чем копавший под моим руководством рабочий. Не ему у меня, а мне у него приходилось нередко искать объяснения наблюдаемой обстановки... Нередко я признавал себя безграмотным и искал помощи у неграмотного крестьянина. Человечество, в определенных своих стадиях развития, переходит с одной ступени культурной жизни на другую и тут изменяющиеся внешние условия жизни, например – с переходом от веков камня к векам металлов, меняют и потребности и само мировоззрение... Эта новая обстановка иначе осмысливает и то, что перешло в нее от предшествующих периодов и сохраняется лишь как пережиток, но уже вкладывает в него новое содержание, иначе его понимает. В основе же многое из современного быта тождественно далеко отошедшим временам»¹⁶⁸.

Что касается конкретно абхазской этнографии, то она настолько выразительна и донесла до нас в ярких пережитках отголоски такой седой древности, что трудно переоценить ее значение не только для абхазоведения, но и для этнографической науки вообще. **Г. Ф. Чурсин** подчеркивал, что сохранившиеся у абхазов «пережитки пройденных ступеней культурного развития представляют драгоценный материал для истории культуры не только народов Кавказа, но и всего человеческого общества»¹⁶⁹.

---

¹⁶⁸ **Мещанинов И. И.** О пользовании этнографическим материалом при археологических работах. //Известия общества обследования и изучения Азербайджана. – Баку. 1928, 5, с. 80 – 84.

¹⁶⁹ **Чурсин Г. Ф.** Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1957, с. 4.

Сочетание по возможности данных археологии и этнографии, плодотворность которого может быть наглядно продемонстрирована на примере изучения многих древних и сложных памятников культуры диктуется и тем обстоятельством, что без такого взаимного пояснения в ряде случаев становится почти невозможным приписывание определенной археологической культуры тому или иному из претендующих на нее народов.

Впервые **Б. А. Куфтин** был поставлен «вопрос об этническом оформлении дольменной стадии Восточного Черноморья», чтобы установить возможную «связь материальных объектов с этими этногенетическими процессами»¹⁷⁰. Он рассматривал абхазские (эшерские) дольмены как памятники родового общества, в развитии которого в продолжении около 1500 лет до эпохи греческой колонизации произошли «крупные хозяйственно-общественные сдвиги». Однако этнические процессы на этой стадии еще не успели привести «к обособлению более или менее крупных племен – народностей».

Не отрицая миграций населения, **Б. А. Куфтин** считал, однако, «более существенными для ранних стадий общественного развития автохтонные процессы» этнического развития. Изменение могильного инвентаря трех хронологически различных слоев он связывал не с последовательной сменой трех различных племен или народов, а с местной традицией, с местной «хозяйственно-общественной трансформацией»¹⁷¹. Вместе с тем он писал, что абхазская народность проникла откуда-то в Абхазию и образовала разрыв в первоначальном чано-мегрельском населении всего Восточного Черноморья, причем абхазский элемент появился здесь только в эллинистическую эпоху¹⁷². В конце концов **Б. А. Куфтин** приходит к выводу, что недостаточная археологическая изученность памятников и неясность многих вопросов, связанных с дольменной культурой, «не позволяют включить строителей абхазских дольменов в ту или иную определенную геоэтническую среду»¹⁷³.

Точка зрения о приходе откуда-то абхазов на места их нынешнего обитания только в эллинистическое время не подкрепляется никакими фактами, наоборот, противоречит как данным имеющихся исторических источников, так и мнению большинства исследователей. Например, **Л. И. Лавров** отрицал смену населения на Северо-Западном Кавказе в течение нескольких последних тысячелетий и гипотезу о том, что все вообще дольмены «построены каким-то одним народом мореплавателей, постепенно переселявшимся с востока на запад или с запада на восток», а также и точку зрения спонтанного возникновения дольменов у разных народов независимо друг от друга. По его словам, «строителями дольменов нужно считать предков адыгейцев, кабардинцев, убыхов, абазин и абхазов»¹⁷⁴, которые заимствовали соответствующие «идеи» в результате торгового и военного мореплавания в страны Средиземноморского бассейна, начиная с неолитической эпохи. Это мореплавание осуществлялось сильными племенными союзами еще задолго не только до греков, но и финикийцев и без всякого их посредничества. Кавказ не был прародиной дольменов, но местные племена научились их строить не у заезжих купцов или морских пиратов. Кавказские мастера, вложив в практику строительства дольменов «свою собственную изобретательность», утверждал **Л. И. Лавров**, должны были сперва сами «своими глазами видеть подобные сооружения в других странах. Появление дольменов на Кавказе нельзя объяснить иначе, как следствие дальних морских экспедиций народов на рубеже неолита и раннеметаллической эпохи»¹⁷⁵. Ему представлялось, что дольмены строились заблаговременно, точно так же, как это

---

¹⁷⁰ **Куфтин Б. А.** Материалы к археологии Колхиды. Том I. – Тбилиси. 1949, с. 310 – 311.

¹⁷¹ **Там же.** с. 311.

¹⁷² **Там же.** с. 311.

¹⁷³ **Там же.** с. 312, 257, 318.

¹⁷⁴ **Лавров Л. И.** Дольмены Северо-Западного Кавказа. //Труды АБИЯЛИ. Том XXXI. – Сухуми 1960, с. 106 – 107.

¹⁷⁵ **Там же.** с. 107.

делали современные им египетские фараоны, еще при жизни воздвигавшие себе гигантские пирамиды для заупокойного бытия, причем и это, по Лаврову, тоже не случайное совпадение, а «результат реальных связей, существовавших между странами в далекую от нас эпоху»¹⁷⁶.

С другой стороны, думал он, дольмены Северо-Западного Кавказа составляют одно целое с дольменами Крыма и Украины. «На всей этой территории в эпоху бронзы существовало известное единство погребального обряда, а, может быть, и этническое родство. Если брать только кавказскую часть территории, на которой существуют дольмены, то она совпадает с исторической территорией абхазо-адыгской лингвистической группы, и это является одним из важных аргументов в пользу предположения, что в эпоху бронзы народы этой группы жили общей культурной жизнью»¹⁷⁷.

Справедливо подчеркивая, что местные племена научились строить дольмены не у заезжих купцов, вместе с тем **Л. И. Лавров**, как и некоторые другие авторы, преувеличивал, как мне кажется, значение заимствования «идеи» дольменов и роль в этом деле древнейшего кавказского мореплавания. К точке зрения заимствования склоняется и **В. В. Бжания**¹⁷⁸.

В 1955–1956 годах грузинская археологическая экспедиция во главе с **О. М. Джапаридзе** обследовала несколько дольменов в сел. Эшера и добыла интересный материал, изложенный в его статье «Дольменная культура в Грузии»¹⁷⁹. **О. М. Джапаридзе** пишет, что дольмены абхазской группы одного типа и подразделяются, как и на Северном Кавказе, на малые, средние и большие. По своему инвентарю средние более архаичны (конец ранней бронзы и даже раньше), а большие относятся к более поздней эпохе (конец средней бронзы), причем некоторые из них использовались вплоть до середины первого тысячелетия до н.э. Следовательно, строительство ранних дольменов в Абхазии относится ко второй половине III тысячелетия, а поздних – ко второй половине II тысячелетия до н. э.¹⁸⁰ Он указывает, что на раннем этапе развития дольменная культура Абхазии «проявляет явную связь с памятниками ранней бронзы Кавказа. В период средней бронзы она приобретает несколько своеобразный характер, находит некоторые аналогии и в памятниках средней бронзы, а также связывается с памятниками поздней бронзы Абхазии»¹⁸¹. В статье мы не находим постановки этнических вопросов, хотя и указываются специфические особенности, свойственные только инвентарю абхазских дольменов (бусы с треугольными отверстиями и бронзовые булавы с головками)¹⁸².

И. Адамия, присоединяясь к мнению **П. Ушакова** о том, что строительство кавказских дольменов принадлежит не создателям кобанской культуры, а колхам, пишет: «Мы должны называть эту культуру колхской культурой»¹⁸³. Однако ни датировка дольменов (рубеж V-IV тыс. до н. э.), голословно предложенная **И. Адамия**, ни приписывание их грузинским («колхским») племенам, ни тем более попытка протянуть какую-то связывающую нить между дольменами и семейными надмогильными памятниками, встречающимися кое-где у современного населения юго-восточной части Абхазии, не выдерживают критики, не говоря уже об утверждении автора о принадлежности абазгов и апсиров к грузинским племенам.

По **В. И. Марковину**, западно-кавказские дольмены, особенно ранние, обнаруживают наибольшее сходство с соответствующими постройками

---

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Лавров Л. И. Указ. соч. с. 102.

¹⁷⁸ Бжания В. В. Указ. соч. с. 24.

¹⁷⁹ Джапаридзе О. М. Дольменная культура в Грузии (результаты абхазской археологической экспедиции за 1955 – 1956 гг.). // Труды ТГУ, 77. – Тбилиси. 1959 (на груз. яз., с русск. резюме).

¹⁸⁰ Там же. с. 92.

¹⁸¹ Там же. с. 103.

¹⁸² Там же. с. 90 – 91.

¹⁸³ Адамия И. Грузинское народное зодчество. Книга вторая. – Тбилиси. 1968, с. 23.

Средиземноморского бассейна, включая памятники Пиренейского полуострова, Сардинии, Северной Африки, Палестины, Европейской Турции и Болгарии. Наиболее ранние дольмены находятся в Португалии, и сооружались они там в 4000-3500 годах до н. э.¹⁸⁴.

В пользу средиземноморской идеи высказывались многие ученые. Первым на связь кавказской дольменной культуры со Средиземноморьем указывал **Б. А. Куфтин**¹⁸⁵. По мнению же других ученых, например **Л. Н. Соловьева**, она проникла в Абхазию из Сирии и Палестины, а **Л. И. Лавров** считал, что архитектура дольменов на Кавказе не могла сложиться без влияния аналогичных, более ранних памятников Средиземноморья. Наиболее же развернуто эта концепция нашла свое выражение в исследованиях **В. М. Марковина**. Он связывает принесение ее с передвижением большой группы средиземноморцев, морским путем достигших в середине III тыс. до н. э. Кавказского побережья и сыгравших значительную роль в этногенезе абхазо-адыгов. Встретившись на Северном Кавказе с населением Майкопской культуры, они оттеснили его далеко на восток, за пределы Прикубанья. Однако пришельцы сами попали под культурное воздействие майкопцев, а примерно с середины II тысячелетия – под влияние племен уже северокавказской культуры. Что же касается южных районов распространения дольменной культуры, то там **В. И. Марковин** видит довольно быстрое слияние древних насельников абхазской территории со строителями дольменов, а с середины II тысячелетия это смешанное население, по его мнению, поддавалось влиянию западногрузинской археологической культуры, в результате чего дольмены стали «служить своеобразными костехранилищами – оссуариями»¹⁸⁶.

Следовательно, по **В. И. Марковину**, ранний период этногенеза абхазо-адыгов, длившийся до конца II тыс. до н. э., характеризуется непосредственным взаимодействием иностранной (средиземноморской) по своему генезису дольменной культуры и ее носителей с западнокавказскими аборигенами – абхазо-адыгами, которые в конце концов полностью ассимилируют пришельцев. Археологический материал, пишет **В. И. Марковин**, дает основание утверждать, что со второго тысячелетия до н.э. «и до самого позднего времени на территории Западного Кавказа... не ощущается существенной смены населения»¹⁸⁷ (заметим еще раз, что в этот период отрицает смену населения на этой территории и **О. М. Джапаридзе**)¹⁸⁸.

Вышеизложенное мнение **В. М. Марковина**, при всей его кажущейся логичности, вызывает некоторые сомнения и возражения. Основному его тезису о приходе средиземноморцев на Кавказ противоречит прежде всего «чисто кавказский облик»¹⁸⁹ самого дольменного инвентаря, хотя, правда, некоторые предметы из Сицилии напоминают собой частично материал кавказских дольменов (крюк и топор, секира и тесло)¹⁹⁰. Неясны, кроме того, причины, приведшие к столь длительной и значительной миграции строителей дольменов с запада на восток, а также их хотя бы предположительная этническая принадлежность.

¹⁸⁴ **Марковин В. И.** Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. – Нальчик. 1974, с. 29, 43, 50.

¹⁸⁵ Он склонялся к тому, что античные насельники Кавказского побережья – гениохи – были пеласгами, и что к древнейшему пеласгическому слою относится докобанская, более древняя стадия палеометаллической культуры Кавказа, в частности, ее дольменостроительная модификация. (**Куфтин Б. А.** Указ.соч. с. 322).

¹⁸⁶ **Марковин В. И.** Указ. соч. с. 46, 51; **Его же.** Дольмены Западного Кавказа. – М. 1975, с. 27.

¹⁸⁷ **Его же.** Дольменная культура... с. 48.

¹⁸⁸ **Джапаридзе О. М.** К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. – Тбилиси. 1961, с. 231, 232; **Его же.** К этнической истории грузинских племен по данным археологии–Тбилиси, 1976, с. 340. **Его же.** На заре этнокультурной истории Кавказа. – Тбилиси. 1989, с. 393, 400

¹⁸⁹ **Марковин В. И.** Указ. соч. с. 46.

¹⁹⁰ **Там же.** с. 35.

Возникает и такой вопрос: почему эти пришельцы, столь тесно связанные с морем и мореходством, предпочли на Кавказе глубинные лесистые предгорья, а не побережье – вблизи своей родной морской стихии? Далее, как такой мощный и экспансивный народ-завоеватель с относительно высокоразвитой культурой, строитель сложнейших по тому времени погребальных сооружений, оказался ассимилированным в среде окружающего местного населения, стоявшего на более низком уровне социально-экономического и культурного развития? Также неясным остается вопрос появления обряда вторичного погребения под западногрузинским влиянием, ибо этот обряд не характерен для носителей западногрузинской допротоколхидской культуры. В изложении **В. И. Марковина** неясна и этническая природа носителей протоколхидской культуры, в среде которых полностью растворились южные дольменостроители. Иными словами, являются ли южные дольменостроители и носители протоколхидской культуры представителями близких этнических общностей или же нет?

Я. А. Федоров, придерживавшийся в основном автохтонной теории, развивал тезис **З. В. Анчабадзе** о том, что «эпоху процветания дольменной культуры в Абхазии следует рассматривать как начальную стадию формирования абхазского этноса»¹⁹¹. Он исходил из того, что ареал расселения абхазских и адыгских племен в XIX веке отнюдь не совпадает с ареалом расселения их далеких предков, носителей дольменной культуры, и что размежевание абхазов и адыгов произошло еще до возникновения здесь дольменной культуры, а также отрицал прародину кавказских дольменов где-то в заморских дальних странах: идея дольменов могла развиваться в пределах самого анатолийско-кавказского ареала. Кроме того, **Я. А. Федоров** считал ошибочным представлять носителей дольменной культуры на Кавказе некоей аморфной абхазо-адыгской этнической массой, ибо «ко времени постройки ранних дольменов Абхазии, абхазский и адыгский языки должны были уже самоопределиваться»¹⁹². Следуя **Е. М. Крупнову** он доказывал, что Абхазия является основным районом, из которого распространилась дольменная культура на Кубань, и локализовал всю дольменную культуру в протоабхазской этнокультурной среде, стремясь доказать этническую принадлежность этой культуры именно предкам абхазов, настаивал на «праабхазской принадлежности дольменов», причем в его аргументации немаловажное значение имеет абхазский обычай вторичного погребения, якобы чуждый адыгам. «Проникновение традиции дольменного погребения за пределы Абхазии и прилегающих к ней районов Восточного Причерноморья было связано с расселением протоабхазских групп через перевал за Кавказский хребет»¹⁹³, угасание же дольменной культуры отражало собой процесс «ассимиляции абхазского этноса»¹⁹⁴.

Если, однако, указанные ареалы позднейшего расселения абхазо-адыгов и распространения западнокавказских дольменов никак действительно не совпадают, то выходит, что находимые на этой территории археологические культуры не имеют отношения к предкам абхазо-адыгов, с чем трудно согласиться. А что касается приписывания дольменов только предкам собственно абхазов, то вряд ли последние уже в ту отдаленную эпоху имели столь широкое распространение – от Южной Абхазии до Керчи, включая весь бассейн Кубани.

2. К поискам местных корней дольменной культуры

а. Территория

Если дольмены принадлежат праотцам коренного населения нашего края, то это, несмотря на дальность расстояния, отделяющего нас от времени их создания, должно

¹⁹¹ **Анчабадзе З. В.** История и культура древней Абхазии. с. 125.

¹⁹² **Федоров Я. А.** О дольменной культуре Западного Кавказа и ее носителях // ВМГУ. 1974, № 4, с. 79.

¹⁹³ Там же. с. 86.

¹⁹⁴ Там же. с. 93.

было в какой-то мере отразиться в языке и традиционной культуре тех народов, которым эти памятники приписываются. Поищем и мы, как и вышеупомянутый маститый академик, «помощи у неграмотного крестьянина».

Учитывая слабую аргументированность каждой из охарактеризованных теорий – заимствования «идеи», миграции населения и местного (спонтанного) происхождения дольменной культуры на Кавказе, – следовало бы сопоставить археологические материалы с филолого-этнографическими, обратить внимание на некоторые факты исторической этнографии абхазо-адыгов, которые, как можно надеяться, будут способствовать тому, чтобы сделать более убедительной гипотезу о принадлежности дольменов предкам указанных народов.

Прежде всего сравним две карты – карту распространения дольменов по обе стороны Кавказского хребта¹⁹⁵ и карту расселения абхазо-адыгских родоплеменных групп в первой половине XIX в.¹⁹⁶. Мы видим, что эти карты почти совпадают друг с другом, занимая территорию от Пятигорья на северо-востоке и до Керченского пролива на западе, а оттуда вдоль Черноморского побережья вплоть до южных районов современной Абхазии (в последнее время группа дольменов была обнаружена в окрестностях с. Гвада Очамчирского района). За пределами этого исконного обитания абхазо-адыгских племен на Кавказе настоящих дольменов нигде нет, хотя упорно ходят слухи о наличии их в горах за пределами сел Члоу и Бедия.

Вероятно, нельзя считать исключенным, что примерно такая же ситуация наблюдалась здесь и в период функционирования дольменов (конец III – II тыс. до н. э.), когда многочисленные племена абхазо-адыгского корня имели, как предполагают, сплошное территориальное распространение вдоль побережья Восточного Причерноморья (от Кубани вплоть до северо-восточных областей Малой Азии). Их основная часть – непосредственные предки абхазо-адыгов – в силу определенных особенностей своего географического положения, материальной и духовной жизни явились создателями западно-кавказской дольменной культуры, которая так и осталась нехарактерной для другой (юго-восточной) части родственных этнических групп (они впоследствии вообще исчезли с лица земли). Культурные различия между отдельными компонентами, составляющими большой и широко разбросанный этнический конгломерат, бывают нередко весьма значительными. Во всяком случае, хотя этнические границы не постоянны, но все-таки в данном случае указанное совпадение распространения абхазо-адыгских племен с ареалом дольменов не является, надо полагать, случайным, оно не может, пожалуй, получить более убедительного объяснения, кроме того, что только коренные жители этих мест, то есть древние предки абхазо-адыгской группы народов, с незапамятных времен безраздельно господствовавшие на указанной территории, могли быть создателями кавказской дольменной культуры, причем, вероятно следует учесть и мнение **О. М. Джапаридзе**, что именно «абхазские дольмены являются, по-видимому, самыми ранними среди известных дольменов Кавказа» (с. 42, 43). Отмеченная территория характеризуется и общностью ряда других весьма архаических этнографических признаков, которые в свою очередь так же выделяют очерченную территорию как особую историко-культурную область, образование которой происходило в процессе многовекового культурного и этнического развития местных племен.

б. О вторичных погребениях

Попытаемся протянуть и некоторые другие нити, связывающие, быть может, отдельные архаические черты этнографического быта абхазов с дольменной культурой.

---

¹⁹⁵ **Лавров Л. И.** Указ. соч. с. 111.

¹⁹⁶ **Инал-Ипа Ш. Д.** Абхазы. – Сухуми. 1965, с. 367.

В этом отношении значительный интерес представляет собой обряд вторичного захоронения. Своеобразное расположение человеческих останков, находимых в дольменах, приводит археологов к убеждению о том, что у строителей этих сооружений существовал обычай вторичного погребения. Правда, некоторые исследователи (например, **Л. И. Лавров**) отрицают наличие вторичного погребения в дольменах. Но пока нет убедительного опровержения этого факта, мы должны считаться с мнением тех археологов, которые сами непосредственно проводили раскопки в дольменах и подтверждают вторичность¹⁹⁷ погребений во многих из них. У них не вызывает никакого сомнения то, что вообще одним из характернейших признаков культуры Абхазии уже в эпоху энеолита и ранней бронзы является «широкое распространение обряда вторичного захоронения»¹⁹⁸.

Вторичные захоронения имели в Абхазии глубокие традиции и встречались в пещерах, дольменах, кромлехах, урнах и пр., и не только в раннебронзовую эпоху, но и в более поздние времена. По археологическим материалам прослеживается преемственная традиция погребального обряда со вторичным положением в кувшинах (или без них) вплоть до III в. до н. э. Об этом свидетельствуют пещерные захоронения в урнах и без них эпохи ранней бронзы (Гагрский, Калдахварский, Каманский, Лавинные гроты, Воронцовская и Михайловская пещеры), захоронения в урнах в районе Гагры, в береговом валу сел. Псоу, в Адлере и могильнике, обнаруженном в Новых Гаграх рубежа III – II тысячелетий до н. э. (из 14 захоронений 2 остались невыясненными, одно представляло труположение на спине, 11 погребений были вторичными, причем пять погребений представляли собой небольшие груды костей, накрытые черепом, а в 6-ти случаях одни черепа были уложены в поставленные вверх дном горшки, окруженные остальными частями скелета)¹⁹⁹. К XV – XIII векам до н. э. относятся вторичные урновые погребения из с. Нижняя Эшера, к эпохе поздней бронзы – в сс. Приморском, Мерхеул и районе Красного Маяка, к III веку до н. э. относится захоронение в той же Нижней Эшере. Южнее вторичные погребения (иногда с частичной кремацией), зафиксированные на горе Джантух в Ткварчале, в с. Палури на р. Ингури, где могильник функционировал начиная со второй половины II тысячелетия и вплоть до середины I тыс. до н. э., в сс. Мухурча и Нигвзиани, а урновое погребение обнаруженное в Накалакеви относится к IV – III вв. до н. э.²⁰⁰

Что же касается дольменов, то вторичные погребения в них совершались в течение почти 1500 лет, а в кромлехах – от первой половины II тысячелетия и до рубежа н. э..

Обряды вторичного погребения, датируемого рубежом II – I тысячелетий до н. э., установлены археологами и для определенного района Центрального Дагестана (село Чох)²⁰¹. Однако этот обычай проник в Дагестан, по-видимому, из Северо-Западного Кавказа, так как «установлено продвижение северокавказских племен эпохи бронзы в северные пределы равнинных и предгорных районов Дагестана (курганы по р. Сулак)²⁰².

¹⁹⁷ **Куфтин Б. А.** Указ. соч. с. 274 – 275, 278, 295.

¹⁹⁸ **Бжания В. В.** Указ. соч. с. 23.

¹⁹⁹ **Бжания В. В., Бжания Д. С.** Древний могильник в Гагре. – Сухуми. 1991.

²⁰⁰ **Шамба Г. К.** О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского района. // Известия АБИЯЛИ. II. – Сухуми. 1973, с. 188; **Абрамишвили Р. М., Микеладзе Т. К., Мусхелишвили Д. П.** О результатах археологических исследований на строительных площадках Ингури ГЭС (1964 – 1965 годы). // Пленум ин-та археологии 1966 г. Секция археологии Кавказа. Тезисы докладов. – М. 1966, с.4; **Пхакадзе Г. К., Барамидзе М. В.** Могильник в Мерхеули. // Полевые археологические исследования в Грузии в 1969 г. – Тбилиси. 1971, с. 230 –231; **Григолия Г.** и др. Результаты работ 1971 г. разведочно-археологической экспедиции в Западной Грузии. // Археологические исследования в Грузии в 1971 году. – Тбилиси. 1972, с. 108; **Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В.** и др. О работе Колхидской экспедиции в 1974 г. – Тбилиси 1975; **Барамидзе М. Б.** Мерхеульский могильник. – Тбилиси. 1977, с. 77, 78. (В этой книге произошла досадная ошибка. Фибулы с дужкой в виде собак, о которых нам рассказывал **М. Б. Барамидзе**, как о найденных в Мерхеульском могильнике, вдруг прошли в ней как происходящие из Палури).

²⁰¹ **Мунчаев Р. М.** Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 году // КСИИМК. 1958, 71.

²⁰² **Марковин В. И.** Дагестан и Горная Чечня в древности. – М. 1968, с. 9.

Таким образом, есть основание думать, что обычай вторичного захоронения действительно существовал в Абхазии, более того, первоначально он был, по-видимому, наиболее характерным для древнего населения именно этого края и смежных с ним районов, откуда впоследствии проникает на Северный Кавказ и даже в Поволжье, где он отмечен в материалах, связанных с Кавказом²⁰³.

В связи с устанавливаемым археологически вторичным погребением особый интерес вызывает характерный похоронный обычай абхазов – первичное «воздушное» захоронение покойников, о котором имеются указания как в исторических, так и в этнографических источниках (при этом следует иметь в виду, что в ранних описаниях говорится о «колхах» вообще, а в более поздних уже конкретно об абхазах).

Разными авторами, начиная с IV в. до н. э. описывался обряд первичного захоронения колхских воинов, зашитых в ритуальные шкуры священных быков, причем покойников подвешивали на деревьях в священных дубовых рощах бога войны (заметим, что многие монеты «колхидки» – ранние полудрахмы, имеют на реверсе изображение быка с ожерельем, как в прошлом и у жертвенных быков на похоронах абхазских мужчин-воинов, а позже и на поминках (апсхура).

Нимфодор Сиракузский (IV–нач. III в. до н. э.)²⁰⁴, а затем **Аполлоний Родосский** (III в. до н. э.)²⁰⁵ пишут, что у колхов считается святотатством предавать огню или зарывать в землю трупы умерших мужчин, что их завертывают в невыдубленные бычьи шкуры и при помощи веревок вешают на деревьях вдали от города, в то время как трупы женщин предаются земле. **Николай Дамасский** (I в. до н. э.)²⁰⁶ подтверждает, что колхи покойников не погребают, а вешают на деревьях. **Клавдий Элиан** (II в. нач. III в. н. э.)²⁰⁷ также отмечал, что «колхи хоронят покойников в кожах; зашивают их и вешают на деревьях».²⁰⁸

По истечении многих веков, обряд этот вновь был описан в начале XVII в. монахом **де Лукка** (1625 г.) **Эвл. Челеби** также говорит о захоронениях на деревьях, которым подвергались абхазы высшего сословия. В том же XVII в., сообщая об обычае абхазов вешать покойников на дереве, **Арк. Ламберти** указывает, что они «выдалбливают ствол дерева наподобие гроба, кладут туда покойника и **крепкой виноградной лозой** подвешивают к верхушке дерева. На этом же дереве вешают все оружие, которое покойник в жизни употреблял на войне»²⁰⁹. О том же пишет и голландский врач, путешественник **О. Даппер**²¹⁰. Интересно и свидетельство **Феррана** (около 1709 г.) о том, что и у черкесов (видимо, кабардинцев или возможно абазин), тела умерших мужчин «ставили в деревянных гробах на высокие деревья». И царевич **Вахушти** (XVIII в.) писал, что абхазы клали мертвых одетыми и вооруженными в гробы и ставили на деревья. Как мы видим, все эти авторы пишут о «воздушном» погребении в отношении только мужчин и, как видно, в основном из высших сословий.

Обычай «воздушного захоронения» связан, надо полагать, с тотемическими представлениями или культом божества молнии **Афы**²¹¹, в котором явно проявляются

²⁰³ **Халиков А. Х.** Очерки по истории Марийского Поволжья в эпоху железа. //Труды Марийской археологической экспедиции. Том II. – Йошкар-Ола. 1962.

²⁰⁴ **Нимфодор Сиракузский.** Варварские законы // ВДИ. 1947, № 3, . 273.

²⁰⁵ **Аполлоний Родосский.** Поход аргонавтов. // ВДИ. 1947, № 3, с. 283.

²⁰⁶ **Николай Дамасский.** Свод странных обычаев // ВДИ. 1947, № 4, с.176.

²⁰⁷ **Клавдий Элиан.** Различные рассказы // ВДИ. 1948, № 2, с. 227.

²⁰⁸ Обряд захоронения в целой бычьей шкуре засвидетельствован и в раннем Египте (**Дикшит К. С.** Введение в археологию. – М. 1960, с. 260).

²⁰⁹ **Ламберти Арк.** Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией // СМОМПК. Вып. 43. – Тифлис. 1913, с. 189, 190; ЗООИД. XI. – Одесса. 1879, с. 493.

²¹⁰ **Даппер Ольферт.** Азия или подробное описание Великих Моголов, Персидского королевства, а также Грузии, Мингрелии, Черкесии...». – Нюрнберг. 1681 / Перевод **Т. Э. Васильевой.** с. 160 – 161.

²¹¹ По описанию **А. Иоакимова**, «гром и молнию абхазы приписывают божеству **Афу**, почтенному старцу на крылатом коне, с извилистым мечом в правой руке» (**Иоакимов А.** Абхазцы. // «Кавказ». 1874. 39).

черты бога-воителя, покровителя мужчин-воинов, «мужчин-героев», по-абхазски афырхаца, досл. «герой (мужчина) бога Афы (или богов Афы)».

Согласно древнему абхазскому обычаю, описанному **Соломоном Званба** и другими авторами, дошедшему почти до нашего времени убитые молнией в течение некоторого времени укладывались на высокие деревянные помосты-каркасы. Последние сооружались на четырех шестах, покрытых сверху ветками, а вокруг них исполнялись обрядовые танцы в сопровождении специальной песни в честь божества грома и молнии (**Аф-рашэа или Анцэа-рашэа**). И только после этого убитые предавались земле, причем выражать горе плачем со слезами запрещалось²¹². Соответствующий обычай засвидетельствован и у адыгских племен. Так, **И. Шильтбергер**, в самом начале XV в. посетивший адыгов, сообщает, что убитые молнией признаются у них святыми, гроб пораженного молнией вешают на дерево и в течение трех дней совершают обрядовые пляски и жертвоприношения, повторяемые ежегодно²¹³.

По словам 70-летнего **Инуса Хуматовича Дгебиа**, проживавшего в сел. **Багбаран**, близ Сухума, в старину абхазы клали покойников в шкуру, которую в целом виде сдирали с принесенного в жертву быка, перевязывали концы и подвешивали лианами (лозой) на дереве, вдали от населенного пункта. Об этом он слышал в детстве от старого жителя села Мерхеаул **Османа Кягусовича Капба**. Подобные же сведения были записаны автором этих строк и от пожилого жителя сел. Куланурхва Гудаутского района **Хаджарата Аргун** и др. Рассказывают, в частности, что пораженного молнией человека клали не только в цельную бычью шкуру, но также на сколоченные деревянные доски или в плетеную корзину конусообразной формы (**акэыцха**)²¹⁴, которые также устанавливались или посредством скрученных в виде веревок плетей виноградных лоз, вешались на дереве. Сохранились и некоторые микротопонимические названия, связанные с этим обычаем. Например, в том же с. Куланурхва одна местность известна под именем **Апскнахарта** (**Аҧскнахарта**), Апсцва рыкнахарта (**Аҧсцэа рыкнахарта**), что в дословном переводе с абхазского означают соответственно «Место подвешивания покойника» или «Место подвешивания покойников». Эта местность находится на высоком холме, богатом в прошлом дичью и сплошь покрытом высоким густым лесом, в котором в основном рос дуб. Некоторые старики – коренные жители Лыхны, помнят и такое микротопонимическое название на территории этого села: «Дуб, на котором покоится голова (череп) покойника» (**Аҧсы ихы ахьтоу ацъ**) А археологу **В. В. Марковину** старики шапсуги рассказывали, что по р. Шахе, на горе Аутль находится урочище известное русским под названием «**Три дуба**», а шапсугам как **хачмиз** (хьэчмэз по А. И. Лаврову), где в прошлом совершались воздушные захоронения мужчин²¹⁵.

Итак, в некоторых пещерных, дольменных, кувшинных и других древних захоронениях Абхазии²¹⁶ погребались, собранные вместе человеческие кости, накрывавшиеся иногда черепом²¹⁷. Такие обряды трудно объяснить, не иначе как допустив существование вторичного погребения. Получается, что, согласно этому обычаю, умерших хоронили дважды; сначала на воздухе, а затем в земле. Сперва покойника, подлежащего воздушному погребению, отвозили подальше от жилищ и помещали на дереве (или другом недоступном для зверей месте), а потом, когда

²¹² **Званба С.Т.** Этнографические этюды. – Сухуми. 1955, с. 67– 68.

²¹³ **Брун Ф.** Путешествие **Иоанна Шильтбергера** по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год./ перевод с нем. **Ф. Брун** //Зап. Импер. Новороссийского ун-та. Том I, вып. 1–2. – Одесса. 1867, с. 60.

²¹⁴ Архив АбНИИ им. Д.И. Гулиа АН Гр.ССР. ф. 2, д. 159, с. 124.

²¹⁵ **Марковин В. И.** Дольмены Западного Кавказа. – М. 1978, с. 228.

²¹⁶ Пещерные погребения встречаются во множестве и в средневековых могильниках верховьев Кубани, а кувшинные захоронения имели широкое распространение почти на всем Кавказе, например, в Восточной Грузии второй половины I тысячелетия до н. э., на территории Кавказской Албании в Мингечауре и др.

²¹⁷ **Фадеев А. В.** К вопросу о генезисе кобанской культуры в Абхазии. //Труды АбНИИ. Вып. II. – Сухум. 1934, с. 68, 69.

оставались одни кости, переносили их в другое место, в дольмен, урно, горшок или предавали навечно земле простой ингумацией (в позднейшее время в гробах).

Возникает вопрос об этнической принадлежности этого странного обычая и его связи с дольменами.

Еще в недавнем прошлом у абхазов существовал обычай так называемого «снятия с доски» (а҃џы кэыхра). Суть его состоит в том, что человек, потерявший своего близкого приятеля, приходил к родственникам последнего и просил их предоставить ему право «снять покойного с доски». Это означало, что в случае согласия близких умершего, он берет на себя все заботы по похоронам последнего. Вполне возможно, что родственники и друзья умершего приходили к тому месту, где на дереве (или высоком деревянном помосте) покоились уложенные на доске или досках кости сородича, снимали их оттуда и погребали в отведенном месте. Трудно найти более правдоподобное объяснение указанного обычая, чем то, которое прямо вытекает из самой этимологии его названия: «снятие с доски» (от а҃џы акэыхра спускать, поднимать).

В данной связи не лишены интереса и некоторые другие характерные древнеабхазские фразеологизмы-проклятие, например: «**Чтоб накинули на тебя лиану (лозу)**» (А҃захэа ухарцааит). Естественно думать, что это проклятие идет от времени, когда умершего клали на доску и завернув в шкуру при помощи лианы-лозы подвешивали на дереве, а потом когда оставался только скелет снимали его оттуда для захоронения. Многие знают выражение «а҃҃сылгара», что понимается как вынос мертвеца далеко за пределы поселка, очевидно, для того, чтобы запах разложения не доносился до населенного пункта, где явно имелось в виду воздушное захоронение. В смысле похоронить человека абхазы часто говорят и так: «Кости его предали земле» (Иба҃҃ анышэ иарт҃҃еит). В этом выражении по духу его и букве также можно усмотреть далекий отзвук тех порядков, когда погребали в землю не целое тело, а только кости покойника. После же предания земле они должны были, согласно обычаю, оставаться там навечно непо потревоженными.

И в эшерских двух смежных кромлехах из четырех каменных кругов, сооруженных в первой половине II тысячелетия до н. э.²¹⁸, связанных, очевидно, с космическими представлениями древних абхазов – культом солнца и грозовых явлений, мы встречаемся, как и в некоторых дольменах, урнах и других, с обрядом вторичного захоронения. По всей вероятности, в кромлехах, также служивших священными костехранилищами, хоронились прежде всего останки пораженных молнией людей и животных. В кромлехах и дольменах были обнаружены, наряду с глиняными сосудами, бронзовыми и раннежелезными предметами, также и кости собак, которые были древнейшими боевыми друзьями и помощниками человека.

Как видно, обряд вторичного захоронения не имел, пожалуй, столь широкого и столь длительного по времени бытования (свыше 4000 лет) и нигде не был так органически связан с этнографическим бытом населения, как в Абхазии. И если такой важный с культурно-исторической и этногенетической точки зрения обычай, как «воздушное погребение», был известен колхам и абхазам и, говоря словами Арк. Ламберти, нельзя больше его «найти ни у одного народа в мире», то не свидетельствует ли этот факт еще и об этническом родстве абхазов с теми колхами, которым приписывали античные авторы данный обычай, на что исследователи обращают недостаточно внимания.

Обычай вторичного погребения был известен и в некоторых странах Древнего Востока. Так, в древнем Эламе (Сузы) покойников предавали земле «лишь после полного разложения плоти». Еще в начале IV тысячелетия до н. э. в долине Сарона кости покойников гхассульской культуры после разложения плоти помещали в прямоугольные керамические урны – «оссуарии», причем эти урны в точности повторяли архитектуру их

---

²¹⁸ Шамба Г. К. Эшерские кромлехи. – Сухуми. 1974, с. 41, 43 и сл.

жилых домов²¹⁹. Некоторые ученые считают, что и кавказские дольмены повторяют формы жилищ того времени²²⁰.

в. Почитание черепа

С наступлением бронзовой эпохи на территории Абхазии фиксируются с достаточной четкостью два основных погребальных обряда: грунтовые захоронения и вторичные погребения. Последний обряд, в свою очередь, представлен четырьмя вариантами: захоронениями в пещерах, дольменах, в кромлехах и в урнах или горшках. Существование обряда вторичного погребения доказывается, как об этом частично уже говорилось, расположением человеческих останков в виде груды костей и отсутствием в них анатомической последовательности, а также некоторых костей, в том числе иногда и черепов. Эти факты существенно дополняются указанными выше абхазскими этнографическими материалами.

Надо полагать, что древние люди при отправлении обряда вторичного погребения выделяли отдельные части скелета по их значимости. Это относится прежде всего к черепу. Ритуальные захоронения черепов, найденные в Гагрском и Калдахварском гротах, в сел. Псоу, в Адлере и других местах, относятся ко второй половине III тыс. до н. э. Древние жители этих мест, которым принадлежат захоронения, по-видимому, только череп предавали земле, считая егоместилищем разума и души, а в некоторых других местах, например, в Михайловской пещере и Команском гроте, встречаются захоронения костей, но без черепов²²¹.

Как указывалось выше, в дольменном обряде погребения череп среди других человеческих останков занимает особое положение; он лежит сверху, на грудех остальных костей, прикрывая их собой и возвышаясь над ними. Среди дольменных человеческих костей присутствие черепа было, как правило, обязательным.

Характерно, что абхазы почтительно называют старейшину рода, мудрого наставника странным на первый взгляд термином «черепа», дословно «головная кость» (ахыбаџ от ахы голова и абаџ – кость). И сейчас еще можно услышать выражение: «Клянусь нашим черепом», в смысле «Клянусь нашим предком» (Хыбаџ иамаџуп). Можно думать, что именно пожилые мужчины из числа привилегированной части населения, занимавшие руководящее положение в обществе, удостоивались прежде всего чести быть погребенными в дольменах (хотя, некоторые и думают, что в них хоронились все). Древние предки абхазов, веря в загробную жизнь, считали, по-видимому, что и после смерти людям нужны не только свои жилища и другие условия материальной жизни, но и «черепа» руководителей родовых и племенных старейшин и жрецов (аныхаџааџ), без опыта и мудрости которых никто не мыслил своей жизни ни на этом, ни на том свете.

г. Дольмены и анимистические представления абхазов

---

²¹⁹Чайлд Гордон. Древнейший Восток в свете новых раскопок. – М. 1956, с. 212, 346. В Европе же вторичные погребения не имели широкого распространения. Этот обряд иногда встречался в культуре курганных погребений (1500 – 1200 гг. до н. э.) и в старых больших курганах Северной Европы более позднего времени (Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. – М. 1973, с. 58, 103, 231). Племена же Тамберина в Того «верят, что душа усопшего присоединится к его предкам только после «вторых похорон» // Газета «За рубежом». 25, 15 – 21 июня, 1979, с. 23.

(Чрезвычайно важным следует считать сообщение этнографа С. Л. Габуния о басках. По ее словам обычай «погребения на воздухе» зафиксирован и у них. К сожалению она не пишет, в какой период оно практиковалось, по какому ритуалу и т. д. (См. ее автореферат: Габуния С. Л. Баскские погребальные обряды и их грузинские параллели. – Л. 1988, с. 17. Прим. комм.)

²²⁰Лещенко А. Ф. Матеріали до орнаментики дольменів на Північно-Західному Кавказі. // «Антропологія». Том IV за р. 1930. – Київ. 1931, с. 242.

²²¹Соловьев Л. Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. // Труды АБИЯЛИ. Том XXXI. – Сухуми. 1960, с. 93.

Строители дольменов вели оседлый образ жизни, занимались земледелием и скотоводством, появление которых представляет собой целый переворот в хозяйственном развитии общества (в настоящее время уже можно считать доказанным переход племен, обитавших на юге России, к земледелию и скотоводству еще в эпоху неолита). В дольменах найдены части скелетов различных животных, прежде всего собаки, а также лошади, свиньи и рогатого скота, причем возможно, что в процессе строительства дольменных сооружений применялись веревки и тягловая сила быков²²². Представления же о двойственности мира, потусторонней жизни, заботы о своих праотцах, а также знакомство с такими абстракциями, как «бессмертие», «дух», «душа» и т.п., показывают довольно высокую степень духовного развития, ибо, говоря словами **А. В. Луначарского**, «кто совершенно невежествен, того не грызет бес сомнения»²²³. Строительство таких памятников, как дольмены, связано с определенными важными сдвигами в развитии общества и его мировоззрения. Надо полагать, что немалую роль в этом сыграли прежде всего новое религиозное осмысление загадочного для первобытного человека явления смерти и охватившие его заботы о загробной жизни. Теперь на Западном Кавказе заупокойный культ получил свое конкретное проявление, в частности, в массовом строительстве герметически замкнутых погребальных камер, рассчитанных на исключительную долговечность. Встречающееся в литературе определение дольменов, как «домиков для души»²²⁴, вполне соответствует идущему от родового строя анимистическому воззрению о человеческой душе и ее связях с телом.

Анимизм выступает как один из существенных элементов всякой религии. Он оформился на сравнительно высокой ступени общественного развития – в эпоху расцвета родового строя. Анимистические воззрения, как своего рода «духовные силы производства», были господствующими у всех народов в течение долгих веков, а абхазы донесли их почти до наших дней в виде ярких пережитков.

Согласно верованиям абхазов, все живое является носителем души (аҭсы), то есть неопределенного сверхъестественного духовного начала, которому некогда, может быть, даже приносились человеческие жертвы, о чем свидетельствует выражение: «Да обведут меня вокруг твоей души» (уҭсы сакэыхшоуп)²²⁵. В дословном переводе с абхазского живое есть то, что «содержит душу» (аҭсҭазаара от аҭсы душа, ҭазаара содержать, вмещать). Следовательно, душа внутри нас. Но она может «входить» в организм (аҭсҭалара) и «выходить» из него (аҭсхыҭра, аҭсҭыҭра). Тогда соответственно наступает оживление (оухотворение) или смерть. Перед смертью душа «собирается» со всего тела (аҭсеизгара) и, наконец, покидает его (аҭсхыхра, аҭсыхшэара) – наступает смерть (аҭсра). В смысле «убью тебя» абхазы говорят: «вытяну с тебя душу» или «выну из тебя душу» (уҭсы ухысхып). Душа нужна телу везде и всюду, в том числе и на том свете. Никогда она не должна блуждать где-нибудь вдали от него и надолго разлучаться с телом. Поэтому, если человек погиб в горах или утонул, а труп его перенесен и похоронен на родовом кладбище, то нужно обязательно воссоединить душу, покинувшую тело, с этим последним. Для этого абхазы совершают уникальные по своей архаичности обряды «вылавливания души» (аҭсыҭгара), или «снятия души», (уҭсы ухысхып), то есть магическое собирание души в бурдюк на месте гибели человека и торжественное – с особыми песнями и танцами – перенесение в могилу, где покоится прах ее носителя. Так душа воссоединяется с останками и, получив успокоение, переселяется в загробный мир²²⁶.

²²² **Марковин В. И.** Дольмены Западного Кавказа. 1975, с. 23, 32.

²²³ **Луначарский А. В.** Почему нельзя верить в бога. – М. 1958, с. 48.

²²⁴ **Мещанинов И. И.** Указ. соч., с. 81.

²²⁵ Пережиточный магический абхазский обряд обхода женщиной, против часовой стрелки вокруг мужчин, приходящих на оплакивание ее мужа или родственника, восходит, вероятно, к тому времени, когда жен возможно приносили в жертву «душе» покойного мужа.

²²⁶ В древнеегипетской застольной песне, восходящей к Среднему царству (около 2000 г. до н. э.), слова которой высечены на стене в погребальном храме фараона Иниотефа, говорится, что «души погребены в

Необычайного развития достигли у абхазов культ предков и связанные с ним обычаи кормления покойников. Приносимые им обильные жертвенные дары – пища и напитки – называются «долей души», «долей умершего» (аҭсхәы) Причем эти жертвы доставляются непосредственно и на места погребения покойников (анышәынтра абаз. анышанҭара) Считалось, что все это необходимо делать потому, что душа – двойник человека; ее потребности и привычки, условия существования те же, что и у живых людей: души умерших составляют такие же коллективы, как у живых людей, с теми же занятиями и социальным укладом. Коллективы живых людей и души мертвых взаимозависимы, их связь – материальная, хозяйственная»²²⁷.

По представлениям древних, души, выйдя из тела умершего, продолжают существовать и даже могут оказывать то зловерное, а иногда благотворное влияние на человека, который поэтому старался воздействовать на них мольбой, убеждением, угощением, подарками и т.п.²²⁸. Жан де Лукка писал, что «у абхазцев существовали специальные священники, не имеющие других обязанностей, кроме как хоронить мертвых и заботиться об их душе»²²⁹.

Одним словом, с известным основанием можно сказать, что почти вся жизнь древнего абхаза была служением душам близких покойников. Клятва именем последних была для него превыше всего (сыҭсцәа ирымаҭуп), а какое бы то ни было оскорбление словом или действием памяти предков воспринималось как тяжкое преступление. «Души умерших членов семьи прародителей оставались под опекой живущих и в свою очередь должны были оказывать покровительство этим живущим во всех их предприятиях. В этом суть первобытной религии анимизма, которая и породила на высоких стадиях своего развития эти удивительные памятники»²³⁰ – дольмены.

Многое говорит именно за культовое осмысление дольменов – этих вместилищ костей умерших предков и их душ. В частности, почти все кавказские дольмены снабжены отверстиями (прямоугольными, овальными, но в основном круглыми) и порталными площадками²³¹, причем особо величественно оформлены порталные части, обращенные обычно к свету,²³² а солярные орнаментальные мотивы, встречающиеся иногда на стенах, связываются с идеей плодородия. Углубления же и желобки на отдельных дольменах указывают на совершение каких-то жертвоприношений²³³.

Дольмены встречаются довольно высоко в горах (в среднем около 300–400 м. над уровнем моря) и расположены в основном на ровных полянах, среди густых лесов, образуя часто значительные группы – от нескольких до 564 (на р. Кизинке)²³⁴.

Особые сооружения для погребений – могильники, некрополи, кладбища и прочие появляются в основном в период неолита и связаны с формированием сложных представлений о загробной жизни. И дольмены, вечные хранилища душ, предстают перед нами как основная часть этого древнего культа мертвых, многочисленные пережитки которого дожили у абхазов до наших дней. Культ предков является одним из самых распространенных в истории религий. Но он не везде был одинаково развит. Так,

---

своих гробницах» (выделено мной – Ш. И.) (Струве В. В. Хрестоматия по древней истории. Том 1. – М. 1936, с. 36).

²²⁷ «Философская энциклопедия». Том 2. – М. 1962, с. 86.

²²⁸ После смерти человека, тень покойника а-дны-игау блуждает близ домов и свистит. «Адны-игау бледен и одет в белый саван; абхазцы приносят жертву в некоторых случаях и питают к нему страх и уважение, как к божеству» (Иоакимов А. Абхазцы. //«Кавказ», 1874, 39.). Абхазское «адны икоу» обозначает тень или недобрую душу покойника, отлучившуюся после смерти человека от его тела и блуждающую по ночам на свободе, дословно «вне дома», «по полям и лугам» (от адны – наружи, в поле и ийоу – находящиеся).

²²⁹ Luca Jean. Relation des Tatares, percopites et Nogais, des Circassiens, Mingreliens et Georgiens. //Записки Одесского об-ва истории и древностей. Том XI. – Одесса. 1879, с. 493.

²³⁰ Соловьев Л. Н. Указ. соч. с. 74.

²³¹ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. – М. 1974, с. 2, 13.

²³² Там же. с. 21, 25.

²³³ Там же. с. 26.

²³⁴ Там же. с. 9, 10.

например, древние египтяне создали исключительно развитый заупокойный культ, как и абхазы на Кавказе, в то время как шумерам и их преемникам вавилонянам – носителям «многогранной культуры древнейшего классового общества, известного истории» – заупокойный культ был почти неведом²³⁵.

д. Жертовенник и жертвоприношения у дольмена

У одного из передних углов некоторых дольменов заметны следы жертовенника в виде неглубокого ступообразного углубления, а боковые стены несколько сходятся кверху. «Впереди перед круглым отверстием остается ступень или небольшая платформа, которая у больших дольменов получается от того, что верхняя, нижняя и боковые стены несколько выступают перед лицевой плитой»²³⁶. Такая передняя, покрытая сверху, была характерной частью одного из древних типов жилищ абхазов, и называлась она «абарца» (абарца) возможно, от «аба» – сухое, «аца» дно, низ. Кроме того, следует вспомнить отмеченное **Л. И. Лавровым** оставление шапсугами жертовенной пищи у дольменов еще в XIX в.²³⁷. Все это может свидетельствовать о том, что строители дольменов и их потомки, выполняя обряды, связанные с культом предков, поклонялись этим усыпальницам и выставляли непосредственно у их стен поминальные жертовенные дары, как это делают абхазы до сей поры на свежих могилах близких людей. Возможно, что в эти дни даже открывали входные отверстия дольменов, чтобы души мертвых могли выйти из «дома души» (адыг. псыунэ) и приобщиться к жертовенной пище.

В традиционных абхазских семьях наблюдается обычай, по которому в поминальные дни в честь умерших предков делаются жертвоприношения с обильной едой, возлияниями вина, воскурением воска, зажиганием восковых свечей и т.п. Все эти дары при настезь открытых дверях кладутся на стол (в старину – на длинный узкий деревянный столик на четырех низких ножках под названием «аишэа»), а молещик приглашает незримо присутствующие при этом души умерших приобщиться к принесенным в их честь дарам. Этот поминальный обряд называется «выставлением стола» или «установлением стола» (от «аишэа» – столик и «аргылара» поставить, установить), а в целом слово выражает так сказать, малые, или предварительные угощения души, устраиваемые через неделю (на 9 день после смерти) и на сороковой день («аишэаргылара»), а главные поминки «аҭсхэра» – через год, а иногда и через два. По-видимому, он ведет свое начало от древнего заупокойного культа, требовавшего принесение жертв прямо к месту погребения покойника. И здесь напрашивается сопоставление с тем, что в удобных по условиям местности случаях у фасадной стороны дольменов устраивалась, как было сказано, специальная площадка или помост на уровне пола, очевидно, для установления указанного столика с жертвоприношениями²³⁸. В. В. Марковин со своей стороны отмечает, что в порталльной части дольменов обычно встречаются следы приношений в виде керамики и костей животных лошадей, свиней, но **более всего собак**. Ясно, что здесь совершались определенные ритуальные церемонии, для которых и были предназначены отмеченные площадки.

В связи с этим обращают на себя внимание каменные жертовенники, которые находятся на некотором расстоянии один от другого на территории сел. **Царча** Гальского района,. Один из этих каменных столов сохранился в целом виде. Он представляет собой необработанную песчаниковую плиту шириной до 1 м, длиной около 2 м, опирающуюся

²³⁵ Струве В. В. Предисловие к кн. Крамер С. Н. История начинается в Шумере. – М. 1965, с. 5, 14.

²³⁶ Подозерский К. И. По Черноморской губернии (в Туапсинском и Сочинском округах) // ИКОИРГО. Том XVII. 1904, 3, с. 203.

²³⁷ Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа. с. 104.

²³⁸ Л. И. Лавров также отмечает «обязательное наличие ровной площадки перед фасадом» дольменов. Иногда площадки имеют искусственное происхождение и явно служили местом молений, поклонений и жертвоприношений. (Там же, с. 103 – 104).

концами на две каменные глыбы высотой свыше 0,5 м. По рассказам стариков, некогда местные жители приносили сюда в честь умерших вино и другое питье и пищу, а прохожие брали жертвоприношения со стола и тут же ели и пили, воздавая хвалу душам тех, которым были принесены эти дары. Говорили еще, что в глубокой древности на этом помосте покоились мертвецы. Микрорайон, где находится указанный культовый камень, называется живущими теперь здесь мегрелами словом «Абака» (Абака) или «Наабакаре», что происходит от абхазского «абака» (абака), означающего собой памятник²³⁹.

Изображения на дольменах встречаются весьма редко. Зато исключительно интересным памятником в этом отношении является передняя плита дольмена из ущелья реки Кефара, левого притока Б. Зеленчука. Изображена на ней целая сюжетная сцена²⁴⁰.

Трудно, правда, сказать, относится ли она к эпохе строительства дольменов или же сделана позднее, при вторичном использовании плиты в качестве стены и пр. На плите в сложном сочетании изображены кресты (вероятно, астрального значения), собака с задранной хвостом и высунутым языком, три человеческие фигуры, одна из которых разливает из сосуда жидкость (вино?), другая опирается на какой-то предмет, напоминающий алебарду или, скорее, соху-кривулину наподобие той, которая встречалась в Абхазии до недавнего времени, а третья держит в правой руке сосуд наподобие стакана²⁴¹. Нелегко разгадать смысл и содержание этой сложной композиции. Надо полагать, что перед нами ярко изображенная картина жертвоприношения, совершаемого членами семейно-родовой общины на могиле их сородича – «отправления доли души» (аҭсхәра), где эта «доля» включает все, без чего, согласно верованиям, не мог существовать тогдашний земледелец или скотовод и на том свете, а именно: пищу и напитки, орудия труда и вооружение, символы астрального культа и фигура большой задиристой собаки.

Интересно, что абхазы до недавнего времени сохраняли память о божестве собак под именем **Алышкынтыр** (этим именем абхазы называли и называют леопарда, изображения которого нередки в эпоху поздней бронзы), подобного которому, пожалуй, нет в мифологии других родственных народов. Оно является одним из колоритнейших образов абхазского языческого пантеона²⁴². В археологических материалах из Абхазии встречаются многочисленные изображения животных, прежде всего собак, относящиеся к различным историческим эпохам, а **в эшерских кромлехах и дольменах собачьи кости лежали рядом с человеческими**. По преданию, одна мудрая абхазка, увидев открытыми настежь врата небесные, при которых высказанные желания будто бы исполняются, попросила бога, чтобы он дал ей и ее роду четыре важнейших элемента человеческого существования в первую очередь собак и потомство, дословно «людей», а также молока и хлеба – лари-уари-хызи-чхуари!

²³⁹ Об этом памятнике много был слышан **Н. С. Джанашиа**, как это видно из его этнографических очерков, но увидеть его своими глазами ему не довелось. Не исключается, что перед нами последние остатки полностью разрушенного дольмена небольших размеров. Если подтвердятся и сообщения разных лиц о наличии дольменов в окрестностях сел. **Гвада** (сообщение семьи **Жиба**), **Члоу** и **Бедиа**, то будет положительно решена проблема наличия дольменов и на территории Южной Абхазии. Следует также отметить, что культовые камни встречаются и в других местах Абхазии – на одном из альпийских пастбищ Очамчирского района, в бассейне р. Кудепста, в сел. Ачандара Гудаутского района, а в горном ущелье под названием Кудзхылпа (Къыѣхылѣа, с незапамятных времен лежит большой плоский камень, на который прохожие обязательно клали живую ветку, сорвав ее с ближайшего дерева.

(Явно культового назначения были две очень плоские чисто белые известняковые плиты правильной круглой формы, лежавшие одна на другой. Они были найдены во время вспашки в окрестностях Сухума. Большая плита была свыше метра диаметром, вторая верхняя несколько меньше. Прим. комм.).

²⁴⁰ **Марковин В. И.** Указ. соч. с. 18.

²⁴¹ **Фелицин Е. Д.** Западно-Кавказские дольмены // МАК. 1904, Том IX, табл. X, рис. 20.

²⁴² **Ианл-Ипа Ш. Д.** Из скотоводческого культа абхазов (Алышкынтыр) // Известия АБИЯЛИ. Том XII. – Тбилиси. 1983, с. 45 – 63.

е. Об абхазском названии дольмена

В языке и фольклоре абхазов уже не так легко отыскать материалы, связанные с дольменами. И все-таки имеются отдельные факты, которыми, как мы видели, никак не следует пренебрегать. Это относится и к названию дольмена. Действительно, как он именуется по-абхазски? Нелегко ответить на этот, казалось бы, элементарный вопрос, потому что в абхазском языке имеется несколько терминов, которые могут претендовать на роль обозначения интересующего нас погребального сооружения. Одно из них это слово «адамра», но не является ли оно в абхазском заимствованием? В адыгских и картвельских языках его нет. Нет этого слова также в турецком и арабском языках, где для обозначения могилы (похоронных носилок) употребляются термины совершенно другого облика (табут, кабыр, макбар). Правда, в иранском мы находим широко распространенный и в других языках термин «адам», но он означает «человек», а для выражения понятий «гроб», «могила», «склеп» существуют другие слова – «дахма», «гур», «табанкук». Следовательно, для обозначения дольмена остаются еще два коренных абхазских слова – «ахатгун», «амаша»²⁴³. Упомянутым же выше «адамра»²⁴⁴ иногда действительно называют дольмен. Это слово понимается теперь в народе (например, 70-летним **Нестором Шат-ипа** из сел. Эшера) и как гроб, морг, надмогильный памятник, «каменный домик» (между прочим, в указанном селении кое-где еще строят для погребения своих покойников так называемые «**каменные домики**»). Адамрой, по словам некоторых, называется и доска, на которую кладут мертвеца во время его обмывания. Кроме того, существует характерное абхазское выражение! «Не заставляй мертвеца биться головой об адамра (Аҭҭсы адамра хыла дашәмырсын). Так говорят о каком-нибудь недостойном, постыдном, преступном поведении человека, несовместимом с образом его близкого покойного родственника, каким его помнят потомки. Существуют и такие древние фразеологизмы: «Холодная адамра» (Адамра хьшәашәа) – так выражают понятие о чем-то мрачном, холодном, подземном; «Его имущество хранится в адамре» («уи имоу адамра иҭоуп) – так говорят о недоступном месте, тайнике; «Бледный, как-будто вышел из адамры» (Адамра дааҭыҭызшәа дцәышхабиза); «Адамра – место упокоения души» (Адамра ҭсшьарҭоуп) (такое выражение встречается, например, в одном из стихотворений турецкого абхаза, ученого Омара Бегуаа) и др. При всем том, слово «адамра», возможно, содержит заимствованную из какого-то другого языка основу (дам), а если это подтвердится, то сомнительно, чтобы оно являлось абхазским названием дольмена.

Термин ахатгун (аха-ҭгә-ын) состоит из трех частей, первая из которых означает камень, а последняя – дом, жилище. Значение второго элемента неизвестно (возможно, оно является ничего не значащей связующей частицей). Следовательно, «ахатгун», **может быть, выражает собой «каменный дом»** – от древнеабхазского «аха» камень (ср. «ахаҭьа» – каменная терка, досл. камень плоский, и ун – дом, жилище (абх. аҭны и адыг. унэ – дом). Такая этимология находится в полном соответствии с логикой, поскольку дольмены действительно представляют собой архитектурные памятники, построенные исключительно из камня в качестве «жилья» для покойников (ср. – адыг.: **спы-ун**, то есть «дом карликов»). Имеются (правда, еще непроверенные) сведения о том, что абхазы называли дольмен «аҭ» («аю») – словом, возможно, однокоренным с «аюны» (аҭны – дом). Но это единственное сообщение одного из старейших абхазских сказителей (**Силах Бутба**, с. Атара) и нуждается в дополнительном подтверждении и уточнении, тем более, что данное слово выражает собой и такие понятия, как «пещера» (ср. с выражением аҭ уҭасцалап, т.е. «Загону тебя в аҭ»).

²⁴³Точнее, этим термином в абазинском и абхазском языках обозначается могильная яма.

²⁴⁴В словаре И. Бартоломея **адамра – гроб. (Бартоломей И. Абхазский букварь. – Тифлис. 1865, с. 126).**

К дольменам причерноморские черкесы, как и некоторые абхазы, проявляют до сих пор благоговейное отношение, считая их могилами предков²⁴⁵. В частности, как указывалось и выше, старики-шапсуги передавали рассказы о почитании дольменов в старину, о принесении к ним жертвенной пищи²⁴⁶. Предания черкесов, строительство дольменов – жилищ мифических карликов – Спи, связывают именно с ними, а отверстия в дольменах служили будто-бы входом, через который карлики могли проникать внутрь верхом на зайцах. Согласно преданиям, дольмены строили для них великаны.

ж. Проблема этнической принадлежности

Генетическая увязка памятников культуры с развитием торгово-экономических связей вполне допустима²⁴⁷, и все-таки утверждение **Л. И. Лаврова** о заимствовании дольменной культуры в результате морских походов древних кавказцев в страны Ближнего Востока представляется малоубедительным. Почему, в частности, кавказские мастера заимствовали именно «идею» дольменов, а не других культурных достижений народов? Мы не можем с уверенностью утверждать и о том, что дольмены являются результатом миграции населения. «Культура мезолита Кавказа говорит об очень быстром темпе развития каменного производственного инвентаря в этом районе, более быстром, чем в прилегающих районах Северного Причерноморья»²⁴⁸. Перед нами длительное предшествующее развитие местной культуры, непрерывная местная техническая традиция, в частности, в области обработки камня, хотя существует и мнение о том, что «дольменная культура не имеет своих генетических корней среди древностей Прикубанья и Причерноморья»²⁴⁹.

Кавказские дольмены типологически в основном относятся к одной группе памятников. Эта однотипность, при некоторых локальных различиях, а также близость и оригинальность дольменного инвентаря свидетельствуют о том, что дольменная культура на Кавказе создавалась в местной, причем в довольно однородной этнической и культурной среде. Кавказские дольмены не могут одновременно принадлежать различным по происхождению племенам, а являются созданием ограниченного круга генетически тесно связанных между собой этнических групп, расселившихся по обеим сторонам западной оконечности Кавказских гор²⁵⁰.

В. И. Марковин связывает единую местную дольменную культуру, включая Абхазию, со «случайным» проникновением «отдельных» средиземноморцев в пределы Западного Кавказа. Допускается лишь «предположение о весьма вероятной роли дольменной культуры в становлении абхазо-адыгского этноса на его раннем этапе». А вместе с тем не совсем понятным образом он относит археологические находки из верхних дольменных слоев к «протоколхидской», или «западногрузинской» культуре. По мнению громадного большинства исследователей, «в этническом составе населения этой территории со второй половины III тысячелетия, когда здесь появились дольмены и обряд вторичного погребения, и до современной эпохи не происходило, как видно, резких изменений; сменялись, по-видимому, лишь этнические наименования»²⁵¹.

На территории распространения дольменов издревле живут коренные народы абхазо-адыгской лингвистической группы. С этим же ареалом совпадает и распространение ряда других древних и весьма существенных этнографических реалий и явлений, общих для

²⁴⁵Около середины XIX в. какой-то приезжий иностранный ученый («франк») принужден был прекратить раскопки дольмена на реке Фарс (в 5-ти километрах от ст. Новосвободной), так как «горцы в силу страха отказались работать» (**Куфтин Б. А.** Указ. соч. с. 126).

²⁴⁶**Лавров Л. И.** Из поездки в Черноморскую Шапсугию // СЭ. 1936, № 4 – 5, с. 126.

²⁴⁷Там же.

²⁴⁸**Формозов А. А.** Каменный век и энеолит Прикубанья. – М. 1965, с. 54 – 55.

²⁴⁹**Марковин В. И.** Указ. соч. с. 35.

²⁵⁰Там же. с. 2, 6, 28, 40 – 41.

²⁵¹**Соловьев Л. Н.** Указ. соч. с. 94.

абхазов с черкесами (круглое в плане конусообразное жилище, архаические черты брака, например, скрывание жениха, искусственное, или молочное родство, воздушное погребение убитых молнией, почитание древнейшего божества **Чапа/Чопа/Чоппа**, связанного с небесным огнем и домашним очагом, двухструнные народные смычковые инструменты, песенный рефрен «уарада», легенды о карликах, героический нартский эпос и многое другое),²⁵² что свидетельствует о глубочайших корнях культурной и этнической общности данной группы народов.

Но это единство не было, видимо, уже тогда, в эпоху строительства дольменов, лишено известной социальной, а также этнической дифференциации. Можно указать, например, на локальные различия в архитектуре дольменов, на то, что на территории Абхазии отсутствуют составные и цельнокаменные дольмены, которые встречаются во многих других местах Северо-Западного Кавказа, наблюдается разница и в инвентаре. Не исключено, что эти различия связаны с особенностями древних локальных этнических групп. В целом, однако, инвентарь древних слоев абхазских дольменов является очень близким к инвентарю Майкопского кургана (середина III тысячелетия до н. э.), в особенности же к инвентарю более позднего Новосвободненского подкурганного дольмена, что указывает на этнически однородный состав населения всего Северо-Западного Кавказа в эту эпоху.

Проблема этнической принадлежности кавказской дольменной культуры остается одной из важнейших проблем кавказоведения. И все же вряд ли следует «исключать всякую возможность искать соответствие этого древнего населения с последующими исторически действующими и в настоящее время живущими племенами и народами», как утверждал Б.А. Куфтин²⁵³. Надо полагать, что кавказские дольмены никогда не будут до конца разгаданы, если их будут изучать в отрыве от исторической этнографии абхазо-адыгских племен, этногенез которых, в свою очередь, упирается в проблему научного определения создавшего эти памятники древнего этнического оформления.

Разве не существенны почти полное совмещение исторической территории расселения аборигенных абхазо-адыгских племен с ареалом распространения дольменов и ряд выразительных фактов их исторической этнографии, связанных с дольменами, выступающих как параллели дольменного обряда погребения, а именно: вторичное захоронение через этап так называемого «воздушного погребения», отголоском чего являются, по-видимому, указанный выше обычай «снятия с доски» покойника и отдельные фразеологические окаменелости («вздернуть тебя лозой», «вздернуть тебя лианами», «предать земле кости»); почитание черепа как вместилища души и мудрости; соответствие герметически замкнутой архитектуры дольменов с древнеабхазским религиозным представлением о безотлучной связи души с телом; о необходимости их воссоединения в случае разрыва между ними (обычай вылавливания заблудшей души и водворения ее в место погребения тела покойника); принесение «доли души», т. е. жертвенных даров и выставление их на столике у могилы, нашедшие, как можно предполагать, свое отражение на дольменной плите из Кефара, а также некоторые языковые данные, в том числе оригинальные абхазские термины, обозначающие дольмен. Все это, как мне кажется, заставляет думать, что население, оставившее дольменную культуру, вошло и приняло активное участие в образовании древнеабхазских племенных союзов, которые на территории Абхазии упоминаются в исторических источниках с I – II вв. н. э. и которые являются непосредственными предками современных абхазов.

Допущение связи и сопоставления такой древней археологической культуры, как дольменная, с определенным этносом (или этносами), хотя и довольно рискованное занятие, но все же вполне допустимо. **Этно-лингвистическая атрибуция таких культур правомерна, потому что этногенетические процессы протекают уже с конца**

²⁵²Представляется весьма возможным предположение, что эта территория была населена также одним антропологическим (понтийским) типом, продвинувшимся в глубокой древности с юга на север (см. ниже).

²⁵³Куфтин Б. А. Указ. соч. с. 289.

неолитического времени. Именно с тех пор постепенно появляются и этнографические особенности отдельных культур. Наука не отрицает существования археологических культур как этнокультур, то есть та или иная культура может быть по своему происхождению культурой отдельных групп древних племен и народностей. Так, например, **А. Ф. Лещенко** в своей работе по орнаментике дольменов, выводил формы дольменов из кавказских типов жилищ, и при этом отметил, что четырехугольный в плане «дольмен представляет собою копию плетеных абхазских и мингрельских домов, с навесом, пристроенным к передней стене... А круглые дольмены нужно считать копиями круглых плетеных хижин»²⁵⁴, добавим от себя – абхазов. С другой стороны, если кавказские дольмены действительно принадлежат предкам абхазо-адыгских племен, то из этого напрашивается вывод о том, что последние, являясь одним из древнейших культурных народов Кавказа, непрерывно занимают нынешние в основном места обитания по крайней мере с середины III тысячелетия до н. э.

Преобладание местных корней археологических культур в Абхазии и смежных с нею районах является историческим фактом не только для ранних, но и для последующих периодов истории края – богатой и выразительной средней и поздней бронзы (колхидская культура), а также железного века и античной колонизации, с которой мы вступаем в период писанной истории.

Носители дольменной культуры не могли не оказать большого влияния на сложные этнокультурные сдвиги и изменения, которые происходили на Западном Кавказе на протяжении II – I тысячелетия до н. э. **Б. А. Куфтин** писал: «...Весь инвентарь обоих дольменов при явной архаичности, особенно в форме клинков и топоров с круглыми отверстиями для насадки, обнаруживает загадочное соприкосновение по целому ряду составляющих его предметов со значительно более молодой кобанской культурой и ... даже с ее еще более поздними дериватами... Все эти предметы, являясь прототипами кобанских, указывают на несомненную тесную преемственную связь между строителями дольменов и тем населением, которое позднее развивало кобанскую культуру, видимо, уходящую, во всяком случае, одним из своих корней, на северо-восточное Черноморское побережье»²⁵⁵.

Эпоха бронзы представлена на Кавказе многими выдающимися памятниками. **А. А. Иессен** выделяются на Кавказе три этапа медно-бронзового века: памятники раннекубанской группы, среднекубанские и, наконец, кобанская культура и все синхронные ей кавказские памятники. Причем «при выделении для этого последнего этапа отдельных районов или очагов металлургии и металлообработки район Прикубанья не был отделен от области кобанской металлургии в Центральном Кавказе и ближайшим образом с ней связанной западно-кавказской, или колхидской металлургией в Грузии». В результате дальнейших исследований им же устанавливается особый Прикубанский очаг металлообработки – местный центр производства медных и отчасти бронзовых изделий во второй половине II и начале I тысячелетия до н. э.²⁵⁶. Характеризуя этот очаг, **А. А. Иессен** пишет: «В целом мы имеем вполне выраженный комплекс орудий и иных предметов, распространенных только в северо-западной части Кавказа и отличающихся от продукции остальных кавказских очагов развития бронзового века полным или почти полным господством изделий из меди, а не из бронзы»²⁵⁷.

Вместе с тем исследователи приходят к выводу, что юго-западные склоны Главного Кавказского хребта были экономически и культурно теснее связаны с Северным

²⁵⁴ **Лещенко А. Ф.** Матеріали до орнаментики дольменів на Північно-Західному Кавказі.// Антропологія. Том IV, за р. 1930. – Київ, 1931, с. 242.

²⁵⁵ **Куфтин Б. А.** Указ. соч. с. 270 – 271.

²⁵⁶ **Иессен А. А.** К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. Вып. 120, 1935. **его же.** Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и в начале I тысячелетия до н. э. // КСИИМК. XVIII. – Л. 1947, с. 18 – 19.

²⁵⁷ **Иессен А. А.** Прикубанский очаг... 1947, с. 19 – 20.

Кавказом, чем с более южными районами Закавказья. Однако, начиная с эпохи развитой бронзы (примерно с XVIII в. до н. э.), культурное единообразие сменяется пестротой и многообразием, отражающим собой, очевидно, культурное своеобразие отдельных племен.

К сожалению, в данной работе не представляется возможность рассмотреть сколько-нибудь подробно вопрос культурной преемственности населения Абхазии периода средней и поздней бронзы. Укажу лишь, хотя бы в самых общих чертах, что **археологами, бесспорно устанавливается такая преемственность, корни которой уходят еще в V тыс. до н. э. К числу ярких памятников, говорящих о непрерывности культурного, а, следовательно, и этнического развития края, относятся, например, Мачарское поселение средней бронзы и Тамышское поселение поздней бронзы. Связь культур от неолита до античности, когда абхазские племена выступают уже в письменных источниках, настолько выразительна и бросается в глаза, что «границы между эпохами неолита и бронзы улавливаются с трудом»,²⁵⁸ ибо признаки, характеризующие материальную культуру одной эпохи, путем постепенного эволюционного развития, переходят в последующую эпоху.**

Органически вплетаются в круг местных религиозных представлений и такие уникальные памятники мегалитической культуры бронзовой эпохи Абхазии, как **эшерские кромлехи²⁵⁹ и открытый И. И. Цвинария Отхарский комплекс – курган с находившимся в нем огромным дольменом с двориком, окруженным кромлехами и с группой небольших дольменов. Внутри дольменов обнаружен обряд вторичного захоронения, а человеческие кости сопровождалась различными предметами – не только керамикой, украшениями из сердолика и кремневыми орудиями, но и бронзовыми украшениями и бронзовыми орудиями. Материал опубликован в новой работе этого автора, посвященной специально «взаимоотношениям культур энеолита и ранней бронзы Западного Кавказа»²⁶⁰.**

Не может не обратить на себя внимание ярко выраженное культурное своеобразие всего Восточного Причерноморья, начиная с отдаленных исторических эпох. Отмечая факт обособления Колхиды от общекавказских культур, **Т. К. Микеладзе** пишет: «В Колхиде засвидетельствована совершенно своеобразная материальная культура, отличающаяся от соседних культур и сохраняющая на протяжении многих столетий принципиальную однородность. Это указывает на имманентное развитие археологических культур II – I тыс. до н. э. и тем самым на возможность существования в Колхиде, во всяком случае с конца III тыс. до н. э., этнически однородного населения»²⁶¹.

Итак, археологические данные показывают непрерывность и генетическую преемственность в развитии культур на Кавказском (включая и Абхазское) Причерноморье с древнего каменного века до античного времени, когда в письменных источниках появляются этнонимы, которые с большей или меньшей вероятностью могут быть отнесены к предкам современного коренного населения этой части региона. Несколько особняком, пожалуй, выглядит возникновение на территории Абхазии и смежных областей Северо-Западного Кавказа в эпоху ранней бронзы нового типа погребальных сооружений – дольменов, которые, быть может, преемственно небесспорно связаны с предшествующим развитием местной культуры, а имеют сходство с соответствующими памятниками Средиземноморья. Однако встречающиеся изредка

²⁵⁸Бжания В. В. Указ. соч. с. 24.

²⁵⁹Шамба Г. К. Эшерские кромлехи. – Сухуми. 1974.

²⁶⁰Цвинария И. И. Новые памятники дольменной культуры Абхазии. – Тбилиси. 1990, с.16.

²⁶¹М. Т. Микеладзе, доказывая «имманентное» развитие оригинальной местной культуры с III по I тыс. до н. э. на Юго-Восточном Причерноморье и в Колхиде, приписывает ее всецело западно-грузинским (сванозанским) племенам, обходя при этом полным молчанием существующие мнения о заселении указанной территории в древности абхазо-адыгскими и родственными им этническими группами (Микеладзе М. Т. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. – Тбилиси. 1974, с.183, 184 и сл.).

отдельные высказывания о том, что дольмены, территориально ближайшие к западно-кавказским, имеются на южном берегу Черного моря, в хаттских и смежных с ними областях Малой Азии, пока не находят, насколько известно, достаточно убедительного подтверждения. Все это осложняет проблему, и она до сих пор остается одной из неясных и спорных. Автор этих строк придерживается точки зрения тех исследователей, которые считают, что появление дольменов не изменило общего характера материальной культуры на данной территории и потому не может указывать на появление здесь нового, пришедшего извне, этнического элемента. Вместе с тем, вполне сознавая недостаточную аргументированность и гипотезы местного происхождения дольменов, мы должны по возможности привлекать новые факты и аргументы в ее пользу, сопоставляя, в частности, соответствующий археологический материал с данными исторической этнографии абхазо-адыгов. Очевидно, что не все верно в приведенных мешаниновских словах о том, что «в основе многое из современного быта тождественно далеко отошедшим временам», но все же отмеченные выше мысли и сопоставления некоторых архаических явлений этнографии абхазов с дольменами могут, я полагаю, пригодиться тем, кто еще не окончательно разочаровался в полезности таких «криминальных» сравнений и склонен по-прежнему продолжать поиски местных корней этой великой, но во многом все еще загадочной культуры.

Поиски путей к разгадке ее тайны продолжают²⁶². Указанная выше, недавно увидевшая свет книга **И. И. Цвинария** «Новые памятники дольменной культуры Абхазии», насыщена уникальными, неизвестными ранее материалами по отхарской и хуапской группам абхазских дольменов. Эта работа также лишняя раз подсказывает нам, что слишком неразумно и преждевременно сдавать в архив бесплодных идей гипотезу местного происхождения дольменной культуры и, пока не создано более правдоподобной и убедительной теории, накопление новых конкретных материалов в ее пользу, в том числе из бесценной и ничем незаменимой абхазо-адыгской этнографической архаики, сохраняет свое исключительно важное научное значение.

III. К вопросу происхождения абхазов в свете антропологии

Большое значение в решении этногенетических задач имеют данные палеоантропологии. К сожалению, такие данные с территории Абхазии пока почти отсутствуют. Древнейший целый череп из **Навалишенской пещеры** в ущелье р. Хоста, относящийся еще ко времени верхнего палеолита или мезолита для решения проблем этногенеза абхазов значения не имеет²⁶³. Более же поздний материал из большой

---

²⁶²К сожалению, до сих пор не опубликован материал раскопок азантского дольмена, проведенных **Б. А. Куфтиным** в 1947 г., где были найдены предметы из бронзы, фигурка медведя, бронзовая бритва и другие вещи вместе с костями и черепами людей, подвергшихся вторичному захоронению. О результатах раскопок осталось лишь краткое газетное сообщение. (Прим. комм.)

²⁶³Он был найден бывшим директором Сочинского музея **А. П. Красновым** и краеведом **Барибан** (житель Хосты). По свидетельству последнего, захоронению подвергся только череп, обнаруженный в слое с микролитами с правой стороны у входа в пещеру. Под височной костью находился клык крупного хищника. Череп был реставрирован и изучен **Е. В. Жировым**. В 1955 году он повторно изучался **М. М. Герасимовым**, исполнившим также его графическую реконструкцию. По его описанию, своеобразным сочетанием широкого (скуловой диаметр 137 мм) и низкого (66 мм) лица с узким носом (носовой указатель 46), довольно низким переносьем и отчетливым прогнатизмом, череп являет собой недифференцированный еврафриканский тип, населявший, по-видимому, данную территорию не в неолитическое или мезолитическое, а скорее в верхнепалеолитическое время. Об этом можно судить по раскопкам **М. З. Паничкиной**, проводившихся в Навалишенской пещере в конце 40-х гг. и давших материал верхнего

коллекции древних черепов, хранящихся в АбНИИ, находится в стадии изучения. Поэтому практически все выводы этногенетического характера, касающиеся населения Западного Кавказа, сделаны в основном на материалах, полученных при обследовании современных жителей края.

В связи с таким положением вещей, мы не должны упускать из виду и мимоходные характеристики внешности местных жителей, относящиеся к относительно позднему времени. Так в XVII в. **Арк. Ламберти** и **Ольф. Даппер** говорят еще о редкой красоте абхазских женщин. О красоте абхазской женщины писал и **Шарден**. Яркое и довольно подробное описание внешнего облика двух социальных групп абхазского населения – представителей беднейшего слоя крестьянства (а скорее всего рабов из пленников, похищенных на стороне) с одной стороны, и дворянства с другой, сделано «с натуры» известным французским путешественником **Ж. Гамба** в начале двадцатых годов XIX века. Абхазские дворяне, которых Гамба встречал в значительном количестве не только в Сухуме, но и в Редут-Кале, настолько отличались от первой группы, что казались людьми «другого происхождения» (впрочем о том же писали и в отношении мегрельского народа, например, Спенсер и др.). Предоставим однако слово ему самому. Вот что писал Гамба: «Абхазы, которых мы наблюдали в Сухум-Кале в довольно большом количестве, имели обычно небольшой рост и худощавое тело, с ногами и бедрами сухопарыми и несколько изогнутыми. Почти все они были голубоглазые... Цвет лица они имеют довольно смуглый; нос заостренный и с горбинкой, но не длинный; их тело, едва прикрытое лохмотьями, не волосистое; бороды короткие и не густые...». Князья же одетые в черкесский костюм, все были «выше среднего роста, крепкого сложения и красивы»²⁶⁴. Писал он и о том, что и женщины абхазов «слывут красивыми».

Здесь хочется привести несколько примеров описаний таких представительниц абхазского народа, хотя их можно и умножить. Так, например, директор Кавказского музея в Тифлисе **Г. И. Радде**, питая резкую неприязнь к абхазам, явно настроенный кем-то против них писал, что «оба пола крайне некрасивы», особенно женщины, у которых «молодость отцветает очень рано». И вот человек с таким предубеждением, во время своей экспедиции конца XIX века, увидел в Цебельде абхазскую девушку-подростка такой красоты, что не смог удержаться от ее описания: «...я замечаю девочку лет 14, которая однако уже вполне развита. По цвету кожи она имеет сходство с бронзовой фигурой... Она прекрасна... Всматриваясь в нее я вспомнил «Уарду» Г. Эберса. Такою как она рисуются в моем воображении красавицы древнего Египта. Заплетенные в тонкие косы,

---

палеолита. (**Герасимов М. М.** Восстановление лица по черепу. //Труды Ин-та этнографии Новая серия. Том XXVIII, 1955, с. 256 – 259).

В конце 1960-х годов во время земляных работ на нескольких частных участках жителей Адлерского района были обнаружены захоронения небольшого размера горшков, в которых находились только черепа. Почти все они оказались в довольно удовлетворительном состоянии и были переданы в начале 1970-х гг. начинающему антропологу **И. П. Ладария**. Вместе с ними было передано и немалое количество зубов из коллекций раскопок дольменов. Все материалы были снабжены документацией, но к сожалению вскоре все собрание странным образом исчезло и до сих пор непонятно, где и у кого находятся эти материалы. Ныне изучены только черепа и части скелетов двух индивидуумов из вторичных захоронений конца III – начала II тыс. до н. э., обнаруженные в гроте Юпсы, Бзыбского бассейна. Черепа выражено долихокранны. (**Канделаки Д. А.** Палеоантропологический материал из грота **Юпсы** (Абхазия). //Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007, с. 209). Череп же захоронения IV в. из **Цебельды** (раскопки **М. М. Трапш**) предварительно был обмерен аспирантом **П. К. Квициния** в начале 80-х гг. в Институте Этнографии АН СССР. Череп почти полностью повторяет основные показатели адыгского варианта понтийской расы. Предварительное же антропологическое заключение **П. К. Квициния**, обследовавшего черепа из **Гагрского могильника** раскопок **В. В. Бжания** и **Д. С. Бжания** 2000 г. сводится к следующему: «Население являлось достаточно длинноголовым, однородным...мужские черепа обладают значительно большими тотальными размерами и массивностью по сравнению с женскими». (**Квициния П. К.** Черепа Гагрского могильника. Рукопись. К сожалению коллекция (около 80) древних черепов из разных погребений с территории Абхазии погибла во время сожжения института. Прим. комм.)

²⁶⁴**Гамба Ж.** Путешествие по Южной России и Закавказским провинциям в 1820 – 1824 годах. Том 1. – Париж. 1826, с. 89 – 90 / Перевод **Н.А. Данкевич-Пушиной**. Рукописный фонд АбНИИ, д. №50, с. 14 – 15.

черные как смоль волосы, падают на не слишком широкие плечи. Не менее черны и глаза ее... Нос тонкий, уши безукоризненной красоты. Грудь и вся осанка ее напоминают медийскую Венеру»²⁶⁵.

О необычной, несравненной красоте девушки из абхазского общества Ахчипсы писал и **Ф. Ф. Торнау**, хорошо знавший Кавказ. Очарованный ею впоследствии он писал, что «нигде» и «никогда» не встречал «подобной изумительной красоты, никогда не видел подобных глаз, лица, стана...»²⁶⁶. А французы писали о потрясающей красоте второй жены Келешбея **Марасы Лейба** уроженки с. Мгудзырхуа, матери будущего владельца Сафарбея (География).

Большое впечатление произвела и на русского офицера **С. Смоленского** красота всех абхазских женщин, как из числа гостей, так и членов семьи, встреченных им у первостепенного абхазского дворянина Каца Маргания: «Почти все они были стройны и красивы, а одна девушка и одна замужняя женщина из семейства хозяина могли назваться замечательными красавицами с нежными русыми локонами, спускавшимися на плечи»²⁶⁷. Отмечал он и то, что и основная масса простолюдинок была довольно красивой. Однако следует иметь в виду тысячелетний отток самых молодых и самых красивых людей, в результате широчайших масштабов работорговли на берегах Абхазии. Но и в XIX веке, как мы видим, встречались женщины былой красоты, у которых сохранялись еще гены древнего типа.

Чрезвычайно важны краниологические материалы с территории Кавказа, однако их к сожалению крайне мало. В Абхазии, например, от дольменных черепов старых раскопок остались только их зарисовки, причем почти у всех отмечена долихокранность. В данном случае исключительно ценные данные для Кавказа были получены в результате исследования антропологической принадлежности останков людей из Самтаврского могильника, расположенного в западной части Восточной Грузии. Оказалось, что долихокранное население (I вариант, как видно относившийся к адыгскому варианту понтийского типа), оставившее указанный могильник в конце II тыс. до н. э. и в первые века первой половины I тыс. до н. э., по своему физическому типу стояло близко к горцам Западной части Кавказа, причем и археологический материал Самтавро этой эпохи проявляет большую близость к западно-закавказскому. Как видно, в VIII веке до н. э., в эпоху начала широкого освоения железа, **начинается проникновение носителей других антропологических черт – представителей южного типа** (II вариант по М. Г. Абдушелишвили)²⁶⁸, антропологически близких населению Южного Закавказья, района Севанского озера, Южного Азербайджана и других мест. **М. Г. Абдушелишвили** считает, что можно предполагать какой-то определенный период сожительства этих двух типов.

Показательно и то, что в этом регионе в IV – III вв. до н. э. и грунтовые погребения сменяются кувшинными. Меняется не только антропологический тип и погребальный обряд, но и археологический материал, который постепенно уступает место типичным формам «восточно-грузинской культуры».

* * *

На Кавказе выделяются четыре основных антропологических типа: **кавказионский** (типичный для Центрального Кавказа, включая горную Грузию), **каспийский** (характерен для Восточного Кавказа), **понтийский** (представлен на Западном Кавказе) и **арменоидный**, или переднеазиатский²⁶⁹.

²⁶⁵ **Радде Г. И.** Кавказ. Очерк II. Кавказский хребет. // «Живописная Россия». Приложение к журналу «Новь». Том IX, 1894, с. 29, 30.

²⁶⁶ **Торнау Ф. Ф.** Воспоминания кавказского офицера. – Москва. 1864, ч. 2, с. 38, 39.

²⁶⁷ **Смоленский С.** Воспоминания кавказца (Из записок юнкера) II // ВС. 1872, с. 327.

²⁶⁸ **Абдушелишвили М. Г.** К палеоантропологии Самтаврского могильника. – Тбилиси. 1954.

²⁶⁹ **Алексеев В. П.** Происхождение народов Кавказа. – М. 1974.

В данном случае нас интересует понтийский тип. Абхазы, а также аджарцы и адыгские народы, за исключением отчасти восточных черкесов и кабардинцев, отнесены **В. П. Алексеевым** к этому типу. **М. Г. Абдушлишвили** же, напротив, отмечает неоднородность абхазов: абхазы Гагрского и частично Гудаутского и Очамчирского районов принадлежат, считает он, к колхскому, или причерноморскому типу, входящему в переднеазиатскую расу, гудаутские же абхазы – к кавказскому. Ни одна из современных абхазских групп не характеризуется им как относящаяся к понтийской расе. Последняя, по его мнению, представлена на Кавказе адыгским типом, включающим остальные (кроме абхазов) народы абхазо-адыгской группы, а также ингушей и грузин нескольких районов Грузии.

Относя население Западной Грузии (мегрелы, имеретины, аджарцы) к колхскому варианту, со сдвигом некоторых показателей в сторону понтийского типа, **М. Г. Абдушлишвили** в то же время пишет, что некоторые группы населения, проживающие в Хашурском, Чиатурском и Сачхерском районах, непосредственно могут быть причислены к адыгскому варианту понтийского типа. Последнее же может означать, что произошел процесс языковой ассимиляции древних насельников и в свою очередь свидетельствует, что часть современных жителей этих районов является их физическими потомками.

М. Г. Абдушлишвили определенно проводит четкую антропологическую границу между абхазами и другими народами абхазо-адыгской языковой семьи. С другой стороны, из всех современных групп Грузии наиболее близкими к абхамам являются, по его данным, мегрелы Зугдидского и Цхакаевского районов, чем и определяется в основном место абхазов среди грузинского «причерноморского» варианта. В итоге он высказывает предположение о том, что «грузинско-абхазское сходство носит характер генетического родства. Вместе с тем, проведенное им позже краниологическое исследование абхазской серии XIX в. привело его к выводу, что наиболее близки к абхамам аджарцы. Следующая степень родства, связывая абхазскую серию с адыгскими и горно-кавказскими группами, свидетельствует о наличии в абхамах понтийского субстрата, а также кавказского элемента, что довольно наглядно прослеживается и в соматологических данных. Третья степень сходства ведет в двух направлениях; «первое – это сходство с армянскими черепами, показывающее среди абхазской серии наличие переднеазиатских элементов, а второе – это сходство с украинскими черепами», указывающее, по его мнению, на элементы антропологических черт северного происхождения. В то же время абхазскую и аджарскую серии автор считает «явно относящимися к причерноморскому варианту, в общем переднеазиатском субстрате»²⁷⁰.

Г. К. Джанберидзе, изучавший происхождение абхазского народа по данным антропологии, также полагает, что в составе населения Западной Грузии (куда, по его словам, вошел один антропологический тип), абхазы антропологически наиболее сходны с мегрелами, а также с гурийской и аджарской группами. Он утверждает, что абхазы отличаются антропологически даже от ближайших своих сородичей – абазин, не говоря уже об их антропологических отличиях от адыгской группы. Он неоднократно подчеркивает, что абхазы и мегрелы, образуя одну антропологическую группу, находятся в генетическом родстве с картвельскими группами, а черкесские народы и абазин составляют другой общий круг сходства генетического происхождения, следовательно, подавляющее большинство физических предков абхазского народа, выпадающего из антропологической общности адыгской группы, было родственно не предкам адыгских народов, а современных грузин; дальнейшее исследование, думает он, несомненно, выявит картвельский пласт в этногенезе абхазов, ибо принадлежность их к адыгской языковой группе имеет будто бы

---

²⁷⁰ Абдушлишвили М. Г. Антропология древнего и современного населения Грузии. – Тбилиси. 1963, с. 17, 61.

вторичное происхождение²⁷¹. (В данном случае он противоречит постулату грузинских ученых, утверждающих о позднем приходе абхазов с севера).

Однако, по-видимому, слишком преждевременно делать столь категорические выводы, не располагая палеоантропологическими материалами, ибо только эти последние могут помочь при реконструкции основных этапов антропологического, а в известной мере и этнического формирования народа. Если же исходить не из почти отсутствующих пока у нас данных краниологии, а из реальных историко-этнографических, языковых и других, то может оказаться, что в основе антропологического сходства абхазов с мегрелами и аджарцами лежит не картвельский пласт в этногенезе абхазов, а наоборот, древнейший абхазский (абхазо-адыгский) этнический субстрат на территории современной Западной Грузии, как об этом свидетельствует, в частности, распространение здесь весьма показательных древнеабхазских этнографических элементов, большого слоя (тоже древних) «черкесских», то есть абхазо-адыгских названий местностей, связанного с языковым субстратом. **В. П. Алексеев же еще в 1974 г. писал, что «народы абхазско-адыгской семьи представляют собой потомков древнего населения и имеют местное происхождение»²⁷².**

В связи с этим возникает, между прочим и такой вопрос: нет ли каких-либо абхазо-западногрузинских этнографических сходжений и параллелей, которые бы отсутствовали у населения Восточной Грузии, может быть, грузинский язык образовался где-то на юго-востоке Грузии и лишь впоследствии произошла картвелизация населения современной Западной Грузии, как, например, картвелизация древнейшего местного населения Сванетии. Словом, если абхазские этнографические элементы мы найдем в Западной Грузии и не найдем их в Восточной Грузии, то тогда будет понятно и происхождение антропологического единства абхазов с мегрелами и другими западногрузинскими племенами, которые, ассимилировав древнее абхазское население, восприняли от него антропологические и этнографические черты. А таких культурно-этнографических элементов и лексических встреч, имеющих распространение в Западной Грузии и не встречающихся в Восточной части страны, можно насчитать немало.

В последнее время, в частности, в связи с проблемой феномена абхазского долгожительства, в дело антропологического изучения абхазов активно включились многие антропологи, в том числе и молодые местные специалисты – **П. К. Квициния** и **И. П. Ладария**. Последней, например, в свое время были изучены группы крови, кожный рельеф ладони и строение зубов у абхазо-адыгских народов, а также у западно- и южно-грузинских групп. Результаты дерматоглифического анализа опубликованы без достаточно широкого, правда, сравнительного фона. Акцентируя внимание на абхазских популяциях, она отмечает их неоднородность, большую пестроту комбинаций признаков (как и у остальных изученных групп) и близость суммарной абхазской группы по комплексу признаков к аджарцам²⁷³.

Таким образом, в антропологии не существует единого мнения о принадлежности современных абхазов к одной из ветвей южно-европейской средиземноморской расы. Но даже исследователи, не включающие абхазов в понтийский тип (как это делает М. Г. Абдушелишвили), не отрицают наличия у них элементов понтийского типа, хотя о времени и путях формирования последнего также нет общепринятой точки зрения.

В. В. Бунак считал наиболее вероятным предположение, согласно которому понтийский тип представляет собой одну из ветвей древней группы племен Передней

²⁷¹ **Джанберидзе Г. К.** Проблема происхождения абхазского народа в свете антропологических данных. – Тбилиси. 1963, с. 106 – 106а.

²⁷² **Алексеев В. П.** Происхождение народов Кавказа. – М. 1974, с. 193.

²⁷³ **Ладария И. П.** К изучению дерматоглифики населения Западного Кавказа // СЭ. 1975, № 4, с. 121 – 130. (К сожалению все полевые материалы с отпечатками у нее также исчезли и тоже при невыясненных обстоятельствах).

Азии, распространившейся вдоль Черноморского побережья и проникший на Северный Кавказ²⁷⁴ в донеолитическую эпоху.

Г. Ф. Дебец рассматривал его как промежуточную форму, образовавшуюся в результате смешения обоих главных подразделений европейской расы – южной и северной.

М. Г. Абдушлишвили же считает средиземноморскую расу (в состав которой входит понтийский тип), древнейшей формацией европеоидов, отмечая при этом, что ее основные ветви образовались на территории Кавказа, и что понтийский тип сложился на основе местных кавказских племен.

В. П. Алексеев предположительно датирует формирование понтийского типа неолитом, причем считает его вторичным, выводя путем трансформации из более древнего кавказского²⁷⁵.

При всем том всех исследователей объединяет, как видно, признание глубокой древности понтийского типа средиземноморской расы.

В. П. Алексеев касаясь сходства абхазов с западными грузинами, среди которых представлен какой-то «специфический вариант понтийского типа» и, приводя мнение **Г. К. Джанберидзе** о том, что какая-то группа западных грузин перешла на «адыгейскую (?) речь», указывает на невозможность окончательного решения этого вопроса ввиду отсутствия изученного палеоантропологического материала как по абхазам, так и по западным этнографическим группам грузинского народа. Вместе с тем **В. П. Алексеев** ставит вопрос, есть ли указанное сходство результат «перехода части западнотурецких этнических групп на адыгейскую, в частности, абхазскую речь, или, наоборот, абхазо-адыгейские языки были распространены в древности значительно шире, чем теперь, и какие-то абхазо-адыгейские этнические группы населяли западные районы Грузии и затем вошли в состав западных грузин?»²⁷⁶.

В целом же он считает, что «местные истоки этногенеза народов, населяющих западные районы Северного Кавказа и Черноморское побережье и принадлежащих к понтийскому типу, устанавливаются антропологическими данными с достаточной определенностью»²⁷⁷. Рассматривая Кавказ и Закавказье как место формирования лишь одной понтийской популяции балкано-кавказской расы, исследователь подчеркивает, что народы абхазо-адыгейской семьи, а также аджарцы в подавляющем большинстве относятся к понтийской группе популяций и, следовательно, представляют собой потомков древнего населения и имеют местное происхождение.

При всем том, на основе данных антропологии однозначно решить проблему происхождения абхазов пока что не удастся. Несомненно только одно: накопление новых, в первую очередь палеоантропологических материалов, должно внести ясность в затронутые здесь вопросы. И такие материалы постепенно начинают поступать.

А. П. Пестряков, составивший расово-морфологическую характеристику жителей с. Члоу, относит представительную группу абхазов Очамчирского района к понтийской расе²⁷⁸.

Анализ дерматоглифики той же суммарной группы абхазов привел и **Г. Л. Хить** к выводу о принадлежности абхазов к кругу популяций, входящих в понтийскую расу. «Анализ основных признаков показал, – пишет она, – что абхазы гораздо ближе к понтийской расе, чем к переднеазиатской, причем они отличаются от понтийской в том же направлении, в каком понтийская отличается от переднеазиатской».

---

²⁷⁴ Бунак В. В. Черепа из склепов Горного Кавказа в сравнительно-антропологическом отношении // МАЭ. Том XIV. – М – Л. 1953.

²⁷⁵ Алексеев В. П. Указ. соч. с. 193 – 194

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Там же. с. 193.

²⁷⁸ Пестряков А. П. Расово-морфологическая характеристика абхазов с. Члоу. // Феномен долгожительства. – М. 1982, с. 186.

В виду такого сходства, абхазы в дальнейшем были включены в своеобразную кавказскую понтийскую расу, которая вместе с тем имеет прямую аналогию среди населения Украины и южных русских. По ее данным, среди 42 этнотерриториальных групп, охватывающих все население Кавказа, наиболее тесно абхазы сближаются с кабардинцами, что, кстати, подтверждается и этнографическими параллелями.

Новые обширные материалы по дерматоглифике населения Западной Грузии, собранные **В. О. Асланишвили**, говорят о том, что **основные территориальные группы абхазов обнаруживают большое взаимное сходство, что, в свою очередь, свидетельствует о значительной гомогенности абхазов, то есть этнической их однородности.** В целом в пределах Западной Грузии (тоже в основном гомогенной), абхазы максимально сближаются с аджарцами²⁷⁹.

Если не говорить об отдельных случайных чертах, сближающих абхазов с армянами, указывает **В. П. Алексеев**, – «абхазы по всем другим данным также должны быть включены в понтийскую расу». Об этом можно прочесть в одной из его последних опубликованных статей по морфологии кавказских народов²⁸⁰.

Наконец, я позволю себе привести еще одно высказывание ныне покойного акад. **В. П. Алексеева**, из его заключения 1977 г. по настоящей моей работе. Там он написал так: «Хотя антропологическая часть книги **Ш. Д. Инал-Ипа** в общем не вызывает возражений, хотелось бы, в частности, обратить внимание на следующее. Наиболее актуальной и острой в антропологии западных районов Кавказа является проблема взаимоотношений антропологических вариантов, представленных среди абхазов и западных этнографических групп грузинского народа. Антропологическое сходство в этом случае несомненно и достигает такого уровня, когда можно довольно уверенно говорить о генетическом родстве. Это сходство и родство может получить противоположные истолкования в этногенетическом плане. В свое время **Г. К. Джанберидзе высказал гипотезу, согласно которой сходный и даже тождественный антропологический состав абхазов и мегрелов объясняется тем, что «преобладающая часть физических предков абхазского народа принадлежала к кругу картвелоязычных народов».**

Эту точку зрения поддержал ряд антропологов. К ней, в частности, когда-то склонялся в некоторых своих работах и сам **В. П. Алексеев**, однако, несколько позже пересмотрел ее, уточнив и дополнив новыми соображениями. В частности, судя по указанному выше Заклчению, он уже считал, что «выдвигаемая в книге **Ш. Инал-Ипа** противоположная гипотеза перехода части абхазоязычного населения на картвельскую речь и достаточно широкого в прошлом расселения его в восточном направлении также имеет право на существование²⁸¹. .. По-видимому, в действительности имели место оба разнонаправленных ассимиляционных процесса и параллельно с ними многовековой брачный и культурный контакты. Таким образом, реальный антропологический процесс был гораздо сложнее, чем это обычно представляется. **Соображения, приведенные в книге Ш. Д. Инал-Ипа, указывают на необходимость по-новому взглянуть на привычные представления в этой области и частично пересмотреть, а частично дополнить их»**²⁸².

Действительно, реальный антропологический процесс был гораздо более сложным, чем это обычно представляют себе сторонники «абхазского» или «картвельского» антропогенеза в указанном абхазо-картвельском многовековом контактном регионе.

²⁷⁹Хить Г. Л. Дерматоглифика народов СССР. – М. 1983, с.101 – 108, 113; Хить Г. Л., Асланишвили В. О. Новые материалы по дерматоглифике населения Западного Кавказа. //Полевые исследования Института этнографии в 1982 г. – М. 1986, с. 172, 173.

²⁸⁰Алексеев В. П. К характеристике морфологической специфичности кавказских народов по краниологическим данным. // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Институт истории филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. – Новосибирск. 1986, с. 53.

²⁸¹Авторы критической редакционной статьи в газете «Советская Абхазия» опускают в приводимой цитате ту часть, где дается аргументация авторской точки зрения и указывается ее гипотетический характер.

²⁸²Из личного архива автора настоящей работы.

Вероятнее всего, согласно **В. П. Алексееву**, «имели место оба разнонаправленных ассимиляционных процесса и параллельно с ними многовековой брачный и культурный контакты». Формирование антропологического типа, несомненно, больше связано с историко-культурной общностью, чем с языковым единством. Этим очевидно объясняется то, что абхазы как будто-бы отчасти несколько выпадают из антропологической общности адыгов. Однако, это не может служить бесспорным доказательством того, что абхазы, наряду с мегрелами, находятся в этногенетическом родстве с картвельскими группами и что принадлежность абхазов к адыгской языковой группе имеет будто бы только вторичное происхождение. Языковая общность лежит в основе генеалогической классификации народов. Если бы принадлежность абхазов к абхазско-адыгской языковой группе носила вторичный характер, то в абхазском языке мы должны были бы иметь какой-то другой (не абхазо-адыгский) первичный слой, что в нем практически полностью отсутствует.

Наконец, если, как указывает **В. П. Алексеев**, гипотеза о переходе части абхазо-язычного населения на картвельскую речь и достаточно широко в прошлом расселении его в восточном направлении имеет право на существование (и находится, кстати, в полном соответствии с выводами лингвистов об абхазском субстрате грузинского языка), то **мы вправе предполагать не грузинский пласт в этногенезе абхазов, а, наоборот, древнеабхазский пласт в грузинском (западногрузинском) этногенезе**. Убран текст

Другое дело гипотеза палеокавказского этнокультурного единства и факторов его распада. Грузинский антрополог **З. П. Инасаридзе**, придерживаясь этой гипотезы отмечает, что большинство народов Кавказа имеет общих предков. «Низкое межпопуляционное разнообразие на Кавказе вызвано существованием большого количества общих генов в народонаселении этого региона, что объясняется единым происхождением большинства народов Кавказа». Заселение Кавказа происходило родственными переднеазиатскими племенами, которые, обосновавшись на склонах кавказских гор, оказались затем изолированными друг от друга горами, ущельями, реками, а позже появились и другие факторы изоляции: различные диалекты и языки, религии, этническая принадлежность. «Фактором, наиболее воздействовавшим на генетическую дифференциацию населения Кавказа, является лингвистический фактор. Но все же древний элемент в современных популяциях сохранился»²⁸³. Дальнейшие исследования, повидимому покажут, насколько соответствует предложенная гипотеза исторической действительности.

---

²⁸³ **Инасаридзе З. П.** Факторы генетической дифференциации народонаселения Кавказа. с. 5, 8 (копия машинописной статьи З. П. Инасаридзе находится в домашнем архиве автора).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЯЗЫК И ФОЛЬКЛОР

1. Предварительные замечания

Этническая общность складывается, прежде всего, из общности языка, а также общности территории, культуры и исторических судеб.

История языка – это в известном смысле и история самого народа, его носителя. Показания языка, особенно при ограниченности других источников, имеют исключительно большое значение для решения этногенетических вопросов. Как было уже давно замечено, «дельное изучение какого-либо народа без знания языка его немыслимо»²⁸⁴, так как язык хранит в себе нередко даже больше, чем датированные письменные и археологические памятники. «Язык как основной этнический показатель ярко отражает особенности этногенеза того или иного народа»²⁸⁵. Известно, что для решения вопросов этногенеза необходимо комплексное их изучение, а процессы глоттогенеза ни по своим особым закономерностям, ни по объему не могут быть тождественными процессам этногенеза, ибо глоттогенез является частью этногенеза в широком смысле слова. Тем не менее, главнейшие этапы этнической истории народа не могут в той или иной мере не отразиться на развитии его языка, особенно на изменении лексики, обладающей наибольшей проницаемостью.

Говоря об этнообразующей роли языка, очень часто подчеркивают, что «языковая общность – важнейшее условие формирования этноса. Действительно, если при этом иметь в виду этносы типа народности и нации, то языковой общности в данном отношении в подавляющем большинстве случаев принадлежит немалая роль»²⁸⁶. Однако было бы ошибочным полагать, будто такая общность обязательно предшествует возникновению этноса. Нередко дело обстоит несколько иначе: формирование этноса и его языковой общности представляет собой одновременный процесс»²⁸⁷.

Изучение истории абхазского языка затрудняется отсутствием письменности на нем до второй половины XIX в.

Абхазский язык – один из многочисленных коренных кавказских языков. Всех удивляли множественность и разнообразие племен и языков Кавказа. Уже у **Геродота** мы находим сообщения о необычайной многоплеменности этого края. Об этом же писал **Страбон** на рубеже новой эры: «В Диоскурии собирается 70 народностей... Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто»²⁸⁸. Лет через тридцать римский историк **Плиний** указывал, что по словам Тимосфена (III в. до н. э.) в

---

²⁸⁴ **Услар П. К.** Этнография Кавказа. Языкознание II. Чеченский язык. – Тифлис. 1888, с. 7.

²⁸⁵ **Еремеев Д. Е.** Этногенез турок. – М. 1971, с. 226.

²⁸⁶ **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Том 21, с. 410.

²⁸⁷ **Бромлей Ю. В.** Этнос и этнография. – М. 1973, с. 59.

²⁸⁸ **Страбон.** География. – М. 1964, с. 472.

Диоскурию «сходилось 300 племен, говоривших на разных языках. И после того наши [римляне] вели здесь свои дела при посредстве 130 толмачей»²⁸⁹.

Как бы преувеличены не были подобные сведения, не подлежит сомнению, что Кавказ не мог не поразить своей необычайной этнической пестротой и что он в античное время являл собой картину еще большего многообразия племен и наречий, чем в наши дни, когда здесь еще представлены около полсотни отдельных языков²⁹⁰. Арабские путешественники X в. **Ибн-Хаукаль** и **Масуди**, указывают в свою очередь на необычайное многоязычие Кавказа, образно названного последним «горой языков». По **Масуди** здесь «72 племени, и у каждого племени свой царь и свой язык», а по **Хаукалю** здесь было даже до 360 языков²⁹¹.

Как уже отмечалось, первое (если не считать абешла) упоминание древнеабхазских племен – апсилов и санигов мы находим у того же **Плиния**, а спустя несколько десятилетий после него другой римский автор – **Флавий Арриан** называет один за другим апсилов, санигов и абазгов (если не принимать во внимание упоминание абазгов в III в. до н. э. у Ликофрона). С этого времени в римских и затем в византийских источниках названия этих племен фигурируют довольно часто. В **армянской «Географии» VII в.** наряду с армянами, грузинами, осетинами и другими народами отдельно упоминаются и абхазы и апшеги, живущие в своей стране **Псинун** (см. ниже).

В грузинском летописном своде «**Жизнь Картли**» (XI – XII вв.) об абхазах как особой этнической единице говорится неоднократно. Там же мы находим и самоназвание абхазов в форме «апсар» и абхазское слово «лаша» – «светоч», «просветитель». В «**Матиане Картлиса**», где говорится о событиях X в., содержится указание об учреждении епископской кафедры в сел. Моква (по абхазски Мыкэ), название которого генетически связано, по всей вероятности, с древнеабхазским родоплеменным именем **Мыкуба**, представители которого и сейчас живут в Абхазии.

Таким образом, в различных памятниках древней и средневековой письменности мы находим отдельные предположительно или, бесспорно, абхазские слова, прежде всего племенные названия: абешла древневосточных надписей, апсилы, абазги, саниги, мисимияне в античных и византийских описаниях; **Отаго Чачасдзе**, братья **Абаза**, **Лаша**, **апсары**, **Моква**, **Гудаква** в грузинских хрониках и т.д. Абхазский социальный термин «**апыза**» – вожак, предводитель (вероятно, одного корня с адыгским «пшы» – передовой, князь) был зарегистрирован доминиканцем **Иоанном Лукским**, посетившим Абхазию в 1625 году. Он писал, что абхазский владетель называется **Puso Пузо** (абх. «Аҧыза») «Теперь это название может считаться окончательно разъясненным», – отмечает **П.К. Услар**.²⁹²

Вообще XVII век оставил нам значительные сведения об абхазском языке. Турецкий путешественник **Эвлия Челеби**, совершая поездку вдоль восточного берега Черного моря, от Гонио до Анапы (1641), побывал в нескольких прибрежных пунктах Абхазии и непосредственно встречался с представителями разных абхазских «племен», которых от Риони и до первого черкесского общества Жане он насчитывает в количестве 25. В его путевых заметках мы находим немало описаний хозяйственного и этнографического быта Абхазии. Ему принадлежит и запись «образцов абхазского языка» в количестве 40 слов и фраз (мать ученого и его дядя – великий визирь **Мелик-Ахмед-паша** – были родом из Абхазии).

С конца XVIII в. абхазским языком начинают все больше интересоваться русские и западноевропейские ученые – **И. Гюльденштедт**, **И. Клапрот**, **Г. Розен** и др.

²⁸⁹ **Плиний Гай Секунд**. Естественная история // ВДИ. 1949, № 2, с. 291.

²⁹⁰ Кавказские горы создают идеальные условия для «лингвистического мешка», который образуется в труднопроходимых местах, но в то же время таких, что стоят на пути народов и племен» (**А. Кондратов**. Земля людей – земля языков. – М. 1974, с. 149).

²⁹¹ **Климов Г. А.** Кавказские языки. – М. 1965, с. 4.

²⁹² **Услар П. К.** Этнография Кавказа. Абхазский язык. – Тифлис. 1887, с. 155.

С 60-х годов XIX в, после того, как впервые **П. К. Усларом** был разработан абхазский алфавит на основе русской графики (1862 г.), а комиссией под руководством **И. Бартоломея** была издана в Тифлисе первая книга на абхазском языке – «**Абхазская азбука**» (1865 г.), мы уже имеем непрерывный ряд точно датированных памятников абхазской письменности в виде учебной, церковной, сельскохозяйственной, художественной, политической и прочей литературы.

К наиболее важным свидетельствам по истории абхазского языка относятся древнейшие памятники самого языка – ономастика, топонимика, этнонимика, теонимика и другие, религиозно-культовые тексты, языковые материалы эпоса и прочих образцов устного народного творчества, отличающиеся часто глубокой архаичностью. Еще **П. К. Услар** указывал, что «сказки, песни, поговорки, живущие в устах народных, составляют единственный, вполне надежный, ничем посторонним незасоренный источник к изучению языка»²⁹³.

Ареал распространения абхазского языка в силу различных обстоятельств подвергался в течение веков значительным изменениям. Почти до конца семидесятых годов прошлого столетия, то есть до массового насильственного выселения абхазов в Турцию, главным образом, во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов (особенно из центральных и северо-западных районов страны), абхазский язык был, можно сказать, безраздельно господствующим на сравнительно обширной территории – от реки Сочи-пста на северо-западе и почти до р.Ингур на юго-востоке страны. **Г. Цагарели**, определяя северо-западные границы мегрельского языка, писал в 70-х годах XIX в., что от р. Ингури на северо-запад знание абхазского языка довольно распространено среди мужчин, а в промежутке между реками Охурей и Галидзга господствует уже абхазский язык; «он есть язык не только общества, но и семьи»²⁹⁴. Указанное выселение и последовавшие затем резкие изменения этнографической карты Абхазии значительно сократили сферу влияния абхазского языка.

Научное изучение абхазского языка, насчитывающее свыше 150 лет, продвинулось за это время значительно вперед благодаря трудам многих исследователей. В частности, написаны первые грамматики абхазского и абазинского языков, немалые результаты достигнуты по сравнительному изучению абхазо-адыгских и абхазо-картвельских языков, созданы монографии по отдельным диалектам (ашхарскому, тапантскому, бзыбскому, абжуйскому, готовится и грамматика садзского диалекта), составлены первые абхазо-грузинский, русско-абхазский, а также терминологические словари, издан первый толковый словарь абхазского языка, включающий свыше двадцати тысяч словарных статей, появилось много трудов по отдельным проблемам и т.д. Однако отсутствие работ по многим вопросам исторической грамматики и лексики особенно отрицательно влияет на использование данных языка для разработки историко-этнографических, в том числе этногенетических проблем.

2. О взаимоотношениях абхазского с родственными языками

Если не говорить о высказываниях отдельных старых авторов, судивших на основе сомнительных преданий, не имеющих научного значения (вроде польского полковника начала XIX в. **Т.Лапинского**, считавшего «абазов... принадлежащими к индоевропейской расе и родственными по племени и языку с обитателями христианского княжества Абазией, шуханетами и осетинами...», называвшего самурзаканцев «туранским или турецким племенем»)²⁹⁵, то принадлежность абхазов к кавказскому языковому миру ни у кого не вызывает сомнений.

²⁹³ Там же. Указ. соч. с. 103.

²⁹⁴ Цагарели Г. Мингрельские этюды. Вып. 1. – С-Петербург. 1880, с. VII – VIII.

²⁹⁵ Теофил Лапинский. Горные народы Кавказа и их борьба за свободу против русских. Том. I. Гамбург. 1863. / Перевод Н.А. Данкевич-Пущиной. Рукописный фонд АБИЯЛИ д. № 164, с. 62 – 65.

Правда, некоторые исследователи – **Н. Я. Марр, П. К. Услар, А. Н. Грен, Д. И. Гулиа** и другие, исходя из известного сообщения **Геродота** о родстве колхов с древними египтянами, в одно время пытались установить общность между семитскими и кавказскими языками, «но все лингвистические данные, приведенные названными авторами, ровно ничего не доказывают, ибо если эти авторы отлично знали кавказские языки, то об египетском имели лишь смутное представление».²⁹⁶

Основы подлинно научного исследования абхазского языка были положены во второй половине XIX в. известным русским кавказоведом **П. К. Усларом**, который вынужден был констатировать, что труды его предшественников «ничего не объясняли». Он писал: «Абхазский язык до сих пор не исследован. Сборники слов, составленные **Гюльденштедтом** и **Клапротом**, ничего не объяснили, так как составители записывали слова со слуха, немецкими буквами и без грамматического разбора. Замечательнее небольшая статья об абхазском языке **Георга Розена**, помещенная в записках Берлинской Академии наук 1847 года»²⁹⁷. Но, вероятно, знаменитый филолог разговаривал с абхазами на малоизвестном им турецком языке и не имел возможности в самой Абхазии привести в порядок свои заметки. Этим только можно объяснить, почему некоторые самые коренные свойства языка представились ему в превратном виде»²⁹⁸.

П. К. Услар высказал предположение о широком распространении в далеком прошлом кавказской расы, которая, по его мнению, заселила Кавказский перешеек за несколько тысяч лет до нашего времени. «Покуда весьма естественна догадка, – писал он, – что кавказские горцы – это лишь незначительные остатки народов, еще в доисторические времена населявших огромные пространства земли в Азии и в Европе и принадлежавших (за исключением, конечно, осетин) к одной расе, которая везде исчезла, кроме Кавказа, где сохранили свои языки»²⁹⁹. «Как ни разнообразны кавказские языки, – говорил он, – они не лишены взаимной связи»³⁰⁰. Вслед за **И. А. Гюльденштедтом**, он одним из первых пришел к выводу о родстве между собой западно-кавказских, то есть абхазо-адыгских языков.

Услар почти предвосхитил современную нам научную классификацию кавказских языков (у него не хватает лишь подразделения выделяемого им восточно-кавказского языкового единства на дагестанскую и чечено-ингушскую группы), причем родство абхазов, убыхов и адыгов уже не вызывало у него никакого сомнения. «Я извлек для себя точное убеждение в родстве адыгского языка с убыхским и абхазским, – писал он, – Для меня явственно очертились три группы кавказских языков; западно-кавказская, восточно-кавказская и грузинская».³⁰¹ Кроме того, он допускал также возможность существования связующих нитей между ними, то есть между всеми тремя группами кавказских языков.

Высказав мнение о генетической общности кавказских языков и о родстве их носителей, Услар использует и термин «самостоятельное семейство языков кавказских». Так, в 1864 году он писал А. Берже: «Теперь, уже утвердительно можно сказать, что к великим семействам языков старого света: индоевропейскому, семитскому, кушитскому (коптский, эфиопский) и урало-алтайскому, должно присоединить еще совершенно самостоятельное семейство языков кавказских, так как все эти языки, при изумительном разнообразии, представляют глубокие родственные черты (без армянского и осетинского)»³⁰².

²⁹⁶ **Коростовцев М. А.** Введение в египетскую филологию. – М. 1963, с. 16, 17.

²⁹⁷ **Rosen Georg.** Ossetisch Sprachlehre nebst einer Abhandlung über das Mingrelische, Suanische und Abchasische. – Berlin. 1846.

²⁹⁸ **Услар П. К.** Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык (предисловие от 2. V. 1862).

²⁹⁹ Цит. по: **П. Н. Черняев.** Из истории кавказоведения. с. 16.

³⁰⁰ **Услар П. К.** Абхазский язык. 1887, с. VI.

³⁰¹ Там же. с. 85.

³⁰² Цит. по **А. С. Чикобава.** П. Услар и вопросы научного изучения горских иберийско-кавказских языков. // Иберийско-кавказское языкознание. VII. – Тбилиси. 1955, с. 465.

Английский резидент **Дж. Ст. Белл**, который в конце 30-х гг. XIX вв. некоторое время жил среди убыхов и приморских черкесов, указывает, что по берегу Черного моря, от Анапы до Мегрелии, живут три народа, говорящие на трех различных языках: адыге (черкесы) – от р. Кубани до р. Бу (Буу), абазы (убыхи) – между Буу и р. Хамыш и азра (абхазы) – от Хамыша до границы Мегрелии, причем язык азра, по его словам, «все здесь понимают, а также и язык адыге». «Таким образом, – писал **Услар**, – три языка восточного берега Черного моря, названные **Белем** – адыге, абазы и азра – следует называть: адыге, убых и абхаз»³⁰³. Не сомневаясь в родстве этих народов, он в то же время подчеркивал, что они очень далеко разошлись друг от друга: «языки абхазский, убыхский и адыгский составляют одно семейство, но взаимная разница между ними более значительна, чем, например, между русским и португальским. С удивлением прочел я в № 29 газеты «Кавказ» на нынешний год, что убыхи суть адыгское племя... убыхи, в виде народа, особого от адыгов и абхазцев, известны были уже в 1797 г. гр. **Потоцкому**»³⁰⁴.

Н. Я. Марр до и после революции неоднократно бывал в Абхазии и каждый раз, выявляя «подлинный первичный пласт в абхазской речи»³⁰⁵, ему удавалось привести новые доказательства общности строя местных («яфетических») языков Кавказа. Он придавал исключительно большое значение данным абхазского языка для постановки и разрешения ряда вопросов конкретного и общего языкознания. Еще в 1916 году он приходит к мысли о бесспорном родстве абхазов с культурным миром Передней Азии. Внутри кавказских языков для него не вызывало сомнений существование родственной абхазо-адыгской языковой группы. Он подчеркивал «ближайшее родство с абхазским адыгского языка»³⁰⁶.

В свое время много писалось – особенно **Н. Я. Марром** и его последователями, а также голландским лингвистом **Ж. Гиннекеном** и другими – об исключительной архаичности строя абхазско-адыгской речи, представляющей будто бы реликтовый остаток древнейшей речи человечества чуть ли не дородовой эпохи.

Но взгляды **Н. Я. Марра** по этому вопросу менялись. Сперва он резко критиковал представление об абхазском языке как «младенческом», сравнивая его по степени развития с английским, а затем пришел к выводу, что «во многих случаях **Чарая** был прав, считая абхазский древнейшим, чем грузинский и более близко сродные»,³⁰⁷ и утверждал, что абхазский «в настоящем своем состоянии представляет строй речи, систему более архаичную, чем язык шумерских клинописных надписей, имеющих сейчас изначальную дату почти шести тысяч лет».³⁰⁸ Его заинтересовала фонологическая и морфологическая структура этого языка. Ему представлялось многое в структуре абхазской речи необычайно древним. «Ее строй – синтетический в основе, морфология зачаточная, возмещаемая синтаксисом и элементами связи («местоимения, классовые показатели, они же признаки грамматического рода); основы односложны (моносиллабизм), к нему сведены и усвоенные позднее сокращенные образования, слова многозначимые (полисемантизм), распознаванию которых помогает возможность их фонетически модулировать, благодаря чрезвычайному богатству согласных и разнообразию ударений, фонемы сами – архаичные, особенно сложные (аффрикатные) согласные, пережитки не вполне членораздельных звуков (называемых диффузными). Система счета двадцатеричная. Полисемантизм легко прослеживается с родством названий предметов, раньше выражавшихся одним словом, например, «голова» и «себя», «рука» и «нога» и т. п.»³⁰⁹.

³⁰³ **Услар П. К.** Абхазский язык. 1887, с. 79.

³⁰⁴ **Его же.** Чеченский язык. – Тифлис. 1888, с. 14.

³⁰⁵ **Марр Н. Я.** О языке и истории абхазов. – М – Л. 1938, с. 148.

³⁰⁶ **Там же.** с. 3.

³⁰⁷ **Там же.** с. 361.

³⁰⁸ **Там же.** с. 396.

³⁰⁹ **Там же.**

Н. Ф. Яковлев также считал, что абхазско-адыгские языки представляют собой «наиболее примитивный ранний архаический тип», в котором «видны ясные следы того состояния, при котором все грамматические отношения выражались только средствами синтаксиса, т.е. сочетаниями слов в предложении, а сами слова были односложными и неизменяемыми»³¹⁰. А для **Ж. Гиннекена** показателем древности абхазско-адыгских языков является их беднейший вокализм и он на этой основе пытался даже реконструировать звуковой облик «архаических языков» вообще.

Можно, очевидно, предполагать, что не без всякого основания названные и другие ученые являлись сторонниками глубокой архаичности строя кавказских языков, в особенности абхазского. Но, проявляя односторонность, они слишком увлеклись действительно оригинальнейшей спецификой фонетики и грамматической структуры кавказских языков (развитый префиксальный строй, эргативная конструкция, категории грамматического класса, версии, каузатива при отсутствии таких привычных языковых категорий, как категории рода, лица и др.)³¹¹.

Н. Я. Марр и некоторые другие языковеды, преувеличивая архаичность кавказских, в особенности абхазского языка, недооценивали долгий путь его развития. К тому же, если исходить из тех признаков, на которые они опирались, то и многие другие языки во многих частях света можно было бы с таким же успехом отнести к числу самых архаичных. Все кавказские языки, в том числе абхазский, прошли длительный и сложный путь исторического развития. **Н. Я. Марр** под влиянием фактических материалов сам позднее вынужден был признать, что кавказские языки по своему строю полистадиальны, то есть каждый из них отражает не один, а несколько этапов развития речи. «В настоящее время лингвистическая наука не располагает достаточными основаниями для того, чтобы признать какой-либо языковой тип по преимуществу более архаичным. До сих пор языковедение имеет самое смутное представление о том, каков должен был быть в структурном отношении язык примитивного человечества; и это неудивительно, так как все современные языки, не исключая, конечно, и кавказские, проделали огромный путь исторического развития и бесконечно удалились от начальных периодов существования речи»³¹².

А. А. Леонтьев, решительно отвергая как ненаучные предрассудки, убеждение о превосходстве якобы одних языков и древности и примитивности других, пишет: «Все современные языки стоят на одной генетической ступени. Встречающиеся в них архаические черты сочетаются с чертами, свидетельствующими о высокоразвитости. Поэтому непосредственно сопоставлять языки, утверждая, что один из них более примитивен, чем другой, неправомерно»³¹³. Если в некоторых языках «действительно сохранились какие-то очень архаичные черты, то это дело исторической случайности»³¹⁴.

Следует однако иметь в виду, что углубленное сравнительно-историческое изучение абхазско-адыгских языков фактически только начинается. Западнокавказские языки по-прежнему привлекают к себе пристальное внимание не только отечественных, но и ряда западноевропейских ученых, предполагающих, в частности, что эти языки некоторыми особенностями своей структуры напоминают строй общеиндоевропейского языка-основы на ранних стадиях его развития.

При этом заслуживает внимания и то обстоятельство, что особенно большого влияния не только на грамматику, но и на лексику абхазского языка не оказал ни один из проникавших в Абхазию иноземных языков – скифо-сарматские, греческий, латинский, арабский, аланский, итальянский, тюркские, ни другие языки, носители которых в той или иной степени сталкивались с абхазскими племенами. Это обстоятельство также

³¹⁰ **Яковлев Н. Ф.** Языки и народы Кавказа. – Тифлис. 1930, с. 33.

³¹¹ **Климов Г. А.** Кавказские языки. – М. 1965, с. 23, 81, 85.

³¹² Там же. с. 89 – 90.

³¹³ **Леонтьев А. А.** Возникновение и первоначальное развитие языка. – М. 1963, с. 118.

³¹⁴ Там же. с. 102.

содействовало консервации, длительному сохранению древних форм, хотя долговечность архаических черт зависит прежде всего от структуры самого языка, его внутренних законов и исторических условий его развития.

Какую бы из двух наиболее известных классификаций мы не положили бы в основу группировки языков – морфологическую, основанную на строении слова, или генеалогическую, исходящую из материального родства языков в силу общности происхождения, абхазский и адыгский языки, окажутся в одной группе. В науке окончательно утвердилась лингвистическая классификация народов Кавказа, согласно которой адыги и абхазы составляют одну группу – абхазско-адыгскую, куда входят абхазы, абазинцы, убыхы, адыгейцы, черкесы, кабардинцы. Несмотря на значительные, далеко зашедшие расхождения их языков, лингвистическое единство, а также в целом общность этнографического типа этих народов не подлежит никакому сомнению.

Если говорить с точки зрения морфологической классификации³¹⁵, то все эти языки – абхазский, убыхский, адыгские – принадлежат к агглютинативным и полисинтетическим языкам. Это синтетические языки с аффиксами (формантами)³¹⁶, причем связь основы слова и аффиксов слабая, что известно под названием «агглютинации» («склеивания»); для них характерно объединение глагола с субъектом и объектом, с определениями и обстоятельством в одно сложное целое предложение, что принято именовать полисинтетизмом.

Родственные языки принадлежат родственным народам, которые когда-то занимали общую территорию и говорили на одном общем языке, распавшемся на отдельные диалекты. Из диалектов этого языка-основы, или праязыка, в результате длительного исторического развития, приведшего к распаду единства народа и обособлению разных его частей, образуются самостоятельные языки, которые, фигурально выражаясь, являются родственными языками, как двоюродные братья. Следовательно, «родственные языки – это диалекты одного и того же языка, развившиеся в самостоятельные языки»³¹⁷. Родство языков выражается в закономерном проявляющемся сходстве их основного словарного фонда и грамматического строя, а также звукового состава, причем «чем глубже проникаем в историю развития языков, тем большая близость обнаруживается между ними, если это – языки родственные»³¹⁸.

Абхазо-адыгские, или западнокавказские языки, являющиеся одной из групп собственно кавказских языков³¹⁹, в свою очередь, представлены лингвистическими подразделениями – абхазским и абазинским языками с одной стороны, адыгейским и кабардинским, с другой, и с третьей – убыхским языком, занимающим особое промежуточное положение в данной группе.

---

³¹⁵ Марровская стадияльная классификация языков в зависимости «от периода возникновения их», согласно которой стадияльно самую древнюю группу («языки системы первичного периода»), образуют китайский и некоторые африканские языки, вторую – угро-финские, тюркские и монгольские («языки системы вторичного периода»), («прометеидские»), т.е., индийский, греческий и латинский («языки системы четвертичного периода»), третью – яфетические и хамитические («языки системы третичного периода»), наконец, четвертую – семитические и индоевропейские – теперь кажется, никем в науке не поддерживается (**Н. Я. Марр**. Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком. // Избранные работы. Том II, с. 405).

³¹⁶ Аффиксов на ранних ступенях развития языков не было, они образовались при последующем развитии из самостоятельных слов (**А. С. Чикобава**. Введение в языкознание. – М. 1953, с. 191).

³¹⁷ **Чикобава А. С.** Указ. соч. с. 193.

³¹⁸ Там же. с. 196.

³¹⁹ По мнению **А. С. Чикобава**, **Ю. Д. Дешериева**, **К. В. Ломтатидзе** и других ученых, собственно кавказские языки делятся на четыре родственные группы – западную (абхазо-адыгскую), южную (картвельскую), дагестанскую и нахскую, или вайнахскую, образуемую чеченским, ингушским и бацбийским языками. **Г. А. Климов** же, следуя **П. К. Услару**, делит кавказские языки на три группы, включая нахские в восточнокавказскую группу. О трех группировках автохтонных языков Кавказа, **Г. А. Климов** говорит как в «Этимологическом словаре картвельских языков». – М. 1964, с. 5, так и в книге «Кавказские языки», 1965, с. 14).

Абхазо-адыгские языки имеют целый ряд общих структурно-типологических черт, хотя в области лексики и аффиксов пока выявлено ограниченное количество схождений. Общие черты говорят об относительно дальнем родстве, а расхождения указывают на большую длительность самостоятельного развития каждого из них. Прежде всего очень своеобразен и богат звуковой состав западнокавказских языков, между которыми, однако, наблюдаются и значительные расхождения, в основном в отношении согласных. При довольно однотипной картине гласных, представленных беднейшим составом фонем (первоначально было всего лишь два самостоятельных гласных звука – а и ы)³²⁰, консонантные варьируют в больших пределах; в кабардинском 48 согласных звуков, в адыгейском – 55, абхазском (бзыбском его диалекте) – 68, а в другом месте – **Г. А. Климов** говорит о почти 82 согласных в абхазских диалектах и убыхском языке³²¹.

Как видно из этого, самой сложной является фонетическая система абхазского и убыхского языков – свыше 80 фонем, что является мировым рекордом по числу согласных³²².

Западнокавказские языки – представители агглютинативного языкового типа с очень сильно развитой тенденцией к префиксальному строю. Элементы флективности почти отсутствуют. Если адыгскому и убыхскому языку категории как грамматического рода, так и класса неизвестны, то в абхазо-абазинской морфологии обычно усматривают категорию класса. Самой характерной общей чертой морфологического строя западнокавказских языков является очень богатое формообразование глагола, противостоящее слабому словоизменению имени. Система склонения представлена элементарно, в абхазско-абазинской подгруппе она вообще отсутствует. Обращает на себя внимание инструментальная и обстоятельственная формы имени, а также сильно развитая в именах префиксация притяжательного типа³²³.

Необычайная сложность глагольного словоизменения объясняется обилием категорий, показатели которых включаются в глагольную форму: категории лица, субъекта и объектов, версии, потенциализа, каузатива, времени, наклонения и др. Специфику глагола дополняют его многоличность (кроме лица субъекта действия, глагольная форма может включать показатели нескольких объектов) и развитая система глагольных приставок локативного значения.

Своеобразен и синтаксис западнокавказских языков: здесь мы находим номинативную, эргативную и объектную конструкции предложения. «В абхазско-абазинской подгруппе, не знающей склонения, противопоставление номинативной и эргативной конструкций предложения выявляется только в различной аранжировке личных префиксов в составе глагольной формы»³²⁴.

Словообразование основано почти исключительно на сложении основ. Специфику лексики составляет и наличие «охотничьего языка» (по-абхазски «лесной язык»), включающего в основном довольно ограниченное количество описательных вместо истинных, но запретных названий предметов, животных, растений и явлений. Выявлено

---

³²⁰ **А. А. Леонтьев** отмечает, что для некоторых групп языков, например, австралийского языка аранта, отчасти семито-хамитских языков характерно множество согласных при одном единственном гласном («моновокализм»). Он пишет: «Во всяком случае, очень вероятно, что по крайней мере часть языков человечества прошла через «моновокалический» период, тем более, что, как мы отмечали выше, биологические предпосылки для различия гласных создаются довольно поздно. Иначе говоря, потребность сделать речь более членораздельной была в моновокалических языках удовлетворена сначала каким-то иным способом, и лишь впоследствии, очень поздно (настолько поздно, что мы уже можем реконструировать этот период!) слог распался на отдельные звуки» (**А. А. Леонтьев**. Указ. соч. с. 84, 85).

³²¹ **Климов Г. А.** Кавказские языки. – М. 1965, с. 29, 60.

³²² **Кондратов А.** Указ. соч. с. 149.

³²³ **Климов Г. А.** Указ. соч. с. 30, 31.

³²⁴ **Там же.** с. 33.

пока еще не так много словарных соответствий между западнокавказскими языками – общих основ устанавливается свыше 250³²⁵.

Итак, суммируя сказанное, мы видим, что со стороны грамматического строя абхазо-адыгских языков обращает внимание необычайная сложность глагольных форм и многообразие их функций; полисинтетический строй характерный для всех горских языков, особенно развит в языках западнокавказской группы, где глагол может содержать показатели всех членов предложения; обилие сложных слов (композигов); общим являются большое количество грамматических формантов (аффиксальных и других), наличие однофонемных корней; особый именной аффикс общности нарицательных имен **а** в начале слов; грамматические классы (класс человека – мужчины и женщины, класс вещей), характерные для абхазского языка, в адыгских языках представлены лишь как пережиточные окаменелости, не играющие, по сравнению с абхазским, никакой особой роли; общим является значительное количество древних слов – личные местоимения, некоторые числительные, термины кровного родства (а не свойства), некоторые названия частей тела, ряда животных и растений, космических явлений, социальные, хозяйственно-бытовые и другие термины, а так же отдельные глаголы (см. ниже).

Все это подтверждает родство языков абхазско-адыгской группы. Но это довольно дальнее генетическое родство. Недаром **Н. Ф. Яковлев** сравнивал его с родством русского языка с немецким или французским, а **П. К. Услару** абхазский и адыгские языки представлялись еще более удаленными друг от друга.

Г. А. Климов, завершая характеристику западнокавказских языков, пишет, что генетическое родство «обусловлено их происхождением из доисторического абхазско-адыгского языка-основы. Совершенно очевидно, что основные подгруппы этих языков должны были взаимно обособиться уже очень рано. Однако вследствие серьезного отставания их исторического изучения, облик абхазско-адыгского языка-основы выступает довольно неопределенно: неясно, в частности, какой из современных языков в целом лучше сохраняет его черты»³²⁶.

Работами **К. В. Ломтатидзе** в области исторической фонетики устанавливается первичность адыгских и убыхских фонетических рефлексов по сравнению с соответствующими абхазско-абазинскими. Ученые как будто сходятся в том, что праязыковая система фонем данной языковой группы носила моновокалический характер: «три ступени огласовки основы – «а», «ы», нулевая – легко прослеживаются на материале каждого западнокавказского языка», что позволяет думать о существовании в прошлом древнего чередования гласных по аблауту.

С другой стороны, **Г. В. Рогава**, исследуя вопросы исторической морфологии адыгских языков, удалось восстановить и для этих языков в далеком прошлом морфологическую категорию грамматических классов и позднее становление в них падежей³²⁷.

Однако, по совокупности данных, в том числе чисто лингвистических, абхазский и убыхский языки, возможно, являются хранителями наиболее архаических черт среди родственных языков, то есть в них больше сохраняется облик абхазо-адыгского языка-основы (праязыка), что однако требует дополнительных специальных доказательств.

Особый интерес вызывает язык убыхов. Убыхи перед выселением почти одинаково хорошо говорили как на родном, так и на абхазском и черкесском языках. Характеризуя словарный состав «агонирующего» убыхского языка, «промежуточного» между абхазским и адыгскими языками, **П. К. Услар** указывал, что его лексика включает в себя множество слегка лишь переименованных абхазских и адыгских слов. Убыхский счет также представляет собой странную смесь адыгского с абхазским. Судя по лексике, можно было

³²⁵ Там же. с. 36, 37.

³²⁶ Там же. См и **Рогава Г. В.** К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. – Тбилиси. 1956.

³²⁷ Там же.

бы вовсе отрицать существование отдельного убыхского языка, но, писал **Услар**, самостоятельность убыхского «обнаруживается при самом поверхностном даже обзоре грамматических форм его»³²⁸. В убыхском еще более развита система согласных звуков, чем в абхазском языке. В нем также две основные гласные – «а» и «ы». Особое своеобразие этого языка состоит, однако, в том, что по своей грамматической структуре он стоит ближе к абхазскому, по материалу же – к адыгским языкам³²⁹. Система убыхского спряжения одинакова с абхазской и адыгской³³⁰. Существенно отличается убыхский язык от абхазского присутствием в нем падежных флексий³³¹ и отсутствием родов³³². Но особая близость в такой области, как грамматическая структура (по сравнению со словарем), неоспоримо свидетельствует в то же время и о ближайшем этническом родстве носителей сравниваемых языков, то есть в данном случае убыхов именно с абхазами.

Но такая точка зрения поддерживается не всеми специалистами³³³. Например, по **М. А. Кумахову**, развивающему новую идею об исторической дифференциации западнокавказских языков, «представляется бесспорным тот факт, что убыхский язык стоит ближе к адыгским языкам... О многом, – пишет он, – свидетельствуют такие важнейшие факторы, как развитие категории падежа и отсутствие категории грамматического класса в адыгско-убыхском ареале... В эпоху после распада праязыкового единства праабхазский являлся самостоятельной единицей, тогда как адыгско-убыхское языковое единство продолжалось в течение определенного периода в истории развития данной группы языков. Несмотря на наличие двусторонних изоглосс (убыхско-абхазских и адыгско-абхазских), адыгско-убыхская языковая общность характеризуется рядом важнейших структурных особенностей в области фонетики, грамматики и лексики, отличающие ее от праабхазского. Обособлению адыгско-убыхской общности от праабхазского языка способствовала не только консервация ряда явлений, восходящих к западнокавказскому языковому состоянию, но и зарождение значительных инноваций, определивших своеобразие структуры адыгско-убыхской диалектной группы как в эпоху ее совместного развития, так и в последующий период самостоятельного существования западнокавказских языков»³³⁴.

Все это, надо полагать, будет все более и более уточняться по мере дальнейшего углубленного изучения данной родственной группы языков.

Что же касается картвельских языков, то одними своими чертами они обнаруживают глубокие связи с западнокавказскими, в то время как другие особенности сближают их с восточнокавказскими языками. Взгляд **Н. Я. Марра**, **А. С. Чикобава** и некоторых других ученых о смешанном картвельско-абхазско-адыгском характере сванского языка в новейшей картвелистике принято считать несоответствующим действительности. Сванский язык в целом принадлежит к картвельской языковой группе, в которой он отличается однако своей наибольшей архаичностью, так как дольше других языков этой группы оставался на уровне общекартвельского языка-основы. Из этого гипотетического общего картвельского праязыка грузинско-занский начал обособляться рано, а его

³²⁸ **Услар П. К.** Этнография Кавказа. Абхазский язык. О языке убыхов. 1887, с. 82.

³²⁹ **Климов Г. А.** Новое в изучении убыхского языка. //Труды АБИЯЛИ. Том XXX. – Сухуми. 1959, с. 241, 242. Однако в работе 1986 г., он, ссылаясь на работы **М. А. Кумахова** и **А. К. Шагирова**, писал, правда в осторожной и неуверенной форме, что «убыхский язык, в целом, **по-видимому**, скорее примыкает к адыгским языкам» (**Климов Г. А.** Введение в кавказское языкознание. – М. 1986, с. 32, 33).

³³⁰ **Услар П. К.** Указ. соч. с. 96.

³³¹ **Там же.** с. 86.

³³² **Там же.** с. 88.

³³³ **Кумахов М. А.** Словоизменение адыгских языков. – М. 1971, с. 329.

³³⁴ **Его же.** Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. – М. 1981, с. 20, 21; **Его же.** Теория генеалогического древа и вопросы дифференциации западнокавказских языков. // ВЯ 1973, № 6; См. и **Шагиров А. К.** Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. – М. 1982, с. 3.

дальнейшая внутренняя дифференциация, то есть выделение самостоятельных собственно грузинского и занского языков падает на значительно более поздний период³³⁵. **Расчленение языка-основы картвельских языков и образование отдельных языков грузинского, сванского и мегрельского, развивавшихся вследствие указанной дифференциации языка-основы, было совершившимся фактом уже в античную эпоху, причем начало распада грузинско-занского языкового единства некоторые датируют VIII в. до н.э., а обособление сванского языка должно было наметиться еще около XIX в. до н.э.**³³⁶

Анализируя общие черты и расхождения между всеми тремя группами кавказских языков, **Г. А. Климов** приходит к выводу, что «по целому комплексу признаков южнокавказская языковая модель может быть охарактеризована как промежуточная между моделями западнокавказской и восточнокавказской. Переходность южнокавказского типа видна, например, по таким структурным явлениям, как постепенное нарастание черт флективности, уменьшение удельного веса префиксального строя, усложнение склонения и упрощение спряжения, проходящим с запада на восток через южнокавказские языки»³³⁷.

Из всех кавказских языков именно грузинский проявляет наибольшее сходство в фонетической системе и других областях с осетинским языком, принадлежащим к индоевропейской семье, хотя первые тесные контакты между этими языками восходят, как полагают специалисты, к относительно позднему времени – к последним векам до н.э.

Очень интересны новейшие теории о «двуприродности» грузинского языка, двойственном «кавказско-индоевропейском» характере картвельского лингвистического типа.

Так, **Г. И. Мачавариани**, характеризуя фonomорфологическую систему общекартвельского языка-основы (трехклассная система фонем – гласные, согласные и сонанты, три основных вида морфем – префиксы, корни и суффиксы, важная морфологическая роль аблаута, развитая деклинационная система с четырьмя падежами – именительным, эргативно-обстоятельственным, дательным и родительным, наличие в синтаксисе эргативной конструкции и др.), приходит к выводу, что «даже при таком беглом обзоре бросаются в глаза разительные совпадения между общекартвельской структурной моделью и моделью индоевропейского языка-основы позднего периода»³³⁸.

В основном к тому же заключению приходит и **Т. В. Гамкрелидзе**. Картвельские языки, по его словам «обнаруживают морфологическую структуру (аблаутное чередование гласных), близкую структуре индоевропейских языков. По признаку структуры морфем и синтагматических отношений между ними картвельский и индоевропейские языки могут быть охарактеризованы как изоморфные системы и объединены в общий типологический класс. Это свидетельствует о тесных контактах, существовавших между картвельскими и индоевропейскими языками, что в свою очередь подтверждает тезис о кавказском пути проникновения индоевропейских племен в Малую Азию»³³⁹.

Теория **Т. В. Гамкрелидзе** и **Г. И. Мачавариани**³⁴⁰ была поддержана и **Г. В. Церетели**. Согласно этой теории, – писал он, – устанавливается «типологическое сходство и даже идентичность структур картвельских и индоевропейских языков». Можно

³³⁵ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. 1959, с. 98, 99, 100.

³³⁶ Существование же общеджуганского языка-основы относят к еще более раннему времени – не ближе III тыс. до н. э., то есть к эпохе энеолита (**Климов Г. А.** Введение... с. 58).

³³⁷ Климов Г. А. Указ. соч. с. 48.

³³⁸ Мачавариани Г. И. К вопросу об индоевропейско-картвельских (южнокавказских) типологических параллелях. – М. 1964, с. 4.

³³⁹ Гамкрелидзе Т. В. «Анатолийские языки» и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. – М. 1964, с. 5.

³⁴⁰ Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И. Система сонантов и аблаута в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. – Тбилиси. 1965.

предполагать, во-первых, древнейшее отдаленное родство индоевропейского с общекартвельским, во-вторых, сходство в пределах ареального единства в результате многовековых контактов, бесспорно, существовавших между ними с древнейших времен или, в-третьих, простое типологическое сходство независимо от всякого родства или сродства. Причем, «может быть, действуют все три фактора, или только два, или один из них»³⁴¹. Разрешение этих вопросов зависит от дальнейших исследований по другим группам кавказских языков.

а/ С другой стороны, имеются многочисленные структурно-типологические схождения между общекартвельским и северозападно-кавказскими и северозападно-закавказскими языками. К чертам «кавказского» характера относятся, например, общекартвельский консонантизм, который на ранних этапах, вероятно, представлял еще более сложную систему абхазо-адыгского типа; широкое применение префиксации, что сближает его опять прежде всего с абхазско-адыгскими языками; эргативная конструкция, характерная для всех северокавказских языков, и др.

б/ Подводя итог, Г. М. Мачавариани пишет: «Таким образом, лингвистический тип общекартвельского языка-основы позднего периода можно определить как переходный от кавказского (преимущественно западно-кавказского) к индоевропейскому». Для объяснения такого двойственного характера картвельского лингвистического типа он в качестве рабочей гипотезы указывает следующее: **«Структурно-типологические черты, сближающие картвельские языки с северокавказскими, восходят к глубокой древности, в то время как индоевропейские черты общекартвельского лингвистического типа относятся к более позднему хронологическому типу. Исходя из этого можно допустить, что существование структурно-типологического слоя в общекартвельском языке-основе есть проявление предполагаемого исконно генетического родства картвельских языков с северо-кавказскими языками.** На этот древнейший кавказский структурно-типологический слой постепенно накладывались черты, сближающие общекартвельский лингвистический тип с индоевропейским. Процесс «индоевропеизации» картвельского лингвистического типа, возможно, протекал в условиях тесного и длительного контакта между племенами, говорившими на картвельских и древних индоевропейских диалектах, еще до разделения общекартвельского языка-основы на самостоятельные языки »³⁴².

в/ Абхазский и картвельские языки «содержат древнейший материал общего происхождения...»³⁴³. Вместе с адыгами абхазы представляют собой остаток некогда несравненно более значительного этнического конгломерата, оказавшего, по-видимому, большое влияние на процессы этногенеза народов западной части Северного и Южного Кавказа. Наследием этого древнейшего этнического субстрата являются доисторическая прото-абхазо-адыгская топонимика Западной Грузии и факты значительного влияния абхазского языка на картвельские как в области лексики, так и морфологии³⁴⁴.

Например, в Западной Грузии (Гурии, Имеретии, Мегрелии) женскими окончаниями фамильных имен являются «пхе», «хе» – «дочь», «женщина» (Ломтати-пхе, Куча-хе, Джинори-хе и т.д.). По мнению **А. С. Чикобава**, мегрельское «хе», должно быть, является упрощением «пхе», с которым он связывает происхождение восточно-грузинского «мхевали» – «рабыня». Вместе с тем он оставляет открытым вопрос, является ли указанная форма (мхе; пхе; хе) принадлежностью картвельских языков или же она

³⁴¹Церетели Г. В. О теории сонантов и аблаута в картвельских языках (Предисловие к указанной книге Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани, с. 045 – 047).

³⁴²Мачавариани Г. И. Указ. соч. с. 6.

³⁴³Ломтатидзе К. В. О некоторых вопросах происхождения и расселения абхазов. //«Мнатоби». 1956, № 12, с. 139. (на груз. яз.).

³⁴⁴Там же. с. 138.

заимствована из другой языковой среды³⁴⁵. **Г. А. Меликишвили** также допускает, что в западногрузинском языке этот термин может быть древним заимствованием из другого языка, но также не уточняя его³⁴⁶. **К. В. Ломтатидзе** же, еще 1943 году прямо писала, что происхождение «пхе» и «хе» ведет в абхазскую языковую среду³⁴⁷. **Надо полагать, что мегрельское пхе и хе представляет собой не что иное, как абхазское оформление женских фамильных имен пха:– «дочь», «женщина»** (например, Ануа-Гъха – «дочь (рода) Ануа»), ар-Гъха– «дочь (рода) Тарба», Дамеи иГъха– «дочь Дамея» и т.д.), **что в свою очередь ведет в древнейшую хаттскую среду, где зафиксирован архаический показатель названий женских существ. Подобный суффикс женского класса, наличен во всех западнокавказских языках**³⁴⁸.

г/ **А. С. Чикобава** отмечал существенное воздействие в далеком прошлом абхазского языка на мегрельскую и чанскую речь³⁴⁹. **Он устанавливает морфологические заимствования из абхазского языка превербов (ла, та, ка, ца, на), которые оказали значительное влияние на строй речи мегрельского и чанского диалектов занского языка.**

д/ Весьма важно, что им же отмечен факт усвоения, самим грузинским языком преверба ца «непосредственно из абхазского языка, притом раньше, чем он мог проникнуть в чанскую речь» – значительно раньше VI в. н. э., так как «в VII в. н. э. абхазская речь непосредственного контакта с грузинской речью не имела: занская речь (мегрельская, чанская) разделяла их»³⁵⁰.

е/ У **А. С. Чикобава** же мы читаем: «Имеются серьезные основания предполагать, что на территории Западной Грузии картвельским племенам предшествовали абхазско-адыгские племена. Факт насыщенности чанских и мегрельских глагольных приставок абхазскими элементами (...), факт бесспорной древности, может смутить наблюдателя, если исходить из известного в истории территориального распределения абхазского и занского языков: занская речь никакого контакта с абхазской речью, казалось бы не имела, между тем абхазские элементы представлены в ней более внушительно, чем в мегрельской речи. Но это легко объяснить, если принять во внимание, что занские племена (мегрельские и чанско-лазские – Ш. И.) оседали на территории, где бытовала абхазско-адыгская речь»³⁵¹.

ж/ Присутствие абхазского префикса кыл (из, изнутри) в мегрельском отмечал еще **П. Г. Чарая**³⁵² и т.д.

з/ Констатируя несомненное влияние абхазского языка на грузинскую лексику и морфологию, **К. В. Ломтатидзе** пишет: «Племена, говорящие на абхазском языке... имели с древнейших времен неразрывные связи с грузинскими племенами. Результатом этих взаимоотношений является бесспорное влияние абхазского языка на грузинский не только в области лексики, но также в определенных областях морфологии... Факты подобного рода в языке не могут быть результатом простого влияния. В этом случае мы имеем дело с абхазским субстратом в мегрело-чанском языке. Этот факт есть факт далекого прошлого и он указывает на древнейшие интенсивные контакты между названными племенами».³⁵³

³⁴⁵ **Чикобава А. С.** Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. – Тбилиси. 1942, с. 25, 26.

³⁴⁶ **Меликишвили Г. А.** К истории древней Грузии. с. 438.

³⁴⁷ **Ломтатидзе К. В.** Абхазское слово ауауы – «человек». //«Моамбе». Том IV. 1943, 7, с. 727 (на груз.яз.).

³⁴⁸ **Иванов Вяч. Вс.** Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским. //Древняя Анатолия. 1985, с. 37.

³⁴⁹ **Чикобава Арн.** Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта. – Тбилиси. 1936, с. 288.

³⁵⁰ **Его же.** Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. //Известия ИИЯИМК. Том XII. – Тбилиси. 1942, с. 165, 166, 167.

³⁵¹ **Там же.**

³⁵² **Чарая П. Г.** Об отношении абхазского языка к яфетическим. – СПб. 1912, с. 27.

³⁵³ **Ломтатидзе К. В.** О некоторых вопросах... с. 138.

Абхазское влияние, имевшее место в древности, постепенно слабеет, в то время как обратное влияние картвельской культуры на абхазов, сменившее собой греко-византийское, наоборот, делается более заметным и многосторонним, особенно в период зрелого средневековья.

Широкой известностью пользуется гипотеза о родстве пиренейских басков с горцами Кавказа, а баскского языка с их языками, в частности, с убыхским и абхазским. Баскско-кавказскими лингвистическими сопоставлениями занимались еще **Г.Шухардт**, **А. Тромбетти**, **И. Карст**, **Н. Я. Марр** и другие исследователи. **А. Мейе** допускал возможность родства баскского языка с кавказскими, но считал, что это родство недоказуемо, а если все-таки оно существовало, то восходит к глубокой древности – к V – IV тысячелетию до н. э. или, быть может и к еще более раннему времени.

Проблема баскско-кавказской общности вновь привлекла внимание целого ряда ученых как в нашей стране, так и за ее пределами: **К. Боуда**, **Р. Лафона**, **В. Георгиева**³⁵⁴, **Е. А. Бокарева**, **И. М. Дьяконова**, **Ю. В. Зыцаря**, **В. А. Чирикба**³⁵⁵ и др. **Ю. В. Зыцарь**, подводя итоги соответствующей своей статьи, пишет, что баскско-кавказское родство возможно, как и родство баскского языка с некоторыми мертвыми древневосточными языками (хаттским, хурри-урартским, а также с шумерским и эламским) в той мере, в какой последние сохранили «кавказский фермент». Вместе с тем в конце он подчеркивает, что родство между указанными языками по-прежнему остается все еще только лишь гипотезой. «Состояние работы бесконечно далеко от построения сравнительной баскско-кавказской грамматики и этимологического словаря. Между тем, чтобы утверждать родство, нужны такая грамматика и такой словарь. Поскольку их нет, баскско-кавказское родство остается гипотезой». При всем том он полагает, что гипотеза баскско-кавказской общности, по имеющемуся уже в распоряжении науки количеству «опорных» фактов, более вероятна, чем все «другие версии баскского родства, если даже оставаться на лингвистической почве»³⁵⁶.

Даже проблема генетического родства самих кавказских языков разрешается не так просто. Часть исследователей, в том числе **А. С. Чикобава**, не умаляя значения далеко идущих расхождений между современными кавказскими языками (и даже между языками в каждой группе этой семьи) склонны, однако, видеть в этих расхождениях явления не исконного, а вторичного порядка, в то время как некоторые другие ученые при наличии такой существенной разницы выражают сомнение относительно возможности генетического родства между кавказскими народами и их языками, когда бы то ни было вообще.

Против генетической общности кавказских языков говорят глубокие расхождения между ними не только в области лексики, но и грамматического строя. «Иберийско-кавказские языки, – пишет **А. С. Чикобава**, – в нынешнем их состоянии резко расходятся между собою вплоть до того, что общность даже морфологического типа ставится под сомнение: так, например, в абхазском языке имена не склоняются, но глагол

³⁵⁴ Известный болгарский лингвист **В. Георгиев** считает даже, что «родство баскского с кавказскими языками доказано» (**В. Георгиев**. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. – М. 1958, с.182). Несомненно, вызывает интерес совпадение названия «абас-г» с названием пиренейского неиндоевропейского народа басков. См. и **Дзидзигури Ш. В.** Баски и грузины. – Тбилиси. 1979, а также **Меликишвили Г. А.** К истории Древней Грузии. с. 95 и др.

³⁵⁵ **Чирикба В. А.** Баскский и северокавказские языки. //Древняя Анатолия. – М. 1985, с. 95-105. Эта статья вызвала большой резонанс среди западных ученых компаративистов. Запоздалая полемика опубликована в американском журнале «Mother Tongue» в 1995 г., частично отражена и в интернете. (Прим. комм.)

³⁵⁶ **Зыцарь Ю. В.** О родстве баскского языка с кавказскими // ВЯ. 1955, № 5, с. 64. (Несомненно представляют интерес неопубликованные диалектологические тексты и этнографические материалы, хранящиеся в богатейшей библиотеке Басконии – в монастыре Арансасу. Среди этнографических материалов обращают на себя внимание некоторые обряды погребений, знакомые баскам также как и абхазам: захоронения во дворе, в доме и воздушные погребения. Как пишет **С.Л. Габуния** «В Басконии, как и в Грузии (?) зафиксирован обычай «погребения на воздухе». (**Габуния С. Л.** Автореферат. с. 6, 17. Прим. комм.)

исключительно богат формами, выражая морфологические категории грамматических классов и чисел, лиц (субъекта и объекта), переходности, статичности и динамичности, времени, наклонения, включая также частицы обстоятельства места, времени и т.д. В лезгинском же языке склонение развито хорошо, но глагол изменяется лишь по временам и наклонениям, не различая ни лиц, ни грамматических классов. Более того, даже языки одной группы обнаруживают различия по существенным моментам; в адыгском и лезгинском грамматические классы не различаются, в морфологии же абхазского, лакского, даргинского языков категория грамматических классов играет важную роль»³⁵⁷.

Не отрицая, таким образом, существования резких расхождений между иберийско-кавказскими языками, в том числе даже между языками одной группы (например, в абхазском имеются грамматические классы, отсутствующие в адыгских), **А. С. Чикобава** подчеркивает, что первоначально не было такой резкой разницы, которая является результатом последующего исторического развития, что удастся установить историко-сравнительным изучением. Он пишет: «Однако, несмотря на наличные ныне расхождения, чем лучше удастся уяснить историю развития иберийско-кавказских языков, тем ближе они оказываются друг к другу, тем больше общих моментов вскрывается (в процессе сравнительно-исторического изучения их) в грамматическом строе и в корнеслове. Эта общность первична, расхождение же – вторичное явление: это – результат сложного исторического пути, пройденного в своем развитии этими языками»³⁵⁸.

Неоднократно, начиная с первой половины XIX в., делались попытки отнести кавказские языки к индоевропейской, туранской (урало-алтайской) или семитической семьям языков. Но это уже давно пройденный этап кавказского языкознания. «Ныне общепризнанным считается мнение, высказанное еще в 1864 г. **Ф. Мюллером**, согласно которому иберийско-кавказские языки представляют собой – подобно баскскому языку в Пиренеях – пережиток некогда многочисленной семьи языков, имевших распространение не только на Кавказе, но и к югу от Кавказа еще задолго до появления здесь индоевропейских и семитических языков»³⁵⁹.

Отвечая на вопрос о том, какие черты, при современном состоянии изученности, можно считать исторически общими для всех иберийско-кавказских языков, **А. С. Чикобава** пишет: «Таковы – в фонетике – преобладание согласных в звуковом составе при слабом развитии гласных, наличие абруптивных («резких смычных») к', т', п', ц', (тц), ч', (тч), къ. Для грамматического строя характерны: слабая дифференцированность имени и глагола, отсутствие винительного падежа, наличие эргативного падежа, который выступает в роли субъекта переходных глаголов; соответственно эргативный строй предложения, находящий выражение в спряжении глагола (даже при отсутствии падежей, например, в абхазском); исконное отсутствие залоговых различий (действительного, страдательного); различие грамматических категорий человека (личности) и вещи; односложность корня»³⁶⁰. Убрано ниже

Собственно кавказские языки, распространенные ныне только на Кавказе (хотя и баскский язык на Пиренейском полуострове «может быть отнесен» к ним), представляют собой, по **А. С. Чикобава**, «пережиток многочисленной древнейшей семьи»³⁶¹.

При всем том, по вопросу генетических связей всех групп кавказских языков в настоящее время в научной кавказоведческой литературе еще не достигнуто полного единства взглядов. Существуют две противоположные точки зрения. Сторонники первой, представляемой **А. С. Чикобава** и другими видными учеными, утверждают, что взаимное родство всех собственно кавказских языков не подлежит сомнению, и что оно даже доказано на основе общности древней кавказской цивилизации и некоторых важных

³⁵⁷ **Чикобава А. С.** Введение в языкознание. 1953, с. 223.

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ Там же. с. 224.

³⁶⁰ Там же. с. 219, 220, 223, 224.

³⁶¹ Там же. с. 219, 220.

(пусть не всегда достоверных) структурных языковых черт, а также небольшого количества – около 20 – словарных совпадений. Отдельные археологи предлагают даже свою датировку распада общекавказской культурной и языковой общности – III тысячелетие до н. э., что языковеды считают явно омоложенной и не соответствующей действительности.

Согласно противоположной точке зрения, развиваемой, например, **Г. Деетерсом**, **Г. А. Климовым**, изменившим свое прежнее мнение **Х. Фогтом** и другими, прямое генетическое родство кавказских языков все еще остается недоказанной и даже, может быть, маловероятной гипотезой. Более того, некоторые представители подобных взглядов считают, что пока еще нет достаточных оснований для утверждения о том, какие из групп языков Кавказа стоят ближе друг к другу³⁶². **Г. А. Климов** пишет: «Совершенно особый интерес кавказское языкознание вызывает неразрешенностью проблемы генетического взаимоотношения автохтонных языков Кавказа, до последнего времени остается невыясненным, являются ли все три группировки – западнокавказская, южнокавказская и восточнокавказская – родственными или они имеют трех различных языковых предшественников и лишь приобрели некоторые общие черты в результате взаимодействия за длительный период совместного развития»³⁶³. **И. М. Дьяконов** также считает упрощенным предположение **Е. И. Крупнова** о том, что культура «куро-аракского энеолита» может быть отождествлена с культурой общекавказского пранарода³⁶⁴.

По мнению **С. А. Старостина**, изложенному в его «Культурной лексике в общесеверокавказском словарном фонде», примерно к началу эпохи бронзы (IV тыс. до н.э.) существовал общесеверокавказский праязык, прародина которого находилась, однако, не на Кавказе, а южнее, в Передней Азии, где и произошло его разделение на две группы, к концу того же тысячелетия проникшие на Северный Кавказ двумя различными путями³⁶⁵. В то же время и антропологи **В. П. Алексеев** и **И. И. Гохман** считают, что «далекое родство всех или почти всех кавказских народов не исключено»³⁶⁶.

И все же, очевидно, – пишут Э. А. Грантовский и В. Г. Ардзинба в своей совместной рецензии на данную книгу, – родство кавказских языков между собой, в частности, абхазо-адыгских и картвельских, «только гипотеза, доказательство или опровержение которой дело будущего»³⁶⁷.

Надо полагать, что дальнейшее всестороннее изучение основ общекавказской культурной общности, восполнив неизбежные пробелы лингвистических исследований, позволит преодолеть отмеченные разногласия по вопросу о родстве кавказских языков, а следовательно и их носителей между собой. Не подлежит, однако, сомнению генетическая связь внутри указанных группировок, в том числе и западнокавказской, языки которой вместе с тем сближаются, как мы уже видели, с протохеттским, т.е. хаттским, а вероятно и с каскскими языками.

3. О лексике абхазского языка

Элементы современных языков в большинстве своем были заложены еще в глубокой древности. В лексике каждого из них есть свой основной, исконный словарный фонд, который постепенно пополнялся новообразованиями и заимствованиями из других

³⁶² **Климов Г.А.** Указ. соч. с. 65 и сл.

³⁶³ Там же. с. 25.

³⁶⁴ **Дьяконов И. М.** Предыстория армянского народа. – Ереван. 1968, с. 23, 24.

³⁶⁵ **Старостин С.А.** Культурная лексика в обще-северокавказском словарном фонде. // Древняя Анатолия. – М. 1985, с. 89.

³⁶⁶ **Алексеев В. П., Гохман И.И.** Антропология азиатской части СССР. – М. 1984.

³⁶⁷ **Грантовский Э. А., Ардзинба В. Г.** Этапы этнической и политической истории Абхазии. // Газ. «Советская Абхазия». 4 января 1977.

языков. Лексические единицы заимствуются часто вместе с теми элементами культуры, выражением которых они являются, если для их обозначения заимствующим языком не создаются соответствующие новообразования на основе своих традиционных возможностей.

Заимствованная лексика далеко не всегда отражает собой историю этнической ассимиляции. Гораздо чаще она служит показателем культурного влияния, в частности, в области религиозной идеологии, военного дела, государственного делопроизводства и т.д. Вот один яркий пример. В турецком разговорном языке арабизмы составляют 30%, а в литературном еще больше – около 50%, хотя, как известно, роль арабского этноса в этногенезе турецкого народа несравненно менее значительна, чем греков, армян и курдов³⁶⁸.

Немало заимствований и в абхазском языке. Эти заимствования шли из разных культурно-исторических областей и разных языковых групп, различающихся и по степени своего влияния на абхазский язык.

Выявление по возможности словарных соответствий между языками абхазско-адыгской и картвельской группы помогает решению вопроса о том, как относятся эти языки друг к другу с точки зрения их происхождения и как реконструировать общий словарь. Надо только заметить, что утверждение **Г. А. Климова** о том, что в XVI-XVIII вв. кабардинский язык «наводнил абхазский, осетинский, балкарский и другие языки, причем пережитки его приоритета, наряду с кабардинским аристократизмом и комильфотностью, сохранялись здесь еще в XIX в.»³⁶⁹, является сильным преувеличением, в частности, в отношении абхазского языка и быта, не менее проникнутых в прошлом феодально-рыцарской идеологией. Кстати следует отметить, что никто не изучал абхазские заимствования в обратном порядке.

При необычайной консервативности грамматического строя языка его лексика подвержена более значительным изменениям, связанным с социально-экономическим и культурным развитием страны и развитием ее международных отношений. Вот почему при общности в основном строя абхазско-убыхо-адыгских языков словарные расхождения, накапливавшиеся в течение веков, выросли настолько, что ныне полностью исключается взаимопонимание их носителей. Тем не менее схождений немало, хотя общий лексический фонд выявлен еще далеко недостаточно.

Сошлюсь на отдельные лексические встречи для того, главным образом, чтобы показать, что все совпадения относятся к древнейшему словарному фонду этих языков, а это, в свою очередь, свидетельствует о давно происшедшей резкой дифференциации некогда существовавшего общего языка в результате территориальных диалектов, развившихся в самостоятельные языки (примеры заимствуются из работ **К. С. Шакрыл**, **А. К. Шагирова**, **Г. А. Климова**, а также из других источников):

Хозяйство и материальная культура:

Абхазские термины	параллели		значение
	адыгские	убыхские	
Аҧны	унэ		дом (в адыг. означает также «усадьба, аул»)
Аҧхьарца	пхепшьын		2-х струнн. муз. инструмент
Абыҭа	паста		мамалыга, каша
Ақбала	кил/чэл		шалаш

³⁶⁸ Еремеев Д. Е. Язык как этногенетический источник. // СЭ. 1967, № 4, с. 63.

³⁶⁹ Климов Г. А. Новое в изучении убыхского языка. 1959, с. 19.

Названия животных:			
Амшə	мышъə	мышəа	медведь
Аты	ты	ты...	баран
Аеы	шы	чы	лошадь
Аеада	шыд	еыды	осел
Ацə абаз. чəы	цу	цəы	бык
Абга	баджье (каб. бажьə)	багья	шакал, лиса
Амаҗ		анҗа	змея
Название растений			
Амза	мезы		сосна
Аҗса	псейы (каб. псей)		пихта, сосна, ель
Ашы	фы (каб. ху)		просо
Термины родства:			
Аешья	шы	җсы	Брат
Ан	нə	ны	Мать
Амахə	махьулъы	махəлахə	Зять
Аҗха	пхъуы	җхья	Дочь
Дад	адə		Отец
Социальные термины			
Агəыҗ	гуп (каб.)		группа, коллектив
Ажəла	жылə	цыҗы	род, общество
Ауаҕы	уы (каб.)		человек.
Алыг	лыг (каб.)		крестьянин, крепостной (общекавк.)

Название частей тела:			
Абз	бзэ-гу	бза	язык
Агэы	агу	гэы	сердце
Агъсы	гъсэ	гъса	душа
Ац	цэ (каб. дзэ)	ца	зуб
Из космической терминологии:			
Амза	мазэ	мдза	луна
Аиацэа	жъуагъуэ ?	цэанкъ	звезда
Термины, связанные с верованиями:			
Уашхэа	Уашхъэ, Уашхъо	Уашхо	Божество (неба), клятва
Анцэа		Нцэа	Бог
Термины фольклора:			
Радеда	рэдед		название древней свадебной песни
Рашъа, рерашъа	рэщэ		песенный рефрен
Уарада, ураида	уэрэд		песня (в адыг.), рефрен (в абх.)

Общими являются и многие другие слова: местоимения (абх. «сара», адыг. сэ(ры), – я; «уа», «уэ» – ты (муж.) и др., прилагательные – старый, старик (абх. «ажъ», адыг. «жбы»), абх. «аҭахмада», адыг. «тхъэмаде»), желтый (абх. «ґы», адыг. «гъвэ»)³⁷⁰ и др.

³⁷⁰ «Исторические исследования, – писал академик А. Е. Фарсман, – привели к выводу, что освоение цветов человеком шло в такой последовательности: желтый, красный, зеленый и синий. Первыми цветами, которые осваиваются ребенком и малокультурными народами, являются **желтый** и **красный**. Синий цвет воспринимается значительно позднее. Например, папуасы не умеют отличать зеленый цвет, а в поэмах Гомера нет прилагательного «синий» (См. Орлов Вад. Проснется ли Белоснежка. // «Техника молодежи». 1964, II. с. 5).

А. К. Шагиров собрал всего 80 общеадыгских исконных слов, имеющих, по его мнению, свои бесспорные параллели во всех других языках абхазско-адыгской группы; названия частей тела: сердце, голова, нос, зуб, усы, нога, спина ближе к талии, кожа (шкура), желчь, кровь, нутряное сало; личные местоимения: я, ты, вы; числительные: один, два, четыре, пять, семь, восемь, сто; названия родства: мать, дочь, зять; названия предметов и явлений из области неживой природы: луна, день, вода, (адыг. «псы», абх.-абаз. – «адзы», «дзы», «псы», убых. «бзы»); холод (лед, мороз); низменная местность вдоль берега реки, пыль, огонь, (адыг. «машьгуэ», абх. «амца», убых. «мыджэ»); названия растений: пихта (адыг. «псэйы», абх. «апса», убых «псы»), груша, просо; названия животных: бык, корова, лошадь, осел, свинья, коза, ягненок, баран-производитель, медведь, лиса, саранча, вошь; названия орудий труда: шило, колун; глаголы: умереть, смотреть, знать, пройти, давать, ткать, цедить, снимать (с ноги), чихать, бояться, надеяться, вставать, сеять, хвалить; прилагательные: сухой (сухощавый), желтый, красный, новый (молодой), старый (старик), глухой, полный (чего-нибудь), мягкий; различные слова: душа (адыг. «псэ», абх. «апсы», абаз. «псы», убых. «псе»), язык (речь и орган речи), спутник (сопровождающий товарищ), дом (комната) (адыг. уынэ, абх. аюны), дно, мясо, более, мало (малое), ложь, пути³⁷¹.

Кроме того, автор приводит некоторое количество слов, которые, по его мнению, смело можно считать адыгскими заимствованиями в абхазском и абазинском языках (борода, курдюк, кишка, короткий, чулок, пистолет, жеребец, ранний, поздний, гордый, укоризна и др.), совершенно не указывая, никаких обратных заимствований³⁷².

Анализ наиболее общих лексических единиц, как и грамматических форм и фонетических особенностей, сближающих между собой абхазский с адыгскими языками, как пишет **К. С. Шакрыл**, «свидетельствует, что современные абхазско-адыгские народы в глубокой древности жили одной общей жизнью, составляли одну этническую группу и говорили на одном языке. Следовательно, когда-то в глубокой древности существовал их общий предок, – пранарод, стало быть и праязык».³⁷³

Общность основных терминов кровного родства при отсутствии совпадений названий, выражающих более поздно возникающее родство по свойству (за исключением одного слова – «зять»), а также расхождения таких важных с культурно-исторической точки зрения лексических единиц, как бронза, железо, лен и т.д., свидетельствуют о том, что абхазский и адыгский языки разошлись по путям своего самостоятельного развития очень рано, еще задолго до эпохи классической бронзовой культуры. Вместе с тем, судя по некоторым оригинально-абхазским нартским личным именам (Нарцъхьоу, Хэажэаргъыс и др.), можно предполагать, что уже в эпоху создания самого ядра нартского эпоса происходило формирование и выделение абхазского языка как особой единицы.

Примечательными являются и многочисленные абхазско-картвельские лексические встречи. Приведем из них хотя бы небольшую часть, имея при этом в виду, что эти общие слова являются заимствованиями из одного языка в другой или из третьего источника (например, иранского, арабского и др.):

Термины, связанные с хозяйством:

абхазские	Грузинские	Значение
Абоура	амбура (мегр.)	помещение для крупного рогатого скота

³⁷¹ Шагиров А. К. Указ. соч. с. 48 – 54.

³⁷² Там же. с. 56, 57.

³⁷³ Шакрыл К. С. О лексических и звуковых соответствиях в абхазско-адыгских языках. // Научная сессия, посвященная 10-летию кафедры абхазского языка и литературы. Тезисы докладов. – Сухуми. 1967, с. 12.

Ахразага бз. ахраз’ага	хыразага (мегр.)	цедильник
Аг̃шырха	аг̃ширка (мегр.)	сосуд для молочных продуктов
Аныга	ныга (мегр.)	подойник
Ачаķәа	чаķәа (мегр.)	деревянная кружка
Адаг̃а	даг̃а	деревянный плоский ящичек; доска (груз.)
Адг̃ыл	адгили	земля, место
Акалаҭ	калаҭи	корзина (плетеная)
Амагана	намгали	серп
Акама	кама	укроп
Ақәаб	кваби	котел
Аубә	убели	ярмо
Ацқашә	цкебзи (мегр.)	ритуальный сыр
Ахҭара	хынҭара (мегр.)	мечение скота
Аилаць	еларҗи	каша из кукурузной муки (мамалыга с вмешанным в нее молодым сыром)
Ачамыкәа	чемква	блюдо из молока, сыра и кукурузной муки
Акаҭахәыр	коҭахури	барбарис
Алагама	льагама (мегр.)	особая уздечка (?)
Абаг̃ал	багири	канат
Амааҭаг̃а	моҭаг̃е	подмастерье, ученик
<p align="center">Из терминологии, связанной с военным бытом:</p>		
Абҗар	абҗари	вооружение, доспехи
Алабашьа	лабашьа (мегр.)	палка-посох с металлическим наконечником
Атķәа	тķве	пленный
Ап̃кара	Даип̃кра (груз.)	Избиении(абх); завоевать,завладеть (груз)

Амарцџа	амарцџа, гамарцџвеба (груз.)	боевой клич, призыв к действию, победа
Ар	цџари	войско, сборище
Фольклорно-мифологические термины:		
Арашь	раши	сказочный боевой конь
Рерашџа	раша-рера	припев народных песен
Азаџр	зари (сван.)	Особая 2-3-х голосная песня, гимн
Уарада	уарада	песенный рефрен
Гџында	Цџгерагуни (мегр.)	покровительница пчел
Ацџар	цџвари	крест
Из общих личных имен		
Тагџ	Тагуи	
Мзахџа	Мзеха	
Тата	Татия	
Кац	Кация	
Уча	Учардия	
Бакџра	Бакура и т.д.	

<p>Разные</p>		
Ахэмарра	хумроба, хумрани (груз.)	игра; комедиантство, шутить
Абыюкь	буки	труба (духовой инструмент)
Аҧхын	заҧхули	лето, теплое время
Аҧырра	ҧрена	летать
Аҧра	аҧра	парус
Акәуа	кә	черепаха
Аҷапан	чипи, чапани	пупок
Азыз	зузу	грудь (материнская)

В своем этимологическом словаре картвельских языков **Г. А. Климов** приводит свыше двадцати примеров общности корней, причем к материальным (лексическим и морфемным) схождениям абхазского (и адыгских) с общекартвельским относится идентичность основ таких словарных единиц, как «сердце», «душа» (абх. «псы», картв. «сули»), «мама», «старшая сестра» (абх. «ди» и картв. «дэда» и «да-дид» сестра); числительные «три», пять, «десять», «сто»; «солнце», («луна») (абх. «мза» – луна, картв. «мзе» – солнце); «волк», «курица», «шкура», «свинья», «цепь», «соль», «сирота», «большой», «старый», «теплый», «штука», «летать» и др.³⁷⁴

Приведенный (правда, далеко неполный) материал абхазско-картвельских лексических встреч свидетельствует о том, что в древности абхазский язык оказал определенное влияние на лексический состав картвельских языков – мегрельского, сванского и собственно грузинского, в особенности в области таких важных сфер производственной и общественной жизни, как скотоводство, война и вооружение, мореходство, музыкальный фольклор и др. В период расцвета феодализма в Грузии,

³⁷⁴ **Климов Г. А.** Этимологический словарь картвельских языков. – М. 1964, с. 294.

главным образом, с начала создания единого абхазо-грузинского государства, наоборот, с XI века постепенно усиливается влияние грузинского языка и грузинской культуры.

В абхазском языке имеются лексические заимствования и из арабского языка, которые шли не только с юга (через Турцию и др.), но и через мусульманские народы Северного Кавказа, с которыми абхазы поддерживали оживленные торгово-экономические и культурные связи. Вот отдельные примеры:

Абхазские	арабские	значение
Ассир	сир	чудо, секрет
Ашьакар	шукер	сахар
Ауада	ауда	комната
Мсыр	Мысра	Египет
Шьам	Шам(м)	Сирия
Барақьаҭ	баракьат	обилие
Хаир	хеир	добро
Аламаз	намаз	намаз, молитва
Цьаҳаным	цьяҳаным	ад
Цьанаҭ	цьяна	рай
Аҕыз	ҕаз (тюрк.)	гусь
Ацьаз	цьас (тюрк.)	желтая медь...
Аазаб	азаб	наказание, мучение
Аллаҳ	Аллах	Бог
Ахабар	Ахбар	рассказы, составляющие шиитское священное писание
Адин	дин	религия, вера
Ақьтаҕь	китаб	книга, писание
Ақьрқан	Коран (куран)	Священная книга мусульман
Амхацьыр	мухаджир	переселение (совершивший Хиджур)
Асифат	сифаҭ	атрибуты
Ахэаць	хадж	паломничество
Ахарць	хардж	расход
Аҳарам	харам	священный, заповедный, запретный
Ашаиҭан	шейтан	дьявол, сатана

Иранские языки, по-видимому, оказали мало непосредственного влияния на абхазский язык, если не говорить о тех заимствованиях иранского происхождения, которые проникли в абхазскую речь через посредство других народов, а также о древних

абхазско-скифо-сарматских встречах, о которых, однако, пока мы не имеем возможности судить сколько-нибудь конкретно.

П. К. Услар, отметив, что в абхазском имена существительные приобретают отдельное значение только через присоединение к их концу показателя единичности «к», который представляет собой сокращенное «акы» – один, причем начальное «а» при этом отбрасывается, писал: «Этот член единства вполне соответствует персидскому «s». Само собой разумеется, что эту ссылку делаю я не для того, чтобы доказывать родство абхазского языка с иранским, между которыми общее, по всей вероятности, не более, как простая случайность».³⁷⁵

Анализ лексического состава абхазского языка, в частности, факт отсутствия большого пласта иноязычных элементов (незначительность в целом грецизмов, арабизмов, тюркизмов, картвелизмов, не говоря об иранизмах и т.д.), сохранение в общем и целом в определенной неприкосновенности не только грамматического строя, но и основного оригинального словарного фонда, дает основание для вывода о том, что ни одна из иноплеменных этнических групп, с которыми на юге и севере встречались и контактировали абхазы на протяжении своей долгой истории, не сыграли решающей роли в формировании абхазского народа. Это значит, что происходила ассимиляция сравнительно небольших иноязычных групп, что иноплеменные этнические группы, принимавшие то или иное участие в этногенезе абхазов, полностью растворялись в их среде. Местная языковая доминанта в данном случае вполне соответствует хозяйственно-культурной и антропологической, короче местной же этнической доминанте, что бывает не так часто, как это может показаться с первого взгляда.

4. О названиях и самоназвании абхазов (аҭсуа)

Общее самоназвание народа возникает на основе довольно развитого социально-экономического и этнического развития (известно, например, что шумеры не имели общего самоназвания, что в гомеровское время, то есть в начале I тысячелетия до н.э., единого обозначения для всех греков также не было).

Этническое содержание терминов тоже может изменяться. В частности, пришельцы, навязав побежденному аборигенному населению свой язык, сами могут принять название древнейшего населения завоеванной страны.

Наименование одного народа «может переноситься на другой народ и одним и тем же именем в разные эпохи могут обозначаться разные народы»³⁷⁶. Ярким примером этого может служить история термина «хатты», оставшегося от древнейшего населения центральной Малой Азии, но закрепившегося позже за пришельцами-победителями, подлинного имени которых мы не знаем, условно называя их хеттами или хеттами-неситами»³⁷⁷.

Обозначение коренного населения Абхазии неразрывно связано с местной этнической номенклатурой. Среди адыгских племен абхазы были известны под разными названиями: «абаз», «абаза» (для северокавказских абазин), «азы» у хакучинцев аула Кичмай, да и вообще, все шапсуги абхазов знали под именем «аз», «азеха» или «азега» (от черкесского «азэгъе», возможно происходит древнее зиги/зихи и «азега» – название абхазов, встречавшееся в этнографической литературе XIX в.)³⁷⁸. Кабардино-черкесы и карачаевцы называли абхазов по именам западно-абхазских горных племен – «айбга», «ахчипсы», «мудави» («мдаҭаа, мдаҭеиаа») ³⁷⁹, а живущих по северную сторону Кавказа –

³⁷⁵ Услар П. К. Абхазский язык. с. 77.

³⁷⁶ Шанидзе А. Язык и письмо кавказских албанцев. //«Мацне». 1960, 1. с. 168.

³⁷⁷ Зыцарь Ю. В. Указ. соч. с. 54.

³⁷⁸ Абхазы (Азегга). (Введенский А. Н.). //ССКГ. Вып. VI. – Тифлис, 1872.

³⁷⁹ По преданиям, название Кабарды берет свое начало от имени **Кабарды Тамбиева**, происходящего от упомянутого абхазского горского племени «мудави», часть которого, оторвавшись от соплеменников на р.

басхыг³⁸⁰. Убыхи именовали всех абхазов тем же **«басхыг (басхыг)»**, а по **Люлье** и **Услару** **«все вообще племена абхазского происхождения известны были убыхам под коллективным именем адзыге (адзыг)»**, также видимо идущим от зиги/зихи, которое **Услар** связывал с «азра» **Белла**³⁸¹. Однако **садзов** убыхи называли еще и словом **«джыхы»**³⁸², отсюда и грузинское **Джигети и джикеты**. У картвельских племен абхазы выступают под однокоренными названиями: у сванов – «мышхаз», у мегрелов – «апхаз»,³⁸³ у остальных грузин – «апхазы», отсюда армянское «апхазк», русское «абхазы», «Абхазия». Турки и жители арабских стран всех абхазов и абазин именуют «абаза»³⁸⁴.

Сами себя абхазы называют **«апсуа» (аҧсуа)**. Под этим же именем их знают частично и абазыны (аҧсуа, аҧсуақәа). Иорданские абхазы, по сообщению этнографа **Л. Е. Кучуберия**, называют себя **«апсы» (аҧсы)**. Родину свою абхазы именуют **«Апсны» (Аҧсны)**. Название «Апсны» этнического происхождения и означает «Место (страна) апсуа». Таким образом, страна была названа по имени древнеабхазского племени апсилов, давшего свое имя и другим родственным племенам. Согласно широко известной народной этимологии слова «Апсны» это – «Страна Души», но могло означать и «Страна смертных», «Земля предков» (от аҧсы – душа, ны – локативный суффикс), «Земля Духов» (ср. «Земля Духов» – древнеегипетский Пунт, совр. Сомали).

«Апсуа» в своей основе представляет одну из древнейших лексических единиц абхазского языка. Причем корень «пс» выступает, по-видимому, как единый, нерасчленимый комплекс. «Абхаз», «абаза», «апсуа» – видоизменения одного и того же этнонима, восходящего к корню «пс» «бз», а, вероятно и «фс»

Если не считать **«абешла»** древневосточных источников, **«апсилаи»**³⁸⁵ – позднеантичных и раннесредневековых грекоязычных авторов и страну **Псинун Армянской географии VII в.**, то впервые в грузинской литературе этническое название с основой «пс», «апс» мы встречаем, как было раньше сказано, в одном анонимном грузинском историческом сочинении двадцатых годов XIII в., где летописец, объясняя своим читателям значение абхазского слова «лаша», сообщает, что оно переводится с

Мдзымта (северо-восточнее г.Сочи), перевалила через хребет и поселилась за реками Балк и Инжиг. (Кабардинский фольклор. – М – Л. 1936, с. 145, 420, 632).

³⁸⁰ **Люлье Л. Я.** Черкессия. – Краснодар. 1927, с. 9; **Услар П. К.** Абхазский язык. с. 72.

³⁸¹ **Услар П. К.** Указ. соч. с. 75.

³⁸² **Dirr A.** Über den Namen "Ubychen". // Oritntalistische Studien. – Leipzig. 1918, s. 313; **Vogt H.** Dictionnaire de la langue oubykh. 1963, p. 63, 64, 86, 234.

³⁸³ Арабский историк IX в. **Баладзори** сообщает, что в середине VII в. к войску правителя византийской области Армениякос присоединились вспомогательные отряды жителей **Апхазы (З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии. с. 88, 89).**

³⁸⁴ Самим абхамам соседние и некоторые другие современные и древние народы, и племенные группы известны под следующими названиями (окончания «бъа», «цъа»,аа – показатели множественного числа): абазыны – **«ашвуа»** (ашъуаа),убыхи еще в XIX в. назывались термином **туахы** (тъахы9, (но как видно, так называли только убыхов горной полосы, а приморское население, продолжали называть садзами), а ныне «аублаа» или изредка «агухоуа» (абазыны этим термином называют адыгов), адыги – **«аедыгъ»**, **«едыгъаа»**, кабардинцы – **«кабардаа»** (йабардаа), шапсуги – **«шапсыгаа»** (ша8сыгаа9, грузины – **«акыртква»** (абыр0бъа9, мегрелы – «агыркуа» (агырбъа9, гурийцы – «агъыр» (агъырбъа9, имеретинцы – «имаратаа» (имара0аа9,сваны – **«ашванква»** (ашъан, ашъанбъа9, лазы – **«алазква»** (алазбъа9, аджарцы – **«ачараа»** (азараа9, чаны – **«ачоуква»** (азоуцъа9, армяне – **«ашвамахква»**, **«аерманква»**(ашъамахъбъа, аерманбъа9, осетины – **«ауапсква»**, **«асатинква»** (ауа8сцъа, асатинцъа9 карачаевцы – **«акарачква»** (айарачбъа9, турки – **«атырквцва»** (абырбъцъа9, русские – **«аурысква»** (аурысбъа9, персы, иранцы – **«аджамква»** (а5амбъа9, греки – **«абырзенква»** (абырзенбъа9, римляне – **«аурымква»** (аурымбъа9, египтяне – **«мсыраа»** и др.

³⁸⁵ В названиях же **«абеш-ла»** и **«апси-ла-и»** лингвист В. А. Чирикба выделяет суффикс «-ла». Он может являться либо суффиксом принадлежности, либо, что вернее, комитативным суффиксом, функционально соответствующим русскому префиксу **со-** в словах со-ратники, со-братья, со-авторы и т.д., а в абхазском (аигъыла9 (соседи), (аицала9 (соневестки), (амашъыла9 (созытья и т.д.)).// **Chirikba V. A.** Abkhaz. – München. 2003, s. 9 – 10. (Прим. комм.) См. об этом и в статье **Инал-Ипа Ш. Д.** К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии. // Труды АБИЯЛИ. Том XXV. – Сухуми. 1954, с. 250 (Прим. комм.).

языка **апсаров** как «светоч», «осветитель вселенной»³⁸⁶, где этот этноним содержит тот же корень, что и этноним апсуа, а также архаический абхазский суффикс множественного числа – «р» (ср. абхазские фамилии Чукбар, Ампар, Дбар и др.). У абазин, переселившихся из Абхазии на северную сторону гор в позднесредневековое время, встречается и фамильная группа **Апсар** (Аҧсараа), по-русски **Апсовы**, со своей особой родовой тамгой (ср. арриановскую крепость **Апсар** на месте совр. Гонио, гору в Новом Афоне – **Апсара** и селение апсараавцев в Турции под тем же названием **Апсара**).

Самоназвание абхазов выступает и в словах Дж. Белла, когда он говорит о стране «**апсуа-нов**».

В ниже приводимом разделе приводится часть из множества абхазских слов, содержащих элемент «пс», сгруппированных по семантическому значению. В результате получилось значительное количество терминов, связанных с этнонимикой, личными и фамильными именами, топо- и гидронимикой, названиями святилищ, растений, животных, птиц, насекомых, рыб, воды (влаги) и разных других предметов и явлений природы, причем здесь конечно же представлены далеко не все слова, содержащие элемент «пс».

Этнонимы

1. Апсуа (аҧсуа, бз. аҧс'уа) – общепринятое самоназвание абхазов, в дословном переводе может означать «люди души» или «люди (племени) апсов (апсуа); этим же именем апсуа (изредка апс'у) называют себя садзы, ныне живущие в пределах Турции. Так же называла себя раньше и небольшая часть абазин-ашхарцев, один из аулов которых называется Апсуа.

П. К. Услар писал: «апс – апсуа абхазцы и также абхазец»³⁸⁷ (ср. родо-племенные названия: апсилы, Апшьлаа и легендарное Апсыс).

Этно-топонимы:

1. Апсны (бз, Аҧс'ны) – досл. «Страна апсов», или «апсувцев» или «Страна смертных», а по народной этимологии – «Страна души», может быть «Страна душ» или «Страна духов».

2. Апсатыгура (Аҧсат'ыгэра) – горная местность в Гудаутском районе

3. Апсуа (Аҧсуа) – один из абазинских аулов на Кубани (быв. Чагерей) .

4. Псырдзха (абж. П̄сырзха, бз. П̄с'ырзха) – один из древнейших населенных пунктов Абхазии у совр. Нового Афона (называется по одноименной реке).

5. Псху (абж. П̄схэы, бз. П̄с'хэы) – племя и горная котловина в верховьях р. Бзыбь, с ныне редким после махаджирства населением.

6. Ахчипсы (Ахчыҧсы) – племя и горная область северо-западной части исторической Абхазии, в районе верховьев р. Мдзымта (Красная Поляна).

7. Апсуа шхаква (абж. Аҧсуа шьхақәа бз. Аҧ'суа шьхақәа) – «Абхазские горы», – так некоторые абхазы называют горы верховьев р. Кодор и ее притоков.

8. Аджупсан (Ац̄ыҧсан) – община в нижнем течении р. Кодор, у мест бывшего дубового леса Аджбна (ац̄бна).

Топонимы:

³⁸⁶ Этноним апсар содержит тот же корень, что и этноним апсуа, а также архаический абхазский суффикс множественного числа «-ар». // **Chirikba V. A.** Указ. соч. с. 15 – 16. (Прим. комм.)

³⁸⁷ **Услар П. К.** Абхазский язык. с. 121.

1. Пскал (П̄скал) – предгорная местность в пределах села Джгерда, на вершине которой сохранились развалины раннесредневекового христианского храма.
2. Апсагча/Псакъч (А̄п̄саг̄ѣа/П̄сак̄ѣ) – урочище на горе Арбаху³⁸⁸
3. Апсагча (А̄п̄саг̄ѣа) – гора у верховьев притока р. Гега (Иаг̄ѣап̄ста)³⁸⁹
4. Псеашхо, у абхазов Псхашьха (П̄с̄ыш̄ьха/П̄с̄хаш̄ьха) – перевал в верховьях р. Мдзымта, переводится как «гора Апсха» (по русс. «Царь-гора» или «царская гора»).
5. Псакъч (П̄сак̄ѣ) – гора за Гудаутским перевалом рядом с гг. Дзышра и Бардзышха (по Т. В. Ахба).
6. Иапсхъа (Иа̄п̄с̄х̄ѣа) – гора с пастбищем в окрестностях с. Дурипш (по Т. В. Ахба).
7. Алцвипсра (Ал̄ц̄ѣы̄п̄с̄ра) – пос. в сел. Хуап Гуд. района.
8. Псахара (П̄с̄ах̄ара) – предместье г. Гагра
9. Башкапсара (Баш̄ка̄п̄с̄ара) – местность в верховьях р. Бзыбь.
10. Башкапсара (Баш̄ка̄п̄с̄ара) – две местности в горах Гальского района.
11. Апсар (А̄п̄с̄ара) – гора в Новом Афоне и сел. махаджиров в Турции – **А̄п̄с̄ара**.
12. Псышьха /Псашьха (П̄с̄ыш̄ьха/П̄с̄аш̄ьха) – гора за Гудаутским перевалом справа от горы Канипста с пастбищами ачандарцев(по Т. В. Ахба).
13. Апскнахарта (А̄п̄с̄к̄на̄х̄ар̄та) – местность в с. Куланурхва.
14. Апсашьха (А̄п̄с̄аш̄ьха) – ближайшие к морскому побережью (апсильские?) горы Очамчирского района.
15. Юпсы (Ѣ̄ы̄п̄сы) – грот на левобережье р. Бзыбь у слияния ее с р. Гега (досл. «две реки», «двуречье»).
16. Апсха-Кетамовка (А̄п̄с̄х̄а-К̄ета̄мов̄ка)– местность где-то в районе Псху – Дала³⁹⁰. (Кетамовка по-видимому переделанное на русский лад абхазское слово акыта.
17. Гупсы (Г̄ѣы̄п̄сы) – бывшее сел. в 30 км от г. Очамчира (по В. Г. Семенову).
18. Гумбста (Г̄ѣым̄б̄ста) – ущелье, упирающееся в перевал Доу³⁹¹.
19. Апста (А̄п̄ста) – название у бзыбцев всего массива предгорий района от населенных пунктов до гор (по Т. В. Ахба).
20. Гумапста (Г̄ѣы̄ма̄п̄ста) – лесной массив междуречья верховьев рек Аапста и Гумиста (по Т. В. Ахба).
21. Лашпсард (Лаш̄п̄с̄ар̄д) – пос. в 7 км от с. Анухва (по Т. В. Ахба).
22. Псица / Псыца (П̄сӣца/П̄сы̄ца) – совр. Пшица, хутор между Куджба иашта и окраиной Псху, досл. «ушедшая душа». Бывшее местожительство рода Ахба. (по Т. В. Ахба).
23. Псейкуа (П̄се̄ик̄ѣа) – пастбища в верховьях р. Бзыбь (по Т. В. Ахба).
24. Апсаапхъара (А̄п̄са̄а̄п̄х̄ѣара) – местности в районе горы Дзышра и на перевале Санчара, где стаи птиц останавливаются на отдых и ночлег (по Т. В. Ахба).
25. Апслахупшыра (А̄п̄с̄ла̄х̄ѣп̄шы̄ра) – досл. «Откуда серна наблюдает» за территорией горы Дзышра (по Т. В. Ахба).
26. Апсахуаара (А̄п̄с̄а̄х̄ѣа̄ара) – местность за Гудаутским перевалом, досл. «Высохшая пихтовая роща» (по Т. В. Ахба).
27. Арынопста (А̄р̄ѣ̄п̄ста) – поселок в с. Калдахуара (по Т. В. Ахба).
28. Канипста (К̄анӣп̄ста) – поселок Ачагуаюа (А̄ча̄г̄ѣа̄ѣа) (хут. Серебряный) – в 5 км от с. Псху и в 3 км от горы Бардзышха (по Т. В. Ахба).
29. Апсазацв (А̄п̄с̄а̄за̄ц̄ѣ) – альпийское пастбище выше Ауадхары, досл. «Одинокая пихта».

³⁸⁸ **Адзинба З. И.** Географические названия местонахождений растений флоры Абхазии. // Труды СБС. Вып. XXIV. – Тбилиси. 1978, с.120.

³⁸⁹ Сведение жителя города Н. Афон, уроженца с. Ачандара **Темура Владимировича Ахба**.

³⁹⁰ **Семенов В. Г.** Полезные ископаемые и минеральные воды Абхазии // Труды АбНИИК. Вып. 2. 1934. с.115.

³⁹¹ **Смоленский С.** Воспоминания кавказца. Экспедиция в Псху (статья вторая) // ВС. Том LXLVI, отд. I

30. Агурапста (Агэраҭста) – поселок или хутор селения Псху, первый со стороны Ауадхары.

31. Апсыдызтоу (Аҭсыдызтоу) – «городок» ацангуар на горе Гуарап.

32. Алдзгепста (Алзгепҭста) – местность у речки близ с. Члоу³⁹² (сравни с названием р. Аалдзга).

Гидронимы:

1. Аджапс (Ацѡаҭс) – река, текущая где-то между р. Маджара и р. Скурча,³⁹³ но как видно, недалеко от последней.

2. Багрыпста (Баҭрыҭста) – река северозападной Абхазии.

3. Гумпсы (Гэымҭсы), Гумсы, Гумпста (Гэымҭста ҭ – старинные варианты названия р. Гумиста, впадающей в море западнее Сухума.

4. Ахыпсы, или Ахипс (Ахыҭсы) – так называемая «Свинцовая река». Находится в междуречье Восточной и Западной Гумисты.

5. Псырдзха (ҭсырзха) – река у Нового Афона, недалеко от которого вырывается из-под скалы (по Ю. Г. Аргун дословно означает «река с потерянным изголовьем»).

6. Псдзырюы (ҭсзырѡы) – ручей в с. Ачандара, впадающий в р. Аапста, досл. «Прислушивающийся дух» (по Т. В. Ахба).

7. Аапсы (бз. Ааҭсы) – протекает между Новым Афоном и Гудаутой (досл. «Тисовая река»)

8. Хыпсы (бз. Хыҭсы/Хыҭста) – река северо-западнее г. Гудаута.

9. Капсы (Каҭсы) – речка юго-восточнее г. Гудаута.

10. Лашпсы (бз. Лашҭсы) – речка, впадающая в озеро Рица.

11. Лапста (Лаҭста) – речка Западной Абхазии.

12. Псоу (ҭсоу) – река Западной Абхазии, по которой проходит современная граница Абхазии с Российской Федерацией (Краснодарским краем).

13. Чужипсы (Чужыҭсы/цѡыцѡыҭсы) Ц

14. Ачипсоу (Ачыҭсоу) 13, 14, 15 – горные речки междуречья Псоу и Сочапста.

15. Хуадыпсы (Хэадыҭсы)

16. Сочапста (Шэачаҭста) – река на границе исторической Абхазии.

17. Псышь/Апсшьа (ҭсышь/Аҭсшьа) – река в верховьях Бзыби.

18. Пскуара (ҭскэара) – ручей в с. Ачандара.

19. Псыква (ҭсыкэа) – речка у западного склона перевала Аденг в верховьях Бзыби.

20. Псыхва (ҭсыхэа) – речка в верховьях р. Кодор (по Пфафу).

21. Пасиквара/Псыквара (ҭсыкэара) – ручей в бассейне р. Моква (по В. Г. Семенову).

22. Агурапста (Агэараҭста) – речка рядом с поселком Агурапста у селения Псху.

Названия, связанные с водой:

1. Асыпса (абж. асыҭса, бз. ас'ыҭса) – смерзшийся, фирновый снег.

³⁹² Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1957, с. 79.

³⁹³ Нордман А. Д. Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю // ЖМНП. 1838, № XI, раздел IV, часть XX, с. 406.

2. Апста (абж. аҭсҭа, бз. аҭс'ҭа) – ущелье, где протекает река (досл. место воды, реки).
3. Аквапсата (ақәаҭсата) – мелкий дождь.
4. Апсахвара (аҭсахәара) – морозящий дождь.
5. Апсасира (аҭсасира) – промокание.
6. Ацвыпсы (ацәыҭсы) – становиться кисло-влажным.
7. Арпсаара (арҭсаара), арпсахвара (арҭсахәара) – увлажнить, увлажнение, орошение.
8. Апстхва (аҭсҭхәа) – тяжелые дождевые тучи, у бзыбцев – туман.
9. Апслымдз (абж. аҭслымз бз. аҭс'лымз) – морской и речной песок (досл. среда, где вода не задерживается).
10. Асыпссага (асыҭссага) – деревянная лопата для отгребания снега.
11. Асыпсахуа (асыҭсахәа) – снежный завал.
12. Асыпсалеира (асыҭсалеира) – снежная движущаяся лавина.
13. Апсых (аҭсых/аҭсых) – холодный пар, поднимающийся над родником или речкой.
14. Апсыптарчага (аҭсыҭтарчага) – насос для воды.
15. Псы (ҭсы) – одно из древних абхазских названий воды (то же и по О. Беигуаа).
16. Адзы-псы (абж. азы-ҭсы, бз. азы 'ы) – в этом словосочетании понятие воды выражено двумя словами: азы и ҭсы, что свидетельствует о том, что и абхазы знали «псы» как обозначение воды (например, в фразе: Азыҭсы ихьыкәкәа дааит «Он пришел промокшим»).
17. Псылуа (ҭсылҭа) – водяной пар.
18. Ипсаауп (иҭсаауп) – сырая влажная почва, сырая земля.

Фамильно-родовые и личные имена:

1. Псардиа (абж. ҭсардиа, бз. ҭс'ардиа) – старинный абхазский род.
2. Апсандзе (Аҭсанҭе) – фамильное имя, встречающееся ныне среди соседних мегрелов.
3. Апсхаа / Апсхава (Аҭсха / Аҭсхава) – абхазский род, проживавший в прошлом в Псху. (по Ахба).
4. Апсар/Апсараа (Аҭсараа) – абазинская фамилия, сохранившая топоним района Нового Афона (Анакопийская крепость сооружена на горе Апсара). Ныне Апсараа живут в Турции в селении Аҭсара.
5. Псху (ҭсхәы) – род, проживавший в с. Псху, ныне встречается в г. Черкесске, в сел. Псыж (КЧР) и в Турции.
6. Уазба – абазинский род (Северный Кавказ). Связан с названием крепости Уаз Абба на Гумисте.
7. Псуха, псухо – родовая община у абадзехов, шапсугов, убыхов, а некогда, видимо, и у абхазов (у адыгов «псухо» еще и «река»).
8. Тлапс (Тлаҭс) старинные
9. Хрипс (Хьрыҭс) абхазские
10. Кыпса (Кыҭса) мужские имена
11. Апсырт (Аҭсырт)
12. Опсит – имя царя восточной стороны Абхазии (VI в. н. э.). Вероятно, звучало, как Апсырт (Аҭсырт).
13. Псынча (ҭсынча) – мужской персонаж старинной народной песни ранения.

Религиозно-мифологические слова композиты и святилища с компонентом Г҃сы:

1. Аныпс-ных Лдзаа-ных (АныГ҃с-ных, Лдзаа-ных).
2. Дыдрыпшь – Аныпс-ных (ДыдрыГ҃шь – АныГ҃с-ных) – в этих выражениях термин «Аныпс» выступает как синоним или вариант названий известнейших в северо-западной части Абхазии святилищ – Дыдрыпшского и Лдзаавского.
3. Апсцваха (абж. АГ҃сцәахәбз. аГ҃с'цәахә) – божество смерти, уводящее души умерших.
4. Пскал (Г҃скал) – храм в Очамчирском районе, в с. Джгерда на месте бывшего святилища.
5. Апсабара (аГ҃сабара) – мир, свет (АГ҃сабара умбааит) – ср. с выражением «чтобы ты [света божьего] не видел!».
6. Апсататв (АГ҃сатәтә) – жертвенное животное, посвящавшееся душе усопшего.
7. Апсхура (аГ҃схәра) – поминки, тризна, досл. «принесение доли умершему»

Слова и имена из текста древней песни ранения, в которой некоторые фрагменты уже непереводимы и непонятны.

Пример перевода одного из таких фрагментов:

- (1) Уа-тала Г҃сыри Г҃скан .....
- (2) Уада-уада, уада Г҃сынчара.....
- (3) Г҃сынча икәара хәынчартәуп, Псынчи ручей – место пленения,
- (4) Хәынча икәара Г҃сшәартәуп, Хвынчи ручей – место отдыха.
- (5) Тлапс ихәара шәеиуанча³⁹⁴ .....

Названия животных, растений:

1. Апствы (аГ҃стәы) – животное (по-каб. животное также пса, псәушьхә).
2. Алапс(алаГ҃с) – сука (ала – собака).
3. Ацгуапс (ацгәаГ҃с) – кошка(ацгәы – кот).
4. Ачадапс (а҇адаГ҃с) – ослица (а҇ада – осел).
5. Апсаса (абж. аГ҃са, бз. аГ҃сас'а) – мелкий рогатый скот.
6. Апслаху (аГ҃слахә) – серна.
7. Апслы (абж. аГ҃слы, бз. аГ҃с'лы) – выдра (досл. «водяная собака», от аГ҃с– вода, ала – собака) .
8. Апсаатв (абж. аГ҃саатә, бз. аГ҃с'аатә) – птица. Вероятно, от этого слова происходят имена божеств пернатых и охоты сванского и балкаро-карачаевского **Апсата** и осетинского **Апсата /Афсата**³⁹⁵.
9. Апсынкуа (аГ҃сынкәа) – шершень.
10. Апсыдз (абж. аГ҃сыз бз. аГ҃с'ыз) – рыба (досл. «прячущаяся» или исчезающая). Слова как видно происходит из тайного языка абхазских рыболовов.
11. Апса (аГ҃са) – пихта, иногда сосна.
12. Апслыш (абж. аГ҃слыш, бз. аГ҃с'лыш) – плакучая ива у абжуйцев и тополь у бзыбцев.

³⁹⁴ Записано автором со слов 100-летнего **Мачкуку Адлейба** в с.Члоу Очамчирского района (1954 г.).

³⁹⁵ **Абаев В. И.** Осетинский язык и фольклор. – М – Л. 1949. с. 287, 289, 300.

13. Апсахъчич (аҧсхъачакъ) – стелющийся хвойный кустарник, из-под которого вырастает сборная, исключительно сочная горная трава, считающаяся наилучшей для скота.

14. Акупсха(акәҧсха) – сорт местной груши.

Названия разных предметов и явлений:

1. Апсры (аҧсры) – трюм корабля.
2. Апскы (аҧскы) – руль корабля.
3. Адамапса (адамаҧса) – ремень.
4. Апсынгеры (аҧсынґери) – наковальня.
5. Апсард (абж. аҧсард, бз. аҧс'ард) – ножницы для стрижки овец.
6. Апста (аҧста) – свинец (бз.).
7. Аихапсыху (абж. аихаҧсхәа, бз. аихаҧс'хәа) – металлические (железные) орудия труда.
8. Амчипсыху (амҭыҧсыхә) – деревянные орудия труда.
9. Мақяпсыс (мақяҧсыс) – точильный камень, из породы тонкой структуры.
10. Апстаркра (аҧстаркра, аҧстырка) – инкрустация серебром.
11. Ауапшцы (ауаҧшцәы) – пригорошня.
12. Апсы (абж. аҧсы, бз. аҧс'ы) – душа, мертвец.
13. Пс (ҧсы бз. ҧс'ы) отсюда апстазаара (аҧстазаара) – жизнь, живое, «душу содержащее».
14. Псыхуа (абж. ҧсхәа, бз. ҧс'ыхәа) – мочь, возможность, дословно может быть означает: «то, что поможет (угодно) душе».
15. Апсхвыстра (абж. аҧсхәыстра бз. аҧс'хәыстра) – лишай, кожное заболевание.
16. Апсахара (абж. аҧс'ахара, бз. аҧс ахара) – быть стоящим, достойным.
17. Атвырпсара (атәыраҧсара) – буйный рост растений.
18. Ауаюпсы (ауаҭҧсы) – личность (человек).
19. Апсыла (абж. аҧсыла, бз. аҧс'ыла) – жирное, досл. «то, что содержит жизнь, жидкость (душу)».
20. Апстыр (аҧстыр) – полчища (аҧстыракәара) – «нашествие полчищ» со стороны гор, из ущелий.
21. Апсып (аҧсыҧ) – дух, дыхание.
22. Апсра (аҧсра) – смерть.
23. Псыхва (ҧсыхәа) – долина, зона, округ (абаз.).
24. Анпса (анҧса) – мачеха.
25. Апсахюы (аҧсахҭы) – предатель.
26. Апсшьара (аҧсшьара) – отдых.
27. Апсшавара (аҧсшәахәара) – поздороваться «по-абхазски».
28. Апсыйтакра (аҧсыйеиҭакра) – передышка.
29. Апсып лага-юагара (аҧсыҧ лага-ҭагара) – дыхание.
30. Капсара (акаҧсара) – россыпь, сеяние.
31. Ипсы тоуп (иҧсы ҭоуп) – живой.
32. Апстазаара (аҧстазаара) – жизнь.
33. Апсырта (аҧсырта) – место гибели, а вместе с тем может означать и место поселения апсаров.³⁹⁶
34. Апса (абж. аҧса, бз. аҧс'а) – штык, пика.

³⁹⁶ Абхазско-русский словарь / Составитель Касландзия В. А. Том II. – Сухум. 2005, с. 73.

Здесь были приведены слова и выражения с элементом «пс». В основе их лежит древний корень «пс» со значением воды, духа, души, жизни, смерти, растений, животных и многих других предметов и явлений, перечень которых может быть значительно расширен³⁹⁷.

Полисемантизм, по мнению некоторых, вообще характерен для древнейшего состояния языка, когда человеческая речь, располагая ограниченными возможностями, использует одно и то же слово для выражения нескольких понятий. Пережитки полисемантизма в абхазском, например, «ашә» – дверь и сыр, «амза» – сосна и луна и другие послужили в свое время **Н.Я. Марру** одним из поводов для утверждения о том, что абхазский представляет собой образец языка с необычайно архаичным строем. Другие же исследователи считают, что полисемантизм не всегда является показателем архаичности, и часто выступает в качестве вторичного явления.

С развитием и усложнением производственной и общественной жизни язык обогащается, развивается. И корень «пс» обрастает целым «семейством» более сложных слов, различных понятий. Но как бы не разрослось это «потомство», оно почти всегда сохраняет какую-то (пусть и непрямую) связь со своим «прародителем» (хотя, разумеется, не всегда легко доказать родство терминов вторичного и третичного происхождения с первоэлементом, восходящим, быть может, даже к анимистической эпохе).

Как мы видим, с понятием «дух», «душа» связаны такие, например, выражения в абхазском языке, как свет, мир, природа (аҭсабара), все живущее (ҭсы зхоу), жирное (жизненное) (аҭсыла), жизнь (досл. «содержащее душу, жизнь») (аҭстәзаара)³⁹⁸, смерть (аҭсра), умирать (аҭсы), животное (аҭстәы), досл. «то, что принадлежит душе»), пернатые (аҭсаатә), дух (дыхание) (аҭсыҭ) и др. А с понятием воды, влаги связаны такие лексические единицы, как ущелье (аҭстә), мелкий моросящий дождь (акәаҭсата), дождевые тучи (аҭстхәа), песок (аҭслымз), плакучая ива (аҭслыш), вода (азы, ҭсы), выдра (аҭслы) и др.

Единичные слова и выражения, содержащие «пс», можно найти в лексике грузинского языка, в основном в его западных диалектах. Так, моча по-мегрельски называется «псыма», имеретинский же локальный термин «апсиореба» означает расти высоко и тонко, а общегрузинское «апсус» используется как возглас сожаления, разочарования³⁹⁹. Однако эти слова могут быть либо звукоподражаниями («псыма»), либо проникли в грузинскую речь из другой языковой среды («апсус»). Вряд ли можно считать серьезной статью **Т. К. Микеладзе**, который вслед за **П. Ингороква**, повторяя его постулат, объявляет элемент «пс» характерным на Кавказе именно для картвельских языков⁴⁰⁰.

В действительности же, на Кавказе элемент «пс» характерен только для северозападнокавказских языков – абхазо-абазинского – убыхского и адыгских. Вместе с тем представляет немаловажный интерес наличие терминов на «пс» не только в языках этих народов, но и у античных греков – представителей индоевропейской языковой семьи.

Так, указанный элемент в том же значении души мы находим в древнегреческом слове «психе» – душа, дух, дыхание (отсюда – «психология» – учение о душе)⁴⁰¹. Если здесь «пс» морфологически выделяется как значимая часть слова с указанной этимологией, то перед нами в высшей степени любопытное совпадение двух важнейших культурно-исторических терминов – абхазского «апсы» (и прасеверокавказского) и

³⁹⁷Словарь абхазского языка. Второй том. / Составители **Шакрыл К. С., Конджария В. Х., Чкадуа Л. П.** – Сухуми, 1987. (См. со с. 35, I столб. по с. 44, II столб.), а также и Абхазско-русский словарь. / Составитель **Касландзия В. А.** Том II. – Сухум, 2005. (См. со с. 60, II столб. по с.74, II столб.) (Прим. комм.)

³⁹⁸Ср. каб. **Псатха** – бог жизни (от псә – душа, жизнь, тха – бог).

³⁹⁹Толковый словарь грузинского языка. Том I. – Тбилиси. 1950, с. 707.

⁴⁰⁰**Микеладзе Т. К.** К вопросу об этнической принадлежности фасианов. // МИГК. вып. 32. 1955, с. 23 – 35.

⁴⁰¹Древнегреческо-русский словарь. Том II. – М. 1958 с. 1801.

древнегреческого «психе», почти идентичных не только по своей семантике, но и по форме. При этом важно отметить, что интересующее нас слово не находит объяснения на основе самого греческого языка. «Элемент «пс» неясного происхождения, эту форму мы нигде не смогли засвидетельствовать», – читаем мы в этимологическом словаре греческого языка⁴⁰². Лингвист **С. Л. Николаев** отметил, что не только в греческом, но и во всех индо-европейских языках слово это этимологии не имеет и является заимствованием из языка северокавказского типа⁴⁰³. Поэтому, происхождение этого загадочного слова следует искать в этих языках (широкое распространение оно имеет в абхазо-адыгской группе).

На сходство греческого психе (ψυχή) и абхазского псы (псы) обратил внимание еще в 1926 г. Н. Я. Марр, о чем писал в своей статье «Русское человек и абхазское ауауы»⁴⁰⁴. Этому вопросу коснулся и широко известный лингвист Вяч. Вс. Иванов. В работе «Структура гомеровских текстов...» им рассмотрена «близость употребления абхазо-адыгского рэса с семантически сходными группами индоевропейских слов и вопрос заимствования из языка, родственного «северокавказским»⁴⁰⁵.

Вместе с тем можно думать, что это не единственный пример греко-западнокавказских языковых встреч. Воздерживаясь, однако, от каких-либо выводов, считаю все-таки возможным отметить тот небезынтересный факт, что та же частица в том или ином значении присутствует и в ряде других древнегреческих слов, большей частью в качестве составной части имен богов, эпических героев, топонимов и пр. Таковы, например, имена: нимфы **Нипсеи**, богинь **Терпсихоры**, **Психеи**, олицетворяющей человеческую «душу», **Посейдона** (древнего пелазгийского бога), **Калипсо** гомеровского эпоса, **Дипсак** – сына бога реки **Филлеида**, упоминаемого в «Аргонавтике», **Гипсипилы** – дочери царя Лемноса Фоанта, **Пелопса** – героя Эллады, **Опса** – персонажа из «Одиссеи», **Кипсела** – первого коринфского тирана VII в. до н. э. (ср. абхазское мужское имя **Кыпса**). В топонимах же в названии города **Скепсиса**, находившегося во Фригии (М.Азия) и городов под названием **Лампсак** в северо-восточной Греции и в Малой Азии, в названиях рек и т.д. Можно указать и на такие слова, как «**псар**» – рыба, «**клепсидра**» – водяные часы, «**псаммиты**» – мелкие пески (ср. абх. апслымдз, «апслымз» – песок), «**псаммон**» – совокупность организмов, обитающих в песке, «**псиломелан**» – минерал, содержащий марганец, «**псилофиты**» – ископаемые споровые растения и др., а кроме того, и в основе названий трех букв древнегреческого алфавита – **эпсилон**, **ипсилон** и **пси**.

И в некоторых древнейших ассирио-вавилонских религиозных текстах можно встретить теонимы и другие слова с тем же элементом «пс»: божественный персонаж по имени **Апсу** (персонификация мирового океана, первопричины жизни), содержащий то же сочетание фонем. В его священном городе **Ериду** (ныне Абу-Шахрейн), храм носил имя, «предназначенное **Е-абзу**» – по-шумерски **Бит-апси**, по-аккадски, «дом **Апсу**»⁴⁰⁶ («Водная бездна»).

В свете известного положения о взаимовлиянии кавказской и античной цивилизаций некоторые из приведенных здесь языковых параллелей могут, как мне кажется, представлять определенный интерес. Еще Геродот указывал, что хотя ядро эллинского народа составляли первоначально дорийцы, но они вобрали в себя много и других групп различного («варварского») этнического происхождения (прежде всего, пеласгов). Он считал доказанным, что греческая культура заимствована с Востока, что, в частности,

⁴⁰² Dictionnaire étymologique la langue grecque. – Paris. 1938, p.1073.

⁴⁰³ **Николаев С. Л.** Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом. // Древняя Анатолия. 1985, с. 72.

⁴⁰⁴ **Марр Н. Я.** О языке и истории абхазов. с. 308, 311.

⁴⁰⁵ **Иванов В. В.** Структура гомеровских текстов, описывающих психические состояния. – Структура текста. – М. 1980, с. 101 и сл.

⁴⁰⁶ **Dhorme E.** Les religions de Babylonie et d'Assyrie, 2 ed. – Paris. 1959, p. 32.

имена почти всех богов перешли в Грецию либо из Египта, либо от других варваров в ту далекую эпоху, когда термин «варвар» не имел еще никакого унижительного содержания!⁴⁰⁷ Например, пеласги, которые первоначально были чисто «варварским» племенем, вошли в состав эллинов, привнеся им свою культуру, потеряв при этом, свой язык.

Но вернемся в Абхазию. Что же мог означать элемент «пс» в «апсуа» «аҧсуа» – самоназвании абхазов? Начальная гласная (а) в «а-пс-уа» представляет собой постоянный аффикс общности абхазских имен (за исключением собственных), окончание (уа, мн. уаа) выражает «люди», как и в ряде других этнонимов (ашәуа – абазин, «ашәуан» – сван, а-гр-уа – мегрел, «ақыртҭуа» – грузин и т.д.), корень же (пс) в современном абхазском языке означает, как мы уже знаем, «дух», «душа», а в сочетании с некоторыми другими словами: «жизнь», «умирать», «мир», «свет», «самка» и т.д. В убыхском языке «псы» также означает душу, но и не только, – этим же словом называют пихту, иногда сосну и ель. В адыгских же языках основное значение «пс» – вода. Но тот же элемент мы находим и в таких адыгских словах, как, например, «псэ» – душа (каб. «псей»), «псәуа» (каб.) – «живущий», т.е. человек, «апс» – деревянная миска для питья воды, «псызы» – грязь, «лерипсе» – цепочка, причем, по замечанию **П.К.Услара**, сделанному к последнему слову, «псе» выражает то, что связывает что-либо,⁴⁰⁸ и др.

В основе варьируемых племенных названий «апсилы», «абасги», «абазги» легло, по всей видимости, одно и то же слово, с которым связано самоназвание абхазов «апсуа».⁴⁰⁹

Существуют разные точки зрения о происхождении элемента «пс». По словам **Х. С. Бгажба**, корень «пс», является исконной принадлежностью абхазского языка и означал понятие реки, в то время как понятие воды выражалось термином «адзы» (азы). **К. С. Шакрыл**, напротив, полагал, что данная основа, как и корень «пшь» («ҧшь»), абхазским языком усвоена из адыгской языковой среды, разделяя в этом случае мнение **П. К. Услара** об основе самоназвания абхазов, высказанное им еще лет сто с лишним назад. «О значении корня апс можно лишь догадываться, – писал он... – Быть может, от того же корня происходит и название Псху, что может значить: часть Абхазии... таково мнение самих абхазов, но здесь корень апс- утрачивает свое а. Толкование этого названия посредством адыгского языка кажется гораздо более правдоподобным»⁴¹⁰.

Однако, надо полагать, что корень «пс» восходит к общей абхазо-адыгской праязыковой основе. После же дифференциации языка-основы и образования в результате этого нескольких родственных языков, вступивших давным давно на путь самостоятельного развития, «пс» в каждом из дочерних языков стал выполнять и новые функции. В частности, в древнеабхазском языке он служил преимущественно для выражения таких понятий, как «дух», «душа» и сопряженных (по законам древнего религиозного мышления) с ними явлений. Сам факт многозначности «пс» и его органической связанности с разного рода «духами», явлениями природы и общества свидетельствует о том, что в абхазском языке он лучше сохранил свою наиболее архаическую природу.

Что же касается пихты, то предположение о связи с нею термина «апсуа» является лишь сугубо рабочей гипотезой, одним из возможных решений вопроса о первоначальном значении «пс» в остающемся довольно загадочном самоназвании абхазов.

⁴⁰⁷ **Лурье С.** Геродот. – М – Л. 1947, с.50, 51, 53.

⁴⁰⁸ **Услар П. К.** Черновые заметки о черкесском языке. //Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. с. 68, 74.

⁴⁰⁹ **Меликишвили Г. А.** К истории древней Грузии. с. 98 – 100.

⁴¹⁰ **Услар П. К.** Абхазский язык. с.121; **Г. П. Сердюченко** также считал, что абхазо-абазинское «пс» в словах типа «алапс» (сука) есть оглушенная форма адыгейского «бзы» – самка (**Г. П. Сердюченко.** Основные грамматические особенности языков Западного Кавказа. – М. 1955, с. 30).

Как известно, пихта, абхазское название которой (аҭса) содержит если не общий, то очень близкий к «апсуа» корень,⁴¹¹ встречается в Абхазии повсеместно, начиная от 600 до 2000 м над уровнем моря, а сосна, в том числе реликтовая пицундская, и у самого побережья. Пихта – это род однодомных вечнозеленых деревьев семейства сосновых с прямым стволом и конусовидной кроной, начинающейся часто почти у земли и несколько напоминающей собой древнее коническое жилище абхазов. Существует до 50 ее видов, в том числе пихта Кавказская (*Abies Nordmanniana*) – мощное высокогорное дерево. Это колоссы, достигающие 60 и даже 80 метров высоты и выше и до двух или даже двух с половиной метров в диаметре. Пихта растет в западной части Кавказа – от среднего течения Кубани через Главный хребет вплоть до северо-восточных пределов Малой Азии. Иными словами, территория распространения Кавказской пихты охватывает целиком современную Абхазию с прилегающими с северо-запада областями и почти всю Западную Грузию.

С пихтой (сосной) связаны некоторые древние религиозные обряды абхазов. Например, интересным во многих отношениях является «Лаповых святилище» (**Лапырныха**). В настоящее время фамильно-родовой группы под этим именем в Абхазии уже нет, но о том, что она некогда здесь существовала, свидетельствует приведенное название, в составе которого «**Лап**» выступает как родовое имя, «р» – показатель их принадлежности, а «ныха» – святилище. Этому святилищу, в отличие от многих других, поклонялись не один или два, а представители нескольких абхазских родов: **Бения** и **Цымц** (с. Бармышь), **Быджба**, **Дбар**, **Ласария** (с.Блабурхва) и др.Главный акт ежегодного моления в этом святилище состоял в принесении в жертву большого круглого ритуального пшеничного хлеба, на поляне посреди пихтовой рощи, находящейся на одной из горных вершин села Блабурхва, недалеко от пастбища жителей села.

Летом 1967 года у горной тропы, ведущей из того же села к альпийским лугам, на гребне под названием «Места пребывания божества» (Аныха тэарта) я видел гигантскую пихту, ствол которой на уровне выше человеческого роста почти со всех сторон был покрыт вбитыми в него многочисленными старинными гвоздями, железными стрелами, патронными гильзами, подковами и прочими металлическими предметами. В течение веков они приносились в жертву священному дереву для спасения от грозы и благополучия в пути.

Между пихтой (аҭса) и сосной (амза),⁴¹² с одной стороны, и грозовыми явлениями, с другой, существует, по представлениям стариков, определенная связь – таинственные силы соединяют их с молнией, которая вследствие этого гораздо чаще других растений (за исключением дуба) навещает эти деревья, особенно пихту» (Афы зышьтоу аҭса реицэоуп)

Должно быть отмечено и значение пихты и, особенно, сосны для добывания особого огня под названием «**ацвидж-мца**» (аццц-мца). Это делалось следующим образом. Брели немного серы и, растворив, пропитывали ею сухую вату, затем ударом кресала о кремь зажигали трут, от которого моментально воспламенялась поднесенная к нему вата, а от пламени огонь передавался тонкой палочке «**ацвидж**» (ацэымц) – сосновой (реже пихтовой) лучине, которая вместе с газырями постоянно хранилась в грудном кармане (акаламтра) каждого мужчины. Легко загорающаяся смолистая древесина – **амзаша** (амзаша от **амзашша** – т.е. «**сосновый жир**» «**смола**») в течение веков служила нашим предкам простым, но надежным источником тепла и света. Видимо не случайно

---

⁴¹¹Возможно, что термины «апса» и «апсуа» имеют разные корни (специфический звук «с» второго слова, характерный теперь только для бзыбского диалекта, исторически был не чужд и абжуйскому, но исчез – исчез он, по свидетельству **В. А. Чирикба** и в садзском, исчезает ныне и в бзыбском). Отмечу также, что название пихты является общим для абхазов, убыхов и кабардинцев, то есть восходит, вероятно, к древнейшему языку-основе этих народов.

⁴¹²Русско-абхазский словарь. / Составители **Х. С. Бгажба**, **Б. П. Джанашиа**, **Г. З. Шакирбай**, **Е. П. Шакрыл**, **К. С. Шакрыл**, **Б. В. Шинкуба**. – Сухуми. 1964, с. 418, 547.

одним и тем же словом «**амза**» называется по-абхазски и небесное ночное светило – **луна и сосна**.

Не лишним будет отметить, что, по преданию, к числу наидревнейших абхазских родов относятся **Амзалакья** и **Амзцба**. Представители первого, согласно тому же источнику, занимали территорию в долине **Малого Кодора** (юго-восточнее совр. Дранды) – **Кварасы/ Акуарасы** (Ақэараса), (ср. с древним этнонимом **кораксы**), а выше по реке вдоль ее левобережья находится так называемая «**Лунная гора**» (Амза-шьха), возможно в прошлом место почитания луны со святилищем. Было там в прошлом и селение **Амзара**. Как мы видим, в основе приведенных родовых имен лежит одно и то же слово «амза», что, как сказано, означает по-абхазски сосну и луну. Укажу еще на одно из древнейших абхазских мужских имен – **Мзахуа**. Первая часть его – «мза» означает «сосну», «луну», а вторая (хэа) – потомок, отпрыск, дитя, сын. Следовательно, **Мзахуа** можно понимать как «**Соснович**», «**Сын сосны**» или «**Сын луны**».

В одном древнем абхазском нартском сказании, где речь идет о взятии крепости, знаменитый герой по имени **Цвицв**, что в переводе означает «**Стругающий (палочку)**», обратился к нартам со следующим предложением. Чтобы овладеть неприступным укреплением, которое они никак взять не могли, он посоветовал: «Растопите пихтовую смолу и покройте ею меня с ног до головы, а затем, поднеся к крепости, перебросьте через стену и ждите». Непобедимые нарты были озадачены, но изнуренные безуспешной многодневной осадой, исполнили в точности все то, что сказал им **Цвицв**. Как оказалось, в середине крепости была устроена большая глубокая яма, чтобы всякий, кто проникнет в крепость, нашел бы в ней свою смерть. **Цвицв**, переброшенный через стену, упал прямо в яму, но с ним ничего не случилось, ибо «смола предохранила его кости», и он, благополучно выбравшись на поверхность, перебил защитников крепости. После упорных боев, она наконец досталась нартам. Отважный **Цвицв**, оказался неуязвимым благодаря священной пихтовой (сосновой) смоле⁴¹³.

В другом нартском сказании говорится, что в составе грудной клетки самого выдающегося эпического героя нарта **Сасрыквы** от рождения было одно особое **ребро из ветки пихты** (ивақыц Ѓса-махэын), в котором заключена была вся сила этого никем непобедимого богатыря. Умирая, **Сасрыква** хотел оставить родному народу свою неумную силу, которой обладал один он, но выдержать ее никто не смог и ничто на свете не смогло, кроме той же пихты⁴¹⁴.

Древняя земледельческая религия Хеттской державы (XVII – XIII вв. до н. э.) состояла, в частности, в почитании солнечной богини города Аринны и Великой матери – богини плодородия, имя которой не дошло до нас (впоследствии малоазийская **Великая Мать** называлась **Ма, Реей, Кибелой** и т. д.). Ее мифологический партнер – сын или супруг – юный и прекрасный бог плодородия, получивший впоследствии имя **Аттиса**, согласно этому мифу, оскотил себя, чтоб избежать любовных домогательств со стороны богини-матери и **умер под сосной, которая считалась его священным деревом**. (Культ Кибелы и Аттиса носил оргиастический характер). **Аттис** был одним из великого множества хеттских божеств (в договоре хеттского царя с Рамсесом II имеется ссылка на «тысячу богов и тысячу богинь страны хеттов»)⁴¹⁵. Главное святилище и абхазской **Великой Матери Ананы**, также находится в **сосновой священной роще Пицунды** в

⁴¹³Приключения Нарта Сасрыква и его девяносто девяти братьев. – Сухуми. 1962, с. 294 (на абх.яз.).

⁴¹⁴Достоин упоминания и такой эпизод. Сасрыква, рассерженный за то, что нарты при разделе имущества не уступили ему виноградную лозу, содрал ее силой с пихты, на которой она прежде росла. Вот почему ветки пихты обращены с тех пор вниз к земле (записано мной в 1951 г. со слов замечательного сказителя **К. М. Таркил** из с. Анухва). Еще до недавнего времени абхазские пастухи, укладываясь спать, подстилали под себя пихтовые побеги (аҭсаәҭ а сверху накрывались бурками. Муку, которая в горах ценилась выше всего, вешали на пихту, и никто из чужих не посмел бы даже дотронуться до продукта, хранимого на священном дереве.

⁴¹⁵**Токарев С. А.** Религия в истории народов мира. – М. 1964, с. 316, 317, см. и **Г. Гиоргадзе** Страна тысячи божеств. – Тбилиси. 1898 (на груз. яз.), с. 132 – 154.

поселке **Лдзаа (Анан-Лдзаа-ных)**. Вероятно ей же было посвящено и святилище пихтовой рощи – **Лапырных**.

Можно предполагать (хотя нет в этом полной уверенности), что самоназвание абхазов (апсуа) восходит по происхождению к тому далекому времени, когда одно из древне-абхазских племен, распространившее впоследствии свое имя и на другие родственные племена, считало пихту (апса) своим тотемным духом-предком, своим покровителем, точно так же, как абхазское название абазин выражает, по всей вероятности, «люди бука» (ашәуа – от ашә (бз. ашә) – бук и уа – люди). Выше уже говорилось о геродотовских «фтирофагах», то есть **древнеабхазском племени** в районе современной Гагры, «**поедающем сосновые (пихтовые) шишки (или побеги)**».

Интересно, что термином «апсуа» кое-где абхазы называли не только абхазов вообще, но как бы преимущественную часть своего народа – определенную группу общин или даже семейств. Так, по словам **К.С. Шакрыл**, в недавнем прошлом жители его родного села Лыхны, которое занимает центральное положение на территории Бзыбской Абхазии, словом «апсуа» именовали (не без оттенка некоторой иронии) представителей Блабурхвинской общины и, вообще, население ущелья р.Бзыбь. Например, одного лыхненца по имени **Муса** из рода **Кыжв** соседи знали как «**апсуа Мусу**» за то, что он был родом из Блабырхвы где поклонялись пихте. Приведу и другой известный мне факт подобного рода. Среди жителей поселка **Падгу** (с. Гуп, Очамчирского района) в пору моего детства под именем «потомков Апсуа» (**Аҧсуа иҧацәа**) были известны несколько дворов, принадлежащих, крестьянской фамилии **Гамисониа (Гамсаниаа)**.

Здесь следует сказать еще об одном любопытном факте. 88-летний турецкий абхаз из района Адапазары по имени **Аазиз Курышвба (Кәырышәба)** (этой фамилии в самой Абхазии уже нет) в разговоре с доцентом АГУ **Людмилой Хибба**, которая гостила у него несколько лет назад, оказывается, как-то сказал: «Я не хочу, чтобы вы нарушали запрет, связанный с употреблением рыбы в пищу. Это большой грех. **В рыбе таится душа абхаза. Мы считаем ее как нечто такое, что живет с нами одной душой**» (**Аҧсыз шәахәымгар сҭахым. Аҧсыз аҧсуа иҧсы аҧроуп. Хаҧсы зхоу акы еиҧш ихаҧхьазоит**). Видимо этот старик (ныне покойный) один из тех, кто до наших дней соблюдал обычай, запрещавший есть рыбу, которая, по всей вероятности, почиталась как священное тотемное животное. **Многие абхазы действительно не ели рыбу, но только морскую**, о чем находим указания в некоторых описаниях их жизни и быта. Пережиточно эта старая традиция частично живет и до сих пор.

Итак, самоназвание абхазов, возможно, ведет свое происхождение от той древней эпохи, когда господствовали анимистические представления о некоей всеобщей одухотворенности всего сущего на земле и тотемические воззрения о неразрывности генетической связи отдельного человека или целой группы людей с духом того или иного растения, животного, светила и пр.⁴¹⁶ Возможно, что «апсуа» связано по своему первоначальному смыслу с каким-нибудь тотемным духом размножения, эпонимом-предком из мира животных или растений, в названии которого имеем тот же элемент «пс», скорее всего с рыбой или пихтой, высочайшие деревья которой встречены были **А. Д. Нордманом** в 1835 году именно в Абхазии (в районе Красной Поляны и Сухума).

Пихта играла большую роль в жизни древних абхазов, давая им кров над головой (она не пропускает воду дождя), тепло, свет, а частично и пищу (из ее тонких побегов-лапок пастухи заваривали ароматный напиток, употреблявшийся и в народной медицине от простуды), за что она почти до наших дней почиталась ими как священное дерево. Нельзя, однако, исключать и другие этимологии, например, связанные с водой: псы – вода, апс-уа – люди (страны) вод. **Апсны – Страна вод, Водная страна**, что согласуется с преданием о бегстве абхазов из бассейна Евфрата в результате засухи и прихода их в Абхазию, где «засухи нечего опасаться». Вспомним и Азру – второе неизвестное самим

⁴¹⁶ Вспомним также прокопиевские слова о том, что абазги «еще в мое время почитали рощи и деревья..., полагая, что деревья являются богами».

абхазам и тоже необъяснимое название Абхазии, встречающееся у некоторых авторов XIX в., например у Дж. Ст. Белла наряду с «апсуа-нами» и др.

В научной литературе высказано и новое мнение о содержании слова «апсуа». **В. А. Чирикба** считает, что этноним «апсуа», является выражением определения человека как смертного существа. Предложенная этимология – «**смертный**» обосновывается тем, что основа слова произведена от глагольного корня «псы», в значении «умирать». Семантика же этого этнонима зиждется на противопоставлении в мышлении древнего человека – мира бессмертных богов и мира смертных людей. Словом «**смертный**» обозначался и обозначается человек во многих языках мира – в древнеиндийском, авестийском, древнеперсидском, древнехеттском, армянском и у многих других народов⁴¹⁷, а у кабардинцев человек это «**живущий**».

«Апсуа» сначала было, вероятно, названием лишь одного племени (или даже части его), которое затем сумело распространить свое имя и на другие родственные племена, очевидно в силу численного превосходства.

Корень племенного названия «апсуа» в разных языках получил разное суффиксальное оформление, **Н.Я. Марр**, считавший этноним «абхаз» коренным местным («яфетическим») термином, указывал, что он представляет собой видоизменение (на грузинской почве) древней формы «абхаз-х» (греческ. «абас-г» – разновидность этой же древней формы), где суффикс «х» – показатель множественности. Чистая основа термина – «бас», но с учетом закономерных фонетических передвижений устанавливается существованием некогда разновидности «пас» («апас-х»), причем основы «пас-апс» сохранились в двух формах; апсуа – «абхаз» и Апсны – «Абхазия». Основа «бас» в этно-топонимических названиях прослеживается им в две стороны прежде всего в нынешних местах обитания абхазов и их северо-западных сородичей, а также далеко в юго-восточном направлении. Так, например, указанная основа «бас», «пас», проявляется в имени адыгейского племени абадзехов, занимавшего территорию до р. Белой к востоку от шапсугов, в названии абхазского племени абазинцев или «абаза», причем эта разновидность лежит в основе формы «обезы» «Русских летописей». Убыхи именовали абхазов «бас-хыг» (ср. и с названиями трех областей Басиани⁴¹⁸), но на северо-востоке Малой Азии и недалеко от истоков р. Рион, возможно основой было не «пс», а «фс», «фас» (Фасиана). Тот же термин представлен в варьирующей форме «апсилы» «апшилы», «абсилы», «афшилы» **Плиния**, «абаски», «абасги» **Арриана**, **Прокопия** и других, в форме «апшеги» армянской географии VII в., в грузинской форме «Апшилети» (грузинские летописи сообщают, например, что в 736 – 738 гг. **Мурван Глухой** сокрушил Цхум – город Апшили), в названии «апсары» грузинского исторического сочинения XIII в. и др. Та же основа присутствует в названии северной Абхазии (Бзыҭ), это этническое имя носят не только р. Бзып, но также и абхазское племя бзыпцев, бывших абазгов и т. д.⁴¹⁹

С самоназванием этнической общности, хорошо известным каждому кто причисляет себя к ней, связывается и этническое самосознание, которое, как указывает **Н.Н. Чебоксаров** «представляет собой своего рода результат действия всех основных факторов, формирующих этническую общность»⁴²⁰, факторов, связанных с общностью территории, языка и культурной специфики. Абхазы обладают высокоразвитым этническим самосознанием, четким представлением о своей этнической индивидуальности, имеющей длительную историю, теряющуюся во тьме веков.

⁴¹⁷ **Chirikba V. A.** On the Etymology of the Ethnonym ápswá (Abkhaz). // In: The Annual of the Society for the Study of Caucasia. no. 3. – Chicago, 1991. p.13 – 16.

⁴¹⁸ В грузинских источниках и тюркоязычные балкарцы назывались «басиани», а в других и басилами. (**Л. И. Лавров**. Происхождение балкарцев и карачаевцев // КСИЭ. Вып. XXXII 1959, 32, с. 56).

⁴¹⁹ **Литературная энциклопедия**. Том 1, 1930, с.19.

⁴²⁰ **Чебоксаров Н. Н.** Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ. 1967, № 4, с. 99.

Термин «апсуа», как обозначение человека (человеческой природы) в отличие от рода великанов и как этноним, мы находим в целом ряде памятников абхазского фольклора, включая древний Нартский эпос. Главнейший герой этого эпоса **Сасрыква** иногда называется «жалким (несчастливым) абхазом» (аҭсуа чџиа), причем такая полуироническая характеристика, пожалуй, больше встречается в тех вариантах сказаний, которые записаны в южной части Абхазии (территория исторической Апсилии). «Жалким абхазом» именует прославленного **Нарта** могучий, однорукий пахарь-великан. Наевшись, пахарь сказал своей жене-великанше: «Да, чуть было не позабыл. Здесь у меня припрятана забава для детей. Это какой-то жалкий абхаз. Заклинаю тебя нашей верой, возьми его с собой! С этими словами он отбросил глыбу величиной с добрый дом и передал **Сасрыкву** вместе с его конем жене. Та посадила **Нарта** в миску и без труда принесла домой лесной тропой»⁴²¹. В нартском эпосе, особенно в абхазских сказках, великаны чувствуют присутствие человека («абхаза») по его «духу», «запаху» (аҭсуа ифџы). «Я чую абхазский дух! Это откуда здесь абхазским духом пахнет?» – часто в сказках спрашивает великан свою жену⁴²².

В указанном сюжете с пашущим великаном термин «апсуа» является неразрывной частью текста сказания, а не случайной вставкой какого-нибудь одного сказителя. Как бы ни понимать в этом контексте «апсуа» – как «человека» вообще (в отличие от великана) или же как племенное название, древнее происхождение самого термина не подлежит сомнению». Это доказывается, в частности, его органической связью с таким архаическим эпосом, как нартский, и прометеевского типа легендой об **Абрскиле**.

В легенде о богборце **Абрскиле** герой выступает как защитник родины – «Страны абхазов», «Апсны».⁴²³

Как уже отмечалось, **И.М.Дьяконов** пишет, что племенное название абешлайцы вполне «может быть истолковано как принадлежащее к языку абхазо-адыгской группы» и сравнивает при этом «абеш-ла» с апс-уа, апш-уа – самоназванием абхазов.⁴²⁴

Если имя сына колхидского царя **Апсирта** – одного из центральных персонажей сказания об аргонавтах⁴²⁵ – связано с самоназванием абхазов (**З. Анчабадзе** считал **Апсирта** эпонимом абхазов), то это также дает основание утверждать, что выделение абхазов (в частности, апсиров) как отдельного этнического коллектива со своим особым наименованием произошло задолго до античной эпохи.

Общее самоназвание (апсуа) является, несомненно, одним из основных показателей этнической однородности и культурного единства абхазского народа, равно как общее наименование его страны (Апсны)⁴²⁶. «Могущественная страна апсуанов» – писал **Дж. Ст. Белл** в 30-х годах XIX в. Никто из абхазов не знает никаких других этно-топонимов для обозначения соответствующих понятий⁴²⁷. Самурзаканские абхазы, абжуйцы, далцебельдннцы, гумцы, бзыбцы, псхувцы, медовеевцы, айбговцы, ахчипсуйцы, садзы и другие – все они в XIX в. знали и употребляли приведенные названия. Подобное единство в пользовании такими основными понятиями, как самоназвание народа и наименование родины, не могло быть достигнуто в течение одного или двух веков. Апсуа – это не аллоэтноним, то есть название, данное кем-то, а типичный автоэтноним и одновременно

⁴²¹ Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев. Абхазский народный эпос. – М. 1962, с. 202, 204.

⁴²² **Зухба С. Л.** Абхазская народная сказка. – Тбилиси. 1970, с. 206.

⁴²³ Абхазские сказки. /Составил, обработал и перевел с абхазского **Х. С. Бгажба**. – Сухуми. 1974, с. 35.

⁴²⁴ **Дьяконов И. М.** Указ. соч. с.13.

⁴²⁵ **Меликишвили Г.А.** Указ. соч. с. 98, 99.

⁴²⁶ **Белл Д. С.** Указ. соч. с. 348.

⁴²⁷ Если не считать одного локального условного наименования, и то отмеченного только **Н. М. Альбовым**: «Сами себя абхазцы называют апсуа, а страну свою Апсны; условным откликом их при встрече с другими горцами служит слово ахчипсе, у черкесов они известны под названием абадза, или азегга» [зыги?] **Н. М. Альбов**. Этнографические наблюдения в Абхазии. // Ж-л. «Живая старина». Вып. III. – СПб. 1893, с. 304.

результат очень длительного процесса консолидации абхазских мелких племен вокруг основного ядра абхазской народности – апсиров и абазгов.

5. Топонимика

Топонимику называют «языком земли». Ее можно охарактеризовать и как «архив земли». Названия стран, населенных пунктов, рек, озер, морей, лесов, гор и т. д. представляет собой неоценимый исторический источник для изучения развития языка, истории края, исторической географии и этнографии. Топонимика часто отражает явления и события глубокой древности, о которых мы порой совершенно не имеем сведений в других источниках. Возраст некоторых фактов топонимики насчитывает сотни и даже тысячи лет. Уже на ранних ступенях развития человеческого общества возникла необходимость выделения и соответствующего обозначения родовых и племенных территорий. Пережитки этого до сих пор сохранились во всех странах в виде названий, связанных по происхождению с именами тех или иных этнических или родо-племенных групп.⁴²⁸

Однако, привлекая топонимический материал к историко-этнографическому исследованию, необходимо проявлять большую осторожность. Недопустимо как слепое доверие к будто бы «непогрешимым» фонетическим законам (эти законы часто нарушаются), так и некритическое отношение к случайным созвучиям, так как похожих и даже идентичных по форме географических названий можно найти множество во всех частях света. Лишь такое сопоставление является плодотворным, которое может быть исторически оправдано.

Вот как об этом пишет **И. М. Дьяконов**: «Без учета исторического окружения, а также самой истории слова и тех изменений в течение веков, которые слова претерпевают в каждом языке на основе внутренних фонетических законов данного языка, сопоставление отдельных слов и собственных имен лишено какого бы то ни было научного значения... Не следует непременно во всех названиях местностей искать отражения племенных названий», ибо названия племен редко отражаются в названиях местностей и притом обычно на стыке разных этнических территорий⁴²⁹.

Топонимика содержит названия разных эпох, разного значения и происхождения. Этим объясняется трудность классификации материала. Названия можно группировать по их смысловому значению, по основам имен, по формантам (суффиксам), по их связи с природными особенностями, хозяйственной деятельностью населения, личными, родовыми или племенными названиями, поскольку основными источниками возникновения географических названий являются обозначения личной, родовой или племенной собственности, производственной деятельности людей и природных особенностей местности. «Топонимика, – пишет **А. И. Попов**, – не представляет собой ни полного произвола, ни строго выдержанной, «системы», являясь на деле многообразным отражением реальной географической, исторической и языковой действительности во всех ее проявлениях, давая то сравнительно однотипные, то весьма пестрые по составу и характеру образцы местных имен, разобраться в массе которых

---

⁴²⁸ Подобные названия относятся обычно к числу древнейших топонимов (например, от названий галльских родов и племен времен Цезаря произошли имена крупнейших городов Франции: Реймс, Бове, Труа, Шартр, Нант, Суассон, Амьен и др., а в северной лесной полосе Восточной Европы финно-угорские племена и роды оставили о себе память в таких наименованиях, как Чудь, Водь, Корела, Лопь, Пермь, Меря, Муром, Мордва, Черемиса, Мещера и др. (**А. И. Попов**. Географические названия (Введение в топонимику). – М – Л. 1965, с. 77)

⁴²⁹ **Дьяконов И. М.** История Мидии. – М – Л. 1956, с. 56, 58.

можно только при условии широкого исторического ознакомления с фактическим материалом»⁴³⁰.

Стремясь установить основные принципы формирования местных имен и важнейшие правила топонимического исследования, автор отмечает, что топонимика любого края является «сложным историческим образованием, состоящим из пластов и слоев разной степени древности и различного языкового происхождения»⁴³¹. Однородная топонимика указывает «либо на заселение прежде пустынного края с древних времен именно тем народом, которому принадлежат здешние географические имена, либо быстрое вытеснение и истребление прежних наследников, что ведет обычно к утере древней топонимики». Нередки случаи, когда на древнюю топонимику наслаивается более поздняя и даже новая. В этом случае древняя топонимика представляет собой субстратную топонимику. «Древняя топонимика выдерживает без серьезных изменений только одну передачу от субстратной среды к воспринимающей при условии постепенного, длительного процесса и мирного характера этой передачи... Там, где существует непрерывная традиция оседлой жизни с древнейших времен, можно ожидать значительной сохранности древнейшей топонимики причем в отличие от микротопонимики, топонимика крупных объектов удивляет своей устойчивостью»⁴³². Одного только чисто лингвистического анализа недостаточно, когда мы привлекаем топонимический материал для решения этногенетических или других исторических проблем. Такие вопросы, как однородна ли топонимика данной территории или мы имеем здесь переплетение субстрата с наслоениями, какова этническая природа последних, какое место занимают субстрат и примеси, как отражает топонимика историческую социально-экономическую жизнь страны и т. д. не могут получить убедительного разрешения только при формальном, узко-лингвистическом подходе к фактам топонимики, без широкого исторического объяснения происхождения и изменения географических наименований.

В топонимике Абхазии, как и во всякой другой, имеются наслоения разных эпох и разной этно-племенной принадлежности, что, в частности, служит выражением передвижения и инфильтраций разных племен и этнических групп на данной территории. При всем том, в основном, самобытная топонимика Абхазии – поражает обилием и необыкновенной устойчивостью древних форм, а также в целом однородностью своего состава (за исключением разве части юго-восточного сектора страны). Это видно, в частности, и по тому, как органически и, так сказать, интимно воплощена в ней окружающая географическая среда. Интересны и многообразны оригинальные названия, связанные с местной флорой и фауной в том числе и морской.

Абхазская макро- и микро-топонимика до мельчайших подробностей отражает природные особенности края. Почти все местные географические реалии нашли в ней древние обозначения на абхазском языке. Таковы, например, такие названия как «арха» – равнина, долина, «аҭшахәа» – пойма реки, «аҭста» – ущелье, «ахәы» – холм, «айа» – солнечный, плодородный покаты́й склон холма, «аҭаҭа» – предгорные склоны, «амшын» – море и целый ряд связанных с ним терминов: «ага», «агаҭа» – морское побережье, «акра» – мыс, маяк, «агаҭша» – морской ветер, «агашьха» – приморская гора, «агауаа» – поморяне, «Ашхәацәахырҭа» – место укрытия суден (в устьях реки Мшьчы и Тҭоумышь), «Ашхәацәырҭа» – место тесания лодок (судов), «Ашхәаҭахәарҭа» место прикола судов, «Ашхәаҭаныкәарҭа» – место хождения судов (с. Тамыш) и др.; «ашьхарҭы» – предгорья, «ашьха» – гора, «ацәхәыра» «асакара» – открытый горный ландшафт, «азыхьҭеа» – водопад, «азҭачы, азиа» – озеро, «азы» – вода, река; «акәара» – речка, «ахәдаара» – перевал, «аахыҭ» – южный склон «нхыҭ» – северный склон и т.д.

Считается что Черное море – получило свое название от иранского слова «ахшайна», которое в переводе означает – «черное», и что древнегреческие авторы осмыслили

⁴³⁰ Попов А. И. Указ. соч. с. 149.

⁴³¹ Там же. с. 150.

⁴³² Там же. с. 150 – 152

«ахшайна» как «аксенос» – негостеприимное. Абхазы же, как отмечено, называли его «амшын»⁴³³, то есть просто море, и лишь сравнительно недавно (больше под влиянием русской, а затем и своей литературной традиции) к слову «амшын» стали прибавлять прилагательное «еикэа». Получилось **«Амшын Еикэа» – Черное (темное) море**, что, однако, до сих пор не совсем привычно для уха старых абхазов, которые, по древней традиции, продолжают называть его просто морем (амшын). В их представлении, Амшын это не Черное и не Белое, или какое-нибудь другое конкретное море, а море вообще, «это море», то есть то единственное море, которое только и знали с самого начала носители языка, создавшие слово «амшын» (используемое впрочем и для обозначения океана). В абхазском понимании «амшын» – это самое большое хранилище воды и самое обыденное явление, которое должно быть знакомо абсолютно каждому человеку. Не знать или забыть его название – невозможно, как немыслимо, чтобы человек не запомнил свое собственное имя. Отсюда происходит старинная и широко известная пословица о человеке, не припоминающем названия какого-нибудь самого знакомого ему предмета или явления (Амшын ахъз зхаштыз еигъш, то есть **«Как человек, забывший название моря»**). Недаром Г. А. Климов писал, что **«очевидную специфику состава отраслевой лексики, заметно обособляющую абхазский язык от других абхазско-адыгских, образует богатый пласт терминов мореходства и морского промысла, свидетельствующий о давности тесного общения абхазов с морем»**⁴³⁴.

Абхазы не мыслят окружающий мир без двух географических факторов морской и горной стихий. Море и горы даже и терминологически составляют как бы нераздельный единый комплекс: «Геи-шьхеи», то есть в смысле всюду, везде, досл. **«приморье – горы»**; «ага ббъыци ашьха ббъыци», то есть **«листок приморья и горный листок»** (в том смысле, что даже и такие удаленные друг от друга листки могут когда-нибудь встретиться).

Еще одна заслуживающая внимания деталь. Море абхазы всегда представляли себе находящимся на западе от мест своего обитания. В то время как о восходе солнца говорят «солнце встало» (амра гылеит) или **«солнце вошло из-за гор»** (амра ашьха иаавцъцит) вообще восток абхазы называют **амрагылара** понятие же захода, заката нашего дневного светила они передают словами **«солнце погрузилось в воду»** (амра заалеит) или **в море**⁴³⁵ (Амра амшын изаалеит) или **«солнце опустилось [погрузившись во что-то]»** (амра тащәеит). Значит с тех пор, как абхазы пользуются приведенными выражениями, они всегда жили у морского побережья, а само море мыслится находящимся (в основной своей части) на западе по отношению к занимаемой ими территории. Эта локализация соответствует географическому положению страны, находящейся на восточном берегу Черного моря и которую, они населяют с древнейших времен. Абхазская морская терминология и терминология судостроения, приведенные здесь лишь частично, названия многих морских рыб и другого включает очень ценные лексические материалы не только для изучения развития у древних абхазов судостроения, мореходства и морского промысла, но может послужить в известной мере и опорой при освещении некоторых вопросов расселения древнеабхазских племен, этнического освоения ими данной территории и др. В этом отношении большой материал содержит работа О. П. Дзидзария.⁴³⁶

⁴³³Ср. абх. «амш» – день, свет, счастье.

⁴³⁴Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. – М. 1986, с. 52 – 53.

⁴³⁵По поверьям абхазов солнце, обогревая и освещая весь день землю, постепенно лишается тепла и света и к вечеру потускневшим и охлажденным погружается в огненное море, а утром, набравшись за ночь жара и сияние, вновь является полным света и теплоты. Луна же не греет потому, что днем находится в пространстве сплошных льдов и появляется над землей промерзшей. (Иоакимов А. // Газ. «Кавказ» 1874, № 39).

⁴³⁶Дзидзария О. П. Морская лексика в абхазском языке. – Сухуми. 1989. 99 с. (Ныне вышла его же книга: Море и абхазы. Историко-лингвистический очерк. – Сухум. 2002, 110 с. Прим. комм.).

Из названий стран света в абхазском языке наиболее употребительными являются «алада» – юг (низ) и «аюада» («аҭада» – север (верх). В сочетании же (аладеи аҭадеи) они иногда даже как бы покрывают собой все четыре стороны света, хотя абхазам известны и понятия **восток (мрагылара)** досл. «[там] где **восходит солнце**», и **запад (мраҭашәара)** дословно сторона погружения, заката солнца. Но самое интересное состоит в том, что север и юг понимаются абхазами в обратном отношении к общепринятому значению: севером (аҭада) называется юго-восток, а югом (алада) – северо-запад⁴³⁷. Например, некоторые бзыбцы до сих пор называют абжуйцев «северянами» (аҭадауаа), хотя последние занимают южную, а не северную Абхазию, а абжуйцы, в свою очередь, «верхней» или «северной» (аҭада) страной считали Мегрелию, несмотря на ее южное по отношению к Абхазии положение.

В зоне бывшего распространения абхазских диалектов, особенно бзыбского, а также садзского и средне-абхазского отмечается наличие мощного слоя древнеабхазской топонимики, которая, за редким исключением, свободна от примесей иноязычного происхождения. Такая этническая однородность топонимики служит неоспоримым доказательством автохтонности абхазов на занимаемой ими территории, что, однако, не снимает вопроса о сложности их этнического прошлого, о неоднородности тех этнических компонентов, которые в течение веков смешивались и сливались с аборигенами в процессе абхазского этногенеза.

Необычайная древность и однородность исконно местной топонимики подтверждается как по морфологическим признакам, так и по семантическому содержанию целых групп традиционных топонимов.

В абхазской топонимике прослеживается ряд морфологических типов, которые оформляют названия рек, населенных пунктов, местностей. Из них наиболее характерными являются названия, оформленные на **хә/хәа, ҧшь, ҧсы/ҧса, кыҭ, ҭа, шьха, ра, аа, ал/ул**.

Топонимы с элементом **ал/ул** довольно компактной группой встречаются в основном в предгорной юго-восточной части Абхазии: Дал, Амткәал (Амткәал), Пырдыҭал, *ҧырдыҭал*), Пал, Пскал, Джал, Джампал, (Цьамҧал), Цабал (Цабал), Ходжал (Хәаҭал), Чхуартал (Чхәартал), Киркипал, Гал, Ткварчал, Мерхеул, Арзаул, Крумхул и другие, заслуживают специального изучения. Происхождение этих типов (по крайней мере большинства из них) связано с родоплеменной или общинной организацией, а также с характером местности и т.п.

Наиболее многочисленной является группа топонимов с аффиксом множественности в окаменелой форме «-ра», имеющих широкое распространение на территории всей Абхазии (**Гаг-ра, Аҭанда-ра. Ешы-ра, Аҭа-ра, Аҭгәа-ра** и т.д.)

К этой группе примыкают и названия с аффиксом множественности – «аа»: **Лдзаа (Лдзаа.), Мдзаа (Мдзаа), Наа, Гудаа** и др.

В абхазско-абазинской топонимике легко можно выделить также большую группу составных терминов, служащих названиями селений. Первая часть этих топонимов представляет собой родовое имя, вторая – притяжательный аффикс 3-лица множественного числа, а третья часть означает слово «село», «община», «святылище», «холм» или «поселение» соответствующего рода. Таковы имена:

на «**хуа**», что некогда означало в абхазском «сын», «потомок», «отрасль». Например, бзыбские селения Блабрхуа, Чаабалрхуа, Гунрхуа, Куланрхуа и др.; (Ср. идентичные по смыслу выражения **ҧшькыаҭ-иҭа** Манча и **ҧшькыаҭ-ихәа** Манча, то есть «Пшкыа сын Манча»: иными словами «**иҭа-ихәа**» – сын;

на «**пшь**», которое в древности выражало, по всей вероятности, понятие родовой общины (ср. «**Уҧшь нцәент**», то есть «**чтобы сгинул твой род**»). На мой взгляд, это

⁴³⁷То же самое у северокавказских абазин: юг –гҭада, а север – алая, лаяы (Русско-абазинский словарь. с. 450 – 578).

древнее словосочетание убедительно доказывает связь компонента «҃шь» с раннегентильной организацией общества. Вместе с тем следует отметить, что существуют и другие мнения, согласно которым указанный элемент выражает собой понятие «воды», «реки»⁴³⁸, а также понятия «святое», «святилище»⁴³⁹;

на «кыт» – село, сельская община.

Как видно, наименования на «хуа» «рхэа» и «пшь» встречаются, в основном, в северо-западной, а также частично в центральной и в юго-восточной Абхазии, где еще можно обнаружить некоторые, правда, очень стертые их следы (например, Гулрыпш, Хегрыпш (близ Дранды)⁴⁴⁰. Сюда же, возможно, относятся и названия таких абжуйских и гальских сел, как Пшьап, Тамшь, Пакуашь, Пшаури, Гумрышь и др. По словам бывшего жителя села Окуми, 80-летнего **Александра Зухба** и других стариков современное село Гумуриши (Гальский район) раньше абхазы называли по-своему – **Гумрыпш**⁴⁴¹ (это же название сохранилось и в одной старой картотеке Абхазского госмузея).

Встречаются топонимы и на «хэ», но «хэ» и «хэа» разные корни: «хэ» выражает «холм», а «хэа» – «сын», «отпрыск», хотя и не всегда. Так и топонимы на «пшь» были связаны первоначально не с местностью и водой как полагают некоторые, а выражают собой родо-племенные и общинные поселения. По всей вероятности, в древности «пшь» означало родовую общину с их святилищем, а «хэа» служило патронимическим показателем, выражающим понятия «сын», «потомок», «ветвь». Первая часть большинства названий на «пшь» представляет собой как правило, имя какого-нибудь из древнейших, в том числе и давно исчезнувших родов (Цандры҃шь, Мкьалры҃шь, Гагры҃шь, Ба҃ры҃шь, Чагры҃шь, Риа҃шь, Кэы҃шь, Жэандэры҃шь, Дэры҃шь, Лакры҃шь, Ешры҃шь, Дезры҃шь,⁴⁴² средне и южноабхазские селения Хьецры҃шь, Мачры҃шь, Гэылры҃шь, Гэымры҃шь и др.) В некоторых, правда, редких случаях оно выступает и как название древних языческих святилищ «Дыдры҃шь».

Слова же на «кыт» связаны с развитием сельской общины и феодальных отношений, то есть сравнительно более позднего происхождения таковы, абжуйские селения Эшкыт, Чацкыт, Чааркыт, Дапукыт; абазинские: Дарыквакыт, Лоукыт или Локт, или Гумлокт (совр. Красновосточное) и др. Все эти факты свидетельствуют о том, что древнейшая часть топонимики Абхазии принадлежит абхазскому языку, а ее образование восходит к эпохе родового строя и развития раннеклассовых отношений на ее территории.

Абхазские названия рек можно также разбить на несколько групп. Прежде всего, немало рек на «пс», «псы», «пста», что в свою очередь подтверждает факт использования и в древнеабхазском языке элемента «пс» для обозначения воды и реки, как это мы имеем и теперь в адыгских языках. Реки с «пс» встречаются в топонимике западной и отчасти центральной Абхазии:

Анакопста, Агпста, Лашпсы, Псыш, Хыпсы, Аапсы, Псырдзха, Гумпсы или Гумсы, Ахипс, Аджапс (недалеко от Скурчи по А.Нордману)⁴⁴³ и др. К этой группе относится, по-видимому, и название главной реки Западной Абхазии – Бзыпи (Бзы҃). Другую группу образуют имена на абхазский локативный суффикс «҃а»

Хоста, Мзымта, Бышта, Арюта (Ар҃҃а), Дзиата (Зиа҃а), Чхалта, Мсыибыста. Есть реки на «шь», «пшь», «рыпшь»:

⁴³⁸Бгажба Х. С. Указ. соч. с. 257.

⁴³⁹Шакирбай Г. З. Географические названия в Абхазии с элементом «8шь». //Известия III. – Тбилиси. 1974, с. 80 – 83.

⁴⁴⁰ЦГВИА, ВУА. ф. 414, № 301, л.18 и об.

⁴⁴¹Запись 50-х гг. XX в. (Шакрыл К. С. К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов. // Ученые Записки АДИЯЛИ. Том IV. – Краснодар. 1965, с. 216.

⁴⁴²Подозерский К.И. Санчарская через Главный Кавказский хребет тропа и урочище Псху // ИКОИРГО. Том XVI, 2, 1903 (карта).

⁴⁴³Нордман А. Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю // ЖМНП. 1838, XI, ч. XX, с. 406.

Чагрыпшь (Чабрыҭшь), Гагрыпшь, Риапшь, Мчишь, Гумрыпшь, Ачарыпшь (Ачарыҭшь) Гулрыпшь, Хеҭрипшь и др.

Немало названий, окончание которых выражает понятия речки – «акэара», и «дзы»: Жвакуара (Жәҭакэара), Хеҭкуара, Цкуара (Цәакэара) Шицкуара, Ацамкуара, Мдзадзых (Мзазыхь), Ахубырдых (Ахәбырзыхь), Дзижвдзых (Зыжәзыхь), Наиболее же многочисленную группу составляют гидронимы на «ра»:

Юпшара (Ҩпшара), Джишра (Цышьра), Ауадхара, Мцара, Мсра, Джбаара (Цьбаара), Ахадара, Мачара (Мацара), Ачадара, Капшара (Каҭшаара), Адзгара (Азгара), Гуандра, Ачапара, Кудры, Егры (Ебры) и др.

Плотность и этническая отчетливость абхазской топонимики и гидронимики в пределах от бассейна р. Сочи на северо-западе страны и до р. Ингур на юго-востоке, включая горную полосу между ними, в том числе частично и прилегающие северные склоны Главного Кавказского хребта, свидетельствуют о том, что абхазские племена являлись с древнейших времен основными насельниками всей этой территории.

Правда, указанные плотность и отчетливость названий местностей слабеют на части прибрежной полосы юго-восточной Абхазии за счет топонимов мегрельского происхождения. Но это в общем сравнительно небольшой слой топонимической лексики, связанный к тому же своим происхождением с относительно поздним, средневековым временем, с существованием абхазо-грузинского объединенного феодально-монархического государства, а также с позднейшим массовым переселением мегрельских крестьян в Южную Абхазию, бежавших сюда от жесткой крепостнической эксплуатации и безземелья. Это вело, естественно, к изменению географической номенклатуры. Так, например, древнеабхазское название речки Юардзы (Ҩарзы)⁴⁴⁴, что по-абхазски означает «(мутный) поток – река» (от «аҨар» – поток и «азы», вода, река), протекающей в Гальском районе, получило новое – мегрельское оформление, соответствующее законам мегрельского языка, – Ерцкар (Ерцҭкар), то есть «ер» здесь вместо «аҨар» и «цҭкар» вместо «азы» («цҭкар» по-мегрельски вода). Также, по **Г. З. Шакирбай**, произошло превращение абх. Хуажвкуара, что в переводе с абхазского означает «рододендроновую речку» в мегрельское Ходжкуара, т.е. «бычьей речку».

Если, к тому же, в топонимике этой пограничной, прибрежной полосы, где интенсивно происходили абхазо-мегрельские этнокультурные контакты и смешения, присутствует, как сказано, относительно поздний картвельский элемент, то в смежных предгорных и горных районах, представляющих собой своего рода абхазский «топонимический заповедник», мы наблюдаем картину почти безраздельного господства абхазских географических названий. При этом надо учитывать и тот факт, что эти места, в основном не пригодны для жилья. Это были места пастбищ, посещаемых жителями низин и предгорий лишь в летние теплые месяцы года. Следовательно, такой массы абхазских наименований, не могло быть если бы в свое время на побережье не было бы коренного абхазского населения и соответствующей этому топонимической доминанты.

Бесконечное количество названий горных троп и ущелий, рек и озер, вершин и пещер, пастбищных мест и перевалов и сами по себе представляют ценнейший материал по истории местного населения и его языка. В то же время это своего рода документ большой доказательной силы об этнической принадлежности того населения предгорий и морского побережья, представители которого в течение долгих веков ежегодно перегоняли свои стада на летние альпийские пастбища и даже создали там особую пастушескую культуру, связанную со строительством каменных оград («ацангэара») встречающихся в местах стоянок древних скотоводов в пределах абхазских горных пастбищ.

Одним словом, горная топонимика всей Абхазии почти безраздельно абхазская, и ее могли создать только абхазские предгорные и прибрежные оседлые жители,

---

⁴⁴⁴Гулиа Д. Абхазский календарь. – Сухум. 1921, с. 6 (на абх.яз.).

занимавшиеся земледелием и отгонным скотоводством. Названия гор и рек в Самурзакани, то есть юго-восточной части Абхазии (совр. Гальский район) «почти исключительно абхазские», – писал **Н. М. Альбов**⁴⁴⁵. Следовательно, и население юго-восточной части страны, которому, безусловно, принадлежит горная топонимика и прилегающих местностей, также могло быть только абхазоязычным.

По-видимому, лишь в позднефеодальную эпоху здесь происходит заметное изменение местных названий. Появляются картвельские топонимы, но, в основном, на земле Южной Апсолии. Яркими примерами отложения новых географических названий на территории побережья юго-восточной части Абхазии являются: Сатамашо (Саҭамаша), якобы «Место игрищ». Там, в центральной части Абжуйской Абхазии, расположена средневековая генуэзская крепость и принадлежавшие ей окрестности. Очевидно название происходит первоначально от рода Там (Тамшь); Сатанджо – считается, что слово означает «крепость страданий», однако оно происходит от итальянского Сант Анджело; Олагвана, т.е. «Место обжига глиняных кувшинов»; реки Цхенцкар (Цхьенцкар) быв. Ачдзы т.е. «Лошадиная (конская) река, вода», и Цкуржил (Цкэыргыл), так называемый «Источник»; озеро Папанцкур (Папанцкэыр) – «Место где утонул поп» и др.⁴⁴⁶. По крайней мере, часть из них, представляет собой мегрельский перевод соответствующих абхазских первоисточников. В этом мы могли убедиться на примере вышеприведенного названия р.Юардзы; «Цхенцкар» также имевший свой абхазский прототип – Ачдзы (Аҭзы), который без перевода, невозможно точно выразить посредством фонетической системы мегрельского языка.

Возможно, кое-кому представляется преждевременным утверждение, что слой картвельской топонимики в пограничной Южной Абхазии сравнительно невелик и, вероятно, восходит в основном, к зрелому и позднему феодальному времени. Осознавая вполне значение этого мнения я стараюсь опираться на факты и основанную на них аргументацию. А вместе с тем, другая точка зрения – о возможном наличии на этой территории древнейшего сплошного пласта сванской (или иной картвелоязычной) топонимики – является на сегодняшний день не менее, а еще более преждевременной гипотезой, не учитывающей совершенно абхазскую топонимическую и иную архаику в регионе и не подкрепленной соответствующими историко-лингвистическими данными. Сторонники этой гипотезы иногда используют интерпретации топонимов, противоречащие природным реалиям местности как, например, объяснение плодороднейшей местности Тамыша со сванского как «неурожайного места», или приморской Мюссеры как «снежного горного места»; а прибрежная часть с. Анухва Ачирха будто-бы означает «горный хрусталь», местность же Гумуриши называется якобы словом «ель», но в тех прибрежных местах никогда ель не росла и не могла расти в такой низкой зоне, по достаточно убедительным заключениям палеоботаников.

Следы древней абхазской топонимики вскрываются и за пределами современной Абхазии. В Адлерском, Лазаревском, Туапсинском районах и даже далее. Так, река Охуреи в Южной Абхазии имеет соответствие с местностью – Охурай (в 35 верстах от Анапы)⁴⁴⁷. Крупным торговым пунктом была в XVII–XVIII вв. и «морская стоянка» **Абаза** в устье р. Шахе (или р. Сочапста). Представляет немалый интерес, что в районе нижнего течения Дуная «**абазой**» называли сильный причерноморский восточный ветер⁴⁴⁸.

На Северном Кавказе известна Гумская, или **Кумская** долина и река **Кума** (ср. с селением и рекой **Окуми/Окум**, где «о» является мегрельским локативным префиксом). В осетинском нартском эпосе часто встречаются выражения: «гумский человек», «гумец»,

⁴⁴⁵ **Альбов Н. М.** Этнографические наблюдения в Абхазии. // Ж-л. «Живая старина». Вып. III. – СПб. 1893, с. 306.

⁴⁴⁶ **Джанашиа Н.** Давайте работать. // «Сухумский вестник». 1915, №№ 99, 100.

⁴⁴⁷ **Лавров Л. И.** «Обезы» русских летописей. // СЭ. 1946, № 4, с.164; **Н. В.** Утверждение наше в Абхазии // КС. Том XIII. – Тифлис. 1889, с. 404.

⁴⁴⁸ **Мурзасвы Э. и В.** Словарь местных географических терминов. – М. 1959, с.19.

«гумский охотник», «Гумский перевал», «Гумское ущелье», «Гумская земля». Осетины представляют местность Гум, находящейся где-то на юге, за Кавказским хребтом⁴⁴⁹. (В фольклоре известны и **Гумирта** – великаны, уничтожавшие сады жителей **Абрасет-города**). Эти названия могут быть сопоставлены с названиями р. **Гумиста**, ущельем **Гума** и **Гумской** областью (может быть, это Сухумский район) центральной этнографической части Абхазии и сел. **Гумрипш** в Южной Абхазии. Есть совпадения и в других названиях, например, местности Абжуйской Абхазии **Чагьам** и р. **Чегем** на Северном Кавказе; села и реки Мачара/ Маджара в центральной Абхазии и местности Маджара за снеговым хребтом; горы **Эрцаху** (высочайшая вершина у верховьев Кодора) и озера **Эрцо** в северо-западной части Южной Осетии⁴⁵⁰; **Речепста** – река, ущелье и местность на Северном Кавказе и сел. **Речхи** и крепость **Речьабаа**, гора **Речьшьха** вблизи сел. Чхуартал в Гальском районе, видимо, связанные с вымершим в Абхазии родом **Речь** и др.

Бесспорным является существование, так называемых, «адыгских» элементов в топонимике исторической (и современной) Западной Грузии – Гурии, Аджарии, Мегрелии. Таковы, например, названия рек и местностей на «пс» – словообразовательный элемент, означающий в современных адыгских языках «вода», «река». И в абхазском, как мы видели, «псы» иногда означает воду и входит в состав слов в качестве словообразовательной частицы со значением воды⁴⁵¹, на «ква» – словообразовательный элемент, осмысляемый в абхазо-адыгских языках как овраг, балка, ущелье, каменистый гребень, берег реки. В Грузии топонимы на «ква» иногда встречаются с наращением грузинского локативного суффикса «т».

Эти факты учеными, например, акад. **А. Джавахишвили** и **С. Н. Джанашиа** толкуются как наследие доисторического, а именно адыгского населения в Грузии⁴⁵², не упоминая абхазского. Однако следует иметь в виду, что речь идет о том времени, когда, возможно, еще не произошло полной дифференциации абхазских и адыгских племен, вследствие чего нужно говорить, очевидно, не о собственно адыгском или собственно абхазском наследии как таковом, а об общем вкладе протоабхазо-адыгского населения в топонимику и этнонимику Западной Грузии⁴⁵³. Названия на «пс», «ква» являются общим наследием языка-основы абхазско-адыгских племен. Во всяком случае, и до настоящего времени они характерны для абхазского языка ничуть не меньше, чем для адыгских. Следует считаться и с тем обстоятельством, что в топонимике ряда районов Западной Грузии вскрывается немало названий собственно абхазского происхождения. По этому вопросу мною подготовлена большая монография⁴⁵⁴.

Еще у древних авторов на восточном берегу Черного моря засвидетельствован ряд названий рек и местностей на «псы» и «ква». Таковы, например, названия реки Апсар, что переводится с абхазского – как «сосновая (пихтовая) роща» – апсара. По некоторым сведениям, р. Псырдзха у Нового Афона некогда также называлась **Апсар**, а по **Плинию** – **Абсар** это и совр. Чорохи⁴⁵⁵ – в древности она называлась **Акамписом** и **Апсуром** и на ней стоял город-крепость **Апсар**, принадлежавший при **Арриане** римлянам. «Говорят, – пишет **Арриан**, – что местечко **Апсар** когда-то в древности называлось **Апсиртом**,

⁴⁴⁹ **Алборов Б. А.** Осетинские нартские сказания о Созрыко и Гумском человеке. // Ученые записки Северо-Осетинского пединститута им. **К. Л. Хетагурова**. Том XXVIII, вып.3. – Орджоникидзе. 1957.

⁴⁵⁰ **Калоев Б. А.** Осетины. – М. 1967, с. 31.

⁴⁵¹ **Büyüka В. Ö.** Abhaz Mitolojisi Anaçmi ? – Istanbul. 1971, s. 478.

⁴⁵² **Джавахишвили И. А.** Основные историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // ВДИ. 1939, № 4.; **Джанашиа С. Н.** Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии. // «Мацне» (Сообщения Груз. филиала АН СССР). Том 1, № 8. 1940, с. 623 – 628.

⁴⁵³ **Меликишвили Г. А.** Наири-Урарту. – Тбилиси. 1955, с. 82 – 84.

⁴⁵⁴ Книга, вернее два экземпляра машинописи большой книги, посвященной абхазской топонимике Западной Грузии, отправленные на рецензию в Москву **В. А. Никонову** и в Тбилиси **Ш. В. Дзидзигури** – видимо уже пропали, а третий сгорел в институте. (Прим. комм.)

⁴⁵⁵ ВДИ. 1948, №1, с. 267 – 268, № 4, с. 231 – 232; **Дьяконов И. М.** Предыстория армянского народа. 1968, с. 84.

потому что здесь якобы погиб от руки **Медии Апсирт**». Остров и город Апсирт на Черном море (совр. Гонио ?) известен и **Артемидору Эфесскому** (100 г. до н.э.). **Псевдо-Арриан** (V в.) отмечает местность **Никопсис**, реки **Псахапсис** и **Топсиду**, а современная р. **Супса** была известна и как **Психра**. **Овидий Насон** в своих «Письмах с Понта» упоминает реки Колхиды **Кинапс** и **Дирапс**⁴⁵⁶. По **Прокопию Кесарийскому** между Трапезунтом и Лазикой находился **Апсарунт** и др. Основа «фас», «пас» в названии Фасис и других (как называются в античных источниках верховья реки Аракса, р. Чорохи и Риони), рядом исследователей также связывается с категорией имен на «пс», однако **С. Н. Джанашиа**, избегая категорических высказываний, оставил этот вопрос открытым⁴⁵⁷.

Не меньше на указанной территории названий местностей и на «ква» (или изредка с наращением грузинского локативного суффикса «т»); **Агидаква**, местность в Аджарии, **Аква**, что в староабхазском выражает крепость, замок, город (ср. абх. **Ақәа** – второе название известного замка в Южной Абхазии **Нарджхьоу-Абаа**, а также абхазское название самого Сухума – **Ақәа**), **Араква** (село в Ахалкалакском районе), **Ачкава**, **Чаква**, **Боква**, **Дагва**, что по-абхазски означает «глухое» (село в Кобулетском районе), **Малтаква**, **Джуруквети**, **Бобоквати**, **Мурквети** и др.

В составе топонимики Западной Грузии мы встречаем и многие другие названия, имеющие разное суффиксальное оформление, но принадлежащие, по-видимому, к абхазскому языковому миру, что доказывается их семантическим содержанием, а также соответствующими параллелями, находимыми на территории самой Абхазии.

Например, трудно, пожалуй, сомневаться в абхазском происхождении таких географических названий, как **Азих** (ср. абх. **Азыхь** – «источник»), **Ахо** (ср. абх. «аху» – холм, гора), местность **Анча** в Аджарии (ср. абх. «Анцәа» – бог, «анча» – клен); **Гумати** – местность в 5 км. от Кутаиси (ср. ущелье Гума в центральной Абхазии), **Ацана** в Гурии (ср. абх. название мифического карликового племени **Ацан**), **Ахибла** – местность в 20 км. севернее Зугдиди (по-абхазски «ахьыбла» – золотые очи), местность, река и селения Кодори в Цхакаевском районе, и селения **Скурча** (ср. абх. **Шәкәырча** – у устья р. Кодор и в районе совр. Дранды), **Саапсандзо** – местность на правом берегу р. Чхоуши, недалеко от ее впадения в Ингури (См. «Карту Абхазской АССР», 1940 г.), **Алада** – местность в Ахалкалакском районе (ср. абх. «алада» – юг, низина), местности в Раче – **Тахитара** (по-абхазски «Тахитәара» означает «место восседания **Таха**», ср. аналогичную форму **Тагитжитара** или **Тагиджинтара**, – горы на Гудаутском массиве), р. **Надиквари**, **Кижинара** (с абхазского переводятся как «речка **Нада** и «склон **Кижә**»)⁴⁵⁸, селение **Жибиани** т.е. сел. Жибовых (ср. абх. фамилию «**Жьйба**», что в русском означает «Кузнецов»), **Квараша** (по-абхазски означает белокаменный») (около Вардзии?), гурийское **Ацкур** (ср. абх. **Цкуара** «**Цәкәара**», то есть «бычья речка», р. **Цачхур** (**Цачхәыр**), впадающая в Риони недалеко от Кутаиси с не совсем цензурной абхазской этимологией, **Абжарские высоты** близ Кутаиси⁴⁵⁹, **Кодорская гора** и пункт и селения **Кодори** в бассейне Риони, в верховьях р. Пичоры (ср. абх. **Кудры**)⁴⁶⁰, ледниковая гора **Шхара** в Сванетии в бассейне Ингури, юго-восточнее Ушбы (по-абхазски «ашьха» – гора), **Дагуа** и **Лаша** – горы в Аджарии («адагәа» – по-абхазски, как сказано, означает глухой, а «алаша» – светлый, ср. пастбищное место «**Алашара**» в 5 км. севернее центра села Окум в Гальском районе), р. **Схалта** в Аджарии (ср. абх. «**Чхалта**» в Кодорском ущелье), в Аджарии же, на 5-верстной карте Кутаисской губернии 1883 г. отмечена местность **Ажашвари** («ажьашъара» в абхазском означает «место охоты на зайцев»).

⁴⁵⁶ВДИ. 1949, № 1, с. 241.

⁴⁵⁷**Джанашиа С. Н.** Соч. Том III, с. 123. (Привлекает внимание и название города в Северной Месопотамии на р. Ефрат – Фапсак, много раз упоминаемый Страбоном. (Прим. комм.)

⁴⁵⁸**Рогавя Г. В.** К суффиксации некоторых грузинских фамилий. //Труды Кутаисского пединститута. Том 13, 1955, с. 494 – 496; см. также **К. С. Шакрыл**. Указ. соч. с. 214.

⁴⁵⁹**Владыкин М.** Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. – М. 1855, с. 313 (и изд. 1874 г.)

⁴⁶⁰**Услар П. К.** Гурийский отряд в 1855 г. // КС. Том V. – Тифлис. 1880, с. 248.

Основа «пс», «бз», говорит **Н. Марр**, сохранялась и в названиях гурийского села **Двабзу** (ср. Туапсе), армянской области **Бассен** в верховьях Аракса и др.

В древнегрузинском же названии реки «**Егриси**», слышится абхазское «**Егры**» с грузинским наращением суффикса -си (ср. с Тбилиси, Дманиси, Кутаиси и др.), которое с последующим мегрельским наращением «н» приобрело форму «**Энгури**»/«**Ингури**». Что касается этого названия – **Ингури/Энгури**, по-абхазски **Егры**, а в средневековых грузинских источниках **Егури** (у Вахушти) и **Егриси** (в верховьях река называется **Цакицера**), то аналогичный гидроним встречается и во внутренних частях Абхазии – **Егры** правый приток р. Хыпста. Территория современной Мегрелии в средние века (например, в XIII в.) называлась и **Эгерией**⁴⁶¹. При этом важно отметить, что **в основе грузинского названия и страны Эгриси лежит древняя абхазская форма «Егры»**.⁴⁶² Итак, только абхазы сохранили древнее название реки, лежащее в основе названия страны **Эгри-си**.

Ряд интересных фактов отложения абхазского языка в географических названиях Грузии приводится и в указанной выше статье **Н.С.Джанашиа**. «ЗаТифлисом, в Борчалинском уезде, – пишет он, – имеются развалины старинной церкви под названием «**Адзиквис сакдари**». Название это необъяснимо, если не прибегнуть к абхазскому языку: адзы – вода, аиква – темная, черная; западнее г. Очамчира протекает речка под тем же названием (**Адзиква**)». В южной части Грузии (Кларджети) одно местечко называлось **Анчи**. В этой связи Н.С.Джанашиа далее продолжает: «В нынешней Батумской области находились знаменитые в истории монастыри – **Анчи** («**Анцва**» – бог по-абхазски), отсюда и Анчисхатская церковь в Тифлисе и в Хандзте. **Хан-дз-та** – в переводе Ханская вода. В Гурии известны: селения...**Ципнигвара**, второе слово – «агвара» по-абхазски забор, ограда, плетень; в Ланчхутах известен ручей **Окваре**, это ни что иное, как мингрелизированное абхазское «аквара» – ручей, **Хоба** – в Лазистане, **Хоби** в Мингрелии, возвышенность **Урта** в Мингрелии и в с. Поквеш Кодорского участка. О терминах **Кутаис**, **Дуабзу**, **Губазоули** и других я умалчиваю, ибо они освещены у **Н. Я. Марра**».⁴⁶³

По утверждению же **Н. Я. Марра**, основа «бас», resp. «пас» местного этнического названия «абхаз», прослеживается значительно дальше на восток и юг от Абхазии: в речке **Пашьгуашь** в Сванетии, грузинском названии **Пасис мта** – «горы Фасиса» и ущелья **Басиани** (на границе Сванетии, Рачи и Осетии). Греческое же название р. Риони (**Фазис**), по его мнению, сохранило свидетельство того, что эта река когда-то протекала среди «пас»-ского, то есть абхазского племени (как видно, элемент «**фас/фс**» – вариант «**пс**» в какой-то близкой абхазо-адыгской среде, также означал реку). Та же основа, говорит **Н. Я. Марр**, сохранялась в названиях села **Двабзу** (ср. **Туапсе**) и армянской области **Бассен** и др.)

Таким образом, по мнению **Н. Я. Марра**, абхазский народ в древности «занимал площадь значительно более обширную, на юге до р. **Супсы**, был расположен и на р. Риони, носившей некогда его племенное название – **Фазис**, с древнейшим городом **Кута**, греч. **Китея** (груз. **Кутатис**, **Кутаис**), что по-абхазски **акыта** означает «селение», в ту эпоху абхазы углублялись до грузинской ныне области **Лечхуми**...»⁴⁶⁴.

Известное положение о наличии черкесского (адыгского), или вернее абхазо-адыгского, элемента в топонимии Западной Грузии, впервые выдвинутое **Н. Я. Марром**, а затем **И. А. Джавахишвили** («Целый ряд географических названий древнего Причерноморья свидетельствует, что тамошнее туземное население должно было принадлежать к адыгейским племенам», – писал он в своем «Введении...», с.245) и почти

⁴⁶¹ «История и восхваление венценосцев». – Тбилиси.1954, с. 48.

⁴⁶² Интересно, что у адыгов **Егерквей** – название аула и племени. В своей книге «Черкесы и Россия» **Ц. Нойман** пишет, что эгер, экер выступает как армянское название адыгов и абхазов. (**Neuman C. Fr.** Das Rusland und Circessen. –Stuttgart – Tubingen, 1840).

⁴⁶³ **Джанашиа Н. С.** Давайте работать. // Газ. «Сухумский вестник», №№ 99 – 100, 1915.

⁴⁶⁴ ЛЭ. Том 1, 1930, с. 19.

тогда же развитое **С.Н. Джанашиа**, посвятившим этой теме специальные работы, стало прочным достоянием науки и не только никем не оспаривается, но встретило понимание и поддержку со стороны ряда видных специалистов.

Несомненно представляют интерес названия абхазо-адыгского облика и гораздо более раннего времени. Так, упомянутое выше название **Арипса** – одной из важных южно-черноморских крепостей «страны» Хайаса относится, как неоднократно сказано **Г. А. Меликишвили** и **И. М. Дьяконовым**, к типу абхазо-адыгской топонимики.

В своей цитированной выше работе и **Р. В. Гордезиани** пишет о «наличии абхазо-адыгских корней в древнейших картвельских географических названиях, этнических терминах Западной Грузии» и о том, что «древнейшим компонентом картвельских языков следует считать какой-то кавказский языковый слой абхазско-адыгского типа» и что сейчас этот факт «почти не вызывает сомнения»⁴⁶⁵.

Следует обратить внимание и на книгу **А. А. Глonti**, вышедшую в 1971 г. в качестве учебного пособия. В нее вошли чуть ли не все местные (в основном, западногрузинские), географические названия, сохранившиеся в народной памяти. В его словаре мы находим целый ряд географических названий, таких, например как «**Абхазшига**» («Холм абхаза»), «**Наабхазу**» («Место прежнего пребывания абхазов») в Гегечкорском районе, «**Абхазши нохори**» («бывшее абхазское поселение») в Абастуманском районе и другие,⁴⁶⁶ которые с несомненностью свидетельствуют о присутствии некогда какой-то части абхазов в составе населения Западной Грузии, когда они жили уже в картвельском окружении.

Трудность, однако, заключается в том, какое историческое объяснение можно дать всем этим неоспоримым фактам. Свидетельствуют ли они «об активных миграциях абхазов в глубь Западной Грузии еще до ассимиляции ее мегрело-чанского населения, пришедшими из Восточной Грузии племенами», исходя из предположения, что «еще в античную эпоху абхазские этнические элементы постоянно проникали в низменные районы Западной Грузии». Непонятно только, как в результате проникновения собственно абхазских этнических элементов могли возникнуть там в древности топонимы «собственно адыгского происхождения»(?). **Г. В. Цулая** ссылаясь на свидетельство **Л. Мровели** об участии джихов в походах картвелов в юго-западные области Закавказья, пытается объяснить их появление тем, что они оставались военными адыгскими отрядами и что именно это может способствовать объяснению появления подобных топонимов в Западной Грузии. Неужели правда у **Г. В. Цулая** – автора приведенных цитат, рецензента книги **А. А. Глonti**⁴⁶⁷, или имеется все-таки основание связать абхазо-адыгскую топонимику Западной Грузии с древнейшим этническим субстратом этого региона. Вспомним, например, еще раз слова **Н. Я. Марра**: «Но имеются этнологические данные, чтобы утверждать, что абхазы имели несомненно народное распространение, следовательно, этнографическое, на юге до Чороха. Достаточно название гурийской реки Супсы, представляющей абхазское название Сурская река, так как Гурия называлась и Сурией, по-грузински **Sur-eb** (теперь **Sureb-i** – область Гурии в верховьях Супсы). Сама река **Toroj** называлась разновидностью национального названия абхазов-абасков, именно **Aps-wa/Aps-wa**, за много столетий до возникновения средневекового Абхазского царства»⁴⁶⁸.

В соответствии с положением о древнем, значительно более широком распространении абхазского этноса на юго-восток от нынешнего его расселения и характеризуя абхазско-адыгские племена как аборигенные палеокавказские, **Г. А.**

⁴⁶⁵ Гордезиани Р. В. Указ. соч., с. 8, 10.

⁴⁶⁶ Глonti А. А. Топонимические разыскания. – Тбилиси. 1971.

⁴⁶⁷ Цулая Г. В. Рецензия на книгу А. А. Глonti Топонимические разыскания. – Тбилиси. 1971 // СЭ. 1972, № 2, с. 156; Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. / Перевод, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. – М. 1979, с. 71.

⁴⁶⁸ Марр Н. Я. Указ. соч. с. 179.

Климов пишет: «Действительно, в пользу автохтонности абхазо-адыгов на северо-западном Кавказе и, отчасти, в Западной Грузии могут указывать, например, как мощный слой древнейшей топонимики (ср. Никописис, Акамписис, Супса и др.)⁴⁶⁹, так и наличие исконно общих основ в языках этих народов для обозначения таких понятий, как «море» («берег с галькой»), «рыба» (крупная, геср. морская), «гора/высокий» и т. п., надежно локализующих древнейший ареал обитания их носителей примерно на местах их нынешнего расселения (достоверные указания существуют лишь относительно переселения кабардинцев из более западных районов Северного Кавказа)»⁴⁷⁰.

Многочисленные следы древней абхазской топонимики, плотно отложившейся не только на территории собственно Абхазии, но разбросанные и далеко на юг и север от нее выступают перед нами как важнейшие исторические памятники, подтверждая собой факт широкого в прошлом распространения древнеабхазского этнического массива на восточном побережье Черного моря. «Топонимика часто сохраняется от прежнего языка населения, особенно если смена языка, как чаще всего и бывает, происходила не путем вытеснения самого населения, а постепенно, через этап двуязычия»⁴⁷¹.

Изучение абхазской топонимики позволяет прийти к заключению, что в прошлом абхазский этнический элемент был представлен от бассейна р. Сочи и верховьев Кубани на северо-западе до Риони и Чороха на юго-востоке. Как указывал **В. А. Никонов**, названия местностей порой переживают не только объект, но и сам создавший их язык и топонимика (причем иногда только она) в состоянии помочь нам воссоздать прошлое, от которого не осталось никаких письменных свидетельств, хотя установить происхождение многих названий трудно, а порой и невозможно, что связано, в частности, с тем, что при всей своей устойчивости названия подвержены различным изменениям не только при заимствовании, но и в рамках одного и того же языка. Но мы здесь не станем вдаваться во все эти подробности, будем только помнить, что топонимика и, особенно, этимология – сложные и во многом гадательные науки, здесь ученого часто подводят межязыковые внешние совпадения или созвучия словарных единиц, почти вокруг любого этимологического построения неизбежно возникают несогласия и расхождения. Как фонетический облик, так и смысловое значение слов на протяжении длительной истории развития языка могут подвергаться существенным изменениям. Поэтому необходима большая осторожность. Но это нельзя понимать как призыв к отказу от этимологических исследований и поисков в области субстратной и прочей топонимики. Ибо имеют право на существование и гипотезы, и догадки, и научные споры и разногласия.

Наконец, еще несколько слов в порядке заключения главы. От общего признания существования в далеком прошлом праабхазо-убыхо-адыгского языка, видные ученые-лингвисты все более переходят к конкретному реконструированию его грамматического облика. Так, по мнению **Б. Х. Балкарова**, в основе грамматического строя западнокавказского языка лежат агглютинация; реконструируемый язык отличался богатством форм глагола; грамматическое лицо имени составляла система классов; имена имели две формы – определенную и неопределенную, причем определенная форма выражалась префиксально, что сохраняют абхазский, абазинский и убыхский, а материальной формой ее был префикс – а; в основе сложной структуры глагола лежало полиперсональное спряжение; четко выделялись местоимения; система счета была двадцатиричная; сложение основ было главным средством образования новых слов; предложения строились по двум моделям, эргативной и номинативной и др.⁴⁷²

⁴⁶⁹ Ср., напр. **С. Н. Джанашиа**. Черкесский (адыгейский) элемент... с. 623.

⁴⁷⁰ **Климов Г. А.** Кавказские языки. с.13, 14.

⁴⁷¹ **Дьяконов И. М.** История Мидии. – М – Л. 1956, с. 60.

⁴⁷² **Балкаров Б. Х.** Введение в абхазо-адыгское языкознание. – Нальчик. 1979, с. 126,127.

В абхазо-адыгской группе языков грамматические классы (разумного и неразумного) «различаются в одном лишь абхазском языке» при отсутствии ныне этой категории в адыгских языках. Частично классные показатели имеются и в сванском языке, эти показатели сохраняют сванские слова, заимствованные из абхазского⁴⁷³.

Но, если элементы классных показателей в сванском не отражают субстратных явлений, а представляют собой заимствования, то и тогда они могут служить некоторым косвенным датирующим ориентиром: сванский язык мог усвоить древнейшие показатели грамматических классов, по-видимому, только после своего формирования как самостоятельного языка, когда абхазский и адыгский языки уже существовали как давно обособившиеся друг от друга.

Крупнейшие грузинские ученые, как мы видели, отмечают в своих исследованиях, что современные абхазы и их предки (апсилы, абазги и др.) являются аборигенами по крайней мере Кавказского Причерноморья. Сошлемся на некоторые их высказывания (частично повторно):

А. С. Чикобава: «Имеются серьезные основания предполагать, что на территории Западной Грузии картвельским племенам предшествовали абхазо-адыгские... Факт насыщенности чанских и мегрельских глагольных приставок абхазскими элементами (...), факт бесспорной древности... занские племена оседали на территории, где бытовала абхазо-адыгская речь».

К. В. Ломтатидзе: «Племена, говорящие на абхазском языке, имели с древнейших времен неразрывные связи с грузинскими племенами. Результатом этих взаимоотношений является бесспорное влияние абхазского языка на грузинский не только в области лексики, но также в определенных областях морфологии... Факты подобного рода в языке не могут быть результатом простого влияния. В этом случае мы имеем дело с абхазским субстратом в мегрело-чанском языке...»

О. М. Джапаридзе: «Абхазско-адыгские и, возможно, родственные им хаттские племена после распада общекавказского единства занимали преимущественно западную часть Кавказа... Адыгейско-язычные племена, в основном, занимают Прикубанье, а абхазские племена – западную часть Закавказья».

Г. А. Меликишвили: «Племя апсиров, засвидетельствованное на территории Абхазии уже в античное время, **возможно**, являлось племенем абхазо-адыгского происхождения». И еще – апсилы «одно из абхазо-адыгских племен», – причем племенное название «апсилы» он, а за ним и многие другие исследователи, непосредственно связывает с самоназванием абхазов (апсуа).

Лингвисты находят значительный древний мегрело-чанский слой в армянском языке. Армянское же население появляется на Армянском нагорье в XII–IX вв до н. э. Отсюда можно сделать вывод, что первоначально мегрело-чанские племена жили в непосредственном соседстве с древними армянами, а, следовательно, их тогда, как видно, не было у восточных берегов Черного моря, которые были еще заняты абхазо-адыгскими племенами. Об этом же говорит, очевидно, и «абхазский субстрат в мегрело-чанском языке» (К. В. Ломтатидзе). Как мы видели и А. С. Чикобава утверждает: «Факт насыщенности чанских и мегрельских приставок абхазскими элементами...», т. е. речь идет именно о собственно абхазском, а не о другом языке. Приведенными примерами далеко не исчерпывается соответствующий материал его можно и продолжить, но эта тема специального исследования ученых-лингвистов.

Влияние не адыгского, а именно абхазского языка на мегрело-чанский и грузинский языки свидетельствует, очевидно, о том, что – значительные массы собственно абхазских племен непосредственно и теснее контактировали в течение длительного периода времени с картвельскими племенами. А что касается адыгов, то

---

⁴⁷³Рогава Г. В. О вульгарно-материалистическом изучении абхазского и адыгских языков. // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. – М. 1951, с. 417, 418.

они, как видно, непосредственно не соприкасались с картвельскими группами, ибо существенных следов влияния собственно адыгского языка на картвельские, за исключением сванского, насколько известно, до сих пор не обнаружено.

Итак, абхазо-адыгские племена могли быть субстратным населением современной Западной Грузии, предшествующим картвельским племенам, только потому, что они, по-видимому, изначально были коренными жителями этого края. **Как заключает В. П. Алексеев «Народы абхазско-адыгской языковой семьи, населяющие северо-западные районы: адыгейцы, абазинцы, абхазы, кабардинцы, а также «аджарцы в подавляющем большинстве относятся к понтийской группе популяции и, следовательно, представляют собой потомков древнего населения и имеют местное происхождение»⁴⁷⁴**. Насколько широко простиралась протоабхазо-адыгская этническая территория, сказать трудно. Надо полагать, что до того, как картвельские племена, вклинились в их расположение, древние абхазо-адыгские и близкие им по языку группы доходили на юге до хаттских земель, а на северо-западе – до современной Абхазии включительно, распространяясь и далее на северо-запад.

В заключение следует еще раз подчеркнуть огромную роль и значение языковых данных с точки зрения нашей проблематики, поскольку, говоря словами акад. **В. П. Алексеева**, «каждый язык с самого начала своего образования может рассматриваться как этнообразующий фактор», несмотря на то, что как лексика, так и традиционная материальная культура, заметно изменяются на протяжении всего нескольких поколений.

6. Краткий экскурс в абхазскую мифологию

Абхазская мифология, содержащая обширный лексический материал, в свою очередь может дать ценные данные к вопросу этнической истории абхазского народа.

В богатом абхазском устно-поэтическом творчестве выделяются три замечательных памятника.

Во-первых, это, «бесконечные» древние сказания о **Нартах**, представленные в фольклоре и других кавказских народов (в основном у адыгов и осетин). По абхазской версии эпоса, **Нарты**, обитавшие в наших краях во времена мифического «героического века», – могучие и бесстрашные воины-богатыри являлись носителями героического и культурного начала. Это большая семья с ярко выраженными матриархальными чертами, состоящая из 99-ти братьев, одной сестры **Гунды Прекрасной** и их безмужней матери – великой труженицы и мудрой чародейки **Сатаней-Гуаши**. С ее помощью самый младший, «незаконный» ее сын **Сасрыква** совершает множество подвигов и делается величайшим из непобедимых нартских героев.

Все национальные варианты эпоса древнего происхождения, но среди них абхазские сказания отличаются наибольшей архаичностью, восходящей к матриархальным формам общественного устройства. Нартский эпос возник и развивался в основном в западной части Кавказа, свидетельствуя тем самым о глубоких местных корнях исторической жизни создателей этого уникального памятника духовной культуры.

В отношении же времени его формирования предложены разные датировки. Из них наиболее признаваемой является VIII – VII вв. до н. э. Но вряд ли такое решение вопроса вполне учитывает несомненную полистадиальность памятника. Древнейшие его пласты, судя по значению в них металла, отражают собой, видимо, ранние стадии развития медно-бронзового века (III тыс. до н. э.), а позднейшие слои относятся уже к началу широкого освоения железа (возможно рубеж II и I и первые века I тысячелетия до н. э.).

Многонациональность нартского эпоса, в его нынешнем виде в разной степени представленного в фольклоре абхазского, абазинского, убыхского, адыгейского, кабардинского, осетинского, а также балкарского, карачаевского, ингушского, чеченского

---

⁴⁷⁴ **Алексеев В. П.** Происхождение народов Кавказа. – М. 1974, с. 193.

и некоторых народов Дагестана, отчасти и у сванов, может быть веским аргументом в пользу того, что были по крайней мере три самостоятельных центра формирования нартских сказаний и, следовательно, с самого начала существовали разные «национальные» варианты. Однако вряд ли это снимает проблему моногенетизма, т.е. проблему первоначального ядра эпоса – одного из древнейших памятников мирового фольклора. К этому матриархальному ядру относятся, прежде всего, общий для всех версий термин «нарт» и собственные имена таких главнейших героев, как **Сатанэй**, **Сосруко-Сасрыква** и др. Эти «интернациональные термины, имена и сюжеты» восходят, скорее всего, к одному этническому первоисточнику, в результате исторического развития которого образовались впоследствии несколько народов с родственными между собой культурами (абхазский, адыгские, осетинские, т.е. кавказский его субстрат и др.).

При наличии во всех вариантах общего ядра, восходящего к одному первоисточнику, нартские сказания у каждого народа отличаются вместе с тем своим ярким своеобразием. Особенности абхазских сказаний состоят в том, что в них центральное место занимает **Сатаней-Гуаша** – олицетворение и глава большой матриархальной общины. Главным героем является самый младший из братьев, любимый сын матери, камнерожденный Нарт **Сасрыква**. Укажем и на такие оригинальные черты, как мотив неравенства **Сасрыквы**, как «не настоящего» нарта, с остальными сородичами, которые преследуют и губят его, после чего «сходит со сцены» и сама **Сатаней-Гуаша**. Можно указать и на наличие вполне национальных образов (**Нарчхьоу**, **Хважарпыс** и др.), на происхождение нартов по материнской линии, конфликт между **Нартами** из-за сестры и по поводу раздела имущества, слабое воплощение кровной мести – классического мотива патриархального общества и на своеобразные моменты абхазского эпоса, которые характеризуют его как наиболее древний фольклорный монумент переходного периода от матриархата к патриархату.

В целом же абхазские сказания ближе к убыхским и адыгским, а совпадения с осетинскими являются более редкими и менее полными, что объясняется глубоким этнокультурным единством абхазов, убыхов и адыгов.

Параллели же между нартским эпосом и хурритской «Песнью об **Улликуми**», а также хаттским мифом о борьбе бога грозы со **Змеем**, «видимо, указывают, – пишет **В. Г. Ардзинба**, – «на их общие истоки. Они могут быть объяснены предполагаемым генетическим родством хуррито-урартского и хаттского с восточно-кавказскими и западно-кавказскими языками»⁴⁷⁵.

Здесь уместно заметить то, что хаттский миф о борьбе бога грозы со **Змеем** перекликается с традиционными абхазскими представлениями о непримиримой вражде бога грозы **Афы** и бога кузни **Шашвы** (хотя культ его когда-то в прошлом был тесно связан со змеем) со **Змеем** и отрицательным отношением многих абхазов к змее, которую при встрече стараются убить, обращаясь при этом к **Шашвы** (или **Афы**), со словами: «Да поразят тебя **Шашвы!**» (Шъашъы урѣеаит!).

Другой крупнейший памятник абхазского фольклора – легенда об **Абрскиле**, непревзойденном герое, великом и бескорыстном друге народа, дерзком богборце, который за неповиновение **Богу** был, по велению **Всевышнего**, навеки заточен в глубину **Отанской пещеры**. Согласно преданию, он и по настоящее время прикован там цепями к железному столбу.

Третий – миф об **ацанах**⁴⁷⁶. **Ацаны** – это низкорослые человечки-горцы, первые обитатели гор Абхазии, современники **Нартов**, охотники и скотоводы, обладавшие большой физической силой, а в абазинском варианте и необычайно «громким голосом» (бжьдукэа). Асугъкэа- Жили они в блаженные времена «золотого века», не зная ни рождения, ни смерти. Тогда было вечное лето и не было ни ветра, ни гроз, ни голода, ни

⁴⁷⁵ **Ардзинба В. Г.** Нартский сюжет о рождении героя из камня. // Древняя Анатолия. – М. 1985, с. 161.

⁴⁷⁶ По адыгским преданиям это первые насельники вообще всех Кавказских гор и называют их там **Спи** (этимология не выяснена), а у осетин они носят название **Бцента** (ср. б-цен-та с а-цан).

холода, ни болезней. Но Ацаны не признавали бога небес и позволяли себе нечестивое поведение по отношению к нему, за что он истребил их в страшном огне. Так они вмиг исчезли с лица земли, оставив после себя, как гласит предание, характерные каменные постройки под названием «**оград ацанов**» (ацангэара). Остатки их дошли до наших дней, о которых, в виду их важного значения для нашей проблематики, следует сказать несколько более подробно.

В абхазских Альпах сохранились древние сооружения «ацангуары» – невысокие каменные пастушечьи жилища-летовки круглой или подчетырёхугольной формы, площадью в среднем около 15-20 кв.м. Сложенны они сухой кладкой, часто с одной, а иногда и с несколькими большими пристройками неправильной конфигурации, вероятно служившими первоначально загонами не столько для козых, сколько для овечьих стад. Характерно, что при обилии изображений барана на бронзовых предметах из Абхазии, соответствующие изображения коз представлены лишь единицами. Однако приоритет коз выразился в наличии их божества – **Джабран** (Цъабран), в то время, как овцы его не имеют (Джабран ныне считается покровительницей вообще всего мелкого рогатого скота). **Следует обратить особое внимание на эти предания, в которых повествуется о древнейшем горном населении, занимавшимся особенно интенсивно именно козоводством.**

Одни исследователи считали ацангуары «недатировемыми» культовыми постройками (**М. М. Иващенко**), другие – дорожными сооружениями античной эпохи (**Н. Квезерели-Копадзе**), а **Ц. Н. Бжания**, правильно связывая их происхождение с развитием горно-отгонного скотоводства, датировал их ранним средневековьем. Указанные датировки нам представляются слишком омоложенными и недостаточно обоснованными. Наиболее ранние ацангуары гораздо более древние памятники, а продолжительность хозяйственного использования их длилась может быть и тысячи лет. Учитывая такой хронологический диапазон, можно предполагать, что самые древние ацангуары вообще до нас не дошли. В пользу большей архаизации ранних ацангуар говорит ряд соображений:

а) Ацангуары являются продуктом определенной эпохи: их появление не может быть случайным, а является отражением определенного этапа в хозяйственном и общественном развитии местного населения и связано, несомненно, с появлением отгонного скотоводства, а, возможно и с началом зарождения горнодобывающей металлургии.

б) В памяти народа не сохранилось ничего кроме легендарного предания о строительстве и функционировании ацангуар, которые к тому же дошли до нас лишь частично и в большинстве своем в состоянии полного разрушения. Но все, что сохранилось в виде предания и прочего характеризует их как памятники большой древности, а их создатели изображаются предшественниками современных людей, жившими даже в иных, чем теперь, природно-климатических условиях (абхазский вариант так называемого «золотого века»).

в) Обращает на себя внимание и тождество круглой формы большинства типичных ацангуар с древнейшим местным типом жилища. Круглые постройки, близкие к тем, которые были раскопаны в Малой Азии и на территории Кавказского Причерноморья, являлись наиболее распространенным типом жилища Закавказья в энеолитическую эпоху, причем эта традиция продолжала существовать в течение многих веков (круглые в плане жилища с конусообразной крышей встречались сравнительно недавно на значительной территории Северо-Западного Кавказа, а у абхазов дожили и до нашего времени).

г) Важное значение имеет обнаружение в ацангуарах керамики, пока не всегда точно датированной, ввиду крайней ее малочисленности и фрагментарности. **Л. Н. Соловьев** относит керамику ацангуар к трем хронологическим периодам: к раннему средневековью, античному времени, а самую древнюю к эпохе бронзы. Следует также отметить, что, по рассказам старых **потомственных пастухов, из селения Атара, Сеилаха Бутба,**

Квициния Дзикура и других, в ацангуарах Кодорского бассейна были найдены бронзовые топор и орудие типа сошника (Ацан цъаз-еиха, ацан цъеиха).

д) В некоторых местах, на сравнительно небольшой площади, наблюдается значительное скопление ацангуар (до десяти и более), причем группы из 2-3 построек расположены в непосредственной близости друг от друга. Такая планировка, возможно, связана с архаической большесемейной или патронимической общественной организацией (ср. форму пастушеского объединения абхазов – «агуп», т.е. группа), в то время как одиночные ацангуары являются, очевидно, более поздними постройками, отражающими хозяйственное обособление малых семей и развитие частной собственности.

е) С ацангуарами неразрывно связан типологически очень древний миф о карликах. В ранних античных описаниях встречаются указания о сказочных пигмеях и в Египте. Гекатею принадлежит сообщение о том, что пигмеи живут и на Кавказе и что аналогичные им существа обитают «в Верхнем Египте у Океана; они прилежные земледельцы, хотя так малы, что хлебные колосья принуждены рубить топором. Это смешно и невероятно, но так рассказывают»⁴⁷⁷. Этот эпизод с рубкой топором в точности повторяется и в абхазском мифе с той лишь разницей, что вместо гекатеевых хлебных колосьев здесь упоминается рубка папоротников. Известны были грекам и карлики под названием керкопов, жившие будто бы под землей в Малой Азии⁴⁷⁸.

Строители ацангуар и искусные горные скотоводы **Ацаны** жили совместно целым родом в домах, обращенных на восток. У них и труд, и имущество все было общее. Это был «золотой век» полного равенства и благоденствия. Но гордые **Ацаны** погибли в огне, посланном богом в наказание за их непокорность. По преданию, они находились в близких отношениях с героями синхронного нартского эпоса, причем нарты также занимались пастушеством, отстаивая кормовые луга у великанов. С **нартами Ацанов** связывают и некоторые детали быта, например, каменные ограды. Фольклор донес яркие воспоминания о развитии древней каменной архитектуры. Так, согласно абхазским сказаниям обширный нартский двор был окружен высокой неприступной каменной оградой (ахахэгэар)а с железными воротами перед общим жилищем. А по-кабардинским преданиям **Нарты** живут в больших каменных домах, огороженных плетнем из колючего терновника с воротами. В подобных же жилищах, закрываемых гигантским **Абра-камнем**, обитают и могучие великаны, а карлики («спи») – в дольменах, которые были выстроены для них **Великанами (Нартами?)**.

На Кавказе миф о карликовом племени является достоянием абхазо-адыгской группы народов, отчасти и осетин, а в этой среде наиболее широко и в развернутом виде, как значительное и законченное мифологическое повествование, представлена ныне только у закавказских абхазов. Обращает на себя внимание общность элемента «ан» как в термине «ацан» (а-ц-ан), так и в ряде абхазских родовых имен (**Ма-ан, Марш-ан, Ац-ан-ба, Н-ан-ба, Бг-ан-ба, Мк-ан-ба** и мн. др.). В то же время трудно установить какую-либо реальную связь адыгских «Спи» или абхазских «Ацанов», а также осетинских «Бцента» с каким-нибудь из известных истории народов или племен, в том числе, разумеется, и с пигмеями⁴⁷⁹.

Итак, массовое строительство ацангуар на высокогорных пастбищах, начиная с гор района Туапсе и до Ингура, было вызвано новыми формами хозяйственных нужд, повлекшими за собой и большие социально-экономические изменения. Это была эпоха широкого освоения металла и перехода к отгонному пастушескому скотоводству. Рост

⁴⁷⁷ Лурье С. Геродот. – М – Л. 1947, с. 110.

⁴⁷⁸ Инал-ипа Ш. Д. Ацаны. // Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. – Сухуми. 1977, с. 170.

⁴⁷⁹ Малорослые отсталые негроидные племена, обитающие и в настоящее время в Центральной Африке, Юго-Восточной Азии и Океании, до сих пор незнакомы с земледелием, скотоводством или металлообработкой.

поголовья мелкого рогатого скота и забота о его кормах привели к полному завершению освоения превосходных горных лугов и пастбищ во II тыс. до н.э.⁴⁸⁰ Вероятно, отражением этого является страбоновское сообщение о том, что гениохи поднимались на лето в горы. Причем главной экономической основой горных скотоводов в то время, стало по-видимому уже овцеводство – **ацангуары** являются как раз теми постройками, которые, пожалуй, как уже отмечено, больше подходят для содержания овец чем коз, хотя именно последние фигурируют в преданиях об ацанах. Однако как отмечено выше божество мелкого рогатого скота носит имя **Джабран** – Божества-матери коз, а не овец, что несомненно требует объяснения (однако, в свое время ацангуары возможно были значительно выше, чем их нынешние остатки, в то же время могли сыграть свою роль изменившиеся климатические условия).

Все это позволяет поставить вопрос о возможности отнесения наиболее ранней истории ацангуар к доантичной эпохе, хотя, быть может, пока рано на этом настаивать.

Ацангуарская проблема требует комплексного изучения, в частности, тщательного археологического исследования, что будет содействовать установлению начального периода жизни памятников и последующего их расцвета и, наконец, прекращения строительства и функционирования их в течение позднесредневекового времени (хотя, повторяю, древнейшие ацангуары, естественно, не могли дойти до наших дней, также как и самая древняя молочная посуда, несомненно изготавливавшаяся из дерева, как более легкая, чем керамика и более удобная для доставки ее в высокогорье. Во всяком случае, уже сейчас совершенно ясно, что первые ацангуары стали появляться, вероятно, в эпоху средней бронзы, и создавали эту своеобразную культуру альпийских гор предки абхазов, жившие оседло в нижележащих районах Абхазии, перегоняя только летом свой скот на роскошные горные пастбища, потому что круглогодичное проживание в альпийской зоне по природно-климатическим условиям совершенно исключено. Обращают на себя внимание и характерные для всех основных вариантов мифа, мотивы связи **Ацанов** и их строительной деятельности с кавказскими дольменами, хотя эта сторона проблемы все еще остается практически неизученной.

Абхазская мифология, безусловно, питалась во многом из одного источника со сказаниями кавказских и древних малоазийских народностей и имеет с ними ряд общих черт. В этом мы убеждаемся и при изучении древнеабхазского мифа об **Ацанах**. В нем отразился не то «золотой», не то «серебряный» век раннего общественного строя. Некоторые мотивы его, связанные с Египтом или, скорее, с Малой Азией, помогают даже объяснить происхождение отдельных античных мифологических сюжетов. Так, изображения карликов редки и нехарактерны для греческого искусства (изображается, как правило борьба пигмеев с журавлями), а в мифологии встречаются лишь немногочисленные сведения о них и только применительно к юго-западу Малой Азии (Карии и др.). Возможно поэтому традиционное соотнесение геродотовского упоминания пигмеев с карликами Верхнего Нила требует к себе некоторого критического отношения. Малая же Азия, если верить сообщениям ряда античных и византийских авторов (**Геродот, Страбон, Плиний Старший, Апполоний** и др.) была населена малорослыми людьми под название **керкопов**⁴⁸¹. **Аристотель**, например, считал карликов реально существующими людьми, живущими однако не в лесах, а в земле, в пещерах. Мотив же сцен борьбы с журавлями усматривается и в ацанских сюжетах, останавливаться на котором здесь нет, однако, возможности.

Так, как будто намечается надежный мост между этими двумя группами мифов. В целом, как уже отмечалось, ценнейшие материалы языка и фольклора также служат,

⁴⁸⁰ **Крупнов Е. И.** считал, что отгонное яйлажное скотоводство складывалось на Кавказе в конце II тыс. до н. э. (**Крупнов Е. И.** Древняя история Северного Кавказа. – М. 1960, с. 307).

⁴⁸¹ Греческие карлики – **керкопы** – являются активными участниками в одном из сюжетов мифов о Геракле. (**Кун Н. А.** Легенды и мифы Древней Греции. – Москва. 1954, с. 161).

помимо всего прочего, существенным подспорьем для изучения этногенеза и этнокультурной истории народа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (III–I тыс. до н. э.)

(Краткий обзор)

Этническое развитие и преемственность – физическая, языковая, культурная – не есть величина постоянная. Она изменяется под влиянием различных факторов – тех географических, исторических, этнических действующих сил, в совокупности определяющих собой характер истории любого народа или региона. Важное значение среди них имеет международная и этническая обстановка, в которой протекают процессы формирования, консолидации и развития племен и народностей.

Восточное Причерноморье находилось под значительным политическим и культурным влиянием древних, крупных и более мелких политических образований, существовавших в разное время к югу, а затем и к северу от него.

Большую роль в этнокультурной истории всей Передней Азии сыграли такие державы III–I тысячелетий до н. э., как Египет, Шумер, Ассирия, Вавилонское, Ново-Вавилонское, Хеттское царство, Урарту, Мидия, Персидская держава **Ахеменидов**, объединявшая весь ближневосточный мир VI – IV вв. до н. э., еще более крупная монархия **Александра Македонского**, Понтийское, Боспорское и Парфянское царства, греческие государства, города и колонии и Римская империя.

Ряд государств древней Передней Азии, одним из которых являлось Хеттское царство, затем Ассирия и Урарту, имели непосредственное соприкосновение с племенами, «странами» и «царствами» Восточного Причерноморья и северо-востока Малой Азии. В их источниках сохранились наиболее ранние сведения о некоторых из них.⁴⁸²

Все эти «страны» и «царства», возникая и исчезая с политической арены, играли по преимуществу роль буферных государств между великими державами. Почти все они находились на ранних ступенях классовой цивилизации или разложения первобытнообщинного строя, развития так называемой «военной демократии», представляющей собой переходную форму общественной организации от родового строя к возникновению классов и государств.

---

⁴⁸²К таким царствам относится отчасти и Митанни (XVI – XIII вв. до н. э.), располагавшееся в верховьях Евфрата. Часть исследователей локализует его и в Понте, а возможно, владения этой державы временами простирались и до берегов Черного моря. (**Дьяконов И. М.** Предыстория армянского народа. – Ереван. 1968, с. 121, 142, 159).

Среди них мы находим, например, Каскейский союз племен, игравший заметную роль в политической истории Малой Азии на протяжении всего периода существования Хеттского царства и позже (о касках и соседних с ними этнополитических образованиях будет сказано несколько подробнее ниже).

В верховьях р. Евфрат (Западный Евфрат – Кара-су) и, как видно в долине реки Чорох отмечается значительный племенной союз – **Хайяса**, находившейся в соседстве со страной Кашка. Он прекратил свое существование к XII в. до н. э. Позднее, приблизительно на его основной территории упоминается уже богатая «страна **Дайаэни**» (урарт. «**Диаухи**»). Царство Дайаэни, погибшее под ударами урартов, исчезает из поля зрения истории около первой четверти VIII в. до н. э. Замечательно, что все эти обозначения содержат древнейшее название Колхиды у греков – **Эя**, **Аия** или **Айа** – (Х-**айа**-са), Д-**аиа**-эни, Д-**иа**-ухи. На это обратил внимание еще в 1933 году **G. Hüsing**⁴⁸³. Он, слово Хайаса сопоставил «с древнейшим названием Колхиды – **Aia**». Оно же слышится и в позднем армянском названии области Т-**ай**-к,⁴⁸⁴ грузинское **Тао**, где звонкая фонема «д» перешла в глухую «т». **Этнический состав этой страны был, по-видимому, хурритским, хотя в ее ономастике отмечен и прото-хеттский элемент.** Однако высказано и другое мнение – о том, что **Дайаэни** и древнегрузинское царство **Кулха** (VIII в. до н. э.) обозначают одну и ту же страну⁴⁸⁵. Однако **Г. А. Капанцян** в названии Хайаса усматривает самоназвание **армян – хайев**, связывая эту страну с их ранним этногенезом⁴⁸⁶.

На указанной территории и вблизи нее источники упоминают существование целого ряда и более мелких «стран» («царств»). Так, например, ассирийский царь **Тиглатпаласар** в надписи на призме 1112 г. до н. э., вблизи Великого (Верхнего) моря называет множество стран Наири и среди них самую северную (по представлениям ассирийцев) страну **Хабхи**, расположенную у самого Верхнего, то есть Черного, моря. Указанное название страны как **Хабхи** **Г. А. Меликишвили** считает неправильным и предлагает свое прочтение наименования этого этнополитического образования как **Килхи** на том, в частности, основании, что первый клинообразный знак названия имеет разные значения – «не только **hab/p**, но и **kir, kil, qil, gil, rim, rin(ri)**», а также и на том, что «**Килхи**» близко стоит к названию известного из урартских источников VIII в. до н. э. царства **Кулха**⁴⁸⁷, а **Хабхи** – другая, более южная страна.

В этом древнем регионе Передней Азии исследователи отмечают несколько этнических массивов – **хаттский** (куда, возможно, входил и северо-западнокавказский), **южно-кавказский** (картвельский), **хуррито-урартский** и, вероятно, **кутийско-северовостокавказский**, которые являются автохтонами на данной территории или, во всяком случае, обосновались здесь не позже III тыс. до н. э. и др.

Что же касается этнической ситуации на Южном и Восточном Причерноморье в III–II тыс. до н. э., то почти вся прибрежная широкая полоса, приблизительно от современного Синопа до Абхазии и дальше на северо-запад, была населена каско-абешлайцами и по-видимому, родственными им протоабхазско-адыгскими племенами.

⁴⁸³ **Hüsing G.** Die Völker Alt-Kleinasien und am Pontos. – Wien. 1933, s. 51 (см. **Г.А. Меликишвили**. Наири-Урарту. с. 85).

⁴⁸⁴ Вызывает интерес совпадение этого названия с обозначением у абхазов очень пологого плодородного солнечного склона холма – **аиа** (по свидетельству заслуженного агронома Абх. АССР **И. Д. Инал-Ипа** и кандидата биологических наук, заслуженного агронома Абх. АССР **Л. Х. Хашба**). См и в кн.: **Бжания Ц. Н.** Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми. 1973, с. 150. см. также кн. **Зухбая В., Зантараия Х.** Гали. – Сухуми. 1988, с. 31, на груз. языке. (Прим. комм.)

⁴⁸⁵ **Микеладзе Т. К.** К вопросу о периодизации истории древней **Колхиды**. // Вопросы древней истории. – Тбилиси. 1973, с. 140.

⁴⁸⁶ **Капанцян Г. А.** Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. – Ереван. 1947, с. 9 и сл.

⁴⁸⁷ **Меликишвили Г. А.** Наири-Урарту. – Тбилиси. 1954. с. 27 – 28. **Его же.** К истории древней Грузии. 1959, с. 184.

В конце III тысячелетия в силу не установленных пока причин начинаются особенно интенсивные передвижения и переселения народов. «Переселение и расселение древних племен заслуживает особого внимания... Эти передвижения начались, по-видимому, в большом масштабе уже в мезолите, но в разное время вызывались разными причинами и носили различный характер. Особенно усилились они с переходом к скотоводству, когда давление избытка населения на производительные силы вызвало передвижение больших масс населения».⁴⁸⁸ Об этих передвижениях свидетельствует, в частности, оттеснение из Прикубанья к востоку носителей Майкопской культуры во второй половине III тысячелетия, прекращение приблизительно в то же время существования куро-араксской культуры на местах ее первоначального бытования (Центральное и Восточное Закавказье, Северо-Восточный Кавказ, Иранский Азербайджан, а также Восточная и, частично, Центральная Анатолия) и переселение и расселение ее носителей в разные стороны вплоть до Средней Европы⁴⁸⁹.

Большую роль в изменении этнической карты Малой Азии и прилегающих областей сыграло вторжение индоевропейских племен, происшедшее, как считают исследователи, на рубеже III – II тысячелетий до н. э. Особая роль среди них принадлежала хеттам-несситам, покорившим и ассимилировавшим в начале II тысячелетия до н. э. древнейшее малоазийское аборигенное население хаттов и создавшим здесь мощное царство.

Стабилизировавшаяся казалось бы этническая картина вновь нарушается к концу II тысячелетия до н. э. К резкому изменению этнической карты Малой Азии и Юго-восточного Причерноморья привело падение Хеттского царства в начале XII века и в особенности движение фрако-фригийских племен, продвинувшихся с Балкан до Верхнего Евфрата. Проникновение их шло с конца XIII (или начала XII) до X–VII вв. до н. э. Возможно, одновременно с ним началось встречное движение древнегрузинских племен в **Колхиду** и **Понт** XII (?)–VIII вв. до н. э.⁴⁹⁰

Вторжения племен имели место и из северных областей. Так, из Северного Причерноморья во второй половине VIII в. до н. э. киммерийские кочевники, теснимые скифами, в сравнительно небольшом количестве вторглись (по-видимому, через Дарьял) в Закавказье. Перед тем, как столкнуться с урартами киммерийцы обосновались в Восточной Малой Азии и Понте, а также, возможно, в некоторых районах современной Восточной или Западной Грузии, постепенно смешиваясь с местным населением (по мнению **М. М. Дьяконова**, киммерийская страна Гамир находилась в центральной Грузии, либо в современной Абхазии и восточном Понте, а древние армяне территорию Каппадокии называли Гамирк)⁴⁹¹. Их быстрому продвижению способствовали подвижность киммерийцев и то, что они впервые ввели тактику массового кавалерийского боя с боевыми собаками. В начале VII в. до н. э. действиям киммерийцев в Малой Азии был положен конец другими северными кочевниками – скифами, нахлынувшими через Дагестан и образовавшими свое «царство», по-видимому, в современном Азербайджане. Скифы и киммерийцы были родственными иранскими племенами и оба указанные вторжения – киммерийцев и скифов в Переднюю Азию в VIII–VII вв. до н. э. были совершены двумя племенами одного и того же этнокультурного массива⁴⁹².

Так, с конца II и после начала I тыс. до н. э. происходят заметные изменения древнейшего этнического состава – смена и смешение коренного населения с пришлым, что было связано с крупными передвижениями древних этнических групп –

⁴⁸⁸ Брюсов А. Я. Передвижение племен по археологическим данным // СА. 1957, № 27, с. 1.

⁴⁸⁹ Дедабришвили Ш., Мицигулава Г. Куро-Араксская культура и Центральная Европа.// Всесоюзная научная конференция. – Тбилиси. 1975, с. 7 – 8.

⁴⁹⁰ Дьяконов И. М. Указ. соч. с. 122.

⁴⁹¹ Там же. с. 169.

⁴⁹² Дьяконов И. М. История Мидии. – М – Л. 1956, с. 241; Абасов В.И. Скифо-европейские изоглоссы. – М. 1965, с. 125, 126.

протоармянских, протогрузинских, киммерийско-скифских и других племен, двигавшихся в разное время и в разных направлениях. Эти вторжения задерживали, а в некоторых случаях, наоборот, ускоряли, но всегда необычайно осложняли этнические процессы – формирование и консолидацию местных племен и народностей.

Таким образом, мы видим, что этническая, а значит и языковая ситуация на Ближнем Востоке не раз претерпевала многократные сложные изменения. В Малой Азии и прилегающих к северо-востоку территориях (до Армянского нагорья и Иранского Азербайджана) в III – II тысячелетиях до н. э. жили древнейшие народы и племена, говорившие на языках нескольких групп: 1) **хатты** (Каппадокия, то есть центральная часть Малой Азии); **касски** (кашки) с **абешлайцами** (северо-восточная Анатолия и Южное Причерноморье (Понт, от р. Галис до Верхнего Евфрата); 2) **хетты**, на бывшей территории хаттов; 3) **хурриты и урарты** (от Северной Месопотамии до центрального Закавказья); 4) **кутии** (от района южнее оз. Урмия – Резайе до Большого Кавказа)⁴⁹³.

Как полагают некоторые ученые, древнейшие, должно быть, грузиноязычные племена – Саспира (саспейры), Витеру, Луша,⁴⁹⁴ Катарза, Ия (Игани), Забаха, Хуша и другие – первоначально жили в верховьях Куры и Аракса и в областях Чалдырского озера.⁴⁹⁵ О вероятной автохтонности группы картвельских (южнокавказских) языков, распространенной в III–II тыс. до н. э., где-то вблизи центральных районов Закавказья, пишет ряд исследователей – Г. А. Меликишвили⁴⁹⁶, Г. А. Климов⁴⁹⁷ и др. Носители их, по мнению И. М. Дьяконова, «возможно, имели известные языковые связи с хаттами и тяготевшими к ним племенами, жившими к востоку от хаттов», причем существование картвельского языка-основы, занимавшего компактную гористую территорию, относится им к III тыс. до н. э.⁴⁹⁸ Распад общекартвельского языка-основы предположительно начинается обособлением сванского в XIX в. до н. э. Выделение мегрело-чанских диалектов от собственно грузинского, по ряду соображений, датируется Г. А. Климовым VIII в. до н. э., «что, вероятно, связано, – пишет И. М. Дьяконов, – с продвижением западных протогрузинских племен в Колхиду и Понт, ранее занятых племенами абхазо-адыгско-хаттской (или промежуточной) языковой группы»⁴⁹⁹.

Как было выше отмечено, к середине VIII в. до н. э. относится образование царства Кулха. Некоторые грузинские исследователи сближают его с Диаухи (XII–VIII в. до н. э.), считая оба названия обозначениями фактически одной и той же страны, которые, как они думают, отражают «два этапа политической истории этого царства, сначала с первенствующим положением южной провинции (а быть может и династии) Диаухи, а затем – Кулха»⁵⁰⁰. Согласно мнению некоторых грузинских ученых, оба эти царства относились к ранним грузинским государственным образованиям.

В начале XII в. до н. э., то есть в период появления в Малой Азии и на Армянском нагорье фрако-фригийского этноса, «или несколько позже»⁵⁰¹, как сказано, происходит встречное движение картвельских племен на северо-восток Малой Азии. На вопрос, когда более точно происходили указанные передвижения древнегрузинских племен, И. М. Дьяконов отвечает неуверенно и даже несколько противоречиво. Бесспорным для

⁴⁹³ Дьяконов И. М. Предыстория... с. 10 – 20.

⁴⁹⁴ Ср. Луша с абхазско-садским родо-племенным названием Лушба, множественное Лушдзаа (Лушѣаа9 патронимическое окончание ба (-па) означает сын, потомок, значит Лушба – потомок Луша. Но это, вероятно, один из примеров того, что возможности случайных совпадений практически безграничны.

⁴⁹⁵ Дьяконов И. М. Указ. соч. с. 143.

⁴⁹⁶ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. с. 13.

⁴⁹⁷ Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. – М. 1964, с. 37.

⁴⁹⁸ Дьяконов И. М. Указ. соч. с. 23.

⁴⁹⁹ Там же. с. 23, 24.

⁵⁰⁰ Микеладзе Т. К. Указ. соч. с. 140.

⁵⁰¹ Дьяконов И. М. Указ. соч. с. 119.

него является, пожалуй, только то, что в Восточном Причерноморье, то есть в современной Западной Грузии, как и в Понте, грузинского этноса не было, по крайней мере, до XII в. до н. э., ибо наличие его уже и в составе касков «мыслимо, но не доказуемо», и что картвельское население в этом районе «может предполагаться засвидетельствованным примерно с IX в. до н. э. (приблизительное время написания «Илиады»)»⁵⁰². Сам же факт продвижения картвельских племен на запад не подлежит сомнению, причем этот факт, по его же словам, «можно было бы связать с распадом союза Ацци-Хайаса в конце XIII в. до н. э. (?)»⁵⁰³. И, возможно, именно этим продвижением были вызваны в это же время (конец XIII – начало XII вв. до н. э.), набеги на центральную Малую Азию и долину Верхнего Евфрата каскских племен (известных ассирийским источникам под синонимичными названиями – то как каски «хеттской страны», то как абешлайцы). Одним словом, согласно **И. М. Дьяконову**, под натиском картвельских племен коренные абешла-каскайцы в свою очередь сдвинулись с места, устремляя свою военную экспансию в восточном направлении – в сторону верховьев Евфрата. «Такое смещение абхазо-адыгских племен, – снова подчеркивает он, – вполне вероятно, следует связывать именно с продвижением грузинских племен в Колхиду, а затем и в Понт», причем Колхида, охватывающая долину реки Риони и восточный Понт, «несомненно существовала в IX–VIII вв. до н. э.» (?). Кроме того, в примечании к этому месту автор, вслед за **Г. А. Меликишвили**, считающий, что «грузинская принадлежность колхов вряд ли подлежит сомнению»⁵⁰⁴ указывает: «В конце II – начале I тыс. до н. э. западногрузинский этнос можно вполне определенно связать с колхидской археологической культурой, занимавшей ареал от западно-центральной Грузии до Котиоры (совр. Орду) в Понте. Северный, кобанский вариант той же культуры, очевидно, принадлежит абхазо-адыгским племенам»⁵⁰⁵.

Допустима возможность двукратного вторжения грузиноязычных племен в Понт. Первое, как отмечалось, имело место, быть может, еще в XII, а второе – в VIII в. до н. э., когда и северная часть долины Чорохи, видимо, отошла к Колхиде и туда проникли халибы-халдейцы, которые впоследствии, по **Страбону**, жили от верховьев Евфрата до совр. Гиресуна (Фарнакии)⁵⁰⁶.

Распространившись по Юго-Восточному Причерноморью (в Колхиде и Понте), грузинские племена создали здесь новые этническо-политические образования, которые известны нам в основном по урартским источникам и описаниям античных авторов.

Поэтому на карте распространения грузиноязычных племен в I тыс. до н. э., по данным вышеуказанных авторов, мы видим не только восточно-грузинских саспиров, иберов⁵⁰⁷ центрального Закавказья, но и хализонов, халдов (халдейцев), халибов, месхов (мосхов), колхов, чанов, причем, возможно, халды-халибы-мосхи являются не разными, а тождественными племенами⁵⁰⁸. Гомеровские хализоны, вероятно, тождественны халибам, жившим в Понте. Позднее они были известны под именем халдейцев (халдов), а последние, как предполагал в 1968 г. **И. М. Дьяконов**, тождественны с западногрузинскими племенами чанов (лазов), живущими и поныне в Понте⁵⁰⁹ (однако работы **В. В. Иванова**, **В. Г. Ардзинба**, а ныне и других исследователей, не подтверждают это предположение).

---

⁵⁰² Там же.

⁵⁰³ Там же. с. 120.

⁵⁰⁴ Там же. с. 120, 121.

⁵⁰⁵ Там же. с. 120, примеч. 106.

⁵⁰⁶ Там же. с. 159.

⁵⁰⁷ Однако было высказано мнение и о некартской принадлежности иберов, которые, возможно, являются представителями «другого этнического потока» (**Микеладзе Т. К.** К вопросу о взаимосвязи картвов и иберов.// Всесоюзная научная конференция. – Тбилиси. 1975, с. 51).

⁵⁰⁸ **Дьяконов И. М.** Указ. соч. с. 121.

⁵⁰⁹ Там же. с. 119–120.

Восточный Понт, Колхида, западное и частично центральное Закавказье, пишет **И. М. Дьяконов**, теперь «были заняты грузиноязычными племенами – халдайцами, колхами, саспирами и другими, часть которых упоминается в урартских и греческих источниках. По-видимому, языки абхазо-адыгской группы были уже оттеснены на север, на территорию их нынешнего распространения, хотя не исключено, что в области Каску, в это время расположенной, видимо, в верховьях Галиса и в долине Лика, мог сохраняться старый каскский язык», если только каски не рассосались среди более многочисленных автохтонов, «а так же пришлых («халибских») элементов из числа вторгавшихся в восточную Малую Азию в XII в. до н. э. вслед за касками»⁵¹⁰.

Итак, не подлежит сомнению, что обширная территория – от центральной части Северного Кавказа захватывая и часть Южного Причерноморья в продолжении III и всего II тысячелетия до н. э. была занята, в основном, абхазско-адыгскими и родственными им абешло-касскими племенами, а картвельский этнический элемент проникает в Восточное и Южное Причерноморье значительно позже касков. **Не отрицая в принципе предположения Г. А. Меликишвили о том, что под собирательным названием касков хеттские источники могли подразумевать и другие этнические группы, в том числе некоторые грузинские племена, И. М. Дьяконов вместе с тем подчеркивает недоказуемость такого мнения.** «Все это, однако, совершенно гадательно, – пишет он, – собственно грузинские племена, носители предшественника того языка этой группы, который известен нам ныне на этой территории, а именно занского (мегрело-чанского), проникли сюда, как нам представляется, позже касков. Об этом можно судить по полному несовпадению племенных названий, засвидетельствованных здесь для I тыс. до н. э. – за возможным исключением одного (тибарены) – с приводимыми в хеттских источниках названиями «касских стран» (племен)⁵¹¹.

Аборигенность и широкая распространенность прото-абхазско-адыгских племен на восточном побережье Черного моря и вообще в Западном Закавказье признается теперь почти всеми исследователями с той только разницей, что одни видят их здесь лишь до конца III тысячелетия до н. э., а другие – до конца II, а может быть и позже. К числу первых принадлежит, например, **Р. В. Гордезиани**, который, вслед за **И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа и А. С. Чикобава**, пишет, что в Западной Грузии в эпоху энеолита и до конца III тысячелетия до н.э. «распространялись, очевидно, в основном диалекты абхазо-адыгского типа, на что указывает наличие абхазо-адыгских корней в древнейших картвельских географических названиях, этнических терминах Западной Грузии». И далее: **«Тот факт, что древнейшим компонентом картвельских языков следует считать какой-то кавказский языковой слой абхазо-адыгского типа, сейчас почти не вызывает сомнения»**⁵¹².

По **И. М. Дьяконову** же, в настоящее время о присутствии грузиноязычных племен в Колхиде и Понте можно утверждать только с VIII в. до н. э.

История грузин теснейшим образом переплетается также и с историческими судьбами армян. Древнеармянский народ сложился в верхнеевфратской долине⁵¹³ из трех этнических компонентов – хурритов, лувийцев и протоармян (мушков и, возможно, урумейцев). При этом хурриты составляли основную массу народа и определили тем самым основную линию физической преемственности, но язык в силу ряда исторических причин все же восприняли от протоармян. «Этот процесс начался в XII в. до н. э. и завершился к VI в. до н. э., причем, возможно, в конце этого периода в

---

⁵¹⁰ Там же. с. 121, 192.

⁵¹¹ Там же. с. 13, прим. 8.

⁵¹² Гордезиани Р. В. Кавказ и проблемы древнейших средиземноморских языковых и культурных взаимоотношений. – Тбилиси. 1975, с. 8, 10.

⁵¹³ Само грузинское слово «сомехи» – «армянин» означает житель области Сухму на верхнем Евфрате, и восходит оно к хеттскому Цухма и ассирийскому Сухму (Сохма). (Дьяконов И. М. Указ. соч. с. 196, 204).

древнеармянский народ вошел и еще один небольшой по численности компонент – скифы...».

Таким образом, урарты и хурриты, которые некогда, быть может, где-то в начале III тыс. до н. э. «представляли собой один этнос», «вошли чрезвычайно мощным в численном и культурном отношении компонентом в состав армянского народа». **А по утверждению И. М. Дьяконова протоармянами являлись именно мушки ни в этническом, ни в географическом смысле не имеющие отношения к грузинам. В конце VII и в начале VI в. до н. э., в период падения великих древневосточных держав, уже существовало Армянское царство и древнеармянский народ, родиной которого единодушно считается Малая Армения**⁵¹⁴.

При всем том следует обратить внимание и на еще один важный момент. В своей обстоятельной статье **Г. Б. Джаукян**⁵¹⁵, обобщая данные исследований **Р. А. Ачаряна**⁵¹⁶, **Г. А. Капанцяна**⁵¹⁷, **Г. Деетерса**⁵¹⁸ и многих других ученых относительно картвельских заимствований в армянском языке выделяет в них три основных слоя: 1) древний, с IV – III вв. до н. э.⁵¹⁹ 2) средневековый до IX в. и 3) новое время. Не касаясь позднего периода, можно говорить о длительных и теснейших контактах армянского и картвельских народов. В этом отношении заслуживает внимания высказывание **Г. А. Климова**: «Судя по всему именно занский язык представлял собой тот картвельский субстрат, который оказал заметное воздействие на армянский язык».⁵²⁰

Грузинский народ, как это подробно показано в работах **Г. А. Меликишвили**, а в этом с ним согласен и **И. М. Дьяконов**, широко распространился в течение XII (?) или с – VIII в. до н. э., вобрав в себя местное автохтонное население многих областей Закавказья и Понта. С тех пор он является одним из ведущих народов изучаемой территории, занимавшим значительный в географическом, культурном и политическом отношениях ареал, разделяя общий культурно-исторический субстрат с армянским народом.⁵²¹ Уточняя эти положения, **И. М. Дьяконов** лишь в примечании **предположительно** пишет: «Юго-западная граница грузиноязычных племен к VI в. до н. э., **вероятно**, шла по хребту Северного Тавра и, может быть, доходила до верховьев Аракса. Следует заметить, что по лингвистическим данным о субстратной лексике, протогрузинский элемент был основным при создании грузинского народа, а племена, говорившие на каскском, хуррито-урартских и тому подобных языках, были здесь малочисленны».⁵²²

Сложные этнические процессы происходили в древности и на Северно-Западном Кавказе. Об этом говорят появление начиная с III тысячелетия до н. э., и взаимодействие на указанной территории таких археологических культур как майкопская, северо-кавказская и др.

Большую роль в этногенезе некоторых кавказских народов сыграли многочисленные родственные между собой ираноязычные кочевые и полукочевые племена; киммерийцы, вытесненные скифами из Северного Причерноморья к VII в. до н. э., скифы, как называлось основное население Северного Причерноморья VII–III вв. до н. э. – от Дуная до Дона, включая сюда весь степной Крым, где они основали свое отдельное государство (горный же Крым был населен древними племенами тавров, являющихся, по мнению некоторых авторов, потомками киммерийцев); савромато-сарматские племена, в том

⁵¹⁴ Дьяконов И. М. Указ. соч. с. 17, 188, 224, 237, 239.

⁵¹⁵ Джаукян Г. Б. О стратификации и хронологизации картвельско-армянских совпадений. // Арнольд Степанович Чикобава. Сборник, посвященный 80-летию со дня рождения. – Тбилиси. 1979. с. 84-94.

⁵¹⁶ Ачарян Р. А. История армянского языка I-II. – Ереван. 1940 – 1951.

⁵¹⁷ Капанцяна Г. А. О взаимоотношении армянского и лазо-мегрельского языков. – Ереван. 1952. **Его же**. История армянского языка. – Ереван. 1961.

⁵¹⁸ Deeters G. Armenisch und Südkaukasisch. // «Caucasica». f. 3 – 4. 1926 – 1927.

⁵¹⁹ Джаукян Г. Б. Указ. соч. с. 91

⁵²⁰ Климов Г. А. Кавказские языки. – Москва. 1965, с. 39

⁵²¹ Дьяконов И. М. Указ. соч. с. 241.

⁵²² Там же. с. 242 – 251, прим. 135.

числе языги, аланы и другие, проникавшие в степи Предкавказья с III в. до н. э. по VI в. н. э. В дельте Дона и в Прикубанье определенно прослеживаются процессы этнической и культурной ассимиляции и смешения сарматов с меотами и другими местными племенами. Так, в VI в. до н. э. на Северном Кавказе происходит частичная смена и археологического материала, связанная с включением сарматских элементов. Следы же скифской культуры найдены также и на территории современной Абхазии, например, в селе Куланурхва Гудаутского района и иных местах, как об этом свидетельствуют археологические исследования М. М. Трапш⁵²³ и других археологов.

Что касается тюркоязычных племен, то самая ранняя тюркская волна, коснувшаяся Кавказа, была связана с гуннским нашествием (IV в. н. э.).

В заключение обзора следует отметить, что образование в пределах современной Западной Грузии антропологического и этнографического типа, отличного во многом от восточногрузинского, но сходного с абхазским,⁵²⁴ было бы необъяснимо без допущения долговременного проживания предков абхазско-адыгских племен в III–II тысячелетиях до н. э. на территории всего Западного Кавказа, включая приморскую полосу, что можно уже считать почти общепризнанным положением исторической науки. В I томе коллективной **«Всемирной истории»** мы читаем: «Восточная часть Понта, Колхида и Западный Кавказ были, по всей вероятности, заселены в бронзовом веке главным образом абхазо-черкесскими и, **возможно**, картвельскими племенами... На восточных территориях бывшего Хеттского царства играли большую роль племена каскайцев и другие, относившиеся, вероятно, к абхазско-черкесским племенам кобанско-колхидской культуры».⁵²⁵

Одни из предполагаемых предков абхазов, упоминаемых в ассирийских источниках XI в. до н. э. под именем абешла, а у античных авторов (I–II вв.) под названием апсиллов и абазгов, принадлежат к числу древнейших обитателей Черноморского побережья Кавказа, беспрерывно проживающих здесь в продолжение по меньшей мере нескольких последних тысячелетий (правда, с этим положением некоторые авторы не согласны, например, этнограф **Л. И. Лавров** придерживался того мнения, что предки абхазо-адыгов появились на Западном Кавказе с юга только во II–I тысячелетии до н. э. в результате длительных и постепенных миграционных процессов, а **Б. А. Куфтин**, как мы знаем, утверждал даже, что «абхазский элемент появился здесь в эллинистическую эпоху»).

Этнографическая же карта древнего Кавказа (V–III тыс. до н. э.), нарисованная **О. М. Джапаридзе** по археологическим данным, выглядит примерно следующим образом. **Восточный Кавказ** населяли хурро-урарто-нахско-дагестанские племена. **Центральное Закавказье** вплоть до Сурамского хребта было занято компактно картвельским этническим массивом, находившимся здесь еще до куро-аракской культуры. В III тысячелетии эти племена занимали, по-видимому, Восточную Грузию, а также, очевидно, определенные области Западной Грузии. Вероятно, в этот период постепенно образуются западногрузинские и восточногрузинские диалектные различия в общекартвельском языке. К концу III тысячелетия выделяется сванский язык, имеющий четко выраженный «смешанный» характер. Такая «двуприродность» языка объясняется, по всей видимости, картвельско-абхазско-адыгскими встречами, восходящими, к этому периоду. В Западном же Закавказье вплоть до III тыс. до н. э. жили представители третьей большой палеокавказской этнокультурной и языковой общности – хаттско-абхазско-адыгские племена.

⁵²³Трапш М. М. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. – Сухуми. 1962.

⁵²⁴Вопросам абхазско-картвельских этнографических параллелей мною посвящена специальная работа, подготовленная в настоящее время к изданию. (Об этом см. в книге **Инал-Ипа Ш. Д.** Очерки об абхазском этикете. – Сухуми. 1984, на с.182. К сожалению рукопись монографии погибла во время сожжения института в октябре 1992 года. Прим. комм.).

⁵²⁵Всемирная история. Том I. – М. 1956, с. 514 – 515.

Проникновение же в Западное Закавказье картвельских племен, как он считает, имело место в первой половине III тыс. до н. э., и оно явилось одной из причин значительного перемещения племен – хаттских на юг, а абхазско-адыгских на северо-запад, в Прикубанье. Процесс распада общеабхазско-адыгского языко-основы должен был начаться не позднее второй половины III тыс. «В этот период на Северо-Западном Кавказе сложилась Майкопская культура, которая на ранней стадии еще сохраняет определенную близость с культурой Западного Закавказья. Однако, в дальнейшем, сходство между ними становится все менее ощутимым, что, возможно, было связано с начавшимся процессом распада абхазско-адыгского единства. Адыгско-язычные племена в основном занимают Прикубанье, а абхазские племена – западную часть Закавказья». Эта концепция **О. М. Джапаридзе** об этнической истории грузинских племен по археологическим данным⁵²⁶, в своей последовательности, видимо, в основном соответствует исторической действительности, если не считать некоторых отдельных, на мой взгляд ошибочных положений (например, о продвижении хаттов с территории Западного Закавказья на юг) и иногда уж слишком архаизированных датировок, которые порой довольно резко расходятся с частично указанными выше датировками других ученых (например, в отношении проникновения картвельского элемента в Западное Закавказье) и др.

Р. М. Мунчаев же, завершая свое заключение о данной работе, пишет: «Приведенные и другие данные показывают, что этнокультурное развитие на территории Абхазии заметно не нарушалось на протяжении, по крайней мере V– I тысячелетий до н. э.».

Культурные связи Западного Кавказа и Крыма с Малой Азией также прослеживаются с древнейших времен. Особенно интенсивными и многосторонними они становятся уже к III тысячелетию до н. э.

Археологический материал (правда, пока довольно скудный) подтверждает существование на Северо-Западном Кавказе оседлого (или полuosедлого) населения, занимавшегося мотыжным земледелием еще в середине III тысячелетия до н. э. и поддерживавшего тесные торговые и культурные связи с племенами и народами Малой Азии и северной Месопотамии. Вспомним еще раз об оригинальных каменных мотыжках, найденных впервые на стоянке Псоу близ Адлера, в нескольких местах Абхазии и далее в Рионской низменности, относящихся к середине III тысячелетия до н. э. Эти орудия земледельческого оседлого населения, почти повторяют собой соответствующие им ближневосточные формы⁵²⁷.

Ярким доказательством связи культуры Северного и Западного Кавказа с культурой Малой Азии уже к середине III тысячелетия до н. э. является знаменитый Майкопский курган. Он содержал, как известно, погребение племенного вождя и двух женщин, медные топоры, керамические изделия, сосуды из золота и серебра, украшения из бирюзы и лазурита и прочее, указывающие на древнейшие культурные связи с Ближним Востоком.

Все это лишь отдельные факты проявления древних малоазийско-ближневосточных и западнокавказских многосторонних связей, выявляемые археологическим изучением, включая данные раскопок Воронцовской пещеры⁵²⁸, а ныне и новыми чрезвычайно выразительными материалами поселения на горе Апсара в Новом Афоне⁵²⁹ и др. Они

---

⁵²⁶Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. – Тбилиси. 1976, с. 155 и др.)

⁵²⁷Чайлд Гордон. Древнейший Восток в свете новых раскопок. – Москва. 1956, с. 168, рис. 56.

⁵²⁸Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры и прилегающей части Адлерского района. // Труды АБИЯЛИ. Том XXIX. – Сухуми. 1958.

⁵²⁹Цвинария И. И. Археологические открытия на поселении Апсар // Тезисы XXXVIII научной сессии АБНИИ. – Сухуми. 1991, с. 42 – 43. (На поселении обнаружены многочисленные кремневые наконечники стрел и дротиков, резак, ножевидные пластины, вкладыши, трапеции, скребки многих форм, серповидные ножи, лезвия, полированные и шлифованные тесловидные топоры из галек, зернотерки и куранты,

могут быть дополнены не менее интересными параллелями из области духовной жизни населения рассматриваемых территорий. Не приходится, конечно, отрицать значения таких важных факторов, как влияние культур и торгово-экономические взаимоотношения. Однако в данном случае, по-видимому, речь идет дополнительно еще и об определенной этнокультурной близости, о чем еще будет сказано ниже.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА И МАЛОЙ АЗИИ

1. Хатты, каски, абешла и вопрос об их этническом родстве с абхазо-адыгскими племенами

Как нам уже известно, в Малой Азии и прилегающих областях в III-II тыс. до н. э. жили древнейшие народы, говорившие на языках нескольких групп: 1) **хатты** (Каппадокия, Центральная Анатолия) и **абешло-кашкайцы** (от устья р. Галис, совр. Кызыл-Ирмак до Верхнего Евфрата и до Черного моря на севере); 2) **хетты-неситы**, которые в первых вв. II тысячелетия до н. э. в основном вытеснили или вернее ассимилировали хаттов; 3) **хурриты** (от северной Месопотамии до центрального Закавказья), позже **урарты** и др. Из них нас интересует одна группа малоазийских родственных народов – **хатты** (по-ассирийски «хатти», по-урартски «хатте»), **каска** или **касски** (кашка, кашки) и **абешла**.⁵³⁰

По единодушному мнению исследователей (за исключением некоторых грузинских ученых), каски и абешлайцы относятся к древнейшему местному населению Малой Азии. Каски упоминаются в хеттских, египетских, ассирийских, урартских и некоторых других древневосточных исторических источниках с XVII по VIII – VII вв. до н. э. под именем каскайских племен (**Ga=aš-ga**), каскайцев, касков, кашков, кашкейцев⁵³¹. Абешлайцы же известны в основном только по ассирийским источникам конца XII в. до н. э. (анналы Тиглатпаласара I).

Мятежные и воинственные каскейские племена отличались необычайной подвижностью и совершали далекие походы. Особенно часто они нападали на могущественное Хеттское царство, которому на всем протяжении своей истории – от основания и до окончательного падения около 1200 года до н. э. – приходилось вести с ними почти постоянную (за редким исключением) непримиримую борьбу.

Этнический термин **касски kaš=kaš** встречается в хеттских документах XVII – XIII вв. до н. э. из Богазкейского архива. По мнению многих авторов, он является прототипом наименования «**Кавказ**», которое затем перешло как обозначение страны к другим

наковальни, заготовка пряслица, ложила, рыболовные грузила. Из костяных изделия выделяются статуэтка женщины в сидячей позе, костяные бусы-печати, обломки костяных ножей, гарпун, серп, выпрямитель, проколки, шилья, полированные кабаньи клыки. Исключительно важны изделия из керамики – терракотовые статуэтки, обломок глиняного браслета, многочисленные обломки сосудов (изящные миски и пиалы) с полированной поверхностью повторяющие формы посуды майкопской культуры, обломки расписной керамики, поверхность которых украшена красками в разных сочетаниях: черной и красно-желтой, желтой и черной, желтой и красной. (Привожу здесь этот материал ввиду его важности и в связи с тем, что от него ничего не осталось – все погибло в огне пожара уничтожаемого Абхазского Института, сохранились лишь тезисы доклада научной сессии 1990 года. С 1998 года раскопки памятника продолжаются. Прим. комм.)

⁵³⁰Из кн. Г. Меликишвили «Наири-Урарту»: «...Можно обратить внимание на название одной из крепостей страны **Хайаса – Арипша (Aripša – в произношении, очевидно, Aripša)**», в это время у вавилонян, от которых была заимствована хеттами клинопись, š уже произносилось как «s». Значит вполне возможно, что во времена ассирийцев и **абешла** произносилось уже как **абесла**. (Прим. комм.)

⁵³¹Современные тюркоязычные племена кашкайцев, называющие себя «кашкаи», обитающие в области Фарс на юге Ирана в количестве свыше 300 тыс. человек, ничего общего с древними кашками не имеют.

народам древности. Представляет интерес предположение о том, что страна «Гага», упоминаемая во второй половине XV в. до н. э. в письме фараона **Аменхотепа III**, по мнению переводчика и комментатора текста письма **Д. Г. Редера**, как уже отмечено выше, по-видимому, представляет собой сокращенную форму хеттского **kaš-kaš** (егип. kš=kš)⁵³².

Падение Хеттского царства, ослабление Вавилонии и Египта создали с середины XII в. до н. э. условия для возвышения Ассирии в качестве единственной великой державы. Особое место в ее истории занимает деятельность царя **Тиглатпаласара I** (1114–1076 гг. до н. э.). Им были предприняты многочисленные завоевательные походы, о которых он сам сообщает в своих анналах, относящихся к важнейшим историческим источникам по Древнему Востоку. Одной из крупнейших его военных акций был поход на Армянское нагорье в 1112 г. до н. э. в целях покорения «стран далеких царей, что на берегу Верхнего моря» – то есть Черного (в надписи говорится о разгроме «царей 23 стран») и другой, против еще более многочисленной коалиции «60 царей Наири», которых он также «прогнал... дротиком до Верхнего моря» (по-видимому, по долине р. Чорохи в сторону совр. Батуми)⁵³⁴. Во время походов ассирийцы сталкивались с касками и абешлайцами⁵³⁵, причем последние по более ранним (хеттским) источникам были, по-видимому, неизвестны.

По вопросу территориального распространения касков существовали разные мнения. **А. Гётце** и некоторые другие исследователи локализовали их западнее нижнего течения р. Галис⁵³⁶ и считали, что на места их позднейшего расселения они продвинулись только к середине II тыс. до н. э. По мнению же большинства исследователей, каски жили значительно восточнее – к северу и северо-востоку от Хеттского царства, от нижнего до верхнего течения р. Галис и были непосредственными соседями царства **Ацци-Хайаса**⁵³⁷ (Ацци ср. с названием села **Ааци**, вблизи Нового-Афона, в Гудаутском районе Абхазии), располагавшегося видимо, в долине верхнего течения р. Чорохи и близ верховьев р. Галис, а так же и далее к истокам Западного Ефрата (Кара-су).

Предположение **А. Гётце**, **Э. Кавеньяка**⁵³⁸ и других ученых о распространении основной массы племен касков более раннего времени «на огромной территории между р. Галис и Эгейским морем, по направлению к Трое и Нинфи», **Г. Г. Гиоргадзе** считает неоправданным, так как оно «не подтверждается хеттскими источниками». (Так же считал ранее и **Г. А. Меликишвили**⁵³⁹). Но может быть это их предполагаемое расселение относилось к более раннему времени, когда возможно, у каскейских с близкими им племенами и завязались первые отношения с территорией будущего югозападно-малоазиатского лувийского царства **Арцава**, а весьма вероятн с карийским и древнегреческим миром Средиземноморья⁵⁴⁰. Так, возможно, было до появления хеттов-неситов и других индоевропейских племен, которые и оттеснили кашков к востоку. Однако, как считает **Г. Г. Гиоргадзе**, исходя из письма **Аменхотепа III** (1455 – 1419 гг. до н. э.) к царю **Арцавы** с просьбой о присылке каскских воинов, нельзя делать вывод, о том, что последние жили когда-то к западу от Хеттского царства, а значит в

⁵³² **Редер Д. Г.** Комментарий к разделу «Восточные тексты». // ВДИ. 1947, № 1, с. 263.

⁵³³ **Дьяконов И. М.** Предыстория армянского народа. – Ереван. 1968, с. 123 – 127.

⁵³⁴ Там же. с. 126.

⁵³⁵ **Его же.** Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 1951, № 2, с. 271, 272, 278, 279.

⁵³⁶ Есть авторы, связывающие название р. Галис с мегрельским словом «гали» (**Еремеев Д. Е.** Этногенез турок. – М. 1971. с. 50) что, однако, означает ручеек. Название же Галис происходит от слова «соль».

⁵³⁷ См. рец. **Гамкрелидзе Т. В., Гиоргадзе Г. Г., Менабде Э. А.** на второе издание книги **Альбрехта Гётце** «Малая Азия» (**Goetze A.** Kleinasien. – München. 1957) // ВДИ. 1961, № 3, с. 154.

⁵³⁸ **Cavaignac E.** L'extension de la zone des Gasgas a l'Ouest // RHA. I, 4, 1931, p. 104 и далее.

⁵³⁹ **Меликишвили Г. А.** Наири-Урарту. с. 75; **Гиоргадзе Г. Г.** К вопросу о локализации... со ссылками на работы: **Knudtzon J.** Die El-Amarna – Tafeln. – Leipzig. 1915, 31; **Forrer E.** Forschungen, II, 1. – Berlin. 1926, s. 60; **Cavaignac E.** Указ. соч. убрано

⁵⁴⁰ **Откупщиков Ю. В.** Карийцы в Причерноморье (Ономастика). – Тбилиси. 1980.

сравнительной близости к будущей **Арцаве** и к берегам Эгейского моря, откуда они якобы и должны были быть отправляемы в Египет ⁵⁴¹. К середине XV в. (а в действительности возможно и ранее) уже и по другим источникам известно, что каски, как наемники попадали в царство **Арцаву**. (Интересно, что тот же **Аменхотеп III** извещает правителя «Арцавы о получении им от него кашкейских рабов», которые, как пишет об этом **Г. А. Меликишвили**, «видимо по своим физическим данным» «весьма высоко ценились» ⁵⁴²). Положение же о соприкосновении границ касков и Арцавы, могло быть не позже XV в. до н. э. когда враги Хеттского царства воспользовавшись сильным его ослаблением, предельно расширили свои территории за счет его областей. Так, люди царства Асси вторглись в область верховьев р. Галис и «сделали своей границей» г. Самуху. Племена же касков в течение XVI – XV вв. до н. э., продвинулись в южном направлении далеко вглубь его территории. Объединение двенадцати каскских племен и в XIV в. находилось в состоянии длительной войны с хеттами, «и борьба с ними потребовала от хеттов еще множества походов» как при **Суппилиумасе** (около 1380 – 1340 гг. до н. э.), так и позже, вплоть до самого конца XIV в.

Как ни спорны, а часто и невозможны точные локализации упоминаемых здесь, исчезнувших во тьме веков племен и народностей, исследователи все же приблизительно намечают ту исконную территорию, где протекала историческая жизнь касков.

Территориальное содержание термина «каска», «касские племена» менялось в зависимости от бурных исторических событий, происходивших в Малой Азии во второй половине II и начале I тыс. до н. э. Как было отмечено, каскейский союз племен, включая абешлайцев, первоначально по-видимому населял Понтийские горы к северу и северо-востоку от Хеттского царства и прилегающие районы. В самом конце XIII в. до н. э. абешло-кашкайцы устремились на восток – в сторону верховьев Евфрата ⁵⁴³. Вскоре они как было уже отмечено, устремляются и на юг в глубь территории Хеттского царства, разгромленного нашествием «морских народов» ⁵⁴⁴.

Не исключено, что кавказский или родственный каскам элемент в виде небольших этнических островков мог быть занесен и в другие части древней Передней Азии. В связи с этим представляет интерес загадочный этнический термин «чекер», близкий по своему оформлению к названию «черкес» и встречающийся в ряде древневосточных источников, в том числе в памятниках древнеегипетской письменности XII в. до н. э. ⁵⁴⁵. Среди ученых до сих пор ведутся споры о его происхождении. Некоторые это имя считают семитическим, ⁵⁴⁶ другие – не полностью семитическим, третьи – яфетическим ⁵⁴⁷. Но связь «чекера» с «черкесами», видимо, маловероятна (хотя «кашки» попадали и еще южнее), потому что наименование «черкес», как считается, появилось в источниках, относящихся к адыгам, лишь с периода монгольских завоеваний ⁵⁴⁸.

---

⁵⁴¹ **Гюргадзе Г. А.** Указ. соч. с. 194.

⁵⁴² **Меликишвили Г. А.** Наири-Урарту. 1954, с. 79.

⁵⁴³ Об этом возможно, свидетельствует название города в у верхней излуины Евфрата– Фапсак.(**Страбон**. География. – М. 1964, с. 83 – 87, 89, 91 – 95 и др. Прим. комм.).

⁵⁴⁴ **Дьяконов И. М.** Указ. соч. с. 89 – 90, 95.

⁵⁴⁵ «Я прибыл в Дор, некий город (народа) чекер», – читаем мы в тексте путешествия египтянин Ун-Амуна (**Коростовцев М. А.** Путешествие Ун-Амуна в Библ. – М. 1960, с. 26, 32). (Памятник датируется 1000 г. до н. э.)

⁵⁴⁶ **Там же.** с. 41 – 42.

⁵⁴⁷ По **Р. Макалестеру**, чекеры являлись, вероятно, одним из племен филистимлян, среди которых были и карийские элементы (Там же. с. 41).

⁵⁴⁸ Некоторые ученые предполагают возможность и более раннего проникновения на Ближний Восток и кавказцев. По мнению австрийского семитолога **А. Ирку**, разделяемому в основном **Г. Ф. Турчаниновым**, псевдоиероглифическое письмо принесли с собой в Библ «люди Майкопа», мигрировавшие якобы с Кавказа в Финикию в 2000 – 1800 гг. до н. э. по сухопутному мосту (по Г.Ф.Турчанинову морским путем). (**Турчанинов Г. Ф.** Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л. 1971, с. 115).

В первой половине XII в. до н. э. каски и абешлайцы прошли через территорию царства **Мелид-Камману**⁵⁴⁹ и с этого времени упоминаются на восточной периферии Малой Азии, по соседству с табалами и мушками. Каско-абешлайцы соседствовали и с аримами-урумейцами и действовали зачастую вместе с ними.

Так, в походе **Тиглатпаласара I**, предпринятом в 1114 году до н.э. против мушков, как назывались у ассирийцев фрако-фригийские племена, принимал участие 4000-ый отряд кашков-абешлайцев и урумейцев⁵⁵⁰. Племена мушков, урумейцев и касков-абешлайцев хотя и вторгаются с запада в долины верхнего Евфрата, но последние осели, видимо, не там, а северо-западнее, в «стране» **Каску** (верховья Галиса).⁵⁵¹ Упоминаются кашки и позже в надписях царей **Тиглатпаласара III (745 – 727)** и **Саргона II (722 – 705)**⁵⁵². Каски, обосновавшись в верховьях Галиса, основали там мощное царство **Каску**. Известно даже имя одного из царей этого государства – **Баргайе**, к которому в свое время, обратился арпадский царь от имени всего Северносирийского союза за помощью в борьбе с грозным урартским царем **Сардури II** (середина VIII в. до н.э.).⁵⁵³

Ассирийские источники сообщают о том, что в 712 году до н. э. **Саргон II** раздвинул границы своего государства вплоть до страны **Каску**.⁵⁵⁴ Следовательно, в конце VIII в. до н. э. каски, непосредственно гранича с Ассирией, вероятно находились с этой державой в многообразных и оживленных сношениях.

В смысле общественной организации каски представляли собой большой союз племен. Хеттские источники упоминают о «двенадцати» или «деяти племенах касков», живших, по-видимому, в основном военно-демократическом строем, но с определенными начатками государственной власти. Еще хеттский царь **Мурсилис II**, правивший в XIV в. до н. э., сообщал, что у касков не было централизованной царской власти до тех пор, пока один из них, изменив существовавшие порядки, не начал править единовластно⁵⁵⁵ (**Пиххунияс**, вождь «страны» **Типия**, один из непримиримых врагов хеттского могущества, «правил... не по-касски, но вдруг, тогда как в каскской общине не бывало власти одного, этот Пиххунияс стал править по обычаю царской власти»⁵⁵⁶).

Хеттские источники характеризуют касков как оседлые племена с укрепленными городами и крепостями при этом постоянно называют их «свинопасами и ткачами», что, по И. М. Дьяконову, выражает не действительные основные их хозяйственные занятия, а желание хеттского писца представить враждебных хеттам касков людьми рабской природы,⁵⁵⁷ хотя не исключена возможность толкования приведенных слов источника и в их прямом значении, так как каски, видимо, действительно были хорошими скотоводами и земледельцами, занимаясь в то же время успешно и ткацким ремеслом.

По предположению **Г. А. Меликишвили** название «каска» у хеттов употреблялось в собирательном смысле, для обозначения северо-восточных горцев вообще и обнимало собой, наряду с протохеттскими и западнокавказскими племенами, также и жившие здесь отдельные картвельские, а также урартские и другие племена⁵⁵⁸. Собирательный характер этнического термина «каска» выступает в анналах Тиглатпаласара I, где указывается, что абешлайцы входили в состав «касков»⁵⁵⁹ (однако это единый этнический мир). Урумейцы,

⁵⁴⁹ Дьяконов И. М. Указ. соч. с. 181.

⁵⁵⁰ Там же. с. 124;

⁵⁵¹ Там же. с. 209.

⁵⁵² Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. 1954, с. 80

⁵⁵³ Там же. с. 136, 162.

⁵⁵⁴ Там же. с. 167.

⁵⁵⁵ Иванов В. В. От редактора. Очерк истории и культуры хеттов.// К. Керам. Узкое ущелье и Черная гора. – М. 1962, с. 205.

⁵⁵⁶ Дьяконов И. М. Указ. соч. с. 95.

⁵⁵⁷ Там же. с. 78.

⁵⁵⁸ Меликишвили Г. А. Указ. соч. с. 169.

⁵⁵⁹ Дьяконов И. М. Указ. соч. с. 123.

вошедшие в состав армянского народа, также могли быть по происхождению каскским или же родственным каскам племенем⁵⁶⁰.

Что же касается населения области **Табал (Тубал)** в Киликийском Тавре и племени **мушков**, засвидетельствованных источниками к западу от него, а также в верховьях Евфрата и между нижним течением р. Арацани и Сасунскими горами, то обычно их отождествляют с мосхами и тибаренами, населявшими Понт. Так **Г. А. Меликишвили** склоняется к мысли, что табало-тибарены – собирательное название племён разного происхождения, среди которых видит и западногрузинские племена, возможно проникшие сюда в XIII – XII вв. до н. э., не отрицая однако того, что здесь жили и многие другие, «стоявшие по языку близко к носителям современных горских кавказских (абхазско-адыгских и бацбийско-кистинских языков)»⁵⁶¹. **И. М. Дьяконов**, не удовлетворяясь идентификацией Табала и мушков с тибаренами и мосхами, считает наиболее вероятным, что «название тибаренов тождественно с именем каскского племени XIV в. до н. э. Типия/Тибия, с какими-либо местными суффиксами – например, с распространенным в ряде кавказских языков суффиксом множественного числа -ар»⁵⁶². «К Табалу, как нам кажется, они не имеют отношения»⁵⁶³ (-ар является суффиксом множественности и в абхазском языке, например, «асыс» – ягненок, а «асар» – ягнята). К вероятным потомкам касков относятся видимо и пафлагоняне, жившие в начале I тыс. до н. э. в западной части Черноморского побережья Малой Азии (в районе современного г. Синопа и далее к западу)⁵⁶⁴. А в горах Киликийского Тавра находилось царство Кицватна с хурритско-лувийским населением, где встречаются окончания географических названий на -у(ва), -уа. **И. М. Дьяконов** видит в этих окончаниях хурритский суффикс родительного падежа -ве, «и таким образом, – пишет он, Салуа означает «(область) людей Сала»⁵⁶⁵ (ср. абх. апс-уа – «люди (страны) Апс», ашъха-р-уа – «люди гор» и т. д.).

Выше говорилось о том, что вероятно к востоку от каскского племенного союза, находилась «страна» Хайаса-Ацци, сообщения о которой содержатся в хеттских источниках. Одна из ее важнейших крепостей, захваченная Мурсилисом II, локализуемая на берегу Черного моря, называлась **Арипса**. Вопрос об этнической природе хайасцев остается нерешенным. Вряд ли они находились в родственной связи с армянами; нет достаточного основания и для причисления их к хурритам. Немногочисленные дошедшие до нас собственные имена хайасцев «не могут быть с полной уверенностью отнесены ни к одному из известных нам языков»,⁵⁶⁶ однако, по мнению **Г. А. Меликишвили**,⁵⁶⁷ поддержанному **И. М. Дьяконовым**,⁵⁶⁸ «более вероятна была бы принадлежность хайасцев к языкам хаттской или северо-западнокавказской группы». К этой мысли склоняют некоторые особенности и географической номенклатуры, «особенно название **Арипса**, относящееся к типу абхазо-адыгской топонимики»⁵⁶⁹. Объединение Ацци-Хайаса, население которого говорило на языке не вполне ясной пока принадлежности⁵⁷⁰, распалось в XIII в. до н. э. и в основном на его территории образовалось хурритское царство **Дайаэни**, северная часть которого, по предположению **И. М. Дьяконова**, возможно, была занята грузиноязычными племенами⁵⁷¹.

⁵⁶⁰ Там же. с. 227.

⁵⁶¹ Меликишвили Г. А. Указ. соч. с. 77 – 78.

⁵⁶² Дьяконов И. М. Указ. соч. с. 193, прим. 11.

⁵⁶³ Там же. с. 214 – 215.

⁵⁶⁴ Там же. с. 193.

⁵⁶⁵ Там же. с. 86.

⁵⁶⁶ Там же. с. 83.

⁵⁶⁷ Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. 1954, с. 83 – 85.

⁵⁶⁸ Дьяконов И. М. Указ. соч. с. 84.

⁵⁶⁹ Там же.

⁵⁷⁰ И. М. Дьяконов полемизируя с Г. Б. Джаукяном, отрицает индоевропейский характер хайасского языка.

⁵⁷¹ Дьяконов И. М. Указ. соч. с. 210 – 211.

Многочисленные местные племена северо-восточной Малой Азии, по-видимому, объединялись между собой не только территориальной, но в ряде случаев и генетической близостью. Особенно это относится к каскам и абешлайцам, названия которых в источниках не случайно выступают иногда вариантами друг друга.

И действительно, в одних надписях **Тиглатпаласара I** говорится о племенах Хеттской страны – кашках, а в других надписях того же царя о том же самом событии вместо кашков упоминаются абешла. Например, в тиглатпаласаровской «надписи на призме» начертано: «4000 кашкайцев.., (и) урумейцев, непокорных людей Хеттской страны, которые силой своей захватили поселения страны Шубарту... битвы они убоялись (и) обняли мои ноги»⁵⁷² (ср. староабхазское молитвенное обращение к богу: «Ухьышьаргэыца сакэхшоуп!», то есть «Да обведут меня вокруг твоей золотой ступни»). Другая такая же хвалебная надпись царя о том же его победоносном военном походе читается уже так: «...урумейцев (и) абешлайцев..., непокорных людей страны Хеттской, я схватил, причислил к людям моей страны»⁵⁷³. Таким образом, бесспорно, что этническое название «абешла» проходит здесь в качестве синонима (варианта) этнического названия «кашка».

Кавказ и Малая Азия – два смежных очага древних цивилизаций – неразрывно связаны между собой с отдаленнейших эпох. В специальной литературе давно высказываются (правда, не всеми еще разделяемые) предположения об этнической связи древнейшего населения северо-восточной части Малой Азии с кавказскими народами. В каком же взаимоотношении находились все эти канувшие в **Лету** малоазийские хатты, абешла, каски и другие с коренным населением Кавказского Причерноморья?⁵⁷⁴

Прежде всего обращает на себя внимание близость, а иногда и совпадение некоторых западнокавказских и малоазийских племенных названий. Так, с названием «каска» предположительно сопоставляется этноним «касоги» («косоги», «кашаги» «кешаги»), который мы встречаем в византийских, арабских, древнегрузинских, древнеармянских, древнерусских средневековых источниках как наименование адыгских племен, обитавших в Прикубанье. Впервые это название мы находим у византийского автора **Епифания**, жившего на рубеже VIII – IX в., а в X в. – у другого византийского историка – императора **Константина Багрянородного**. В арабских источниках, например, у автора X в. **Масуди**, касоги известны под именем «кашак», «кешак». «За царством алан, – пишет **Масуди**, – находится кашак». Касоги входили в Хазарский каганат, а в 1222 году подпали под татаро-монгольское иго. Часть из них продвинулась в центральные районы Северного Кавказа. И теперь еще термином «кашаг» осетины и сваны называют кабардинцев, более того – адыгов вообще.

Этноним же «абешла», встречающийся в тех же ассирийских источниках (хотя у ассирийцев и то время фонема «ш» уже звучала как «с»), возможно связать с абхазским этнонимом «апсилы», засвидетельствованным на территории Абхазии впервые Плинием, легшим в основу и общего самоназвания абхазов – апсуа.

Заметим, что в некоторых описаниях древнегреческих авторов, например, у **Ксенофонта**, в качестве синонима названия «колхи» употребляется этноним «фазианы», «фасианы»⁵⁷⁵, восходящий, по-видимому, к той же основе «пас» (пс), присутствующей в слове «апсилы», «апсуа». И вообще элемент «пс» (апс), являющийся одним из важнейших словообразовательных элементов абхазо-адыгских языков, широко представлен не только в этнопонимических, но и во многих других названиях Западного Кавказа, а также и в названии рек на северо-востоке Малой Азии, где проходили отряды греков Ксенофонта (в виде элемента фс/фас).

⁵⁷²Цит. по **Г. А. Меликишвили** Указ.соч. с. 75 – 76.

⁵⁷³**Там же**. с. 76.

⁵⁷⁴**См. Ардзинба В. Г.** О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры Древней Анатолии. Послесловие // **Маккуин Дж. Г.** Хетты и их современники в Малой Азии. – Москва. 1983.

⁵⁷⁵**Ксенофонт.** Анабасис // ВДИ. 1947, № 1, с. 307 (см. примеч. 4)

Племенное название абешлайцы, пишет **И. М. Дьяконов**, упоминаемое в ассирийских источниках конца II тыс. до н. э. в связи с касками, как и название последних (каска), «может быть истолковано как принадлежащее к языку абхазо-адыгской группы». Об этом свидетельствует совпадение соответствующих древних малоазийских (каска и абешлайцы) и западнокавказских (кашак-касоги и апсилы) племенных названий⁵⁷⁶. «Это еще, конечно, не доказательство принадлежности касков и абешлайцев к абхазо-адыгской языковой группе», так как, во-первых, совпадение названий может быть случайным, а во-вторых, разные племена могут называться одинаково и по сходству культуры. Тем не менее этноним абешлайцы, пишет **И. М. Дьяконов**, «возможно связать с предками абхазов»⁵⁷⁷.

Синонимичность, то есть взаимная заменяемость названий «кашка» и «абешла» – существенный факт, который также по линии племенных названий роднит малоазийских кашков и абешла с западнокавказским этническим миром, а взаимная заменяемость этих названий не вызывает сомнений.

Если «апсилы» и «абешла» (возможно уже «абесла»), действительно представляют собой одно и то же этническое название, то это может означать или то, что абешла продвигались после XII – XI вв. до н. э. из северо-восточной части Малой Азии вдоль Кавказского Причерноморья, где их застают греко-римские авторы под именем апсилов, или же, что видимо вернее, указанное побережье занимали абешло-апсило-кашки и другие родственные племена, из которых часть дошла до нас в составе современного абхазского и адыгского народов.

Г. А. Меликишвили, обративший внимание на близость названий «апсилы» и «абешла», дает однако несколько двусмысленное определение этнической природы апсилов. «Племя апсилов (апшилов), – пишет он, – является, **очевидно**, одним из северокавказских, черкесо-адыгским или абхазским племенем»⁵⁷⁸. Тезис о том, что апсилы античных писателей являются племенем северокавказского происхождения, повторяется им много раз⁵⁷⁹. **Возникает вопрос: если апсилы у античных авторов упоминаются на восточном побережье Черного моря и нигде больше (вблизи их страны находился знаменитый город Диоскуриада) и термин «апсилы» сближается с самоназванием абхазов (апс-уа), то почему же в таком случае они причисляются к северокавказским, адыгским племенам и лишь с большой осторожностью допускается их этническая связь с собственно абхазами?**

Территория первичного расселения абхазо-адыгских племен, как видно, простиралась непрерывно от Северного Кавказа, включая и районы северо-востока Малой Азии. **И. М. Дьяконов** по этому поводу пишет: «Представляется довольно вероятным, – хотя это и не может считаться доказанным, – что на всем протяжении от центральной и западной части Северного Кавказа и Закавказья, через Восточное Причерноморье, Колхиду и Южное Причерноморье (Понт) до р. Галис (Кызыл-Ирмак) в III и, вероятно, во II тыс. до н. э. были распространены племена либо непосредственно принадлежавшие к северо-западнокавказской (абхазо-адыгской) языковой группе, либо говорившие на языках, родственных абхазо-адыгским, а в отдельных районах (Закавказье), вероятно, на картвельских»⁵⁸⁰.

убраноШирокое распространение в отдаленные времена абхазского этнического элемента на восточном побережье Черного моря подтверждается и

⁵⁷⁶Национальными вариантами названий «касоги», а также «апсилы» являются: «др.-армян. гашк, др.-груз. кашаг, кашаки, визант.-греч. Касахия, араб. кашак, др.-русс. косога – обозначение адыгейцев-черкесов, а апсилы в греч. *Apsilae*, лат. *Absilae*, др.-армян. Апшилк, др.-груз. Апшил-ети – обозначение области обитания древнего племени и на территории современной южной Абхазии, ср. с а-апс-уа, а-апш-уа – самоназванием абхазов (**Дьяконов И. М.** Указ. соч. с. 12, прим. 7).

⁵⁷⁷**Там же.** с. 12 – 13, 120.

⁵⁷⁸**Меликишвили Г. А.** Наири-Урарту. 1954, с. 84 – 85.

⁵⁷⁹**Там же.** с. 75, 401.

⁵⁸⁰**Дьяконов И. М.** Предыстория армянского народа. с. 13.

фактом значительного влияния именно абхазского языка на грузинский, причем не только в лексике, но и в определенных областях морфологии (см. в главе о языке). Подобное влияние было бы немыслимо без наличия значительного сплошного абхазоязычного населения в далекую от нас эпоху на указанной территории, где только и могли происходить интенсивные контакты двигавшихся на запад картвельских племен с проживавшими здесь древнеабхазскими племенами, которые постепенно вытеснялись на северо-запад, а отчасти и на юго-запад, или подвергались ассимиляции. Неоспоримым доказательством того, что на землях Западной Грузии когда-то проживали абхазо-адыгские племена, является значительный, так называемый «черкесский» элемент в топонимике этого края⁵⁸¹.

В отличие от относительно стабильного в этническом отношении Кавказского Причерноморья, которое продолжают занимать древнейшие аборигены края – адыги и абхазы, а затем картвельские народы, этническая ситуация Малой Азии не раз подвергалась резкому изменению в результате завоеваний, массовых вторжений, передвижений, ассимиляции и т. п. Примером этого может служить судьба древнейших малоазийских аборигенов – хаттов и родственных им племен, связанных, как предполагают, с ранней этнической историей кавказских горских народов.

С конца III тысячелетия до н. э. происходит длительный процесс просачивания и расселения по Малой Азии пришлых этнических элементов среди древнейшего коренного населения, значительно превосходившего завоевателей по уровню своего культурного развития. Этими пришельцами были индоевропейские племена неситов (будущих хеттов) и других родственных им племен⁵⁸². Их появление в древней Анатолии «повлекло за собой значительные изменения в языковом составе Малой Азии, привело к распространению языков индоевропейского строя и постепенному вытеснению ими аборигенного населения»⁵⁸³. Главными из этих древнейших малоазийских аборигенов были хатты, которыми первоначально были заселены, как было отмечено выше, значительные центральные малоазийские территории⁵⁸⁴. В результате смешения пришлых индоевропейских племен с хаттским субстратом образовалась хеттская народность, которая именовалась «людьми страны Хатти»⁵⁸⁵. Сформировалось и могущественное государство II тысячелетия до н. э. – Хеттское царство.

Уже к началу II тысячелетия до н. э. язык народа хатти, создавшего древнюю цивилизацию, воспринятую и развитую ассимилировавшими их пришлыми племенами, усвоившими традиции Хаттского царства⁵⁸⁶, присвоившими и самоназвание своих предшественников, был в основном вытеснен индоевропейскими хетто-лувийскими языками. Но и хетты-неситы, по-видимому, долго еще продолжали говорить в определенной степени и на протохеттском языке, который, исчезнув с течением времени как живой разговорный язык (подобно шумерскому в Вавилоне), использовался при

---

⁵⁸¹ **Вопрос об узкой этнической принадлежности этого элемента – действительно ли он является собственно «черкесским» или собственно «абхазским», или же общим достоянием и абхазской, и «черкесской» древней топонимики – остается открытым. Автором настоящей работы подготовлена к печати большая монография посвященная абхазо-адыгской топо- и гидронимике Западного Закавказья.** (К сожалению она сгорела во время уничтожения института. Прим. комм.).

⁵⁸² В древневосточных памятниках письменности нередко упоминается «страна Хатти» и народ «хета», причем термин «хета» в этой своей форме представляет собой произвольное чтение древнеегипетского иероглифа «хт» (в древнеегипетском письме не применялись гласные звуки) (Керам К. Узкое ущелье и Черная гора. с. 17).

⁵⁸³ Гамкрелидзе Т. В. «Анатолийские языки» и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. – М. 1964, с. 8.

⁵⁸⁴ Ушаков П. Н. Проблема древнейшего населения Малой Азии, Кавказа и Эгеиды // ВДИ. 1939, № 4, с. 51 – 53.

⁵⁸⁵ Гамкрелидзе Т. В. Указ. соч. с. 7.

⁵⁸⁶ Ардзинба В. Г. Некоторые проблемы наследия хаттов в традиции Хеттского царства. // Культурное наследие Востока. – Л. 1985, с. 73 – 77.

отправлении религиозных обрядов, посвященных хеттским божествам⁵⁸⁷. Очевидно, не случайным является и то, что об этом языке мы находим свидетельства в Богазкейском архиве в виде текстов ритуального характера. Когда попытка увязать немногие дошедшие до нас памятники хаттского языка с индоевропейскими и семитическими языками не дали результатов, ученые обратились к Кавказу, в долинах и горных ущельях которого сохранилось немало интереснейшей этнокультурной архаики, в том числе связанной с Малой Азией⁵⁸⁸.

Известный чешский ученый **Берджих Грозный**, осуществивший дешифровку мертвого хеттского языка, установивший, что «хеттский язык в основном является языком индогерманским», должен был в то же время признать, что он «содержит и чужеродные, очевидно, кавказские элементы».⁵⁸⁹ Вставки и тексты на этом языке всегда сопровождались пометкой «хаттили» (по-хаттски), то есть обозначением, которое является производным от названия «страны Хатти»⁵⁹⁰.

Одну из главнейших тайн хаттов составляет определение того этнического круга, к которому они принадлежали. Все исследователи (за исключением разве только немецкого ученого **Е. Шюлера**)⁵⁹¹ племя хаттов этнически сближают с касками, допуская близкое родство хаттского с языком касков. Первым на возможность такой связи указал **Э. Форрер**⁵⁹², затем **П. Н. Ушаков**, **Р. Блейхштейнер** и др. Это положение получило свое дальнейшее развитие в исследованиях **Г. А. Меликишвили** (считающего, что «каска II тысячелетия говорили на протохеттском языке»)⁵⁹³, **Г. Г. Гиоргадзе**, **И. М. Дунаевской**, **И. М. Дьяконова**, **В. В. Иванова**, **С. Л. Николаева**, **С. А. Старостина**, **В. Г. Ардзинба** и др. Эти исследования «делают вероятным близкое родство хаттского с языком касков (или кашка)».⁵⁹⁴ В частности, распространенные среди хеттов более древние хаттские имена встречались и в каскской среде, а такая общность каскско-хаттской ономастики может указывать и на общность их происхождения⁵⁹⁵. Вряд ли в самом деле является случайным то, что в каскском языке сохранились пережитки хаттской лексики, что очень многие каскские названия состоят из хаттских слов⁵⁹⁶. Например, основа хаттского слова «дару» «**Тару**» (**Daru**), означавшего бога грома и молнии, встречается и в некоторых каскских названиях местностей с локативным суффиксом «-ка» – **Дарука** (**Darukka, Garukka**) (ср. абх. имя **Даруква**). Такая языковая общность заставляет специалистов склоняться к тому, что каскские и хаттские племена не только издревле жили на смежных территориях, занимая «область с однородной культурой», но были в то же время близко-родственны между собой⁵⁹⁷.

⁵⁸⁷Его же. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. – М. 1982.

⁵⁸⁸Хаттский, хурритский, урартский, эламский и шумерский языки, по **А.С. Чикобава**, «образуют круг самобытных языков народов, создавших одну из древнейших цивилизаций в истории человечества... Пережиток языков этого круга мы имеем в современных иберийско-кавказских языках... являются ни Этим объясняется исключительный интерес к изучению живых иберийско-кавказских языков, в которых думают обрести ключ к разгадке древних мертвых языков Передней Азии». (**Чикобава А. С.** Введение в языкознание. – М. 1953, с. 227). **А. Н. Я. Марр** в 1916 г. предсказывал даже возможность истолкования памятников, древнейшей и древней культуры человечества с помощью, в строго определенных случаях, абхазского языка (**Марр Н. Я.** О языке и истории абхазов. с. 147).

⁵⁸⁹Цит. по кн. **Керам К.** Узкое ущелье и Черная гора. – М. 1962, с. 70.

⁵⁹⁰Там же. с. 74.

⁵⁹¹**Schuler F.** Die Kaškaer. – Berlin. 1965.

⁵⁹²**Forrer E.** Stratification des langues et des peuples dans le Proch-Orient, prehistorique. // (Asiatique). Т. CCXVII 1930. p. 229.

⁵⁹³**Меликишвили Г. А.** К изучению древней восточномалоазийской этнонимии // ВДИ. 1962, № 1, с. 64.

⁵⁹⁴**Дьяконов И. М.** Указ. соч. с. 12.

⁵⁹⁵Там же. с. 14.

⁵⁹⁶К сожалению, для меня осталась недоступной работа Stephens'а об именах хаттского облика из документов каппадокийских табличек ассирийских колоний (**Stephens.** Personal names of Cappadocia. // Yale Oriental Series Researches. t. XIII.)

⁵⁹⁷**Гиоргадзе Г. Г.** К вопросу о локализации и языковой структуре каскских этнических и географических названий.// Переднеазиатский сборник. I. – М. 1961, с. 201, 205, 206, 209, 210.

Догадки же о родстве некоторых древних языков Передней Азии, прежде всего протохеттского, с языками народов Западного Кавказа (абхазского, убыхского, адыгских) высказываются уже давно. Даже устанавливается ряд важных сходных черт как в грамматической структуре этих языков, прежде всего убыхского и абхазского, так и в их лексике, хотя лингвистическая наука далека еще от решения этой трудной проблемы.

С тех пор, как ученые стали изучать хаттский язык, особенно в последнее время все чаще стали говорить о его сходстве с языками абхазо-адыгской группы. Объяснение этого сходства некоторые исследователи склонны видеть в том, что их предки некогда заселяли территорию и Малой Азии, откуда они, вероятно, были впоследствии вытеснены. Существует мнение, что «в III тысячелетии до н. э. туземное горское население Кавказа (о котором сохранились легенды в абхазском фольклоре как о народе «**Ацанов**» и адыгском племени как о народе таких же карликов – **Спи**), подверглось вторжению хаттов, пришедших из Малой Азии»⁵⁹⁸.

Как бы не решались эти сложные вопросы, почти все исследователи, интересующиеся ими, сходятся в том, что между коренными народами Западного Кавказа и Малой Азии с древнейших времен существовали не только культурно-исторические связи, но и языковая близость. Например, хаттский язык характеризуется такими органически свойственными абхазскому, а также другим языкам Западного Кавказа, чертами, как префиксальное формообразование⁵⁹⁹. Поэтому, по мнению многих ученых, он «имеет прямое отношение к языкам адыго-абхазской группы, в частности, к убыхскому языку»⁶⁰⁰. **Ю. Месарош** именно в убыхах склонен был видеть далеких наследников древних хаттов, а убыхский язык полагал генетически связанным с протохеттским.

Надо полагать, что из всех попыток решения древнейших генетических связей абхазо-адыгских языков наиболее перспективной является гипотеза их родства с хаттским, получившая свое дальнейшее развитие у некоторых современных западных исследователей, а также советских ученых, в особенности в работах **Дьяконова И. М.**⁶⁰¹, **Иванова В. В.**⁶⁰², **Ардзинба В. Г.**⁶⁰³, **Дунаевской И. М.**⁶⁰⁴, **Старостина С. А.**, **Николаева С. Л.** и некоторых других⁶⁰⁵. **И. М. Дунаевской** в частности удалось в статье 1961 г. показать общность префиксального строя глагола протохеттского и абхазско-адыгских языков⁶⁰⁶.

Теперь уже многие считают, что язык хаттов принадлежит к кавказской семье языков, что он являет известные черты структурно-типологического сходства в особенности с абхазо-адыгскими языками. Установлено, – пишет **Т. Гамкрелидзе**, – «что и хаттскому, и некоторым иберо-кавказским языкам свойственно преимущественно префиксальное формообразование и словообразование, а также наличие ряда общих формообразовательных элементов и лексических совпадений».

⁵⁹⁸ **Кондратов А., Шеворошкин В.** Откуда вставало солнце? // «Знание – сила», 1966, 3, с. 24.

⁵⁹⁹ **Гамкрелидзе Т. В.** Указ. соч. с. 4.

⁶⁰⁰ **Ушаков П. Н.** Указ. соч. с. 51 – 53.

⁶⁰¹ **Дьяконов И. М.** О языках Древней Передней Азии. // ВЯ. 1954, № 5, с. 47.

⁶⁰² **Иванов В. В.** Об отношении хаттского языка к северо-западнокавказским. // Древняя Анатолия. – Москва, 1985, с. 26 – 59; **Его же.** История славянских и балканских названий металлов. – М. 1983 и др.

⁶⁰³ **Ардзинба В. Г.** Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков. // Переднеазиатский сборник III. – Москва. 1979, с. 26 – 37.

⁶⁰⁴ **Дунаевская И. М.** О характере и связях языков древней Малой Азии // ВЯ. 1956, № 4, с. 73 – 78; **Ее же.** О структурном сходстве хаттского языка с языками Северо-Западного Кавказа. // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь акад. **И. А. Орбели.** – М – Л. 1960, с. 73 – 77; **Дунаевская И. М., Дьяконов И. М.** Хаттский (протохеттский) язык. // Языки Азии и Африки. III. – М. 1979.

⁶⁰⁵ Например, специальную XI главу своей книги 1996 г., отвел проблеме обоснования родства хаттского с абхазско-адыгскими языками **В. А. Чирикба. Chirikba V. A. Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology.** – Leiden. 1996. p. 402 – 432. (Прим. комм).

⁶⁰⁶ **Дунаевская И. М.** Принципы структуры хаттского глагола. // Переднеазиатский сборник I. – М. 1961.

В структуре хаттского глагола удалось выявить целую серию соподчиненных префиксов – из семи или даже десяти позиций.⁶⁰⁷ Сходная цепочка префиксов характерна и для адыгского и абхазского глагола. Сходство прослеживается и в наличии среди префиксальных групп префиксов объекта, места, направления и др. При выделении превербов корень хаттского глагола, как правило, оказывается одно- или двусловным (**Камменхубер**). Аналогичная «прозрачность» корнеслова характерна и для большинства глаголов в абхазо-адыгских языках.

Сходство прослеживается и в характерном отсутствии четкой морфологической дифференциации имени существительного и прилагательного⁶⁰⁸. При их сочетании в хаттском и абхазо-адыгских языках относительное прилагательное может стоять перед существительным (ср. хатт. *Naṗalkian tetekuzz-an* – «железный очаг»; абх. *абҭа-тә ҭны* – «медный дом», адыгейск. *пхъэун* – «деревянный дом»), а качественное – после него (ср. хатт. *Pir aṣaṣ* «камень неблагой»; абх. *аҭы бзиа* «лошадь хорошая»)⁶⁰⁹.

Общей особенностью хаттского и абхазо-адыгских языков является и чрезвычайно широкое использование словосложения, в частности, типа существительное + существительное (ср. хатт. *Katti-ṣhapi* – «царь-бог», абх. *аҭс-ха* – «царь абхазов», «царь Абхазии» и др.).

Структурно-типологическая близость дополняется рядом любопытных материальных совпадений. Кроме уже предложенных⁶¹⁰, можно, например, обратить внимание на совпадение префиксов *ta* – хаттского и *та* абхазского глаголов. Хатт. *ta* – с интранзитивными глаголами выступает в качестве показателя места. Причем сфера употребления *ta* – ограничена глаголом. Префикс *та* – в абхазском также используется лишь в глаголе, при этом с интранзитивными глаголами он также указывает на место (ср. *д-та-гыл-оуп* «он (человек) внутри (та стоит)»), а с транзитивными – на направление (ср. *а-та-рхә-ра* – «бросать внутрь» (*та-*)⁶¹¹).

В хаттском языке отмечается и присутствие частицы **а** перед именем, которая является постоянным элементом абхазских имен. Например, слово *mamma*, означающее по-хаттски «мать», встречается и в имени божества, но уже в форме **Amamma** (**Амамма**)⁶¹².

Установлено, что в хаттском царь назывался *katte*, *katti*, а царица – *kattah* где *-h*, выступает в качестве суффикса, образующего имена женского рода, причем тот же суффикс в том же значении наличен, по-видимому и в каскских именах⁶¹³. Те же функции выполняет суффикс *-h* и в абхазском языке с *а-ҭ-ха* – дочь, *Шам-ха* – женская форма фамильного имени *Шамба* и др.)⁶¹⁴, наличен он и в других родственных ему языках.

Следует отметить и то, что абхазские патронимические имена образуются путем сочетания имени предков + слово «сын» + имя наследника – *Хыбры иҭа Кац* (ср. **Аргишти**, сын **Менуа**), а фамильные названия сочетанием имени рода (племени) и того же окончания – *ҭа*, *-ба*, означающего «сын», «потомок» (например, *Агр-ба*, *Хат-иҭа*). Может быть, такого же характера и названия некоторых племен: **Хутпа** (*Hutpa*), **Касипа**

⁶⁰⁷ Там же. с. 57 – 59.

⁶⁰⁸ Ломтатидзе К. В. Абхазский язык. // Языки народов СССР. Том IV. – М. 1971, с. 110; Кумахов М. А. Адыгейский язык. Там же. с. 151; Меликишвили Г. А. К изучению древней восточно-малоазийской этнонимии // ВДИ. 1962, № 1, с. 62, 63.

⁶⁰⁹ Ломтатидзе К. В. Указ. соч. с. 110; Кумахов М. А. Указ. соч. с. 151; Laroch E. Etudes de vocalulair VI // RHA.t. XV, fasc. 60, 1957, p. 10.

⁶¹⁰ Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. – М. 1967, с. 166 – 176.

⁶¹¹ Ардзинба В. Г. Указ. соч. с. 28 – 30.

⁶¹² Гиоргадзе Г. Г. К вопросу о локализации... с. 206.

⁶¹³ Там же. с. 204.

⁶¹⁴ Ломтатидзе К. В. Абхазское слово *ауауы* человек. // «Моамбе». 1943, №7, с. 727 (с русск. резюме). См. также Иванов Вяч. Вс. Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским. // Древняя Анатолия. 1985, с. 36.

(Kasipa) и других, обитавших в районе нижнего течения реки Галис (вблизи совр. Мерзифона) и разгромленных хеттским царем **Мурсили**⁶¹⁵.

Итак, грамматический строй хаттского языка, как указывает **И.М. Дьяконов**, «являет черты разительного структурного сходства с северо-западными кавказскими языками (абхазо-адыгскими), что само по себе еще не доказывает родства между ними и хаттским (так как аналогичная грамматическая структура может существовать и в неродственных языках), но делает это родство вероятным. Со стороны звукового материала, грамматических показателей, как кажется, нет ничего, что говорило бы против родства хаттского с абхазо-адыгскими языками, и есть также некоторые, правда, скудные и очень спорные данные о возможной близости его и с языками южнокавказскими (картвельскими, или иберо-грузинскими). **Предположительно – но без всякой гарантии в достоверности такого предположения – можно рассматривать хаттский язык либо как очень древнее ответвление от абхазо-адыгской группы, либо как промежуточное звено между этими языками и языками грузинской группы**»⁶¹⁶.

Древнейшие малоазийские аборигены абешла и каски, предполагаемые этнические родственники абхазо-адыгских племен, по всей вероятности, говорили на хаттском или скорее на близком хаттскому языке и, возможно, принадлежали, как и сами хатты, к абхазо-адыгской этнической группе⁶¹⁷, на что указывают отмеченные выше удивительные сходства грамматической структуры названных языков, а также отдельные лексические встречи между ними.

Не лишено интереса, например, то, что слово «ашьха», выражающее в абхазском понятие горы, мы встречаем также в составе одного топонимического названия древней Малой Азии. В анналах того же ассирийского царя, полных описаний войн с касками, обитавшими в Восточно-Понтийских горах⁶¹⁸, упоминается горная область Ашхарпайя (Ašharpaia), Каскская гора Асхарпа (Ашхарпа). «Ашхарпайя» выглядит почти совершенно идентичным абхазскому слову «ашхарпы» (ашьхарҧы), означающему «предгорье», «горная местность»⁶¹⁹, если только считать исключенным элемент случайности.

Обращает также внимание наличие общего между абхазским, каскским и хаттским языками суффикса «**ра**» для образования географических названий (ср., например, абхазские топонимы Ача-нда-ра, Ачигва-ра, Ауадха-ра, Отха-ра и др.), с названиями каскских населенных пунктов **Дахара (Dahara), Парпарра** и др.⁶²⁰. Одной из важных крепостей, «страны» Хайаса, упомянутой в надписи Мурсилиса II (1345 – 1315 гг до н. э.) и локализуемой на Черном море, где-то вблизи р. Чорохи, являлась **Арипса**, название которой «относится к типу абхазо-адыгской топонимики»⁶²¹, как и название известной античной крепости Апсирт, Апсар и рек Арпас, Апсар, Акампис и др.⁶²².

Топонимические названия на «**нда**» «каппадокийских» текстов, например, Бурушханда (хетт. Пурусханда) также находят свои аналогии в ряде абхазских названий местностей (Ала-нда, Дра-нда, Ача-нда-ра, Пицу-нда, Гуа-нд-ра и другие. Возможно к ним восходят и Ца-нд-рипш и Зва-нд-рипш). Названия на –ant, -int, -unt (-anda, -inda, -inthos), а также на –ass, (-ssos) являются, по **Е. Форреру**, в значительной части лувийской перестройкой хаттской номенклатуры, ибо устанавливается вторичность назализации первичных –at, -it, -ut (например, хаттское Kaburnat более позднее – Kaburanda)⁶²³. Ср.

⁶¹⁵ Гиоргадзе Г. Г. Указ. соч. с. 189.

⁶¹⁶ Дьяконов И. М. Указ. соч. с. 11.

⁶¹⁷ Меликишвили Г. А. К изучению древней восточно-малоазийской этнонимии // ВДИ. 1962, № 1, с. 168, 169.

⁶¹⁸ Там же. с. 62 – 63.

⁶¹⁹ Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. 1954, с. 78; В. Н. Хачатрян. Восточные провинции Хеттской империи. – Ереван. 1971, с. 88.

⁶²⁰ Гиоргадзе Г. Г. Указ. соч. с. 190, 207.

⁶²¹ Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. с. 84.

⁶²² Гиоргадзе Г. Г. Указ соч. с. 199.

⁶²³ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. – Тбилиси. 1941, с. 128.

также хет. Аланда, Ланда с Аланда в верховьях р. Кодор. Допускают и связь самого названия «Кавказ», занесенного, извне по-видимому от хеттов, (впервые упоминается V в. до н. э., у **Эхила** в «Прикованном Прометее») с касками (кашками)⁶²⁴. Интересно, что одна из 23 «стран», упоминаемых Тиглатпаласаром I где-то в бассейне р. Чорохи называлась **Киндари**⁶²⁵ (ср. с наименованием одного из больших приморских южноабхазских селений – **Киндги**, по-абхазски – **Кындыб**).

Естественно встает вопрос, подкрепляются ли выводы и догадки филологов о родстве протохеттов с кавказскими (абхазо-адыгскими) народами какими-нибудь данными этнографических и других источников?

В ответ можно сказать, что наблюдается не только ближайшее сходство, но порой даже тождественность, в особенности, в области некоторых наименее проницаемых религиозных верований, теонимии, ономастики и других архаических форм, составляющих, как можно думать, общую черту исторической этнографии как абхазо-адыгских племен, так и древнейших аборигенов Малой Азии. Так, бог грозы был главным богом как абхазского, так и хеттского пантеона, в котором хаттский элемент был доминирующим⁶²⁶. У хаттов он носил имя **Тару**, **Тар** (ср. абх. **Ай-Тар** – бог обновления природы, солнца, луны, урожая, размножения людей и скота⁶²⁷.) Его функции и даже форма обращения к нему совпадает с соответствующими абхазскими языческими формулами. В длинной титулатуре **Суппилиумаса** значились слова: «Герой, любимец бога грозы»; «Хеттский бог грозы, мой повелитель», – читаем мы в молитве другого хеттского царя – **Мурсилиса II**. И напрашивается сравнение с окаменевшим абхазским фразеологизмом «афырхаца», переводимое обычно словом «герой», дословно же: «герой грозových божеств», вернее «мужчина (человек) бога молний», что в точности совпадает с хаттским титулом определенного должностного лица «человек [мужчина] бога грозы»⁶²⁸.

Бог грозы, считавшийся у хаттов богом стихий, восседал на спине быка, потрясая молниями. В Абхазии культ быка также имел исключительное распространение, так Верховный Бог абхазов по поверьям был одет в бычью шкуру. И в самом имени бога **Анцва** (культ которого неразделим с культом персонифицированной молнии – бога грозы **Афы**⁶²⁹) присутствует, как видно, название быка (**Ан-цэа** – **Ан-цэ**) – **Ан-Бык** т.е. **Бог-Бык** или возможно **Мать-Бык**)⁶³⁰.

У хаттов и касков существовал «азианического» происхождения (а не индоевропейского)⁶³¹ небесный бог **Анцили** (**Anzili**), имя которого, (что однако, сомнительно), можно сравнить с вышеприведенным названием главного абхазского бога небес **Анцва** (Анцэа).

Можно сослаться и на такие совпадения (вероятно, не всегда случайные), как хет. **Адад** – божество небесной стихии, и абхазское олицетворение грома **Адыд** (его святилище находится на горе Дыдрышш); хет. бог луны **Армаз** и абх. **Амза** – луна; образ хеттско-ассирийско-шумерского пантеона **Ан** и абхазский **Ан**, имя которого быть может присутствует в названии верховного бога **Анцва**. Образ переднеазиатского пантеона – **Великой Матери** плодородия и размножения **Инаны** (**Ананы**) и хетт. **appaša** – мать

⁶²⁴Хачатрян В. Н. Указ. соч. с. 17, 29.

⁶²⁵Дьяконов И. М. Указ. соч. с. 125, прим. 127.

⁶²⁶Ардзинба В. Г. Хаттские истоки социальной организации древнехеттского общества. – М. 1971, с. 16.

⁶²⁷**Ай(?)**-Тар ср. с именами **Ай(?)**-ерг – Святой Георгий; **Ай(?)**-нар –? нартский; **ай(?)** - ха – железо и топор, а также железный топор-крючок **ай(?)** -гуш (айгышь9.(Не означает ли **ай** священность? Прим.комм.).

⁶²⁸Керам К. Указ.соч. с. 120, 128; Ардзинба В.Г. Придворные титулы хаттского происхождения и функции соответствующих им должностных лиц. //Вопросы древней истории. –Тбилиси. 1973, с. 199.

⁶²⁹Древнехеттский миф о борьбе бога грозы со змеем, связанный с хаттской традицией – месть змию с помощью человека по имени **Хупасияс** ср. с абхазским поверьем о непримиримой вражде бога грозы со змием.

⁶³⁰Ср. с шумерским верховным богом Аном, которого называли белым «небесным быком».

⁶³¹Laroch E. Recherches sur les Noms des Dieux Hittites. – Paris. 1947, p. 79; Гиоргадзе Г.Г. К вопросу о локализации... с. 208.

находят свою параллель не только в названиях, но и в функциях древнейшего абхазского женского божества «**Ананы**», «**Нан**», (абх. **ан** – мать)⁶³². Одна из ее ипостасей это **Анана-Гунда** – богиня пчел и пчеловодства (языческий праздник-моление в честь Великой животворящей матери – **Нанхэа**, совпадает с днем «**Успения Божьей матери**»).

Обращает также внимание ближайшее сходство имени хеттского героя-защитника (богини) **Инара (Инары)** с именем абхазского божества виноградной лозы и высоких деревьев – **Нара** и абхазским фамильным именем **Инарба**, означающим «сын **Инара**», с названием народа **Нартов** из одноименного эпоса абхазов и других кавказских народов. Близко перекликаются хаттское имя хеттского царя (бога) **Телепинус**⁶³³, древнеабхазское мужское имя **Тлапс** и имя адыгского божества **Тлепш**. Установлена также близость **Телепинуса** и сванского исчезающего и возвращающегося божества **Мелиа Телепиа**, что свидетельствует о существовании, по меньшей мере, «непосредственных контактов в определенную эпоху между древнекавказским (в частности сванским) и хеттским мирами»⁶³⁴. Однако здесь возможно сыграл свою роль субстратный слой сванов.

Одной из самых показательных лексико-мифологических встреч между хаттским (кашкским?) и абхазо-адыгскими языками является полное совпадение по форме и содержанию название бога (клятвы) **Уашхо**, о чем будет сказано ниже.

Могут быть сопоставлены и некоторые данные ономастики. Так имя царя страны Хатти **Памба** фактически повторяет собой староабхазские имена **Памба** (муж.) и **Пемба** (жен.); имя малоазийского царя II тыс. до н.э. **Раша** тождественно абхазскому **Рашь (Решь)** (ср. также древнейший абхазский песенный рефрен «рашья», «рерашья»). Титул (и имя) хеттских царей **Лабарна**, восходящий к царскому имени хаттского происхождения, сопоставим с абхазским названием древнего родоплеменного святилища **Лапрныха** (с. Блабурхва Гудаутского района), где «ныха» означает святилище. Читая хеттское личное имя **Апимарда**⁶³⁵, невольно вспоминается старинное лично-патронимическое имя **Мард, Марда-Соу**, весьма популярное в абхазском фольклоре (возможно является лишь воспоминанием о племени мардов) и др.

Сходны проявления и древнейшего культа волка и отождествляемой с ним (напр., в эпосе абхазов) собаки на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах, обусловленные ареальными связями⁶³⁶. Это в той же мере относится и к культу сосны у хеттов, как и у абхазов.

Как указывалось выше, протохетты как самих себя, так и свою страну называли словом «**Хатти**». Может быть, с этим названием как-то связано сохраненное абазинами выражение с названием неведомой страны **Хат (Хат; Хатынтэи уаама? – «Из Хата прибыл?»)**. Следует заметить также и наличие среди современных адыгских этнонимов – одного, внешне совершенно совпадающего с хетто-хаттским **hatti**, то есть «хаттский». Элемент «хат» содержат в своем составе также некоторые адыгские племенные и личные имена: **Хатукай, Хатхе, Хатажук, Хатхаху** (ср. и абх. мужские имена **Хатхэа** и др.)

Идентичны и некоторые выражения, связанные с кровной мстью: хетт. «дело крови» и абх. «ашья-ус» («крови дело»), хет. «стремиться к крови» и абх. «ашьяура», где ашья – кровь (ср. хат. **eřhar** – кровь)⁶³⁷, а аура – действовать, совершать (?).

⁶³² Большой интерес представляет обнаруженное после шторма в береговом валу у р. Беслата перстень-печать жреца храма Богини Кибелы III – II вв. до н. э., на щитке которого она изображена сидящей на троне у портика храма с поднятой левой рукой, как видно с тимпаном, а по сторонам ее сидят львы. (Прим. комм.)

⁶³³ Не является ли топор **Телепинуса** культовым, аналогичным тем топорам с бронзовыми рукоятками, а иногда и со скульптурой на обухе, которые выявлены при раскопках в Абхазии?

⁶³⁴ **Бендукидзе Н. А.** Хеттский миф о **Телепину** и его сванские параллели. // Вопросы древней истории. – Тбилиси. 1973, с. 97, 98, 100.

⁶³⁵ **Хачатрян В. Н.** Указ.соч. с. 102.

⁶³⁶ **Иванов В. В.** Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах. // Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов. – Тбилиси. 1975, с. 9 – 11.

⁶³⁷ **Иванов В. В.** Хеттский язык. – М. 1963, с. 26.

В докладе, с которым выступил на Майкопском коллоквиуме 1992 года польский ученый **Ян Браун**, были приведены интересные материалы для хаттско-абхазо-адыгского сравнительного словаря, содержащие 55 общих лексических единиц – имена существительные, прилагательные, местоимения, числительные, глаголы, выражающие такие понятия, как «боги», «ребенок» («сын»), «дочь», «женщина», «человек», «душа», «небо», «ветер», «земля», «гора», «камень», «вода», «источник», «рогатый скот», «корова», «овца», «дом», «яблоня», «хлеб», «квас», «обувь», «добрый», «злой», «большой», «ты», «пять», «положить», «сидеть», «стоять», «идти», «смотреть», «говорить», «призвать», «кушать», «варить», «лить», «поить», «схватить», «брать», «сохранять» и др. (копия рукописи находится в личном архиве автора этих строк)⁶³⁸.

Следует отметить и установленное резкое отличие весьма древней абхазской народной музыки от типично восточной и наличие в ней определенных ладов, в том числе сходство с редким малоазиатским – гипофригийским и чистым гиполидийским, эгинским, наряду с эолийским⁶³⁹, и дорийским⁶⁴⁰.

В одном древнехеттском ритуале фигурирует «дом сыновей»⁶⁴¹, который может быть сопоставлен с традиционно абхазской «амхарой» – отдельным брачным домиком для каждого женатого сына, строившимся вблизи «большого», то есть отцовского дома и отражающий собой развитие парной формы брачно-семейных отношений.

Совпадают также некоторые древнейшие орнаментальные мотивы, такие как изображение «хеттского солнца» и абхазский «образ солнца» (амрасахьа); малоазиатская оттиснутая ладонь с пятью пальцами, имеющая также в абхазском свою прямую параллель (анпантара) впрочем как и на всем Кавказе и других странах.

Или еще такая деталь. В абхазском языке есть старинное стереотипное выражение: «Я бы не поверил ничему этому, если бы даже увидел (представилось) во сне» (Гьхыз избаргьы ихасцазомьыт). Так говорится о каком-нибудь удивительном и неожиданном явлении, происшествии или поступке человека, поверить чему слушающему очень трудно. Сон, сновидение здесь выступает как доказательный акт или свидетельство высочайшей достоверности, с которой не может сравниться даже непосредственное наблюдение. Нечто подобное мы находим и в древнехеттских религиозных текстах, отражающих часто хаттское народное мировоззрение. Вот, например, молитва хеттского царя **Мурсилиса** во время чумы. Прося богов открыть причину их гнева, вызвавшую эпидемию, **Мурсилис** говорит: «И пусть ее (причину гнева богов, – Ш. И.) либо посредством сна я увижу, либо это оракулом будет установлено». В другом месте **Мурсилис** молит! «И пусть боги, мои повелители, явят божественное чудо и тогда пусть кто-нибудь (из жрецов) его увидит посредством сна». Как указывает **В. В. Иванов**, речь идет об особом гадании посредством сна. «Сновидение» оказывается поэтому таким же

---

⁶³⁸Этот доклад опубликован: **Браун Ян**. Хаттский и абхазо-адыгский языки. // Нартский эпос и кавказское языкознание. – Майкоп. 1994. (О многих из этих сходжений писал ранее и В. В. Иванов. См. **Иванов В. В.** Об отношении хаттского языка к северо-западнокавказским. // Древняя Анатолия. – М. 1985, с. 26, 51).

(Ян Браун и ныне продолжает продуктивно работать в том же направлении. Так, в Материалах Международной научной конференции, посвященной «Актуальным проблемам общей адыгской филологии», опубликованы два его доклада, подтверждающие генетическую близость абхазо-адыгских языков с языком древних хаттов: 1. Локальные префиксы хаттского глагола и те же морфемы в абхазо-адыгских языках (с. 37 – 42); 2. Хаттский и абхазо-адыгский (с. 42 – 44) // Международная научная конференция. – Майкоп. 2003. Прим. комм.)

⁶³⁹**Тизенгаузен О.** Еще об абхазской музыке. // «Апсны – Страна души» 1. – Сухум, 14 января 1925.

⁶⁴⁰ Следует отметить удивление музыковедов, присутствовавших в Свердловске на фестивале 1991 г., посвященном духовной музыке («С Богом на всех языках»), столкнувшихся с неожиданным явлением: в горской народной музыке абхазов они уловили следы влияния христианских песнопений и, по словам из статьи главного дирижера Уральской госфилармонии **А. Боренко** об «удивительном переплетении и сочетании абхазской [народной] и византийской музыки» (Газ. «Вечерний Свердловск», 1991 г. Прим. комм.)

⁶⁴¹См. рец. **Ардзинба В. Г.** на книгу **Оттена Г. и Соучека В.** Старый типичный ритуал для царей. – Висбаден. 1969 // ВДИ. 1973, № 3, с. 200.

специальным термином, как и «оракул». Гаданию посредством сна приписывается особое значение. Перед нами специфическое понимание сновидений как в хеттской (протохеттской), так и в абхазской религии: это воля богов и увиденное во сне непременно сбывается⁶⁴².

Абхазия была близка к области наиболее раннего развития металлургии железа. Родина металлургии железа – Малая Азия, где впервые были найдены железные клинки, датированные III тыс. до н. э. (Аладжа Хююк), а его изобретателями считаются генетически родственные абхазо-адыгам хаттские племена, от которых название (хапалки, хабалки) и культура этого металла распространилась по миру, в том числе в Греции, Армении, Грузии и др. **Вяч. Вс. Иванов** пишет, что «название железа хаттского (северо-западно-кавказского) происхождения».⁶⁴³ Он не сомневается в принадлежности хаттского («халибского») языка к абхазо-адыгской семье, из которого все древние языки Малой Азии и прилегающих областей, в том числе сванский и грузинский, прямо или косвенно заимствовали название железа. **И. М. Дьяконов** же упоминает абхазские племена (наряду с западно-грузинскими) в Малой Азии XIII – XII вв. до н. э. «В области Понт, – пишет он, – жили абхазские и западные протогрузинские племена» (передвижение последних в Южное Причерноморье продолжалось, видимо, до середины VIII в. до н. э. Халибы, или мосхи, принадлежат западным протогрузинским племенам и являются, «видимо, предками живущих сейчас в Турции чанов», а термин «халибы», «видимо, связан с древнейшим названием железа (хат. **хабалки**), которое первоначально монополично добывалось ими в области обитания»⁶⁴⁴. Иначе говоря, он также подтверждает хаттскую принадлежность слова «хабалки», «хапалки» и его связь с железом и в то же время, противореча самому себе, называет халибов мосхами и чанами.

В. Г. Ардзинба, разделяющий мнение **Вяч. Вс. Иванова** о широкой миграции названия железа из хаттского (хатти) языка, приходит к выводу не только об огромной роли кузнечного ремесла и культа кузни в культуре абхазов и адыгов, но и о том, что **кузнечное ремесло у этих народов «может рассматриваться как продолжение традиции, существовавшей у хатти»** (Выделено мной. – **Ш. И.**)⁶⁴⁵. О продолжении традиции хаттов, особенно у абхазов пишет и **Вяч. Вс. Иванов**⁶⁴⁶.

Большой интерес представляют древние высокогорные Башкапсарские рудники между верховьями Бзыпи и Кодора (2200–2300 м. над уровнем моря), исследуемые с 1986 года экспедицией **В. В. Бжания**, где ею обнаружено 13 выработок. Протяженность самой большой из них (№1), функционировавшей 400 лет, – 60 м., ширина 30 м., а высота – 15 м. В выработках найдено около 50 массивных каменных молотов бронзовой эпохи с выемками для прикрепления ручек, остатки деревянных подпорных столбов, фрагменты глиняных сосудов (в том числе горшка с оригинальной орнаментальной композицией), следы угля и пр.

Рудники функционировали в продолжение очень длительного времени: №1 – конец II тыс. до н. э. – VIII в. до н. э., №7 – середина II тыс. до н. э., №4 – конец III тыс. до н. э. «Если последняя датировка подтвердится, – пишет **В. В. Бжания**, – тогда Башкапсарские

⁶⁴² **Иванов В. В.** Из истории индоевропейской лексики клинописного хеттского языка. // Переднеазиатский сборник I. – М. 1961, с. 306.

⁶⁴³ **Иванов В. В.** Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики // Историко-филологический журнал. – Ереван. 1976, № 4 (75), с. 76 – 84; **Его же.** К истории древних названий металлов в южно-балканском, Малоазийском и средиземноморском ареалах // Славянское и балканское языкознание. – М. 1977, с. 79 – 82; **Его же.** Славянские названия металлов и проблемы восстановления ранних этапов в истории металлургии у славян // Советское славяноведение. – М. 1979. с. 87; **Его же.** История славянских и балканских названий металлов. – М. 1983. с. 42, 43, 96, 98, 108.

⁶⁴⁴ История древнего мира. – М. 1989, с. 49, 384.

⁶⁴⁵ **Ардзинба В. Г.** К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов). // Древний Восток. Этнокультурные связи. – М. 1988, с. 263, 298; **Его же.** К истории имени, функций и образа общезападнокавказского бога кузнеца. // Медные рудники Западного Кавказа III – I тыс до н. э. ... Тезисы докладов Башкапсарского полевого семинара. – Сухуми. 1988. с. 62 – 64.

⁶⁴⁶ **Иванов В. В.** Славянские названия металлов... с. 87.

рудники будут самыми древними из известных на территории нашей страны». Вместе с тем, он связывает название горы Башкапсара с ее большими медными рудопроявлениями (15 кв. км.) с абхазским словом бюа (абџа), выражающим собой «медь». Это очень древний термин, восходящий к прозападнокавказскому языку, распад которого произошел, как принято считать, не позднее III тыс. до н. э. По мнению С. А. Старостина, корень общезападнокавказского слова «медь» уже тогда участвовал в ряде корнесложений с названиями цветов, обозначающих различные металлы, в частности, «белую медь»⁶⁴⁷. Исходя из этого, «а также из того, что последняя часть интересующего нас названия **капсара** – бесспорно абхазское слово со значением «**россыпь**», В. В. Бжания полагает, что в абхазском языке это корнесложение выглядит как **бюа-ш (абџаш)**, что дословно выражает собой «медь-белая». «По-видимому, – пишет он, – первоначально Башкапсара произносилась как **Бюашкапсара – место россыпи белой меди**». Это «удивительно точно соответствует характеристике местности»⁶⁴⁸ (топоним Башкапсара встречается еще в двух местах – в горах Гальского района).

Изложенные здесь материалы показывают, как глубоко уходят вглубь веков традиции народной металлургии у абхазов, которые и в этой сфере деятельности поддерживали тесные связи с древнейшими малоазийскими центрами производства земного железа. А что касается толкования «Башкапсары», то выходит, что абхазская речь была слышна в центральной части современной Абхазии не одно тысячелетие тому назад. Сказанным определяется важнейшее значение указанных уникальных памятников для изучения этнокультурной истории абхазского народа.

Таким образом, гипотеза о родстве горских народов Западного Кавказа – абхазского, убыхского, адыгских – с хаттами, кашками и другими, хотя и остается пока еще научной гипотезой, но как возможная и перспективная находит себе все новых и новых сторонников и не только среди лингвистов, но и представителей других специальностей, а приведенные факты, взятые в совокупности, проливают, как можно надеяться, некоторый дополнительный свет на существование древнейшей абхазо-адыго-протохеттской не просто, ареальной, но и более близкой культурной и языковой близости. **Носители абхазо-адыго-протохеттских языков, по-видимому, некогда (почти до конца II тыс. до н.э.) были распространены и на территории Восточного Причерноморья, а переселение с юга на север, если даже и имело место, то оно происходило до III тыс. до н. э.**⁶⁴⁹. Внутри этого обширного и сравнительно однородного этнического массива, вытянувшегося от Понтийских гор, а возможно и значительно далее к Западу, и до Прикубанья, рано стали возникать локальные особенности, связанные не только с внутренним развитием, но и с проникновением иноплеменных групп, приведшие в дальнейшем к образованию в разных местах ареала разных этнических общностей, сохранивших в отдельных случаях некоторые существенные черты былых, теснейших, генетических и культурных связей. И в этом отношении, то есть в дальнейшем изучении рассматриваемой сложной проблемы, решающее слово принадлежит специалистам, прежде всего лингвистам, которые за последнее время обогатили науку новыми фактами, идеями и положениями.

Так, **Вяч. Вс. Иванов** автор ряда важных исследований в области хаттско-северо-западнокавказских языковых параллелей, в одной из своих недавних работ пришел к заключению, что **гипотезу о родстве хаттского языка с северо-западнокавказскими в настоящее время уже можно считать «в целом доказанной»**. Приведенные в его

⁶⁴⁷ **Старостин С. А.** Металлургические термины в общезападнокавказском. //Тезисы Башкапсарского полевого семинара. – Сухуми. 1988, с. 64–65.

⁶⁴⁸ **Бжания В. В.** Древние рудники у перевала Аденг. //Медные рудники Западного Кавказа III – I тыс. до н.э... Тезисы докладов Башкапсарского полевого семинара. – Сухуми. 1988. с. 7–9; **Его же.** Древние башкапсарские рудники. // «Природа». 1989, № 1, с. 57, 59.

⁶⁴⁹ **Дьяконов И. М.** Предыстория... с. 12, 13, 24, 25, 241; **Бжания В. В.** Древнейшая культура Абхазии. с. 28; **Меликишвили Г. А.** Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // ВДИ. 1965, № 1, с. 23.

работе многочисленные этимологические и фонетические соответствия «не оставляют сомнения в том, что по своей лексике (как и по грамматике) хаттский является языком древне-северокавказской семьи, сохраняющим многие черты, общие с западнокавказскими (часть их, но едва ли все, могут быть общими архаизмами)»⁶⁵⁰.

С. А. Старостин, изучая коренные кавказские языки, в частности, их культурную лексику, приходит к следующим важным выводам. Примерно в IV тысячелетии до н. э. существовал обще-северокавказский праязык (ПСК). Носители этого языка уже к моменту его распада находились на довольно высоком уровне развития скотоводства, земледелия и начатков металлургии. Следовательно, – период ПСК относится к началу эпохи бронзы. Вместе с тем, выявляются явные северокавказско-индоевропейские языковые параллели. Эти факты свидетельствуют о том, что носители прасеверокавказского и праиндоевропейского языков контактировали друг с другом. Но указанный земледельческо-скотоводческий хозяйственный комплекс проник на Северный Кавказ вряд ли ранее III тысячелетия до н. э., а контакты северокавказцев и индоевропейцев также вряд ли могли осуществляться на территории Северного Кавказа. Поэтому прародину современных северокавказских языков следует, очевидно, искать где-то в другом месте. «В свете новых работ, доказывающих вхождение в северокавказскую семью таких языков древней Передней Азии, как хаттский... и хуррито-урартские, представляется реальной гипотеза о более южной (южнокавказской или переднеазиатской) прародине северокавказских языков. Тот факт, что хаттский язык обнаруживает специфическую близость к абхазо-адыгским языкам, а хуррито-урартские – к нахско-дегестанским, можно говорить о том, что разделение общекавказского произошло еще на юге, современные же северо-кавказские языки проникли на Северный Кавказ позднее двумя различными путями» (возможно, к концу IV тысячелетия до н. э.)⁶⁵¹.

Согласно **И. М. Дьяконову**, кавказское языковое единство, если оно существовало, восходит к глубочайшей древности. Предположение **Е. И. Крупнова** о тождестве культуры куроаракского энеолита с культурой общекавказского пранарода не соответствует действительности. Однако имеются веские данные об этническом родстве хаттов, касков, абешлайцев, а всех их вместе – с абхазо-адыгской группой народов, причем, хаттско-абхазо-адыгская языковая семья в III – II тыс. до н. э. территориально простиралась от центральной части Северного Кавказа, включая и часть восточной Малой Азии, а картвельский этнический элемент проникает в Восточное и Южное Причерноморье значительно позже касков. **Выделение мегрело-чанских диалектов от собственно грузинского датируется VIII в. до н. э., что, вероятно, связано с начавшимся «продвижением западных протогрузинских племен в Колхиду и Понт, ранее занятых племенами абхазо-адыгско-хаттской (или промежуточной) языковой группы».** Одним словом, в настоящее время можно с уверенностью утверждать о присутствии грузиноязычных племен в Колхиде и Понте только с VIII в. до н. э.⁶⁵².

Правда, не все исследователи вполне разделяют такую концепцию. **Г.А. Меликишвили** считает, что во II тысячелетии «основную часть населения юго-восточного Причерноморья составляли западногрузинские (мегрело-чанские) племена», а в районе верхнего течения р. Чорохи и южных склонов восточнопонтских гор находился «один из очагов восточногрузинских племен». Но в то же время он подчеркивает наличие в восточной Малой Азии и других представителей кавказских языков (этнических групп, находившихся в родстве с носителями современных абхазо-адыгских или бацбийско-кистинских языков), оставляя открытым вопрос о том, откуда появились здесь эти «северокавказские» племена. «Первоначальное это явление или

⁶⁵⁰ **Иванов В. В.** Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским. // Древняя Анатолия. с. 26, 51.

⁶⁵¹ **Старостин С. А.** Культурная лексика в обще-северокавказском словарном фонде. // Древняя Анатолия. – М. 1985, с. 89.

⁶⁵² **Дьяконов И. М.** Указ. соч. с. 13, 23 – 25, 241.

результат передвижения этих племен с севера на юг (или, наоборот, с юга на север) – тема дальнейшего исследования», – заключает он ⁶⁵³.

При всем том, в целом кавказоведческая наука все более склоняется к признанию генетического родства абхазского, адыгского, убыхского, абешла-касского и хаттского языков, носители которых занимали в древности, как автохтонные жители, Восточное Причерноморье, включая территорию Западного Закавказья, откуда они были частично вытеснены, а частично ассимилированы картвельскими племенами.

Вопреки почти общепринятому мнению, недавно, следуя новой гипотезе, выдвинутой **Г. Г. Гиоргадзе и другими грузинскими историками против автохтонности хаттов в Малой Азии выступил и археолог Г. Л. Кавтарадзе**. «Хатты, – пишет он, – вовсе не должны представлять собой автохтонное население Анатолии, поскольку сходство, выявленное между культурами эпохи ранней бронзы Малой Азии и Северо-Западного Кавказа, не может послужить подтверждением малоазийско-кавказского этнолингвистического единства – центрально-анатолийская культура периода, предшествовавшего существованию «царских» гробниц, не выявляет сколь-либо значимых точек соприкосновения с культурами Северо-Западного Кавказа. Следует принять во внимание и большую близость хаттского языка с территориально более отдаленными адыгскими языками по сравнению с абхазским языком». **И Г. Г. Гиоргадзе пишет, что в центральной Анатолии хатты появились в результате переселения с Северного Кавказа где-то в эпоху ранней бронзы, принеся с собой культуру «царских гробниц», а прехаттскими, то есть автохтонными племенами здесь были пракартвельские племена**⁶⁵⁴. Но предположение о миграции хаттов из Северного Кавказа в Малую Азию не находит подтверждения ни в хеттских, ни в каких-либо других исторических источниках. А что касается степени близости хаттского языка к западнокавказским, то специалисты (в том числе В. В. Иванов и упомянутый выше польский ученый Ян Браун) утверждают, напротив, что хаттский ближе всего именно к абхазскому языку. Вообще такие вопросы трудно решать только на одном каком-то (например, археологическом) уровне.

2. Уашхо

Древний религиозно-мифологический образ под именем «уашхо», который, как увидим ниже, был знаком некоторым вымершим аборигенам Малой Азии еще за две тысячи лет до н. э., и сегодня не совсем забыт в кругу абхазско-адыгских и осетинского народов. Это уже очень стертый образ, представляющий интерес как с точки зрения общего абхазско-адыгского культурного наследия, так и в связи с гипотезой о малоазийско-кавказских этногенетических взаимоотношениях.

Представления об этом образе, не отличающиеся достаточной четкостью, являются сходными у всех его носителей на Кавказе. Правда, источников о нем у нас очень мало – всего только отдельные поверья и термины, засвидетельствованные как у некоторых современных кавказских народов, так и в древнехеттских памятниках письменности. Обратимся сперва к соответствующим пережиткам у абхазов.

В абхазском языке «уашхуа» и теперь часто используется как выражение самой сильной, верной клятвы и заверения (например, в случае отказа от сопротивления, признания своего поражения, безоговорочного подчинения воле победителя и т. п.). Такой смысл приобретает оттенок еще большего усиления при (теперь уже не всем известном сочетании этого слова с другим термином – «макьапсыс» (макьаҭҭсыс), которым, вообще говоря, теперь обозначается маленький точильный камень для

⁶⁵³ Меликишвили Г. А. К изучению древней восточномалоазийской этнонимии // ВДИ. 1962, № 1, с. 61 – 63.

⁶⁵⁴ Кавтарадзе Г. Л. Вопросы этнической истории Кавказа и Анатолии и проблема хронологии и периодизации (VI – I тыс. до н. э.) – Тбилиси. 1992, с. 37 – 39.

железных инструментов (ножей и пр.)⁶⁵⁵. Считалось, что при определенных обстоятельствах заклинание в форме «Уашхуа!», «Уашхуа макъапсыс!» является единственно возможной и обязательной формой зарока. Например, верили, что русалка (по-абхазски «дзызлан», то есть «мать вод») в случае своей победы в единоборстве с мужчиной наводила на него всякого рода порчу и делала его послушным исполнителем своей воли. В противном же случае она сама должна была дать победителю нерушимый обет в том, что никогда больше не будет вредить ему. И вот только после того, как русалка, признавшись в своем поражении, произносила «Уашхуа макъапсыс!» победитель мог безбоязненно отпустить ее на свободу.

Значение «уашхуа» понимают совершенно одинаково как в южной (Абжуйской), так и в северной (Бзыпской) Абхазии. Так, 83-летний **Синат Джения** (с. Лыхны Гудаутского района), объясняя «уашхуа», сказал в декабре 1971 года так: «Уашхуа макъапсыс» – это клятва. Такую клятву заставляли дать лесную деву или русалку, когда удавалось их поймать. Она добровольно не соглашалась на это, к этому ее принуждали силой после того, как одерживали над ней физическую победу. Выражение это употребляется однако и в обычном разговоре. «Мы дошли до того, что чуть не сказали друг другу «уашхуа макъапсыс», – говорят люди, когда хотят выразить упорный, изнурительный характер соперничества, например, в выносливости в отношении винопития». А по словам 80-летнего потомственного пастуха из села Члоу Очамчирского района **Иуаки Джатмовича Цвижба**, когда хотели убедиться в правильности всех показаний человека, его заставляли подтвердить их клятвой «уашхуа! (Ауаҭы дандырхәацәоз уашхәа идырхәон).⁶⁵⁶

В связи с «макъапсыс» приведу притчу, записанную **С. Л. Зухба**: «Решили как-то собаки отправиться в горы. Проходит время, однако осуществить им свое намерение никак не удавалось.

– Договорились же идти в горы, лето уходит! – забеспокоился один из псов.

– Где уж нам! Отправимся мы туда разве только, когда точильные камни насквозь промокнут (Амакәа аныҭсасилакь хцап), – ответили ему удрученные собаки. Это означало, что не видать гор псовой своре».

Словесный трафарет «уашхуа макъапсыс» мы находим также в числе стилистических приемов абхазских сказок. Например, сказочный герой по разным причинам (часто в поисках жены или сестры, а иногда целебного средства) попадает в дом великана и прячется. Хозяин в это время отсутствует. Возвратившись, великан чувствует присутствие в его доме чужого и говорит жене: «Откуда это абхазским духом пахнет?» Это неизменный вопрос, задаваемый им во всех аналогичных случаях. Жена отвечает, что пришел ее брат и просит зятя не есть его. Муж-великан (или черт) дает обещание жене, что не тронет ее брата, но она не верит его заверениям. В конце концов он дает клятву,

⁶⁵⁵ По преданию, чтобы получить такие мягкие, гладкие камни (амабьа8шба9 нужно из сердцевины ствола ясеня (араш) выточить миниатюрные брусочки соответствующей формы, зарыть их глубоко в землю и держать там в продолжение 7 лет, после чего они готовы к употреблению как точильные камни. Замечу также, что абхазы поклонялись камню, почитали его (ахашь рныбьуан9. Сохранилось и интересное и странное выражение; «Не садись на камень – сердце тещи станет холодным».

⁶⁵⁶ Вот еще два свидетельства из указанных частей Абхазии. **Маадан Сакания** (свыше 80 лет), из с. **Дурипш Гудаутского** района говорил: «Если у русалки удалось выудить слова «Уашхуа макъапсыс, отныне я не стану вредить тебе» (Уашхәа мабьа8сыс, уаша сшу8ырхагамхо9, то можно ее больше не опасаться». По **Ясону Чочуа** (свыше 60 лет), из с. Адзюбжа Очамчирского района: «Если хотят заставить черта раскрыть себя, надо чтобы он подтвердил свое признание клятвой «Уашхуа макъапсыс» (аюс0аа «Уашхәа мабьа8сыс!» ирщәаны, дылырхуеит9. По тому же сообщению, если девушка забеременела до выхода замуж, силой погружали ее руку в горячую мамалыгу и держали до тех пор, пока она с клятвой «уашхуа» не назовет имя своего соблазнителя. В редких случаях говорят; «Клянусь именем (У)ашхуа макъапсыс», (У9ашхәа мабьа8сыс има=уп!», (У9ашхәа мабьа8сыс и! При этом иногда опускают первый звук в слове «уашхуа» – выпадает фонема «у». Встретился мне и другой вариант этого выражения; «(У)ашхуа, Дамакьа ипсаныс!», то есть «(У)ашхуа, клянусь именем души **Дамакьи**». Но этот вариант, услышанный информатором **Р. К. Гулиа** в детстве в его родном селе Эшера, является, возможно, искажением стандартной клятвенной формулы.

произнеся знакомую формулу (уашхуа макъапсыс), после чего жена выводит героя сказки из укрытия⁶⁵⁷.

Заглянем теперь в лексику родственных абхазам народов.

Так, в словаре абазинского языка мы читаем: «УашхІва – клятва; «УашхІва хІвара – клясться, давать клятву»⁶⁵⁸. И действительно, у старшего поколения абазин сохранились, правда, теперь уже едва уловимые воспоминания об «уашхо». Абазины представляют мифологическое «уашхо» почти точно так же, как и их южные сородичи – абхазы. Например, по словам 73-летнего инджикчкунского жителя **У.К. Квапсырген**, «уашхва», «уашхва татартуп» (Уашхэа та́тартуп) представляет собой некую высшую, священную силу (Уашхэа ныхахэароуп), и с этим именем в устах произносили самую сильную клятву – окончательную и нерушимую ни при каких обстоятельствах. «Уашхва» и ложная клятва несовместимы друг с другом. «Если человек сказал «Уашхва», это значит, что он говорит правду», – подчеркнул информатор. В разговоре у них можно еще услышать выражение «Уашхва, не знаю об этом ничего» (Уашхэа, ишысызмдыруа), и вы можете быть уверенными, что говорящее лицо действительно в абсолютном неведении относительно того, о чем его спрашивают.

Интересно, что у абазин наш термин встречается как отдельно (уашхэа), так и в неразрывном сочетании с другим выражением – «татартуп» (Уашхэа та́тартуп), причем и у них последнее слово («татартуп»)⁶⁵⁹, точное значение которого у абхазов утеряно, используется для максимального усиления клятвенного заверения. Кроме того, сравнивая абхазский и абазинский варианты слова «уашхо», мы видим, что окончания у них разные: «-хэа» в первом случае и «-хэа» – во втором. Но частиц «хэа» в абазинском «уашхэа» является закономерным звуковым соответствием частицы «хэа» абхазского варианта⁶⁶⁰, и служит, по-видимому, выражением того же значения, что «хэа» в абхазском термине «анцэа-хэа» где «анцэа» – бог, «хэа» (ахэара) говорить, изрекать, то есть славословие божеству, приобщение к нему при помощи молитвенной речи, слова.

Форму, идентичную абазинской, мы находим также и в убыхском – «уашхуа» (уашхэа) в значении гром, молния, бог. Так, в своем «Словаре убыхского языка» **Х. Фогт** со ссылкой на **Ю. Мессароша**,⁶⁶¹ это слово переводит как «гром и молния», а со ссылкой на **Ж. Дюмезиля** – как «бог».⁶⁶² Убыхские выражения «Уашхэа у́ках!» «wašxʰa wʰuax» и «Уашхва кы́кан» (означают соответственно): «Чтобы тебя ударил гром», «Чтобы тебя молния поразила!»⁶⁶³ (que la foudre t'écrase!) и «Гремит гром и сверкает молния» (il fait du tonnerre et des eclaire)⁶⁶⁴.

Абхазо-абазино-убыхскому «уашхва», «уашхуа», которое, как сказано, понимается в основном как клятва, по смыслу в основном соответствует и адыгское «уашхьо

⁶⁵⁷ **Зухба С. Л.** Абхазская народная сказка. – Тбилиси. 1970, с. 206 – 207.

⁶⁵⁸ Абазинско-русский словарь. – М. 1964, с. 377.

⁶⁵⁹ Одно урочище у подножия Эльбруса называется Татартуп. Туда «перед Новым годом каждый кабардинец, желая иметь удачу в течение всего года», шел молиться. В молитве произносились какие-то таинственные слова, а в знак посещения оставляли пули, ножи и др. (**Акаба Л. Х.** Абхазо-адыгские мифологические параллели. // «Известия» III. – Тбилиси. 1974, с. 146).

⁶⁶⁰ В абхазско-абазинских диалектах не так редко встречаются факты взаимного перехода щь в «хъу» и наоборот. Например, «ахашъ» (абх.) ахашъу (тап.) – камень, «ахъа5ъа» (абх.) «ашъа5ъа» (тап.) – ходжа (**Ломтатидзе К. В.** Тапантский диалект абхазского языка. – Тбилиси, 1944, с. 64); ашъашъарёаё ашъашъарё'ё'ы (абх.), ашъашъарё'ыё' (абаз.) – щиколотка, ахуштаара//ашъш0аара – очаг, последний пример зафиксирован **М. М. Циколія** в абжуйском селении Атара (см. в кн.: **Бгажба Х.С.** Бзыбский диалект абхазского языка. – Тбилиси. 1964, с. 109).

⁶⁶¹ **Mészáros Julius.** Die Päkhy-Sprache. – Chicago. 1934, с. 200.

⁶⁶² **Dumézil G.** Contes et Legendes des Oubykhs. // Travaux et Mémoires de l'institut d'Éthnologie, t. LX. – Paris. 1957, XIII, p. 103; **Его же.** Études Oubykhs... p. 58 – 59.

⁶⁶³ Ср. совершенно идентичные абхазские фразеологизмы: «Афы усааит!» – «Молния да поразит тебя!» и «Идыды-мыцъысуеит» – «Гром гремит, сверкает молния».

⁶⁶⁴ **Vogt H.** Dictionnaire de la langue oubykh. – Oslo. 1963. p. 201.

(«уашхэор») – небесный свод (небо по-адыгейски «уашхэо»)⁶⁶⁵ и кабардино-черкесское «**уасхуа**», «уашхо», «уашхо-кан». Адыги представляют «уашхьо», как древнейшее божество неба, от которого сохранилась только окаменевшая формула самой крепкой клятвы «Уашхо-каном клянусь» (кабард. уафа – небо, шхо – синее)⁶⁶⁶.

По словам сравнительно молодого черкеса, председателя Кошехабльского сельсовета **Р. Р. Куршева**, с которым я беседовал в том же ауле Инджик-Чукун, современные кабардино-черкесы знают еще и другой древний клятвенный фразеологизм, основным элементом которого является тот же термин «**Уасхуа**». Он гласит «Уас'хуа нывас'хуа чана», то есть «Клянусь кусочком серого (голубого) камня» (уас'хуа – клятва, нывас'хуа – серый, голубой камень (от ныва/мыва – камень), чана – маленький кусочек). «Это крепкое, нерушимое слово, клятва, как русское «ей богу», – пояснил собеседник (Заметим в скобках, что в настоящее время понятие «бог» во всех языках адыгской группы – «адыгейском, кабардино-черкесском и их диалектах – выражается одним словом «тха» (тхэ), параллельно используется также мусульманское арабское «аллах» (алыхь)⁶⁶⁷.

Достоин внимания и то, что шашка – традиционное вооружение горцев – называется по-кабардински «сашхуа» (сэшхуа)⁶⁶⁸, что, дословно переводится как «большой нож» и было заимствовано русским языком как «шашка» (Sašx^oa-šaška),⁶⁶⁹ (по **А. Х. Куйперсу** «длинный нож»).

Кроме того, слово «уашхо» входит в состав кабардинского названия горы **Эльбрус – Уашхо-Махо, Ошха-Махо**. Значение этого названия – счастливая гора, гора дня, света, гора, где, подобно Олимпу, пребывают блаженные боги. Последнее значение подтверждается и тем, что местные жители действительно почитали Эльбрус, молились ему. Согласно преданию, **Аттила**, дойдя до этой величайшей вершины Кавказа и Европы – места пребывания небожителей, повернул обратно и удалился от пределов Кабарды⁶⁷⁰. По-абхазски вообще всякая гора именуется почти тем же словом – «ашьха».

Название «уашхо» в смысле клятвы встречается в системе древней номенклатуры не только абхазо-адыгской группы народов: абхазов (уашхуа)⁶⁷¹, убыхов и абазин (уашхэа), адыгов (уашхьо), но и у осетин-дигорцев (уасча)⁶⁷², то есть у той части осетинского народа, которая отличается большой этнокультурной близостью к абхазо-адыгским племенам⁶⁷³. По-видимому, термин выступает в осетинском как один из субстратных элементов, а не является исконной принадлежностью лексики ираноязычных осетин, несмотря на то, что «**уассха**» и связанные с ним теонимы имеют у них значительное распространение⁶⁷⁴.

Таким образом, термин «**уашхо**» не только по основному ареалу современного распространения, охватывающему всю территорию абхазо-адыгских племен (южные и

⁶⁶⁵ **Хатанов А. А., Керашева З. И.** Толковый словарь адыгейского языка. – Майкоп. 1960, с. 560.

⁶⁶⁶ Кабардинский фольклор. – М – Л. 1936, с. 638; **Аутлев П. У.** Новые материалы по религии адыгов. // Ученые записки АдИЯЛИ. Том 4. – Майкоп. 1965, с. 191.

⁶⁶⁷ Русско-адыгейский словарь. – М. 1960, с. 55; Русско-кабардинско-черкесский словарь. – Москва. 1955, с. 55.

⁶⁶⁸ Русско-кабардинско-черкесский словарь. – М. 1955, с. 956.

⁶⁶⁹ **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. Изд. второе. Том IV. – Москва. 1987, с. 416.

⁶⁷⁰ Кабардинский фольклор. с. 90 – 93, 634.

⁶⁷¹ **Инал-Ипа Ш. Д.** К вопросу о древних этнокультурных связях Западного Кавказа и Малой Азии. Доклад на IX Международном конгрессе этнографических и антропологических наук в Чикаго 1973 г. (Оттиск на русском и английском языках. – Москва. 1973. с. 9)

⁶⁷² **Балкаров Б. Х.** Адыгские элементы в осетинском языке. – Нальчик. 1965, с. 45.

⁶⁷³ «Клятва – ард, сомы; диг. уасча» (**Абаев В. И.** Русско-осетинский словарь. – М. 1950, с. 195).

⁶⁷⁴ Например, в **Осетии**, в местности **Кани**, происходило празднование **Уашхо**. Кроме того, «уас», «уац» у осетин имеет значение «святого», «небесного», божества вообще, присоединяясь к именам христианских божеств; «**Уас Гырджи**» (святой Георгий) и др.

северные склоны Западного Кавказа), но и по своему первоначальному происхождению принадлежит к языковому миру этих же племен⁶⁷⁵, от которых он был заимствован позднее осетинами-дигорцами (скорее, это наследие субстрата), а, может быть и другими соседними народами.

Во всех абхазско-адыгских языках и дигорском диалекте осетинского языка интересующий термин – абхазск. «уашхуа», «уашхуа макъапсыс», убыхо-абазинск. «уашхва», адыгейск. «уашхъуэ», «уашхъо» («уашхъор»), кабардинск. «уашхъуэ» «уашхъо», дигорск. «уассха» – употребляется в основном как наистрожайшая клятвенная формула, реже как «бог» (убыхск.), «бог клятвы» (кабард.), «небесный свод» (адыгск.), «гром и молния» (убыхск.) и вообще как некая сверхъестественная, ныне не совсем ясно сознаваемая, священная, мифическая сила. Клятве со словом «уашхо», даваемой при безвыходных обстоятельствах, не может изменить ничто на земле – ни человек, ни великан, ни черт, ни дьявол. Уашхо – это божество, имя которого нельзя было произносить вслух никому. Все это, однако, уже довольно слабые пережитки древнего религиозно-мифологического образа, представления о котором сохранились в народной памяти в значительно стертом, трансформированном виде.

Трудно сказать, завершилась ли эволюция «уашхо» превращением его в бога в обычном смысле этого слова, ибо, как известно, очень многие примитивные религии вообще не знают представления о боге или богах⁶⁷⁶. Если судить по сохранившимся пережиткам, «уашхо» отнюдь не является предметом культа: этому бледному мифическому существу (?) не воздают особого почитания, но очень боятся как разящую, мстительную силу.

В своем генезисе этот персонаж представляет собой, очевидно, один из элементарных религиозно-мифологических образов, в частности, древней ближневосточной религии, для которой были характерны сложные сплетения самых различных по своему характеру и происхождению верований и представлений.

Как указывал **С. А. Токарев**, «в религии вообще мало что создается заново и многие из религиозных форм оказываются весьма устойчивыми и удерживаются, подвергаясь разным видоизменениям и в классовом обществе, или сохраняя, как культ семейно-родовых предков свою обособленность, или вплетаясь, что чаще бывает, в более сложные формы религии, теряя свою первоначальную природу»⁶⁷⁷.

«Уашхо» выступает то в виде божества, то в виде некой безличной силы. Это была «единственная сила, которую, по верованиям абхазов, признавала коварная и мстительная, но полная очарования древнеабхазская водяная богиня «дзызлан», клявшаяся только именем уашхо и его точильным камнем. Она боялась также удара обоюдоострого т.е. с двумя лезвиями железного кинжала. В лице «уашхо», возможно, мы имеем ранние представления о гневном боге неба и грозовых явлений – божестве, которое, согласно тем же воззрениям, могло непосредственно уничтожить любое существо, оставляя при этом на месте поражения раздвоенные стрелы, символизирующие собой разящую силу грома и молнии, или черные шары.

Божества неба и грозы представлены в системе верований многих народов. Например, сваны – непосредственные соседи абхазов, имеющие много общего с ними, – знали особо могучего владыку неба под именем **Пуснабуасдни**. Ему посвящали священных быков бугаев под общим названием **висхв** или **усхвай**, а также коров, именуемых **мусхв**. По своему происхождению различались троякого рода висхвы; а) рожденные висхвами (со дня появления на свет бывшие самыми крупными животными из

⁶⁷⁵ **Абаев В. И.**, с которым я консультировался по этому вопросу, также не сомневается в том, что «уассха» в дигорском диалекте осетинского языка является заимствованием, скорее всего из кабардинского языка.

⁶⁷⁶ **Токарев С. А.** Ранние формы религии и их развитие. – М. 1964, с. 7.

⁶⁷⁷ **Там же.** с. 392.

себе подобных); б) рожденные от священной коровы мусхв ? ; в) лучшие быки, посвящавшиеся; «великому богу»⁶⁷⁸.

Возникает вопрос, **не является ли висхв, усхвай сванским вариантом** абхазско-адыгского уашхо, уашхуа, осетинского уассха, исходя из общности фонетического облика этих терминов. Вместе с тем, в языческих верованиях абхазов отмечено существование уже почти совсем забытого гневного божества **Ах-ду**, которому также приносился в жертву исключительно бугай и обязательно в отсутствие женщин⁶⁷⁹.

Значение слов «**уашхо**», «**уашхуа макъапсыс**» никто из тех, кто ими еще пользуется, – а их немало как в Абхазии, так и в других частях Западного Кавказа, – объяснить не может. По мнению **Б. Х. Балкарова**, «уашхо» распадается на две части: **уа** и **схае**, которые сопоставляются с кабардинским **уэ** – «град» и **шхъ-эу** – «голубой», «зеленый», «серый», «синий»⁶⁸⁰. Однако ни такое деление слова на две части, ни слишком нелогичное их толкование – «голубой град» – не являются достаточно убедительными. Надо полагать, что значение этого слова трудно понять без учета религиозно-мифологических представлений не только абхазо-адыгов, но и их этнокультурных связей на Кавказе и за его пределами.

Перенесемся теперь в историческую Малую Азию и заглянем в некоторые тексты на хаттском языке из Богазкейского архива. Эти тексты (в основном ритуально-религиозного содержания) составлены хеттскими писцами после возникновения Хеттского государства на рубеже XVIII – XVII, но не позже XV в. до н. э. В некоторых из этих текстов действительно встречается знакомое нам уже из абхазо-адыгских языков слово «уашхо» в форме (a) šhaw// (a)w šhar, wa- šhaw- šhar (ед.ч. (a) šhawp, мн.ч. wa- šhew(p), с чередованием конечного согласного (w/p)).⁶⁸¹ Поскольку оно употребляется в сочетаниях типа (a) šhaw/p katte – «бог-царь», (a)šhaw/p kattah – «бог-царица»,⁶⁸² то есть со словами, обозначающими лиц мужского и женского пола, то можно его рассматривать как «божество», «бог» вообще. Такое значение термина wa- šhaw/p впервые было установлено **Е. Форрером**⁶⁸³, к которому присоединились впоследствии – **Е. Ларош**⁶⁸⁴, **А. Камменхубер**⁶⁸⁵ и другие хеттологи. Так, **И. М. Дунаевская**, присоединяясь к установленному лексическому значению слова **Wa-šhaw**, переводит его также в смысле «бог»: В[(...te) s-te-gar-nu wa-š- haw-nu wa-š ah alip... – з[...пу]сть не говорит богам⁶⁸⁶ плохое слово...»⁶⁸⁷. Термин этот выступает в хеттских источниках иногда с присоединенными к нему показателями: засвидетельствованы, например, случаи

⁶⁷⁸**Бардавелидзе В. В.** Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. – Тбилиси. 1957, с. 198 – 199.

⁶⁷⁹Сведения (к сожалению, очень краткие) об этом загадочном существе сохранил нам **Н. С. Джанашиа**. Он переводит его название (**Ах-ду**) как «голова большая», хотя это не совсем убедительно, ибо не исключается связь этого божества (и его названия) с пережитками фаллического культа. **Н. С. Джанашиа** далее пишет: «этот бог у нас уже забывается; со слов матери у меня записано, что этому сильному и гневному божееству приносился в жертву исключительно бугай и то в лесу. Женскому полу запрещалось посещать это моление, семья выбирала красивого бычка в своем стаде или в чужом, откармливала его в течение пяти, шести лет и потом приносила в жертву. Холостить его запрещалось; при жертвоприношении к рогам его прикрепляли по одной свече. «**Акваквары**» (вареники грушевидной формы с начинкой из сыра), **должны быть непременно пшеничные**. Кожа принадлежит молельщику». (**Джанашиа Н. С.** Статьи по этнографии Абхазии. с. 70).

⁶⁸⁰**Балкаров Б. Х.** Указ.соч. с. 45.

⁶⁸¹**Kammenhuber A.** Das Hattische. Altkleinasiatische Sprachen // «Handbuch der Orientalistik», 1, Abt., 2. Bd., 1-2 Abesh, Ltr2 – Leiden-Köln, 1969, s. 441, 447.

⁶⁸²**Там же.** с. 459.

⁶⁸³**Forrer E.** Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches. // ZDMG, 2, 1922, s. 230.

⁶⁸⁴**Laroche E.** Études “protohittites” // PA, 41, 1947, № 1– 4, p. 75, 77.

⁶⁸⁵**Kammenhuber A.** Указ. соч. с. 447, 459, 468, 473, 497.

⁶⁸⁶Или «в отношении богов», «в отношении людей» и т.д.

⁶⁸⁷**Дунаевская И. М.** Протохеттский именной суффикс косвенного дополнения // ВДИ. 1964, № 1, с. 104 – 105.

агглютинации двух суффиксальных именных показателей: ašhaw-un-al, wa-ašhaw-un, wa-ašhar, wa-ašhar-el⁶⁸⁸.

Хотя сравнительного исследования религиозных систем абхазо-адыгских и хеттского народов не проводилось, но даже поверхностное знакомство позволяет думать о наличии большого сходства между этими системами как в целом, так и в некоторых характерных деталях. Одним из ярких примеров этого может служить не только сопоставление хаттско-кавказского «**уашхо**», его функций и атрибутов, но и важнейшее значение и тут, и там имеют параллели форм почитания бога грозы, а также почитания камня. Например, у древних хеттов «царь... в храме совершает (обряд) богу гроз **«пихассасис»**, причем последнее слово выступает как эпитет⁶⁸⁹ бога грозы⁶⁹⁰. Что же касается камня, наличного в абхазской формуле, то в среднехеттский период также засвидетельствованы в источниках особые предписания для служителей **«каменного дома божества»**⁶⁹¹.

Однако если толкование хаттского **uasho** в смысле «бог», **wa-shap** – «боги» является общепринятым, то этого еще нельзя сказать в отношении его сопоставления с приведенными кавказскими лексическими материалами. Так, например, против сближения хат. wa-shaw|p с адыг. wa-šx^oe высказался **Г. Деетерс** на основании того, что в адыгском wa-šx^oe значит «серое или голубое» небо, и загадочное слово интерпретируется им как «молния», «удар грома».⁶⁹² Возражая **Р. Блейхштейнеру**, **Ю. Месарошу**, **В. Георгиеву** и другим, он указывает на несопоставимость абхазо-адыгских форм с протохеттским washab «бог». **Г. А. Климов**, солидаризуясь с **Г. Деетерсом**, пишет: «Абхаз. А-уаш-хъва⁶⁹³ – клятвенная формула, адыгейск., каб. уашхъэ – клятвенная формула. На правах адыгейзма и убых. wašx^oa – клятвенная формула «бог». Мотивируется только на адыгской почве: уа – «небо» + шхъуе – «синее, голубое», а вместе с тем относит его, как и убыхский вариант, к числу исконных слов только адыгских языков, считая, что в абхазский лексический фонд оно проникло, наряду со многими другими адыгизмами, в порядке заимствования из феодальной Кабарды в период ее культурно-политической гегемонии на всем Северном Кавказе, когда кабардинский язык играл здесь, говоря его словами, роль *Lingua franca*».⁶⁹⁴

Однако «**уашхо**» далеко не всегда (например у абхазов) означает небо и молнию, а главное, у некоторых кавказских его носителей (например у убыхов) прямо выражает собой, как и у хаттов, понятие «бог». А что касается заимствования абхазами этого термина из Кабарды в период ее позднесредневековой политической гегемонии, то вряд ли это соответствует действительности, ибо наш термин в абхазском имеет, как видно по всему, гораздо более глубокие корни, чем позднее средневековье, и представлен он здесь в нерасторжимом и очень архаическом словосочетании (уашхуа макъапсыс), а такие фразеологические окаменелости, как правило, всегда относятся к исконному лексическому фонду данного языка и в таком виде почти никогда не заимствуются.

Поэтому скорее всего «**уашхо**» – это общее наследие праязыка абхазо-адыгских народов. Если же говорить о возможности сопоставления западнокавказского «уашхо» с протохеттским **wa-šhaw**, то сторонников этой точки зрения гораздо больше, чем ее

⁶⁸⁸ Там же. с. 103.

⁶⁸⁹ **Ардзинба В. Г.** Рецензия на работу: **H. Otten und V. Souček.** Ein althethitisches Ritual für das Königspaar – Wiesbaden. 1969 // ВДИ. 1973, № 3, с. 201.

⁶⁹⁰ Не является ли слово «макъ-апсыс» в абхазском нераздельном выражении «уашхуа макъапсыс» также какой-то образной характеристикой мифического **Уашхо** посредством выразительной метафоры-прилагательного? В рецензии, в ссылке 19 к данному месту **В. Г. Ардзинба** отсылает по этому вопросу к работе: **E. Laroche.** Recherches sur les Noms des Dieux Hittites – Paris. 1947. p. 69.

⁶⁹¹ **Ардзинба В. Г.** Хаттские истоки социальной организации древнехеттского общества. – М. 1971, с. 6.

⁶⁹² **Deeters G.** Die kaukasischen Sprachen. // Handbuch der Orientalistik. Bd. 7. – Leiden-Köln. 1963, с. 76–77.

⁶⁹³ По-видимому он не учел, что в абхазском это слово с определённым артиклем «А» никогда не произносится, не встречается и в письменном виде.

⁶⁹⁴ **Климов Г. А.** Абхазо-адыгские этимологии. II. (Заимствованный фонд). // Этимология 1966 г. – Москва 1969, с. 293 – 294.

противников (Р. Блейхштейнер, Ю. Месарош, В. Георгиев, Г. Меликишвили Г. Гиоргадзе и др.). Это объясняется тем, что сравниваемые слова полностью совпадают как по форме, так и по своему смысловому содержанию, а такая идентичность вряд ли бывает простой случайностью, если к тому же иметь в виду и другие области хаттской и абхазо-адыгской материальной и духовной культуры, где ученые находят немало разительного сходства.

В частности, **Ю. Месарош**, который не сомневался в родстве абхазо-адыгских языков с хаттским⁶⁹⁵, писал о том, что национальный бог убыхов *waṣḥ^o* а поразительным образом сохранил в себе с дохристианских тысячелетий до настоящего времени имя хаттского бога *ua-aš-ha*⁶⁹⁶.

Г. А. Меликишвили в своих исследованиях не раз ссылается на общность протохеттского *wašhav* и «черкесского» *uašho* как на один из важных фактов, подтверждающих предположение о генетическом родстве между языками названных народов – мертвым хаттским и живыми западнокавказскими языками. Так, в книге «Наири-Урарту» он пишет: «Интересно отметить, что выступают даже отдельные лексические общности между протохеттскими и современными северокавказскими языками: так, например, слово, обозначающее понятие «бог», очевидно, было общим между протохеттским и современными черкесскими языками (протохеттск. *wašhav* ср. с черкесск. *Uašho*)»⁶⁹⁷. Однако это слово мы находим не только в «черкесских», но и во всех, как мы видели, языках абхазо-адыгской группы.

Говоря о близости загро-эламской группы языков к современным кавказским языкам, он обращает внимание на отдельные точки соприкосновения также с протохеттским, например, слово, обозначающее понятие «бог», было общим между протохеттами и касситами (протохеттск. *wašhaw* касситск. *mašhum*, в произношении, очевидно, – *wašhuw*). Выше уже отмечалось, что это самое слово имеется и в современных северокавказских языках»⁶⁹⁸. Эти положения развиваются автором и в других его работах⁶⁹⁹.

Установлено, что хатты, генетически сближаемые с абхазо-адыгской группой народов, внесли огромный вклад в культурную и политическую историю пришлых индоевропейских хеттов-неситов. Некоторые исследователи придерживаются даже того мнения, что само «Хеттское царство возникло в условиях политической гегемонии не неситов, а именно протохеттов»⁷⁰⁰. Особенно значительным было протохеттское влияние в области религиозных верований.

Хеттский пантеон из «тысячи богов» представляет собой пеструю смесь различных ассиро-вавилоно-шумерских, лувийских, хурритских, но прежде всего хаттских мифологических элементов. В нем представлены **Мать-богиня земли**, высший **небесный бог Грозы** из города **Хаттгусас**, «от имени которого нам известно лишь окончание «унас»; его жена **богиня Солнца**; их два сына – бог **грозы** из городов **Нерика** и **Циппаланда** с супругой **Хепой**, изображавшийся с длинным топориком (грозой ведал также бог **Тесуб**, **Тешуб**) и бог плодородия **Телепинус**; бог мужской силы и растительности **Инар**; бог огня **Агнис**, богиня охоты **Рутас**, бог ворот **Апулуна** и т. д.⁷⁰¹. Каждый город, каждая местность, гора и река, каждое явление природы имели

⁶⁹⁵ **Месарош** писал: «Если сравнить вымерший ныне убыхский язык с древнеанатолийским (хаттским) языком, получим заслуживающие внимания доказательства теснейшей генетической связи обоих языков. В особенности грамматический строй этих языков так близок, что вряд ли можно сомневаться в теснейшей связи обоих языков».

⁶⁹⁶ **Meszaros Julius**. Die Päkhy-Sprache. – Chicago. 1934.

⁶⁹⁷ **Меликишвили Г. А.** Наири-Урарту. – Тбилиси. 1954, с. 71 – 72.

⁶⁹⁸ **Там же**. с. 120.

⁶⁹⁹ **Его же**. К истории древней Грузии. 1959, с. 122.

⁷⁰⁰ **Его же**. Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // ВДИ. 1965, № 1, с. 3.

⁷⁰¹ **Замаровский В.** Тайны хеттов. – М. 1968, с. 285 – 286.

своего покровителя. Вот почему в договоре египетского фараона **Рамзеса II** с хеттским царем **Хаттушилем II** (около 1270 г. до н. э.) приводятся в свидетели 1000 богов и 1000 богинь страны хеттов (культы носили оргиастический характер, существовала храмовая проституция, самооскопление, ритуальные пляски; по-видимому, память о царстве хеттов у греков сохранилась и в виде сказания об амазонках⁷⁰²).

И предмет нашего рассмотрения – бог **Уашхо**, видимо, являлся одним из этих многочисленных хаттских элементов в хеттской мифологии, ибо многие имена хеттских богов, как и царей, были неиндоевропейского, а хаттского происхождения (особенно в начальный период истории **Хеттского царства**). И сам язык **хаттов** – коренных жителей этого царства – широко еще употреблялся при богослужениях. А что касается указанной выше лексической встречи, то она является не единственной между хеттским и абхазо-адыгскими языками. Дальнейшее же исследование в этом направлении может привести к установлению новых фактов (в хаттско-неситских билингвах клинописного Богазкейского архива пока выявлено значение лишь около 150 хаттских слов, а одноязычные хаттские тексты пока что вообще не поддаются толкованию).

Подводя некоторые итоги, мы можем констатировать наличие весьма примечательной западнокавказско-малоазиатской лексико-мифологической встречи. Это термин «**уашхо**», представленный в значении строжайшей клятвенной формулы, бога, некой небесной силы как у ряда современных родственных между собой кавказских народов (абхазов, абазин, убыхов, адыгейцев, кабардино-черкесов, у осетин-дигорцев и, может быть, у сванов), так и у протохеттов. Случайна ли такая встреча? Вряд ли, имея в виду полную идентичность фонетического облика и смыслового значения «уашхо» у всех его современных носителей. Дальнейшее изучение вопроса, прежде всего по возможности полная реконструкция образа кавказского «уашхо» и расшифровка новых хаттско-хеттских ритуальных текстов, содержащих, по всей вероятности, данные о загадочном божестве, прольют, надо думать, дополнительный свет на поставленную проблему и сделают более убедительной изложенную здесь точку зрения о генетической связи абхазо-адыгского мифологического образа, с соответствующим протохеттским божеством.

Если между кавказским и малоазиатским «уашхо» существует действительно определенная связь, то это можно объяснить тем, что представления о данном божестве были в свое время заимствованы либо кавказскими горцами у хаттов, либо, наоборот, к последним они проникли от первых, либо же, наконец, и те и другие получили их от предполагаемого общего предка.

По своему первоначальному происхождению композит «уашхо» (а что это сложное слово, вряд ли можно сомневаться) принадлежит тому народу, на языке которого он поддается наиболее убедительному разложению на составляющие его корневые элементы со столь же логически правильным объяснением смыслового значения каждого из них.

С этой точки зрения, на мой взгляд, заслуживают особого внимания абхазо-абазинско-убыхские варианты термина «уашхо» и связанные с ними фразеологизмы – абх. «уашхуа», «уашхуа макъапсыс», абаз. «уашхва», «уашхва татартуп», убых. «уашхва», о которых говорилось выше. Здесь, как мне кажется, стоит привести предположительно припев, одной из несохранившихся песен абхазских моряков. Его я записал в 1960 г. со слов одного поквешского старика: «Ехе-хеи, дыбуаџмыџуа, иашхуари дымгари!»⁷⁰³. Теперь этот фрагмент песни малопонятен, в нем слово «Иашхуари», возможно означает морское божество (или обращение к нему), а «дымгари» – «ты возьмешь его» или «ты получишь его» («человека»). Как считал **А. Н. Грен** абхазская легенда о морском божестве Хаите

⁷⁰²Тураев Б. А. История Древнего Востока. Том I. – Л. 1935, с. 310 – 311.

⁷⁰³Записано от **Пачулия Нарика**, который слышал припев от умершего 1947 году жителя с. Пакуаш **Кягусы Аджинджал**.

«доказывает, что у абхазов практиковались человеческие жертвоприношения морю – детей мужского пола»⁷⁰⁴.

Положение о существовании тесных взаимоотношений между Восточной Анатолией и Закавказьем с древнейших времен является общепризнанным. **С. Барней** даже ввел в научный обиход термин «культурная зона Восточной Анатолии – Закавказья». Меллаарт же рассматривает северо-восточную Анатолию, Колхиду и Грузию как членов одной восточно-анатолийской культурной среды⁷⁰⁵. Таким образом, форреровское предположение о близости хаттского языка к группе кавказских языков «находит все более широкое признание в научной литературе»⁷⁰⁶. А по мнению упомянутого варшавского лингвиста Яна Брауна, хаттский язык не только обнаруживает явное сходство с языками абхазо-адыгской группы (особенно абхазским) на всех уровнях – фонетическом, морфологическом, лексическом, но вместе с тем хаттские тексты религиозного и мифологического содержания середины II тыс. до н. э. можно с известным основанием рассматривать одновременно и как древнейшие памятники самих абхазо-адыгских языков.

Но даже отвлекаясь от всего этого, рассмотренный термин представляет собой большой научный интерес и с точки зрения древнего исконно общего культурного наследия абхазо-адыгских народов⁷⁰⁷.

3. Этногенетические предания и генеалогии

Едва ли не самым ранним этногенетическим преданием, записанным из уст местных жителей Колхиды, является широко известный рассказ Геродота об египетском происхождении колхов. В античной литературе довольно долго и прочно держалось это высказывание «отца истории» об одноактном переселении колхов из Египта. Например, **Дм. Бакрадзе** во второй половине XIX в. писал: «Абхазцы получили свое начало от египетской колонии, которую **Сезострис** великий в XII в. до Р. Х. водворил на берегах Понта Эвксинского, в доказательство чего **некоторые из новейших авторов указывают на сходство абхазских физиономий с чертами лица, сохранившимися на египетских мумиях**, на удержавшиеся в их языке коптские слова, на обычаи, общие в жизни обоих народов, и даже на некоторые древние колхидские монеты, имеющие стиль египетских монет»⁷⁰⁸.

Египетский царь **Сезострис**, или **Рамсес II**, живший в XIII в. до н. э., совершая свои нашумевшие в древности походы, со своим войском «прибыл, – пишет **Геродот**, – к реке Фасису, я не могу с точностью сказать, сам ли царь **Сезострис**, отделив некоторую часть своего войска, оставил там для заселения страны или же некоторые из его воинов, недовольные его странствиями, остались на реке Фасисе. Ведь колхи, очевидно, египтяне: я высказываю это мнение, сам пришедши к нему прежде чем слышал от других,

⁷⁰⁴ **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. – Сухуми, 1965, с. 225.

⁷⁰⁵ **Mellaart J.** The End of the Early Bronze Age in the Anatolia and the Aegan. //AJA. vol. 62, N1, 1958. p. 9.

⁷⁰⁶ См. указ. рец. **Т. В. Гамкрелидзе, Г. Г. Гиоргадзе, Э. А. Менабде** на книгу **А. Гётце**. // ВДИ. 1961, № 3, с. 147.

⁷⁰⁷ Некоторые существенные элементы материальной и духовной культуры, отличаясь поразительной живучестью, передаются из поколения в поколение сотни и тысячи лет, иногда со времен каменного века. Например, археологу **А. Деревянко**, который в далеком прошлом ищет и находит связь с настоящим, удалось наметить явные следы этнокультурной преемственности между неолитическим и нынешним населением Приамурья. Оказалось, что точно такие же орнаменты, как на глиняных сосудах каменного века, извлеченных из древних амурских жилищ, имеются и в современности. Высокое искусство неолита – материнская почва, на которой выросло живое древо художественного творчества амурских народностей – нивхов, ульчей, нанайцев и других коренных поселенцев Дальнего Востока. И тут и там мы видим одинаковый художественный стиль (акад. **Окладников А. П.** Ученый **А. Деревянко**. // «Комсомольская правда», 2 марта, 1974).

⁷⁰⁸ **Бакрадзе Д. М.** Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии // «Кавказ». 1860, 49.

а так как это заинтересовало меня, то я расспрашивал тех и других, и колхи лучше помнили египтян, нежели египтяне колхов. Египтяне говорили, что, по их мнению, колхи происходят от **Сезострисова** войска. Сам я предположил это потому, что колхи темнокожи и курчавы. Впрочем это ничего не доказывает, так как есть и другие народы с подобными приметами. Гораздо важнее то обстоятельство, что колхи, египтяне и эфиопы одни из всех людей искони совершают обрезание... Сирийцы... и соседние с ними макроны говорят, что недавно научились этому у колхов. Теперь я приведу еще другое доказательство родства колхов с египтянами: они и египтяне одни только обрабатывают лен и притом одинаковым способом, и вообще весь образ жизни их и язык представляют взаимное сходство. Колхидское полотно у эллинов носит название сардонического, а привозимое из Египта называется египетским»⁷⁰⁹ (ср. слово «сардоническое» с абх. названием ткацкого станка – (асыр^ты).

Однако допускаемое **Геродотом**, отождествление колхов с египтянами считается у специалистов плодом научного недоразумения, прежде всего в силу отсутствия решающего условия такого отождествления – генетического родства между соответствующими языками, принадлежащими, как известно, к совершенно разным языковым семьям.

По истечении более двух тысячелетий турецкий путешественник XVII в. **Эвлия Челеби** записывает другое, несравненно более позднее предание об южном (арабском) происхождении абхазов. Согласно этому преданию, предком абхазов был **Абаз** – пятый сын некоего из арабов по имени **Баша-Мелек**, бывшего в 647 году (около 25 года хиджры) владельцем **Ятреба**, **Басы**, **Адена** и **Сабы**. По смерти отца сыновья по обстоятельствам вынуждены были бежать в **Антиохию**, затем в **Албанию**, оттуда в разные стороны – **Конию** и **Константинополь**. В конце концов **Абаз** досталась страна, называемая поныне его именем, т. е. **Абхазия**⁷¹⁰.

Яков Рейнегс в XVIII в., а после него и **бар. Аш** в 1830 г. тоже зафиксировали легенду об африканском происхождении абхазов. «**Сами абхазцы**, – писал последний, – не согласуются в своем происхождении: некоторые полагают **оний от армян**, другие же

---

⁷⁰⁹ **Геродот** // ВДИ. 1947, № 2, с. 256.

⁷¹⁰ Вот соответствующий текст в полном виде. «Но пора возвратиться к преданию о происхождении абхазов. По достоверным известиям, во время халифа Омара, около 25 года геджры, некто из арабов, по имени **Баша-Мелек**, был владельцем **Ятреба**, **Басы**, **Адена** и **Сабы**. У него было пять сыновей: первый назывался **Джебелъ-уль-гиммет**, второй – **Араб**, третий – **Кису** имел трех сыновей: **Каис**, **Мевали** и **Тай**; четвертый назывался **Лазки**, пятый – **Абаз**. По смерти отца власть над коленом перешла к старшему сыну **Джебелъ-уль-гиммет**, которого Омар приговорил к лишению глаза за то, что он случайно вышиб глаз у одного араба. В ту же ночь **Джебелъ-уль-гиммет**, взяв с собою четырех братьев своих, искал убежища в Антиохии у императора **Ираклия**, который его наделил горами Сирийского Триполиса. Тут он построил город **Джебелъ**..., который и ныне так называется. Когда он оттуда предпринял несколько грабительских набегов на окрестности **Дамаска** и **Мекки**, **Халед-бен-Велид** и **Эсвед-вен-Мокдад**, победивши, заставили его бежать. Он сел на корабль и отправился в Албанию, где поселился в горах Авлони, населенной ныне так называемыми корейшитскими албанцами; песни их имеют напев арабский, и они ведут свой род от **Джебелъ-уль-гиммета**, который был погребен близ Ильбессана. Его потомки отступили от ислама и обитают в горах **Дуката**... между Авлонию и Делонию. Они смуглого цвета, подобно арабам, имеют густые волосы. Оставим теперь **Джебелъ-уль-гиммета**. Брат его **Араб** с тремя племянниками **Каис**, **Тай** и **Мевали** отведены были пленными **Халед-бен-Велидом** в **Геджас**, где **Каис** и **Тай** стали во главе колен, названных по их именам. Дядя их **Араб** сделался обладателем **Омана** и **Кису**, их отец и его два брата, **Лазки** и **Абаз**, обращенные в бегство **Халед-бен-Велидом**, прибыли сначала в **Конию**, а затем в **Константинополь**. Услышав там, что **Моавия**, сын **Эби-Софиана**, приближался к сему городу, он искал убежища в **Трапезунте**. Здесь побережье **Джоруга** с замком **Гонии** было уступлено лезгам, которые также происхождения арабского. Брату **Кису** достались горы черкесов, которые по сему, подобно лезгам, гордятся тем, что они корейшиты. **Абаз** получил страну, называемую поныне его именем, Итак, черкесы, лезги, абазы, албанцы, арабские колена **Тай** и **Кис** принадлежат к фамилии **Корейш**. Так Бог населяет землю; Бог делает то, что ему угодно и распоряжается по своему благоусмотрению!» (**Челеби Э.** Путешествие турецкого туриста по восточному берегу **Черного моря**. // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Том 9. – Одесса. 1875, с. 161 – 188).

подтверждают, что **предки их были выходцами из Египта** или, может быть, из **Абиссинии**, ибо абхазцы себя называют **Абсне**»⁷¹¹.

В первой половине XIX века польский автор **Теофил Лапинский**, основываясь, как он подчеркивает, «исключительно на народных преданиях», так рассказывает о происхождении северных (адыге) и южных абазов. По его сведениям, абазы родственны с шуханетами и осетинами, считают себя за один народ с арнаутами (албанцами). У них существует предание, что два брата со своими семьями пришли с юга к реке Евфрат, откуда один направился на северо-восток, а второй – на северо-запад. Согласно же другому преданию, абазы некогда обитали на большой реке **Абаза (Алаза), впадающей в Черное море**, и за несколько сот лет переселились на северо-запад, ближе к берегам Черного моря, причем при своем продвижении на север они встретили армяно-грузинские, греческие и генуэзские поселения вдоль берегов Черного моря, смешиваясь при этом со здешними жителями⁷¹².

Эти же сюжеты и версии у самих абхазо-адыгских племен также имели, говоря словами **Дж. Ст. Белла**, «всеобщее распространение». **Белл** пишет: «Князь повторил нам историю происхождения названия «черкес». История эта – скучная (или, по крайней мере, смешанная с легендами и сказками), но она имеет такое всеобщее распространение (**Потоцкий** в 1797 году слышал часто эти предания в Кабарде), что заслуживает некоторого внимания. Черкесы, албанцы и курды, гласит легенда, являются потомками трех братьев князей **Арабистана**. Один из этих братьев каким-то образом лишил одного человека глаза, и последний отказался от всякого другого удовлетворения, кроме «lex talionis». Дело было представлено на суд **Калифа Омара**, который решил, что потерпевший имеет право требовать соблюдение закона возмездия – «око за око». Вследствие такого решения все братья бежали из своей страны в **Кара-Хисса (Малая Азия)**. Там до них дошла весть из Арабистана о том, что они могут вернуться в свою страну, так-как изувеченный человек согласен на всякое возмещение причиненного ему зла, какое они предложат, но братья, однако, решили искать счастья в других местах. Когда они покидали дом, где они обрели себе убежище, каждый произнес слово, от которого и произошло имя его народа»⁷¹³.

---

⁷¹¹**Рейнеггс д-р.** Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа, II. – СПб. 1787, с. 4 – 5 (на нем. яз.); **Бар. Аш.** Военно-статистическое обозрение страны, заключенной между Мингрелией, Крепостью Анапой, Черным морем и Северо-Западной частью Кавказского станного хребта (составлена подпоручиком гвардейского генерального штаба бароном **И. К. Ашем** в 1830 – 1831 гг.) // **ЦГВИА, ВУА.** Ф. 414, № 310, л. 4.

⁷¹²Более полный текст предания гласит: «Абазы... принадлежат к индоевропейской расе и родственны по племени и языку с обитателями христианского княжества Абазией, шуханетами и осетинами... Абазы называют себя также адыге и так же, как и все абазы, считают себя за один народ с живущими в европейской Турции арнаутами, или албанцами, которые со своей стороны на них смотрят как на братьев. Между ними существует предание, что два брата со своими семьями пришли с юга к реке Евфрату; здесь они расстались, и один направился на северо-запад, другой – на северо-восток. Между другими преданиями есть одно, которое говорит о том, что народ этот раньше обитал на большой реке, под названием Абаза, впадающей в Черное море, но что уже за несколько сот лет тому назад переселился на северо-запад, ближе к берегам Черного моря. Действительно, на юго-востоке Кавказа протекает довольно значительная река, называемая впрочем Алаза, а не Абаза. Расположение или конфигурация равнины перед Дарьяльским ущельем, населенной абхазскими племенами могло бы с поразительной верностью подтвердить справедливость сказаний о переселении абазов с юго-востока на северо-запад. Страну, которую по преданию населяли абазы, можно найти на старых картах под названием Албания... Название адыге, которое себе присваивают северные абазы в отличие от южных, согласно их объяснениям, составлено из слов «аде» («после» или «позднее») и «ге» («быть», «приходить») и обозначает «позднее пришедшие» или «позднее переселившиеся...». Абазы встретили при своем продвижении на север армяно-грузинские, греческие и генуэзские поселения вдоль берегов Черного моря...» (Горные народы Кавказа и их борьба за свободу против русских. На основании личных наблюдений составил **Теофил Лапинский (Тефик-Бей)**, полковник и командир польского отряда в стране независимых кавказцев. Том I. – Гамбург./ Перевод с немецкого **Н. А. Данкевич-Пушиной**. Рукописный отдел библиотеки Абх. ин-та, № 164, с. 62 – 65).

⁷¹³**Белл Дж. Ст.** Письма о пребывании в Черкесии в 1837-1839 гг. / перевод **Н.А.Данкевич-Пушиной**, с. 457 – 458.

А вот, что говорит еще одна старая албанская легенда.

«На юге от реки Евфрат в незапамятные времена жили два семейных брата. Были они очень богаты: не было счета их коням, верблюдам, рабам. Но вот разгневался творец на ту землю и послал засуху. Погибла большая часть стад, умирали с голоду люди. И тогда братья в поисках новых мест, пошли на север. Дошли до высоких гор, где буйные потоки мчатся по дну пропастей, а седые облака разрывают грудь свою о вершины бесплодных скал.

– Это и есть обетованная страна! – сказал один брат. – Видишь, сколько тут воды? Засухи нечего опасаться. И травы всегда хватит для наших стад! Но другой брат не захотел оставаться здесь и они расстались. Старший – его звали **Абхазом** – остался в приглянувшихся ему горах Кавказа, младший – его звали **Наутом** – пошел дальше, обошел Черное море, пересек Балканы. И наконец, увидел горы, походившие на те, которые задержали **Абхаза**. – Эти горы будут моими и детей и внуков моих! – сказал **Наут**. И раскинул свой стан там, где теперь стоит город **Эльбассан**. **От старшего, Абхаза, пошло самое воинственное племя Кавказа – абхазы, родные братья албанцев. От Наута пошли арнауты, или албанцы, – самое неукротимое племя в мире».**⁷¹⁴

Абхазы с албанцами не имеют ничего общего, тем не менее **Ц. Н. Бжания** в ауле **Псыж** записал предание, согласно которому абазы когда-то жили среди арнаутов. Можно добавить, что название «**Арнаут**» сохранилось и в Абхазии в качестве одного крестьянского фамильного имени (сел. Лыхны).

Таковы некоторые приведенные мной этногенетические предания, зафиксированные в разновременных письменных источниках.

А что рассказывают сами современные абхазы о своем происхождении?

Местные сказания и легенды гласят, что абхазская земля была населена людьми со времен глубочайшей древности. Согласно одному преданию, некогда в ущелье Бзыпи жило племя могучих великанов-людоедов **Адауы**, с семью головами на плечах, имевших во лбу по одному глазу. Они долгое время разбойничали в стране, наводя ужас на окрестных жителей, пока не явились сюда богатыри **Нарты** и не победили их (между прочим, один курган в этом ущелье, снесенный во время строительства шоссейной дороги на озеро **Рица**, пользовался известностью у местного населения как «место гибели (пропажи) великана» Адауы изырта⁷¹⁵). Однако некоторые информаторы **М. М. Ампар** и другие говорили, что в старое время некоторые старики считали этот курган был могилой нарта **Сасрыквы**.

Существуют народные предания и о «лесных людях» (**абна-уаа**), которые изображаются чрезвычайно дикими существами, жившими охотой и обитавшими в глуши девственных лесов Абхазии. Рассказывают, например, что и ущелье **Абавюа** (**Абаџа**) являлось таким обиталищем диких людей. Эти злые и страшные существа имели длинные волосы, одевались в звериные шкуры, а на груди у них всегда висел небольшой топорик, который служил им оружием в борьбе с противниками⁷¹⁶.

Широкой известностью пользуются легенды об абхазских гномах – карликах **Ацанах** и сменивших их или современных им богатырях-нартах, как о древнейших человеческих родах, населявших горную Абхазию. По поверьям же черкесов карлики, называемые у них **Спи**, населяли весь горный Кавказ.

⁷¹⁴Первухин М. К. Страна белых гор. (Албанские впечатления). //«Природа и люди». 11, 1916, с. 172.

⁷¹⁵Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии // ТОИПКГЭ. – Л. 1941, с. 18.

⁷¹⁶У приморского черкесского племени хакучей также существовали поверья, согласно которым и в их лесах обитают «лесные люди» (**мезлануквы**) с привешенными постоянно на груди маленькими топорами, которые бросаются на человека и убивают его. Абхазские «**абнаюы**» и черкесские «**мезлануквы**» почти тождественны персонажам поверий осетинских, дагестанских и других горских народов Кавказа, носивших названия **мезцыф**, **джиннеф** и др. Известны дикие лесные люди и мегрелам, называющим их «**очокоччи**» (**Альбов Н. М.** Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 году // ЗКОИРГО. кн. XVI, с. 146).

Согласно мифу, после того как ацаны за богохульство волею Всевышнего были истреблены пожаром, «явились абхазы и заняли страну»⁷¹⁷. Не полностью исключается, что ацанский миф является, возможно, отдаленным отражением какой-то смены населения на территории древнейшей горной Абхазии или всего горного Кавказа, учитывая адыгский вариант о Спи, хотя отсутствуют какие-либо другие материалы, научно подтверждающие такое предположение.

В одном из поздних абхазских нартских сказаний повествуется о походе **Нартов** в страну черных «арапов» (арагъкэа) с белыми зубами и о том, как они подружились с ними и как «арапы» вместе с **Нартами** прибыли затем в Абхазию, где и осела часть из них. Их потомками являются будто бы те негры, которые до недавнего времени жили в с. **Адзюбжа** Очамчирского района, в с. **Ачандара** Гудаутского района и в некоторых других селах.

Выше уже указывалось об идущей от **Геродота** прочной античной традиции о происхождении колхов из **Египта**. И у современных абхазов до сих пор сохраняются подобные же легенды об их выходе из Египта или Малой Азии. Так, 145-летний **Мажагв Адлейба** (с. Отап) рассказывал, что в Абхазии было много арабов, вышедших из **Мысра (Египта)**.⁷¹⁸ Возможно, предание о происхождении из Египта имеет под собой реальную основу. Абхазы в течение столетий служили во вспомогательных войсках римской, а затем византийской армий. Их конные отряды стояли и в Египте, как видно с конца III в. и до начала V в. н. э. («Ала прима абазгорум»). Возможно, смутные воспоминания об этом, переродившись в фольклорное предание и дожили до наших дней.

Особого внимания заслуживает распространенное народное предание, один из вариантов которого, записанный автором этих строк, гласит следующее:

Абхазы вышли из страны арапов (**Рапстан**), которые делились на две группы: «черных и белых. Абхазы произошли от последних. Черные придерживались закона: око за око, зуб за зуб, и на этой почве между черными и белыми возникла война. Потерпев поражение и вынужденные покинуть родину, белые арапы (арагъ) направились на север. Шли долго. Однажды, когда они ночевали на большой поляне, вдруг просыпается одна старуха и, рыдая, говорит:

– **Хазаратаалы (Хазрет-Али?)** преследует нас на своем коне **Дулдул**. Перережет всех нас своей саблей (**Хазаратаалы** считался святым военачальником или полководцем среди арапов).

– Что же нам делать? – обратились к ней гонимые.

– Принесите мешок пшеничной муки, соль и сито. Ничто, кроме хлеба-соли, нас не спасет, – сказала им вещая старуха.

Подали ей все то, что она потребовала. По ее повелению весь народ разместился посреди поляны, а она обошла сородичей кругом, сея через сито муку и соль. Когда же показался на горизонте **Хазаратаалы**, она вышла вперед и стала на колени. То же сделал и весь ее народ. **Хазаратаалы** на **Дулдуле** летел прямо на них, размахивая саблей. Но конь его вдруг остановился, как вкопанный, не смея переступить хлеб-соль. При этом старуха обнажила свою грудь и обращаясь к преследователю сказала:

– Сын мой, не это ли взрастило и тебя? Не убивай нас. Отпусти! Мы уходим, никому зла не желаем.

Так и не удалось **Хазаратаалы** добраться до них. Не смея наступить на хлеб-соль, он повернул и ушел обратно, сказав:

– Сегодня, покидая нас, вы повернулись к нам спиной. Но со временем снова обернетесь сюда лицом!

А беглецы двигаясь дальше, осели временно на земле «армян». Но последние напали на них и многих истребили. Отомстив им, когда те были собраны в большом храме, белые люди отправились дальше и достигли **Кубани** (в одном из вариантов – **Псху**).

⁷¹⁷ Гулиа Д. История Абхазии. Том I. – Тифлис. 1925, с. 106.

⁷¹⁸ Басария С. Редкие случаи долголетия в Абхазии // Избранные сочинения. – Сухуми. 1967, с. 53.

Почувствовав, однако, что не могут вынести здешнего холода, они отправили гонцов на поиски теплых мест. Последние попали в **Абхазию**, которая в то время была вся покрыта лесом. Первые переселенцы обосновались сперва на **Лыхненской поляне**. Затем из-за гор постепенно стали стекаться к ним и другие их сородичи. Так и заселили всю страну. Но часть из них все же осталась на севере – это абазины.

В одном из вариантов этой легенды, приводимом и **Д. И. Гулиа** в своей «Истории Абхазии» в записи **В. Чалмаза**⁷¹⁹, говорится, что абхазы в старину жили в **Мсыре**, то есть **Египте**, и в его окрестностях. У них был свой царь, который взял на воспитание сына какого-то соседнего великого правителя. При отсутствии царя-воспитателя мальчику во время игры выкололи глаз. Боясь гнева царей, абхазы покинули свою страну, решив поселиться где-нибудь далеко в другом месте, и двинулись на север. Далее повествуется о погнавшимися за ними на **араше** пророке, о хлебе-соли которую переступить он не смог, а затем в основном как в приведенном выше варианте⁷²⁰.

Кутолский старец **К. У. Куталандиа** рассказал другой вариант легенды:

«Некогда абхазы жили у арабов. Оттуда они убежали. За ними погнался святой и догнал их в Абхазии. Испугались абхазы, что покарает он их и, спасаясь от гибели, рассыпали на его пути раскрошенный хлеб и соль, и ни мчавшийся на **араше** святой, ни его конь не посмели переступить такую преграду, и святой изрек:

«Эй, гиди, умбарак! Пусть тот, кто не чтит тебя (хлеб-соль), погибнет от голода, а кто чтит тебя достойным образом, да не останется никогда без куска хлеба. И пусть эта земля будет спасительницей для каждого страдающего!»

Абхазы усыновили святого, дав ему прикоснуться губами к груди своих женщин. После этого он оставил их в покое и вернулся к себе. Вот так Абхазия стала благословенной страной. Многие ее топтали, но всегда она восставала из-под сапог насильников.⁷²¹

Согласно другому преданию, абхазы вышли из Абиссинии. Рассказывают, что некогда жители **Абиссинии**, совершавшие преступление, ссылались в район современной **Мюсеры** (по-абхазски **Мсра**, Гудаутский район). Пункт, где их высаживали, до сих пор называется «**Местом наблюдения за кораблями**» (**Ббагъшыра**). Сюда раз в год прибывал корабль с новыми преступниками и увозил отбывших срок наказания. С нетерпением ждали ссыльные прибытия корабля и перед этим посылали на вышку человека с медной трубой, чтобы он, заметив приближающийся корабль, затрубил и оповестил об этом всех. Эту обязанность несли все по очереди, чтобы корабль не проплыл мимо. Шло время, и постепенно многие ссыльные стали привыкать к своему новому местожительству. Оно им понравилось, так как здесь была хорошая плодородная земля, было много лесов, полных пчел и всякой дичи. В конце концов они отказались от возвращения на родину и попросили команду очередного корабля передать царю Абиссинии их просьбу прислать к ним их жен и сестер. Царь согласился, но их жены, боясь обмана, отказались ехать. Они решили, что их отправляют не к мужьям, а на тяжелые работы. Тогда царь дал им бумагу, в которой было дано обещание, что их никто не заставит работать. Только после этого они согласились ехать к мужьям и братьям⁷²².

Высказывались версии и о греческом происхождении абхазов. Вот, например, что писал **Гамба**: «**Искусство постройки кораблей на побережье Черкесии и Абхазии значительно более развито, чем на берегах Хопи и Фаза**. В Сухум-Кале мы заметили на берегу три таких корабля, которые во времена **Страбона** назывались самагае, плавали по Черному морю, со множеством пиратов. Двадцать четыре гребца свободно размещаются в своих ладьях, но т.к. в настоящее время суда эти не удаляются на большое расстояние от

⁷¹⁹**Чалмаз В.** Абхазское хлеб-соль. // Газ. «Апсны». 28, 1919 год.(на абх.яз.).

⁷²⁰**Гулиа Д.** История Абхазии. с. 103 –104.

⁷²¹**Кадыр Урысович Куталандзия**, 100 лет, с. Кутол Очамчирского района, записано автором 20 августа 1967 года.

⁷²²**Мада Хагуш**, 60 лет, с. Бзыль Гагрского района. Записано автором в июне 1962 года.

берега и выходят в море обычно только в хорошую погоду, то уже не ставят небольшой наклонной крыши для того, чтобы защитить себя от волн во время сильных бурь. На таких ладьях готы, обосновавшиеся в III веке в Крыму, причалили к берегам Азии. **Эти ладьи, неизвестные в Мингрелии и сохранившиеся по традиции у черкесов и абхазов со времен самых древних, не являются ли новым доказательством греческого происхождения народов, обитающих по берегам Черного моря от Анапы до Илори?»**⁷²³.

Древние греки знали предания о «пеласгийском» происхождении некоторых племен Кавказского Причерноморья – гениохов и зигов: «... **гениохи и зиги, чада земли пеласгийской...**», «... гениохи и зиги племя очень дикое, происходящее, по преданию, от пеласгов»,⁷²⁴ **а ахеев производили от древних ахейских греков.** «Говорят, – писал Аппиан, – что они, возвращаясь из-под Трои, бурей были занесены в Понт, и много страдали от варваров, как эллины»⁷²⁵ и др.

Кроме общенациональных этногенетических преданий, у абхазов имеются и локальные, а также многочисленные фамильные генеалогии, которые зачастую также ведут происхождение тех или иных родственных групп с юга или севера, или просто «из-за гор» или «из-за моря».

Вот, например генеалогия рода **Ампар**. Согласно семейным преданиям, предки их рода или племени некогда морским путем прибыли в Абхазию и обосновались на территории современного села Калдахвара. Здесь они размножились. В благодарность благополучного прибытия по морю они ежегодно совершали жертвоприношения богу моря у места высадки, на самом берегу⁷²⁶.

И у черкесов тоже есть предания об их южном (арабском, египетском, арнаутском, то есть албанском) происхождении. Например, существует очень близкий черкесский (адыгский) вариант вышеприведенной абхазской легенды о **Хазаратаалы**, переданный **Н. Каменевым**: «В окрестностях Синопа и Анатолии обитало неизвестное по происхождению племя, поклонявшееся **Тлешу**, богу огня и **Мезитху**, богу лесов. Племя это не было многочисленным, но отличалось богатством и крепкой, как сталь, организацией, под управлением старейшин, которым доступны были все тайны природы. Когда в Анатолии началось распространение ислама, пророк **Магомет** послал своего полководца **Хозрет-Али** к Синопу. Здесь полководец собрал старейшин племени и предложил им принять ислам под угрозой наказания мечом и огнем. На это предложение и угрозы мудрые старейшины ответили полным молчанием. **Хозрет-Али** повторил свое приказание. Старейшины молчали. Взбешенный полководец, в порыве гнева, схватился за рукоять меча, чтобы тут же наказать дерзких ослушников. Меч также оказал молчаливое сопротивление и остался в ножнах, несмотря на все усилия могучего воина. Произошло нечто чудесное. Разгневанный полководец не обратил на это внимания и пришпорил своего одаренного сверхъестественными свойствами **коня Дулдул**, чтобы раздавить упорных молчаливиков. Но и всегда послушный чудесный конь не двинулся с места. Тогда и **Хозрет-Али** понял, что это было чудо. Считая старейшин отверженными богом людьми, полководец **Магомета** оставил край, а старейшины создали народ и воздали хвалу **Мезитху**, богу лесов, хранителю таинственной тишины их»⁷²⁷.

Согласно другому преданию, правящий класс адыгов произошел от владетелей, княживших некогда в Египте. Разгромленные турками, они якобы бежали оттуда и,

⁷²³ **Гамба Ж.** Путешествие по Южной России и Закавказским провинциям в 1820 – 1824 годах. Том I. – Париж. 1826 г., с. 89 – 90 / Перевод **Н. А. Данкевич-Пушиной**. Рукописный фонд АБИЯЛИ, д. № 50, с. 14 – 15.

⁷²⁴ **Дионисий.** Землеописание. // ВДИ. 1948, №1, с. 240, 251; **Евстафий.** Комментарии к «Землеописанию» Дионисия // ВДИ. 1948, № 1, с. 251.

⁷²⁵ **Аппиан.** Митридатовы войны. // ВДИ. 1948, № 1, с. 283, 285. См. и **Страбона**, с. 394, 470.

⁷²⁶ **Махаид Мачагович Ампар**, 80 лет, с. Калдахвара. Записано автором в июне 1962 г.

⁷²⁷ **Щербина Ф. А.** История Кубанского казачьего войска. Том II. – Екатеринодар. 1913, с. 16 – 17.

появившись (после некоторого пребывания в Крыму) у адыгов, «навели среди них порядок» и организовали государственную власть. Шестым представителем этой династии был **Инал Одноглазый**, который, как полагают, являлся личностью исторической. От него вели свое происхождение кабардинские феодалы⁷²⁸. В другой легенде, записанной **Л. И. Лавровым**, рассказывается, что шапсуги вместе с абадзехами, натухайцами и убыхами некогда составляли одно самостоятельное племя, а их общие предки пришли из **Малой Азии**. А до этого Черкессию населяли древние великаны и карлики **Спи**, которые хитростью заставляли великанов строить им дольмены, называемые по-черкесски «домами карликов».

Вот еще одно предание: Когда-то, очень давно, где-то в Месопотамии или Аравии, было **Арнаутское царство**. У царя арнаутов было два сына. Однажды, играя, один царевич нечаянно выбил другому глаз. А закон требовал око за око, руку за руку, голову за голову. Боясь мести, царский сын сел со своими товарищами на корабль и поплыл через море. Долго плавали они по волнам, пока не пристали к берегу в том месте, где теперь г. Анапа. Ведомые пророчицей, они вышли на Северный Кавказ и поселились в местности **Туба**⁷²⁹.

В 1962 г. и автором этих строк записано слегка измененное то же предание о двухэтапном переселении шапсугов из Ближнего Востока (**Шам**), где будто бы находилась первая родина этого племени (**Шаамгъсыб**). Предводительницей переселенцев являлась молодая героиня под тем же именем **Харабз**, т.е. «**арабка**», которая, умирая, как и в записи **Л.И. Лаврова** велела похоронить ее в таком месте, где вынутая земля вся бы улеглась обратно в могильную яму вместе с ее телом.

Таким образом, не только в античной литературе прочно держалось мнение, что колхи – потомки переселенцев из Египта, но и у современных черкесов и абхазов до сих пор сохраняется та же видоизмененная легенда о выходе из Египта, вообще с юга⁷³⁰, хотя следует помнить, что этногенетические предания о «прародине» почти всегда несут в себе очень значительную долю вымысла, а нередко и элементы всякого рода невероятных позднейших наслоений.

В приведенных здесь и других фольклорных материалах мы встречаемся с двумя группами преданий – генеалогических и этногенетических. В генеалогиях представлены как аборигенная, так и миграционная версии происхождения отдельных родоплеменных групп. Согласно местным преданиям, древнейшими, коренными жителями Абхазии (как и Черкессии и всего Кавказа, по преданиям черкесов), являются не только легендарное карликовое племя ацанов, которым приписывается строительство сохранившихся до наших дней древних каменных оград в горах (ацангуары)⁷³¹, но и некоторые реально существующие поныне древние абхазские родовые группы, прежде всего род **Ануа**, а также **Джопуа** из сс. Тамыш и Члоу⁷³² Очамчирского района и др. Представители рода Ануа, как гласит предание, не покинули Абхазию даже и тогда, когда средневековый «царь Абхазии» (**апсха**), преследуемый «северокавказскими»⁷³³ князьями **Ачба**, ушел будто бы навсегда на восток со своим народом⁷³⁴.

Если же исходить из традиционных рассказов миграционного содержания, то многие роды внутренней Абхазии являются будто-бы пришлыми, в основном «из-за гор» (**Нхыц**), то есть из Садзена, Ахчипсы, особенно Псху и его окрестностей, а также Северного

⁷²⁸Кабардинский фольклор. – М. – Л. 1936, с. 628 – 629.

⁷²⁹**Лавров Л. И.** Из поездки в Черноморскую Шапсугию // СЭ. 1936, № 4 – 5, с. 127 – 128.

⁷³⁰**Токарев С. А.** Этнография народов СССР. – М. 1958, с. 222.

⁷³¹**Инал-Ипа Ш. Д.** Абхазский миф о карликах и их горных постройках // В кн. **Инал-Ипа Ш. Д.** Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971, с. 57 и сл.

⁷³²По преданию, **Ануа** первоначально обитали в Сатамаше (в 15 км юго-восточнее устья **р. Кодор**), а **Джопуа** – в районе **Сочи**, где занимали «**Великанские леса**» (**Адау ибнара**).

⁷³³Под **Нхыц** (**Нхы79**) понимаются как внутренние горные области Абхазии (напр., Псху и др.), так и Северный Кавказ.

⁷³⁴**Инал-Ипа Ш. Д.** Указ. соч. с. 229.

Кавказа – **Ачба, Маршан, Капба, Адлейба, Инапшба** и др. Например, представители разбросанной по Абхазии фамилии **Зухба** (генетически связаны, как видно, с «азаху», то есть с античными зихами), некогда переселились в Абхазию, как и часть других родственных групп или их родоначальники.

Называют разные причины таких переселений, среди которых одними из главных являются мотивы кровной мести, вынуждавшие людей, спасаясь от преследования, покидать родной уголок и искать новые места жительства и покровительства власть имущих, подальше от своих смертельных врагов.

Сравнительно немногочисленные родословные предания ведут происхождение соответствующих групп из-за моря. Ярким примером этого является предание о заморском происхождении указанной выше бзыбской семейной группы **Ампар**.

К миграционным относится и приведенное выше, своего рода, абхазо-адыгское «общенациональное» предание о южном происхождении предков современного абхазского и черкесского народа в целом. Каково бы ни было реальное историческое содержание этого собственно этногенетического предания, оно ведет абхазов и адыгов из Малой Азии, Ближнего Востока, Египта.

Сам факт наличия в традициях устного народного творчества абхазов этногенетических преданий «дальне-юговосточного» и локального содержания, свидетельствует о сложном и длительном процессе формирования древнеабхазского этноса, о том, в частности, что в его образовании принимали участие различные родоплеменные группы – как местные, аборигенные, так и пришлые, причем исходные пункты переселений в родословиях и преданиях определяются, как правило, не конкретно, а большей частью широким ареалом – «с юга», «из-за моря», «со стороны гор» и т.п.

Характерно, что у абхазов нет принципиально различных собственно этногенетических преданий о происхождении абхазского народа или его части, а имеются, как и у адыгов, своего рода общенациональные представления о южных корнях их этногенеза. Отсутствуют и сколько-нибудь распространенные легенды о реальных или мифических родоначальниках, если не считать упомянутого челебиевского **Абазы** или фрагментарные сообщения отдельных сказителей о том, что абхазы произошли от какой-то безымянной и безмужней представительницы (досл. «дочери») рода **Аублаа** (Аҭсуаа зхылцыз Аублаа иҭҭха лоуп), проживавшего в **Сочи** вплоть до второй половины XIX в. Говорят и так, что «абхазы произошли от **Нартов**, от кого же еще!»

Как уже указывалось, после того, как мифические карлики-**ацаны** были истреблены богом, «явились абхазы и заняли страну», – так пишет **Д. Гулия** в своей «Истории...» (стр. 106). Возможно, что это является отражением какой-то смены населения в горной Абхазии, хотя отсутствуют другие материалы, подтверждающие такую возможность, если не считать упоминания в самой мифе ватного снега, куда по воле творца попала небесная искра, вызвавшая тот страшный пожар, в котором ацаны вмиг сгорели. **Ж. Дюмезиль**, касаясь этого мотива в абхазских, черкесских и осетинских сказаниях, связывает его с соответствующим скифским сюжетом о пуховом или ватном снеге.

Можно вспомнить также и легенду об абхазском **Прометее**. В ней, как известно, **Абрскил** – великий благодетель и защитник «абхазской страны», до своего заточения богом на вечные муки в Члоускую пещеру, вел непримиримую борьбу с неким родом-племенем рыжих людей с голубыми глазами, выступающими в роли носителей злого начала для Абхазии.

Итак, уже в абхазских этногенетических мифах и преданиях представлены основные концепции происхождения абхазов:

– автохтонная, в известном мифе о том, как облюбованная богом для себя территория нынешней Абхазии, была всевышним уступлена опоздавшему на раздел, гостеприимному абхазу, во время первоначального наделения народов землей, и

– миграционная в многовариантном предании (включая геродотовскую версию) о переселении сюда предков абхазского народа из Египта, Абиссинии и Арабистана (здесь следует учитывать и позднее мусульманское влияние). Можно предполагать, что в своеобразной форме они отражают собой две стороны древнего исторического процесса абхазского этногенеза – взаимодействие аборигенного населения с пришлым (малоазийским), что находится в соответствии с выводами некоторых историков.

В то же время, однако, исходя из полистадиальности развития многих фольклорных памятников, не исключается также и то, считает фольклорист **С. Л. Зухба**⁷³⁵, что истоки рассматриваемых преданий, возможно, восходят к древнейшим антропогенетическим мифам, получившим впоследствии другое, собственно этногенетическое осмысление, связанное уже не с идеей африканского или арабского антропогенеза, а с переселением предков абхазского народа с юга на места их нынешнего обитания⁷³⁶.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

I

I . Мозаика племен и народностей

На Восточном Причерноморье, включая Абхазию, античными авторами засвидетельствовано существование многочисленных племен и народностей. Эти сведения рисуют нам такую пеструю и нередко противоречивую картину, что разобраться в этнической принадлежности разных племен и их локализации часто не представляется возможным. Усложняется она еще и тем, что многие поздние авторы зачастую используют и повторяют сведения ранних источников. Нижеследующую краткую характеристику некоторых из этих племен мы начнем вести с юго-востока на северо-запад.

Интересные сведения сообщает автор конца V в. до н. э. **Ксенофонт** о **моссинийцах**, или **мосиниках**, которые, видимо еще со времён Гекатея⁷³⁷, т.е. с VI в. до н. э. занимали территорию к западу от Трапезунта и до Керасунта (Фарнакии). Хотя они и описываются как наиболее варварские племена, но у них уже было два крупных союза племен с «царями» во главе и «главным» городом **Метрополис**, укрепленным деревянными башнями (возможно это тот город, который Гекатей называл именем **Хейрады**). «Жители

⁷³⁵**Зухба С. Л.** А8суа мифбѳеи ащѳам0абѳеи ирызкны. «Алашара». №8, 1989, с. 128 сл. (**Зухба С. Л.** Об абхазских мифах и сказаниях); **Его же.** Фольклорные памятники об этногенезе абхазов.//Всесоюзная сессия 1988 года. Тезисы докладов. – Сухуми. 1988, с. 66, 67.

⁷³⁶ В 2006 году была опубликована большая статья Ш.Д.Инал-Ипа, посвященная подобным памятникам: **Инал-Ипа Ш. Д.** Что рассказывают абхазы о древнейшем населении Абхазии и своем происхождении (Материалы с комментариями).// Абхазоведение: Язык. Фольклор. Литература. Раздел: Наследие. – Сухум. Алашара, 2006, с.193 – 255. Прим. комм.).

⁷³⁷**Гекатей Милетский.** Землеописание // ВДИ. 1947, № 1, с. 301.

этих мест, – пишет **Ксенофонт**, – перекликаются между собой, и крик слышен от одного города до другого»⁷³⁸.

Занимались моссиники обработкой металлов, на вооружении имели железные секиры. В домах имелись запасы хлеба (полба) и вина, хранилась солонина из мяса дельфинов, а на крышах лежало много каштанов, употреблявшихся ими в большом количестве. Их отваривали, а также выпекали из них хлеба⁷³⁹.

Этническая принадлежность моссиников остается невыясненной⁷⁴⁰. Название моссиников по своему звуковому составу, как указывает **Г. А. Меликишвили**, близко стоит к названию племени санигов, локализуемого на территории северо-западной части исторической Абхазии, поэтому «не исключено, что в моссиниках мы имеем дело с остатками проникших с севера племен»⁷⁴¹. При этом он связывает **сан (чан)** с грузинским префиксом «м» и суффиксом «иг», наличным в названии санигов и на этом основании склонен причислять их к грузиноязычному этническому миру. **И. М. Дьяконов**, возражая против этого, полагает, что в санигах мы имеем, по всей вероятности, абхазо-адыгское племя. Он пишет: «Мы не имеем основания сомневаться в сообщении **Страбона** (XII, 3, 18), говорящего о неместном происхождении имени мосиноиков (*mosynoikoi*) – «живущие в башнях», где *mosyn*, возможно, не греческое, а первоначально фригийское слово «башня»; передача имени чанов как сан обусловлена греческой фонетикой, но не видно, почему «а» здесь должно перейти в «и». Примесь фрако-фригийских племен к картвельским в западном Понте I тыс. до н.э. вполне возможна; быть может, все последние иногда включались в число «халибов»»⁷⁴².

Страбон, говоря о местном населении гористой южной части Восточного Причерноморья, живущим «выше Трапезунта и Фарнакии», упоминая **аппетов** (аппаитов), «прежних керкитов», а также «крайне диких» **гептакомитов**, пишет: «Некоторые живут даже на деревьях или в башнях, поэтому древние называли их **мосиниками** от названия (таких) башен – мосинов. Питаются они звериным мясом и орехами, нападают и на путешественников, спускаясь с горных вершин... Некоторые из этих варваров назывались **бизерами**»⁷⁴³ (ср. с названием многочисленного убыхского рода **Берзек/Берзедж**). Как видно, римский правитель Каппадокии **Флавий Арриан**, совершивший инспекционную поездку вдоль черноморского побережья в 134 г. н. э., отождествляет их с дрилами **Ксенофонта**, но сам видит в них саннов. Далее он помещает макронов с гениохами, а за ними подвластных царю Фарасману, **зидритов**, судя по названию, племя «северо-кавказского» происхождения. Как отмечают комментаторы свода, с зидритами могут быть сближены **зигии** **Страбона** и населенный пункт **Задрис** **Птолемея** (V, 9, 6).

Племя **макронов** упоминается многими древними авторами, начиная с **Гекатея Милетского** и **Ксенофонта**⁷⁴⁴. Обитали они, по-видимому, вблизи колхов. **Страбон** говорит, что в его время их называли не макронами, а санами⁷⁴⁵.

У разных авторов, в том числе у **Страбона**, мы находим упоминания о **мосхах**, локализуемых обычно на стыке Колхиды, Иберии и Армении. Некоторые авторы

⁷³⁸ **Ксенофонт**. Анабасис. Кн. V. – М – Л. 1951.

⁷³⁹ Там же.

⁷⁴⁰ Нельзя не обратить внимание на следующее странное сообщение о них **Ксенофонта**: «При проходе через страну дружественных моссиников элинам показали откормленных сыновей богатых родителей, упитанных вареными каштанами, изнеженных, чрезвычайно белых и почти одинаковых в вышину и ширину (с. 31 – 34). (И у абхазов вплоть до XX века широко применялись в рационе как сами каштаны в разных видах приготовления, так и мука из сушеных каштанов. Из нее пекли хлебные лепешки, а также употребляли как добавку к разным мучным изделиям и др.

⁷⁴¹ **Меликишвили Г. А.** Указ. соч. с. 91.

⁷⁴² **Дьяконов И. М.** Указ. соч. с. 122, прим. 111.

⁷⁴³ **Страбон**. Кн. XII, III, 18.

⁷⁴⁴ **Гекатей Милетский**. Указ. соч. с. 301; **Ксенофонт**. Указ. соч. с. 121.

⁷⁴⁵ **Страбон**. Кн. XII, III, 18.

предполагают, что понтийские мосхи – это вариант названия халибов-халдайцев, которых впоследствии называли лазами и чанами. **Страбон**, возможно ошибочно, как и **Стефан Византийский**, опирающийся на сведения **Гелланика** – автора V в. до н. э. и **Палефата Абидосского** (IV в. до н. э.), локализует мосхов и где-то в современной Абхазии⁷⁴⁶. Как он пишет, историки митридатовых войн «...называют сперва ахейцев, затем зигов, потом гениохов, мосхов, колхов и живущих над ними фтирофагов и соанов и другие небольшие народности около Кавказа.» Как видим, здесь обычный порядок нарушен, однако **Г. А. Стратановский** установил, что сам **Страбон** не особенно доверял **Феофану Митиленскому**, из сочинения которого («Деяния Помпея»), он черпал «изображение кавказского побережья и его населения»⁷⁴⁷. Страбоновскую локализацию мосхов между керкетами и колхами, т.е. в Абхазии, отрицает **Н. В. Хазарадзе** как не соответствующую действительности⁷⁴⁸. Среди других исследователей так думает и **Г. Л. Кавтарадзе**, считая, что мосхи, как и иверы в целом, имеют анатолийское происхождение⁷⁴⁹, подтверждаемое их соседством с матиенами, о чем писал ещё Гекатей.

Заслуживают внимания и племена, встреченные греками-наемниками персидского царевича Кира, во главе с Ксенофонтом на пути к Черому морю, во время возвращения их в Грецию. Пройдя от Верхней Месопотамии через Армению и далее к морю до Трапезунта, греки встретили несколько племен, среди которых были племена фасианов, таохов, халдов и колхов. Касаясь этого вопроса, **Г. А. Меликишвили** пишет, что колхами Ксенофонт называет население района Трапезунта, так как жителей «политического образования, существовавшего в то время на территории современной Западной Грузии...Ксенофонт упоминает под названием фасианов.» (с. 238) Однако фасианами Ксенофонт в данном случае называет жителей не Западной Грузии, которую греки не проходили, а районов северо-востока Малой Азии. При этом сам **Г. А. Меликишвили** далее пишет, что в топонимике и этнонимике этой области сохранились названия, связанные с названием «Фазис» (река, область Басиани, племена фасианов и др.). А самих фасиан он, как ни странно, объявляет западно-грузинскими племенами, объединяя с халибами и таохами, входившими в одну сатрапию Персидской державы. Вместе с тем, признав фасиан соседями халибов и таохов, **Г. А. Меликишвили** почему-то не нашел для них места на своей карте, приложенной к книге «К истории Древней Грузии».

Грузинские ученые, начиная с **П. Ингореква** выдвигают самые путанные доказательства в пользу картвельской этнической принадлежности формантов **пс** и **фас/фс**, а значит и фасиан, пытаясь любым путем оторвать их от абхазо-адыгской среды (причем, особенно, как всегда, у всех и везде – от абхазской).

В античных источниках наблюдается некоторая тенденция свести многочисленные племенные названия Юго-Восточного Причерноморья к наименованию **санов**, или **чанов** (по греческой транскрипции санов, тзанов). По **Страбону**, они жили «выше Трапезунта и Фарнакии». По мнению **Арриана**, как уже отмечено, саннами являлись и воинственные **дрилы**, упоминавшиеся еще **Ксенофонтом** к югу от Трапезунта. И в VI веке **Прокопий Кесарийский** писал, что «полудикие» чаны жили по соседству с армянами, причем не на берегу моря, а в горах. По **Агафию** они населяли территорию ниже Трапезунта. «**Тзаника**», «**Чаника**» (груз. «**Чанети**») становится наряду с **Тибаренией** и **Колхидой**, собирательным названием, а союз чанских племен, «непокорных врагов Рима», живших еще в I – II вв. н. э. в условиях родового строя («народ, не имеющий царей» по **Арриану**), в римскую эпоху достигает такой политической силы, что во второй половине IV в. вторгается в Каппадокию, Киликию и Сирию.⁷⁵⁰

⁷⁴⁶Его же. Кн. XI, II, 14 и сл.

⁷⁴⁷Стратановский Г. А. Страбон и его «География» // Страбон. География. – М. 1964, с. 787.

⁷⁴⁸Хазарадзе Н. В. Гекатеевы матиены. // Вопросы древней истории. – Тбилиси. 1973, с. 116, 117).

⁷⁴⁹Кавтарадзе Г. Л. Указ.соч. с. 4, 24.

⁷⁵⁰Меликишвили Г. А. Указ. соч. с. 83, 86.

Как известно, в 134 году н. э. от Трапезунта до реки Ахеунта, вблизи современного Сочи или р. Шахе, римский правитель Каппадокии, **Флавий Арриан**, совершивший инспекционную поездку вдоль черноморского побережья констатирует существование там несколько зависимых от Рима политических образований – «царств», располагавшихся в следующем порядке с юго-востока на северо-запад: махелоны (макроны?) и гениохи (к востоку от Трапезунта) с царем **Анхиалом**, далее **зидриты**, подвластные картлийскому царю **Фарасману**, затем называются без указания их границ **лазы**, **апсилы**, **абазги** и **саниги**. Последние четыре объединения занимали прибрежную территорию до р. Ахеунта, а далее за этой рекой жили **зихи**, (**зилхи** по Арриану). По его словам, **Себастополис** находился в области **санигов**. Причем все имена «царей» **лазов**, **абазгов** и **санигов**, за исключением имени «царя» **апсиров** **Юлиана**, иранские или местные⁷⁵¹ – **Спадаг**, **Ресмаг**, **Маласс** (имя **Маласс/Маласса** ср. с абхазскими именами **Мараса**, **Гудиса**, **Куаса**, **Чимса** и мн. др.).

По предположению некоторых учёных, где-то на рубеже I – II вв. н. э. на побережье Колхиды из внутренних районов Юго-Восточного Причерноморья, оттесняя местное население, стали проникать **лазы**. Предки **лазов**, по **Г. А. Меликишвили**, в древности жили далеко от берегов Черного моря, где-то в районе современного Ленинакана. Там они упоминаются урартскими источниками IX – VIII вв. до н.э. под именем **Луша** (**Лоса**, **Ласа**). Племена **Луша**, передвинувшись в северо-западном направлении к I в. н. э. вышли на Черноморское побережье и явились этнической основой будущих **лазов**. В то же время, **Г. А. Меликишвили** подчеркивает, что **лазы** являются древнейшими обитателями Западной Грузии, прямыми потомками **колхов** (?). Существует и другое мнение об этническом родстве **лазов**. Например, **Кисслинг** полагал, что **лазы** являются одним из **керкетских племен**, относимых им к **картвельскому этническому миру**, проникшим под натиском **джихов** в южную Колхиду с северо-восточного побережья Черного моря, где **Аррианом** отмечен пункт «**Старая Лазика**» (древн. **Никопсия**, совр. **Нечепсухо**). **Л. А. Ельницкий** причислял, однако, **керкетов** к числу **разбойничьих ахейско-гениохийских племен**⁷⁵².

В этой связи, кроме пункта «**Старая Лазика**», локализуемого северо-западнее современной Абхазии, обращают на себя внимание и некоторые факты антропонимии того периода. Так, в то время, как **термин «лаз» чужд для восточно-грузинской среды** (в грузинских источниках **Лазика** носит название **Эгриси**), в Абхазии этот этноним (абх. **алаз**, **алазқәа**) имел, как видно, широкое распространение, известен он и в качестве мужского личного имени (**Лаз**) и одной **бзыбской крестьянской фамилии** (**Лазба**). Среди тех же северо-западных абхазов встречается по сей день и фамильное имя **Губаз**. Такое имя, как известно, носили **лазские цари**, среди которых известны и другие имена подобного облика: **Замназ**, **Дамназ** (ср. с абх. именами **Шьябаз**, **Чамаз**, **Сасангаз** и мн. др.) В этих абхазских именах «з» является специфическим свистяще-шипящим звуком, сохранившимся только в **бзыбском диалекте**, который не встречается в звуковом составе заимствованных слов. Следовательно, **Губаз**, как и другие фамильные названия с подобным же оформлением (**Чуаз**, **Чалмаз**, **Тхуаз** и пр.), является местным абхазским антропонимом, а не заимствованным из какой-либо другой языковой среды. Впрочем само происхождение этнонима **лаз** остается до сих пор неясным, хотя этому вопросу посвящены специальные статьи. При этом важно то, что **этноним лаз является не только названием, но и самоназванием лазов**. Как считает большинство исследователей, **лазы** и **мегрелы** этнически почти однородные племена, однако **лазы** – это **чанское племя горцев Юго-Восточного Причерноморья**, на рубеже н. э. находившееся еще на стадии первобытно-общинного строя, в то время как **эгрисцы** (**эгры**) – население низменной Колхиды – жили в условиях классового общества. Основная часть **лазов**

⁷⁵¹Здесь **Арриан** пишет и о царе **зилхов** (**зихов**) **Стахефаксе**, также получившим власть от **Адриана** // ВДИ. 1948, № I, с. 271.

⁷⁵²**Ельницкий Л. А.** Знания древних о северных странах. – М. 1961. с. 188.

обитала потом в прибрежных районах к северу от устья р. Чорохи до р. Фасис. Как считает **Г. А. Меликишвили** и некоторые другие, в основном грузинские ученые, после слияния захвативших здесь гегемонию лазов с эгрисцами, образовалось раннерабовладельческое «Лазское царство»⁷⁵³ со столицей в **Археополисе** (греч. «Древний город»), в грузинских источниках известной, как «Цихе-Годжи», а, вероятно, вернее «**Цихе-Куджи**», лежавшей в 17 км. к северо-востоку от современного Сенаки на р. Техури. Первоначально Лазика находилась в зависимости от Рима, временами от Сасанидского Ирана и от Византии, которая в конце концов упразднила там (VI в.) царскую власть, а позже, в VIII в. она вошла в состав Абхазского царства.

Как следует из описания **Арриана**, во II в. лазы жили между зидритами, которых **Г. А. Меликишвили** также считает западно-картвельским племенем и апсилами (границу с последними он не указывает). Апсилы вместе с абазгами занимали территории юго-восточнее района Себастополя, лежавшего, как он пишет, в земле санигов – северо-западных соседей абазгов. Согласно же **Псевдо-Арриану** к V веку абазги продвинулись к северу до р. **Абазгос/Абасгос** (р. **Псоу** или р. **Бзып**?), а дальше, в северо-западном направлении жили **саниги** – от р. **Абазгос** до р. **Ахеунт** (р. **Соча** или р. **Шахе**), которая, по его же сообщению, протекала на расстоянии около 330 стадий от р. **Абазгос**.

Как мы видим, эти локализации **Анонима** противоречат сведениям очевидца **Арриана**. Сообщение **Анонима**, если оно соответствует исторической действительности, отражает те изменения границ, которые произошли к V в. в связи с напором с юга лазов, когда локализация названных политических образований уже отличалась от обстановки 30-х годов II в., хотя во всем этом нет полной уверенности.

Вместе с тем **Г. А. Меликишвили** признает, что на этой территории, наряду с картвельскими, в древности жили и абхазо-адыгские племена⁷⁵⁴.

Что касается северо-восточных и восточных областей Причерноморья, то **Гекатей Милетский**, сочинения которого содержат древнейшие в античной литературе свидетельства о скифских и кавказских племенах, упоминает **Кораксийскую крепость** и **Кораксийскую страну**, не уточняя их местонахождение и горное племя **кораксов**, в имени которых звучит древнее название реки **Кодор** – **Коракс**⁷⁵⁵. В связи с этим интересно отметить, что между Драндами и р. **Кодор** одна местность по-абхазски до сих пор носит близко звучащее название **Куараса (Кэараса)**, что в переводе означает горлицу, а выше к горам, по реке находится и селение с древнеабхазским названием **Наа** (несомненно это тот же пункт, что и у **Клавдия Птолемея** – «**Наана**», указанный на той же реке⁷⁵⁶, но по ошибке помещенной им значительно севернее).

Гекатей юго-восточнее **кораксов** указывает племя **колов**, называя их страну **Коликой**, а предгорья Кавказа Кольскими горами. Согласно **Ф. Бруну** они локализуются у нынешнего города Очамчир⁷⁵⁷, между кораксами и меланхленами, а далее «вблизи колов» он отмечает «племя колхов». **М. Кисслинг**, пришел к убеждению, что все эти довольно мелкие племена (кораксы, колика, меланхлены и другие) были родственны гениохам⁷⁵⁸, которых считал западно-картвельскими племенами.

Псевдо-Скилак Кариандский (IV в. до н. э.), сведения которого по локализации племен побережья Западного Кавказа, по словам комментаторов текста, не совпадают как

⁷⁵³ **Соселия Г. К.** опираясь на Страбоновское описание **Иберии**, утверждал, что в **Грузии** даже «в I в. до н. э. существовало не рабовладельческое, а родовое общество в стадии его разложения». (**Соселия Г. К.** Существовала ли рабовладельческая формация в Грузии // ВДИ. – Москва. 1956, с. 72 – 74.)

⁷⁵⁴ **Меликишвили Г. М.** Указ. соч. с. 66 – 69, 210, 212, 374.

⁷⁵⁵ **Гекатей Милетский** . // ВДИ. 1947, № 1, с. 300. Несомненно кораксы назывались по имени реки **Коракс** или наоборот. Гораздо позже, автор VII в. н. э. **Равенский Аноним** пишет о стране **апсилон** – **Апсили**, территорию которой «пересекает река Апсалис» – бывшая река Коракс, т.е. здесь, как и ранее, по народу названа и страна, и река или наоборот. (Прим. комм.)

⁷⁵⁶ **Клавдий Птолемей**. Географическое руководство // ВДИ. 1948, № 2. с. 250.

⁷⁵⁷ **Брун Ф.** Черноморье. Том II, с. 250 и сл. // ВДИ. 1947, № 1, с. 300, прим. 9.

⁷⁵⁸ **Kiessling.** Указ. соч. Том VIII, 1, с. 263 – 264.

с более древними, так и с более поздними источниками, перечисляя племена с северо-запада на юго-восток, также упоминает кораксов⁷⁵⁹ – «за ахеями народ-гениохи», а за ними он помещает кораксов и колов (колика). При всем том Скилак все племена включая гениохов и колхов помещает до Диоскуриады, затем у него идет перечисление только рек без упоминания племен вплоть до реки **Апсар**.

У греко-римских авторов, начиная с самых ранних их представителей, часто упоминаются многочисленные **гениохи**. Эти могущественные племена населяли в античности значительные территории побережья Черного моря еще до VI в. до н. э. Так **Аристотель** писал, что «по Фасису первоначально жили гениохи, а потом милетяне»⁷⁶⁰, а по **Помпонию Мела** и «Диоскуриада основана в земле гениохов»⁷⁶¹. **Гениохов** упоминает и **Гелланик** (V в. до н. э.), помещая их где-то в соседстве и ниже кораксов⁷⁶². Однако, они, по предположению ученых населяли не только эти территории. Было, как видно, несколько их дислокаций.

Предполагают, что самое раннее их упоминание, относится к VIII в. до н. э. Так, в урартских источниках – надписях царя **Аргишти I** и его преемника **Сардури II** (764 – 735 гг. до н. э.) – у южного побережья Чалдырского озера фигурирует страна **Игани**. Игани(ехи) представляли собой крупное объединение племен, которые затем надолго исчезают из поля зрения истории.

Начиная с **П. Н. Ушакова**⁷⁶³, принято считать что, название **гениохов** античных источников связано с названием **Иганиехи** урартских царских текстов. Предполагают, что к I в. до н. э. (?) эти племена из внутренних районов проникли в прибрежную полосу, где часто упоминаются в поздней античной литературе как гениохи. В то же время гениохи, как отмечено выше, ещё до VI в. до н. э. населяли земли бассейна р. Риони, а как видно и её верховья, а также и современную Абхазию с прилегающими территориями.

Ко второй половине I в. до н. э. относятся слова из речи **Випсания Агриппы** (ум. в 12 г. до н. э.), обращенные к иудеям и приводимые, жившим в Риме с 63 г. н. э. иудеем **Иосифом Флавием**: «Зачем говорить о гениохах и колхах, о племени тавров, боспорцах..., которые раньше не признавали даже и собственного владыки, а теперь держатся в подчинении тремя тысячами гоплитов, и сорок военных кораблей поддерживают мир на несудоходном прежде и суровом море...»⁷⁶⁴. Как видим из этого пассажа гениохи упоминаются среди племен и **северо-востока Черного моря**. При этом все население северо-восточного и восточного побережья сведено им, как несколько позже и у **Страбона**, в две этнические группировки – гениохов и колхов (позже в источниках они заменяются **абазгами и лазами**).

В самом начале нашей эры о гениохах пишет и **Страбон**, помещая их тоже на северо-восточном побережье Черного моря. В тех же местах упоминает их в 42 – 44 гг. н. э. и **Помпонию Мела**, а по **Плинию** (погиб в 79 г. н. э.), гениохи в середине I в. н. э. жили не только там, но и на юго-восточном побережье, в районе современных Афин и Ризе и у р. **Абсар**.

Описывая события, связанные с восстанием Аникета (69 г. н. э.), **Тацит** сообщает и о примкнувших к восставшим «варварах», в которых, судя по описанию их судов, названных им камарами, можно видеть гениохов. Гениохов **Тацит** упоминает и в связи с попыткой бегства смещенного парфянского царя **Вонона** из Киликии, сначала в Армению затем к албанам, потом к гениохам и от них к скифскому царю⁷⁶⁵. Однако, установить по этому сообщению местонахождение гениохов весьма сложно. А через несколько

⁷⁵⁹ **Скилак Кариандский**. Описание моря, прилегающего к населенной Европе ... // ВДИ. 1947, № 3, с. 242

⁷⁶⁰ **Аристотель**. «Полития». См. у **Гераклида** в его XVIII «О государстве фасианов» // ВДИ. 1947, № 3, с. 304.

⁷⁶¹ **Помпонию Мела**. 1. III. // ВДИ. 1949, № 1, с. 275.

⁷⁶² **Гелланик**. Основания городов. // ВДИ. 1947, № 1, с. 316.

⁷⁶³ **Ушаков П. Н.** К походам урартийцев в Закавказье в IX–VIII вв. до н. э. // ВДИ. 1946, № 2, с. 37.

⁷⁶⁴ **Флавий Иосиф**. О войне иудейской // ВДИ. 1947, № 4, с. 276.

⁷⁶⁵ **Корнелий Тацит**. Истории. III, 47. Летопись. II, 68 // ВДИ. 1949, № 3, с. 221, 210.

десятилетия **Флавий Арриан** указывает к востоку от Трапезунта уже «царство махелонов и гениохов», где нередко наблюдается повтор топонимики северо-восточного и восточного побережья Черного моря.

Представляет интерес и то, что в раннесасанидское время существовала ещё одна область или страна **Махелония**, которая упоминается в надписях шаханшахов Ирана, она же **Сикана**⁷⁶⁶ (ср. с названием **зиги**, **Зигана**, **Зигополь** и **р. Зиганий** и **Зиганис в Абхазии** и др.). Знаменательно, что здесь гениохи названы сиками т. е. зихами.

«Южных» гениохов **Г. А. Меликишвили** рассматривает как горцев Юго-Восточного Причерноморья, во главе с которыми на рубеже новой эры образовалось «царство махелонов и гениохов». По его мнению, прибрежные махелоны («макроны») и горные гениохи – западно-картвельские (мегрело-чанские) племена, однородные в этническом отношении. «Таким образом, – пишет он, – путем захвата гегемонии одной частью чанов-горцев над низменными районами Юго-Восточного Причерноморья к востоку от Трапезунта и слияния их с чанским населением низменности происходит образование ранне-рабовладельческого царства махелонов и гениохов»⁷⁶⁷. **Причем не только гениохи Юго-Восточного Причерноморья, но и те гениохи, которые в источниках упоминаются в северных областях современной Абхазии, этнически принадлежат, по словам Г. А. Меликишвили, к западно-картвельским племенам, с той лишь разницей, что последние, то есть «абхазские» гениохи, относятся уже не к мегрело-чанским, а к сванским племенам.**

Название племени **санигов**, также часто упоминаемых авторами первых веков н. э. на территории нынешней Абхазии, по **Г. А. Меликишвили**, является вариантом наименования «гениохов», так как они близки друг к другу по своему звуковому составу, а чередование «h» и «s» встречается и у других племен⁷⁶⁸. Оба эти названия служили для обозначения крупных этнических группировок на восточном и юго-восточном берегу Черного моря, причем, по **Артемидору**, автору рубежа II и I вв. до н. э., на которого ссылается **Страбон**⁷⁶⁹, гениохи фактически находились между современными Сочи и Сухумом, так как после берега гениохов в 1000 стадий он называет Большой Питиунт длиной 360 стадий и вплоть до **Диоскуриады** не называя больше ни одного племени. А при **Арриане** (II в. н. э.) какую-то часть той же территории занимали уже **саниги**⁷⁷⁰. При этом, не вполне соглашаясь с мнением **П. Е. Ингорюк** и **М. П. Инадзе** о принадлежности северных санигов-гениохов к мегрело-чанским племенам, **Г. А.**

---

⁷⁶⁶**Махелония**, связанная с гениохами, существовала и на берегах Каспия. Вот что об этом мы читаем у С. Т. Еремына: «Как на кавказском побережье Черного моря, так и на прикаспийском побережье с древнейших времен жили родственные между собою племена и народности: «сарматские», черкесо-абхазские, лезгинские и мегрело-чанские племена и «скифские», т.е. скифо-иранские племена и народности, из которых наиболее значительными были массагеты, имевшие свое государство. Дошедшие до нас данные этнонимии показывают, что прикаспийское побережье являлось зоной смешения «Сарматско-кавказских и «скифо»-иранских этнических миров. К этой зоне относится прежде всего интересующая нас страна «Махелония» греческой версии трехязычной надписи Кааба-и-Зардушт. Наши разыскания, таким образом, показывают, что, наряду с «царством махелонов и гениохов» на Черноморском побережье, существовало другое одноименное политическое образование – «Махелония» на прикаспийском побережье» (**Еремян С. Т.** Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт // ВДИ. 1967, № 4, с. 47 – 59).

⁷⁶⁷**Меликишвили Г. А.** К истории...с. 374, 387.

⁷⁶⁸**Там же.** с. 91. **Плиний** также считал санигов гениохами («...племя [санны] (Sannorum) гениохов»). Кн. VI, 12.

⁷⁶⁹**Страбон.** Кн. XI, 14

⁷⁷⁰Пожалуй самое раннее (весна 70 года до н. э.) упоминание санигов мы имеем из сведения уроженца Гераклеи Понтийской **Мемнона**, жившего в конце I и в начале II в. н. э.. Рассказывая об эпизоде времени последней римско-понтийской войны он упоминает сатрапа Митридата – **Клеохара**. В 70 г. до н. э., оказавшись в осажденной Лукуллом Синопе и потеряв надежду на помощь, он со своими приверженцами погрузил на суда массу сокровищ и бежал, поплыв во внутренние области Понта, к **санегам** и **лазам**. Мемнон несомненно использовал источники документально-мемуарного характера и вряд ли можно сомневаться в том, что **его санеги идентичны санигам (Мемнон. О Геракле. Кн. XVI // ВДИ. 1948, № 1. с. 235).** (Прим комм.)

Меликишвили представляется более правдоподобным предположение **И. А. Орбели** о том, что саниги-гениохи (на северо-востоке) являлись сванскими племенами, которые в древности были распространены на большей территории, чем позже.

Однако мысль о том, что саниги (гениохи) – сванское племя маловероятная гипотеза. **Г. А. Меликишвили** сам ссылается на сообщение грузинского исторического сочинения XII в. «Восхваление венценосцев» о санигах, которое явно противоречит предположению о принадлежности санигов к сванским и вообще картвельским племенам. В этом сочинении повествуется о том, как **Вардан Дадияни**, подняв восстание, собрал войско из Сванетии, Абхазии, Саегро с Гурией и привлек на свою сторону также **санигов** и **кашагов**. Приведя это сообщение, **Г. А. Меликишвили** указывает, что в упомянутых здесь санигах следует подразумевать какое-либо северо-кавказское племя,⁷⁷¹ хотя на Северном Кавказе никто их никогда не отмечал. По **Л. Лаврову**, саниги, как и ахен, являлись протоадыгами, а в санигах видел племя жане, хотя именно абхазское их происхождение представляется наиболее бесспорным. В источниках гениохи, как и саниги, выступают как неколхские племена, например, в сведении приводимом **Иосифом Флавием** колхи и гениохи называются раздельно⁷⁷², причем также как и у Страбона (кн. XI, V, 6) все население Восточного Причерноморья сведено в эти две этногруппы.

Как уже говорилось выше **Г. А. Меликишвили** вслед за **М. Кисслингом**, придает большое значение проникновению горцев Северного Кавказа на Черноморское побережье, называя его «натиском» на прибрежную полосу Северной Колхиды «стихий горцев». У **Н. Ю. Ломоури** это какое-то племенное объединение «джиков», обитателей крайней области северо-западной части Кавказа, живших в условиях военно-демократического строя. Вторжение их было связано, по мнению последнего, якобы с падением местной государственности и установлением на рубеже н. э. слабого господства Понтийского царства⁷⁷³. При этом авторы не указывают, где более конкретно, жили неугомонные горцы до своего выхода на побережье. Из контекстов же указанных работ вытекает, что они занимали горные области северной и частично северо-западной части отрогов Главного Кавказского хребта как видно в сравнительной близости от побережья.

Что же касается гениохов с ахейцами, то в действительности это прибрежные жители и искусные мореходы. Особенно славились своим пиратством гениохи и не только у берегов Кавказа, но и по всему черноморскому бассейну. В литературе об этом сохранились сведения, начиная с IV в. до н. э. Так, **Диодор Сицилийский**, опираясь на современника событий, как видно, историка Боспорского царства, сообщает о борьбе боспорского царя IV в. до н. э. **Эвмела** с пиратством не только аборигенов Крыма тавров, но и гениохов и ахейцев. О масштабах бедствия дает представление свидетельство Диодора о том, что **Эвмел** за это «получил самый лучший плод благодеяния – похвалу не только в своем царстве, но почти во всей вселенной, так как купцы повсюду разнесли молву о его великодушии»⁷⁷⁴. Сведения о разбойничьем образе жизни гениохов и ахейцев содержатся также в «Политии» **Аристотеля**. Широко известно и страбоновское описание пиратства гениохов, ахеев и зигов, а также свидетельство **Тацита**, видимо о гениохах, упоминаемых им на востоке южного побережья Чёрного моря, имевших те же морские суда – камары как и на северо-востоке. Можно сослаться и на **Овидия**, который в одном из своих «Писем с Понта» (8 – 17 гг. I в. н. э.) пишет, что эти пираты не оставляют в безопасности и западные берега Черного моря («...все же гениохийские корабли причинили морякам больше вреда. Ты не можешь сравнить и Харибду с враждебными

⁷⁷¹ **Меликишвили Г. А.** Указ.соч. с. 92 – 93.

⁷⁷² **Иосиф Флавий.** О войне иудейской. II, 16, 4.

⁷⁷³ **Ломоури Н. Ю.** Грузино-римские взаимоотношения. – Тбилиси. 1981, с. 221 – 224. **Его же.** К истории взаимоотношений Лазского (Эгрисского) царства и Византии в V в. // Византийские очерки. – М. 1982, с. 24.

⁷⁷⁴ **Струве В. В.** Древнейший историк СССР. // **Струве В. В.** Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. – Л. 1968, с. 152, 188, 195.

ахейцами. Хотя [эти племена] свободнее плавают в правой части [Понта], но и эта сторона не безопасна от них»⁷⁷⁵).

Если, как полагает **Г. А. Меликишвили**, гениохи – сваны, то получается большая по тому времени сванская страна, простиравшаяся на северо-востоке вплоть до Сочи (или Шахе). Но каким образом удалось абхазским племенам ассимилировать или даже вытеснить столь значительный и могучий народ за такой короткий срок, ведь еще в начале второй половины I в. н. э. и **Плиний**, упомянувший уже апсилов и санигов, и другие авторы середины и второй половины I в. н. э. да и более поздние, пишут еще о гениохах, как продолжающих жить на прежних местах. И почему гениохи-сваны, живя здесь с древнейших времен и до начала н. э., не оставили следов в местной топонимике? Приводимые же примеры географических названий будто-бы из сванского, чанского или картского языков, как правило, не соответствуют природным особенностям соответствующих местностей (при этом почему-то, в подавляющем большинстве, объекты абхазского побережья носят грузинские названия деревьев: Сочи – «пихта», р. Бзырь – «самшиты», Сухум – «граб», Цебельда – «бук», Гумуриши – «ель» и т.д.).

Вряд ли может вызвать сомнение, что «гениохи» это собирательное название, включавшее целый ряд более мелких этнически родственных групп, локализовавшихся в различных пунктах побережья восточной части Черного моря, в том числе и на территории современной Абхазии. **Плиний** так говорит о соседях Диоскуриады: «Племена гениохов различающиеся многими названиями», явно подчеркивая тем самым условность и объемность названия. И далее он вновь пишет: «от суавов до самого Понта живет множество гениохийских и потом ахейских племен»⁷⁷⁶. «Славные племена колхов, гениохов, абасгов», – указывает автор IV в. **Псевдо-Орфей**⁷⁷⁷. **Псевдо-Арриан** также пишет, что народ гениохов «смешанный».

И у ряда других древних авторов встречаются сведения о гениохах как причерноморском кавказском племени, причем они часто упоминаются рядом с ахейцами (иногда с зигами/зикхами), с которыми, вероятно, находились в генетическом родстве. Так, в одном письме раннеантичного времени (**Диоген**, IV в. до н. э.), что достаточно странно, о гениохах и ахеях говорится как о насельниках южного побережья Черного моря.: «...вы будете жить в Синопе, а я в Афинах... вы будете иметь общение с гениохами и ахейцами, людьми из враждебного панэллинам племени...»⁷⁷⁸. И по **Дионисию Периегету** (начало II в. н. э.), на Черноморском берегу Кавказа рядом жили ахейцы, гениохи, зиги. Как он пишет за керкетами и торетами «сильные ахейцы... за ними живут, владея соседней землей, гениохи и зиги, чада земли пеласгийской»⁷⁷⁹. В то же время он объединяя **ахейцев, зигов и гениохов называет их большим племенем камаритов, распространяя на всех название их своеобразных судов – камар**.

Страбон, описывая в начале I в. н. э. расположение племен вдоль Азовского и Черного морей пишет, что за областью синдов к юго-востоку «идет вдоль моря побережье ахеев, зигов и гениохов», за которыми находится Колхида, причем порядок расселения племен за Синдикой и Горгиппией, данный в Страбоновской «Географии» (кн. II гл. V, 31; XI гл. II, 1 и 12, а также в кн. XVII, гл. III, 24), повторен без всякого нарушения и в обратном направлении, то есть с юго-востока на северо-запад – гениохи, зиги, ахейцы (XI, гл. II, 13).

Страбон не раз сообщает о необычайном многоязычии Кавказа, который древние недаром называли «горою языков»⁷⁸⁰, о наличии множества затерявшихся в диких

⁷⁷⁵ **Овидий**. Послание IV, 10. // В кн.: **Подосинов А. В.** Произведения **Овидия** как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. – М. 1985, с. 134. См.и: **Брашинский И. Б.** Понтийское пиратство // ВДИ. 1973, № 3, с. 126.

⁷⁷⁶ **Плиний Секунд**. Кн. VI, 14 и 30 // ВДИ. 1949, № 2, с. 291, 299.

⁷⁷⁷ **Псевдо-Орфей**. Поход аргонавтов // ВДИ. 1948, № 3, с. 268.

⁷⁷⁸ **Диоген**. Письма. К синопцам (считаются поздней подделкой) // ВДИ. 1948, № 4, с. 298.

⁷⁷⁹ **Дионисий Периегет**. Описание населенной земли // ВДИ. 1948, № 1, с. 240.

⁷⁸⁰ **Геродот**. **Истории**. // ВДИ. 1947, № 2, с. 252

ущельях родоплеменных групп и мелких народностей. О том, что «на Кавказе много разных народов» писал в свое время и **Геродот**. **Диоскуриада**, помещаемая Страбоном южнее **Питиунта**, служила торговым центром для многих народов. «Во всяком случае в этот город собирается 70 народностей (согласно другим, которые вовсе не заботятся о действительности, даже 300). Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто...»⁷⁸¹. Его почти полностью повторяет позже и **Плиний**. **Вместе с тем Страбон, как уже указывалось выше, все население сводит к двум этническим группам, называя все земли к востоку от Черного моря к горам «странами колхов и гениохов» (Кн. XI, V, 6).**

Именно необычайная полигентиальность гениохов, вероятно, немало способствовала созданию впечатления такого этнического многообразия вокруг Диоскуриады.

Вопрос о гениохах, которых отождествляют с абхазами (**Д. И. Гулиа**),⁷⁸² санигами-сванами (**И. А. Орбели**), санигами (**З. В. Анчабадзе**, считавший их абхазским племенем), сванами и чанами (**Г. А. Меликишвили**), западно-картвельскими племенами (**М. П. Инадзе**, **П. Е. Ингорква**), сванами или мегрело-чанами (**Т. С. Каухчишвили**), абхазами-садзами (**А. Н. Дьячков-Тарасов**), профессиональными возчиками (**Н. И. Квезерели-Копадзе**), христианами, уничтоженными императором-язычником **Диоклетианом (М. А. Селезнев)**, не получил еще своего окончательного разрешения⁷⁸³.

В пользу сближения гениохов с предками абхазов говорит засвидетельствованная археологами общность материальной культуры на всей территории исторической Гениохии, совпадающей с расселением древнеабхазских племен, а также отмеченное в источниках деление гениохов на (если говорить словами источника) «четыре царства», соответствующее, надо полагать, четырем основным этническим группам древнеабхазского этноса: саниги (с бывшими ахейцами), абазги, апсилы и мисимияне.

Согласно Аристотелю, гениохи «первоначально», т. е. до появления греков жили по Фасису⁷⁸⁴, **а по Помпонию Мела и в районе Диоскуриады, а значит еще до VI в. до н. э. и впоследствии отмечаются как к северу, так и к югу от этих мест, то естественно предположить, что где-то к середине I тыс. до н.э. и позже какие-то этнические группы, двигавшиеся с востока, вклинились в их расположение и частично ассимилировав, разъединили гениохов, оттеснив одну их часть к северу, а другую к югу, о чем говорит однотипная топонимика как северо-восточного, так и восточного отрезка южного и юго-восточного побережья Черного моря.**

Об **ахейцах**, неразрывно связанных с западно-кавказскими гениохами, оставил нам самые первые сведения автор IV в. до н. э. **Скилак Кариандский**, помещавший их между торетами и гениохами⁷⁸⁵, а затем и другие авторы. Греко-римский историк II в. **Аппиан** в своих «Митридатových войнах», рассказывает, что ахейцы жили севернее колхов и, что понтийский царь **Митридат VI**, после окончания второй войны с римлянами, желая покорить, напал на них в 79 г. до н. э., но потерял две трети своего войска в сражениях, от мороза и засад.

Приводится и легендарная версия о том, что ахейцы являются древними греками, заблудившимися при возвращении из Трои. **«Говорят, – пишет Аппиан, – что они, возвращаясь из-под Трои, бурей были занесены в Понт и много страдали от варваров, как эллины»**⁷⁸⁶. **Страбон же писал несколько иначе: «Передают,**

⁷⁸¹ **Страбон**. География. – М. 1964, с. 472.

⁷⁸² **Гулиа Д.** История Абхазии. с. 42.

⁷⁸³ См статьи **Гигинеишвили Б. К** происхождению этнонима Гениох // «Мацне». 1975, I. с. 115 – 124 (на груз. яз.), а также **Каухчишвили Т. С.** Кавказские племена по античным источникам. 2. Гениохи // «Мацне». 1980, 4. с. 57 – 77. на груз. яз., с русск.резюме) и др.

⁷⁸⁴ Попытки **Н. Ю. Ломоури** пересмотреть текст „Политики” **Аристотеля**, чтобы доказать отсутствие гениохов в раннее время в бассейне реки Фасис, были обоснованно и аргументированно раскритикованы в книге **Яйленко В. П.** Греческая колонизация VII – III вв. до н. э. – М. 1982. с. 257.

⁷⁸⁵ **Скилак Кариандский**. Описание моря...// ВДИ 1947, № 3, с. 241 – 242.

⁷⁸⁶ **Аппиан**. Митридатovy войны. // ВДИ. 1948, № 1, с. 283; См. об этом и у **Страбона** кн. XI, II, 1.

что...ахейцы на Понте были колонистами орхоменцев, которые после взятия Трои блуждали в этой области под предводительством Иалмена» (кн. IX, II, 42). Некоторые же исследователи считают причерноморских ахейцев даже потомками жителей древней малоазийской Аххийявы⁷⁸⁷. Вряд ли, однако, можно сомневаться в том, что «скифские» (по выражению Аппиана) ахейцы, не имеющие, конечно, ничего общего с эллинами, являются, по всей вероятности, одной из прибрежных древнеабхазских родоплеменных групп⁷⁸⁸. Это подтверждается, в частности, данными абхазской топонимики. Так, почти все побережье от Гагры до Адлера старые абхазы и по сей день называют **Аха**. Недалеко отсюда, в верховьях р. Бзынь, имеется и местность под именем «селища (рода) **Ахба**», а одна из впадающих в нее речек известна под названием **Ахей**⁷⁸⁹. Воинственные ахейцы, локализуемые в северо-западной части исторической Абхазии, многими исследователями сопоставляются с одним из древнеабхазских племен (ср. абхазские родоплеменные названия не только **Ахба**, но и **Хиба**, распространенные до сих пор в указанной части Абхазии).

Далее, на северо-западе обитали в древности **керкетские** племена. **Скилак Кариандский**, перечисляя различные западно-кавказские племена с севера на юг, указывает, что за Синдской гаванью (в районе Анапы) живет народ керкеты – племя, упоминаемое многими древними авторами и отождествляемое с позднейшими черкесами. За керкетами он упоминает торетов, за ними – ахеев, а за ахеями народ гениохов. За гениохами – кораксы и колика.

Керкеты – оседлое население приморской низменной части побережья (иногда помещавшиеся и в горах), занимавшееся земледелием, мореходством, ремеслами. Наличие же на керкетском побережье пункта «**Старая Лазика**» **Г.А. Меликишвили** связывает с эпохой политического влияния колхов, когда картвельские элементы могли получить здесь относительно небольшое распространение. Происхождение этого названия, в такой локализации, остается все же еще неясным и спорным.

На Черноморском побережье Кавказа в античное время проживало также племя **агры**, которое **Страбон** причислял к меотским синдским⁷⁹⁰ племенам (ср. абхазское родоплеменное **Агрба** т.е. потомки агра).

Земли от Новороссийска через южную часть Таманского полуострова до Приазовья занимали синдо-меотские племена. При этом, однако, основная масса археологических памятников, которые считаются принадлежащими меотам, находится в бассейне р. Кубань и ее притоков⁷⁹¹. В районе современной Анапы размещались греко-синдский эмпорий и порт Синдика. Образование Синдского рабовладельческого государства относится к V в. до н. э. Синдика уже с VI в. до н. э. находилась под сильным эллинским влиянием, а в V в. была включена в состав Боспорского царства. Приазовские и прикубанские местные синдо-меотские племена вместе с ассимилировавшимися сарматскими и другими племенами являются, по мнению отдельных ученых (например, **Ю. С. Крушкол**), непосредственными предками современных адыгских народов⁷⁹².

Таков неполный перечень сложного племенного состава населения Кавказского Причерноморья в античную эпоху. Как мы могли убедиться, здесь довольно нередки совпадения или близость названий некоторых племен, локализуемых античными авторами в пределах нынешней Абхазии и к северо-западу от нее и побережья северо-восточных областей Малой Азии. Так, керкеты упоминаются как на северо-кавказском, так и вблизи малоазийского побережья Черного моря (страбоновские «**аппаиты** – древние керкиты»

⁷⁸⁷ ВДИ. 1947, № 3, с. 242, прим. 1.

⁷⁸⁸ У комментаторов свода В. В. Латышева, **ахейцы названы абхазами**.// ВДИ. 1948, № 1, с. 285, прим. 8.

⁷⁸⁹ **Подозерский К. И.** Санчарская через Главный Кавказский хребт тропа...// ИКОИРГО. Том XVI, 1903, 2, с. 231

⁷⁹⁰ **Страбон.** Кн. XI, II, 11.

⁷⁹¹ **Каменецкий И. С.** Новый меотский могильник в Приазовье // СА. 1968, № 2, с. 264.

⁷⁹² **Крушкол Ю. С.** К вопросу об этногенезе синдов. // Античное общество – М. 1967, с. 161.

в горах Скидиса и Париадра» (кн. XII, гл. 3, 18). Тот же **Страбон** упоминает где-то на границе Колхиды и Трапезунтской области поселение **Зигополь**, там же перевал **Зигана**, связываемые с абхазо-черкесским племенным названием **зигов**, **Зиганисом** и рекой **Зиганий** в Южной Абхазии, а недалеко от Трапезунта, к западу от него, локализуется и поселение **Гермонасса**, одноименная Гермонассе Таманского полуострова и др.

Племенная раздробленность и разобщенность, подвижность населения, непрочность родоплеменных сообществ, отсутствие централизованного политического объединения ограничивали не только возможности сопротивления внешним нашествиям, но мешали и консолидации местных племен в единую народность с постоянной территорией и прочной государственной организацией. С другой стороны, продолжительные интенсивные связи разного характера и взаимодействия с культурными центрами античного мира, способствовали общему их подъему, ускорению социально-экономического и этнокультурного развития, о чем говорит наличие у **генихов**, **ахеев** и **зихов**, **царей** и **тиранов**, в подчинении у которых были скиптро- или жезлоносцы, управлявшие народом, а это сведение, что очень важно, относиться к первой половине I в. до н. э. Кстати и **Випсаний Агриппа** отмечал у каждого из них своего собственного владыки.

Имеющиеся материалы, нашедшие частичное отражение и в этой книге, показывают, насколько далеко уходят вглубь истории этнические и культурные корни абхазского народа. Однако, есть ученые, которые, как ни парадоксально, не замечают ничего абхазского в Абхазии ни в античную эпоху, ни в последующие века вплоть до XVII столетия. Вот только один пример. **М. П. Инадзе**, изучая этнополитическую историю древней Абхазии и обходя при этом полным молчанием самих абхазов, приходит к заключению, что «в VI – I вв. до н. э. как в прибрежной, так и в горной части территории современной Абхазии в этнополитическом отношении ведущим было грузинское население, главным образом западногрузинские племена (мегрело-чанские, сванские)».⁷⁹³

Показательно в этом отношении и заявление одного из авторов предисловия и переводчика на русский язык извлечений с комментариями из второго тома десяти томного труда **Эвлия Челеби**, изданного турецким историком **Ахмедом Джевдетом** – **Г. В. Путуридзе** о том, что территория от Трапезунта до Анапы входила в области «которые в I тысячелетии н. э. были колыбелью западногрузинских раннефеодальных Лазского и Абхазского царств» и в которых грузинские народности оставались коренным населением и во времена **Эвлия Челеби**. И ни слова не сказано о «25 племенах «абаза», [проживавших] на побережье моря и в горах» (с. 47 – 55, 33.), подчиненных будто-бы при султане Сулеймане II Кануни, а ведь «около семидесяти родов и племен абаза», указано **Эвлией** от реки **Фаша** до черкесского племени **жане**, с которым граничило последнее абазское племя **Кутаси**.⁷⁹⁴ Да и некоторые комметнарии его довольно странны.

Но для такого фактически полного отрицания присутствия и роли абхазского этнического элемента на территории Абхазии с античного времени нет никаких оснований. Даже **Г. А. Меликишвили** писал, о чем уже говорилось выше, что на территории Колхиды, наряду с картвельскими в древности жили и абхазо-адыгские

⁷⁹³**Инадзе Мери**. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии // «Мацне». 1992, 1, с. 20 (на груз. яз.). Любопытно, в связи с этим, что сама **М. П. Инадзе** в 1950 годах писала: «из анализа сведений **Арриана**, явствует, что апсилы и абазги происходят из центральных районов Колхиды и связаны по своему происхождению с проживавшими здесь грузинскими племенами». Как она предполагала эти племена в начале I в. н. э. занимали земли к северо-западу от р. **Ингури**, а южнее р. **Фасиса** расселялись **лазы**. Но о том, кто жил в междуречье **Ингури** – **Фасиса** ничего не говорится. У **Арриана** же ясно сказано, что **лазы** непосредственно соседнили с **апсилами**. Значит, по этому автору, **апсилы** в то время обитали до **Фасиса** (**Инадзе М. П.** К истории Грузии античного периода. (**Флавий Арриан** и его сведения о Грузии). – Тбилиси. 1953. с. 17, 18). (Прим. комм).

⁷⁹⁴**Путуридзе Г. В.** Автор части предисловия к **Эвлию Челеби**. Книга путешествия. Вып. 3. – М. 1983, с. 6. /Переводчик и комментатор раздела главы III, «Описание абхазских племен» (Прим. комм.)

племена. Ведь хорошо известно, например, что на этой территории уже с первых веков н. э. греко-римские писатели отмечают древнеабхазские племена апсиров, абазгов, санигов и других, которые, конечно же, жили здесь и до этого. Данные археологии, исторической этнографии, языка, топонимики, фольклора и прочих источников также позволяют утверждать, что именно предки современных абхазов (входившие, вероятно, в состав гениохийских племен) являлись основным населением Абхазии того времени (см. ниже).

Взаимодействие же местной и эллинской культур на абхазской почве прослеживается со второй половины I тыс. до н. э. Так, например, близ Сухума, на античном Эшерском городище, занимавшем 3 гектара и окруженном мощной каменной стеной со рвами, уже в III в. до н. э. проживало и местное земледельческое население. Формы земледельческих и других орудий труда и оружия свидетельствуют о длительной живучести их традиционных форм, а также и об этнической и культурной преемственности на данной территории, начиная с эпохи бронзы. Ведущиеся здесь археологические раскопки выявили в целом материалы VI – II вв. до н. э., а среди них и многочисленные привозные. В их числе амфоры, чернолаковая и краснолаковая посуда, черепица и др. Привозили же их сюда греческие купцы из разных античных центров для продажи как греческим колонистам, так и представителям местной знати. Найдены и могилы с западной и другой ориентацией, в отличие от обычаев античных греков, хоронивших своих покойников головой на восток. Местной является и большая часть могильного инвентаря: железное оружие, ножи, кувшины, кольца, браслеты, бусы и др. Все это говорит о большом значении и местного этнокультурного элемента в жизни античной Эшеры.

Вместе с тем тезису исследователя городища **Г. К. Шамба** о древнеабхазской этнической принадлежности захоронений как-будто противоречат, по его же словам, серебряные монеты, вложенные в уста двух покойников – мужчины и женщины. А это известный древнегреческий обряд (умершие должны были иметь при себе деньги, чтобы заплатить «обол» **Харону** за перевоз их душ через реку **Стикс**, реку забвения **Лету** и другие мифические реки на пути в потусторонний мир)⁷⁹⁵. Последнее говорит о том, что в греческих колониях вообще, в том числе в таких пригородах, как Эшерское городище, проживало немало представителей и местного населения, особенно знати, которая несомненно заимствовала у греков отдельные элементы как материальной, так и духовной культуры, обычаи и традиции, включая и религиозные (похоронные и пр.). Жители таких городищ по существу должны были представлять собой смешанное греко-местное эллинизированное население с преобладанием в одних случаях греческих, а в других – местных элементов культуры в зависимости от того, в расцвете ли находилась греческая колония или клонилась уже к упадку.

Эшерское городище является, может быть, одним из наиболее ярких объектов, на примере которого может быть прослежено взаимопроникновение местной и греческой культур. Но это не единственный пример взаимодействия. Близкую картину мы наблюдаем также по материалам раскопок ряда населенных пунктов и могильников Абхазии античного времени (**могильники и поселения Гуад-иху, Красный Маяк, Сухумская гора, башня Одынец, Ахул абая, Шубара, Гвандра, в верховьях р. Гумиста, в пос. Балан селения Адзюбжа и др.**).

Вообще «интернациональность», конечно относительная – характерная черта населения Абхазии с отдаленных эпох. Это и не удивительно. Кавказское побережье Черного моря служило мостом, связывающим юг нашей страны с Передней Азией. Представители народов, которым приходилось продвигаться по этому «мосту», частично оседали на пути своего следования, усложняя тем самым, этническую карту края. Что касается античного периода, то существуют прямые указания источников о многоплеменности населения приморской Абхазии этого времени. Вспомним, например,

---

⁷⁹⁵ **Шамба Г. К.** Тайна древнего городища // Ж-л «Алашара». 1973, 11, с. 100 – 103 (на абх.яз.); **Его же**, – Эшерское городище. – Тбилиси. 1980, с. 45 – 46.

страбоновскую характеристику Диоскуриады, как торгового центра для народов, «живущих выше ее и вблизи», а также и известные слова **Плиния**, также ссылавшегося на автора III в до н. э. **Тимосфена**, что в ней собиралось до 300 представителей разноязычных племен и что там и при римлянах работало до 130 толмачей.

Свидетельством этнической неоднородности края является наличие греческого элемента в составе населения городов древней Абхазии, в том числе самом главном из них – **Диоскуриаде**, где юным **Юрием Сенкевичем** (будущим ведущим программы «Клуба путешественников»), на дне Сухумской бухты была обнаружена замечательная мраморная стела V века до н. э., изготовленная в древней Греции⁷⁹⁶. Это надгробие представляет собой не только художественный, но и большой культурно-исторический интерес. В частности, оно говорит нам о существовании у территории древнего города Диоскуриады греческого некрополя, исчезнувшего со временем в морской пучине.

Но местный элемент населения был представлен не только в **Диоскуриаде**, **Питиунте**, **Гюзносе** и других городах, но, как уже говорилось, и в их пригородах. Так недалеко от Диоскуриады – в районе современной Нижней Эшеры, в погребении местного представителя была обнаружена панафинейская чёрнофигурная амфора 20-х годов VI в. до н.э. с самой ранней на нашей территории греческой надписью «**Никон**» и многое другое⁷⁹⁷.

Однако, разумеется, греческий слой является не единственным этническим элементом, принимавшим определенное, хотя и ограниченное участие в этногенезе абхазов. Немногочисленные, но выразительные памятники скифской культуры были выявлены в ряде пунктов Абхазии, из которых наиболее значительным является Куланурхвинский могильник⁷⁹⁸. Кроме того, как выясняется новейшими исследованиями, на абхазском побережье мы находим следы пребывания даже карийцев. **Ю. В. Откупщиков** связывает происхождение топонима Пицунды с догреческой, карийской топонимикой⁷⁹⁹. Однако, подобные, в целом небольшие иноплеменные инфильтрации со временем обычно растворялись в местной этнической среде, почти не оставляя следа.

2. Колхида и колхи⁸⁰⁰

Одним из важнейших вопросов, возникающих при исследовании этногенеза древнеабхазских племен, является вопрос о взаимоотношениях древней Абхазии с ее населением и место их в овеянной легендами Колхиде.

Истории известны две Колхиды (не только в географическом, но и в политическом смысле) – одна ранняя, южная, другая – более поздняя, северная. В середине VIII в. до н. э. урартскими источниками было засвидетельствовано крупное объединение племен – **царство Кулха**. Впервые это название появилось в связи с походом царя **Сардури II** в 750 – 748 гг., до н. э. но, как считают некоторые исследователи, оно могло возникнуть и в более раннее время⁸⁰¹. Его территория располагалась в основном на среднем и нижнем течении реки Чорохи с прилегающими территориями, а после разгрома урартами царства

⁷⁹⁶Трапш М. М. Труды. Том 2. – Сухуми. 1969, с. 229, 231.

⁷⁹⁷Шамба Г. К. Погребение VI в. до н. э. близ Сухуми. // КСИА. 1983, с. 174.

⁷⁹⁸Трапш М. М. Памятники колхидской и скифской культуры в селе Куланурхва Абхазской АССР //Трапш М. М. Труды. Том I. – Сухуми. 1970, с. 162, 168.

⁷⁹⁹Откупщиков Ю. В. Греческая колонизация Причерноморья и карийцы. //Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов. – Тбилиси. 1975, с. 18, 19, 20. Представляет интерес, что древнейшим названием **Милета**, основанного греками в Малой Азии в Кarii, было **Питиусса**, а сама **Кария** называлась **Питиа** (от слова сосна); **Его же**. Карийцы в Причерноморье (Ономастика). // Кавказ и Средиземноморье. – Тбилиси. 1980, с. 74.

⁸⁰⁰ В этом разделе главы акцент делается в основном на территорию Абхазии.

⁸⁰¹Г. А. Меликишвили и И. М. Дьяконов допускают возможность его образования еще в XII в. до н. э. //Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. 1954, с. 407, 409 и Дьяконов И. М. Указ. соч. с. 138.

Дайаени (район Эрзерума и верховьев р. Кара-су), расширилась и за счет его северо-восточных областей. Население этого царства, как считает **Г. А. Меликишвили**, этнически было западно-грузинского происхождения⁸⁰².

Исходя из той, как предполагает **Г. А. Меликишвили**, большой роли, какую играли в ближневосточных делах правители Кулха, имевшие на востоке Малой Азии свои «царские города», – политический центр царства, видимо, находился в среднем и нижнем течении р. **Чорохи**, которая в то время называлась «**Фасисом**». Как он пишет, в топонимике и прилегающей области сохранились обозначения, связанные с этим названием [область **Басиани**, в верховьях р. **Аракс**, арм. **Басен** и турец. **Пасин**, племена **фасианов** и др.] На р. **Риони** это название, по его мнению и мнению некоторых других исследователей, было перенесено позднее. Древнюю же столицу царства **Кулха**, как считает **Г. А. Меликишвили**, видимо следует искать в приморской полосе района приустья реки Чорохи.⁸⁰³

Царство **Кулха** представляло собой не простой союз племен, а являлось уже государственным образованием раннерабовладельческого типа, находившимся в окружении племен, живших еще в условиях первобытнообщинного строя. В 20-х годах VIII в. до н. э., разгромленная вторгшимися киммерийцами и скифами⁸⁰⁴ Кулха прекратила свое существование. О ней ничего не слышно уже со времен ассирийского царя Саргона II (722 – 705).

Как предполагают, в продолжение следующего времени на территории Западного Закавказья формируется **Североколхидское царство**, куда, как принято считать, переместились политические центры бывшего Кулха с частью сохранившегося населения. По мнению ряда ученых оно сложилось в VII или VI, а по мнению других в IV или III вв. до н. э. и простиралось от устья р. **Чорохи** или от г. **Трапезунта** и до р. **Кодор** или современного **Сухума**. Центр его, по мнению многих ученых, находился на р. **Фасис** (**Риони**)⁸⁰⁵. Эта область, в основном Колхидская низменность, у восточногрузинских племен была известна под именем **Эгриси**.

На территории Колхиды население было неоднородным по своему этническому составу, но основную ее часть (Колхидская низменность) занимали западно-картвельские племена, которые принято считать идентичными древним колхам⁸⁰⁶. Впрочем, говоря словами самого **Г. А. Меликишвили**, «Колхида» и «колхи» – это общие, неопределенные, собирательные термины, употреблявшиеся для обозначения «любого из племен», населявших территорию исторической Колхиды [даже колхидских греков].

Политическая гегемония этого образования, далеко не всеми учёными признаваемого, охватывала будто бы еще более обширную территорию – на севере и

⁸⁰² Там же. с. 218, 219, 223.

⁸⁰³ В связи с этим можно вспомнить страну II тыс. до н. э. **Хайасу**, находившуюся на восточной окраине Малой Азии в соседстве с территорией племен кашка, говоривших, как предполагал еще в 1930 г. **Э. Форрер**, на протохеттском языке. Земли **Хайаса**, как кажется, до сих пор достаточно точно не определены, однако, где бы они не находились, можно утверждать, что при всем том, она имела выход к Черному морю, на побережье которого находилась ее город-крепость под названием **Арипса**. Исследователи, в том числе и **Г. А. Меликишвили** не сомневаются в абхазо-адыгском облике данного топонима. Об этом городе стало известно из анналов хеттского царя **Мурсилиса II**, который в 1329 г. до н. э., в войне с Хайасой завоевал Арипсу, лежавшую по его словам «в море», т. е. на побережье. Вместе с тем, нельзя не обратить внимание на схожесть термина «**Арипса**» с гидронимами этого региона античного времени – рр. **Апсар Акампис**, **Арпас** и другие, а также и крепость в устье Чороха – **Апсар**. Если сравнить названия **Арипса** и **Апсар**, то сразу бросится в глаза, что здесь, видимо со временем, произошла метатеза – в слове **Арипса** элемент «**пса**» переместился вперед и вполне можно предположить, что **Арипса** и **Апсар** это один и тот же пункт. Возможно именно он и стал столицей царства Кулха? (Прим. комм.)

⁸⁰⁴ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. с. 115.

⁸⁰⁵ Инадзе М. П. О времени образования Колхидского царства по данным древнегреческих авторов // Вопросы древней истории. 4. – Тбилиси. 1973, с. 168; см. также // ВДИ. 1952, № 2, с. 270.

⁸⁰⁶ Меликишвили Г. А. Указ. соч. с. 62 – 66, 78.

северо-западе его границы [географически, а не этнически] доходили до Главного Кавказского хребта и современного Сухума, а некоторые считают, что даже до Пицунды.

В последней трети VI и первой половине V в. до н. э. Колхида находилась в определенной зависимости от ахеменидской Персии. Как убеждены многие приверженцы существования Колхидского царства, ко II в. до н. э. или после II века его уже не существовало – оно распалось в силу неизвестных причин на скептухии со своими самостоятельными правителями. В конце II века (105 – ? гг.) ее прибрежная полоса была захвачена **Понтийским царством, а административным центром с резиденцией наместника, как видно, стала Диоскуриада**. Остальная, внутренняя часть Колхиды была завоевана Митридатом Евпатором в 101 г. до н. э. или несколько позже, что вытекает из описания событий, предшествовавших первой митридатовой войне с Римом (89–84 гг. до н.э.). Как рассказывает автор конца I – начала II в. н. э. **Мемнон**, Митридат после захвата им Каппадокии **«подчинил войной и царей народов, живущих по Фасису до областей за Кавказом»**.⁸⁰⁷ Для управления этой страной царь посылал туда своих наместников из числа так называемых «друзей царя», за исключением 83 – 80 гг. до н. э., когда там, по просьбе и требованию восставших колхов, царствовал до своей казни отцом, **сын Митридата Евпатора – Митридат Филопатор-Филадельф**.

После завершения третьей Митридатовой войны в 63 г. до н. э., когда проигравший её и морально убитый в связи с изменой близких людей и особенно любимых сыновей, занимавших трон Боспорского царства – сначала **Махара**, а затем и **Фарнака**, понтийский царь покончил жизнь самоубийством, а вся его держава уже полностью распалась на части. **Страбон** пишет, что **Помпей**, завладев бывшими владениями Митридата «части ее, лежащие в сторону Армении и около Колхиды...раздал властителям, которые сражались на его стороне» (XII, III, 1). Там стали теперь править зависимые от Рима, так называемые «династы».

И Колхида получила призрачную самостоятельность. Еще в 63 г. до н. э. ее правителем **Помпей** назначил своего ставленника – некоего «династа» **Аристарха**. Понятно, что и он получил Колхиду за заслуги перед Римом в войне с Митридатом. При этом Страбон, некоторых новых властителей назвал царями, учитывая царское происхождение их родов, (как было в части **Пафлагонии**), а у галатов – тетрархами,⁸⁰⁸ из «исконных» т.е. древних знатных родов, в то же время нигде не говорит об **Аристархе** – ни о принадлежности его к царскому или иному роду, ни об его этническом происхождении (однако вряд ли он был из греков-наемников римской армии). Греческое его имя, возможно, говорит о нем, как о выходе из колхидских греков, часть которых воевала на стороне римлян. Здесь можно вновь вспомнить слова посла Митридата Евпатора, **Пелопида**, сказанные им римским полководцам в 89 г. до н. э.: Митридат «приобрел много окрестных земель: **и колхов – племя воинственное из эллинов же, обитающих у Понта...**»⁸⁰⁹. Значит, он мог быть «из воинственных колхов-греков», воевавших против Митридата на стороне римлян. Однако, скорее всего он происходил из эллинизированной знати местного колхского населения. **Аристарх стал верховным правителем Колхиды**, о чем говорит и качество исполнения его монет 52/51 гг. до н. э., носящих признаки государственной высокохудожественной чеканки, а также и надпись на них с его именем как правителя Колхиды.

После 16-летнего его правления, в 48 г. до н. э. в Колхиде неожиданно появился царь Боспора сын Митридата VI – **Фарнак**, решивший отвоевать у римлян и восстановить отцовскую державу – **Понтийское царство**, а значит и входившую в него **Колхиду**. Пройдя через неё, он без сомнения столкнулся с **Аристархом**, после чего, нигде и ни у кого, последний не упоминается. Можно предположить, что он погиб в этом

⁸⁰⁷ **Мемнон**. О Геракле. Кн. XV. // ВДИ. 1948, № 1. с. 235.

⁸⁰⁸ Все 3 племени галатов делилась на 4 части – тетрархии во главе с тетрархами из древних, говоря словами Страбона, «исконных родов» (**Страбон**. XII, V, 1). (Прим. комм.)

⁸⁰⁹ **Аппиан**. Митридатовы войны // ВДИ. 1948, № 1. с. 282.

столкновении. **Фарнак** же, одержав ряд побед и в Малой Азии, потерпел затем сокрушительное поражение от **Юлия Цезаря** (широко известны слова Цезаря об этой его победе: «Пришел, увидел, победил!»). Отпущенный римлянами **Фарнак** отправился возвращать Боспорское царство, где правителем объявил себя **Асандр** – его военачальник, оставленный им, на время своего отсутствия, наместником. Прибыв туда, **Фарнак** в тяжелом сражении с войсками Асандра получил смертельную рану и **умер от нее в 47 году до н. э.**

В том же году, желая убрать неугодного римлянам Асандра, **Юлий Цезарь** послал туда своего ставленника – **царя Пергама Митридата VII, побочного сына Митридата Евпатора**. И этот военачальник шел через Колхиду, как и Фарнак, стараясь завоевать страну, считая её частью бывшей Понтийской державы, но уже не для себя, а, как видно, по заданию Цезаря для Рима. Однако и Митридату не удалось свергнуть Асандра и занять обещанный ему престол. **Он был убит в том же 47 году.**

Таким образом, Колхида в течение кратчайшего времени два раза подверглась разграблению и разорению, но как видно, через некоторое время жизнь там наладилась, о чем говорит **свидетельство Плиния о том, что в Диоскуриаде продолжали совершаться торговые операции. По его словам, в этом городе «наши», т. е. римляне, «вели...свои дела при посредстве 130 толмачей»⁸¹⁰.**

В 36 г. до н. э. римляне возродили **Понтийское царство**, фактически вассальное по отношению к Риму. Правителем его поставили бывшего династа Киликии **Полемона I**. Возможно, какое-то время он владел и Колхидой, но было ли это и когда, установить невозможно. **В 14 г. до н. э. он завоевал Боспорское царство, тогда же был официально признан Римом властителем и Колхиды.** Кто правил в Колхиде до этого года неизвестно. Сохранились лишь слова Страбона о том, что **«в конце концов, Колхидой завладел Полемон»**, а кто были правителями Колхиды после Аристарха, нигде не сказано. Судя же по словам Страбона – **«в конце концов»** – можно предположить что их было несколько и переход власти, как видно, происходил немирным путем. После смерти **Полемона**, согласно Страбону, **«правила супруга его Пифодорида, которая была царицей колхов, городов Трапезунта и Фарнакии и лежащих выше варварских областей»**. А в 63 г. н. э. при **Нероне** Колхида вместе с частью Понта была присоединена Римом к провинции Каппадокия.

Итак, в римскую эпоху Колхида в административном отношении была связана с Понтийским царством, хотя римско-понтийское господство в Колхиде было довольно поверхностным. Основным опорным пунктом римского могущества на востоке Черноморского бассейна являлся **Трапезунт, но были и иные пункты, главными из которых стали крепости Апсар, Фазис, Севастополь.**

По вопросу уровня социально-экономического развития Колхиды у исследователей нет единства взглядов. С точки зрения одних ученых (например, **Л. И. Лаврова, В. П. Яйленко, И.М.Сосновкина, А. И. Болтуновой, Г. К. Соселия** и др.), колхидского рабовладельческого государства вообще не существовало, а по мнению других **Колхида, как и Кулха, была раннерабовладельческим государственным образованием, вокруг которого жили горные племена с родовым общественным устройством. В отличие от центральной Колхиды, пишет, например, Г. А. Меликишвили, жившей, по крайней мере с VI в. до н.э., «в условиях классового общества и государства, население южных и северных горных областей Колхиды все еще находилось в условиях родового строя с присущей ему политической раздробленностью на отдельные родоплеменные единицы»⁸¹¹.** Строй центральной Колхиды был, как он считает, по-видимому, сходен с социальным укладом Иберии. Часть исследователей, вопреки утверждениям **Г. К.**

⁸¹⁰Плиний Секунд. VI, 16 // ВДИ. 1949, № 2, с. 291.

⁸¹¹Меликишвили Г. А. Указ. соч. с. 252; см. также с. 18, 69.

Соселия и некоторых других ученых,⁸¹² придерживается того мнения, что общество Иберии в описании **Страбона**, не родовое, а сравнительно развитое классовое, с государственной организацией, возникновение которой падает однако лишь на конец IV или на начало III вв. до н. э.⁸¹³

Главным аргументом среди доказательств наличия классового общества в Колхиде и царской власти считают интенсивное обращение в ней монет⁸¹⁴, ибо родовой строй несовместим, согласно **Ф. Энгельсу**, с денежным хозяйством. Здесь первые два века имели хождение только местные серебряные монеты, так называемые «колхидки», эмиссия которых осуществлялась в основном в VI – IV вв. до н. э., а позже монеты и других центров античного мира.

В связи с важностью затронутого вопроса здесь приходится дать краткий экскурс в область нумизматики с обзором монет, связываемых так или иначе по происхождению с территорией Колхиды, а значит и Абхазии раннеантичного времени, что имеет для последней немаловажное значение.

Тетрадрахмы:

I/ На самых ранних, чрезвычайно редких, крупных экземплярах монет, названных **Д. Г. Капанадзе** (несмотря на недостаточный их вес) **тетрадрахмами**, изображалась на аверсе оскаленная голова льва в профиль, а на обороте во вдавленном квадрате протома пегаса. По сведениям бывших сотрудников музея и Абхазского института, в фондах Абхазского госмузея когда-то находились две такие монеты, но в 40-х годах они исчезли и от них остались только отлитые односторонние копии. Доказательств нет, так как старые инвентарные книги были тогда же сожжены, во время устроенного пожара.

Дидрахмы:

II/ Возможно, чуть позже появляются **дидрахмы** трёх типов:

1) на лицевой стороне – лежащий лев (или лев-гермафродит) с повернутой назад головой, а на оборотной, во вдавленном прямоугольнике коленопреклонённая женская фигура с головой или маской быка (**Тавропола?**)

2) на аверсе профиль человека, а на реверсе во вдавленных квадратах два человеческих профиля, обращенные друг к другу⁸¹⁵.

3) монеты подобны второму типу и синхронны им. Однако, во вдавленных квадратах вместо человеческих профилей помещены бычьи.

Драхмы:

III/ Как видно, еще чуть позже появляются **драхмы**:

1) на лицевой стороне львиная голова в ан фасы, а на оборотной во вдавленном квадрате голова быка, обращенная вправо. Эти драхмы чрезвычайно редки⁸¹⁶.

Полудрахмы:

IV/ Затем стали выпускать более мелкие номиналы – **полудрахмы (триоболы)** двух типов:

⁸¹² **Г. К. Соселия**, опираясь на страбоновское описание **Иберии**, утверждал, что «в I в. до н. э. в Грузии существовало не рабовладельческое, а родовое общество в стадии его разложения». (**Соселия Г. К.** Существовала ли рабовладельческая формация в Грузии // ВИ. 1956. с. 72 – 74).

⁸¹³ **Меликишвили Г. А.** К вопросу о возникновении классового общества и государства в Грузии. – Тбилиси, 1955 (на груз. яз.). Так считала в 1956 году и **Болтунова А. И.** Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии // ВДИ. 1956, № 2.

⁸¹⁴ См. и **Шамба С. М.** Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до н. э. – XIII в. н. э.). – Тбилиси. 1987, с. 9 – 47. (Часть единичных монет и кладов, обнаруженных в Абхазии, осталась неопубликованной, в том числе и указанный автором клад колхидок из Псырдзхи у Нового-Афона (с. 9.), как видно находившийся в частной коллекции. В основном колхидки в Абхазский музей не попадали. Прим. комм.)

⁸¹⁵ Такая монета была найдена в пос. Чобанлук с. Анухва (коллекция **А. Л. Лукина**). К сожалению, она пропала.

⁸¹⁶ В клад колхидских монет Абгосмузея, взятых на учет только в 1970-х годах, под № 494/1 – 44 первоначально входила подобная монета, к сожалению впоследствии исчезнувшая. Такая монета находилась и в неопубликованном пицундском кладе. (См. рукопись Г. К. Букучава. Архив. Ф. 6, д. 16. с. 1 – 22. Прим. комм.)

1) на лицевой стороне правый профиль оскаленной львиной головы, а на оборотной, во вдавленном квадрате, обращенная вправо протома львицы. Этот тип монет очень редок.

2) на лицевой стороне изображение человеческого профиля и головы быка на оборотной. Этот тип встречается на территории Западной Грузии тысячами, немало кладов и отдельных монет этого типа было найдено и в Абхазии, но большинство их в музей не попадало, а курсировало в руках многочисленных частных коллекционеров.

Гемитетартеморионы:

V) Выпускались и мельчайшие колхидки – гемитетартеморионы, их номинал, был менее 1/24 драхмы. На лицевой стороне обычная голова в профиль, а на оборотной – аист (?). В Абхазии они не обнаружены, возможно из-за их чрезвычайно мелкого размера.

В редких случаях на полудрахмах второго типа встречаются, до сих пор не до конца объясненные значения помещенных на них букв **А, ?М или ОМ, Е, П, Δ, ?**⁸¹⁷. Долгое время считалось, что чеканились все эти монеты **Колхидским царством**, но ныне, можно считать уже доказанным их полисное происхождение⁸¹⁸. **Г. Ф. Дундуа** убедительно обосновал отсутствие царской чеканки в Колхиде VI – IV вв до н. э.⁸¹⁹ Он считает, **«не исключая других возможностей... наиболее реальным видеть в выбитых на колхидках полудрахмах буквах, обозначение имен магистратов, что дает основание связывать эмиссию этих монет с полисом»**. Основная масса этих монет была найдена на территории Западной Грузии. В Восточной Грузии найдено всего несколько экземпляров. Отдельные монеты встречались и в районе Большого Сочи⁸²⁰. Колхидки полудрахмы были найдены и в Крыму – в Нимфее в археологическом слое второй половины VI в. до н. э. святилища Деметры; в Гермонассе и в других местах, что говорит о связях Колхиды с Боспорским царством⁸²¹. Клад этих монет был найден (?) и в Фергане.

Несомненный интерес представляют золотые подражания статерам **Лисимаха**, относившиеся в прошлом многими к III в. до н. э. Однако **Г. Ф. Дундуа** обосновал их выпуск временем **после правления Аристарха, т. е. после 50-гг. I века до н. э.** Наибольшее же внимание среди подобных монет привлекают известные только в двух экземплярах прекрасно исполненные монеты с надписью **«???????? ????»** считающиеся принадлежностью Колхиды. Имя **Аки, Аку**, как писал нумизмат **Д. Г. Капанадзе**, встречалось в Мегрелии, однако в Абхазии это имя широко распространено и в наши дни в виде **Ака, Акибей**. Это же имя выбито и на черепке из античной Пицунды. **Д. Г. Капанадзе** в свое время писал, что «создается возможность дать наиболее приемлемую этимологию Акуа с помощью абхазских морфологических норм: Акуа – «люди Аки», «место, где пребывают люди Аки...допустимо предположить, что Акуа-Сухум в древности был либо столицей колхидского царя Аки, либо местопребыванием его

⁸¹⁷ **Шамба С. М.** Еще о колхидках. // «Моамбе». 100, №1, 1980, с. 225 – 226.

⁸¹⁸ **Болтунова А. И.** Колхидки // ВДИ. 1973. № 4. с. 92 сл.; **Дундуа Г. Ф.** К происхождению колхидок с изображением льва // «Мацне». 1974. 1; **Его же.** Еще раз о происхождении колхидок. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. – Тбилиси. 1979, с. 280 – 283. Пожалуй, раньше всех мнение об их полисном происхождении высказала **М. П. Инадзе** и в буквах, вычеканенных на некоторых монетах, видела инициалы городских магистратов, что свидетельствует о наличии городского самоуправления. К сожалению в дальнейшем она изменила свое мнение (**Инадзе М. П.** К вопросу о самоуправлении в причерноморских городах Колхиды в античную эпоху // САНГ. 1958. Том 21, 2. с 241, 243). (Прим. комм.)

⁸¹⁹ **Дундуа Г. Ф.** Нумизматика античной Грузии. – Тбилиси. 1987, с. 17, 18, 21, 22, 25 – 27, 30.

⁸²⁰ **Шамба С. М.** Указ. соч. с. 19; **Воронов Ю. Н.** Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар. 1970, с. 67; **Скуднова В. М.** Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее // ВДИ. 1952, № 2; **Варганов Г. А.** Колхидская дидрахма, найденная в Гермонассе. // Нумизматика античного Причерноморья. – Киев. 1982, с. 71 – 74.

⁸²¹ **Лордкипанидзе Г. А.** Колхида в VI – II вв. до н. э. – Тбилиси. 1978. с. 104 – 119; **Лордкипанидзе О. Д.** Древняя Колхида. – Тбилиси. 1979, с. 169.

наместника»⁸²², хотя подобное объяснение Г. Ф. Дундуа считает наивным. При этом он установил время их выпуска 95–80-ми годами II в. до н. э. **Однако, при всём том, исследователь сомневается в их принадлежности Колхиде**⁸²³.

Возможно к концу II в. до н. э. выпускались также биллоновые и серебряные монеты с изображением мужского профиля в лучистой короне и надписью «?????... ????...». Эти монеты одними приписываются претенденту на царский престол Боспора, воспитаннику **царя Перисада**, скифу по происхождению **Савмаку**, который был провозглашен царем восставшими боспорцами в самом конце 108 г. до н. э. (однако на престоле царей он находился очень короткий срок лишь до февраля 106 г.). Другие же относили и относят эти монеты к чекану колхидского базилевса – **Савлака**. Их принадлежность к нумизматическим памятникам Колхиды подтверждается, в частности тем, что из этих редчайших монет (из литературы их известно всего семь экземпляров), три были найдены в районе Сухума, причем совместно с колхидками, местонахождение же других неизвестно. По мнению **К. В. Голенко** и **Д. Г. Капанадзе** эти монеты, **вероятнее всего чеканились в Диоскуриаде**⁸²⁴. Говоря о них **К. В. Голенко** пишет следующее: «... наиболее вероятным местом чекана наших монет нужно считать **Диоскуриаду, имея в виду не только то, что этот город был крупнейшим в Колхиде и единственно обладавшим монетным двором**», но «принимая во внимание и то, что именно в районе Сухума были найдены три монеты Савлака»⁸²⁵. Впрочем, важным для нас является не только факт их географической принадлежности, но и упоминание этого имени в античной литературе. Согласно **Плинию**, в Колхиде когда-то, в глубокой древности правил потомок Ээта, современник египетского фараона Рамсеса II, (1317 – 1251 гг. до н. э.) царь по имени **Савлак**. Это имя в форме **Соулах/Саулах (Саулахэ)**, где Саул, как видно, имя, а – ах в абхазском означает владетель, царь, сохранялось в среде высшей абхазской знати вплоть до начала XX в.⁸²⁶ Обращает на себя внимание и сходство оборотной стороны четырех из этих монет, с изображением головы быка – с реверсами колхидок, а лицевой – с драхмами Аристарха, на которых голова правителя Колхиды также обрамлена лучистой короной⁸²⁷. Однако Г. Ф. Дундуа стоит на точке зрения **Р. Вейля** и **В. Ф. Гайдукевича** о принадлежности этих монет Савмаку⁸²⁸.

В самом конце II в. до н.э. появляются медные монеты города Диоскуриады, представляющие собой «типичную городскую чеканку»⁸²⁹. Как отмечал **К. В. Голенко**, это «первый и единственный случай чекана автономной городской монеты в Колхиде».⁸³⁰ На аверсе монет изображены фригийские пилосы – две шапки братьев **Диоскуров** с шестью- или восьмилучевыми звездами над ними, а на реверсе – надпись в

⁸²²Капанадзе Д. Г. О достоверности имени, выбитого на статере базилевса Аки // ВДИ. 1949, № 1. с. 164 – 165; Его же. Нумизматические находки пицундской археологической экспедиции за 1958 – 1959 гг. // ВДИ. 1966, № 4, с. 178.

⁸²³Дундуа Г. Ф. Указ. соч. с. 90, 97.

⁸²⁴Там же. см. также Голенко К. В. Денежное обращение... с.18

⁸²⁵Голенко К. В. Указ. соч. с. 18, 20 – 21.

⁸²⁶Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. – М. 1955, с. 41.

⁸²⁷Дундуа Г. Ф. Указ.соч. с.102 – 105.

⁸²⁸Здесь важно отметить найденный в 1965 году, но не взятый на учет и оставшийся неопубликованным, пицундский клад из 37 серебрянных монет, в котором вместе с 19-ю синопскими, 11-ю колхидками, находились и 7 серебряных монет хорошей сохранности, как видно не бывших в употреблении, с надписью Саул, причем 4 из них на обороте имели изображение головы быка, а остальные – розы. К сожалению этот клад вскоре исчез. В научном архиве музея остался только черновик, посвященной ему статьи, бывшего сотрудника **Г. К. Бокучава** и краткая рецензия на неё сотрудницы музея. Сведения о кладах колхидок и кладах с колхидками даны по рукописи статьи сотрудницы музея **М. К. Хотелашвили**, пропавшей во время войны при погромах кабинетов сотрудников Абгосмузея (Эшерском, Бешкардашском, Псырдзхвинском, Пицундском и Баргебском кладах). О кладе колхидок из **Баргеби**, найденном в 1986 г. и состоявшем из 359 серебряных и 28 медных (?) колхидок полудрахм, см. работу **Зухбая В., Зантарая Х.** Гали – Сухуми. 1988, с. 63. (Прим. комм.)

⁸²⁹Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. – М. 1955, с. 40.

⁸³⁰Голенко К. В. Денежное обращение Колхиды в римское время. – Л. 1964. с. 18.

три строки, пересеченная сверху вниз жезлом Диониса – «ДиΙος-κουΙρια-δΙος»⁸³¹ «?Ι Ι ??-?Ο??Ι ??Α - ??????». Изображение жезла является не только датирующим признаком, поскольку приблизительно известно время, когда Митридат Евпатор объявил себя «новоявленным Дионисом» (105 – 90 гг. до н. э.), но и свидетельством экономической и политической зависимости Колхиды от Понтийского царства⁸³².

В Абхазии находят и анонимные монеты с изображением лотоса на аверсе и восьмиконечной звезды Диоскуров (?) на реверсе⁸³³. По мнению Г. Ф. Дундуа, они чеканились в центральной Колхиде в предполагаемом им столичном городе Вани⁸³⁴ в период царствования сына Митридата VI – Митридата Филопатора в 83 – 80 годах до н. э. Клад таких медных монет в количестве 124 экземпляров был найден во время раскопок в Вани⁸³⁵.

В 52/51 гг. до н.э. выпускал свою монету и **Аристарх Колхидский** с надписью «??? ????? ??????А????», дословно – «**Аристарх [над Колхидой]**», что фактически означало «Аристарх – правитель Колхиды». На лицевой стороне монеты изображена мужская голова в лучистой короне, а оборот одной из них являет собой почти полное повторение реверсов статеров лисимаховского типа.⁸³⁶ **Таких монет найдено всего пять экземпляров, причем известно местонахождение лишь одного – это вновь окрестности Сухума.**

* * *

Приверженцы мнения о существовании царства думают, что под влиянием различных внутренних и внешних сил, характер которых остается неясным, Колхида распадается на составные части, которые становятся в известной степени самостоятельными политическими единицами. **С точки зрения С. Н. Джанашиа, эти новые политические образования – «царства» махелонов и гениохов, лазов, апсилов, абазгов, санигов и зихов – сложились в I – II вв. н. э. на территории исторической Колхиды в результате распада единого Колхидского государства на отдельные «скептухии», переросшие в названные «царства» или «княжества» с суверенными правителями.**

---

⁸³¹ Там же. с. 40 – 41.

⁸³² Представляет интерес мнение Н. Ю. Ломоури о статусе Диоскуриады в митридатово время, изложенное следующим образом: «Митридат VI, как видно, сделал центром своей власти, своего господства и, надо думать, резиденцией понтийского правителя г. Диоскурию», она «стала административным центром Колхидской сатрапии... В митридатовское время именно Диоскурия выпускает монету, а во время бегства своего в Колхиду сам Митридат останавливается именно в Диоскурии». (Ломоури Н. Ю. К истории Понтийского царства. – Тбилиси. 1979, с. 225, 227 и др.) (Прим. комм.)

⁸³³ В 60-х годах клад таких монет, найденный в Пицунде, поступил в Абхазский Госмузей. Однако на учет он взят не был и исчез (сохранилась только часть посвященной ему статьи сотрудника музея). Подобные им четыре серебряные монеты, были обнаружены в 1986 г. в комплексе № 6 могильника, расположенного у Цебельдинской крепости, с материалами, датируемыми в основном II – I вв. до н. э. (Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Материалы по культуре апсилов II в. до н. э. – II в. н. э. // Труды АГУ. Том VI. 1988. с. 46). Еще одна такая монета и тоже из серебра была найдена на Эшерском городище. (Шамба С. М. Указ. соч. с. 35). Судя по традиционной для Понтийского царства восьмилучевой звезде на реверсе монет, можно предполагать их принадлежность этой державе. Скорее всего, их чеканили от имени самого Митридата Евпатора, так как он запретил всем городам своего царства чеканить монеты из золота и серебра, оставив это право только за собой.

⁸³⁴ Что же касается самого Вани, то там во время раскопок была обнаружена бронзовая доска «из надписи которой следует, что Вани... это город Сурий, а официальным языком горожан был «безупречный» греческий язык». (Воронов Ю. Н. Послесловие к кн. Иоаниди Н. Н. Греки в Абхазии. – Сухуми 1990. с. 84. Прим. комм.)

⁸³⁵ Дундуа Г. Ф. Чеканилась ли монета в Вани // «Мацне». Серия История. Археология. 1972, № 2. с. 146 – 159; Его же. Нумизматика античной Грузии. – Тбилиси. 1987. с. 110 – 122.

⁸³⁶ Дундуа Г. Ф. Нумизматика античной Грузии. с. 132.

По мнению же **Г. А. Меликишвили, Н. Ю. Ломоури** и других они образовались под влиянием процесса «варваризации» всего Юго-Восточного и Восточного Причерноморья, связанного, будто бы, с массовым проникновением в прибрежные районы Колхиды горских племен, стоявших на ступени «военной демократии», захватом ими политической гегемонии и образованием вследствие этого новых союзов племен, «царств» и «княжеств». **Л. А. Ельницкий** же считает, что изменения в этнической номенклатуре были вызваны «процессами бурного этногенеза гениохийских племен».⁸³⁷

Колхида – крупная область в основном сравнительно однородной (с вариантами) материальной культуры, отличной от синхронной ей культуры Восточной Грузии, для которой характерна другая археологическая культура со своеобразными топорами, мечами с тупым концом и др. Колхидская же – это археологическая культура переходного периода от бронзы к железу (конец II – середина I тыс. до н. э.). Она синхронна и очень близка Кобанской и Прикубанской культуре Северного Кавказа и представлена кладами, могильниками (с грунтовыми и кувшинными захоронениями) и поселениями. Во время раскопок последних, выявлены замечательные бронзовые топоры, кинжалы, боевые браслеты, пряжки, различные украшения, браслеты, фибулы, подвески, бусы, мотыжки, серпы и многое другое. «Мы не можем не указать, – писал **Е. И. Крупнов**, -- на поразительное сходство отдельных категорий предметов из могильников Кобанской культуры Центральной части Северного Кавказа с обильными находками бронзы из районов Имеретии, Абхазии и даже южного Турецкого побережья Черного моря (Орду)»⁸³⁸. Не случайно велись споры, следует ли вообще выделять кобанскую и колхидскую культуры и не вернее ли рассматривать их как единый поток культурно-исторического развития. Такого мнения, как известно, придерживались многие известные исследователи (**М. М. Ивашенко, С. Н. Джанашиа, И. И. Мещанинов, Б. А. Куфтин, А. Л. Лукин** и др.). Напомним, что **А. А. Иессен** в своей замечательной работе, посвященной исследованию «прикубанского очага металлургии и металлообработки», счел нужным особо отметить, что «ранние формы кобанского и колхидского металла особенно четко выявляются в Западной Грузии, где, очевидно, и следует искать первичный очаг появления новых форм и новых технических приемов, широко распространившихся затем в районы Центрального Кавказа»⁸³⁹.

Колхидская культура широко представлена не только в центральной Колхиде и на территории современной Абхазии, но и на прилегающих к ним территориях. С северо-запада, например, в районе Большого Сочи и его окрестностей, она «характеризуется бронзовыми топорами, наконечниками дротиков и стрел, застегками-фибулами, булавами, фигурками животных, височными подвесками, так называемой «текстильной» керамикой». И вряд ли можно отрицать, что местное население данного района в эпоху колхидской бронзовой культуры было абхазским. «Преобладание в металлических изделиях черт колхидской культуры, а также наличие поселений с «текстильной» керамикой позволяют допустить этническое единство обладателей этих изделий с населением более южных районов, т.е. предполагать их принадлежность к древнеабхазским племенам, известным позже под именем гениохов»⁸⁴⁰.

Однако это не означает, что Колхида отличалась полным этническим единством, хотя некоторые авторы придерживаются, того мнения, что население как Кулха, так и Колхиды с прилегающими к ней восточными и северозападными территориями, этнически было целиком западно-картвельского происхождения.

⁸³⁷ Ельницкий Л. А. Указ. соч. с.184 (Прим. комм.)

⁸³⁸ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. – М. 1960, с. 71.

⁸³⁹ Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. 1951, 23, с. 119.

⁸⁴⁰ Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар. 1979, с. 57, 60, 67, 68.

Положение о картвельском характере этнокультурной истории Колхиды развивается, в частности, **Г. А. Меликишвили** в его книге «К истории древней Грузии». Это положение основано отчасти на том, что область Колхидской низменности у восточных грузин в древности была известна под именем **Эгриси**, а этот термин обычно понимается как этническое наименование населения указанной области – «егры» или «мегры», «мегрелы». Но, во-первых, как указывает **И. М. Дьяконов**, эти термины – «егры», «мегры» – не являются этническими названиями, а происходят от имени страны (на карте «Армения в I – II вв.» написано: «**Колхида (Эгер)**», т.е. Колхида называлась еще **Эгером**, а, «во-вторых, в древнегреческих описаниях в качестве синонима названия «колхи», как было сказано, употребляется название «**фазисаны**», «**фасианы**», восходящее, к древнему абхазо-адыгскому этнотопониму»⁸⁴¹.

Что племенной состав Колхиды и ее окрестных областей не был однородным вытекает из сообщения **Мемнона**, о чем уже говорилось выше: «**Митридат подчинил войной и царей народов, живущих по Фасису до областей за Кавказом**». Важны в этом отношении и слова посла Митридата – **Пелопида**, также приведенные выше, о воинственных «**колхах-эллинах, живущих у Понта**» и о «**варварах, живущих за ними**», а также и свидетельство **Аппиана**, писавшего в 160 г. н. э. о разнородном в этническом отношении составе присоединившихся к **Митридату** отрядов местных, причерноморских правителей: «**В качестве союзников к нему присоединились, кроме прежних войск, халибы, армяне, скифы, тавры, ахейцы, гениохи, левкосиры и те, которые живут на землях, так называемых Амазонок, около реки Термодонта**». Однако и этот перечень далеко не отражает всего племенного многообразия региона. Не менее существенно и описание **Диона Кассия** о походе **Помпея** из Иберии в Колхиду, когда последний «**прошел через земли колхов и их соседей, действуя то убеждением, то страхом**». Эти свидетельства говорят о том, что упомянутые соседи колхов были другой этнической принадлежности. Дойдя же до Фазиса, Помпей, узнав, что «**путь по материку идет через земли многих неизвестных и воинственных племен**, а морской путь еще затруднительнее, вследствие отсутствия гаваней в этой стране и суровости ее обитателей», приказал флоту сторожить **Митридата**, а сам обратился против албанцев⁸⁴². Значит и за Фасисом тоже жили незнакомые еще римлянам племена.

Во всяком случае, состав населения южной и северной части Колхидского царства, этническая территория которого доходила, по **Г. А. Меликишвили**, до устья р. **Кодор**,(?) отличалась значительной многоплеменностью⁸⁴³, но большую часть этой территории затем, как он думает, занимало западно-картвельское (мегрело-чанское) племя лазов, идентифицируемых иногда древним колхам⁸⁴⁴.

Впервые упоминание о лазах (если не считать **Ликофрона** III в. до н. э.), наряду с апсилами и санигами, мы находим в «Естественной истории» **Плиния**. «В 140 000 шагов от Трапезунта река **Абсар** с соименной крепостью при устье, – читаем мы у него. В этой местности за горами лежит **Иберия**, по берегу живут гениохи, ампревты, **лазы**, текут реки **Акампеон**, **Исис**, **Могр**, **Батис** (Глубокая), **потом племена колхов**, город **Матий**, река **Гераклей** с мысом того же имени и славнейшая из понтийских рек **Фасис**».⁸⁴⁵ Затем сведения о лазах мы находим у **Арриана** и у других авторов, причем позднее имя этого племени было постепенно распространено на всю Колхиду. По **Г.А. Меликишвили**, лазы, вероятно были чанским племенем, проникшим сюда из области **Луша**, урартских источников, с названием которой связывают этноним «лазы». Под натиском проникших с юга лазов, как пишет он далее, древнее население Центральной Колхиды – эгры были

⁸⁴¹ Атлас Армянской ССР. 1961, с. 104. См. и **И. М. Дьяконова**.

⁸⁴² **Дион Кассий Коккеан**. Римская история // ВДИ. 1948, № 2, с. 271. См. и ВДИ. 1946, № 4, с. 266.

⁸⁴³ **Меликишвили Г. А.** Указ. соч. с. 86.

⁸⁴⁴ Там же. с. 62 – 66, 78.

⁸⁴⁵ **Плиний**. Естественная история // ВДИ. 1949, № 2, с. 288 – 289.

оттеснены, вероятно, во внутренние области Западной Грузии⁸⁴⁶, а позже происходит слияние лазов с этнически почти однородными с ними «эграми», «мегрелами» – «древнейшим» населением центральной Колхиды⁸⁴⁷. Но каким же образом через ряд веков им удалось разъединиться и вновь стать мегрелами и лазами?

С Колхидой связан знаменитый античный миф об аргонавтах, сложившийся еще в догомеровское время⁸⁴⁸, а если принять во внимание рассказ Плиния о современнике Рамсеса II отомке **Эта** колхидском царе **Савлаке**, то этот эпос придется отодвинуть почти на середину II тысячелетия до н. э. До нас он дошел в поэтической обработке **Пиндара** (V в. до н. э.), а также и в более поздних вариантах. Далекую страну **Эю**, куда совершили свое плавание аргонавты, **Пиндар отождествил с Колхидой, но, как видно, еще с Южной, т. е. с бывшей Кулха**. События же в поздних версиях происходят за одно поколение до Троянской войны древних греков против города Трои (Илиона), на малоазийском побережье Геллеспонта (конец XIII или начало XII в. до н. э.).

Итак, Колхида – в начале название исторической области и государства в среднем и нижнем течении Чорохи, а затем и в современной Западной Грузии. Считается, что Колхида, о чем уже отмечено выше, это раннерабовладельческое царство, просуществовавшее по одним авторам с VI до II вв. до н. э., а по другим лишь с III в. и до I в. до н. э.

Начиная с первой половины VI в. до н. э. в Колхиде появляются греческие города-колонии – Диоскуриада, Гиен (Гюэнос), у города Очамчира (стар. Ачамчира), Фасис на р. Риони, и другие⁸⁴⁹, которые, главным образом, широко практиковали работорговлю⁸⁵⁰. Местные жители занимались скотоводством, имевшим многочисленных божеств-покровителей, земледелием с использованием сохи с железным наконечником (покровительницей плодородия земли была богиня **Джаджа**), сеяли несколько видов зерновых, богиней которых была Анапа-Нага и технических культур. Высокого совершенства достигли в возделывании и обработке льна и конопли, которым у абхазов покровительствовало божество **Кукуна/Квиквину** (у абхазов **лен – акуны** (акэны) считался священным растением – в «запретные дни семьи», любая работа, связанная с

---

⁸⁴⁶**Меликишвили Г. А.** К истории древней Грузии. с. 366.

⁸⁴⁷**Там же.** с. 374.

⁸⁴⁸Во времена своего зарождения, действия эпоса об аргонавтах не были связаны с черноморским бассейном. «Несомненно, – пишет **Л. А. Ельницкий**, – что локализация **Эи** и **Колхиды** на кавказском берегу Черного моря не имела места в первоначальном варианте Аргонавтики». Появилась она лишь в период ионийской колонизации. «Южный маршрут возобладали несомненно лишь с утверждением и умножением греческих колоний...». Путешествие аргонавтов вдоль берега Малой Азии стало излагаться с включением в него местных генеалогических и культовых мифов с упоминанием местных легенд... Имена **Эта** и **Медей** были при этом связаны с местной топонимикой. **Имя же брата Медей Апсирта являлось**, быть может, и в действительности **местным, кавказским по происхождению**, и сопоставляется с наименованием важного торгового пункта и гавани **Апсар**..., которое уже древними толкователями производилось от имени **Апсирта**. Например, Аррианом». (**Обращает на себя внимание слово апсирт/апсирта. В абхазском языке, оно означает «место гибели», или «место апсов» т. е. апсуа**). Подробнее о путях перемещения, локализации действий и маршрутов плавания аргонавтов с запада Средиземноморья на восток, а затем в Причерноморье см. в кн.: **Ельницкий Л. А.** Знания древних о северных странах. – М. 1961, с. 7 и далее. В этом отношении весьма интересны и не менее важны высказывания **Откупщикова Ю. В.**, изложенные им в статье «Карийцы в Причерноморье (Ономастика)» с. 65 – 78 (Прим. комм.).

⁸⁴⁹Обращает на себя внимание несколько раз упомянутый Плинием город, то в Колхиде, то в разных местах территории Абхазии, под названием – **Киги**, весьма близким по звучанию к названию крупного населенного пункта Абхазии **Киндги/Кындыг**. (**Плиний** // ВДИ. 1949, № 2, с. 289, 231).

⁸⁵⁰Например, колхи упоминаются в числе рабов, составлявших часть конфискованного в 414 г. до н. э. и проданного с торгов имущества осужденных афинских граждан (**Дьяконов И. М.** Указ. соч. с.188). Рабы – уроженцы Колхиды представлены и в надписях на древнегреческих стелах V в. до н. э. (**Клечко Н. Б.** Стелы гемакопидов как источник о рабах V в. до н. э. // ВДИ. 1966, № 3, с. 114 – 127). Широко известны и слова **Полибия**, автора II в. до н. э. о том, что «...о окружающие **Понт** страны доставляют нам скот и огромное количество бесспорно отличнейших рабов...» (**Полибий**. История. //ВДИ. 1947, № 3, с. 300).

ним, в противовес шерсти, шелку и хлопку, строжайше была запрещена⁸⁵¹, что говорит о глубокой древности возделывания этой культуры). Развито было, как видно и садоводство, из фруктов выращивали персики, судя по их косточкам, обнаруженным в раннеантичных слоях Гюэноса, а также и при раскопках диоскурийских слоев эллинистического времени на набережной у Сухумской крепости. Помимо садоводства широко занимались виноградарством и виноделием, покровителем которых у абхазов было божество высоких деревьев и лозы под именем **Нар**. В этом отношении чрезвычайно важна находка, сделанная археологами в 1959 г. В слоях IV – III вв. до н. э. при раскопках Сухумской крепости были обнаружены косточки винограда⁸⁵². По определению проф. М. Рамишвили «они принадлежат древнейшему местному сорту винограда – «**качич**». Этот абхазский сорт до сих пор пользуется в Абхазии широкой известностью, также как и распространенное древнее **абхазское имя Качич**⁸⁵³. Много косточек этого сорта винограда находили и в эллинистических слоях Гюэноса⁸⁵⁴.

Население заготавливало на вывоз самшит, строительный и мачтовый лес, а для парусов вероятнее всего ткалось на вывоз грубое пеньковое полотно из длинных волокон конопли, так как оно считалось прочнее льняного, заготавливали конопляную и льняную паклю и смолу для кораблестроения, а воск для обработки и покрытия поверхности морских судов и для других многих нужд; кожу и шкуры – для покрытия товаров на кораблях; ремни из шкур, канаты и веревки из конопляной и льняной пеньки, для скрепления и сохранения перевозимых грузов (абхазские высококачественные канаты и веревки разных сортов, славившиеся по всей Грузии и в гораздо более позднее время) и др.

На вывоз шел мед, как обычный так и каменный, а вернее окаменелый от времени мед диких пчел типа леденцов, пушнина, скот и многое другое, а возможно и золотой песок⁸⁵⁵. Распространено было занятие металлообработкой и другими ремёслами, в том числе ткачеством (его покровительницей у абхазов была богиня **Ерыш**). Особенно славилась Колхида своими льняными тканями. «Отпечатки льняной пряжи от грубого рядна до самого тонкого льняного полотна», как писал археолог **Л. Н. Соловьев**, встречаются на, так называемой, «текстильной керамике», распространенной почти по всему Черноморскому побережью Колхиды во II-м и в первой половине I тысячелетия до н. э. (Эти загадочные сосуды полностью исчезают с появлением греческих колоний).

Что касается гончарного производства, то на территории Абхазии сохранились довольно яркие его следы, относящиеся ко временам античности. Так, например, около Нового Афона в сел. Гуандра находился развал гончарной печи IV в. до н. э. с обломками бракованных изделий и фрагментами амфор, имевших на ручках клейма с названием Диоскуриады (????-???)⁸⁵⁶, что говорит в данном случае о полисном их происхождении. Развалины гончарных мастерских и обжигательных печей были обнаружены на Эшерском городище (IV – III вв. до н. э.), на Гумистинском плато (III – II вв. до н. э.), в районе сухумского Маяка (эллинистического времени), в Гульрипше (II – I вв. до н. э.) и во время раскопок сухумской набережной около крепости, относившейся к позднеантичному времени.

⁸⁵¹ Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии // Этнография. 1926, № 1 – 2, с. 77.

⁸⁵² Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии-Сébastополиса // Труды АБИЯЛИ. Том XXXIII – XXXIV. – Сухуми. 1963, с. 222.

⁸⁵³ Удивительно, что на такой сравнительно малой территории как Абхазия, было зафиксировано свыше 60 названий старинных абхазских сортов винограда, из которых сохранились очень немногие. О глубокой древности его культивирования и культивирования грецкого ореха говорит следующий факт: в 1927 г. в сел. Лыхны при рытье земли для колодца на глубине от 7 до 15 м обнажилась всего лишь верхняя часть ствола крупного грецкого ореха сплошь обвитого виноградной лозой. (Хашба Л. Х. Культура грецкого ореха в Абхазии. – Сухуми. 1950, с. 8 – 9. Прим. комм).

⁸⁵⁴ Шамба С. М. Гюэнос 1. – Тбилиси. 1988.

⁸⁵⁵ Иоакимов А. Абхазцы // Газ. «Кавказ». 1874, № 39.

⁸⁵⁶ Шамба Г. К Амфорные клейма Диоскурии // Труды АБИЯЛИ. Том V. – Тбилиси. 1976.

Название **Диоскуриады** – прославленного античного города на месте современного города Сухум – древние греки связывали с именами участников мифического похода аргонавтов – покровителей мореходства, колонизации и колонистов, братьев-близнецов **Диоскуров** – **Кастора** и **Полидевка** (реже с их возницами). **И. А. Орбели** полагал, что название города восходит к грузинскому слову «ткупы» – близнец; **С. Н. Джанашиа** и другие считали его составным термином, состоящим из двух грузинских слов: «диа» – мать (в абхазском древнее слово «ди» также означает мать) и «скури» источник, то есть «мать вод». Однако ни одно из пока что предложенных толкований термина не является убедительным, и вряд ли можно сомневаться в том, что название **Диоскуриада** городу дали греки, а местные жители называли его так же, как и теперь – **Аква** (**Ақәа**), но вовсе не с XVIII в. И вряд ли его можно назвать последним наименованием после ряда других, а вернее после средневекового **Цхуми**⁸⁵⁷. С названием города **Аква** у абхазов связано немало пословиц и поговорок, а среди них наибольший интерес вызывают те, в которых выражены представления о нем, как о неприступном городе, о чем говорит поговорка: **«Разгромить внутри Аква»** («Ақәа утаркәақәааит»). В то же время его считали чрезвычайно богатым городом: (**Айъа ахьы тоуп**), т.е. «Аква полон золотом», говорили абхазы, что равнозначно слову «златообильный». **«Златообильной» называли греки Колхиду, а абхазы Древний Сухум.** Вероятно, авторы античного времени не без основания писали о реке у этого города, выносившей будто-бы, золотой песок.

В научных кругах давно обсуждается вопрос происхождения названия и города Фасиса, чему посвящен целый ряд статей. Как было отмечено, некогда Фасисом назывались и верховья **Аракса** и река **Чорох**, а на Риони, как считают, это имя было перенесено лишь в античное время. Плутарх называет **Фасисом** и реку в Скифии, которая прежде, по его словам, называлась **Арктуром**, (видимо Кубань). Даже Дон, прежде чем греки узнали его имя – **«Танаис»**, тоже назывался ими **Фасисом** и т. п. И все-таки, как кажется, река Риони, с глубокой древности местным населением обозначалась тем же именем. Лежащие по ней местности у Диодора (I в. до н. э.) и других называются **Фасианой**, пишет Евстафий⁸⁵⁸. С Фасисом связаны племенное имя **фасианов**, грузинское название области **Басиани** в верховьях **Аракса** и частично по р. **Чороху** (арм. **Басен**, турец. **Пасин** ныне **Пасинлар**), и на Лихском хребте **Фасисская гора**, по-грузински **Пасис-мта**, а вся область так же называется **Басиани**, т. е. **Фасианой** (в картвельских языках отсутствующая фонема «ф», заменяется фонемами «**Ბ**» или «**Ე/Ვ**»), а сами **фасиане**, как считают некоторые грузинские исследователи, являлись будто бы картвельскими племенами.

Чрезвычайно важным можно считать то, что еще в VIII и XII вв., а также и в рукописях XIII – XIV вв., где описывается мученичество аргветских эриставов Давида и Константина, утопленных в конце концов по приказу Мурвана Кру в реке Риони, во всех вариантах эта река носит название **Пасони**⁸⁵⁹. Значит, по крайней мере в VIII в., река носила еще свое древнее обозначение, где сохранилась первая часть гидронима **Пас/Фас**, а этот факт говорит о многом.

Существует мнение о том, что название р. Фасис «принадлежит западно-грузинской (колхской) географической номенклатуре»⁸⁶⁰. При этом умалчиваются другие точки

⁸⁵⁷**Воронов Ю. Н.** Диоскуриада – Севастополис – Цхум. – М. 1980. Как считает автор, название **Аква** «появилось, по-видимому, в один из периодов полного запустения города – в основе его... видят слово «**кәа**», что в переводе с абхазского означает «тухлый», с чем трудно согласиться, так-как серные источники находились в то время в стороне от города.

⁸⁵⁸**Евстафий.** Комментарии к «Землеописанию Дионисия». // ВДИ. 1948, № 1, с. 218.

⁸⁵⁹Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии /Составил, перевел на русский, предисловием и комментариями снабдил **Г. А. Амичба**. – Сухуми. 1986, с. 9.

⁸⁶⁰**Микеладзе Т. К.** К вопросу об этнической принадлежности фасианов. //МИГК. Вып. 32. – Тбилиси. 1955, с. 23 – 37 (на груз. яз. с русским резюме). Вопросам принадлежности фасиан картвельским племенам, а также происхождения названия Фасис, посвящен ряд статей многих ученых.

зрения по этому вопросу. В частности, **Н. Я. Марр** говорил о «зависимости древнейшей географической номенклатуры Кавказа, например **Фасиса** и других, от этнического термина a-baz-q⁸⁶¹. Иными словами, по его мнению, **Фасис – греческая форма абхазского этнического названия с основой «фас», «пас»**. Такого же мнения придерживались и придерживаются многие другие ученые – **П. К. Услар, А. Глейе, И. М. Дьяконов** и др.

Что касается термина «колхи», то в настоящее время, обычно он понимается как собирательное название древнекартвельских племен, принадлежащих к мегрело-чанской ветви и принято считать, что собственно абхазские племена практически не имели никакого отношения к Колхиде ни в этническом, ни в территориальном, ни в культурно-политическом отношениях. На самом же деле колхами, как уже отмечено выше, называли не только жителей из местных племен, но даже и колхидских греков.

Однако вывод об отсутствии абхазского этнического элемента можно считать достаточно убедительным лишь в том случае, если будет доказано:

- 1) что абхазский этнический элемент не был представлен юго-восточнее современного Сухума (или Кодора);
- 2) что, следовательно, все топонимические названия абхазо-адыгского облика на территории Западной Грузии появились там лишь в самое недавнее время;
- 3) что описанный выше обряд «воздушного погребения» мужчин, засвидетельствованный античными авторами у колхов и известный в прошлом только абхамам, последними не унаследован непосредственно от первых;
- 4) что и ряд других показательных элементов культуры, например, судостроение, мореходство, льноводство, ткачество, металлургия, виноградарство и др. с их божествами-покровителями (**Эт/Хаит, Кукуна, Ерыш, Шашвы, Нар и т. д.**), элементы народного искусства и орнамента, гиппократовские «деревянные или тростниковые хижины»⁸⁶² и т. п.), также не являются общим достоянием абхазов и колхов;
- 5) что изображение **быка с ожерельем** на многих ранних колхидках полудрахмах не связано с его древнеабхазским культом. Так, во время обряда погребения, согласно ритуалу, жертвенному быку поверх траурного покрывала набрасывали сверху сетку, под названием **ахьнапы** т.е. **«каштановая рука»**, в ячейках которой раньше укрепляли только каштаны, **а на шею надевали ожерелье из каштанов или бус**. Культ быка отразился, возможно и в названии главного божества абхазов **«Анцва»** – что, вероятно, означает **«Ан-бык»** т.е. **«Бог-бык»** или, возможно **«Мать-бык»**.
- 6) что упоминаемое **Я. Рейнеггсом** название священной пещеры абхазов с жертвенным белым быком – **Оггин**, не имеет никакой связи с названием священной пещеры и острова **Огигин**, принадлежавших **Кирке** (или **Калипсо**⁸⁶³), сестре **Эта**, расположенных где-то на краю света, у **Колхиды**.
- 7) что греческое название восточных для Колхиды **Амарантских гор** не связано с абхазским названием солнца (**амара** в садзском диалекте, **амра** в

⁸⁶¹ **Марр Н. Я.** О языке и истории абхазов. с. 69.

⁸⁶² Он писал, что колхи жили в деревянных домах и в домах из камыша, окруженных оборонительными рвами и т.д. // ВДИ. 1947, № 2, с. 295). Это свидетельство интересно сопоставить с известным сообщением **Арк. Ламберти** и **Олф. Даппера**, что абхазы «выбирают какое-нибудь возвышенное место, строят здесь из соломы [вернее из прутьев] несколько шалашей и обводят все крепким забором и глубоким рвом». Кроме того, читая **Гиппократа** о том, что в Колхиде было много каналов, стоит вспомнить следы древних судоходных каналов, в Гюэносе, в Сухуме, Пицунде, а также древнего судоходного канала, с его ответвлениями, открытого в 60-х гг. XX в. с. **Тамыш**, недалеко от Очамчирского городища, а позже и в с. **Пичора** (см. ниже) и др.

⁸⁶³ **Иоанн Цец** пишет, основываясь на неизвестных нам источниках, что сестрами **Эта** «были **Кирка** и **Пасифая**, а по другим и **Калипсо**». (**Иоанн Цец.** Объяснение к «**Кассандре**» **Ликофрона** // ВДИ. 1947, № 3, с. 266).

абжуйском и **амыр** в бзыбском). Сам Восток у абхазов называется **Амрагылара** т.е.[место] «восхода солнца». Значит название **Амарантские**⁸⁶⁴ означало «Солнечные» и было заимствовано греками у местного населения.

- 8) что в некоторых именах греческой мифологии не слышно отзвуков абхазской ономастики и мифологии. Важно, как уже отмечалось выше, совпадение имени абхазского грозного морского бога **Эта/Хайта (Хайт)**⁸⁶⁵ – с именем колхидского царя **Эта/Аизта**, считавшегося порождением двух начал – не только солнечного, как сына Гелиоса, но и океанического, морского, так как он был рожден морской богиней, дочерью **Океана – Персой**.
- 9) что имя героя аргонавтики **Апсирта** не имеет отношения к абхазской антропонимии.
- 10) что имя колхидского правителя III в. до н. э. грузинских летописей – **Куджи**⁸⁶⁶, до сих пор встречающееся у абхазов и как имя, и как фамилия – **Кудж, Куджа** т. е. «сын волка», не связано с их древними тотемическими воззрениями. **Кудж (кэыць, аыцьма)**, по-абхазски означает волк). **Как кажется следует обратить внимание и на следующие факты:**
- 11) Имя басилевса **Аки** с монеты 95 – 80-х гг. II в. до н. э. Г.Д.Капанадзе связал с абхазской средой и топонимом **Акуа**, а само имя распространено в Абхазии и поныне.
- 12) Имя басилевса на монетах, как считают, II в. до н. э. – **Саул**, встречалось у абхазов еще в начале XX в. в форме **Соулах/Саулах** (где **Саул**, как видно имя, а **ах** владыка, владетель, иногда царь). В форме **Савлак** отмечено **Плинием** как имя лица, царствовавшего когда-то в древнейшей Колхиде. При этом следует отметить, что все находки монет с этим именем сделаны в Абхазии.
- 13) Имя колхидского вождя первой половины I в. до н. э. сатрапа Митридата Евпатора – **Собадак** и санигского царя II в. н. э. – **Спадаг**, также до конца XIX в. встречалось в Абхазии в форме **Спадакуа (Спадакэа)**.
- 14) Имя сына Митридата Евпатора – **Махар** бытовало до самого последнего времени в среде абхазов и адыгов как **Махар и Махара** (ср. с абх. именами подобного облика **Нахар/Нахара, Дахар/Дахара** и др.).
- 15) Имя царя абхазов VI в. **Опсит** (видимо, **Апсит** или вернее **Апсирт**) встречалось еще в первой половине XX в. как у абхазов так и у абазин⁸⁶⁷.

⁸⁶⁴Фольклорист **М. Я. Чиковани** производит название **Амарантских гор** от имени грузинского героя **Амирани**, но само это имя содержит абхазское слово – «солнце» в его бзыбском диалекте – **Амыр**. Еще акад. **Н. Я. Марр** писал об этом, а с ним, как видно, согласен и сам **М. Я. Чиковани**, а также и фольклорист **Е. Б. Вирсаладзе (Чиковани М. Я. Амираниани**. – Тбилиси. 1960, с. 150; **Его же**. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. – М. 1966, с. 30. **Вирсаладзе Е. Б.** Грузинский охотничий миф и поэзия. – М. 1976, с. 97, 102, 103, 106. Прим. комм.)

⁸⁶⁵**Левин И. и Мазинг У.**, в своем типологическом анализе сюжета волшебной сказки, где, одним из главных действующих лиц является божество моря **Хайт (Эт)** и имеющей многочисленные варианты, пишут: «Во всяком случае, та редакция сюжета, к которой восходят все версии известных ныне вариантов, сложилась на Ближнем Востоке до нашей эры (**Левин Исидор и Уку Мазинг**. Типологический анализ сюжетов.// См. в кн.: **Абхазские народные сказки/ Составитель и автор примечаний Шакрыл К. С.** – М. 1975, с. 449).

⁸⁶⁶Представляет интерес, что согласно грузинским летописям современная местность **Нокалакеви**, что значит городище (у византийцев **Археополис**, т. е. «Древний город»), называлась **Цихе-Годжи**, а вернее, как называют его мегрелы и некоторые грузинские ученые – **Цихе-Куджи**. В указанных выше летописях о нашествии арабов, упоминается «город **Джихан-Куджи**... в окрестностях **Чкондиди**, что есть на мегрельском языке «**Большой дуб**» («Сообщения средневековых грузинских...», с. 9). В то же время привлекает к себе внимание, прочитанная **Мари Броссе** древняя летопись архива Дадиани, из которой он узнал, что в древности Сухум, якобы именовался и словом **Тха-Куджи**. Прим. комм.

⁸⁶⁷Может быть следует обратить внимание и на имена дивана абхазских царей **Барнук** и **Гозар** и сравнить их, первое со старинным абхазским именем **Барануква**, а имя **Досифеевского** списка – **Копоруки**, стоящее вместо имени **Барнук**, с абхазо-адыгским **Копоух/Копоухи**), второе же – **Гозар** с именами **Гоza, Гуаза**,

16) Имя лазского царя II века, засвидетельствованное Аррианом – **Маласс/Маласса** можно сравнить, с абхазскими именами **Мараса, Куараса Гудиса, Чимса** и др.

17) Имя лазских царей – **Губаз** до сих пор наличествует в антропонимии Абхазии.

18) Не исключается также какая-то связь и древнеабхазского родоплеменного названия **Колги, Калги (Калбы, Колбы** отсюда совр. **Колба, Колбая**) с этнонимами **колхи и колы**.

Следует отметить, что имена **Куджи, Спадакуа и Соулах/Саулах**, относясь к привилегированным именам, имели хождение лишь в среде самой высшей абхазской знати, носить которые другим сословиям строго запрещалось.

Вообще абхазская версия этнокультурной истории колхов довольно широко представлена в научной литературе. Например, **А. Глейе** еще в начале XX в. отмечал, что колхи были не картвельского племени, а «туземными» жителями, которых застали картвельские пришельцы при своем вторжении и, наивно полагая, что территория колхов распространялась далеко на юг, до пределов египетского влияния, причем и сами колхи в одно время были вассалами египтян. Язык колхов он характеризовал как праязык абхазов и родственных им племен (убыхов и черкесских народностей), а самих абхазов как «прямых потомков колхидцев». В подтверждение этого он ссылаясь, прежде всего, на название реки Фасис, которая «может получить свое этимологическое объяснение не из мингрело-лазского языка, но скорее из черкесского», в котором «река» и «вода» передаются словом «псы»⁸⁶⁸. Предками абхазов считали колхов и комментаторы латышевского свода. Из позднейших исследователей **Г. Ф. Турчанинов** также идентифицировал колхов с древними абхазами («памятники колх(ид)ского (древнеабхазского) письма», древние «абхазы-колхи» и т. д.⁸⁶⁹)

Где-то в самом конце II – или в начале I тыс. до н. э. в Центральной Колхиде произошла, видимо, не столько смена населения абхазо-адыгов картвелами, сколько началось проникновение этих этнических групп с одновременной языковой ассимиляцией первых вторыми. **Картвельский этнос, согласно И. М. Дьяконову «широко распространился в течение XII(?) – VIII вв., вобрав в себя местное автохтонное население многих областей Закавказья и Понта»** (подчеркнуто мной – Ш.И.).

Против какой-либо резкой смены населения и культур говорят и данные археологии. В то время на Кавказе параллельно развивались сходные археологические культуры, характеризующиеся нередко как варианты по отношению друг к другу, – колхидская на востоке и юго-востоке Причерноморья, кобанская на Центральном Кавказе и прикубанская на северо-западном Кавказе и все эти мощные культуры местного происхождения. Колхидская позднебронзовая культура, выросшая на основе местной же среднебронзовой, просуществовала до VII – VI вв. до н. э. и даже позже и испытала затем большое влияние античных традиций. Вопрос этнической принадлежности этой культуры нельзя предпринимать без учета ее большого сходства с кобанской культурой кавказских предков осетин и адыгских племен, генетически родственных абхазам, а так же происхождения абхазо-западногрузинской антропологической схожести, абхазо-адыгского топонимического слоя на территории Западной Грузии, несомненного присутствия там абхазского этнического элемента еще на рубеже н. э., о чем свидетельствуют кремационные захоронения Западной Мегрелии из **Чхороцку I – III вв. н. э. которые, по словам Н. В. Хоштария, оставлены нам апсилами** и т.д. Следует также иметь в виду, что, по **И. М. Дьяконову** и по **Г. А. Климову**, в настоящее время можно утверждать об отсутствии картвелоязычных племен в Колхиде и Понте по крайней

Гадзар/Гадзара (см. **Инал-Ипа Ш. Д.** Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2002 с. 54, 95, 96, 97. Прим. комм.)

⁸⁶⁸ **Глейе А.** К праистории северо-кавказских языков // СМОМПК. Вып. 37. – Тифлис. 1907, с. 49, 50.

⁸⁶⁹ **Турчанинов Г. Ф.** Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л. 1971, с. 3, 6, 11, 26.

мере до XII в. до н. э. и о присутствии их на этих территориях лишь в VIII в. до н. э., что совпадает по времени с процессом выделения занского диалекта от общекартвельского языка-основы и что прежде здесь проживали племена абхазо-адыго-хаттской языковой группы.

Но вместе с тем следует отметить, что у **И. М. Дьяконова** замечается определенное противоречие: с одной стороны, как мы видели, он признает безусловную принадлежность колхидской культуры картвелоязычным племенам, а с другой – допускает возможность их появления на территории Колхиды к XII (?), а точнее к VIII веку до н. э. Но в этом последнем случае указанная культура почти выпадает из исторической жизни по крайней мере значительной части картвелов, потому что VIII в. – это уже время начавшегося затухания колхидской культуры. Те же противоречия у него и в отношении этнической принадлежности мосхов с халибами и др.

Одним словом, если в некоторых новых и старых высказываниях мы имеем определенное преувеличение роли абхазского элемента, то, ещё более ошибочным является и полное его игнорирование в этнокультурной истории загадочной Колхиды (см., например, статью **О. Д. Лордкипанидзе** и **Т. К. Микеладзе** о Колхиде VII – V вв. до н.э. в «Материалах Ванского симпозиума 1987 г.» и др.) Даже такой сторонник картвельской принадлежности колхидской культуры, как **И. М. Дьяконов**, в этом вопросе предпочитает, однако, более осторожную формулировку («по-видимому»), чем его единомышленники. Изложенную здесь, по-моему, достаточно взвешенную научную позицию, ориентированную против крайностей, поддерживают и другие ученые, например, такой известный кавказовед, как **Р. М. Мунчаев** и другие.

«Население Абхазии входило в состав Колхидского политического объединения («царства»), созданного предками картвелов и абхазов», – писал **З. В. Анчабадзе** в своих «Страницах истории Абхазии»⁸⁷⁰.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ДРЕВНЕАБХАЗСКИЕ ПЛЕМЕНА

I. АПСИЛЫ

1. Вопрос о племенной территории

Задолго до того, как в источниках стали фигурировать абазги, апсилы и другие племена, Восточное Причерноморье в описаниях античных авторов выступает населенным этносами под разными другими названиями. Это связано не столько с изменением этнического состава или же перемещениями населения, сколько с уточнением

---

⁸⁷⁰ **Анчабадзе З. В.** Страницы истории Абхазии (до XVIII в.) // В сб. «50 лет Советской Абхазии» под ред. Ш. Х. Салакая. – Сухуми. 1971, с. 9.

сведений греко-римских писателей, с постепенным переходом ко все более точному и подлинному знанию историко-географической обстановки в нашем крае. Об этом свидетельствуют изменения этнической номенклатуры и на территории исторической Апсии (современная Южная Абхазия и прилегающие с юга районы).

В VI в. до н. э. **Гекатей Милетский** в своем «Землеописании» упоминает западнокавказское горное племя **кораксов**, крепость и страну под этим же названием, а также племена колхов и колов, последних, возможно, у нынешней Очамчиры, между кораксами⁸⁷¹ и меланхленами («Горы Корака» упоминаются и у Кл. Птолемея во II в. н. э., но у него Корак, по-видимому, северокавказское предгорье, где вблизи, в Крыму (Аю-Даг?) помещается и мыс Коракс)⁸⁷²; кораксы как скифский род помещены и в «Лексиконе» александрийского грамматика V в. **Гесихия**,⁸⁷³ использовавшего материалы древних авторов. По **Г. А. Меликишвили** «апсилы жили к северу от колхов у впадения реки **Коракс (совр. Кодор)** в Черное море [неужели только на таком ограниченном пространстве?], вследствие чего у греческих географов более ранней эпохи они известны и под названием кораксов. Сама река Коракс (Кодор) у древних (?) авторов, — пишет Г. А. Меликишвили, — известна и под названием **Absilis**».⁸⁷⁴ Сведение о том, что река Кодор/Коракс выступает и как **Абсилис** **Г. А. Меликишвили** приводит без ссылки ни на один древний (?) источник⁸⁷⁵.

У **Скилака Кариандского** (IV в. до н. э.) также встречаются названия кораксы и колы, причем приблизительно в тех же местах, т. е. в районе гор. Очамчира. По его словам «за гениохами — народ кораксы», «за кораксами — народ колика», а «за коликою — народ меланхлены»⁸⁷⁶.

Одни исследователи отождествляют кораксов с апсилами и санигами⁸⁷⁷, а другие, в свое время, возражая против отождествления названных племен друг с другом (на основе несходства апсильской и «кораксийской» керамики, названной пацхирской), локализовали первых в среднем течении реки Кодор, где находится крепость, сопоставляемая с Кораксийской и где будто бы на рубеже нашей эры произошла смена культуры кораксов культурой апсильской⁸⁷⁸. Но различия в керамике, пожалуй, не являются столь резкими, а главное — они могут быть объяснены одновременностью ее производства (тем более, что археологический материал представляет собой поверхностный сбор), а вместе с тем и локальными особенностями не разного этнического происхождения.

Страбон на рубеже н. э., не называя апсильской, рисует следующий порядок расселения племен северо-восточного побережья Черного моря: синды, за ними на юг идет побережье ахеев, зигов, гениохов, прославленных своими «крытыми лодками» (камарами), колхов, а над Диоскуриадой, на высотах Кавказа, им упоминаются также «фтирофаги» и соаны. Не упоминает апсильской и наиболее достоверный **Помпоний Мела**, писавший в начале 40-х годов I в.: «Там, где изгиб берега... образует самый узкий угол Понта... живут колхи, сюда изливается река Фасис, здесь находится соименный реке город... Остальную часть изгиба [то есть после Фасиса], занимают дикие и необразованные племена, живущие у обширного моря, именно Меланхлена, Торетика, шесть Колик, кораксики, фтирофаги,

⁸⁷¹ВДИ. 1947, № 1, с. 300.

⁸⁷²Его же. // ВДИ. 1948, № 2, с. 240, 248.

⁸⁷³Его же. // ВДИ. 1948, № 4, с. 269.

⁸⁷⁴**Меликишвили Г. А.** Наири — Урарту. — Тбилиси. 1954, с. 76 и сл.

⁸⁷⁵Сведение видимо взято или у **В. Томашека** или непосредственно у самого **Равеннского Анонима**, как известно автора вовсе не древнего времени, а VII века. (**Ravennatis Anonymi. Cosmographia et Gvidonis Geographica.** — Berolini. 1860 p. 169./ Перевод Анонима осуществлен в АГУ, **Э. А. Маклаковой** (Прим. комм.).

⁸⁷⁶**Скилак Кариандский.** Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии // ВДИ. 1947, № 3, с. 242.

⁸⁷⁷**Анчабадзе З. В.** История и культура древней Абхазии. — Москва. 1964, с. 134.

⁸⁷⁸**Воронов Ю. Н.** К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии // ВДИ. 1968, № 3, с. 141.

гениохи, ахеи, керкетики...»; «в земле гениохов основана Диоскуриада Кастором и Поллуксом»⁸⁷⁹. Ни **Страбон**, как мы видим, живший лишь несколькими десятилетиями ранее **Плиния**, ни **Мела** не называют ни апсиров, ни абазгов, ни санигов.

Много ценного для историка содержит работа римского писателя I в. н. э. **Плиния Старшего**, ибо автор «лучше многих других информирован о географии и этнографии внутреннего Кавказа»⁸⁸⁰. Для описания Черноморского побережья он пользовался периплами и дорожниками, составленными **Артемидором Эфесским** и **Исидором Харакским**, а также официальными римскими дорожниками, бывшими в ходу в I в. н. э.⁸⁸¹ и среди них, по-видимому, картой **Випсания Агриппы**. Вот почему мы находим у него много новых географических описаний и этнических названий, в том числе и на абхазском побережье.

Именно у **Плиния** впервые встречается прямое упоминание двух древнеабхазских племён на территории собственно Абхазии – **абсиров** и **саников**. Говоря о «диких» прибрежных племенах, **Плиний** немного останавливается на кораксах с «колхидским городом Диоскуриадой». По этому описанию город **Диоскуриада** в его время находился в запустении, «но некогда был до того славен, что, по словам **Тимосфена**⁸⁸², туда сходилось **300** племен, говоривших на разных языках. И после того наши [римляне] вели здесь дела при посредстве **130** толмачей. От Диоскуриады до р. Гераклея **Плиний** упоминает ахейцев, мардов, керкетов, серров, кефалотомов («головорезов»), а внутри этого пространства – «богатейший» город **Питиунт**⁸⁸³.

Вот в каком контексте **Плиний** пишет непосредственно об апсилах: «...В 100000 шагов от Фарнакии свободный город Трапезунт⁸⁸⁴, окруженный огромными горами. За ними живет племя армено-халибов, и лежит Великая Армения на расстоянии 30000 шагов. Не доходя Трапезунта, по берегу – река Пиксит, а за ней племя санов-гениохов. В 140000 шагов от Трапезунта река Абсарр с соименной крепостью при устье. В этой местности за горами лежит Иберия, по берегу живут гениохи, ампревты, лазы⁸⁸⁵, текут реки Акампеон, Исис, Могр, Батис (Глубокая), потом племена колхов, город Матий,⁸⁸⁶ река Гераклея с мысом того же имени и славнейшая из понтийских рек – Фасис, в устье его (р. Сурий)⁸⁸⁷ безымянные острова. От Абсарра он отстоит на 70000 шагов. Затем другая река Хариент, народ салтии, у древнейших называвшийся фтирофагами (вшеедами), и другой народ – санны; через область суанов с Кавказа течет река Хоб. Далее – Роан, область Кегритика, реки: Сигания, Терс, Астелф, Хрисоррой, племя абсиров (**Absilae**), крепость Себастополь в 100000 шагах от Фасиса, племя саников, город **Кинг**, река и город Пеней, наконец, племена гениохов, различающиеся многими названиями»⁸⁸⁸. Итак, **Плиний** локализует апсиров северо-западнее современного г. Поти и где-то южнее Себастополиса.

Дионисий Периегет (нач. II в. н. э.) так перечисляет кавказские причерноморские племена (с северо-запада на юго-восток): синды, киммерийцы, керкетии («живущие вблизи Эвксина»), тореты и «сильные ахейцы... За ними живут, владея соседней землей, гениохи и зигии», а по берегам «самой дальней части Понта», за **Диоскурией – колхи**⁸⁸⁹.

В своем географическом компендиуме **Клавдий Птолемей**, автор II в. н. э., писал: «А вдоль Понта – ахеи, керкеты, гениохи и свано-колхи;⁸⁹⁰ за Албанией – санарей»⁸⁹¹.

⁸⁷⁹ **Помпоний Мела**. Землеописание // ВДИ. 1949, № 1, с. 275.

⁸⁸⁰ **Ельницкий Л. А.** Из исторической этнографии древней Колхиды // ВДИ. 1938, № 2, с. 315.

⁸⁸¹ ВДИ. 1949, № 2, с. 272.

⁸⁸² Александрийский географ III в. до н. э.

⁸⁸³ **Плиний** // ВДИ. 1949, № 2, с. 290 – 292.

⁸⁸⁴ Свободным городом Трапезунт стал в 70 гг. I в. н. э.

⁸⁸⁵ Древнейшее упоминание и этого племени, если не считать **Ликофрона**.

⁸⁸⁶ **Каппадокийская Комана**, совр. **Токапса** в восточной Анатолии.

⁸⁸⁷ Пункт и р. **Сурий** отождествляют с р. Гипп (**Цхенис-Цкали**).

⁸⁸⁸ **Плиний** // ВДИ. 1949, № 2, с. 288 – 291.

⁸⁸⁹ Там же. с. 245, 248 – 249.

⁸⁹⁰ Отождествляются со страбоновскими **соанами** (соседями колхов), предками позднейших сванов.

Называются города и деревни: по малому Ромбиту – Азараба⁸⁹², по р. Псатию – Авхида⁸⁹³, по р. Вардану – Скопел, Суруба, Корусия, Эбриапа, Серака; по р. Бурке – Кукунда,⁸⁹⁴ по р. Тессирию – Батраха, по р. Кораку – Наана⁸⁹⁵. Далее, описывая положение Колхиды, Птолемей от г. Диоскуриады до г. Фасис называет среди других реки Гипп, Кианей, а в конце пишет: «Приморскую часть Колхиды населяют лазы, вышележащие местности – манралы⁸⁹⁶ и народы, живущие в стране Экретике»⁸⁹⁷.

Особого внимания заслуживают сведения историка **Флавия Арриана**, жившего в конце I – первой половине II в. н. э. Он родился в малоазийском городе Никомедии и в течение ряда лет (131–137 гг.) являлся римским наместником Каппадокии. **Арриану**, писавшему, примерно, спустя полстолетия после Плиния, принадлежит историко-географическое описание юго-восточного, и частью восточного побережья Черного моря («Объезд Евксинского Понта»). Эта работа особенно ценна тем, что автор лично совершил в 134 году путешествие вдоль Черного моря. **Арриан** и его спутники осуществили свое плавание на весельных парусных судах от Трапезунта до крепости **Диоскуриады**, «ныне называемой **Севастополем**», то есть, как пишет он, до «конечного пункта» римского владычества на правой стороне от входа в Понт, покрыв, по его подсчетам, расстояние 82260 стадиев (в среднем около 380 км)⁸⁹⁸. Они плыли в основном днем вдоль самого берега моря, а к вечеру заходили по пути на стоянки судов или вытаскивали свои корабли на сушу, если погода не позволяла им оставаться на якоре в открытом море (например, **Арриан** зашел и по каким-то делам задержался в устье р. Хобос (совр. Ингур или Хопи)).

Главной целью поездки было инспектирование римских войск, расквартированных в прибрежных крепостях, а также «точное знакомство с этим путем», географическое описание края, характер Черного моря, направление господствующих ветров, реки, их судоходность и расстояния между ними, укрепления и их оснащение «военными машинами». Вместе с тем автор включил в свое описание, сделанное в форме письма императору **Адриану**⁸⁹⁹, также немало историко-этнографических и мифологических сведений, почерпнутых как из непосредственно личного наблюдения, так и из известной ему древней литературы.

На этнографической карте, описанной **Аррианом**, мы находим ряд новых названий. Его список народов включает (с юга на северо-запад): **зидритов, лазов, апсилов, абасков, санигов** («в земле которых лежит **Себастополис**»). Еще далее на северо-западе упоминается «**стоянка Питиунт**», за ней **Нитика** (вероятно, совр. Гагра или Цандрипш, где в древности жили фтейрофаги) и затем **р. Абаск**.

Вот контекст главного сообщения **Арриана** об апсилах: «Мы проехали мимо следующих народов: с трапезундцами, как говорит и Ксенофонт, граничат колхи. Тот народ, который, по его словам, отличается наибольшей воинственностью и непримиримой враждой к трапезунтцам, он называет дрилами, а по моему мнению, это саны... Рядом с ними живут макроны и гениохи; у них царь **Анхиал**. С макронами и гениохами граничат

⁸⁹¹ Некоторыми авторами локализуются на Северном Кавказе. Может быть это **цанары**.

⁸⁹² Это и близкое ему наименование Азара, встречающееся у того же автора, локализации не поддается.

⁸⁹³ По **Томашеку**, **Авхида** – это черкесская крепость Аух на р. Фарс (притоке Лабы).

⁸⁹⁴ **Бурка** это р. **Боргис Птолемея**. Комментаторы локализуют ее близ **Адлера**, значит **Кукунда** находилась на р. **Мзымта** (**Кукуна** – божество льна у абхазов, а **Вардан** – ср. с абхазским родоплеменным названием **Вардан** и многочисленными этнопонимами).

⁸⁹⁵ Локализуют на реке **Кодор** (ср. абх. **Наа** – совр. село на той же реке у выхода ее из ущелья).

⁸⁹⁶ Сопоставляются с позднейшими мегрелами.

⁸⁹⁷ **Клавдий Птолемей**. Географическое руководство // ВДИ. 1948, № 2, с. 249 – 251.

⁸⁹⁸ **Его же** // ВДИ. 1948, № 1, с. 271 – 272.

⁸⁹⁹ При **Адриане** проводились большие мероприятия по усилению обороны восточного берега Черного моря в связи с активностью алан, осуществлялось и форсированное строительство крепостных сооружений. Поэтому, не исключено, что возведение наиболее ранних прибрежных частей Великой Абхазской (Келасурской) стены, начинающейся у «конечного пункта римского владычества», было начато еще во времена **Адриана**.

зидриты, они подвластны **Фарасману**. Рядом с зидритами – **лазы**; царем у лазов – **Маласс**, получивший свою власть от тебя. За **лазами** следуют **апсилы**, у них царь **Юлиан**, получивший царство от твоего отца. С **апсилами** граничат **абаски**; у **абасков** царь **Ресмаг**; этот также получил свою власть от тебя. Рядом с **абасками** – **саниги**, в земле которых лежит **Себастополь**; царь **санигов** **Спадаг** получил царство от тебя»⁹⁰⁰. Однако и к великому сожалению он нигде не указывает географических границ этих царств.

Перечисляя один за другим мелкие «народы» от Трапезунта до Севастополя (трапезундцы, дриллы-санны, макроны-махелоны, гениохи, зидриты, лазы, апсилы, абаски, саниги и зиги), **Арриан** нигде не отмечает, что они принадлежат к колхам. Эти народы объединены в полусамостоятельные «царства» с подвластными Риму местными царями во главе. В основе образования этих «царств» лежат этно-политические объединения. Не все они были созданы одновременно. Например, «царство» апсиров образовалось (вернее, подпало под римское владычество) раньше абасгского, поскольку, по словам **Арриана**, апсирский «царь» **Юлиан** получил свое «царство» от императора – **Траяна**, в то время как «царь» абазгов **Ресмаг**, подобно «царю» санигов **Спадагу** и лазскому царю **Малассе**, получил власть позже – от самого **Адриана**. Под словом «получил», вероятно, правильнее понимать утвердил.

Мы еще не раз будем обращаться к **арриановскому** описанию, а теперь перейдем к свидетельствам других античных авторов. Так, римский историк III в. н. э. **Элий Геродиан** только упоминает в своем перечне названия **Апсил** и **Апсиртида**, равно как «остров» (?) **Себастополь** в **Понте** (он же **Диоскуриада**, а раньше **Эя**)⁹⁰¹ и **Санниг**⁹⁰².

Безымянный автор V в. н. э., известный под именем **Псевдо-Арриана**, составил описание побережья Черного моря по разным известным нам и неизвестным историческим источникам (периплы **Арриана**, **Скилака Кариандского** и др.). Отрывки из них приводятся им почти без изменений и мало или вовсе не связываются между собой. Тем не менее, этот источник представляет некоторый интерес. В нем мы находим и более поздние сведения, соответствующие в какой-то степени этно-топонимической ситуации конца IV – V вв. н. э.

Согласно **Псевдо-Арриану**, рядом с трапезунтцами живут колхи и ксенофоновские дриллы, отождествляемые им, как и **Аррианом**, с саннами, а за колхами – махелоны и гениохи с царем **Анхиалом** во главе; народ же **гениохов** – **смешанный**, а выше за гениохами лежит Каспийское море. После этого у него идет параграф, в котором содержится сообщение об апсилах. В нем сказано: «... царь лазов – **Маласса**, который получил престол от тебя. Рядом с **лазами** живут **апсилы**⁹⁰³, а царь апсиров – **Юлиан**; этот получил престол от твоего отца. С **апсилами** граничат **абасги**, и царь у абазгов **Рисмага**, и этот получил престол от тебя. С **абасгами** рядом живут **саниги**; в их области и находится **Себастополь**. Царь **санигов** **Спедага** получил престол от тебя»⁹⁰⁴.

Там же мы находим описание реки и города **Фасис**: «Эта река **Фасис** течет из **Армении**, вблизи нее живут переселившиеся из **Иберии** в **Армению** **иберы**. При входе в реку на левой стороне **Фасиса** лежит основанный милетянами греческий город, называемый **Фасисом**, в который, как говорят, сходятся **шестьдесят племен**, говорящих на разных языках; в их числе, говорят, приезжают и варвары из **Индии** и **Бактрианы**. Между ними варварская страна **Кораксика**, к которой примыкает так называемая

⁹⁰⁰ **Арриан**. «Объезд Эвксинского Понта» // ВДИ. 1948, № 1, с. 270.

⁹⁰¹ О том, что **Диоскуриада** прежде называлась **Эей**, говорил не только **Элий Геродиан**, но и **Никанор**, видимо в своем труде «О переименованиях», что известно благодаря **Стефану Византийскому**:

«**Диоскуриада**... город у **Понта**, названный также **Севастополем**; по свидетельству **Никанора**, он назывался **Эей**» // ВДИ. 1948, № 3, с. 319.

⁹⁰² **Элий Геродиан**. Об общей просодии. // ВДИ. 1948, № 2, с. 258 – 259.

⁹⁰³ В тексте дважды ошибочно написано «апаилы», а третий раз правильно – «апсилы».

⁹⁰⁴ **Псевдо-Арриан** // ВДИ. 1948, № 4, с. 230.

Колика, где ныне народ меланхленов и колхов»⁹⁰⁵. В Кораксике, как представляется, надо видеть Апсилию.

Стефан Византийский (VI в. н. э.) также знает апсилов, причем называет их (со ссылкой на Арриана) скифским племенем. «Апсилы, – читаем мы в его обширном компилятивном словаре, – скифское племя, соседнее с лазами, как свидетельствует **Арриан** в «Объезде Эвксинского Понта»⁹⁰⁶. Повторно описывает он, полностью опираясь на своих предшественников, и другие местности, например, Апсиртидовы острова на Адриатическом море (совр. острова Херсо и Осеро близ Иллирийского побережья), получившие свое название «от **Этова** сына **Апсирта**, убитого на одном из них сестрой **Медеей**... Есть и на Эвксинском Понте местность **Апсар**, прежде называвшаяся **Апсиртом**».

Артемидор в «Сокращенной географии» рассказывает и про город и остров «**Апсирт**»⁹⁰⁷. Упоминает автор также народы у Кавказа: **колы**, «скифское племя» **лазы**, **народ близ колхов макрокефалы** («длинноголовые») и **пигмеи**⁹⁰⁸, **Фасис** – город **Эя**⁹⁰⁹ и т.д.

Исключительно большое значение имеют сообщения об абазгах и апсилах крупнейшего византийского историка VI века **Прокопия Кесарийского**. Говоря, в частности, что река Фазис служит границей между Азией и Европой, он пишет: «В той части, которая принадлежит Европе, находятся все населенные места лазов... Фазис впадает в конечную часть Эвксинского Понта». И далее добавляет: «на краях залива-полумесяца – «на одной его стороне, принадлежащей Азии, находится город Петра, а на противоположной стороне берега, принадлежащего уже Европе, находится область апсилиев...». «За апсилиями и за вторым краем этого «полумесячного» залива по берегу живут абаски, границы которых простираются до гор Кавказского хребта». По Прокопию апсилы живут за Фазисом и до второго края полумесяца, за которым обитают уже абаски, однако перевод не очень ясен. В непосредственном соседстве с апсилами по верхнему течению р. Кодор и далее к востоку жили мисимиане, на восток от которых обитали сваны, а за хребтом – аланы. По соседству же с Абазгией со стороны гор **Прокопий** называет **брухов**, помещаемых между абазгами и аланами (у Псевдо-Арриана названа р. **Брухонт**, «ныне называемая **Мизигом**»⁹¹⁰, – современная Мдзымта); зехи же, говорит **Прокопий**, утвердились на берегу Черного моря, а за ними сагины⁹¹¹ или саниги («санихи» **Псевдо-Арриана**, занимавшие, по его словам, территорию от р. Абаск до р. Ахеунт.)⁹¹².

Агафий Миринейский – другой крупный византийский историк того же века, продолжатель Прокопия – также помещает апсилов по соседству с лазами. Немного северо-восточнее от апсилов и в непосредственном соседстве с ними, отчасти по среднему и по верхнему течению р. Кодор и далее к востоку жили мисимиане, а на востоке от них сваны, за хребтом же – аланы⁹¹³.

⁹⁰⁵ По мнению **Мюллера**, источником этого параграфа псевдоарриановского «Объезда Понта Эвксинского» является ямбическая перизгесса, стихи которой он восстанавливает так: «Фасис река имеет течение, несущееся из Армении, **вблизи него теперь живут иберы, некогда вышедшие из Иберии**. Подходящему к реке слева от **Фасиса** встречается лежащий тут город милетцев, по-гречески называемый **Фасисом**, куда собирались шестьдесят племен, различных по языкам. В числе их, говорят, собирались некоторые варвары из Индии и Бактрианы. Между ними варварская страна **Кораксика**, земля, примыкающая к ней, называемая **Колика**, теперь племя меланхленов и колхов» (ВДИ. 1948, №4, с. 229).

⁹⁰⁶ **Арриан**. // ВДИ. 1948, № 3, с. 316.

⁹⁰⁷ Там же.

⁹⁰⁸ Там же. с. 322.

⁹⁰⁹ Там же. с. 328.

⁹¹⁰ ВДИ. 1948, № 4, с. 230, 231.

⁹¹¹ **Прокопий из Кесарии**. Война с готами. Кн. VIII (кн. IV. Война с готами)./ Перевод С. П. Кондратьева. – М. 1950, с. 379.

⁹¹² ВДИ. 1948, № 4, с. 231.

⁹¹³ **Агафий**. О царствовании Юстиниана. – М – Л. 1953, с. 115 – 124

Одним из последних упоминаний апсильов в греко-римской литературе является сообщение **Феофана Исповедника**, относящееся к первой половине VIII в., в котором говорится вначале (приблизительно 709 – 711 гг.) о «первейшем из апсильцев» **Марине**⁹¹⁴. Затем, описывая события самого конца 30-х годов VIII в., когда арабы вторглись в Апсилию, **Феофан** вновь упоминает **Марина**, но уже как «блистательного патрикия» – отца **Евстафия**. Последний, как видно, возглавил борьбу апсильов с арабами, но был взят ими в плен и увезен в 738, а за отказ принять мусульманство был замучен и казнен в 740 году⁹¹⁵ в городе **Харане**.

В грузинских средневековых летописях, наряду с общим названием **Абхазети**, встречается и название страны **Апсилии/Апшилети** (აფშილეთი). Так, касаясь событий VII-VIII вв., грузинский историк XI в. **Джуаншер** пишет, что арабский военачальник **Мурван Глухой** разрушил **Цхум** – город **Абхазии** (აფხაზეთობს) и **Апсилии** (აფშილეთობს). Но в XI в. этим термином, кроме **Джуаншера**, уже почти никто не пользовался. Однако в некоторых поздних списках **Картлис Цховреба** почему-то, повторяя **Джуаншера**, продолжают называть **Цхум** городом **Абхазии** и **Апсилии**, что, по мнению **З. В. Анчабадзе** следует понимать, как «город **Апсилии**, которая находится на территории **Абхазии**»⁹¹⁶.

Народ апсаров со своим особым языком упоминается в грузинском сочинении XIII в. «История и восхваление венценосцев». В нем, в частности, говорится о том, что **имя сына царицы Тамары Лаша апсарское** и в переводе означает «просветитель вселенной» (**Лаша** и в современном абхазском языке означает свет, светоч, светлый, светозарный).

В переводе **К. П. Патканова** «Армянской географии» VII в. **Анания Ширакаци**, после перечисления четырех ветвей кавказских болгар, читаем: «Между болгарами и Понтийским морем живут народы: **Гарши**, **Куты**⁹¹⁷ и **Сваны** до г. **Питиунта** на морском берегу страны **Авазов** (абазгов), где живут **апшилы** и **абхазы** до приморского **своего** (выделено мной – Ш.И.) города **Севастополя** и далее до реки **Дракона**, текущей из **Агван** (не **Албания**) и отделяющей **Абхазия** от страны **Егер**»⁹¹⁸. Этот текст страдает противоречиями: то **сваны** доходят до **Питиунта** (**Пицунда**), то **земли абазгов и апсильов** простираются до страны **Егер** (**Мегрелия**) и города **Питиунта**.

Абхазский историк В. Ф. Бутба, изучив источник в оригинале, устранил ошибку в переводе, а также позднейшие интерполяции и связанные с ними противоречия. У автора «Географии» в цитированном месте не было слов «город **Питиунт**», вместо которых стояло только слово «**Псинун**», сопоставляемое с «**Апсны**» – абхазским наименованием **Абхазии** и отождествляемое в источнике со «страной **Аваза**». Возвращаясь, стало быть, к первоначальному облику отрывка, единственной пространной редакции памятника, **В. Ф. Бутба** пишет: «Гораздо более правомерным и убедительным представляется в исследуемом фрагменте источника оставить все так, как имеется в рукописи, где прочтем: «Между **Булгарами** и **Понтийским морем** живут народы **Гарши**, **Куты** и **Сваны** до **Псинуну** **прибрежной страны Аваза**»⁹¹⁹. Объяснить превращение «**Апсны**» в «**Псинун**» с лингвистической точки зрения не представляет больших трудностей. Таким образом, исходя из документа, название «**Апсны**» в форме «**Псинун**» впервые встречается в армянском историческом сочинении не позднее VII в. как обозначение страны апсильов и абазгов, что одновременно свидетельствует о далеко зашедшем процессе их этнической

⁹¹⁴**Чичуров И. С.** Византийские исторические сочинения. «Хронография Феофана». – Москва. 1980, с. 67.

⁹¹⁵«Геогракия». Материалы по истории Грузии и Кавказа. Том IV, вып. 1. –Тбилиси. 1941, с. 112. Этот пассаж **И. С. Чичуров** в своем переводе Феофана 1980 года почему-то не приводит.

⁹¹⁶**Анчабадзе З. В.** Из истории средневековой Абхазии. –Тбилиси. 1959, с. 8.

⁹¹⁷Ср. древнеабхазское имя рода **Киут**, представители которого проживают в Южной Абхазии.

⁹¹⁸**Патканов К. П.** Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому //ЖМНП март 1883, с. 29.

⁹¹⁹**Бутба В. Ф.** Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйц»-у. Рукопись, с. 72. (В настоящее время книга талантливого автора, пропавшего без вести во время войны 1992 – 93 гг., издана: **Бутба В. Ф.** Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». – Сухум. 2001. (Прим. комм.)

консолидации на путях образования единой феодальной народности (с соответствующим этническим самосознанием) и создания единой феодальной монархии.

Одно из последних упоминаний апсиров относится к XV веку. Так турецкий ученый первой половины XIX в. **Фераизи**, опираясь на свидетельства своих предшественников, пишет о страшном разгроме апсиров турками в 1440 году.⁹²⁰

Как мы видим, в описаниях древних и средневековых авторов имеются, наряду с ценнейшими сведениями, немало и недостоверных и даже сказочных сообщений (например, **Элий Геродиан** и **Стефан Византийский** с серьезностью пишут о якобы существовавшем где-то вблизи наших краев племени гемикинов (то есть людей-полупсов).⁹²¹

Безусловно, заслуживают внимания, но, надо полагать, чрезмерно преувеличенные свидетельства греко-римских писателей о необычайном многоязычии Западного Кавказа. Так, писали даже о 300-х народностях, сходящихся в Диоскуриаду, а **Арриан** и **Псевдо-Арриан** – о городе Фазисе, в котором сходилось до 60 племен, говоривших на разных языках, в том числе из **Индии** и **Бактрианы**⁹²² и т.п.

В затруднительное положение ставят исследователя параллельное употребление разных названий одного и того же племени, их различное написание у разных авторов или перенос имени одной этнической группы на другую и пр. Так, встречается идентификация этнического содержания таких племенных названий, как сваны – макроны (отделенных от генихов территорией племен колхов), махороны (у **Плиния**),⁹²³ – махелоны (у **Арриана**) – махлии (у **Лукиана**) – меланхлены у других, не говоря о путанице с локализациями отдельных племен и с содержаниями таких понятий, как «племя», «народ» (например, колхи, как и лазы, называются то племенем, то народом) и т.д.

Некоторые не соответствующие исторической действительности сведения древних, ставшие своего рода традиционными шаблонами, переходят из источника в источник и до сих пор могут вводить в заблуждение не только простых читателей, но и исследователей. Например, кого только не причисляют к скифам (в том числе апсиров, колхов, лазов и др.), к чанам и т.д.

Итак, впервые апсиров, как и санигов и лазов, мы встречаем у **Плиния** (I в.). Потом они фигурируют до VI в. (**Арриан**, **Агафий**, **Прокопий Кесарийский** и др.), а со второй половины VI в. встречаются все реже и реже, в основном в грузинских и отчасти армянских описаниях. Последний раз сведения об апсилах мы находим у грузинских авторов XI-XIII вв. (если не считать приведенное выше свидетельство турецкого источника о разгроме апсиров турками в 1440 году).

Политическая и этнографическая карта восточного побережья Черного моря первой половины I тыс., рисуемая имеющимися источниками, представляется следующим образом. С первых веков н.э. на этой территории появляются новые этнические наименования и новые названия политических образований. Вместо встречавшихся ранее, в основном, двух общих названий – «колхи» и «гениохи» («иниохи»), появляются несколько новых наименований. Если, например, **Аппиан** еще пользуется терминами «ахеяне» и «гениохи», то у **Арриана** они исчезают, уступив место «санигам», «абасгам», «апсилам», «лазам» и др.

В 30-х гг. II в. н. э. от Трапезунта до Севастополиса **Арриан** констатирует существование шести зависимых от Рима политических образований («царств»): махелонов (макронов?) и генихов (к востоку от Трапезунта), лазов, апсиров, абазгов и санигов (возможно и зихов). Причем, по **Арриану**, последние четыре объединения

⁹²⁰ **Шенгелия Н. Н.** Османские источники по истории Грузии XV – XIX вв. – Тбилиси. 1974, с. 126, 251 (на груз. яз. с русск. и англ. резюме).

⁹²¹ ВДИ. 1948, № 2, с. 258.

⁹²² ВДИ. 1948, № 4, с. 229.

⁹²³ ВДИ. 1949, № 2, с. 287.

занимали прибрежную территорию от устья р. Апсар (Чорохи) до р. Ахеунта, предположительно р. Сочи или р. Шахе.

Как уже говорилось, локализации **Анонима** сильно противоречат сведениям **Арриана**. Принято считать, что сообщения первого отражают те изменения границ указанных объединений, которые возможно, произошли к V веку. В этот промежуток времени абазги распространились на территории от Сухума до р. Псоу, занятую при **Арриане** санигами.

Достаточно ясного представления о территориальном распространении апсильов в середине I тыс. источники не дают. О северной границе, например, сообщения **Прокопия Кесарийского** говорят, что Трахея (Н. Афон) находится на границе Абазгии и Апсилии, а также то место «**Матианэ Картлиса**», где сказано о Сухуме (Цхуми) как об апсильском городе. В основном среди грузинских историков **Г. Меликишвили, Н. Бердзенишвили, Н. Ломоури, Д. Мухелишвили**, а также **З. Анчабадзе**, опирающихся на какого-то неизвестного мне анонимного продолжателя Арриана, было распространено мнение о том, что под натиском лазов апсильы и абазги к концу II в. будто бы были отодвинуты на север, и что не только политическая, но также и этническая граница абхазов стала якобы проходить где-то около Сухума (?).

Некоторые исследователи (**М. П. Инадзе** и др.) причину изменения этнической номенклатуры на восточном побережье Черного моря усматривают в усилении роли новых «княжеств», образовавшихся в результате распада Колхидского царства, их военно-политической экспансии, приведшей к значительным перемещениям населения, к захвату некоторыми племенами земель соседних племен⁹²⁴. По мнению же **Г. А. Меликишвили**, как указывалось выше, в эллинистическое время на территории современной Абхазии и прилегающих с северо-запада областях произошло слияние пришлых абхазо-адыгских племен с местным западно-грузинским населением. По мнению же **Н. Ю. Ломоури** это было сильное племенное объединение «джиков», насельников «северо-западной периферии» Кавказа⁹²⁵.

Пределы распространения апсильов, по-видимому, не раз менялись, они то расширялись, то сокращались, чем и объясняются неясности противоречивых показаний источников по этому вопросу.

Ссылаясь на **Прокопия Кесарийского, З. В. Анчабадзе** считает, что и в VI в. южная этническая граница Апсилии проходила по р. Галидзга.⁹²⁶ На мой взгляд, автор, следуя отчасти переводчику **С. Дестунису** и **М. Иващенко**, не совсем, правильно толкуя цитату из **Прокопия**, согласно которой Фазис – пограничная между Азией и Европой река – впадает в конечную часть Черного моря. На краях же этого залива-полумесяца, на одной стороне берега, пишет он, находится город Петра (совр. Цихисдзири), а на противоположной (то есть европейской) стороне – **область, а не граница** апсильов («**а за вторым краем**» залива-полумесяца располагалась уже область абазгов). Из прокопиевского описания вытекает, что именно узкий бассейн Фазиса является границей между Азией и Европой. Это вполне естественно и логично, ибо иначе трудно допустить, чтобы глубину самой пограничной полосы он определял в 100 км. т. е., чтобы вся территория между Риони и Галидзгой представлялась бы **Прокопию** пограничной областью между указанными частями света. Но если правильно, что, по **Прокопию**, р. Риони и есть граница между Азией и Европой, то южная граница апсильов – целиком «европейских» жителей – проходила не по Галидзге, а где-то гораздо южнее, видимо не доходя, однако, до р. Риони (Фазиса). Как считал **С. Н. Джанашиа** она, вероятно, достигала р. Хоби, (но для подобного утверждения, как он думал, нужны дополнительные

⁹²⁴ **Инадзе М. П.** Указ.соч. с. 17 – 18.

⁹²⁵ **Ломоури Н. Ю.** К истории взаимоотношений Лазского (Эгрисского) царства и Византии в V в. //Византийские очерки. – М. 1982, с. 24.

⁹²⁶ **Анчабадзе З. В.** Указ. соч. с. 6 – 7.

материалы⁹²⁷), а северо-западная граница доходила лишь до второго края залива-полумесяца, за которым жили уже абазги⁹²⁸.

Для позднего времени, что **З. В. Анчабадзе** неоднократно подчеркивает, южная этническая и политическая граница Абхазии проходила по р. Кодор (например, для большей части XVII в.). Говоря о территории междуречья Кодор – Ингур, на основании сообщений разных писателей, прежде всего **Арк. Ламберти**, он утверждает, что только с «конца XVII в. здесь появилось постоянное абхазское население».⁹²⁹ Имеется, однако, по крайней мере один серьезный источник, который свидетельствует о том, что и территорию значительно южнее Кодорского бассейна населяли также абхазы. Этот источник – топонимика. Такие абхазские названия современной Южной Абхазии, как **Апсха идзыхь** (Аҧсҭа изыхь), то есть «Источник (родник) царя Абхазии», **Ачигвара** (Аҭҭгәара), то есть «Конная ограда», **Нарджхьоу-Абаа** (Нарцхьоу-Абаа), то есть замок или крепость Нарджхьоу (нартский герой), **Анакрия** (мегр. Анаклия) – от абх. акра – мыс, маяк, не говоря о других абхазских макро- и микротопонимических фактах и сплошных абхазских наименованиях предгорных и горных местностей вплоть до р. Ингур, свидетельствуют о том, что абхазы населяли указанную часть страны задолго до второй половины XVII в., и не только в эпоху Абхазского царства, но и значительно раньше.

Подводя итоги той части своей книги, которая посвящена этно-политическим образованиям Абхазии в первой половине VI в., **З. В. Анчабадзе** рисует следующую картину географического расположения племен этого времени: «юго-западную (?! – Ш. И.) приморскую часть современной Абхазии (приблизительно до р. Галидзга) населяли лазы; далее от них до Цебельды проживали апсилы, юго-восточную, нагорную часть Абхазии занимали мисимиане, к северо-западу от Апсилии, от побережья до Кавказского хребта, вплоть до р. Бзыбь жили абазги; к северо-западу от последних, на территории нынешнего Гагрского района – саниги».⁹³⁰ Апсилы – одно из основных приморских абхазских племен – помещаются автором «к северу и северо-востоку от лазов (до Цебельды)». Он хотел, видимо, сказать – к северо-западу от лазов. Иначе получается, будто бы апсилы населяли только узкую горную полосу от Цебельды и до верховьев Ингура, что, разумеется, неправильно.

Как мы уже знаем, в летописи «**Жизнь Картли**» (свод царицы **Анны**, XV в.) говорится о Сухуме как о городе Абхазии и Апсилии. **З. В. Анчабадзе** считает, что в данном случае под «Абхазией» разумеется вся Абхазия в целом, включая и Абазгию и Апсилию. Если бы, однако, в приведенной фразе под «Абхазией» понимался весь край, с включением и «Апсилии», то незачем было бы автору летописи упоминать вообще Апсилию, называть их рядом и противопоставлять Апсилию и Абазгию. Поэтому указанное место источника правильнее понимать в прямом смысле, то есть в том смысле, что летописец называет Сухум общим городом Абазгии и Апсилии – «общеабхазским» городом. Это в точности соответствует и географическому положению самого города.

2. Этническая характеристика

Еще с эпохи развитой бронзы существование племенной организации на Кавказе являлось уже историческим фактом. А там, где мы имеем ранний расцвет племенного

⁹²⁷ **Джанашиа С. Н.** Труды. Том III. – Тбилиси. 1962, с. 23. Такими доказательствами являются материалы чхороцкувского могильника, раскопанного **Н. В. Хоштариа**.

⁹²⁸ Согласно же **Равенскому Анониму**, географу VII века Кодор назван по народу апсильов – **Апсильсом**, но эта река была не пограничной, а пересекавшей (cvfdshv) **Апсилью**. (Прим. комм.)

⁹²⁹ **Анчабадзе З. В.** Указ.соч. с. 295, 297.

⁹³⁰ Там же. с. 16.

строю, можно ожидать и раннее обособление этнических групп, о чем нередко свидетельствуют локальные археологические культуры. Этническая, а тем более языковая однородность населения Закавказья, вопреки утверждению отдельных авторов, была пройденным этапом задолго до середины I тыс. до н. э.

По-видимому, апсилы являются одним из древнейших компонентов племенной структуры абхазов. Этноним абешла/абесла ассирийцев, апсилы, крепость Апсар, реки Арпас/Апсар и Акампсис античных авторов, герой аргонавтики Апсирт, апшеги и страна Псинун армянской географии VII в., этническое название апсары и страна Апшилети древнегрузинских источников, самоназвание абхазов апсуа, название страны Апсны, название царя абхазов – Апсха и другие, несомненно, восходят к одному и тому же племенному названию «апс» (абс), получившему в разных языках разное суффиксальное оформление: «уа», «ги», «хи», «ил», «ар» и др.

Некоторые авторы склонны думать, что все названия на **или (ели)** грузинского происхождения, но тогда к грузинским племенам пришлось бы отнести не только апсилов, но и такие этнические группы, как стафилы,⁹³¹ дактилы⁹³² и многие другие. Дело в основе названия, а не только в суффиксальном оформлении, которое, естественно, бывает разным в разных языковых средах. Вместе с тем, по мнению хеттолога **В. Г. Ардзинба**, «апсил» может быть сопоставлен с хеттскими названиями с суффиксом происхождения или принадлежности «-ил», например, **нерикил** – «тот, который из города Нерик». Апсил – древнейшее после абешла и Апсирт слово, относящееся к абхазскому языковому миру, закрепленное в письменных источниках две с половиной тысячи лет назад. Однако происхождение суффикса «ил» в хеттских словах Г. Г. Гиоргадзе уверенно относит к картвельским языкам⁹³³. Но, как уже отмечалось выше, имеется возможность объяснения этого суффикса на почве самого абхазского языка. Приходится вновь повторить, что происхождение рассматриваемого суффикса, согласно исследованиям **В. А. Чирикба**, ведёт к абхазскому языковому миру, при этом он отмечает, что суффиксом является не «-ил», а «-ла», наличествующий как в ассирийском **«абеш-ла»**, так и в греческом **«апси-ла-и»** и в латинском **«апси-ла-е»**. Этот древний абхазский суффикс скорее всего имеет комитативное значение, функционально соответствующее русскому префиксу «со-» (со-братья, со-ратники, со-авторы и т.д.). В абхазском же это (амахэы-ла), со-зяття, (**аица-ла**) – со-невестки и другие, о чем уже говорилось выше⁹³⁴.

Существует мнение, что эпонимом абхазов (апсилов) является **Апсирт**⁹³⁵ – один из главных героев мифа об аргонавтах, сын колхидского царя **Аэта**, имя которого впервые было засвидетельствовано **Софоклом и Ферекидом** в V веке до н. э. Имя **Апсирт**, по **А. П. Ельницкому**, «являлось, быть может, и в действительности местным, кавказским по происхождению, поскольку в других версиях имя этого персонажа засвидетельствовано как **Фаэтон** или **Агиалей**. Имя **Апсирт** сопоставляется с наименованием важного торгового пункта и гавани **Апсар..**, которое уже древними толкователями производилось от имени **Апсирт**».⁹³⁶ Возможно, что в имени **Апс-ир-т** первая часть (апс) является племенным названием, р – абхазским показателем множественности, а последняя частица т – абхазским локативным суффиксом (т). В таком случае слово **Апсирт** первоначально обозначало буквально «место обитания апсов» или «место гибели» (Апсирт ср. с именем апсильского князя **Опсита** и лазского (?) царя **Опсита**, вероятно,

⁹³¹ ВДИ. 1947, № 4, с. 289.

⁹³² ВДИ. 1948, № 2, с. 281.

⁹³³ Гиоргадзе Г. Г. Страна тысячи богов. – Тбилиси. 1988, с. 21 (на груз.яз.).

⁹³⁴ **Chirikba V. A.** On the Etymology of the Ethnonym /apswa/ 'Abkhaza // In: The Annual of the Society for Study of Caucasia, no.3. – Chicago. 1991. p.15, 16. (См. выше и работу **Ш. Д. Инал-Ипа**, где отмечен этот суффикс с указанным значением. Прим. комм.)

⁹³⁵ **Анчабадзе З. В.** Страницы истории Абхазии. // Сб. «50 лет Советской Абхазии». – Сухуми. 1971, с. 9.

⁹³⁶ **Ельницкий А. П.** Указ.соч. с. 14.

звучавшего, как **Апсирт**⁹³⁷ (ср. и со староабхазским именем **Апсырт**: так, например в с. Атара в сравнительно недавнем прошлом проживал глубокий старик **Апсырт Чанба** – (**Агъсырт** Чанба). Как известно из вышеизложенного, это имя встечалось и у абазин.

При всем том, отсутствие какого бы то ни было предания или другого указания, кроме сходства имен, об эпонимном происхождении названия «апсуа», заставляет с осторожностью относиться к этой гипотезе⁹³⁸.

Каково бы ни было первоначальное происхождение основы **пс-** совершенно ясно, что в названиях апсилы (апшилы, абшилы, афшилы), апсары, Псинун, Апшилети и других, представлен один и тот же корень (**пс**, **пш**, возможно и **фс**), являющийся одним из древнейших словообразовательных элементов абхазского языка, причем племенное название апсилы в форме абешла, апшеги и других, встречалось, как мы видели, и за пределами Кавказа.

Существуют разные мнения по вопросу о происхождении и этнической природе апсиров. Исследователи, которые занимались выяснением этого вопроса, могут быть подразделены в основном на три группы: сторонников абхазской, картвельской и северокавказской (адыгской) этнической их принадлежности.

Древнеабхазским племя апсиров признает большинство этнографов, историков, археологов, филологов: авторы «Очерков истории Абхазской АССР»⁹³⁹, **Н. Я. Марр**, **З. В. Анчабадзе** в книге «История и культура древней Абхазии»⁹⁴⁰, и других работах, **М. М. Трапш**, **Л. Н. Соловьев**, **Л. И. Лавров**, **Х. С. Бгажба**, **О. М. Джапаридзе**, **Н. Ю. Ломоури**, а также автор этих строк,⁹⁴¹ и многие другие, включая и иностранных ученых. **С. Н. Джанашиа**, хотя и осторожно, но в целом, судя по контексту соответствующих его трудов, также относил апсиров, как и абазгов, к абхазским племенам и связывал историю возникновения Абхазского царства в конце VIII в. непосредственно с историей их (апсиров и абазгов) «раннефеодальных» княжеств⁹⁴². В книге **И. М. Дьяконова** «Предыстория армянского народа»⁹⁴³, а также в энциклопедической статье «Абхазы», написанной **Я. С. Смирновой**, абазги и апсилы (как и абешла ассирийских источников конца XII и XI в. до н.э.), определяются как предки современных абхазов и древнейшие обитатели Черноморского побережья Кавказа⁹⁴⁴.

Но вместе с тем, в историко-этнографической и прочей литературе, главным образом грузинской, встречаются высказывания, отрицающие или ставящие под сомнение абхазское происхождение апсиров (а иногда даже и абазгов), которые сторонниками этой точки зрения объявляются одним из древнейших западногрузинских племен.

Так, **С. Г. Каухчишвили**, комментируя сообщения анонимного автора V в. о племенах Юго-Восточного и Восточного Причерноморья (гениохи, махелоны, бизеры, зидриты, колхи, лазы, дрилы, апсилы, абазги, саниги, тибарены, саники, зихи-джики, кораксы меланхлены, ахеи, керкеты, тореты, евдусианы, синды, мосиники, макроны), объявляет их (за исключением разве только торетов и евдусианов) картвельскими

⁹³⁷ Заслуживает внимание и сведение ветеринара второй половины IV в. **Пелагония** о сарматском методе лечения лошадей, взятое им у ветеринарного врача по имени **Апсирт**, происходившего из **Вифинии** и участвовавшего в походе, предпринятом императором Константином I в 332 – 334 гг. против сарматов (**Пелагоний**. Ветеринарное искусство // ВДИ. 1950, № 4, с. 243.

⁹³⁸ Вряд ли прав **Ю. В. Откупщиков**, определяющий происхождение имени **Апсирт** от фракийского, догреческого населения, где оно звучало как **Апсинд** (**Откупщиков Ю. В.** Карийцы... с. 65 – 78. (Прим. комм.).

⁹³⁹ Очерки истории Абхазской АССР. ч. I. – Сухуми. 1960, с. 34 – 36 и сл.

⁹⁴⁰ **Анчабадзе З. В.** История и культура древней Абхазии. – М. 1964, с. 123 и др.

⁹⁴¹ **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы (историко-этнографические очерки). – Сухуми. 1965, с. 93.

⁹⁴² **Джанашиа С. Н.** Труды. Том II. – Тбилиси. 1952, с. 306, 322, 341 и др.

⁹⁴³ **Дьяконов И. М.** Предыстория армянского народа. с. 120 и др.

⁹⁴⁴ **Смирнова Я. С.** Абхазы // СИЭ, Том I. 1961, с. 59; **Ее же.** Абхазы. Народы мира. Историко-этнографический справочник. – М. 1988, с. 35 – 36.

племенами, в том числе апсилов, абазгов и санигов. Он не соглашается с **З. В. Анчабадзе**, который в своей «Истории и культуре древней Абхазии» отрицает грузинское происхождение абазгов, гениохов и санигов. Суффиксы **-ги, -ки, -хи**, присутствующие в некоторых из приведенных этнонимах (абаз-ги, сани-ки, зи-хи), **С. Каухчишвили**, не принимая во внимание адыгские языки, считает принадлежностью только грузинского языка, и на этом основании пишет: «Ведь несомненно, что Таохои относятся к грузинским племенам, и это племенное название такого же образования, как и остальные (Heniohoi, Kolhoi, Abaschoi и др.). Поэтому нет никаких оснований для поисков происхождения этих племен вне пределов грузинского этнического окружения. Достойно сожаления, что книга **З. В. Анчабадзе**, в других отношениях интересная для чтения, содержит такой существенный (основной) недостаток»⁹⁴⁵.

К. И. Бердзнишвили, ссылаясь на **П. Ингорюкву**, мимоходом, как само собой разумеющееся, отмечает, что в области Средней Абхазии, на территории исторической Цебельды (правобережье среднего течения р. Кодор) в позднеантичную эпоху (I – V вв.) проживало два древнекартвельских племени: коракхи (кораксы), отождествляемые ею с колхами, и абсилы (абшили). Последнее этническое название языческих наследников древнего картвельского населения района Цебельды и ее окрестностей (абсилы – бас-илы) является тотемическим и связано будто бы с грузинским наименованием хлеба (босели)⁹⁴⁶.

По мнению **М. П. Инадзе**, высказанному ею еще в 1953 г. все или почти все племена, упоминаемые в «Перипле» **Арриана** и смешавшиеся с колхами гениохи, лазы, апсилы, абазги, саниги – принадлежали к колхскому этническому конгломерату, являлись картвельскими (главным образом лазско-чанскими) племенами. Автор утверждает, в частности, что не только апсилы, но и абазги «происходят из центральных районов Колхиды и связаны по своему происхождению с проживавшими здесь грузинскими племенами», что «княжества апсилов и абазгов возникли на территории Колхиды в результате распада последнего на отдельные княжества»⁹⁴⁷.

Более сложными представляются **Г. А. Меликишвили** запутанные страницы этнической истории кавказского Причерноморья. В разных работах, особенно в своей обширной монографии «К истории древней Грузии» он не мало пишет об апсилах, абазгах и других племенах исторической Абхазии. Но не всегда его этническая характеристика этих племен отличается достаточной ясностью и четкостью. В целом он склоняется все же к тому, что апсилы, как и абазги, принадлежали к абхазо-адыгскому этническому миру. Хотя и редко и не совсем уверенно, но он отмечает, что апсилы и абазги этнически относятся к собственно абхазским племенам и не отрицает, что с первых веков н. э. они жили на территории современной Абхазии.

Племенное название «апсилы» («апшили»), встречаемое у античных авторов, **Г. А. Меликишвили**, в отличие от некоторых своих коллег, непосредственно связывает с самоназванием абхазов (абс-уа)⁹⁴⁸. Но из этого он не всегда делает соответствующие этногенетические выводы, а, напротив, порой прибегает к таким осторожным формулировкам, которые иной раз ставят под сомнение его же предыдущие утверждения. «Племя апшилов, засвидетельствованное на территории Абхазии уже в античное время, **возможно**, являлось племенем абхазо-адыгского происхождения», – пишет он, ссылаясь при этом и на попытку **В. Томашека** дать этимологию названия «апсилы» на основе материалов абхазо-адыгских языков⁹⁴⁹. Но при этом тут же добавляет, что «имеется и

⁹⁴⁵ «Георгика». Сведения византийских писателей о Грузии. Том II. Греческие тексты с грузинским переводом издал и примечаниями снабдил **С. Г. Каухчишвили**. – Тбилиси. 1965, с. 28.

⁹⁴⁶ **Бердзнишвили К. И.** Позднеантичная керамика из Цебельды. // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. II. – Тбилиси. 1959, с. 106 – 108 (с русским резюме).

⁹⁴⁷ **Инадзе М. П.** К истории Грузии античного периода (**Фл. Арриан** и его сведения о Грузии). – Тбилиси. 1953, с. 18, 20.

⁹⁴⁸ **Меликишвили Г. А.** К истории древней Грузии. – Тбилиси. 1959, с. 168.

⁹⁴⁹ **Там же.** с. 120, 168.

грузинская фамилия Апшилава»⁹⁵⁰ (эта фамилия, представители которой – абхазы живут и сейчас в Абхазии, генетически связана, вероятно, с апсилами, сложившись в начале в иноэтничной среде, а затем вновь обабхазившись в Абхазии).

Г. А. Меликишвили, сильно сомневаясь и в отношении древней аборигенности апсиров в Абхазии, больше склонен думать, что они в составе других горцев вторглись сюда с севера, но не «по Военно-грузинской дороге», как в свое время предполагал **М. Кисслинг**, а через горы Западного Кавказа и продвинулись далеко на юго-восток, к центральной Колхиде. Апсилы, абазги, саниги и другие племена до того, как они появляются в поле зрения истории, пишет он, «несомненно находились в составе той **грозной стихии**», которая под названием джихов, ахейцев и гениохов, по сообщению **Страбона**, «господствовала в Северной Колхиде и соседних областях»⁹⁵¹. Впоследствии, **к середине I тысячелетия, выдвинувшиеся на юг апсилы и абазги были, по Г. Меликишвили, оттеснены обратно на север, за р. Кодор, до которой, якобы, доходила этническая граница лазов**⁹⁵².

Знакомые уже нам утверждения **Г. А. Меликишвили** о массовом вторжении горцев в Закавказье не согласуются с его же тезисом о том, что «нет оснований предполагать проникновение крупных масс народа с севера на рубеже н.э.»⁹⁵³ и находятся в противоречии с его же общей концепцией процессов этногенеза на Кавказе, согласно которой в глубокой древности абхазо-адыго-чечено-лезгинские племена были распространены не только к северу от Главного Кавказского хребта, но, по-видимому, и к югу от него, в Закавказье и еще южнее⁹⁵⁴. Возражая **М. Кисслингу**, **Г. А. Меликишвили** указывает: «Однако у нас нет никаких оснований постулировать движение апсиров и абазгов по Военно-грузинской дороге; если оно и имело место (в этом у нас нет полной уверенности), то оно шло, скорее всего в том же направлении, в каком происходило проникновение джихов»⁹⁵⁵. Характерна оговорка, сделанная автором в этой цитате: «Если оно и имело место (в этом у нас нет полной уверенности)».

В коллективной книге «История Грузии», в главе II, написанной **Г. А. Меликишвили**, говорится о том, что в конце II – начале I тысячелетия до н. э. основное ядро населения Северного Кавказа составляли североиранские (киммеро-скифские) и другие родственные грузинам племена – предки современных абхазо-адыгских и дагестанских народов⁹⁵⁶. Апсилы как северокавказское племя выступают и в другой работе **Г. А. Меликишвили** – «Наири-Урарту». Название этого племени – апс-илы, – как пишет он там, «весьма близко стоит к названию «абешла», встречающемуся в ассирийских источниках в качестве варианта названия «кашка». Следовательно, по мнению авторов указанного учебного пособия, апсилы не грузины, а близкие жителям Северного Кавказа, до I тысячелетия до н.э. включительно не имевшие отношения к собственно Абхазии. Древнейшими аборигенами последней называются (или подразумеваются) только колхские, то есть западногрузинские племена.

Здесь я не буду глубоко касаться выдвигаемого **Ю. Вороновым, О. Бгажба и В. Логиновым**, положения о происхождении этнонима апсилы от скифо-сарматского **асп – лошадь**, каковым называлась, якобы, всадническая элитная часть апсильского общества⁹⁵⁷. **Н. Трубецкой**, еще в 1921 году предполагал наличие древних иранизмов в

⁹⁵⁰ Там же. с. 168.

⁹⁵¹ Там же. с. 365.

⁹⁵² Там же. с. 371.

⁹⁵³ Там же. с. 66.

⁹⁵⁴ Там же. с. 120.

⁹⁵⁵ Там же. с. 88, 89.

⁹⁵⁶ Бердзенишвили Н., Дондуа В., Думбадзе М., Меликишвили Г., Месхия Ш., Ратиани П. История Грузии. Кн. I. С древнейших времен до конца XIX в. – Тбилиси. 1958, с. 19 и сл. (на груз. языке).

⁹⁵⁷ Воронов Ю. Н. Древняя Цебельда. // ВИ. 1987, 1, с. 129; Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Два всаднических захоронения апсиров из Цебельды. // Труды АГУ. 1987, том V. с. 72; Логинов В. А. Керамика и керамическое производство Абхазии позднеантичного и ранневизантийского времени (II – VII вв.) – М.

западно-кавказских языках, однако, как пишет **С. А. Старостин**, большинство его этимологий подверг справедливой критике **Ж. Дюмезиль** в 1963 году. По современному заключению **С. А. Старостина** «...В целом мы должны констатировать отсутствие надежных индоиранских этимологий, в каких бы то ни было корнях западно-кавказских языков».⁹⁵⁸ «Они там отсутствуют». Тем более они должны отсутствовать в таких коренных словах, как автонимы.

Если же говорить о научно-популярной литературе, то в целом ряде изданий (справочного и прочего характера) коренными, аборигенными жителями Абхазии называются, как правило, картвельские племена или, изредка, картвельские наряду с абхазскими⁹⁵⁹. В этом отношении весьма показательно мнение некоторых грузинских ученых о возможности двуаборигенности в Абхазии, но когда вопрос коснулся территории Юго-Осетии, то здесь появилось совершенно иное мнение: «...как можно, чтобы в одном и том же регионе было более одной коренной нации, это ведь абсурд! Коренной народ именно тот, кто создал этногосударственную систему региона. Все остальные позже пришедшие».⁹⁶⁰

Таким образом, в историографии Абхазии по вопросам этногенеза сталкиваются теории а) одного (абхазы или грузины) или двух аборигенов (абхазы и грузины); б) миграционная теория и автохтонизм, в) а также «средняя» между ними – миграционно-автохтонная теория – нашли свое отражение и в области изучения этнокультурной природы и территориального распространения древних племен Абхазии.

Что касается конкретно апсиров, то, безусловно, правы те ученые, которые, говоря словами **Г. А. Меликишвили**, рассматривают их как «одно из абхазо-адыгских племен»,⁹⁶¹ а точнее как один из основных компонентов древнеабхазского этноса, что вытекает также из содержания соответствующих частей настоящей работы.

3. Апсилы и мисимияне

Ближайшим к апсилам горским племенем являлись мисимияне. На севере от мисимиян, за Главным Кавказским хребтом, жили аланы, на юго-востоке они граничили с лазами, а в горах с ними соседствовали сваны. На мисимиянах следует остановиться несколько подробнее, поскольку они являлись не только ближайшим к апсилам племенем, а, быть может, в известном смысле и своего рода автономной частью апсильской этнической группы.

Согласно Агафию, мисимияне занимали всю территорию от апсильского укрепления Тибелия (Тзибила или **Тсибила** Прокопия), т. е. от Цебельды до хребта, и весь бассейн верховьев реки Кодор, а восточнее, вероятно до р. Ингур, впрочем возможно и далее, охватывая и некоторые прилегающие земли и за Кавказским хребтом. «Живут же они, – пишет **Агафий**, – севернее народа апсильев и несколько восточнее»⁹⁶². В другом месте он говорит, что укрепление **Тибелий** (очевидно, **Цибелий** – **Цебельда**) отделяло страну мисимиян от апсиров. Они жили настолько близко друг от друга, что когда византийский отряд, напав внезапно ночью на укрепленное поселение у крепости Тцахар, поджег жилища мисимийцев, то «пламя поднялось так высоко, что возвестило о происходящем народе апсильцев»⁹⁶³ и другим соседствовавшим с ними.

1987. (То же можно прочесть и в изданной в 1998 г. книге **Ю. Воронова** «Древняя Апсилья» на сс. 246 – 248, 314, где также проявляется желание определить социальную верхушку апсиров как наследников аланов. (Прим. комм.)

⁹⁵⁸ **Старостин С. А.** Индоевропейско-северокавказские изоглоссы. // Древний Восток. – Москва. 1988, с.114.

⁹⁵⁹ См., например, «Народное хозяйство Абхазской АССР». – Тбилиси. 1967, с. 6, буклет «Бичвинта». – Тбилиси. 1969, с. 1 и многие другие.

⁹⁶⁰ **Силагадзе А., Беридзе Ш.** Доколе Катилина // «Народное образование». 1989, 29 октября, с. 13.

⁹⁶¹ **Меликишвили Г. А.** К изучению древней восточномалоазийской этнонимии // ВДИ. 1962, № I, с. 62.

⁹⁶² **Агафий Миринейский.** О царствовании **Юстиниана**. – М – Л. 1953, с. 87, 118.

⁹⁶³ Там же. с. 87.

В 555 году мисимияне восстали против византийцев⁹⁶⁴. Византийский военачальник **Сотерих** прибыл в одну из крепостей мисимиян, «походивших вдоль границы их с лазами» – **Бухлоон (совр. Пахулан)**⁹⁶⁵ для передачи ее аланам и для очередной раздачи субсидий не только им, но и другим союзникам⁹⁶⁶. На требование двух посланников **из «наиболее знатных» мисимиян** (абхазские имена которых Хада и Туана приводятся в тексте Агафия) перенести византийский лагерь с их территории в другое место, он ответил тем, что приказал избить пришедших к нему посланцев их же посохами (как видно, это были абхазские алабашья). Мстя за обиду, мисимияне в ту же ночь перебили вражеский отряд во главе с **Сотерихом**, вместе с его сыновьями и свитой, забрав все их имущество вместе с казной.

Было очевидно, что византийцы не смогут примириться ни с происшедшим, ни с отпадением мисимиян. Поэтому последние, стремясь обезопасить себя, обратились за защитой к персам. **Представители мисимиян, имевшие у них «наибольшую власть»**, отправились в **Иверию** к персидскому военачальнику **Нахогарану**. Предложив ему свой союз в борьбе с византийцами, они просили: **«не пренебрегать народом, которому угрожает смертельная опасность, не малым и не темным, но могущим принести величайшую пользу персидской монархии. Ибо, – продолжали посланцы мисимиян, – вы легко убедитесь, что в военном деле мы опытни и, по заключении с вами союза, будем сражаться весьма храбро, и у вас будет местность, расположенная внутри самой территории колхов, – безопасный стратегический пункт, весьма удобный для совершения набегов и являющийся, как бы бастионом против врагов»**⁹⁶⁷. (Возможно последняя фраза говорит о том, что в горах территория мисимиян простиралась и за пределами р. Ингури).

Персы, которые являлись соперниками византийцев в борьбе и за Абхазию, не преминули воспользоваться представившимся случаем и, обещая мисимиянам помощь, ввели свои войска на их территорию.

О силе мисимиян и трудности завоевания их страны свидетельствует тот факт, что весной 555 года для их покорения византийцами через территорию апсиров были двинуты около четырех тысяч отборной пехоты и конницы, «среди которых были и мужи, пользующиеся величайшей известностью»⁹⁶⁸. Кроме того, учитывалось, что у мисимиян, живших в недоступных горах, были **«многие» укрепления**. Среди них наиболее мощным считалось укрепление, которое «с древних времен называлось **Тцахар**; называют его железным за его неприступность и крепость»⁹⁶⁹. **Строили они свои крепости, как было уже отмечено, и вдоль своей границы с лазами, однако точная линия границы с ними нигде не указана.**

И все же силы были слишком неравны, а персидские «союзники» покинули мисимиян с наступлением зимы, в самое опасное время. В результате, византийские войска, с звериной яростью подавляя восстание мисимиян, истребили большую часть этого племени, причем не щадили даже детей: одних сбрасывали со скал, других поднимали на копья.

Из того же описания **Агафия** видно, что мисимияне строили жилища из дерева и соломы⁹⁷⁰ и часто окружали их стеной⁹⁷¹, занимались возделыванием полей⁹⁷², на

---

⁹⁶⁴В середине VI в. по всей стране прокатилась мощная волна возмущения против иноземного господства. Одной из страниц этой мужественной борьбы фактически является почти одновременное восстание и в **Апсилии**.

⁹⁶⁵Здесь особо следует обратить внимание на то, что **Бухлоон (Буколус)**, одна из крепостей «проходивших вдоль границы их с лазами» (см. у Агафия, с. 87), которая, скорее всего, шла по линии реки Ингури, где, видимо, проходил и перевальный путь. (Прим. комм.)

⁹⁶⁶**Агафий Миринейский**. Указ. соч. с. 87.

⁹⁶⁷**Там же**. Указ. соч. с. 115.

⁹⁶⁸**Там же**. с. 116.

⁹⁶⁹**Там же**. с. 119.

⁹⁷⁰**Там же**. с. 122.

вооружении у них были мечи⁹⁷³, а в случае нападения на их поселения, находившиеся в скалистых местах, оборонялись, сбрасывая на неприятеля огромные камни, а ночью пользовались зажженными факелами⁹⁷⁴. Как сказано, у них было много крепостных стен со рвами⁹⁷⁵ (многовековую оборонительную традицию с «глубокими рвами» зафиксировали у абхазов, как известно, даже авторы XVII в. Арк. Ламберти и Ольф. Даппер). Интересно и то, что мисимияне во время военных операций использовали прием прикрытия наступательной группы со всех сторон щитами, что называлось «черепахой»⁹⁷⁶.

По словам **Агафия**, сочинение которого является важнейшим и в основном достоверным источником по истории мисимиян, во время жестокого поражения в битве с византийцами погибло не менее пяти тысяч мужчин и в два раза больше женщин и детей, «так что не много не достаёт, чтобы весь мисимийский народ был уничтожен»⁹⁷⁷. Исходя из этих указаний, можно предполагать, что общее количество всех мисимиян могло значительно превышать 30 000 человек.

Мисимияне уже до времен **Агафия** были «с давних пор» «одной с римлянами религии», т.е. христианами⁹⁷⁸, что не помешало, однако, византийцам совершить по отношению к маленькому народу акт геноцида. **Агафий**, описывая бесчинства византийской администрации в Лазике, критикует «великого» **Юстиниана** за спекуляции, возмущается жестокостью византийских войск, потопивших в крови мисимиянских женщин и детей, доброжелательно пишет о мужестве и достаточно высокой культуре местного населения⁹⁷⁹.

По вопросу об этнической принадлежности мисимиян существуют разные точки зрения. **В. Пфаф**, например, склонен был видеть в них осетин. **С. Н. Джанашиа** предпочитал более осторожную характеристику их, как особого племени со своим языком и обычаями. Некоторые же исследователи, например, **С. Г. Каухчишвили**, а вслед за ним и другие – мисимиян идентифицируют со сванами, основываясь, главным образом, на созвучии названия «мисимияне» и самоназвания сванов «мушвен».

С. Г. Каухчишвили, отвечая на вопрос об этнической принадлежности мисимиян, устанавливает разные формы написания названия этого племени у **Агафия** и **Менандра** и их позднейших толкователей. В итоге он приходит к выводу (на основе малоубедительного лингвистического анализа), что мисимияне – это одно из сванских племен, занимавшее, как он пишет «современную провинцию Дал», причем, по мнению автора, даже в XX в. существовали различные сванские племена, о чем будто бы свидетельствует существование «Свободной Сванетии», «Дадешкелиановской Сванетии», «Верхней Сванетии», «Нижней Сванетии»⁹⁸⁰.

Г. А. Меликишвили также пишет, что мисимияне – одно из сванских племен⁹⁸¹. Вместе с тем, не привлекая абхазских языковых и иных данных для объяснения названия Цебельды византийских источников, по-абхазски **Цабал** (**Цабал**) и дав название крепости как «**Цибела**», автор связывает его теперь уже не со сванским, как раньше, а с

---

⁹⁷¹ Там же. с. 120.

⁹⁷² Там же. с. 124.

⁹⁷³ Там же. с. 121.

⁹⁷⁴ Там же, с. 122.

⁹⁷⁵ Там же. с. 123.

⁹⁷⁶ Там же.

⁹⁷⁷ Там же. с. 124.

⁹⁷⁸ Там же.

⁹⁷⁹ **Удальцова З. В.** Мировоззрение византийского историка VI в. **Агафия Миринейского** // Византийский временник. Том XXIX. – М. 1968, с. 157, 160, 168.

⁹⁸⁰ **Каухчишвили С. Г.** Племя мисимиян // Труды ТГУ. 1, 1936, с. 279 – 280 (на груз.яз.).

⁹⁸¹ **Меликишвили Г. А.** К истории древней Грузии. с. 65, 100, 384 и др.

грузинским словом «**ципели**» – **бук**, хотя непонятно, почему каменное крепостное сооружение люди стали бы называть **буком**⁹⁸².

Вместо этого, явно, случайного созвучия, мне представляется более правдоподобным выводить название Цабал – Тибела от абхазского (точнее абазинского) родоплеменного имени вымерших **Цыблы**, представители которого были, вероятно, аборигенами именно Цебельды, оставившими свое название этому подрайону. У абхазов встречалось, между прочим, и личное мужское имя в форме **Цибла (Цыбла)**.

Вряд ли можно считать, что категорическое отождествление мисимиян и сванов имеет достаточно убедительное научное обоснование. Имеется гораздо больше оснований для того, чтобы утверждать, что в лице мисимиян мы имеем не сванское, а родственное апсилам одно из горных абхазских племен, которые издавна и вплоть до середины XIX в. населяли эту территорию, хранящую многочисленные следы их древней материальной и духовной культуры⁹⁸³.

Сваны же, как особое самостоятельное племя и под этим же названием, а не каким-либо другим, хорошо известны по античным, византийским и другим источникам, которые локализуют их в основном в пределах их нынешнего обитания и к востоку от него. Так, известно, что сваны еще в XVI веке обитали и в районе **Рача – Лечхуми**⁹⁸⁴. Термин «сваны» мы находим в качестве племенного названия у того же **Агафия**. Возникает вопрос, почему **Агафий** стал бы именовать хорошо знакомых ему сванов, непосредственных соседей мисимиян, в одном и том же сочинении двумя разными названиями – одну часть общепринятым в литературе именем «сваны», а другую – по их самоназванию «мушвен», откуда будто бы и происходит этноним «мисимияне». А что касается внутреннего племенного, а не территориального деления сванов, то источники об этом хранят полное молчание.

В VI в. византийский чиновник **Зимарх** шел из Алании в Византию через территорию, где пролегал «**Даринский путь**», оставив «**Мисимиянский путь**» слева, чтобы не попасть в плен к персам, войска которых находились в то время в Сванетии. Оставляя в стороне вопрос о том, где именно проходил «**Даринский путь**» – через Марухский или Клухорский перевал и ущелье р.Амткел, как думает **З. В. Анчабадзе**, надо отметить, что персы, находясь в соседней Сванетии, действительно могли контролировать «**Мисимийский путь**», который пролегал где-то далее к востоку от Даринского пути, скорее всего по Ингуру. Речь идет, очевидно, о соседней (по отношению к «Мисимианскому пути») Сванетии, а следовательно в районе трассы самого пути не было ни сванов, ни собственно Сванетии.

Мисиминия и по **Менандру** граничила со Сванетией, а по описанию **Феофана** путь посольства **Льва Исавра** в Аланию в начале VIII в. пролегал через Апсилию и никакие другие промежуточные области или же племена на этом пути им не упоминаются. Иными словами, аланы и абхазы жили в непосредственном соседстве друг с другом.

Имеющиеся в нашем распоряжении письменные сообщения свидетельствуют не только о том, что мисимияне, живя в верховьях р. Кодор и восточнее, населяли долины, горы и предгорья за апсилами, доходя до своей крепости Бухлоон (совр. Пахулан) и, по видимому, до р. Ингури.

Наиболее веские доказательства ближайшего этнического родства мисимиян с апсилами содержатся в сочинении того же **Агафия**. По его описанию, византийцы для переговоров с восставшими мисимиянами послали представителей апсилов. Почему именно апсилов? Очевидно, потому что апсилы были родственны мисимианам и ничем особенно не отличались от них ни по языку, ни по обычаям. Соответствующий контекст

---

⁹⁸² Там же. с. 90.

⁹⁸³ Георгика. Том 3, 1936, с. 119

⁹⁸⁴ Лавров Л. И. Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX в. //КСИЭ. 1959, вып. XXXII. См. и в других источниках.

работы **Агафия**, как мне кажется, указывает на то, что мисимияне и апсилы говорили на близкородственных говорах и в общении между собой в переводчиках не нуждались, чего нельзя сказать как в отношении сванов к апсилам, так и мисимиян с апсилами к лазам.

Однако, решающие слова по поводу этнической принадлежности мисимиян были сказаны еще полторы тысячи лет назад тем же **Агафием**. Подчеркивая этнические отличия мисимиян от колхов (лазов) и характеризуя их, он прямо пишет, что они – **«были подданными царя колхов, так же как и апсильцы. Но язык у них разный, так же как и нравы»**.⁹⁸⁵ Ничего подобного он не говорит относительно этнических взаимоотношений между мисимиянами и апсилами, считая их, очевидно, по существу почти одним народом. Византийцы отметив, что нравы апсильцев и мисимиян очень близки, были возмущены когда мисимияне убили апсильцев: какие, мол, они варвары, убивают людей «столь близких им по образу жизни». Да и сам **С. Каухчишвили** в 1936 году, считая мисимиян картвельским племенем, дал следующий перевод пассажа об убийстве мисимиянами послов из апсильцев: **мисимияне «сразу же убили этих послов, хотя они принадлежали их родственному апсильскому племени»**.⁹⁸⁶

Черты хозяйства и материальной культуры также говорят о единстве и ближайшей общности мисимиян с другими абхазскими племенами. В этой связи обращает на себя внимание, например, отмеченный уже выше характер жилищной архитектуры мисимиян. По словам **Агафия**, они проводили свою жизнь в жилищах из дерева и соломы, как и абазги, дома которых кратко описаны **Прокопием Кесарийским**. Сваны же, как известно, издавна строят большие массивные каменные дома, но об этом ни единым словом не упоминается в описании мисимиян **Агафием** (сомнительно, чтобы начало строительства каменных домов-крепостей в Сванетии, хотя и без башен, восходило бы к значительно более позднему времени, чем VI – VII вв.), что подтверждает их бывшее, достаточно близкое проживание к «странам башен» (см. ниже).

Наконец, археологические разыскания, проведенные в ущелье р. Кодор, также подтверждают, что население верховьев Кодора первой половины I тысячелетия н.э., как и последующих веков, жило в основном одной хозяйственной и культурной жизнью с другими абхазскими племенами – апсилами, абазгами и др.

У нас нет также никаких логических аргументов в пользу того, что мисимияне – сваны, занимавшие до VI в. ущелье Кодора, что они были потом вытеснены из этих мест или ассимилированы абхазами – позднейшим будто бы населением этого края. Мисимияне представляли собой достаточно многочисленное и необычайно воинственное племя. Опираясь на мощные укрепления в неприступных горах, они противостояли войскам Византийской империи. И совершенно невероятно, чтобы такой народ мог быть согнан с насиженных мест абхазами. Никто из сторонников вытеснения или ассимиляции мисимиян-сванов абхазами не отвечает на вопрос о том, когда и под влиянием каких причин происходили передвижения племен, приведшие к такой резкой смене населения – замене сванского населения абхазским? Во всяком случае, такое крупное событие, как коренное изменение этнического состава населения, если бы таковое действительно имело место, должно было бы отразиться, так или иначе, в каких-нибудь письменных, а также сванских или абхазских фольклорных, языковых или археологических памятниках. Но последние хранят полное молчание о такого рода смене населения на указанной территории.

Составители вышеупомянутой газетной статьи указывали мне, что «небесспорной является трактовка этнической принадлежности племени мисимиян». Но в этом, как и в других случаях, следует принять во внимание не только удачную или не совсем удачную интерпретацию двух мест источника (в данном случае в сочинении **Агафия**), а всю систему доказательств автора книги, который на основе анализа различных данных,

⁹⁸⁵ **Агафий Миринейский**. Указ. соч. с. 87.

⁹⁸⁶ **Георгика**. Том 3, 1936, с. 119.

сравнивая быт этого племени с бытом апсиров и абазгов, приходит к выводу об идентичности условий жизни всех этих племен, о том, что население верховьев Кодора вплоть до середины XIX века оставалось абхазским.

В самом деле, сравним более конкретно хотя бы некоторые основные элементы традиционного хозяйства и материальной культуры у сванов и мисимиян, например (о чем уже писалось отчасти выше), в области народного жилища. Что мы имеем у сванов? «Наиболее древней и типичной формой жилища Сванетии является монументальное, многоэтажное сооружение, в котором жилые, хозяйственные и оборонительные функции расположены в виде единого комплекса и в вертикальном плане; они известны под наименованием «дома-крепости»... Устанавливается, что в процессе складывания вышеуказанных комплексов исходной формой служило сооружение в виде дома-крепости, в дальнейшем к нему пристраивалась башня в качестве отдельного сооружения с самостоятельной оборонительной функцией; на следующей стадии развития этот комплекс обносится мощной каменной оградой... Следовательно, мы можем говорить о **сванском типе раннефеодального замкового сооружения** (Подчеркнуто мной, – Ш.И.), который складывается на местной почве»⁹⁸⁷. Ничего этого – ни домов-крепостей и ничего другого – мы не находим ни у мисимиян (по описанию **Агафия** или по данным археологии и других источников), ни у последующих жителей тех мест, где локализуются мисимияне.

В средние века на этой территории характерными были не дома-крепости сванского типа, а укрепления-цитадели, крепости и поселения с «линиями деревянных хижин, прислоненных к скале»; «обращает на себя внимание большое количество кусочков глиняной обмазки, покрывавшей когда-то, по всей видимости, стены, протянувшиеся вдоль террас деревянных сооружений»; жилища «вероятно, в большинстве были деревянными»; они «возводились плетением с помощью кольев и прутьев»; обмазывались глиной, крыши покрывались соломой или осокой; для обороны поселений широко пользовались не только каменными укреплениями – стенами и крепостями, но и мощными искусственными рвами и валами»⁹⁸⁸. Иными словами, особенности поселений и жилищ на территории исторической Мисиминии резко отличались от сванских, а в то же время, можно сказать, почти полностью совпадают с древнеабхазскими, что было бы необъяснимо без допущения этно-культурной общности мисимиян и раннесредневековых абхазов.

Все это, мне кажется, позволяет думать, что в этом регионе не происходило каких-либо заметных изменений в этническом составе. Население, которое здесь находилось вплоть до второй половины XIX в., было и оставалось абхазским, о чем ярко свидетельствуют и археологические данные.

Вместе с тем, я позволю себе высказать одно предположение, но только как рабочую гипотезу. Есть некоторые, правда, небесспорные основания полагать, что в лице мисимиян мы имеем известную абхазскую родоплеменную группу **Маршанов** (по-абхазски **Маршьан**). Не исключено, что в основе этнического названия мисимиян лежит искаженное название этого племени, по своему звуковому составу «**Маршьан**» отстоит не дальше от названия «мисимиян», чем «мушвен» (возможно в этом слове «му» является префиксом, а «швен» основой, означающей «сван»). Хорошо известно, что истари и вплоть до середины XIX в. весь район верховьев р. Кодор до самого хребта был занят воинственным абхазским племенем (с особым цебельдинским говором), во главе с многочисленным родом **Маршан**. **Маршаны** господствовали не только в **Дале** и **Цебельде**, но и в **Медовее** (в **Ахчипсоу**, в **Аибге** и некоторых других горных обществах. Среди абазин они известны под именем **Марчан**.

⁹⁸⁷Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. Сванское село в прошлом. – Тбилиси. 1964, с. 120 – 122.

⁹⁸⁸Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. – М. 1975, с. 19 и сл.

Шапсугские старики приписывали и убыхам дворянский род **Мершье** или **Мершьене**⁹⁸⁹. Во всех источниках подчеркивается многочисленность, воинственность и независимость **Маршанов**. Такой знаток Абхазии первой половины XIX в., как **Ф. Ф. Торнау** писал: «Цебельдинский округ... состоит из одной фамилии **Маршаниев**, чрезвычайно многочисленной, члены которой правят каждый своим участком... Никогда не повиновались в полном смысле слова владельцу»⁹⁹⁰.

У абхазов сохранились предания, согласно которым **Маршаны** являлись первыми князьями Абхазии по своей неукротимости и рыцарскому образу жизни. Согласно этим преданиям, именно **Маршаны** представлялись подлинно абхазскими князьями. «Фамилия **Маршани** считается природною абхазскою», – писала гр. **Уварова**. Замечу, что мисимиянское имя **Туана** можно сопоставить с древним абхазским родовым именем **Туанба** (т.е. сын **Туана**), представители которого и сейчас живут в разных местах Абхазии и за рубежом, а в с. Дурипш есть и пункт под названием «**Холм Туана**», и имя **Хада** до сих пор имеет хождение среди абхазов

Древняя топонимика указанного района и смежных с ним земель точно так же связана с абхазскими аборигенами. «Горы принадлежали **Маршанам**», – гласят предания. Под именем «**Абхазских гор**» (**Ап̄суа шьхак̄за**) в первую очередь известны были именно те горы, которые расположены у верховьев Кодора. В районе соседнего горного общества Псху есть «**Гора Маршанов**» (**Маршьан-шьха**). А название горы Мсыбиста в верхнем течении Кодора близко к названию племени мисимиян (мсы-бста, – пста). Представляет немалый интерес наличие у абазин патронимического названия Мысылбай. Х. С. Бгажба устанавливает существование в прошлом особого древнеабхазского племени Мыс (Мсаа, Мысраа).⁹⁹¹ В связи с этим, можно отметить и название одного из подразделений абазин-тапантовцев – княжеской фамилии **Клыч**, что очевидно, связано с одноименной рекой верховьев Кодора (**Клыч**), а название небольшого ручья – **Кячь**, того же района, с другой княжеской фамилией. Обращает на себя внимание и второе древнее прозвание крепости **Тцахар** как **железной** и **Сидероном**. Последнее, как видно, происходит от имени княжеского рода **Сидовых** (абх.-абаз. **Сидаа, Сидраа**), ответвления **Маршанов** (ср. и с названием села в Гальском районе Абхазии – **Сида**).

Однако, не отказываясь совсем от «маршановского» варианта объяснения мисимиянской загадки, нужно, тем не менее, сказать, что новые полевые и прочие материалы, полученные за годы, прошедшие после первого выхода этой книги, заставляют задуматься над тем, жил ли издревле род **Маршанов** (груз. **Марушисдзе**) в верховьях Кодора или же, согласно некоторым отрывочным сведениям, он переселился туда в относительно более позднее время из местностей по среднему течению р. Мдзымта. Хотя может быть и так, что эта воинственная и некогда многочисленная родоплеменная группа господствовала с давних пор в труднодоступных горных ущельях – от Ахчипсы и Псху до Дал-Цебельдинского подрайона, иногда (в силу разных причин) частично перемещаясь отдельными родовыми группами в пределах своей традиционной территории. Говорят же абхазы, что «горами владели **Маршаны**» (**Ашьха зт̄ыз Маршьанаа рак̄зын**), они же нередко характеризуются как своего рода символ княжеского верховенства и власти (так, у абазин в ходу было выражение «**Маршьанс ирымада?**» – «**Кто у них Маршан?**» в смысле «кто у них князь?»). Все это требует дополнительной проработки, прежде чем перечеркнуть полностью предложенную рабочую гипотезу, тем более, что в недавно опубликованной статье **К. Чхатарашвили** «Надпись **Абуласана Иобисдзе** из Цебельды и ее историческое значение» содержатся сведения, которые привлекают внимание с точки зрения истории интересующего нас знатного абхазского рода. В частности, помимо оригинального толкования надписи, в статье устанавливается, что **Абуласан** принадлежал к феодальному роду **Марушианов-Варданисдзе**, т.е.

⁹⁸⁹ **Лавров Л. И.** Из поездки в черноморскую **Шапсугию** // СЭ. 1936, № 4 – 5, с. 130.

⁹⁹⁰ **Торнау Ф. Ф.** Записки кавказского офицера. – М. 1864, с.

⁹⁹¹ **Бгажба Х. С.** Бзыбский диалект абхазского языка. – Тбилиси. 1964, с. 268 – 269.

относился, как видно, к одному из двух ответвлений **Маршанов – Варданижвлара**),⁹⁹² сыгравшему значительную роль в политической жизни Абхазии и Грузии в конце X и в XI – XII веках, в том числе в восстании западнгрузинских князей в поддержку **Георгия Русского** – бывшего супруга царицы **Тамары**, и, что Цebelьда была его фамильным именем⁹⁹³. Значит, история дал-цебельдинских князей **Маршанов (Марушианов, Марушидзе)** уходит вглубь веков, а мысль о их возможной связи с мисимиянами кажется уже куда менее фантастичной.

В архиве Абхазского института хранится рукописная книга **«Новая страна – Абхазская Сванетия»**. Это беспретенциозное, но, можно сказать, уникальное с точки зрения своего фактического содержания историко-этнографическое описание, сделанное в 1934 году природным местным сваном, жителем с. Генцвиш (абх. Дианцвиш) **Александром (Сашей) Гасвиани**. В ней на основе собранного им самим разнообразного и достоверного полевого этнографического материала дается характеристика жизни и быта дальских сванов, небольшое постоянное поселение которых появилось в верховьях Кодора только в последней четверти XIX в., то есть после выселения коренных абхазских жителей в Турцию. В начале их было всего «несколько хозяйств», в том числе и отца автора рукописи **Дмитрия Гасвиани**.

Рассмотрев в первую очередь вопрос о «переселении сванов из **Верхней Сванетии в Дал – Абхазскую Сванетию**, где некогда обитали мисимияне, автор спрашивает: «Кто раньше жил в Дале: сваны или абхазцы? Исходя из тех фактов, которые мы имеем на сегодняшний день, – пишет он, – мы смело можем сказать о том, что до сванов в Дале жили абхазцы». Аргументируя это положение, он далее указывает, в частности, что в Дале во многих местах «Имеются даже сейчас разваленные дома старинного абхазского типа», что находимые там остатки утвари и орудий труда представляют собой «чисто старинные абхазские изделия», что в разрушенной крепости с. Левый Генцвиш (абх. Дианцвиш) во время земляных работ находят скопления человеческих черепов и скелетов со свинцовыми пулями от кремневого ружья, а также чугунные котлы, сковородки, большие абхазские вилы с крючками для вытаскивания вареного мяса из котла, кухонные железные висячие цепи, глиняные винные кувшины (иногда с остатками вина), топоры, **цалды**, части кремневых ружей, что «**во многих местах Абхазской Сванетии есть остатки абхазских виноградных лоз разных сортов**», и другие неотъемлемые атрибуты традиционной абхазской культуры. Автор упоминает также нескольких абхазских князей, которые жили в с. Лата перед переселением сюда сванов, – **Иесова** (вероятно, **Эшсоу**) и **Таташа Маршан**, а в с. Сакен (абх. **Сакъан**) – **Омара Анчабадзе**, «это место и сейчас называют сваны **«Омаришар»**, что в переводе с абхазского означает «пределы владений **Омара» (Омаришара)** и др. «Все приведенные факты, – написано в очерке, – подтверждают и свидетельствуют о том, что до сванов в Дале жили абхазцы. Пока еще история не знает и нигде не говорится в литературе о том, чтобы сваны занимались виноградарством и виноделием»⁹⁹⁴.

Мы говорили о «маршановском» варианте разрешения мисимиянской проблемы. Но есть и другое мнение, в основе которого лежит предположение о существовании когда-то в прошлом абхазского племени мдзаа, или мамдзаа (**Мз**аа, **Мамз**аа, встречается и форма **мзаа**, **мамзаа**). **Х. С. Бгажба** полагает, что эти гипотетические мамдзы/мамзы, предположительно обитавшие некогда в Кодорском ущелье, а затем (также предположительно) переместившиеся в междуречье Бзыбь – Мдзымта, могут быть увязаны с мисимиянами. «Основу названия **Мдзым-та и Мамдзы-шха**» и второй вариант

⁹⁹² **Лавров Л. И.** Абазини. //Труды института этнографии. Новая серия. Том XXVI. – М. 1955, с. 29.

⁹⁹³ **Чхатарашвили К.** Надпись **Абуласана Иобисдзе** из Цebelьды и ее историческое значение. //Вопросы истории Грузии Феодальной эпохи. VI. – Тбилиси. 1990, с. 106. (Подробнее об этом см. в кн.: **Инал-Ипа.** Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2002, с. 153 – 155. (Прим. комм.)

⁹⁹⁴ **Гасвиани С.** Новая страна Абхазская Сванетия (рукопись). Архив Абхазского института. Ф. I. с. 9 об., 10, 19 об., 11, 11 об. и 12.

этнонима мисимияне как **миссияне** – он связывает с родом **мсаа/мыс** тех же бзыбских преданий, оставившем свои следы в топонимике западной Абхазии в форме **Мс-ра, Мыс-ра (Мюссера), Мсыгхуа** и др.⁹⁹⁵. Может быть, многовато предположений, но, при всем том и «мамдзская» версия также имеет право на существование.

Представляет интерес и название сванов у карачаевцев и балкарцев – **Эбзе**⁹⁹⁶, где интригующим является корень – «бз», говорящий, вероятно, о названии населения, предшествовавшего в этих местах сванам.

Что же касается сванов, то в какой-то степени признанной является своего рода «двуприродность» этого этноса. В этно-культурной жизни сванов, интереснейшего народа, отмечается, если не наряду с картвельским, то во всяком случае очень значительный абхазо-черкесский элемент в особенностях его этнической истории, языка, народных традиций, культуры вообще. При этом в специальной литературе обычно больше подчеркивается значение именно черкесского, а не абхазского элемента в языке, а также в этнографическом быту и традиционной идеологии сванов. «В сванском языке, – пишет **А. С. Чикобава**, – констатируется наличие, по меньшей мере, трех лингвистических слоев: один из них обнаруживает закономерные соответствия с грузинскими корнями или же совпадает с одним из слоев, фиксируемых в древнегрузинском литературном языке: другой слой восходит к мингрельскому и чанскому диалектам занского языка; **третий – к абхазо-адыгской группе языков**»⁹⁹⁷.

Ш. В. Дзидзигури, касаясь старого вопроса о смешанном характере сванского языка, вместе с тем справедливо выдвигает на передний план значение вопроса о характере компонентов сванского языка и их хронологической последовательности. «Весь вопрос лишь в том, – подчеркивает он, – каковы компоненты, участвовавшие в образовании сванского языка, когда, в какой последовательности они наслаивались в языке, известном под именем сванского»⁹⁹⁸. По его мнению, «сванский язык не представляет самостоятельного лингвистического образования в составе картвельских языков: он порождение сложного исторического процесса скрещивания картвельских и абхазо-адыгских диалектов»⁹⁹⁹.

Следовательно, несколько обобщая вопрос, можно говорить о том, что в сванском языке наличествует в основном два лингвистических слоя. Первый слой – это слой картвельских языков (грузино-мегрело-чанский), а второй слой восходит к абхазо-адыгской группе языков. Но абхазо-адыгская группа состоит из нескольких языков: абхазского, абазинского, убыхского, адыгейского (с его диалектами) и кабардино-черкесского. Трудно вообразить, чтобы во втором слое, вскрываемом при анализе сванского, в одинаковой степени были бы представлены одновременно элементы и абхазского, и адыгских языков или же древнейшие пережитки, восходящие к общему праязыку этих народов. Скорее всего то, что называется абхазо-черкесским элементом в сванском языке является, по всей вероятности, в основном или черкесским (адыгским) или же абхазским, а не смешанным, аморфным прото-абхазо-черкесским. Но какое из этих решений может быть правильным?

Окончательное решение этого вопроса зависит, конечно, от дальнейших специальных исследований, включая историю расселения сванов в прошлом¹⁰⁰⁰, и, тем не менее, мы позволим себе высказать лишь некоторые свои предварительные соображения самого общего характера.

⁹⁹⁵ **Бгажба Х. С.** Этюды и исследования. – Сухуми. 1974, с. 176 и сл.

⁹⁹⁶ **Волкова Н. Г.** Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М. 1973, с. 92; Русско-карачаево-балкарский словарь./ Под ред. Х. Н. Суюнчева и И.Х.Урусбиева. – М. 1965, с. 562.

⁹⁹⁷ **Чикобава А.р.** Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. – Тбилиси. 1938 (на груз. яз.) с.

⁹⁹⁸ **Дзидзигури Ш. В.** Грузинский язык. Краткий обзор. – Тбилиси. 1968, с. 34.

⁹⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰⁰ **См. Лавров Л. И.** Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX в. // КСИЭ. 1959, вып. XXXII.

Если в каком-нибудь языке действительно представлен иноязычный элемент в виде целого слоя, то, это может быть объяснено, как правило, только двумя основными причинами. Иноязычный слой в языке бывает связан или с соответствующими субстратными явлениями, или же с непосредственными и долговременными интенсивными контактами между носителями данных языков. Но можем ли мы сейчас безошибочно утверждать, что на сванском примере мы имеем именно субстрат и именно собственно «черкесского» (адыгского) происхождения? Обратимся ко второму из указанных выше возможных (и более вероятных) решений – контактному. Простая логика подсказывает, что длительные непосредственные контакты возможны только между народами, постоянно живущими на смежных территориях, не оторванных друг от друга какими-нибудь трудно преодолимыми естественными преградами.

Сваны живут в своей зажатой между гор стране Сванетии, находящейся у самого южного подножия Главного Кавказского хребта, в верховьях рр. Ингури и Цхенис-Цкали и как считают историки уже в течение не одного тысячелетия. В глубине этих высоких закавказских гор они упоминаются в сочинениях ряда античных и других авторов. Жили они ранее и восточнее, а до XVI в. в Раче и Лечхуми.

Из народов абхазско-адыгской группы со сванами на западе в настоящее время граничат абхазы. С севера, за кавказским хребтом, к Сванетии примыкает Кабардино-Балкария, причем тюркоязычные балкарцы, которые образовались в результате смешения северо-кавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными группами, живут главным образом в южной и юго-западной частях Кабардино-Балкарии, то есть ближе всех к сванам. Что же касается кабардинцев, этногенез которых неразрывно связан с этногенезом других адыгов, то они первоначально, вместе с другими адыгскими племенами, жили вдали от их современных мест обитания – в западной части Кавказа, на Кубани и в Причерноморье, а продвинулись на восток, в бассейн р. Терек, где они находятся теперь, не ранее XII – XIV вв., частично вытеснив или ассимилировав местное население – потомков ираноязычных алан. «Черкесский» же слой сванского языка датируется несравненно более древним временем, чем XII – XIV вв. Иначе говоря, если исходить из исторического контекста, то получается, что черкесские племена, в том числе кабардинцы и их предки, в силу своей значительной географической удаленности от места обитания сванов, не могли вплоть до позднего средневековья (XIV – XVII)¹⁰⁰¹ иметь с последними никаких **непосредственных** контактов, если не считать, может быть, наследия какого-то субстрата, название которого сохранилось в этнониме **Эбзе**.

Если, таким образом, в древности за хребтом вблизи сванов не было адыгов, то, следовательно, нам остается допустить лишь одно: то, что принято считать в основном в основном «черкесским», или «абхазо-черкесским» слоем в сванском языке на самом деле может быть является не чем иным, как вкладом языка абхазов, точнее, вероятно, мисимиян и апсилов, которые в течение долгих веков жили со сванами бок о бок, в непосредственном ближайшем соседстве, в условиях многообразных интенсивных взаимосвязей и взаимовлияний. Однако работ, посвященных именно абхазо-сванским лингвистическим связям в противовес адыго-сванским (см. работы Рогава Г. В. и др.), как и этнографическим, нет.

Об особо близкой связи «скрещенного» сванского языка с абхазским много писал **Н. Я. Марр**¹⁰⁰². Наличие значительного абхазского элемента и даже субстрата в сванском языке не выглядит чем-то непонятным и невероятным, имея в виду установленное специалистами-лингвистами (**Н. Я. Марр, А. С. Чикобава, К. В. Ломтатидзе** и др.) влияние в глубокой древности абхазского языка на грузинский язык, что наблюдается также и в отношении топонимики, материальной и духовной культуры. Древние абхазо-сванские языковые отношения не стоят изолированно, особняком. Они получают внушительное дополнение и подтверждение в данных этнографии. Очень важна

¹⁰⁰¹ Там же. с. 81 – 89.

¹⁰⁰² Марр Н. Я. Из поездки в Сванию. // «Христианский Восток». Том II, вып. 1. 1913.

самостоятельная тема и об абхазо-сванских этнографических параллелях все еще, к сожалению, остающаяся неисследованной. Но то, что нам уже известно на сегодняшний день дает все основания констатировать поразительные совпадения во многих сферах традиционного быта, доходящие нередко до полного тождества¹⁰⁰³.

Так, общими или даже почти идентичными являются такие, например, формы и отношения из области исторической этнографии, как некоторые элементы обряда оплакивания, траурно-торжественный гимн под общим названием «зар» (абх. «азар»), жертвоприношения коня покойнику, поиски души умершего, бросание пули невесте как способ ее обручения, сходство обычая похищения невест и кровной мести иногда до мельчайших подробностей и т. д. В сванском варианте грузинского эпоса об **Амирани** встречается имя древнего языческого божества **Енча+Ненча**¹⁰⁰⁴, (этот теоним легко сопоставим с абхазским теонимом **Анцва** (Анцэа), так как в нем звук «цэ» многими воспринимается, как нечто среднее между фонемами «ц» и «ч») В сванских фрагментарных вариантах нартского эпоса общими со сказаниями абхазов являются некоторые собственные имена: Сатнай (абх. **Сатаней, Сатаниа-Гуашья**), **Сосруква** (абх. **Сасрыква**), **Хабиж, Хабджа** (абх. **Хабаджа**), а, кроме того, часто говорится об «абхазском нарте» и т. п.¹⁰⁰⁵.

Таковы лишь некоторые факты и соображения, заставляющие думать, что одним из древнейших компонентов «двуприродной» сванской этнической группы является, после картвельского, именно абхазский, а еще, по-видимому, точнее – апсило-мисимиянский этнокультурный элемент.

4. Об апсильской культуре

Хозяйственная жизнь апсильцев, как и их непосредственных соседей позднеантичного времени, характеризуется широким развитием скотоводства (в основном мелкий и крупный рогатый скот), птицеводства, охоты, пчеловодства, мотыжного и тяглового земледелия, плодоводства, виноградарства и виноделия, различных ремесел (в особенности гончарного, металлургии, связанной прежде всего с производством разнообразного оружия и орудий сельскохозяйственного труда). Немаловажное значение имели также торгово-экономические связи не только с прибрежными пунктами Абхазии, но и с Северным Кавказом по Военно-Сухумской дороге (абх. Ар-Рымца), или «Абхазским путем», или еще «Дорогой в Абазу» через Клухорский и другие перевалы. В социальном аспекте апсильское общество было уже довольно резко дифференцированным на «низы» и «верхи» (вспомним арриановских «царей» и прокопиевских басилевсов, а также более позднего феофановского «первейшего» среди апсильцев деятеля – «блистательного патрикия» Марина и др.), на бедных и богатых. В религиозном же отношении здесь были представлены как мощная еще система язычества (культ животных, священных деревьев и пр.), так и неофициальное, а затем и официальное христианство¹⁰⁰⁶.

Существование довольно резкого имущественного неравенства в апсильском обществе позднеантичного времени, выделение из него привилегированной знати подтверждается как письменными историческими источниками (сообщения греко-римских авторов о работорговле, знати, царях и т.п.), так и археологическими

¹⁰⁰³ Эта тема отчасти нашла отражение в моей работе, подготовленной к опубликованию. (Об этом он пишет и в своей работе: «Очерки об Абхазском этикете». – Сухуми. 1986, с. 182. Прим. комм.).

¹⁰⁰⁴ **Чиковани М. Я.** Амираниани (грузинский эпос). – Тбилиси. 1960, с. 248, 299.

¹⁰⁰⁵ **Дзидзигури Ш. В.** Грузинский вариант нартского эпоса (Исследования, тексты). – Тбилиси. 1974, с. 6.

¹⁰⁰⁶ **Шамба Г. К.** Ахаччараху – древний могильник нагорной Абхазии. – Сухуми. 1970, с. 69 сл.

материалами. Обнаруженное в устье р. Ингур захоронение конца I – начала II вв. н. э. с богатым набором золотых и серебряных вещей, представляет собой, по мнению **А. И. Амиранашвили-Болтуновой**, остатки мужского погребения одного из царей или князей¹⁰⁰⁷. Представляет большой интерес и найденная в 1888 году в устье р. Келасур сердоликовая III – IV вв. н. э. инталия в золотой ажурной, украшенной камнями оправе, с тремя погрудными изображениями (женщины, мужчины и юноши), с надписью греческими буквами¹⁰⁰⁸, которую **Г. Ф. Турчанинов** пытался прочесть на древнеосетинском (аланском) языке¹⁰⁰⁹. Частично «варварский» характер, вероятно местного ее исполнения дает основание предполагать, что эта вещь также принадлежала какому-нибудь апсильскому владетелю, а может быть и царю.

Один из наиболее ранних крупных центров Апсолии находился в районе современной **Очамчиры (старая форма Ачамчира)**. Археологами здесь были обнаружены остатки античного города Гюэноса (VI – IV вв. до н. э.), упоминаемого уже древнегреческим автором IV в. до н. э. **Псевдо-Скилаком Кариандским**. Раскопки, проведенные **Л. Н. Соловьевым** и **М. М. Иващенко** в этом регионе и недавно продолженные абхазскими археологами **Г. К. Шамба** и **С. М. Шамба**, выявили многочисленные разновременные материалы широкого хронологического диапазона – от эпохи ранней бронзы (III тыс. до н. э. и более поздних) и до начала раннего средневековья (середина I тыс. н. э., а также и эпохи зрелого средневековья). Среди находок античного времени немало импортных изделий. Завезенная керамическая и прочая продукция была изготовлена в таких крупных центрах античности, как Милет, Родос, Афины и других городах, что является дополнительным свидетельством основания Гюэноса древними греками. «В то же время, – пишут **Г. К. Шамба** и **С. М. Шамба**, – в жизни города довольно четко прослеживаются следы деятельности и местного населения – предков апсильцев»¹⁰¹⁰. Археологи без особого труда выделили множество керамических изделий и местного производства. В частности, был обнаружен явно ритуальный ранний пифос-корчага с гравированными оригинальными изображениями фантастических животных, характерных для эпохи колхидской культуры. В конских же погребениях IV в. до н. э. были найдены высокохудожественные предметы скифского типа (нашивавшиеся на кожаные шлемы бронзовые налобники, наносники и нащечники, бронзовые же удила, и другие образцы так называемого «звериного стиля», железные псалии, наконечники стрел и т. п.)¹⁰¹¹.

В Гюэносе был обнаружен и раннехристианский однефный храм крестовидной композиции, датируемый концом V – и самым началом VI века н. э. Вскрытые в храме гробницы, выложенные большими плоскими кирпичами, помеченными греческими буквами, содержали богатые захоронения с золотым инвентарем. Одна из погребенных была захоронена даже в златотканой одежде, от которой сохранился только тлен.¹⁰¹²

Из сказанного видно, что этнический состав населения античного Гюэноса и его окрестностей не был однородным: в течение определенного отрезка времени VI – IV в. до н. э. здесь жили в основном выходцы из древнегреческих городов, а также выявлены следы культуры скифских племен (они найдены и в некоторых других местах Абхазии: в

¹⁰⁰⁷ **Амиранашвили А.** Новая находка в низовьях р. Ингури. – Тифлис. 1935, с. 71.

¹⁰⁰⁸ **Книжжалов Р. В.** Резной сердолик Государственного Эрмитажа. // «Исследования по истории культуры народов Востока». – М – Л. 1960, с. 100.

¹⁰⁰⁹ **Турчанинов Г. Ф.** Древнейшая IV в. н. э. осетинская (аланская) надпись греческого письма на инталии из Эрмитажа // Известия Северо-Осетинского НИИ. Том XII. Вып. IV. История. – Орджоникидзе. 1960, С. 189 – 195. (Ныне предложено новое прочтение надписи на основе абхазского языка. См. **Чирикба В. А.** К новому прочтению Келасурской надписи // «Абхазоведение». Вып. V, 2011. Прим. комм.)

¹⁰¹⁰ **Шамба С. М., Шамба Г. К.** Раскопки древнего Гюэноса. // АОА 1981 – 1982 гг. – Тбилиси. 1985, с. 19 – 22.

¹⁰¹¹ **Шамба С. М.** Очамчира – один из древнейших городов мира. // Очамчира – 2500 лет. – Сухум. 2008, с. 8. (Прим. комм.)

¹⁰¹² **Его же.** Гюэнос – I. – Тбилиси. 1988.

Сухуме, Эшера, Куланыхва, Гагре и других местах). Однако большого этнического разнообразия не было, как и в другом (в целом более позднем) центре апсильской культуры, находившимся в районе современной Цебельды.

Апсильская позднеантичная культура бассейна р. Кодор изучалась **И. Г. Гзелишвили, К. И. Бердзенишвили, М. М. Трапш, Г. К. Шамба, М. М. Гунба, Ю. Н. Вороновым, О. Х. Бгажба, Л. Г. Хрушковой** и др. Раскопками **М. М. Трапш** и других археологов в Цебельде, главным образом, в пос. Мрамба, находящемся в районе среднего правобережья Кодора, выявлено большое количество оригинальных материалов. Значительное количество подобных предметов и римских монет было собрано и краеведом, учителем **В. И. Воротниковым** в 50-х и 60-х годах в с. Атара, расположенном на левой стороне той же реки, у выхода ее на приморскую равнину. Материалы эти происходили из многочисленных разрушающихся могильников, с римскими и другими монетами позднеантичного и раннесредневекового времени. В 1970 – 1971 годах раскопки этих могильников, произведенные **М. М. Гунба**, дали большой и ценный материал¹⁰¹³. Обнаруженные предметы как по составу, так и по форме относятся к той же цебельдинской культуре, названной так по месту своего первого обнаружения. Датируется эта культура I – VI вв. н. э. (по **Ю. Н. Воронову**, II – VII вв.)¹⁰¹⁴.

Цебельдинская культура, как было сказано, отличается рядом самобытных черт, не характерных для других районов Абхазии. Главнейшим признаком этой культуры, является, прежде всего, особый тип керамических изделий – сосуды с чашеобразными венчиками помеченные иногда знаками мастеров (?) или тамгами: крупные и средние двуручные сосуды, средние и мелкие иногда миниатюрные, как видно погребальные, одноручные глиняные кувшины, нередко украшенные орнаментом и наклепными головками козлов или баранов на тулове и амфоры с перехватом, также нередко орнаментированные. Отмечаются особенности и некоторых предметов вооружения и женских и мужских украшений из золота, серебра, бронзы и железа.

На основе проведенных исследований можно полагать, что границы этой археологической культуры, охватывавшей и Мисиминию, простираются примерно до р. Келасур (или даже включая с. Эшера) на северо-западе, доходя на юго-востоке до глубин Колхиды (археологические материалы, в том числе керамические изделия I – III вв. н. э. из Чхороцку, находят здесь свои аналогии). В то же время эта культура имеет глубокие местные корни, так как органически преемственно связана с культурами предшествующих эпох.¹⁰¹⁵

Имеющиеся исторические источники (**Арриан, Псевдо-Арриан, Агафий, Прокопий** и др.) не оставляют сомнения в том, что в первой половине I тыс. н. э. на указанном пространстве и смежных территориях жили апсилы, мисимиане, а далее на северозапад абазги и саниги, то есть ближайшим образом родственные между собой абхазские племена. Апсилы, представлявшие собой сравнительно большой племенной союз, занимали вместе со своими ближайшими сородичами (мисимиане) относительно широкую территорию, включавшую, как видно и всю юго-восточную часть современной Абхазии и даже далее.

Составной частью цебельдинской фортификационной строительной культуры являлась и знаменитая мисимиянская, так называемая железная крепость – Сидерон или **Тцахар/Тцахара**, которая, по **Агафию**, была осаждена византийцами в 555 году. Вряд ли, однако, соответствует действительности встречающееся в литературе отождествление

¹⁰¹³ **Гунба М. М., Квициния В. К.** Об археологических разведочных работах в селе Атара// Труды Абхазского госмузея. Вып. IV – Сухуми. 1974, с.162 – 168 (на абх.яз.); **Гунба М. М.** Новые памятники цебельдинской культуры. – Тбилиси. 1978, с. 52 – 64.

¹⁰¹⁴ **Воронов Ю. Н.** Тайна цебельдинской долины. – М. 1975, с. 140, 143.

¹⁰¹⁵ **Хоштария Н. В.** Чхороцку – могильник с трупосожжением. // МИГК. II, 1941, с. 71 и сл.; **Трапш М. М.** Труды, 3, 1971, с. 138 и др.; **Воронов Ю. Н.** Указ. соч. с. 135-136.

Тцахары с Пскальской крепостью¹⁰¹⁶, находящейся на левобережье р. Кодор, несколько ниже ее выхода из ущелья в низменную часть приморской долины. По словам же Агафия крепость была расположена «**в пустынном месте и чрезвычайно холодном**»¹⁰¹⁷, чего никак нельзя сказать о Пскальской крепости. Более вероятным представляется, отождествление Тцахары с абхазским названием реки, источника и селения **Адзгара (Азбара)** в верховьях р. Кодор¹⁰¹⁸, где сейчас живут десятка два сванских семейств, переселившихся сюда к концу XIX в. из Сванетии. Причем и реку **Чхалта** (правый приток Кодора) продолжают называть словом Адзгара, что в переводе с абхазского означает «мелководье». В пределах сел. Чхалта стоит на утесе древняя двухъярусная крепость, известная абхазами под двумя названиями – не только как **Чхалтинская**, но и как крепость (женщины) **Чыргсы (Чыргса лбаа)**¹⁰¹⁹.

В самой Цебельде, над глубокой пропастью у реки Кодор, существовало древнее городище, которое было окружено значительной крепостной стеной, сохранившейся большей частью в развалинах. Стены цебельдинской крепости относятся к различным периодам, начиная с позднеантичного времени. Цебельдинское городище и крепость и есть то укрепление апсильцев, о котором пишет **Прокопий**. В этом нас убеждает как локализация, так и схожесть названий крепости: совершенно очевидно, что **Тибелий (Цибилый) Агафия** и «**Тзибила**» **Прокопия** (но не Цибилиум) есть не что иное, как греческая транскрипция местного (абхазского) наименования Цебельды – **Цабал (Цабал)** от рода **Цыбла**. **Прокопий** определяет эту крепость как апсильскую, которую по его словам местные жители называли **Тзибилой** или **Тсибилой**.

Напомним лишний раз, идя на риск повторения, об одном археологическом уникале из Цебельды. **К. И. Бердзнишвили**, изучая позднеантичную цебельдинскую керамику (в с. Ольгинском), пришла к выводу, что большая часть этой керамики, восходящей по мотивам декора к эпохе средней бронзы, «стоит совершенно изолированно от синхронной глиняной посуды, распространенной на территории Грузии». И вместе с тем часть ольгинской керамики автор пытается увязать с «общегрузинским» религиозным культом. Она пишет: «Среди керамических изделий особое внимание привлекает сосуд с рельефным изображением головы [будто-бы] свиньи, семантика которого, по параллельным этнографическим данным, связывается с общегрузинским божеством «**Босели-Босла**» и с культом луны»¹⁰²⁰. Ссылаясь на **П. Ингорква**, автор также отмечает, что в районе Цебельды в позднеантичную эпоху проживало два древнегрузинских племени: **корахи (кораксы)**, отождествляемые с колхами, и **абсилы**, или **абешла**, и что последнее название языческих наследников древнегрузинского населения Цебельды и ее окрестностей (**абсилы – бас-ил-ы**) тотемического происхождения и связано оно с хлебом (**босели**).¹⁰²¹ Остается, однако, непонятным, почему все-таки создатели керамики из центральной Абхазии, стоящей «совершенно изолированно от синхронной глиняной посуды, распространенной на территории Грузии», объявляются автором грузинскими племенами.

Самым величественным памятником Южной Абхазии является **Великая Абхазская или Келасурская стена** – крупнейшее фортификационное сооружение не только Абхазии, но и всего Кавказа. Великая Абхазская стена, внушительные остатки которой сохранились особенно в западной ее части, изучена пока очень слабо. Она начинается у самого левого приустья р. Келасури и по подгорью, пересекая реки **Мачара**, **Кодор**,

¹⁰¹⁶ **Воронов Ю. Н.** Указ. соч. с. 27.

¹⁰¹⁷ **Агафий Миринейский.** Указ. соч. с. 133.

¹⁰¹⁸ **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. – Сухуми. 1960, с. 54, прим. 1 (в изд. 1965, с. 127)

¹⁰¹⁹ **Гунба М. М.** в своей книге 1989 года пишет, что «этот топоним сохранился до сих пор в виде названия притока реки **Гуандра** у слияния ее с рекой **Сакьян**. Там в настоящее время находятся развалины древней крепости пока неизученной». **Гунба М. М.** Абхазия в первом тысячелетии. – Сухуми. 1989, с. 142.

¹⁰²⁰ **Бердзнишвили К. И.** Позднеантичная керамика из Цебельды // МАГК. II. – Тбилиси. 1959, с. 108 (с русским резюме)

¹⁰²¹ **Там же.** с. 106 – 108.

Мокви, Галидзга и другие, пройдя многие десятки километров, выходит к р. Ингури. Надо полагать, что стена защищала южную часть Абхазии от нашествий чужеземцев со стороны гор, по ущельям рек (главным образом по Военно-Сухумской дороге, проходившей вдоль р. Кодор), хотя, по мнению некоторых исследователей (**Л. Н. Соловьев, Л. А. Шервашидзе, М. М. Гунба**), положению о защите от северных врагов противоречит **южная ориентация многих башен**, что, однако, еще нуждается в дополнительных доказательствах и согласовании с конкретными историческими условиями того времени.

Отмечая, что крупное военное строительство в области горного Крыма (а не только в Херсонесе) начинается еще в V веке, т.е. до **Юстиниана**, на что указывают остатки эскикерменских фортификационных сооружений, **А. Л. Якобсон** создание **Длинных стен** связывает не только с внешней опасностью. Он подчеркивает, что «**столько же несомненно, что этой внешней опасностью не исчерпывается суть дела**»¹⁰²², о чем свидетельствует, по его мнению, **южная ориентация части башен**.

Каменные оборонительные сооружения известны в Абхазии по крайней мере с первых веков н.э., а фактически и значительно раньше (например, ранние циклопические крепости, Эшерское городище V в. до н. э. и др.). Отметим также слова **Прокопия**, автора VI в., сказанные им в отношении Трахеи (Анакопии) что «**еще в древности (подчеркнуто мной. – Ш. И.) абасги выстроили очень сильное укрепление, по величине наиболее значительное**»¹⁰²³.

Если оставить в стороне миф о причастности древних египтян к созданию нашего памятника, окружавшего будто бы их колонию Эю¹⁰²⁴, то можно предполагать, что самые ранние строительные слои Великой стены, все еще почти неизученной археологически, относятся к периоду поздне римского времени или ранневизантийского (VI в.). Скорее всего, ее строительство было начато Византией для защиты от крупных сил горцев – готов, гуннов и других, вторгавшихся в пределы ее владений, главным образом, по «Военной дороге» (**Ар-Рымқа**), через Клухорский перевал и далее по ущелью Кодора (кстати, эти соображения о VI веке считал «не лишенными оснований» и такой кавказовед, как **Л. И. Лавров**).

Строительство Келасурской стены, охватывающей почти всю юго-восточную половину Абхазии, нельзя рассматривать вне общеисторических условий и международного положения в середине I тысячелетия н. э. Эти условия связаны прежде всего не столько с соперничеством двух крупных держав – Ирана и Византии – сколько с объединявшими обе страны опасениями в связи со все более усиливавшимся натиском «варваров» на их пограничные балканские и закавказские области. В связи с этим они вынуждены были принимать чрезвычайные меры, чтобы обезопасить себя от врагов.

Среди этих мер едва ли не самым главным являлось развертывание широкого фортификационного строительства, в том числе «длинных стен» в наиболее уязвимых и важных со стратегической точки зрения плацдармах империи. Например, именно варварские нашествия заставили императора **Анастасия** ускоренными темпами «завершить постройку Длинных стен, которые должны были защищать Константинополь приблизительно на протяжении 100 км»¹⁰²⁵. А на востоке строительством стен в Прикаспии занимался Сасанидский Иран.

В VI в. начался серьезный этап наступления «варваров» на империю, Юстиниан, отдавая себе ясный отчет в том, какая опасность грозила империи, заявил, что «для того, чтобы остановить движение варваров, нужно сопротивление, и притом серьезное». Как только он вступил на престол, были начаты грандиозные по своему масштабу работы по

¹⁰²² **Якобсон А.Л.** Из истории средневековой архитектуры Крыма // СА. 1940, № VI, с. 221, 223.

¹⁰²³ **Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н.** Исследование древнего Севастополя // СА. 1960, № 3, с. 177 и сл.

¹⁰²⁴ Газ. «Трудовая Абхазия». 22 мая 1926 г.

¹⁰²⁵ История Византии. Том 1. – М. 1967, с. 216.

укреплению дунайской границы. **Прокопий** называет несколько сотен укрепленных пунктов в Дакии, Эпире, Фессалии, Македонии, растянувшиеся на многие десятки километров¹⁰²⁶.

Византийские крепостные стены известны в Херсонесе, на Мангупе, Эски-Кермене, Сюрени и других местах, (из всех этих укреплений определение «длинные стены» более всего подходит к Сюреньскому укреплению, где раннесредневековая стена тянется по прямой линии от одного края мыса до другого).

«Стены» **Юстиниан** строил не только в Крыму, но и в восточном Причерноморье, возможно, и на территории современной Абхазии. **Прокопий** так рассказывает о строительстве Юстинианом крепостных сооружений на территории Лазики: «В Лазике он выстроил укрепление по имени **Лосорион** и укрепил стенами все ущелья в этой стране – их обыкновенно называют Клисрами («замками»), чтобы, таким образом, перед врагами были заперты все пути в Лазику».

В грузинской летописи рассказывается, что арабский полководец **Мерван Глухой** в 736 – 738 годах прорвал стену Клисры, имея, вероятно, в виду келасурские укрепления.

Отсутствие в оригинале приведенной цитаты из перевода **Прокопия** слова «стенами» послужило для **В. А. Леквинадзе** одним из основных доводов для отрицания существования в Лазике стен как таковых¹⁰²⁷, не должно нас особенно смущать, ибо выражения «укрепил все ущелья в этой стране», «перед врагами были заперты все пути в Лазику» можно, как мне кажется, понимать и в смысле наличия настоящих крепостных стен. Без наличия таких стен, никак нельзя было бы считать «запертыми все пути в Лазику». Что же касается отсутствия слова «стен» в прокопиевском описании, то это было восполнено самим переводчиком (**С. П. Кондратьевым** или может быть еще первым переводчиком **С. Дестунисом**).

С внутренней, стороны Абхазской стены, на некотором расстоянии параллельно ей проходит как бы вторая линия обороны, состоящая из отдельных мощных стратегических узлов – средневековых феодальных башен и городищ (Верхний Мерхеул, Ачапара, Нарчхьоу-Аба и др.), в которых, вероятно, находились гарнизоны, обслуживавшие определенные участки стены.

Кавказский хребет никогда не служил непреодолимым препятствием для народов северных и южных склонов этой горной цепи. И Келасурская стена была построена, по всей вероятности, главным образом для защиты горных проходов, через которые совершались опустошительные набеги на прибрежную Апсилию и Лазику, находившихся в вассальной зависимости от Византии. Главным и наиболее удобным из этих проходов было Кодорское ущелье с относительно легко доступным Клухорским перевалом, по которому шел путь, называемый издревле абхазами Военной дорогой (досл. «Войсковой дорогой»). С этим названием связано и наименование Военно-Сухумской дороги. Вот почему система укреплений именно на участке от Келасур до Кодора отличается наибольшей своей неприступностью и мощностью. Надо полагать, что не соображения этнополитической границы, а прежде всего мотивы военно-стратегического характера руководили и направляли помыслы и действия строителей оборонительного сооружения, когда они выбирали линии прохождения будущей грандиозной системы укреплений, ибо стена делит и саму Апсилию на две неравные части; одна ее половина, северная, включая и всю Мисиминию, остается за пределами Келасурской стены¹⁰²⁸.

Исторические предания абхазов почти единодушно приписывают строительство Келасурской стены обобщенно «берзенам», т.е. грекам. «Эти крепости построены греками», – говорят они (бырзенуп абарт̄ абаак̄эа̄ каз̄цаз̄). Некоторые варианты преданий стену связывают с деятельностью «абхазских царей» (аг̄сха), под которыми

¹⁰²⁶ Там же. с. 340 – 341.

¹⁰²⁷ **Леквинадзе В. А.** О постройках Юстиниана в Западной Грузии // Византийский временник. Том 34. 1973, с.169.

¹⁰²⁸ **Его же.** Понтийский лимес // ВДИ. 1969, № 2, с. 75 – 92.

подразумеваются первые правители Абхазского царства. Иногда говорят: «Стена построена греками по поручению «абхазских царей». Абхазы нередко называют ее «Великой крепостью абхазов» (Аҧсуаа рбаа-ду). Одна из версий гласит, что стена сооружена «царем Абхазии» в целях защиты от нашествий со стороны «северокавказских» (нхыҭцаа) налетчиков. Встречаются и такие предания: абхазского царя стали упрекать, что он не оставляет для потомства достойного памятника, связанного с его деятельностью. И тогда он построил по подгорью стену – от Сирии (Шьам) до Гагры, где ему пришлось прервать работу из-за нехватки средств и продовольствия.

Строительный раствор, по преданию, готовили не на воде, а на молоке (старые абхазы знают специальный термин «аква», которым назывался цемент, ср. также Аква – абхазское название Сухума, вообще каменного сооружения и лишь изредка и, видимо, лишь в последнее время деревянного укрепления). Вдоль стены, говорят другие, шла дорога, а ее защитники сообщались между собой знаками и сигналами, передаваемыми по проволоке от башни к башне. Историческая память народа не сохранила никаких воспоминаний, которые позволяли бы нам говорить о поздне-средневековой датировке памятника.

Итак, многих ученых интересовала загадка Великой Абхазской стены, но она продолжает все еще хранить тайны своей древней большой истории. Одни явно ошибочно полагали и полагают, что это сооружение сравнительно недавнего времени – XVII в. и предназначалось для защиты Мегрелии от абхазов (**Ламберти, Шарден**, а из современных авторов **Т. Берадзе, Ю. Воронов, О. Бгажба**), другие слишком архаизировали памятник, относя начало его строительства к рубежу нашей эры и даже до нашей эры. «Несмотря на то, что ни **Страбон**, ни **Арриан** не упоминают о нем, сооружение его несомненно предшествовало их столетию», – читаем мы у **Фр. Дюбуа**. Вместе с тем он отмечал, что **Птолемей** называл стену «мощной», а в VI в. **Стефан Византийский**, повторяя Гекатея – «кораксийской». Однако, пожалуй, ближе всех подошел к истине русский археолог конца XIX века **В. Сизов**. Опираясь на сообщения о походе арабского полководца Мервана ибн-Муххамеда (**Мурвана-Кру** грузинских летописей), где упоминается пограничная клисура между владениями **Греции** и **Грузии**, он связывает строительство келасурских фортификаций с владычеством здесь византийцев. Вспомним еще раз и прямое указание автора VI в. **Прокопия Кесарийского** о том, что его современник **Юстиниан Великий** **окружил Себастиополис** (совр. Сухум) «такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным» (слова об «окружении» Себастиополиса стеной, правда, дают некоторое основание локализовать его внутри Келасурской стены, т.е. в устье Кодора, где существование такого города не может, однако, быть доказанным до соответствующего археологического исследования). Создается впечатление, что стена, преграждавшая главный путь нашествий с севера, была построена Византией (несомненно с участием и апсиров) в период усиления натиска и восточных завоевателей и других «варваров», начиная с царствования **Юстиниана**, а не служила только для «защиты местных жителей», как считает **М. Гунба**, предлагающий также и дату построения крепости вероятно VI, но «не позднее начала VIII в. н. э.»¹⁰²⁹.

Как бы то ни было, наша стена, по всей вероятности, была построена в эпоху **Юстиниана**, во всяком случае в ранний период византийского владычества на Восточном Причерноморье, когда «некоторые крепости, имевшие особое стратегическое значение, составляли небольшие укрепления, называвшиеся клисурами... Они управлялись командиром с титулом клисурарха»¹⁰³⁰.

В Апсилии представлены и замечательные памятники христианского зодчества. Например, почти в самой центральной части ее территории находится такой уникальный памятник, как Драндский (по-староабхазски – **Цкыбынский**) храм середины VI в.,

¹⁰²⁹ **Гунба М. М.** Келасурская стена: когда и для чего ее построили? // «Советская Абхазия». 20 сентября 1975 года. **Его же.** Келасурская стена. // «Известия» VI. – Тбилиси. 1977, VI, с. 137 – 151.

¹⁰³⁰ **Диль Ш.** Основные проблемы византийской истории. – М. 1947, с. 97.

являющийся, пожалуй, древнейшим на всем Кавказе крестовокупольным собором¹⁰³¹. В более поздний период, во времена Абхазского царства, возводятся такие храмы, как Моквский, Илорский(?)¹⁰³², Бедийский¹⁰³³ и Ципурийский у реки Ингур в «Атангело», представлявший собой «очень большую церковь, похожую на церковь Пицунды»,¹⁰³⁴ и другие, выстроенные часто на развалинах еще более ранних христианских храмов.

В обзоре памятников, находящихся в пределах территории исторической Аписии, нельзя обойти молчанием и Тамышский навигационный канал, представлявший собой, по-видимому, уникальное гидротехническое сооружение древности на всем Черноморском побережье Кавказа. В топонимике этой территории мы находим названия ряда местностей, связанные с судоходством и судостроением. Например, «**Место тесания судов**» (Ашхэа цэырҭа), «**Место хождения судов**» (Ашхэаҭаныкэара) – так называют старые местные жители трассу бывшего канала и др. О мореходстве древнего населения Тамыша и его окрестностей говорят свидетельства местных старожилов, их предания, связанные со строительством и спуском на воду судов¹⁰³⁵, а также воспоминания о соответствующем религиозном культе моря, морского божества, божества морского побережья, а также о специальном «**корабельном молении**» (**ашхэаныкэара**) и языческом капище божества морского побережья **Ага-ныха** в с. Адзюбжа (на месте или вблизи позднейшей церкви Мармал-Абаа)¹⁰³⁶ и мн. др.

К числу наиболее веских фактов относятся сохранившиеся следы самого канала, правда, едва уже заметные на отдельных его участках в основном в зимнее время. Наиболее четко эти следы прослеживаются между усадьбами **Л. Барганджия** и **С. Квициния** на левом берегу р. **Бзана**¹⁰³⁷. По прямой линии между этими пунктами можно заметить понижение, имеющее поперек около 5 – 6 метров при нынешней глубине 0,30 – 0,40 м. Выброс земли при рытье канала делался в основном на северную сторону, где имеется небольшое повышение (около 0,30 м.). Выгребная насыпь с южной стороны заметна слабо. В результате такого выброса земли довольно широкой полосой, обе стороны оказались покрытыми белым галечником. Судя же по тому, что выброс состоит главным образом из белого галечника, залегающего в этом районе на глубине 1,60 – 1,80 м, глубина канала должна была быть не менее 2 – 2,5 м.

Существование канала было подтверждено двумя небольшими раскопами, заложенными мною до 1 м глубины в 10 метрах друг от друга, на пересечении канала и современной шоссейной дороги, ведущей от средней школы к железнодорожной станции Тамыш. В то время, как северная траншея показала естественный разрез почвы, типичный для этой местности, южная траншея (длиной 3 м шириной 0,6 м глубиной 1 м) обнаружила резко отличный от первой траншеи разрез заполнения искусственной выемки, а это объясняется тем, что последняя траншея оказалась заложенной прямо на трассе канала. Канал заполнен в основном аллювиальным галечником р. Бзана. Иными словами,

---

¹⁰³¹Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л. Византийский храм в селе Дранда (Абхазия) // Византийский временник. Том 45. – М. 1984, с. 192 – 206.

¹⁰³²Возможно первоначальным обликом Илори был купольный храм с выступающей апсидой (см. на рисунке Христофора Кастелли XVII в. Прим. комм.).

¹⁰³³Химшиашвили Л. Некоторые вопросы реставрации (Цроми и Бедиа) // «Дзеглис мегобари». 14. – Тбилиси. 1968, с. 78 – 79, 81. На основе указанной работы Л. Д. Рчеулишвили о Бедии пишет следующее: «под нынешними пастофориями обнаружены очертания древних выступающих полукруглых апсид». (Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура VIII – X веков в Абхазии. – Тбилиси. 1988, с. 71.

¹⁰³⁴Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. /Дюбуа сам видел ее руины. См. в переводе Н. А. Данкевич-Пушиной на с. 163.

¹⁰³⁵Инал-ипа Ш. Д. Новые данные по истории мореходства в Абхазии. // Инал-ипа Ш. Д. Страницы... – Сухуми. 1971.

¹⁰³⁶Пачулия В. В краю золотого руна. – М. 1964, с. 551.

¹⁰³⁷Пожалуй, еще более отчетливо видны следы прохождения канала на противоположном его конце, вблизи правого берега р. **Дгамыш**, около усадьбы **А. Р. Шария**, выходящей на дорогу к морю (центральные же участки канала остаются до сих пор вообще необследованными).

некогда по каналу текла вода этой реки, что было бы немыслимо без прорытия сравнительно большого канала, пригодного для хождения по нему суден.

Так, исследования, проведенные в 1964 году, подтвердили рассказы стариков о существовании в центре села Тамыш – одного из значительных населенных пунктов исторической Апсилии – канала и выяснили в общих чертах характер этого сооружения. Изучение его должно быть продолжено для выяснения датировки памятника и других вопросов, связанных с историей его создания и назначения¹⁰³⁸.

Крупнейшим памятником духовной культуры коренного населения Южной Абхазии является легенда прометеевского типа об **Абрскиле**, которую в других частях Абхазии в настоящее время помнят уже гораздо слабее, хотя, по данным **К. Ф. Гана**, ссылавшегося на учителя **В. Гарцкия**, предание «о великане **Абрскиле** было главным образом распространено среди абхазцев, живущих у реки Бзыпи»¹⁰³⁹.

На пути плавания «от Гиппа вплоть до Астелефа и Диоскуриады» **Арриану** и его спутникам все время были видны Кавказские горы. «Нам показывали, – рассказывает он, – одну вершину Кавказа. Имя вершины – **Стробил**, на которой, как передают мифы, **Прометей** был повешен **Гефестом** по приказанию **Зевса**»¹⁰⁴⁰. Хотя и отождествляют арриановскую вершину Стробил с Эльбрусом, но не исключено, по моему мнению, что на самом деле мы здесь имеем дело, правда, с более скромной, но значительно лучше видной с моря при каботажном плавании и воспетой в легендах абхазской вершины **Ерцаху** или с **Панавским хребтом** – одним из южных отрогов Большого Кавказа, находящимся на территории исторической Апсилии. **У подножия Панавского хребта расположена пещера, где, согласно легенде, был заточен по велению бога абхазский двойник Прометея – великий друг народа Абрскил. Созвучие окончаний топонимического названия Строб-ил и в имени Абрск-ил также, быть может, является неслучайным.**

Несколько позже и **Филострат Афинский** (род. около 170 г. н. э.) в своем сочинении об **Аполлонии Тианском** также приводит «варварское», то есть местное, кавказское предание о Прометее, прикованном на Кавказе, вершины которого «поднимаются так высоко, что о них разрезаются лучи солнца». **Филострат** пишет: «Об этой горе у варваров ходят те же предания, что и у эллинских поэтов, именно, что к ней был прикован **Прометей** за свое человеколюбие, а **Геракл** (другой, местный, не фиванский, которого они не хотят разуместь) не стерпел этого и застрелил из лука птицу, которая клевала внутренности **Прометея**; прикован он был, по словам одних, в пещере, которая и показывается у подошвы горы. Дамис говорит даже, что там повешены на скале и цепи, громадность которых нелегко и представить себе, – а по словам других – на вершине горы. Вершина эта двуглавая и говорят, что он был прикован руками к этим отрогам, между которыми не меньше стадия расстояния: так громаден будто бы был он. А птицу орла обитатели Кавказа считают врагом, и гнезда, которые орлы устраивают на скалах, сжигают посредством огненосных стрел, ставят также и западни на них, объясняя все это мстью за **Прометея**: до такой степени уверены они в справедливости предания»¹⁰⁴¹.

Впрочем, значение имени **Абрскил/Абраскил** до сих пор остается непонятным. В разное время предлагались различные его толкования. Можно предложить еще одну рабочую гипотезу. Не связано ли имя этого героя с названием того племени (апсилы), среди которого, по всей вероятности, возникла и сама легенда. Может быть, не случайным является созвучие и имен «**Абрск-ил**» и «**апс-ил**». Возможно, они как-то связаны друг с другом. Если бы эта догадка подтвердилась, то тогда абрскиловская легенда оказалась бы

¹⁰³⁸ **Инал-ипа Ш. Д.** Указ. соч. с. 212.

¹⁰³⁹ **Ган К. Ф.** Поездка в Мингрелию, Самурзакань и Абхазию // «Кавказский вестник» – Тифлис. 1902, № 4, с. 54.

¹⁰⁴⁰ **Арриан.** Обезд Эвксинского Понта // ВДИ. 1948, № 1, с. 270 – 272.

¹⁰⁴¹ **Филострат Афинский.** Об Аполлонии Тианском // ВДИ. 1948, № 2. с. 293 – 294.

принадлежащей по своему происхождению не только определенной территории, но и к определенному этническому коллективу – абхазскому племени апсилов.

Содержание предания, записано **Филостратом** вероятно, по весьма доброкачественному местному первоисточнику, в ряде моментов удивительно точно совпадает с соответствующей абхазской (апсильской) легендой об **Абрскиле**. Например, **Прометей** прикован был в пещере, которая и показывается у подошвы горы (**ср. видный с берега моря Панавский хребет, у подножия которого находится Абрскилова пещера**); там повешены громадные цепи на скале (**ср. гигантские железные цепи, которыми абхазский герой будто бы был прикован к железному столбу**); мотив мести за **Прометея** и абсолютная уверенность в подлинности предания (не раз, по преданиям, абхазы пытались добраться до своего благодетеля **Абрскила**, чтобы освободить его из заточения) и др. Кроме того, обращает на себя внимание знакомство местного населения, а не только эллинов, с преданием и о том, что **Геракл** – не фиванский, которого они, то есть коренные жители «не хотят разуметь, а свой кавказский».

Существуют, особенно среди абжуйцев, многочисленные варианты выдающегося исторического предания и о бурной и многогранной деятельности «**Апсха**» (**Ап̄сха**), «царя Абхазии» (или Апсилии). Это поливариантное предание, с содержанием которого можно познакомиться в других работах автора этих строк¹⁰⁴², известно, прежде всего абжуйцам, т. е. опять-таки на территории исторической Апсилии, что объясняется, вероятно, тем, что Апсилия на первых порах сыграла, по-видимому, большую роль в образовании объединенного Абхазского княжества, а затем и царства. Во всяком случае, перед нами редкий фольклорный памятник эпохи довольно раннего времени, так сказать, чисто абхазского происхождения, приуроченный территориально больше всего к современной Южной Абхазии, принадлежащий только проживавшим здесь аборигенам – абхазам, точнее, одному из главнейших этнических подразделений абхазского народа, апсилам и их потомкам.

II. Абазги

1. Локализация абазгов

---

¹⁰⁴²**Инал-ипа Ш. Д.** Указ. соч. с. 212 и сл. Вопрос о происхождении термина «Апсха» был впервые поднят Ш. Д. Инал-ипа в докладе 1960 года. Опубликованный в Трудах АБИЯЛИ, в томе XXXIII – XXXIV, 1963. затем с приложенным предисловием и в расширенном варианте рассмотрен в статье: «Апсха (к политической и этнической истории Абхазского царства) // **Инал-Ипа Ш. Д.** Страницы ... с. 212 – 256. (Предания об Апсха рассмотрел в своем исследовании и фольклорист **Салакая Ш. Х.** Абхазский народный героический эпос.– Тбилиси. 1966 с. 125 – 134, а затем в 1982 году и фольклорист **Аншба А. А.** Абхазский фольклор и действительность. – Тбилиси. 1982, с. 195 – 197. (Прим.комм.).

В предыдущих главах мы говорили о том, какие можно почерпнуть сведения о племенах восточного побережья Черного моря в сочинениях древних авторов. Стараясь, по возможности, не повторяться, то же самое приходится сделать в хронологическом порядке и в отношении абазгов, не претендуя, однако, на полноту приводимой сводки сведений о них.

Абазги – одно из основных древнеабхазских племен (или племенных союзов). Вместе с апсилами они являются прямыми предками современных абхазов. До недавнего времени было принято считать, что абазги впервые упоминаются во II в. н. э. в «Перипле» **Флавия Арриана**. На самом же деле, эту дату следует отнести к первой половине III в. до н.э. когда жил древнегреческий писатель **Ликофрон**, автор поэмы «**Александра**», в которой содержится первое сообщение об абазгах, как о «массагетском», то есть скифском племени, живущем по соседству с колхами¹⁰⁴³. Затем они упоминаются у **Флавия Арриана** (II в.) и у **Элия Геродиана** (II – III вв.)¹⁰⁴⁴. Сведения о них сообщают также **Феодорит** – епископ Кирский (IV в.), **Псевдо-Орфей** (IV в.), **Псевдо-Арриан** (V в.), **Стефан Византийский** (VI в.), **Прокопий Кесарийский** (VI в.), **Феофан Исповедник** (IX в.), **Николай Мистик** (X в.), **Михаил Атталиат** (XI в.), **Иоанн Зонара** (XI–XII вв.), **Иоанн Цец** (XII вв.) и др.¹⁰⁴⁵

Абазги занимали северо-западную часть территории современной Абхазии – примерно от совр. Сухума до р. Бзып, давшей им второе племенное название – **бзыпцы** (абзып̄к̄эа).

Плиний, автор I в., которому принадлежит первое сведение об апсилах, не упоминает абазгов, хотя, по всей вероятности, они подразумеваются у него, когда он пишет о «племенах инииохов под разными названиями»¹⁰⁴⁶.

Во II в., у **Арриана**, мы находим уже целый ряд новых этнических названий, в том числе абазгов. Приведем соответствующее место арриановского описания, повторив его с сокращениями (перечисление – с юга на север): «... Рядом с зидритами – лазы... за лазами следуют апсилы, у них царь **Юлиан**, получивший царство от твоего отца; с апсилами граничат абасги, у абасгов царь **Ресмаг**,¹⁰⁴⁷ этот так же получил власть от тебя; рядом с абасгами – саниги, в земле которых лежит Севастополь, царь санигов – **Спадаг** – получил царство от тебя»¹⁰⁴⁸.

У того же **Арриана** приводится название реки **Абаск**, связанное, несомненно, с тем же этнонимом абазг (абасг, абаск). «Наименование этой реки не может быть оторвано от имени племени абасков или абасгов»¹⁰⁴⁹, пишут комментаторы текста. Локализуется эта река, согласно **Арриану**, где-то северо-западнее современной Гагры. Возможно, что

¹⁰⁴³ **Kollauz A.** Abasgen. Abasgia. //Reallexicon der Byzantinistik. R. A. Bd. I. Heft 2, 1968. s. 21 – 49.

¹⁰⁴⁴ **Геродиан Элий** говорил об «абазгском народе в Скифии», об Апсаре и Аписле (соответствующий отрывок находится у **Ст. Византийского**. // ВДИ. 1948, № 2, с. 259, 260, 261).

¹⁰⁴⁵ К сожалению, здесь не приводятся сведения автора VII в. – **Равенского Анонима**, где он пишет, что в Абазгии «немалое количество городов». Там же он приводит названия трех из них. (Прим.комм.)

¹⁰⁴⁶ **Плиний** // ВДИ. 1949, № 2, с. 230.

¹⁰⁴⁷ Не исключено, что **Ресмаг** – имя абазгского «царя» II в., которому, как и **Спадагу**, судя по имени, приписывают иногда сарматское происхождение, представляет собой сложное слово, состоящее из двух местных (древнеабхазских) ономастических частей: личного (**Рес**) и родового (**Маг**) имен. Мужские имена **Решь** и **Рашь** нередко встречаются до сей поры у абхазов (**Рашь Цышвба** с. Отхара, **Рашь Хутаба** с. Блабурхва, **Решь Гармелия** с. Гуп и др.). Представители же старинной абхазской дворянской фамилии **Магь** (с лабиализованным г в конце) живут до сих пор в сел. Аацы того же Гудаутского района (вблизи Анакопийской цитадели абазгов), а некогда населяли и прилегающую часть соседнего села Ачандара, как об этом свидетельствует ряд микротопонимических названий: холм **Маговцев** (**Магъаа рхы**) (в поселке **Чбалдыху**), источник **Маговцев** (**Магъаа рёыхь9**, место гибели **Маговцев** (**Магъаа ахыбьын7ьаз9**, селище **Маговцев** (**Магърыю0а9**, а рядом с этой широкой ровной поляной находится и местность со странным названием (византийским?) – **Дука** и др. Кроме того, сохранилось загадочное выражение, связанное с использованием тупого, изношенного ножа: «Что за тупой нож, не им ли истребили **Маговцев?**» (**Магъаа ыбьызхыз аума щьа9**).

¹⁰⁴⁸ **Арриан**. // ВДИ. 1948, № 1, с. 270.

¹⁰⁴⁹ Там же. с. 271.

пределы распространения абазгского племени (или какой-то его части) простирались до р. Абаск, без допущения чего трудно было бы объяснить появление на этом месте гидронима абазгского этнического происхождения. Приведем это описание в контексте: «Итак, если двинуться из Диоскуриады, первая стоянка будет в Питиунте, на расстоянии трехсот пятидесяти стадиев. Отсюда сто пятьдесят стадиев до Нитики,¹⁰⁵⁰ где в древности жило скифское племя, о котором упоминает историк Геродот: он говорит, что этот народ ест вшей, и такая молва о них держится и до настоящего времени. **От Нитики до реки Абаска девяносто стадиев**»¹⁰⁵¹.

Забегая вперед, можно отметить, что та же река **Абаск** приблизительно в том же районе упоминается и у другого позднеантичного автора – **Псевдо-Арриана**: «**От Стеннитики до реки Абаска 90 стадиев 12 миль**. От реки Абаска до реки Брухонта (ныне называемого Мизигом¹⁰⁵²) 120 стадиев, 16 миль». Далее после рек Несиса и Масетики он называет реку **Ахеунт**, «которая доступна для судов...**Эта река Ахеунт (называется Басий) и отделяет зихов от санихов...Итак, от реки Ахеунта до реки Абаска живут санихи» санихи**»¹⁰⁵³.

Следует сказать несколько слов об упомянутых здесь «фтирофагах» («фтейрофагах») – племени, которое античными авторами – **Геродотом, Страбоном, Плинием, Аррианом** и другими – всегда приурочивается к восточному берегу Черного моря. Древнегреческое «фтирофаги» понималось уже в древности и как «поедающие сосновые (пихтовые) шишки (или побеги)». В районе современной Гагры, указывает **Л. А. Ельницкий**, известна сосна особой породы, шишки которой, по словам **Теофраста**, были съедобны¹⁰⁵⁴. Вполне возможно, что в данном случае мы имеем далекий отголосок ритуального приобщения к тотемному дереву, тем более, что абхазское название пихты (одинаково почитаемой, а иногда и смешиваемой с сосной) (аҭҕса) и автоним абхазов (аҭҕсуа), имеют общую основу. Следовательно, если первая часть в термине «апсуа» означает пихту, то слово в целом переводится как «**Люди пихты**», «**Пихтовые**».

Вместе с тем **Л. А. Ельницкий**, отождествляя гелонов (белокурых будинов) с фтирофагами, пишет, что «те черты их культуры и обычаев, которые приводит Геродот – греческий язык и городской образ жизни, – свидетельствуют о том, что речь идет о племени, находящемся в сфере влияния эллинской цивилизации»¹⁰⁵⁵. У **Псевдо-Орфея**, автора «Похода аргонавтов» (IV в.), читаем: «Там крутая гора **Синд**¹⁰⁵⁶ и цветущие луга и поток многошумной реки **Аракса**, из которой текут Термодонт, Фасис и Танаис. **Там славные племена колхов, гениохов и абасгов**» (выделено мной. – Ш.И.)¹⁰⁵⁷. В этом сумбурном сообщении наше внимание привлекает то обстоятельство, что абазги названы рядом с двумя крупнейшими древними этно-политическими объединениями всего Кавказского побережья Черного моря – колхами и гениохами, причем, более чем вероятно, абазги составляли часть гениохов.

Феодоритом, епископом сирийского города Кира (V в.), абазги, как и упомянутые вместе с ними лазы, санны и другие, охарактеризованы как племя, живущее несогласно «римским», а по своим «варварским» обычаям. **Феодорит** пишет: «..Многие, даже приняв узду рабства, не могут жить по законам своих поработителей. Ведь ни пограничные с египетскими Фивами эфиопы, ни многочисленные племена измаильские, **ни лазы, ни**

¹⁰⁵⁰Пункт из других источников неизвестный, находившийся, судя по указанному расстоянию, где-то в районе современной Гагры или Цандрипша. // ВДИ. 1948, 1, с. 271.

¹⁰⁵¹Там же.

¹⁰⁵²Современная р. Мдзымта (?).

¹⁰⁵³**Псевдо-Арриан** // ВДИ. 1948, № 4, с. 231. Название р. Ахеунт неразрывно связано с названием племени ахеев, а название Басий с племенем абазгов.

¹⁰⁵⁴**Ельницкий Л. А.** Указ. соч. с. 93.

¹⁰⁵⁵Там же. с. 72.

¹⁰⁵⁶Отождествляют по положению с Кавказским хребтом.

¹⁰⁵⁷**Псевдо-Орфей** // ВДИ. 1948, № 3, с. 268.

санны, ни абасги, ни прочие варвары, подчинившиеся господству римлян, не заключают друг с другом договоров по римским законам»¹⁰⁵⁸.

Прокопий Кесарийский, локализуя абазгов, пишет: «За Апсолиями и за вторым краем этого «полумесячного» залива по берегу живут абасги, граница которых простирается до гор Кавказского хребта... **За пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи**, находясь между абасгов и аланов. По берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи. В древности этим зехам римский император назначил царя; теперь же эти варвары ни в чем не повинуются римлянам. За ними живут сагины; приморской же частью их страны издревле владели римляне. Для их устрашения они выстроили два приморских укрепления, Севастополь и Питиунт, находящиеся друг от друга на расстоянии двух дней пути, и с самого начала держали здесь военный гарнизон»¹⁰⁵⁹ (**названные в этой цитате брухи – вероятно, позднейшие убыхи**).

Другой византийский историк – **Агафий Миринейский**, продолжатель **Прокопия** – достаточно хорошо знал апсидов и мисимиян. Об абазгах же он сообщает слишком мало и лишь в общих чертах, но зато его сведения, в том числе и о локализациях, в общем и целом не вызывают сомнений. По его словам, территория современной юго-восточной Абхазии была населена апсидами, вверх по ущелью Кодора и далее к востоку жили мисимияне, а северо-западную часть страны занимали абазги. **Агафий** сообщает, что Абазгия служила местом ссылки преступников. Так, за убийство лазского царя **Губаза**, военачальник римского войска в Лазике «**Бесс**, – пишет он, – был выслан в страну абасгов, а имущество было¹⁰⁶⁰ конфисковано»¹⁰⁶¹.

Стефан Византийский (VI в.) помещает абазгов рядом с санигами («саннигами»). «Саниги – скифское племя,¹⁰⁶² живущие в соседстве с абасгами»,¹⁰⁶³ – пишет он.

Анонимный автор одной сирийской исторической хроники (середина VI в.), выделяя в особую группу пять народов, живущих «на севере», называет Армению, Грузию («Гурзан»), Албанию («Аран»), Сисган (Сиуник – область Армении) и, наконец, «землю Базгун, со (своим) языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, которые (находятся) в пределах гуннских».

Н. В. Пигулевская под упомянутыми здесь Каспийскими воротами подразумевает проход у Дербента, отрицая всякую возможность применения названия Каспийских ворот к Дарьяльскому ущелью, а «моря» – к Черному морю, как западной границе Базгун. Она пишет: «Как ни соблазнительно сблизить имя Базгун с именем народа Abaschoia под которым можно подразумевать не только абхазцев, но и все Лазское царство, Мингрелию, Сванетию, все же приходится отказаться отнести эту «землю» в Западный Кавказ... Сирийский текст не допускает такого чтения, чтобы последняя часть фразы, «которые (находятся) в пределах гуннских», была отнесена не к Каспийским воротам и морю, а к

¹⁰⁵⁸ **Феодорит Кирский** // ВДИ. 1948, № 3, с. 300.

¹⁰⁵⁹ **Прокопий из Кесарии**. Война с готами. – М. 1950, с. 382, 383.

¹⁰⁶⁰ **Агафий Миринейский**. Указ. соч. с. 70.

¹⁰⁶¹ В Абасгию, в Питиунт, в начале IV в. были высланы христиане – семь братьев-воинов византийской армии, во главе со старшим из них – **Орентием**, а в самом начале V в. туда был сослан и **Иоанн Златоуст**. В Питиунт же в 476 г. сослали и антиохийского патриарха **Петра Кнафея**, а в середине VI в. как уже было сказано и **Бесса**. Местом ссылки служили иногда и некоторые отдаленные от побережья, труднодоступные пункты Абхазии. Так, например, в местности **Пустус** или **Пуста** (груз. «Апсуста» – აფსუსტა), по сообщению некоторых авторов, находилась одноименная крепость, в которую в 663 году был заключен инок **Анастасий**. Существуют разные мнения по поводу ее локализации. Мне кажется, что **Пустус** находился не в самой Апсолии, как думал **З. В. Анчабадзе** (Указ. соч., с. 64), а в Мисиминии, но не в районе с. Александровское, как считает **Г. С. Каухчишвили**, а в междуречье рр. Амткел и Джампал, в местности **Апушта**, название которой так близко по своему оформлению к термину «**Пуста**» **Феодосия**, тем более, что греки, не имея в своем языке звук «ш», заменяли его буквой «с».

¹⁰⁶² Это племя у **Арриана** и **Анонима**, как мы видели, локализуется в районе современного Сухума; с ним сопоставляют и населенный пункт **Стеннитуку**, к северу от Питиунта (**Нитика** аррианова «Перипла») // ВДИ. 1948, № 3, с. 325.

¹⁰⁶³ Там же.

последующему перечню народов. Поэтому возможно только одно понимание текста, по которому и Каспийские ворота, и море определяются, как находящиеся в «гуннских пределах». О Черном море это никак не могло быть сказано. Таким образом, если имя **Базгун** и напоминает имя абазгов, во всяком случае, их нельзя искать в VI в. у побережья Черного моря. Их местонахождению в восточной части Закавказья до Дербентского прохода не противоречит и свидетельство **Масуди**, считающего их соседями аланов и грузин, «мощного народа Gurz». (Жителями «Земли Базгун» скорее всего можно считать балкарское (тюркское) племя басилов)

Локализация абазгов где-либо в Прикаспийских областях, по-видимому, исключается, так как она находится в резком противоречии со всеми другими историческими источниками, согласно которым абазги, как и их ближайшие соплеменники апсилы, являются исконными жителями Кавказского побережья Черного моря. Вместе с тем следует отметить, что **Н. В. Пигулевская**, ссылаясь на **И. Маркварта**¹⁰⁶⁴, допускает возможность широкого понимания этнического названия абазги, под которым «можно подразумевать не только абхазцев, но и все Лазское царство, Мингрелию и Сванетию», но такая возможность однако маловероятна для VI в.¹⁰⁶⁵

В этой связи представляется не лишним интереса сообщение о том, что и само Черное море в далеком прошлом называлось иногда Абхазским (Абазинским) морем. **Мина Медичи** «очевидно, располагал сведением о том, что Черное море называлось также Абазинским: «**Чопсу нырмаг** – знаменитая река, которая, вытекая из гор Абазы, впадает в Абазинское море», пишет он.¹⁰⁶⁶

С VII в., а вернее с VI в., название «абазги» (или его вариации) постепенно вытесняет этноним «апсилы» и начинает выступать как общее обозначение всех (или почти всех) абхазов. Так, и в вышеуказанной анонимной армянской «Географии» VII в. написано: «На морском (Понтийском) берегу – страна авазгов, где живут апшилы и авазги до приморского своего города Севастополиса и далее до реки Дракона..., отделяющего Абхазию от Егер», где Егер, без сомнения, грузинское Эгри-си. Как мы видим, «страной авазгов» в этой цитате именуется уже почти вся территория Абхазии, включая и земли апсильев.

В Житии просветителя славян **Константина (Кирилла)**, относящемся к IX веку, сказано, что когда он был в Венеции, его спрашивали: «Какое ты имеешь право создавать славянам письменность, когда богослужение дозволено только на еврейском, греческом и латинском языках?» На это **Константин** ответил: «Мы же народъ много знаемъ, книги сумьюще и богоу слово въездающе къаждо своимъ языкомъ: Яве же соуť си: армены, перси, **авазгы** (выделено мной – Ш. И.), **ивери**, соуґды, готи, обри, турьси, козари, аравляне, египты ины мнози».¹⁰⁶⁷ В этом перечислении мы находим только авазгов (абазгов), которые, надо полагать, покрывают собой всех абхазов вообще, воздающих слово богу на своем языке.

Недавно опубликована диссонирующая статья акад. **Т. В. Гамкрелидзе**, посвященная истории термина апхаз//абазг¹⁰⁶⁸. Ее отправным пунктом является

¹⁰⁶⁴ **Marquart J.** Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. – Leipzig, 1903, s. 174; **Пиуглевская Н. В.** Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ. 1939, № 1, с. 108 – 109.

¹⁰⁶⁵ Чрезвычайно важны для истории Абазгии слова Равенского Анонима VII в. Он пишет, что за **Апсилией** «располагается страна Абазгия, в которой мы слышали, есть немалое количество городов, среди которых хотим назвать некоторые: Дамиуполис, Севастолис, Базгидас». Здесь же им приводятся и варианты этих названий: «**Avasgia; Damnipolis; Lamiupulis; Sevastopalis, etian Sevastopolis editi, Sevantopoli; Balgidas, forte Abasgidas**» (Прим. комм.)

¹⁰⁶⁶ **Меликсет-Бек Л. М.** По следам Перипла Арриана // Труды АБИЯЛИ. Том XXX. – Сухуми. 1959, с. 109.

¹⁰⁶⁷ **Дзидзигури Ш. В.** Грузинский язык. – Тбилиси. 1968, с. 52.

¹⁰⁶⁸ **Гамкрелидзе Т. В.** Из истории племенных названий Колхиды (К историко-этимологическим взаимоотношениям этнонимов «апхаз»-«абазг» и «абаза»-«апсуа»). // «Мацне». Серия языка и литературы. 1992, № 2; **Его же.** К проблеме историко-этимологического осмысления этнонима древней Колхиды (К истории термина «апхаз» – «абазг») // ВЯ. 1991, № 4, с. 89 – 95.

гипотетическая первичность грузинской формы рассматриваемого этнонима по отношению к древнегреческой. Вместе с тем, по его мнению, апсилы, по-видимому (тоже только «по-видимому») генетически и лингвистически связаны с абхазами-апсуа, в то время как абазги-апхазы – «некоторый отличный от них этнос, обозначение которого было с течением времени... всецело перенесено в грузинской языковой среде на собственно абхазо-апсуа как на один из древних этносов исторической Западной Грузии»¹⁰⁶⁹. Но первоначально под абазгом//апхазом скрываются «племена собственно западнокартвельского происхождения, которые должны были быть близкородственными населявшим Колхиду сванским и мегрельским племенам» (там же).

Основанием такого вывода послужило, в частности, то, считает автор, что преобладающее население древней Колхиды составляли западнокартвельские племена, некоторые «аргонавтические» слова которых – собственно только один или два термина – вошли и в древнегреческий язык («руно», «шкура»);¹⁰⁷⁰ указывается и на то, что абазги в источниках нередко упоминаются рядом, в контексте с картвельскими племенами (лазы, саны, саниги, макроны, гениохи и др.); картвельское происхождение абазгов-абхазов вытекает будто бы еще из того, что именно они явились объединяющим другие грузинские племена началом в рамках единого Западногрузинского царства, причем их значение еще более возросло с конца VIII в., когда произошло объединение «Апхазети» и «Эгриси» и соответственно объем содержания термина абазг//апхаз расширяется, обнимая собой жителей всей Западной Грузии, и только с распадом упомянутого царства значение этого этнонима снова сужается, охватывая теперь собственно абхазский этнос.

Арсенал доказательств, как мы видим, невелик и, как мне кажется, совершенно неубедителен. Позволю себе сделать несколько замечаний. В частности, остается невыясненным, входили ли вообще собственно абхазы в состав Колхиды, и что представляло собой в этническом плане то, не основное ее население, которое подразумевается и в авторском пассаже?

Упоминание в источниках абазгов в контексте разных племенных названий, если даже большинство из них могли быть картвельскими, доказательной силы не имеет. Идя таким путем, любое племя (например, апсилы, по тем или иным причинам оказавшиеся в орбите картвельских этнических образований, как соседившие с ними), можно было бы причислить к последним, чего, однако, автор и сам не делает.

Абазги оказались в роли объединяющего начала в процессе образования Абхазского царства не в силу их принадлежности к той или иной этнической или расовой среде, а в результате сочетания благоприятных исторических условий, которыми их лидеры не преминули воспользоваться, причем они объединили вокруг себя в первую очередь собственно абхазские племена (апсилы и др.).

Автор, исследуя историко-этимологическое осмысление этнонимии древней Колхиды, обходит некоторые относящиеся сюда вопросы, хранит полное молчание в отношении известного научного положения о наличии древнего абхазского этнолингвистического субстрата в Западной Грузии и о внедрении целого ряда собственно абхазских грамматических и лексических элементов в мегрельскую и грузинскую речь. Историческая это реальность или миф, не заслуживающий внимания? Если реальность, то как эта общепринятая теория согласуется с концепцией, нашедшей отражение в рассматриваемой статье?

Смежное проживание и соседство племен не обязательно предполагает, что перед нами «величины, обособленные в этноязыковом плане»¹⁰⁷¹. Во всяком случае, эта «обособленность» весьма относительна, когда речь идет о таких близкородственных племенах или народностях, как апсилы и абазги. Эти племена вместе с санигами и

---

¹⁰⁶⁹ Там же. с. 92.

¹⁰⁷⁰ С особым мнением о слове «шкура» см. и статью Старостина С. А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы. // Древний Восток. Этнокультурные связи. – М. 1988, с. 114.

¹⁰⁷¹ Гамкрелидзе Т. В. Указ. соч. с. 89.

мисимиянами составляли общий круг коренных народов Кавказского Причерноморья, единый «племенной мир». Недаром, должно быть, **Прокопий**, сочинение которого является важнейшим источником по истории раннесредневековой Абхазии, рассматривал как видно, абазгов и апсилов как своего рода один «бинарный» народ, утверждая, как известно, что Абазгия состоит из двух частей – северной (собственно абазги) и южной (апсилы), которые управлялись каждая своим «царем» уже несколько сот лет до Прокопия.

Этноним «абазг» не обозначал и не мог обозначать все население абхазского корня, т. е. «апсуа последующего времени»¹⁰⁷², по той простой причине, что абхазы античной и ранней поры средневековой эпохи, не достигнув еще стадии образования единой народности (это произойдет чуть позднее), были представлены несколькими этно-территориальными группами, каждая из которых имела свое название (апсилы, абазги, саниги, мисимияне). Только в этом смысле абазги, как и другие их соплеменники, могут восприниматься как «представитель некоторого отличного этноса», а не как какое-то другое особое племя, резко несходное с апсилами.

Генетическую связь гениохов, народа «смешанного», как говорится в источниках и санигов с картвельскими племенами никто еще не доказал. Не вернее ли будет, как это делают многие исследователи, исходить из их родства с абхазо-адыгскими группами?

Наконец, **Т. В. Гамкрелидзе**, ссылаясь на **Анонима V в.**, пишет, что сопредельные с апсилами «абазги отделены от моря и живут в глубине страны»¹⁰⁷³. Но у Анонима сказано только то, что абазги граничат с апсилами и у них царь **Ресмаг**, или **Рисмаг/Рисмага**, а у самого **Флавия Арриана**, лично наблюдавшего обстановку на месте, абазги обитают у самого моря, как, впрочем, и у **Прокопия**: во время Трахейского сражения (551 г.) абазги защищали свои дома и крепости от византийцев у современного Нового Афона, причем крепость доходила до самого побережья моря. Так что новый вариант «горной стихии» оказался заведомо несостоятельным.

Конечно, о проделанном известным ученым этимологическом анализе должны судить специалисты. Я не лингвист, и все-таки мне представляются сомнительными утверждения о первичности грузинской формы этнонима **апхаз**, который будто бы первоначально служил этнонимом западногрузинского происхождения (подобно лаз, саниг, макрон и др.), а греческая форма **абаз-г** якобы является вторичной, образовавшейся в результате фонетического преобразования этой первичной формы (апхаз). Вероятнее всего, форма абазг связана со столь близким к ней местным именем абазы – общим по существу обозначением современных абхазов и абазин, живущих за пределами исторической родины. Название «абхаз», – писал акад. **Н. Я. Марр** еще в начале века, – представляет собой местный («яфетический») термин. Чистая основа его «бас», осложненная абхазским префиксом **а** и, напомним еще раз, дошедшая до нас в живом бытовании, например, в самоназвании абазин (**абазы**). На грузинском же языке мы имеем искажение этой первоначальной формы – «абхаз-х» вместо «абаз-х» в соответствии со свойственной этому языку группировке согласных в начале слов¹⁰⁷⁴.

Поэтому вряд ли будет правильно искать корни названий **абазы** и **апхаз** в разных этнических средах, а не в одной – абхазской – и рассматривать их в отрыве друг от друга: ведь абазы, по словам самого же **Т. В. Гамкрелидзе**, «представляет собой общее обозначение современных абхазов и абазин»¹⁰⁷⁵, – двух народов, в недавнем историческом прошлом составлявших одну разнородную этническую группу. Непонятно также, какое именно западнокартвельское племя первоначально называлось «апхазом»: ведь каждое из них – макроны, лазы, мегрелы, сваны и другие – обладало своим особым именем, под которым, а не под каким-нибудь другим, и вошло в историю. В истории

¹⁰⁷² Там же. с. 90.

¹⁰⁷³ Там же. с. 89

¹⁰⁷⁴ Марр Н. Я. История термина «абхаз» // Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. – М – Л. 1938, с. 44.

¹⁰⁷⁵ Гамкрелидзе Т. В. Указ. соч. с. 93.

этнонимий примеров таких превращений и переименований без видимой важной причины нет или чрезвычайно мало. И почему, наконец, апхаз, некогда служивший обозначением определенного картвельского племени, стал затем в грузинской языковой среде общепринятым названием только собственно абхазов? Что стало с бывшим носителем этого имени, которое по невыясненным причинам «перекочевало» от одного этноса (грузинского) к другому? С одной стороны, апхазы-абазги – западнокартвельское племя, а с другой – собственно апхазы-апсуа тоже «один из древних этносов исторической Западной Грузии». Где логика и где факты, подтверждающие такую этнонимическую метаморфозу?

Даже самый изощренный анализ языковых форм приносит мало пользы, если он не в ладу с исторической действительностью и логикой. Несмотря на кажущуюся новизну, он может только затуманить и усложнить обсуждаемую проблему. Положение о генетической связи современных абхазов (апсуа) с историческими апсилами и абазгами уже давно стало прочным достоянием мировой науки. Необоснованный же его пересмотр является ничем иным, как неоправданным движением вспять.

В сочинении **Константина Багрянородного** «Об управлении империей» мы находим некоторые весьма ценные сведения об абазгах, прежде всего по вопросу их локализации. В этом широко известном трактате-поучении, составленном в середине X в. (948 – 952 гг.), абазги (авасги) и их страна Абазгия (Авасгия) упоминаются несколько раз, наряду с зихами (обитавшими между Кубанью и Никопсисом), аланами, грузинами-иверами (Иверия), армянами и другими кавказскими народами (апсилы отсутствуют, лишь два-три упоминаются лазы, Лазики). Согласно **Константину**, Авасгия простиралась по Кавказскому побережью от Никопсиса (возможно, р. Нечепсухо к северу от Туапсе) «вплоть до крепости Сотириуполь».¹⁰⁷⁶ В другом месте автор повторяет и уточняет свою локализацию: «Побережье от пределов Зихии, то есть от реки Никопсиса, составляет страну Авасгию – вплоть до крепости Сотириуполя. Она простирается на 300 миль».¹⁰⁷⁷ В данном случае надо полагать **Константин** дает еще старое определение этнических границ абазгов, которые и в X в. продолжали оставаться теми же, что и столетия назад. В то же время в другом месте император рассматривает Авасгию как соседнюю с Грузией страну. Говоря о домогательствах из-за крепостей Феодосиуполь и Кецесон к западу от Эрзерума, он рассказывает о нежелании грузин (ивиров) разорять эти крепости и приводит такие их слова: «Если мы сделаем это, мы можем показаться бесчестными в глазах соседей наших, например – **магистра и эксусиаста Авасгии**, **Васпараканита** и правителя армян».¹⁰⁷⁸ А в этом случае автор, уже явно имеет в виду Абхазское царство в целом. И еще одно упоминание: «Область же крепости Ардануци, то есть Арци, велика и плодородна и является ключом и к Ивирии, и к Авасгии, и к мисхиям», то есть Месхетии, причем, по словам источника, Ардануци – город на берегу горного притока р. Чорох – весьма сильная крепость, куда привозят разные товары отовсюду, в том числе «и из Авасгии». Спорной является локализация Сотириуполя, который находился, скорее всего, в районе современного Нового Афона (Анакопия), то есть в пределах традиционной этнической территории абазгов. Анакопия какое-то время являлась столицей всего Абхазского царства, оставаясь и потом его западным стольным городом. Именно вблизи нее проходила юго-восточная этническая граница абазгов (в узком смысле слова) с апсилами. Здесь же были воздвигнуты крупнейшие в Абхазии раннесредневековые оборонительные сооружения. Происхождение названия «**Сотириуполь**» связано, возможно, с тем, что здесь, как видно, находился главный местный храм, посвященный **Христу Спасителю**.

Может быть, об этом же говорит и трудночитаемая надпись на одной плите из Н.Афона, некогда установленной над дверью храма **Симона Кананита**. В ней некоторые

¹⁰⁷⁶ **Константин Багрянородный**. Об управлении империей. – М. 1991, с. 171.

¹⁰⁷⁷ Там же. с.177.

¹⁰⁷⁸ Там же. с. 171, 177, 197, 205.

ученые склонны читать слово **Сотерос**, то есть **Спаситель**. Упоминается он и на второй плите с сильно пострадавшей надписью. Вопрос местонахождения Сотириуполя продолжает быть спорным, так как нельзя забывать, что Авазгией византийцы называли все Абхазское царство, а не доводили его до этнической (в узком смысле слова) границы с апсилами.

После того, как через грузинский язык широкое распространение получили общие названия «абхаз», «Абхазия», постепенно сходят племенные названия – саниги, мисимияне, апсилы, абазги и другие. Автор XII в. н. э. **Иоанн Цец**, комментатор древних писателей, в том числе и **Ликофрона**, пишет: «Колхи суть индийские скифы, они называются также лазами и живут вблизи абазгов, прежних массагетов»¹⁰⁷⁹. Это одно из последних упоминаний абазгов как таковых. В другом месте он вновь пишет: «Колхи, называемые и лазами, – переселенцы из Египта, живущие вблизи абазгов, называемых также массагетами». Трудно сказать, на каком основании Цец упорно производит абазгов от них. По-видимому, фраза Цеца означает, что «абазги раньше были массагетами, т.е. скифами, а скифами для авторов его времени были и колхи, и макроны, и другие племена (по существу все не скифского происхождения)»¹⁰⁸⁰.

Таким образом, независимо от ликофроновых поэм, комментарии Цеца имеют большое значение: они сообщают, что Китея – город Колхиды, а колхи, впоследствии называвшиеся лазами являлись соседями абазгов, выступающих у **Цеца**, как самостоятельный большой народ.

Севернее Гагры, где-то, может быть в районе современного Цандрипша, средневековые итальянские карты помещают пункт **Abcasia**¹⁰⁸¹, с которым отождествляется возможно, «город Абхаз», упоминаемый в начале XV в. в арабской энциклопедии **Шихабеддина Элькалькашанди**¹⁰⁸². **Auogassia**, как пункт и страна, обозначена и на карте 1497 года, составленной **Фредуче Анконским** и на других картах того времени.

Как мы видим, этническое и территориальное содержание термина «абазги», «Абазгия» со временем меняется. В течение первой половины I тыс. н. э. абазги с санигами занимают среднюю полосу современной Абхазии (хотя в локализациях проезжавшего «мимо» по морю **Арриана**, а тем более компилятивного **Анонима** можно сомневаться). В раннесредневековое время (VI в.) граница между главнейшими абхазскими приморскими племенами (апсилами и абазгами) проходила, по-видимому, где-то в районе современного Сухума (может быть, по р. Гумиста или Келасур), а с северо-запада абазги соседнили с санигами (садзами), их отделяла друг от друга, может быть, р. Бзыпь. Но в последующем «абазги», «Абазгия» из узко-локальных этно-территориальных наименований приобретают постепенно все более широкое значение, распространяясь и на другие родственные группы. Так, в VI – VII вв. «абазг» – это еще племенное название, а «Абазгия» – пока лишь часть современной Абхазии, хотя в некоторых источниках (**Прокопий**, «Армянская География») иногда «Абасгия» уже покрывает собой и Апсилию. Примерно с 30-х годов VIII в., то есть после формирования объединенного Абхазского государственного образования, «абазги» в византийских источниках все больше означают всех абхазов, соответственно «Абазгия» (груз. Апхазети) – это уже территория всего Абхазского государства. Его население получает общее название – «абхазы» (греч. «абазги», «абасги» и другие, груз. «апхазни», арм. «апхазк») ¹⁰⁸³.

¹⁰⁷⁹ **Иоанн Цец**. Объяснение к «Кассандре» Ликофрона // ВДИ. 1947, № 3, с. 266, 268.

¹⁰⁸⁰ **Каухчишвили Т. С.** О некоторых сведениях **Ликофрона** и его схолиастов. // Всесоюзная научная конференция. – Тбилиси. 1975, с. 47.

¹⁰⁸¹ **Брун Ф.** Указ. соч. II, табл. III.

¹⁰⁸² **Тизенгаузен В.** Заметка **Элькалькашанди** о грузинах // ЗВОРАО. Том I, 1886, 1887, с. 208.

¹⁰⁸³ По мнению **И. А. Джавахишвили**, в 30-х годах VIII в. Апсилия уже входила в состав объединенной Абхазии, ибо в своде царицы **Анны** грузинской летописи «**Картлис цховреба**» (XV в.) сказано: «город Абхазии и Апсилии – Цхум».

Из писем константинопольского патриарха начала X в. **Николая Мистика** мы узнаем о **Григории** и его отце **Констанине** (царях Абазгии), который «приложил много труда, чтобы просветить правителя Алании». Под «Абазгией» здесь понимается Абхазия в целом. Со времени образования Абхазского царства Абхазией стала называться не только сама Абазгия, но и вся Западная Грузия, вытеснив почти полностью и название «Эгриси». Одновременно встречаются упоминания «Абхазии» также и в узком понимании. Термин «Авазгия» встречается, например, в XI в. у грузинского автора **Ефрема Мцире**¹⁰⁸⁴.

В средневековых восточных (в основном арабских) исторических источниках довольно часто встречается термин «абхаз» в смысле Абхазия. Так, **Ибн Руста** (конец IX в.) определяет местонахождение **Аугаз (Awghas)** рядом с владениями хазар. Здесь, очевидно, мы имеем использование этнонима «абхаз» в его узком значении – как обозначение собственно Абхазии. Но в более поздних описаниях «абхаз» чаще выступает в смысле всей Грузии. **Низами Гянджеви** (XII в.) сообщает, что местом охоты Атабага **Ильдегиза** были «Абхазия и Дербенд», а у **Хакани** (XII в.) сказано: «От любви к прекрасноволосой и румиликой (женщине) я стал жителем Абхазии, говорящим на грузинском языке». **Ибн Испандиар** упоминает **Тамару** то как «царицу Тбилиси и Абхазии», то как «царицу Абхазии», а письмо **Тамары** к одному из мусульманских монархов, написанное в 1185 (1190?) году, характеризуется как «абхазская клятвенная книга». По словам **Якута** (нач. XIII в.), Абхазия – страна, населенная христианами, которых называют **курджами**¹⁰⁸⁵.

Таким образом, в XI – XIII вв. «Абхазия» и «абхазы», связанные по своему генезису с этнонимом «абаза», «абазг», выступают в трех смыслах – собственно абхазы и Абхазия, Абхазия и Западная Грузия и вся Грузия¹⁰⁸⁶. В XIV же веке абхазы вновь упоминаются в узком смысле армянским историком **Товма Мецопеци**, когда он повторяет слова грузинского царя Баграта, сказанные им Ленгтимуру: «..Я поеду в Грузию, займу всю страну и обращу в вашу веру, поскольку народ тот восьми языков». «Вот эти языки, – пишет Товма, – **дральский, осетинский, имеретинский, мегрельский, абхазский, сонский, грузинский, месхский**»¹⁰⁸⁷. В последующем «абазг» выходит из употребления, как и «апсилы», а «абаза», широко используемая для обозначения всего абхазоязычного населения и даже шире (особенно у русских авторов XVIII – XIX вв.)¹⁰⁸⁸, закрепляется в

¹⁰⁸⁴ **Абхазы в форме «афгазы»** встречается даже у автора XVI в. **С. Герберштейна**, локализирующего их в низовьях Кубани, а черкесов в горах. (**Герберштейн С.** Записки о Московских делах. – Спб. 1908, с. 159, 160).

¹⁰⁸⁵ Эти сведения с благодарностью были заимствованы в свое время из статьи **Гиунашвили Д.**

III. «Абхазы», написанной им для книги «Энциклопедия Персика». Рукопись с.4.

¹⁰⁸⁶ **И. А. Джавахишвили**, говоря о соперниках первого царя Абхазии из Багратидов – **Баграта**, цитируя источники, но к сожалению в этом месте без ссылки на них, пишет: «Кроме **Липарита** у царя **Баграта** были и другие противники. Именно пять известных сыновей **Абазы**, один из них был и эриставом Картли. Эти сыновья **Абазы** люди сильные и представительные, помимо богатства похвалявшиеся могуществом (досл. «десницей» своей) и многочисленной ратью возгордившиеся, настолько осмелели, что «намеревались взять в руки царя». Приведенную здесь фразу «пять известных сыновей **Абазы**» следует, понимать как «пять известных сыновей (страны или народа) Абаза», то есть соответственно Абхазии. (**Джавахишвили И.** История грузинского народа. Книга вторая. – Тбилиси. 1948, с. 165, на груз. яз. К сожалению, род «сыновей Абазы» так и остался неизвестным).

¹⁰⁸⁷ **Товма Мецопеци.** История Ленгтимура и его преемников (на древнеарм. яз.) – Париж. 1860, с. 20.

Цитируется по кн.: **Налбандян В. С.** Тбилиси в армянских литературных памятниках древних и средних веков. – Ереван. 1961, с. 115.

¹⁰⁸⁸ Термин «абаза» с его производными в применении ко всему абхазскому населению встречается нередко в литературе XIX в. Так, **Торнау** указывал, что «абадза слишком общее название», что оно принадлежит «всему абхазскому племени от Черного моря до Кубани» (**ЦГВИА, ВУА, №18510**). **Гамба** на своей карте 1819 г. написал «Абазия», поэт-моряк **Е.П. Зайцевский** в 1823 г. сочинил посвященное Абхазии стихотворение под названием «Абазия». **Абаза, абазинцы назывались у приморских черкесов басхыг или куш-хазиб-абаза**, от «куш» – горный хребет и «хазиб» – по ту сторону, то есть абазы, живущие по ту сторону Главного хребта (СМОМПК. Вып. 40, 1909). Вместе с тем, указанный термин в том или ином оформлении применялся и к отдельным этнически не абхазским группам. Например, **Белл**, имея в виду одну часть Черкесии, говорит об «Абазакции», «абхазаках» (указ.соч., с. 136). То же имя мы находим в названии

конце концов не только за северокавказскими абазинами, которые и сегодня себя называют «абазой», но и за всеми зарубежными абхазами.

2. Были ли абазги бинарным племенем?¹⁰⁸⁹

К сожалению специальных работ и даже отдельных статей по абхазским племенам до сих пор написано не было, если не считать кратеньких справок в общих курсах по истории Абхазии, Грузии и разных энциклопедических изданиях. В 1980 же году в одном из самых первых томов Большого Лексикона по раннесредневековой истории Восточной Европы издаваемого в голландском издательстве **А. Хаккерта**, помещены статьи **А. Коллауца** по исторической географии. Две из них посвящены абазгам и их стране («Авасги», «Авасгия»).

В изучении истории и этнографии всякого народа одним из важных, несомненно, является вопрос об его этнических компонентах и их исторических взаимоотношениях. Этим определяется значение исследования основных частей абхазского этноса – апсиров, абазгов¹⁰⁹⁰ и др. Тема данного параграфа – внутренняя социальная структура абазгов VI века н.э. и их отношение к апсилам – является только небольшой частью проблемы о племенной структуре и общественно-политическом строе населения позднеантичной и раннесредневековой Абхазии, чему автор посвятил специальную работу. Для решения этой проблемы важное значение имеет сопоставление имеющихся источников, новое прочтение и текстологический анализ сведений древних греко-римских и византийских авторов. Здесь же речь пойдет в основном лишь об одном конкретном вопросе, главным образом, по данным одного источника.

У **Прокопия Кесарийского** (490 – 562) наряду с ценнейшими сведениями о древнеабхазских племенах, особенно абазгах, территории их расселения («за апсилиями, за вторым краем «полумесячного залива» по берегу живут абасги, границы которых простираются до гор Кавказского хребта»), социально-экономическом и политическом развитии (наличие «царей» и категории «наиболее знатных»), торговле невольниками, языческих верованиях («еще в мое время почитали рощи и деревья»), распространении христианства («**Юстиниан** воздвиг у абазгов храм Богородицы и назначил им священников»), борьбе против внутренних («низложили своих царей») и внешних поработителей (Трахейская битва) и др. Встречаются также противоречивые и сомнительные утверждения по некоторым важнейшим вопросам, требующие критического к себе отношения и специального исследования.

К числу таких не совсем понятных и небеспорных относятся, например, утверждения **Прокопия** о двух традиционных («исконных») правителях – «царях», у

«абадзех». **Л. Люлье** писал: «Абадзех в буквальном переводе значит: «ниже абазцев». Название это некоторым образом доказывает, что абадзехи жили в соседстве с абазцами и, не составляя самобытного племени, получили это название от своих соседей». (**Люлье Л.** О натухайцах, шапсугах и абадзехах // ЗКОИРГО. кн. V. –Тифлис. 1857, с. 228 – 229). Карачаево-балкарское название сванов – эбзе, возможно, тоже связано с интересующим нас термином. Встречается и фамилия **Абаза**.

¹⁰⁸⁹ Доклад на эту тему, под этим же названием, но с добавлением: «К вопросу о племенной структуре населения раннесредневековой Абхазии», был прочитан на XXVII итоговой сессии АБИЯЛИ, 12 марта 1973 г.

¹⁰⁹⁰ Статьи эти – отмечает в своей рецензии **А. П. Каждан**, – написаны как специальные исследования с прямыми ссылками на литературу, с широким привлечением трудов советских ученых, с цитатами из источников («Византийский временник». 1972. Том 33, с. 235). В статье об абазгах и Абазгии автором **А. Kollautz**’ем приводится, как он считает, самое раннее их упоминание в поэтической монодраме автора первой половины III в. до н.э. **Ликофрона Халкидского** – «**Александра**», хотя медиевист **М.В. Бибииков**, как видно, не согласен с таким мнением на основании того, что у автора XII в. **Иоанна Цеца** нет комментария к слову «абазги» в его схолиях к ликофроновой «Александре», что вряд ли правомерно, так как он есть и в его комментариях к «Кассандре» (**Бибииков М.В.** Новое издание латинских и византийских источников // ДГТС. – М. 1981, с. 217).

абазгов – одного для западной, другого – для восточной половины края. Это утверждение встречается в двух местах его сочинения «Война с готами».

Знаменитый историк, упоминая о том, что абазги **«низложили своих царей»** (выделено здесь и далее мной – Ш.И.),¹⁰⁹¹ довольно подробно описывает те причины и обстоятельства, которые заставили абазгов «низложить» своих властителей. Этими обстоятельствами являлись, в частности корыстолюбие абазгских правителей, из-за которых, указывает **Прокопий**, «эти племена испытывали неслыханные вещи»:¹⁰⁹² якобы у родителей отнимали красивых мальчиков и, превратив их в евнухов, продавали в римские земли за большие деньги, а родителей, боясь мести, убивали. **Юстиниан**, по словам **Прокопия**, запретил царям Абазгии кастрировать мальчиков, после чего абазги, воодушевленные приказом императора, решительно выступили против указанного варварского обычая, а вскоре вообще низложили своих царей и «решили жить на свободе»¹⁰⁹³. Здесь прозрачно выступает вероломная политика **Юстиниана**, первого покупателя красивых, но кастрированных абазгских юношей, которыми был полон его двор. Нет сомнения, что низложение, как видно неугодных ему царей было инспирировано именно самим императором.

И в ряде других мест прокопиевского текста мы встречаемся с такими выражениями, как «властители абазгов», «оба эти царя», **Юстиниан** «решительно запретил их (абазгов – Ш.И.) царям оскотление юношей», абазги «решительно воспротивились таким действиям своих властителей» и вновь повторяет, «абазги низложили своих царей»,¹⁰⁹⁴ «один из царьков абазгов»¹⁰⁹⁵ и т.д.

Вот цитата, в которой, казалось бы, предельно ясно и недвусмысленно говорится о двух традиционных правителях абазгов. «Эти абазги, – читаем мы у **Прокопия**, – издревле были подданными лазов, начальниками же искони веков они имели двух из своих соплеменников; из них один властвовал над западной частью их страны, другой занимал восточную»¹⁰⁹⁶. Более того, историк называет по имени абазгских царей: абазги, рассказывает он, «снова выбрали себе царьков – по имени **Опсит** для восточной стороны и **Скепарну** для Западной»¹⁰⁹⁷. Очень интересными и показательными, хотя и небесспорными, являются повторяемые **Прокопием** сообщения о двух царях абазгов, в то время как ничего подобного мы не находим у него при характеристике общественно-политической жизни апсиров. **Прокопий**, нигде прямо не упоминает отдельно о правителе апсиров, у которых еще в самом начале II в. **Аррианом** было засвидетельствовано наличие царя по имени **Юлиан**.

Прежде всего, следует отметить, что, если говорить в общем, то структурное строение одного отдельно взятого племени не представляет собой неизвестное или невероятное явление, напротив, исследователи, изучая вопрос о возникновении рода и племени, приходят к выводу, что, по-видимому, «родовое общество уже в самом раннем своем состоянии имело особенную структуру, представлявшую собой два рода, связанные между собой в различных отношениях и составляющие вместе одно племя в его зародышевом виде».¹⁰⁹⁸

Ярким примером этого является хорошо известное этнографам разделение австралийских племен на две «половины» или на два «брачных класса» (например, кроки и кумите). Такую структуру раннего родового общества принято называть дуальной организацией. Следующей стадией развития этой организации считается более сложная система фратрий, при которой племя распадается тоже на две «половины», каждая из

¹⁰⁹¹ **Прокопий из Кесарии**. Война с готами. – М. 1950, с. 383, 400.

¹⁰⁹² Там же. с. 382.

¹⁰⁹³ Там же. с. 383.

¹⁰⁹⁴ Там же. с. 382.

¹⁰⁹⁵ Там же. с. 400.

¹⁰⁹⁶ Там же. с. 382.

¹⁰⁹⁷ Там же.

¹⁰⁹⁸ **Косвен М.О.** Очерки истории первобытной культуры. – М. 1953 с. 105.

которых в свою очередь состоит из двух, четырех и т.д., во всяком случае четного числа подразделений – родов (например, индейское племя ирокезов Сенека распалось на две фратрии по четыре рода с особыми тотемическими названиями в каждой).

С развитием общества это начальное примитивное деление племени на две брачные «половины» и его дальнейшее развитие в виде фратриальной системы с ярко выраженной структурой из четного числа подразделений нарушается и отмирает. Но следы такой древнейшей организации сохраняются надолго, пережитки ее отражаются в исторической традиции многих и высоко развитых народов. Таковы, например, предания о древнееврейских двенадцати «коленах», о четырех филах древних афинян и т.д.¹⁰⁹⁹. «Дуальная организация оказывает глубокое влияние на управление раннеклассовых обществ, повсеместно носившее дуалистическую форму или, по крайней мере, следы былой двойственности (два царя в Спарте, двойственность всех должностей в Риме...» и др.)¹¹⁰⁰. Пережиткам дуальной организации у адыгов, посвятил раздел своей книги **В. К. Гарданов**¹¹⁰¹.

Древнеабхазское общество также распалось на четное число племенных подразделений – первоначально, по-видимому, на два, а потом, в результате процесса филиации, на четыре и шесть основных племен, каждое со своим особым названием, диалектом, территорией и другими локальными особенностями. **Для позднеантичного времени это были апсилы, мисимияне, абазги, саниги и, возможно, потомки ахейцев и части зигов.** Основное ядро абхазской народности составляли апсилы и абазги. Но вряд ли эти сравнительно поздние объединения – античная эпоха и период развития раннефеодальных классовых отношений – связаны непосредственно с древнейшей дуально-фратриальной организацией.

Как в таком случае нам следует понимать приведенные выше показания важного исторического источника о внутреннем двуедином членении абазгского племени?

Здесь возможны два решения: либо абазги, представляя собой двухплеменной союз, бинарную этническую единицу, действительно «искони веков» имели двух «басилевсов» с двумя политическими центрами, один из которых, возможно, располагался в районе Гагры-Пицунды, а другой – в Анакопии; либо же изучаемое племя было нераздробленным на части, а, напротив, довольно монолитным, консолидированным и сравнительно сильным объединением, но у **Прокопия** мы имеем нередкие в исторических источниках ошибки, пробелы, путаницу, о чем писали многие исследователи. В этом последнем случае под прокопиевскими абазгами (когда речь идет об их «царях») следует, очевидно, понимать не только собственно абазгов, а более широкое этно-политическое объединение, то есть оба основных, ближайших между собой и потому смешиваемых иногда абхазских племени, одно из которых (абазги) действительно населяло северную, а второе (апсилы) южную часть тогдашней Абхазии.

Конечно, недоразумения, связанные с характером источника, не могут считаться исключенными. Соблюдая осторожность, мы должны иметь в виду возможные ошибки и искажения у нашего основного информатора и тех, кто снабдил его сведениями, тем более, что сам он на Кавказе не бывал. Но, вместе с тем, мы не можем недооценивать и значение повторения одного и того же четко выраженного положения о наличии двух царей и двух половин страны абазгов в разных контекстах прокопиевского описания. **Прокопий** знал апсилов и абазгов, как два соседние и ближайшим образом связанные между собой объединения, хотя, как видно, все же был больше осведомлен о положении дел в Абазгии. Определенные неясности его трактовки некоторых вопросов связаны, надо полагать, с территориальной близостью и этнокультурной общностью этих племен, близостью, которая была настолько значительной, что оба они уже тогда воспринимались

---

¹⁰⁹⁹ Там же. с. 106.

¹¹⁰⁰ Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. – М. 1964, с. 291.

¹¹⁰¹ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. – М. 1967, с. 264 – 289.

иногда им самим в известном смысле как единый этнополитический и культурный организм.

Сравним, например, некоторые стороны хозяйства и материальной культуры абазгов и мисимиян – ближайших сородичей апсилов, живших в верховьях Кодора. По сообщению **Агафия**, мисимияне строили свои жилища из дерева и соломы, часто окружали их стеной, сбрасывали огромные камни со скалы при обороне от неприятеля, крепости свои строили со рвами, мужчины (в том числе и посланцы с дипломатическими поручениями) ходили с особыми палками (вероятно, прототипы современного абхазского посоха «алабашья», металлические наконечники от которых встречаются в археологических материалах того и гораздо более раннего времени как в той, так и в другой части Абхазии)¹¹⁰². Всю эту характеристику можно целиком отнести и к абазгам. В частности, согласно Прокопию, дома абазгов, живших в крепости Трахее, отстояли друг от друга на сравнительно близком расстоянии и были, как и у мисимиян, окружены со всех сторон своего рода стеною (ср. традиционное абхазское выражение («аҭни-аҭәареи»), то есть «дом с оградой»).

Если исключить дуальную организацию в Абхазии середины I тысячелетия, а информации **Прокопия** в основном заслуживают доверия, требуя только правильного истолкования и исключения явных ошибок, то остается признать верным вольное или невольное распространение **Прокопием** названия «абазги» и на их непосредственных юго-восточных соседей и сородичей – апсилов, именуя последних иногда абазгами.

И действительно, мы не располагаем ровно никакими убедительными данными в пользу собственно абазгской племенной бинарности, кроме нередко противоречивых сведений самого **Прокопия**: об абазгах он говорит то в единственном числе, как об одном племени, то во множественном – как о двух племенах, не приводя, однако, их названий, которые должны были бы существовать и которые, казалось бы, он должен был знать¹¹⁰³. Вместе с тем отсутствие каких бы то ни было существенных языковых или культурных различий внутри современных бзыбцев, являющихся, несомненно, прямыми потомками исторических абазгов, различий, которые восходили бы к их ранним внутриплеменным подразделениям, также представляется одним из аргументов в пользу этнической спаянности абазгов, их однородности и внутреннего единства в отмеченный период времени.

В дополнение ко всему этому необходимо еще раз подчеркнуть, что у самого **Прокопия** мы встречаемся с распространением обобщенного этнического названия «абазги» и на апсилов. Названия «абазги», «абасги» у него иногда по существу покрывают собой название «апсилы», и тогда под абазгами фактически подразумевается также население юго-восточной части Абхазии. Только так, очевидно, можно понимать то место из книги **Прокопия**, где говорится о нападении персидских войск под командованием **Мермероеса**, шедших со стороны Лазики, будто бы непосредственно на абазгов на подступах к району апсильской крепости Тсиби́лы. Но хорошо известно, что с Лазикой непосредственно граничили именно апсилы, а не абазги, и только пройдя территорию первых, можно было добраться до вторых. Да и упоминание апсильской крепости Тсиби́лы и прохода к ней не оставляет сомнения в том, что персы вторглись именно в пределы апсилов, которых **Прокопий** в порядке обобщения термина «абазги» (как бы в смысле совр. «абхазы» «Абхазия») называет абазгами¹¹⁰⁴. По-видимому и храм

¹¹⁰²Знатные мисимияне по имени **Хада** (ср. старинное абхазское мужское имя **Хада**) и **Туана** (ср. с абх. фамильным именем **Туанба** т.е. сын **Туана**), посланные для переговоров с командованием византийского отряда, были, по приказанию **Сотериха**, избиты их же посохами, которые они держали в руках. (**Агафий**. Указ.соч. с. 87). Вряд ли можно сомневаться в том, что в руках этих представителей мисимиян были алабаши.

¹¹⁰³Прокопий из Кесарии. Указ. соч. с. 382, 383.

¹¹⁰⁴Приведем в контексте указанное место из **Прокопия**: «Прежде всего, узнав, что в одной из крепостей находится сестра **Губаза**, **Мермероес** повел туда войско с тем, чтобы каким бы то ни было способом взять ее. Так как находящиеся там в гарнизоне защищались очень решительно, и так как сама природа помогала

Богородицы, выстроенный **Юстинианом** для «абазгов» следует искать в той же центральной части исторической Абхазии, и этим храмом, вероятнее всего, был Драндский собор.

Апсилы в древних описаниях нередко вообще фигурируют в составе Абазгии в связи с тем, как отмечает **В.А. Леквинадзе**, что «они были родственны абазгам и жили возле (южнее) них». Абазгия и Апсилия рассматриваются как нечто единое целое, например, в «*Notitia episcopatum*», где говорится о том, что Севастополь хотя он и не находился на территории Абазгии, является кафедрой архиепископа Абазгии, подразумевая под Абазгией и Апсiliю¹¹⁰⁵. Страна абазгов, Псинун, населенная и апшилами, упоминается и в указанной «Армянской географии» VII в. и др.

Вопреки утверждению **Прокопия**, в VI в. у собственно абазгов, как впрочем и у апсильов и других, было не два царя, а один, выбиравшийся ими из своей же среды.¹¹⁰⁶ Так было в этом крае, по крайней мере с начала II века, когда **Флавий Арриан**, inspectируя расквартированные в прибрежных крепостях римские военные гарнизоны, доехал до Диоскуриады (134 г.). Если же, таким образом, еще во II и в IV в. у абазгов был один правитель Ригва-дин¹¹⁰⁷ видимо «царь», то тем более мы имеем основание предполагать наличие у них единого общего правителя и в VI в., ибо за прошедшие с тех пор столетия произошел дальнейший прогресс общества, в частности, довольно далеко зашли процессы этнической консолидации и раннефеодальной политической централизации власти.

В связи с этим представляет большой интерес наличие двух царей в Лазике, в середине V в., но это считалось, по словам **Приска**, противоречащим «старинному уставу»¹¹⁰⁸. Когда влиятельный византийский вельможа **Евфимий** – магистр официий при императоре **Маркиане**, по поручению последнего в 456 году вел переговоры (возможно, совместно со своим советником, известным историком **Приском Панийским**) с царем лазов **Губазом I** о заключении мира с Византией, условием прекращения военных действий в Лазике Константинополь ставил отказ лазов иметь «в качестве правителей двух царей, причем **Губаз**, не получивший ожидавшейся им помощи от персов, отказался от престола в пользу своего сына, и мирный договор был подписан»¹¹⁰⁹. Появление в Лазике двух царей связано, очевидно, не с традициями внутри одной правящей династии, а скорее всего с семейной борьбой за власть, (как видно **Губазы I** с братом или дядей?), а не с наличием двух «половин» страны Лазики (как это было по **Прокопию**, в отношении

им неприступностью положения, то варвары должны были удалиться, ничего не сделав. После этого персы со всем своим рвением устремились на **абасгов**. Но римляне, занимавшие гарнизоном Тсибилу, захватили проход, бывший очень узким и окруженный отвесными горами, как я говорил об этом раньше (гл. 10), и при таких обстоятельствах совершенно непроходимый, и остановили дальнейшее продвижение персов. Поэтому, не имея возможности заставить уйти стоящих против него врагов, **Мермероес** повел назад войско и тотчас же направился к Археополу с целью его осадить» (**Прокопий из Кесарии**. Указ.соч. с. 432).

¹¹⁰⁵ **Леквинадзе В. А.** О постройках Юстиниана в Западной Грузии. //«Византийский временник». 1973. Том 34, с. 180.

¹¹⁰⁶ Это, конечно, не исключает вообще возможности объединения двух (и более) этнических групп под эгидой одного правителя. Например, древние авторы (в том числе **Арриан**) часто упоминают племя санов и их страну Саннику (Тзанника **Арриана**) под разными именами: саны (саны) – макроны – макрокефалы – махелоны – манралы, помещая их между Трапезунтом и Колхидой. И жили они, по **Арриану**, рядом с гениохами, причем у махелонов и гениохов был один общий царь по имени **Анхиал** //ВДИ. 1948, № 1, с. 267, 270.

¹¹⁰⁷ В могильнике поселка Ачмарда (бассейн р. Хашупса), в 18 км от Цандрипша в одном из захоронений, как видно ткача, был обнаружен серебряный кувшинчик, относящийся к первой половине III в. н. э. Вокруг его горловины идет надпись на греческом языке, носящая явно христианский характер: «**Я, царь Бакур, овцам (своим) дал**». (**В. В. Бжания, А. С. Агумаа, Д. С. Бжания, А. Ю. Виноградов** и др. Охранные исследования в Гагрском районе // Археологические открытия 2005. – М. 2007, с. 568 (Прим. комм.)

¹¹⁰⁸ Слова – «нельзя им обоим владычествовать над страной вопреки старинному уставу» – свидетельствуют, что институт этот появился только в V в. при **Губазе I**, возможно, как сказано, в результате семейной борьбы за власть // **Приск Панийский**. Готская история.// ВДИ. 1948, № 4, с. 263.

¹¹⁰⁹ **Удальцова З. В.** Мировоззрение византийского историка V в. **Приска Панийского** //«Византийский временник». 1972. Том 33, с. 50.

Абазгии) и объясняется требованиями преемственности власти (через сына или брата). Об этом мы имеем прямое указание у Агафия, относящееся к VI в. **Агафий** пишет, что византийский император «царем им не назначил какого-нибудь чужеземца и иностранца, но **Цата**, младшего брата **Губаза**, который в то время находился в Византии, так чтобы у них снова были восстановлены отечественные законы» и непрерывная, нерушимая с древности последовательность царского престолонаследия»¹¹¹⁰, что, по-видимому, практиковалось и в Абазгии.

Прокопий пишет, что абазги, низложив своих жестоких властителей, стали опасаться полного порабощения со стороны византийцев и, видимо, разгадав их планы, решили снова избрать себе своих царей – «**Опсита** для восточной стороны и **Скепарну** для западной».¹¹¹¹ Надо думать, что **Опсит** был не «царем» восточных абазгов, как об этом пишет **Прокопий**, а являлся властителем «восточной стороны» Абхазии, то есть царем Апсилии, западные пределы которой во времена **Прокопия** простирались, по-видимому, до самого района Сухума. В западной же стороне Абхазии того времени, то есть у всех собственно абазгов, царем был, в таком случае, **Скепарна**. При всем том, с именем Опсит в источнике наблюдается явная путаница: то он «царь», то «правитель абасгов», то властитель «восточной стороны» Абазгии, и, как ни странно, этим же именем назван и неизвестно откуда взявшийся «лазский царь», причем непонятно, когда он царствовал в Лазике, да и имя его явно абхазского (апсильского) облика. Странно, почему вдруг понадобилось лазам назвать члена царской семьи, будущего наследника лазского престола апсильским, а не лазским именем? Обращает на себя внимание присутствие как в имени Опсит, так и в названии Апсилии элемента «пс».

Что же касается того, что по причине отсутствия западноабазгского Скепарны, задержанного Хозроем в Персии, обороной Трахеи руководил апсильский **Опсит**, то это не должно нас особенно удивлять, тем более, что и сама Апсилия, где также были сильны сепаратистские тенденции, отпала в это же время от лазов и римлян, т. е. почти одновременно с абазгами, что было явно неслучайным явлением. В переломные моменты своей исторической жизни апсилы и абазги выступали, очевидно, как один народ, то есть обстоятельства вынуждали их совершать согласованные политические акции. Возможно, что временами даже созывался какой-то общий совет для совместного решения некоторых важнейших вопросов внутренней и внешней политики, таких, как низложение своих «властителей» и выборы новых правителей. С точки зрения единства интересов и взаимопомощи особого внимания заслуживает своего рода взаимозаменяемость «царей» в случаях крайней необходимости. Ярчайшим примером этого является то, что, как было сказано, именно по причине отсутствия абазгского правителя **Скепарны**, Трахейской битвой пришлось руководить по Прокопию восточноабазгскому правителю **Опситу**. И вообще, почему причиной защиты Трахеи Опситом, выдвигают отсутствие Скепарны, если Опсит сам был царем именно этой части Абазгии, и при чем здесь тогда отсутствие Скепарны – царя западной ее части?

Абазги локализуются почти всегда рядом с апсилами, с северо-западной стороны от них (между апсилами и санигами), причем апсилы, как и саниги, с середины I тыс. постепенно сходят со страниц исторических источников, в то время как название «абазги» в разных его формах (абазги, абасги, авогазы, обезы, абези, обежане, абазы, абазы и др.), охватывающих собой иногда всех абхазов, продолжает встречаться у разных авторов вплоть до зрелого средневековья. В письме Иоанна Итала к Грамматику Абазгу трижды встречается этноним «Абазг» (см. ниже). В упоминаниях «обезов» в средневековых русских летописях, нередко имеются в виду и собственно абазги, хотя в некоторых случаях термины «абазг», «абазгский» понимались не только в смысле всех абхазов, но даже и всей средневековой Грузии в целом. Так, очевидно, следует понимать вызывающую много споров среди специалистов приписку середины XI века (1048 г.) к

¹¹¹⁰ **Агафий**. Указ. соч. с. 85 – 86.

¹¹¹¹ **Прокопий**. Указ. соч. с. 400.

неаполитанскому латинскому тексту греческого романа «Варлаам и Иоасаф», гласящую о том, что этот текст «переведен с абхазского (абасгского) языка» (*Translata abasgo genere stilo*¹¹¹².)

Итак, подводя некоторые итоги, мы можем сказать, что создается определенное впечатление о том, что абазги были не бинарным, а, напротив, единым и монолитным сильным племенем, название которого иногда распространялось и на родственные этнополитические образования (апсилы); что уже к середине VI в. н. э., то есть значительно раньше, чем у многих других народов Кавказа, намечаются первые, не всегда достаточно четко уловимые признаки консолидации двух основных древнеабхазских племен – апсиров и абазгов. Они (особенно абазги) сыграли большую роль в дальнейших судьбах всего края и явились тем притягательным ядром, к которому тяготели некоторые другие родственные племена. Вокруг этого крупного по тому времени и сильного ядра происходило постепенное возникновение Абхазии (Апсны), формирование единой феодальной абхазской народности, собиравшие и сплочение ее сил на путях создания Абхазского царства с центром в главной в тот период военно-политической цитадели страны – Анакопии.

3. Трахейская битва

В VI в. Абазгия, находившаяся в непосредственной зависимости от Византийской империи, являлась относительно самостоятельной политической единицей, в то время как два другие этно-политические образования, расположенные на территории современной Абхазии (Апсилия и Мисиминия), были самоуправляющимися вассалами Византии, по Прокпию посредством Лазики, что практически ни в чем не проявляется.

В течение длительного времени Византия и Персия оспаривали друг у друга господство на восточном побережье Черного моря. Один завоеватель сменялся другим. Местное же население, вовлеченное в борьбу двух соперничавших друг с другом государств, стремилось к полному освобождению от всякой зависимости, хотя им это обходилось нередко очень дорого. Так, в середине VI в. по всей Абхазии прокатилась мощная волна возмущения против иноземного ига. Одной из блестящих страниц мужественной борьбы абхазского народа за свою свободу и независимость является Трахейская битва 551 года.

Главнейшим и единственным источником по Трахейскому сражению являются сведения, сообщаемые тем же **Прокопием Кесарийским**. Хотя последний не был участником событий, не бывал в Абхазии и вообще на Кавказе, но будучи крупнейшим историком своего времени, современником событий, долговременным секретарем известного византийского полководца **Велизария** – сподвижника «великого автократа» Юстиниана I, имел возможность широко пользоваться услугами разных осведомителей, донесениями военачальников, секретными материалами, перепиской и пр. Все это делает описания **Прокопия** основным источником по истории Абхазии VI в., несмотря на их ограниченность, ошибки и другие недостатки объективного и субъективного характера. Основная внешнеполитическая причина трахейской трагедии заключалась в том, что и в Абхазии столкнулись интересы двух держав – Византии и Персии. Трахейская битва явилась одним из значительных эпизодов в сложном переплетении византийско-персидских противоречий, их гегемонистского военного соперничества на Кавказе. Обе державы, не желая уступить заманчивый кусок благодатной земли, представлявшей в то

---

¹¹¹² **Нуцубидзе Ш.** История грузинской философии. – Тбилиси. 1960, с. 16 – 17, 247. В наши же дни все абхазы и абазины в арабских странах и в Турции известны под общим названием абазы, включая сюда и всех живущих как на Северном Кавказе, так и в Закавказье.

же время важный стратегический плацдарм на пути между Азией и Европой, силой оружия оспаривали друг у друга право своего владычества.

Византия, официально называвшаяся империей римлян и считавшая себя наследницей Римской империи на Востоке, не останавливалась ни перед чем, чтобы сохранить свои позиции. Она широко использовала экономические, политические, идеологические средства воздействия в целях укрепления и расширения своего влияния. Когда же мирные методы оказывались недостаточными и местное население начинало выходить из повиновения, Византия, не задумываясь, применяла насилие. «Метод кнута» выражался не только в усилении социально-экономического гнета, но также в посылке значительных вооруженных сил под командованием опытных военачальников для беспощадного подавления непокорных «варваров». Так было и в случае с абазгами, оказавшимися у стен Трахеи лицом к лицу с отборными линейными византийскими войсками¹¹¹³, охранявшими, главным образом, пограничные укрепленные линии.

Повод для военной акции не заставил себя долго ждать: абазги отпали от Византии, а персидские войска во главе с военачальником **Набедом**, вошедши в Лазик, продолжили свое продвижение на северо-запад, якобы для помощи абазгам и вторглись в Абазгию. При этом, **Набед**, при уходе из Абазгии «взял в качестве заложников шестьдесят мальчиков из числа самых знатных»¹¹¹⁴, а в Аписилии (на обратном пути), встретив жену **Опсита Феодору**, «родом римлянку», взял и ее в плен и увез в Персию¹¹¹⁵. Опсит же, – пишет Прокопий, «был дядей **Губаза** и царем лазов».

По-видимому, персидские войска, не сумев обосноваться в Абазгии, недолго оставались в этой стране, потому что появившиеся вслед за ними византийские отряды, не встретив никого из иноземцев, столкнулись здесь только с абазгами. Кратковременность «военного присутствия» персов в Абазгии объясняется, вероятно, не только боязнью скорого появления византийцев, но и тем обстоятельством, что сами абазги, «в полной тайне перешедшие на сторону персов»¹¹¹⁶, как видно, возненавидели последних не меньше, чем византийцев, в результате явно каких-то недружественных их действий. Можно предположить, что абазги сами воспротивились им, чем и объясняется то, что **Набед** «взял в качестве заложников **шестьдесят мальчиков из числа самых знатных**», а в Аписилии, встретив **жену Опсита Феодору**, «родом римлянку», взял и ее в плен и увез в Персию.

О причинах того, «почему абазги решились на отпадение»¹¹¹⁷ от Византийской империи, приведших к трахейскому кровавому побоищу, **Прокопий** рассказывает нам довольно отрывочно и туманно. Но даже из его фрагментарного описания становится совершенно ясным, что абазги в течение второй четверти VI века по крайней мере дважды, включая Трахею, выступали с оружием в руках в защиту своих законных прав и интересов: первый раз против собственных «царей», а во второй раз вместе с вновь избранными своими «царями», против вооруженной интервенции общего врага – заморских завоевателей.

Непосредственной причиной негодования абазгов, заставившей их решиться на отделение от империи и приведшей к трахейской катастрофе было то, что византийцы, присоединив Абазгию к своим владениям, насильственно ввели у них новые, еще более тяжелые, чем при местных царях, порядки. Даже Прокопий не смог скрыть этого факта. Он рассказывает, что по приказанию Юстиниана в Абазгию давно посылались византийские воины, которые к середине VI в. наводнили всю страну. Они, «уже давно расселившиеся среди них во многих пунктах, сочли возможным присоединить эту страну к владениям Римской империи; вместе с тем, они ввели у них некоторые

---

¹¹¹³ Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. – М. 1947, с. 82 сл.

¹¹¹⁴ Прокопий из Кесарии. Указ.соч. с. 400.

¹¹¹⁵ Там же.

¹¹¹⁶ Там же. с. 399, 400.

¹¹¹⁷ Там же. с. 400.

новые порядки. Ввиду более насильственного проявления власти, абасги... пришли в негодование (выделено мной. – Ш. И.). Боясь, как бы в дальнейшем им не стать рабами римлян, они снова выбрали себе царей... Впав в отчаяние, лишившись прежних благ, они, естественно, восстановили то, что раньше им казалось тяжким, так как то, что последовало затем, им показалось еще более плохим; боясь силы римлян, они в полной тайне перешли на сторону персов»¹¹¹⁸.

Перед лицом реальной опасности потери Абазгии и ослабления позиций империи на всем восточном побережье Черного моря, **Юстиниан** приказал двинуть отборные части регулярной армии на восставших абазгов, но привести абазгов к повиновению было бы невозможно без сокрушения их главной твердыни, называвшейся греками и владевшими греческим языком Трахеей, у стен которой и произошла одна из крупнейших схваток абхазского народа с иноземными порабощателями.

Не углубляясь в историю вопроса, следует отметить, что местоположение Трахеи давно оспаривают два пункта: одни авторы высказываются в пользу отождествления прокопиевской Трахеи с современной Старой Гагрой, другие – с Новым Афоном, то есть исторической Анакопией, а некоторые и с Келасурской крепостью.

Гагрскую локализацию впервые предложил **С. Н. Джанашиа**¹¹¹⁹. Затем в лице **В. А. Леквинадзе**, который неверно причисляет «большинство исследователей» к сторонникам этой локализации, джанашиевская точка зрения приобрела своего нового защитника. Отождествляя гагрскую крепость, внушительные развалины которой сохранились до наших дней, с прокопиевской Трахеей, В.А. Леквинадзе пишет: «Таким образом, Трахеей в действительности являлась Гагра, к северу от которой и должны были жить абазги. К северу от Гагры, разумеется, нужно искать и храм, построенный **Юстинианом** для абазгов»¹¹²⁰, причем его он отождествляет с цандрипшским базиличным храмом и локализует на территории Цандрипша. С такой локализацией как увидим ниже, трудно согласиться.

Автор этих строк в свое время также в целом больше склонялся к гагрской версии. Трахея, писал я в скобках, это «современная Гагра или, может быть, Анакопия у современного Нового Афона, хотя, как можно судить по данным археологических раскопок, вряд ли Анакопия в качестве такой мощной крепости тогда уже существовала»¹¹²¹.

Крайняя ограниченность источников – единственное описание того же **Прокопия** – исключает возможность сопоставления показаний разных авторов. В силу этого особое значение приобретает всесторонний анализ сведений **Прокопия**, которыми мы располагаем. Можно надеяться, что таким путем мы все же сможем выудить немало существенного из нашего источника и даже найти в нем ответ на интересующий нас вопрос.

Приведем те выдержки из сочинения **Прокопия**, которые касаются (прямо или косвенно) – локализации абазгов и их крепости Трахеи. «За пределами апсилив, – пишет он, – **при входе в пределы абазгов** (выделено мной – Ш. И.), есть место следующего рода: высокая гора, начинающая от Кавказского хребта и все понижающаяся, заканчиваясь как бы лестницей, тянется вплоть до самого Эвксинского Понта». Говоря о неприступности этого места, где абасги еще в древности выстроили свою крепость, **Прокопий** далее продолжает: «**Есть один проход, ведущий в это укрепление и в остальную страну абасгов**, по которому нельзя идти людям даже по двое в ряд... Над этой узкой тропой тянется очень отвесная и грозная в своей суровости скала, идущая от лагеря до самого моря. Это место и носит название, достойное этого

¹¹¹⁸ **Прокопий из Кесарии**. Указ. соч. с. 400.

¹¹¹⁹ **Джанашиа С. Н.** Феодалная революция в Грузии. Труды. Том I. – Тбилиси. 1949, с. 71 – 73 (на груз. яз.).

¹¹²⁰ **Леквинадзе В. А.** О постройках Юстиниана в Западной Грузии // ВВ. 1973. Том 34, с. 181, 185.

¹¹²¹ **Инал-Ипа Ш. Д.** Абхазы. 1965, с. 125.

отвесного обрыва: люди говорящие здесь по-гречески, называют его «Трахеей» – суровокремнистым. И вот римское войско пристало к берегу **между пределами абасгов и апсиллов...**¹¹²².

Приведенная цитата и другие места из сочинения **Прокопия**, взятые в совокупности, не оставляют, по-моему мнению, сомнения в том, что Трахея находилась именно в районе Нового Афона.¹¹²³ Правда, по внешнему характеру местности, как она описана у **Прокопия**, Трахея как будто больше напоминает собой Гагру. Однако, во-первых, нельзя слишком прямолинейно, буквально понимать фигуральные выражения **Прокопия** об «отвесной скале», об обрыве, где будто бы нельзя было идти по двое в ряд (кстати, надо отметить, что это излюбленное Прокопием описание, применялось им и ко многим другим местам); во-вторых, проход, где находится Гагрская крепость, конечно, очень узкий, но не в такой степени, как об этом сказано у **Прокопия**; в-третьих, Афон почти не уступает Гагре в отношении неприступной гористости, его также окружают высокие горы, тянущиеся ступенчатой «лестницей» от Кавказского хребта до самого моря; в-четвертых, неприступными гагрские ворота могли показаться только тому, кто двигался бы по побережью в страну абасгов с северо-запада, а не наоборот, т.е. с юго-востока, ибо с этой последней стороны подступы к Гагре и для того времени называть «неприступными» было бы неправдоподобно.

Главное же заключается, однако, в другом: как определяет **Прокопий** взаимное расположение апсиллов и абасгов, с одной стороны, и в какой части страны абасгов – восточной или западной – локализует он Трахею. Из его описания с несомненностью вытекает, что византийский военный флот двигался из Лазики т.е. с юго-востока в сторону Трахеи, что **апсиллы считались уже обитавшими в общей стране («Абазе»), в ее юго-восточной части, тогда как – абасги населяли, «остальную», северо-западную часть современной Абхазии и жили непосредственно «за апсильями»**¹¹²⁴, что Трахея находилась «за пределами апсиллов, но сразу же «при входе в пределы абасгов», а именно в «проходе, ведущем в остальную страну абасгов» (выделено мной – Ш. И.). Для человека, ориентирующегося при своем описании с юго-восточной стороны, как это имеет место у **Прокопия**, Гагру никак не назовешь «входом в пределы абасгов», в то время как Афон в целом вполне соответствует «проходу, ведущему в остальную страну абасгов», ибо этническая Абазгия действительно находилась дальше за Афоном в северо-западном направлении почти до самой Гагры включительно, а дальше начиналась уже область санигов (садзов). Вместе с тем надо учитывать и то, что апсиллы всегда проживали по смежности с абазгами, а их племенная территория никогда не простиралась до Гагры.

Абасги же у входа в их пределы, как свидетельствует Прокопий, **у подножья «горы»** еще в древности... выстроили очень сильное укрепление, по величине наиболее значительное. Здесь им всегда удавалось отражать нападения врагов»¹¹²⁵.

Таким образом, на мой взгляд, со всей очевидностью выясняется, что Трахейская битва разыгралась не случайно именно в тех же самых местах, где спустя сто восемьдесят с лишним лет потерпели поражение арабские полчища **Мервана Глухого**.

Выясняется также, что прокопиевская Трахея – это не название города, а лишь греческое наименование местности и ранней крепости – позднеантичного укрепления, о котором писал Прокопий. Строительство его приписывалось иногда даже римскому императору Траяну (53 – 117), при котором империя достигла своих максимальных границ. У разных авторов крепость называлась по-разному: **Абсаром, Апсаром, Апсарой (Апсара), Псиртом, Анакопией (Фанакопия), Никопсией (Никофия)**¹¹²⁶ и другими

¹¹²² **Прокопий из Кесарии**. Указ. соч. с. 401.

¹¹²³ Там же. с. 382.

¹¹²⁴ Там же.

¹¹²⁵ **Прокопий из Кесарии**. Указ. соч. с. 402.

¹¹²⁶ **Никопсию** локализуют обычно в **Шапсугии (Нечепсухо)**, а древнюю крепость Апсар – на одноименной реке в районе современного Батуми. Эти названия появляются также и на месте древней Анакопии – в

названиями, а также и просто Абазской крепостью. Находилась Апсара на территории современного Нового Афона, на берегу моря, у реки Псырдзха, с которой связано, вероятно, и само название Апсары. Здесь были засвидетельствованы ее остатки разными авторами еще в XIX столетии.

Вот, например, какое описание Анакопии и ее древних развалин мы находим у **Фр. Дюбуа**, наблюдавшего эту местность со стороны моря в 1833 году: «На вершине покрытого прекрасными деревьями холма, который вздымается в виде усеченного конуса у левого угла устья Псирсты, торчит старая круглая башня, окруженная полуразрушенными строениями; нельзя проследить взглядом скрытую под листвою стену, соединяющую эту башню с другой, **белой башней**, на половине склона; но, начиная отсюда, можно хорошо различить остатки стены, которая, спускаясь до самого берега моря, закрывала в былые времена проход к берегу. Это – руины Анакопии, или Никофии древних карт. Напротив Анакопии, в углу, образуемом Псирстой и морским берегом, отделенный от нее только этой рекой, стоял замок Псирст. Прислоненный к отвесной горе, вздымающейся за ним, этот замок занимал всю ширину дефила и защищал его...»¹¹²⁷ (выделено мной – Ш.И.). Графиня Уварова также говорит о «нижней крепости на реке Апсаре или Псырте»¹¹²⁸.

В сочинении другого автора XIX в. сказано так: «Вправо (?) от храма углубляется в горы знаменитое Трахейское ущелье, и на гребне утеса видны остатки замка Трахеи, который греки отняли у абазгов (абхазцев) в VI веке при Юстиниане, после кровопролитной осады. На самом берегу моря **сохранилась древняя массивная круглая башня (теперь возобновленная) и развалины обширных каменных стен. Это была Анакопия**, древняя Никопсия, основанная греками до Р.Х.»¹¹²⁹.

А в книге «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь», вышедшей в 1898 году, мы читаем: «6 сентября (1875 г. – Ш.И.) последовал осмотр и выбор места на **развалинах Анакопии, у древнего храма св. Апостола Симона-Кананита** (где, по древнему преданию абхазцев и грузин, он и был погребен), на берегу реки Псыртски (абх. Аспара, Апсара), в виду дикого и живописного ущелья и развалин крепости Апсары¹¹³⁰, которая, по преданию, была основана еще в III веке по Р.Х. римским императором Траяном и именовалась древними церковными писателями IV века: св. епископами **Дорофеем и Софронием** по реке – крепостью **Аспара, Апсара**, императором **Константином Порфириосцем** по городу – Никопсией (Анакопия), а **Кедрином** – просто Абхазской крепостью (Abasgae Arch)»¹¹³¹. Тот же автор рассказывает о «**развалинах древней греческой крепости**», на берегу моря, к которым монахами были пристроены четыре новых каменных здания, а также о генуэзской башне XIII в., стоявшей там же вблизи и обращенной теми же новоафонскими монахами «в гостиницу для почетных гостей»¹¹³².

Есть основание предполагать, что часть древнейшей абазгской крепости Апсары на р. Псырдзха была поглощена морскими волнами. По сведениям полковника **Введенского**,

---

центре современной Абхазии. По **И.Н.**, крепость Апсар, основанная, по преданию, в III в. Траяном, находилась на горе, а Анакопия – у древнего храма Симона Кананита, на берегу р. Псырдзхи // **И. Н.** Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. – М. 1898, с. 200. Возможно, здесь мы имеем дело с нередким в топонимике повторением одного и того же названия, перенесением его для обозначения другой местности или объекта. Известно, например, что Апсаром (Абсаром) называлась некогда и р. Чорохи, а у абазин существовала еще до недавнего времени и старинная фамильная группа Апсаров (**А8сараа9**, вероятно выселенцев этой местности).

¹¹²⁷ **Дюбуа Фр.** Путешествие вокруг Кавказа. – Сухуми. 1937, с. 129.

¹¹²⁸ **Уварова П.С.** Кавказ (Абхазия...) // МАК. IV, 1894, с. 30.

¹¹²⁹ «Русский монастырь св. великомученика и целителя **Пантелеймона** на святой горе Афонской». – М. 1886, с. 191.

¹¹³⁰ И в наше время некоторые старые абхазы этого района, гору с крепостью называют не Иверской и не Анакопийской, а словом **Апсара**.

¹¹³¹ **И. Н.** Абхазия и в ней Новой-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. – М. 1898, с. 200.

¹¹³² **Там же.** с. 203.

сообщает **Н. А. Владимиров**, в Новом Афоне «у моря есть развалины стен, следы которых видны уходящими от берега далеко в море»¹¹³³, а по рассказам старожилов в 30-х гг. после сильного шторма у берега обнажилась часть белой мраморной лестницы, уходящей в море. О сорока колоннах, на дне моря у побережья писал и **Вахушти**.

З. В. Анчабадзе считал, что «Анакопия – это именно тот пункт, который **Прокопий** в VI веке назвал «Трахеей»,¹¹³⁴ а **М. М. Гунба**, посвятивший отдельную статью локализации Трахеи, также пришел к выводу, что «крепость Трахея **Прокопия Кесарийского** соответствует крепости Анакопии **Джуаншера** и «Матианэ Картлиса» и находилась на вершине Иверской горы в Новом Афоне».¹¹³⁵

Прокопиевская Трахея, однако, находилась, по всей видимости, не на вершине горы, оборонительные сооружения которой в целом относятся к более позднему времени, а у ее подножия, в непосредственной близости от берега. Недаром сам **Прокопий** недвусмысленно подчеркивает, что «Трахея подходит к берегу», что «у подножия этой горы абазги выстроили очень сильное укрепление...». Таким образом, в начале именно на побережье абазги, еще в древности (а не в его, **Прокопия**, время), построили свою крепость, продолжение которой шло по горе. Потом, видимо, она не раз разрушалась, перестраивалась и перемещалась, удаляясь, очевидно, подальше от досягаемости морских волн и действий вражеского морского флота.

Анакопийская цитадель, расположенная на самой вершине горы, датируется, как принято считать, IV – VI вв. Однако, если даже эта датировка соответствует действительности, то все равно отождествлению цитадели Анакопийской крепости, прокопиевской Трахее противоречит, кроме всего прочего, ясное указание того же источника о том, что Трахея, в отличие от цитадели, занимала большую площадь. **Прокопий** пишет, что византийцы наступали на Трахею «с двух сторон», а место расположения цитадели исключает возможность ее штурма одновременно с двух сторон, ибо она доступна только с южной стороны (со стороны моря). **Прокопий** далее указывает, что «дома абазгов были многочисленны, отстояли друг от друга на близком расстоянии и, кроме того, были окружены со всех сторон своего рода стеною». Вот почему «здесь», то есть внутри Трахеи, римляне «оказались перед еще большей трудностью». Ничего подобного – ни многочисленных домов, ни стен вокруг них не было и не могло быть в цитадели по ограниченности ее площади и крутому скату.

Итак, Абазгия защищалась с двух сторон – с северо-запада и с юго-востока. Гагрская твердыня должна была обезопасить край от нашествия орд с северо-запада, а Трахейско-Анакопийская – от вражеских вторжений с юга-востока. Оба этих пункта и, особенно, Пицунда одновременно являлись также и религиозными центрами. Но Анакопия, владению которой такое большое значение придавали Византия и Персия, постепенно становилась общим политическим центром не только Абазгии, но и всей Абхазии, а на некоторое время даже всего Абхазского царства, а затем западной его части.

Мы подходим к кульминационной точке к «попытке абазгов отпасть»¹¹³⁶ от Византии. Но прежде, чем перейти к описанию хода битвы, следует определить поле боевых действий. Допустим, что афонская локализация Трахеи соответствует действительности. Но где в точности находилась крепость абазгов, у стен которой разыгрался главный акт кровавой драмы защитников родины?

Обратимся опять к **Прокопию** и повторим его. «У подножия (выделено мной – Ш.И.) описанной выше горы, тянущейся вплоть до самого моря, – пишет **Прокопий**, – еще в древности абазги выстроили очень сильное укрепление, по величине наиболее

¹¹³³ **Владимиров Н. А.** Древности Черноморского побережья Кавказа. – СПб. 1900, с. 16.

¹¹³⁴ **Анчабадзе З. В.** Из истории средневековой Абхазии. с. 9.

¹¹³⁵ **Гунба М. М.** К вопросу о локализации крепости Трахеи //Труды АБИЯЛИ.Том XXXIII – XXXIV. – Сухуми. 1963, с. 167.

¹¹³⁶ **Прокопий из Кесарии.** Указ. соч. с. 402.

значительное. Здесь им всегда удавалось отражать нападение врагов, которые ни в коем случае не могут преодолеть неприступность этого места»¹¹³⁷.

В этой цитате мы должны обратить внимание на ряд моментов. **Во-первых**, согласно **Прокопию**, Трахейская крепость являлась древнейшим и сильнейшим укреплением с мощными стенами и воротами; **во-вторых**, у стен этой твердыни еще задолго до Трахейской войны абазгам «всегда удавалось отражать нападение врагов»; **в-третьих**, крепость начиналась непосредственно у морского побережья, что вытекает также из того, что византийская морская пехота, обогнув, как видно на судах приморскую стену и зайдя в тыл ее защитников, высадилась на берег и тут же пошла на штурм укрепления, двигаясь по берегу уже с северо-западной стороны, а остальные оставшиеся части отрядов византийцев, продолжали свое наступление с юго-востока. Именно то обстоятельство, что Трахея стояла у самого моря, помешало византийскому военачальнику **Иоанну** просто пройти по берегу с отрядом и зайти в тыл трахейцев, не прибегая к сложной операции – погрузке и выгрузке морской пехоты на виду у неприятеля, ибо, как сказано у **Прокопия**, «Трахея подходит к берегу» (выделено мной – Ш.И.)¹¹³⁸.

Итак, Трахейская крепость абазгов, видимо, находилась в центральной части современного курорта Новый Афон, непосредственно у морского побережья, вероятно против нынешней причальной пристани, где видны еще остатки поздней крепостной стены, составляющей часть основания жилого дома у самого шоссе Сухум – Гагра. И эта стена, вполне возможно, сложена из камней Трахеи, разрушенной византийцами до основания (большие стены на берегу были разобраны монахами).

По приказанию императора **Юстиниана**, византийский полководец **Бесс** был отозван из Италии и назначен начальником византийских войск в Армении, а оттуда был послан в Лазику, чтобы стать во главе римских отрядов, расквартированных в ней, где уже находились еще два видных византийских военачальника – **Иоанн** и **Улигаг**. Это было то время когда, выбрав себе вновь двух «царей», абазги решились на полное отпадение от всякой зависимости но, «боясь силы римлян, в полной тайне перешли на сторону персов». Когда это стало известно Юстиниану, «он велел **Бессу** послать против них **значительное войско**» (выделено мной – Ш. И.).¹¹³⁹ Бесс отобрал из римского войска очень многих¹¹⁴⁰ и под командованием **Улигага** и **Иоанна** отправил на кораблях из Лазики в область абазгов. В это время западно-абазгский царь **Скепарна**, вызванный **Хосроем I Ануширваном**, находился в Персии, и борьбу абазгов возглавил другой, восточный абхазский «царь» – **Опсит**. Последний, «узнав о походе римлян, собрал всех абасгов и со всем рвением стал готовиться к войне с ними»¹¹⁴¹.

И вот, как было сказано, византийское войско «пристало к берегу между пределами абасгов и апсиливцев». Отсюда, «высадив воинов на сушу, **Иоанн** и **Улигаг** двинулись пешим строем» в сторону Трахеи, «а моряки на легких судах всем флотом следовали за войском вдоль берега. Когда же они подошли очень близко к Трахее и увидели над собой вооруженных и в боевом порядке абасгов», стоявших вдоль всего обрыва над единственной узкой тропой, они остановились в недоумении. Чтобы выйти из этого «бедственного положения», **Иоанн**, оставив тут **Улигага** с половиной войска, сам с остальными воинами вновь сел на корабли. На веслах они обогнули место, где Трахея видимо вплотную подходила к морю, а стена видимо шла вдоль кромки моря «тем самым оказались в тылу» у защитников крепости, которую пошли штурмовать с «поднятыми знаменами»¹¹⁴². Преследуя вышедших из крепости абазгов с двух сторон (с двух сторон,

---

¹¹³⁷ Там же. с. 401.

¹¹³⁸ Там же.

¹¹³⁹ Там же. с. 400.

¹¹⁴⁰ Там же.

¹¹⁴¹ Там же. с. 401.

¹¹⁴² Там же.

как видно крепость имела и ворота), римляне захватили очень многих из них, а с северо-запада вместе с бегущими они бегом дошли до их укрепления и нашли ворота еще открытыми. Сторожа не решались закрыть ворота, принимая еще своих, убегавших сюда. И вот, преследующие, смешавшись с бегущими, ворвались в ворота... Таким образом, абасги, с радостью почувствовавшие себя внутри своих стен, оказались взятыми в плен вместе со своим укреплением. Но и римляне, полагавшие, что они победили врагов, оказались здесь перед еще большей трудностью. Так как дома абасгов были многочисленны, отстояли друг от друга на близком расстоянии и, кроме того, были окружены со всех сторон своего рода стеною, то абасги, взойдя на них, защищались изо всех сил, поражая врагов в голову... пока римляне не додумались поджечь дома. И вот, подложив огонь со всех сторон, они, наконец, одержали победу. Правитель абасгов **Опсит** с небольшим отрядом сумел бежать и удалился к жившим поблизости гуннам, в пределы Кавказского хребта. Остальным досталось на долю или вместе с горевшими домами обратиться в пепел, или попасть в руки неприятеля. Римляне взяли в плен жен начальников со всем их потомством; стены укрепления они разрушили до основания и всю страну опустошили жестоко. Так окончилась попытка абасгов отпасть».¹¹⁴³

Жестокое поражение, понесенное абазгами, несмотря на их отчаянное сопротивление и мужество, объясняется, по-видимому, не столько превосходством византийского военного искусства, сколько численным перевесом врага и как видно отсутствием в то время у трахейцев военно-морского флота, который мог бы преградить путь вражеским кораблям, зашедшим в тыл защитников крепости. Не будь бы этого «второго фронта» с тыльной стороны Трахеи, победа абазгов, по всей вероятности, была бы обеспечена.¹¹⁴⁴ Сам **Прокопий** подчеркивает, что «**Иоанн**, глубоко поразмыслив, нашел средство выйти из этого бедственного положения» только тем, что, посадив половину войска на корабли, он обогнул Трахею и тем самым неожиданно оказался в тылу у ее защитников.

4. О некоторых чертах социально-экономической и культурно-политической жизни абазгов

а) Анакопия – столица абазгов

Позднеантичное и раннесредневековое время является одним из важнейших периодов в истории Абхазии. Это было время образования крупных племенных союзов, главнейшими из которых были апсилы на юге и абазги на севере страны, вызревания и укрепления феодальных отношений, постепенного формирования единой абхазской народности, создания и расцвета большого и сильного по тому времени Абхазского царства, период непрерывной борьбы с вражескими нашествиями за свободу и независимость своих земель.

В этих условиях, естественно, большое развитие получает строительство оборонительных сооружений. На относительно ограниченной территории, за сравнительно короткий промежуток времени были возведены десятки малых и больших фортификационных объектов – крепостей, башен, замков, крепостных стен и т. д., свидетельствующих о развивающихся феодальных отношениях.

В Абазгии с прилегающими территориями до сих пор сохранились остатки ряда мощных каменных оборонительных сооружений того времени. Они строились как римлянами и византийцами для закрепления своего владычества в крае, так и местными

¹¹⁴³ **Прокопий из Кесарии**. Указ.соч. с. 402.

¹¹⁴⁴ Как это, вообще говоря, бывало не раз. Например, в IX в. при **Феофиле** и сыне его **Михаиле** «византийские армии трижды терпят от абазгов жестокие поражения» (**В. В. Латышев**. К истории христианства на Кавказе. СПб. 1911, с. 180).

феодалами и правителями для защиты от бесконечных набегов и вторжений из-за гор и со стороны моря. Ограничимся здесь перечнем некоторых из них: Первая и Вторая Бжилвинские крепости (около рубежа нашей эры), крепость Абаарук в сел. Анхуа того же примерно времени, Анакопийский комплекс (IV-VII вв.), позднеантичные крепости в Хашупсе (в устье реки Лапста, у поселка Ачмарда), крепость в Старой Гагре (называемая абхазами Абааҭа), башня и остатки стен на берегу озера Инкит, крепость Хасант-Абаа¹¹⁴⁵ в труднодоступном ущелье левобережья р. Бзыбь (на расстоянии около 15 км. от берега моря), крепость – Уаз-Абаа с трехэтажной башней у выхода из Гумистинского ущелья и многие другие.

Самым выдающимся раннесредневековым оборонительным сооружением Абазгии является крепость Анакопия, расположенная в ее юго-восточной части.

Современная Анакопия находится на конусообразной горе (345 м.), у Нового Афона. Согласно некоторым неподтвержденным сведениям, первоначально называлась Накопсией. Называлась и Апсарой (**Аҧсара**), очевидно, по древнему названию горы и омывающей ее речки Псырдзха (**П̄сырзха**).

Ныне Анакопия включает нагорную цитадель, сравнительно небольшое укрепление и крепостную стену. Цитадель, основанная, по-видимому, еще в IV–V вв. на вершине Апсарской горы (названной монахами почему-то не Апсарской и не Анакопийской, а Иверской), возможно первое сооружение в системе анакопийского комплекса. Храм внутри цитадели, воздвигнутый на месте языческого святилища, датируется VI–VII вв. Примыкающая к храму цистерна для воды построена, вероятно, одновременно с цитаделью, а видная издали высокая четырехэтажная восточная башня – в более поздний период. К стене цитадели монахами Новоафонского монастыря, основанного в конце XIX в., пристроены новые сооружения из строительных материалов древних развалин.

В VI – VIII вв. крепостные сооружения цитадели были усилены второй линией обороны. Ее основная часть проходит посреди южного склона горы, откуда можно было ожидать нападение неприятеля. В XI–XII вв., Анакопийская крепость подверглась капитальной реставрации. Вторая линия представляет собой мощную каменную крепостную стену с башнями, построенную с максимальным учетом условий местности. Западный участок линии, проходящий по узкому гребню, соединяет юго-западную угловую башню у главных ворот с цитаделью. Ввиду труднодоступности местности, на этом участке нет башен, а стена, остатки которой заметны в ряде мест, также не отличалась своими размерами. Более сильные укрепления были возведены на восточном участке, потому что здесь нет такого отвесного обрыва. Эта стена также соединяется с цитаделью с восточной стороны.

Самая же мощная стена была построена с юга, высота ее достигает 5 – 10 метров, толщина – до 1,5 м., а общая протяженность участка 600 метров. Здесь сосредоточены семь боевых башен, самая мощная из которых возвышается у главного входа. Эта привратная башня «донжон», как и соседние, представляет собой круглое в плане, недоступное для тарана мощное сооружение, воздвигнутое непосредственно на скале¹¹⁴⁶. В основном все башни трехъярусные. По мере удаления от угла они становятся сравнительно менее значительными; меняются они и в плане – делаются четырехугольными, поставленными частично на грунте. Расстояние между башнями до 100 м.¹¹⁴⁷

¹¹⁴⁵Название Хасант (Щасан09, на мой взгляд, представляет собой лишь позднейшее, под влиянием ислама, видоизменение древнеабхазского топонима Азантха (Азан0ща9, встречающегося и в других местах Абхазии, например, в Эшерах и в верховьях р. Кодор, а «абаа» – означает крепость, укрепление, башня, замок, стены.

¹¹⁴⁶**Леквинадзе В. А.** По поводу Анакопийской крепости. // «Моамбе» (Вестник Госмузея Грузии). Том XXV – В. 1968, с. 89 – 104.

¹¹⁴⁷Раскопки Анакопии, проведенные в 1958 году под руководством **М. М. Трапш**, выявили значительное количество археологических материалов помогающих осветить историю крепости и края в целом. (**Трапш М. М.** Археологические раскопки в Анакопии в 1957 – 1958 гг. // «Византийский временник». Том XIX.

Большие крепостные сооружения, подобные Анакопийским, представляют собой результат деятельности сравнительно крупных государственных образований дофеодального или раннефеодального периода. В эпоху же зрелого феодализма появляются отдельные замки разрозненных владетельных князей и феодалов. Археологический материал свидетельствует о наличии в Анакопии поселения в античную и даже неолитическую эпоху. Что же касается крепости, то разные ее части строились в разное время – нагорная цитадель раньше (возможно, с IV в.), вторая линия обороны – позже, а в целом весь комплекс в пределах второй половины первого тысячелетия н. э.

По мнению некоторых авторов, в архитектуре и способе строительства Анакопийских сооружений мало местного элемента (впрочем, точно так же обстоит дело и с синхронными лазскими памятниками VI – VII вв.). Возможно, что Анакопия была построена самими абазгами при содействии Византии для обороны от нашествий иноземцев, двигавшихся с севера на Малую Азию вдоль абхазского побережья. В этом, надо думать, в основном выражалось участие местных племен в военно-оборонительных мероприятиях империи¹¹⁴⁸, если не считать, видимо, относительно небольших контингентов войск, нерегулярно поставлявшихся ими Византии.

Таким образом, Анакопия становится известной уже в первые века нашей эры. В V в. – это резиденция епископа, а с VII в. – столица Абазгского княжества (для абхазов это было царство, во главе с известной истории династией абхазских царей Аносидов). В древнегрузинской летописи она фигурирует как «главная крепость Абхазии». В 738 г. Анакопия, в которой укрепились абхазские военные силы (2 тысячи воинов) и грузинские правители **Арчил** и **Мир** (с 1 тысячей приближенных), была осаждена арабским войском во главе с **Мерваном Глухим**. Однако, вследствие упорного сопротивления защитников крепости, и главным образом страшной эпидемии, охватившей все войска противника и даже их коней, овладеть Анакопией арабам не удалось.

К этому периоду относится значительная часть крепостных сооружений на Апсарской (с конца XIX в. называемой Иверской) горе. В частности, VII–VIII веками датируется нижняя кладка крупнейшей угловой привратной башни, которая была началом второй линии обороны. Внутри крепости сохранились развалины церкви, где, по сообщению грузинского летописца, хранилась икона «божьей матери». Впоследствии и эта икона у русских монахов во второй половине XIX в. получила название не Абхазской, а «Иверской (Грузинской) Божьей Матери», откуда произошло и одно из современных

1961, с. 260 – 282). Однако до сих пор не все материалы опубликованы. Здесь найдены многочисленные черепки от местной и отчасти привозной гончарной продукции: мелкой столовой и крупной тарной, кухонной и прочей посуды (кувшины, амфоры, пифосы, чашки, горшки, миски и др.), кровельной черепицы и кирпичей, железные предметы (цалды с длинным загигающим острым концом, шило, гвозди, ножи, ромбический дротик, наконечники стрел), орудия из камня (шлифованный каменный топорик, пряслица со следами сверления, в том числе одно глиняное грузило из гальки, круглые метательные пращевые ядра, жернова ручной мельницы, массивная ступа для очистки зерна объемом около 3000 куб. см), стеклянные сосудики, костяные изделия (пряслице?), бронзовые монеты, колечко, цепочки, пластиночка с ушком, медное кольцо и др. По характеру керамики нижний слой в общем резко отличается от предыдущих. Все находки очень фрагментированы (ручки сосудов, закраины, доньшки, крышки, стенки, черепица и кирпичи, а также каменные орудия и разбитые кости). Большинство ранних керамических изделий является привозным, в том числе фрагменты импортных чернолаковых сосудов раннеантичного времени. Вместе с тем, там найдена миниатюрная глиняная головка барана со спирально завитыми большими рогами от сосуда характерного для, так называемой, цебельдинской культуры. К наиболее интересным находкам относятся две бронзовые монеты диаметром 18 и 35 мм, найденные на глубине 2,56 и 2,67 м. На обеих монетах имелись надписи, одна из них сохранилась плохо, а другая содержала четыре строки на греческом языке: «**Иисус Христос** – царь царей» (?) Найдена и серебряная монета **Георгия II (Капанадзе Д. Г.** Неизвестный вариант грузинской монеты XI в. // Труды АБИЯЛИ. Вып. XXX. – Сухуми. 1959, с. 104.

¹¹⁴⁸См. **Леквинадзе В.А.** Понтийский Лимес // ВДИ. 1969, № 2.

названий горы – Иверская¹¹⁴⁹ (теми же староафонскими монахами Псырдзха была переименована в Новый Афон).

После образования в VIII в. Абхазского царства Анакопия становится единственной столицей государства до основания второй столицы в Кутаиси. Но и потом Анакопия продолжала играть важную роль не только приморского порта, но и крупного экономического и политического центра западной части Абхазского царства¹¹⁵⁰. В XI в. (1032 – 1073 гг.) Анакопией владели византийцы. К этому времени относится ряд эпиграфических памятников на греческом языке, обнаруженных на ее развалинах. Цари абхазского царства (в частности, Баграт IV) неоднократно предпринимали попытки вернуть ее. О Георгии II грузинский летописец сообщает, что он «отнял у греков Анакопию, главную крепость Абхазии, и много других крепостей», по-видимому находившихся на подвластных ей территориях к северо-западу от нее. В XII – XIII вв. были, как можно предполагать, реконструированы и укреплены сооружения анакопийской крепости, а жилые дома анакопийцев и другие городские строения простирались от ее стен вплоть до морского берега.

В период распада абхазо-грузинского царства экономическое и политическое значение Анакопии постепенно падает. В XVIII в. **Вахушти** отмечал, что Анакопия, которая ранее представляла собой «город благоустроенный и прекрасный, построенный (царями) **Багратионами**, теперь запущен». На карте, составленной им, развалины Анакопии отмечены как место, покинутое населением, что, однако, полностью противоречит показаниям очевидца **Я. Рейнеггса**.

У местного населения Анакопия до сих пор овеяна легендарной славой. Историческая память народа сохранила, правда смутные воспоминания о событиях, разыгрывавшихся у ее стен в давно минувшие времена. Одно абхазское предание записано мною не так давно со слов сказителя **Катаны Таркил** из села Анхуа, близ Афона. Согласно этому преданию, на горе Апсара жил некогда крупный владетель. К нему прибыла однажды «из Турции» какая-то важная женщина. Она призналась ему, что ей здесь очень понравилось, и что она желала бы приехать к нему на постоянное жительство, если только хозяин не возражает. Хозяин дал согласие. Вскоре она выехала «в Турцию». Через некоторое время вернулась обратно на большом корабле с большим количеством огромных забитых ящиков, наполненных вооруженными солдатами – по 7 человек в каждом. По ее просьбе, ничего не подозревавший анакопийский владетель, велел своим подчиненным внести весь этот багаж в крепость. Оказавшись внутри, солдаты неожиданно выскочили из ящиков, напали на гарнизон, уничтожили его и захватили всю крепость.

В этом предании сохранились какие-то отзвуки сложной и до конца неразгаданной еще истории Анакопии. В предании же, записанном мною в 1951 году у другого анухвинского сказителя, 84-летнего **Кансоу Таркил**, рассказывается об ином событии: когда-то в очень давние времена персы (ацхам)¹¹⁵¹ пошли войной на грузин и армян, и многочисленный враг стал их уничтожать. Тогда грузины и армяне обратились к абхазам

---

¹¹⁴⁹Известны и другие памятники, названные по иконе: например, в честь иконы **Спасителя** из юго-западного грузинского монастыря **Анчи** (ср. с абх. **Анцва**) была построена тбилисская **Анчисхатская церковь**.

¹¹⁵⁰В 1032 году Анакопия оказалась центром крупного заговора, направленного против центральной царской власти в лице **Баграта** и его матери, царицы **Мариам**, старшей жены **Георгия I**. В Анакопии же, назначенной в наследство Дмитрию его отцом царем Георгием находились как сам царевич **Дмитрий**, так и его мать – младшая жена царя **Георгия I** – осетинская царевна **Алда**. Однако, феодалы, как видно абхазские, сплотившиеся вокруг Дмитрия, потерпели поражение. Дмитрий бежал в Византию, а **Алда** – в Осетию, Анакопия же была надолго занята византийцами. Баграт IV в 1046 приступил к осаде города, но был вызван для занятия Тифлиса (умер эмир **Джафар**) и оставил для продолжения осады «абхазские войска» во главе с **Квабулели Отаго Чачасдзе**. Это первое упоминание абхазского владетельского княжеского рода **Чачба**.

¹¹⁵¹Возможно, в действительности имеются в виду не обязательно персы (иранцы), а, может быть, арабы.

с просьбой о помощи. «Нас мало, – сообщали они, – враг погубит всех, не могли бы вы нас поддержать». Идя им навстречу, царь абхазов собрал большое конное войско и послал его им на помощь и тем самым спас от поражения.

Так или иначе, память народа донесла до нас сведения о важнейшем значении Анакопии и о тех кровавых событиях, которые неоднократно разыгрывались вокруг нее в продолжение всей средневековой истории Абхазии. К сожалению, несомненно, множество исторических преданий кануло в Лету.

б. Об абазго-византийских связях

Взаимоотношения с Византией составляют одну из важнейших страниц социально-экономической и культурно-политической истории средневековых абхазов. Эти взаимоотношения были длительными и весьма интенсивными, охватывая самые различные стороны жизни почти всех слоев абхазского общества – от крестьянских общин до вассальных и независимых князей. В течение второй половины VI и в VII веке абазги находились в непосредственной вассальной зависимости от Византии, в то время как апсилы с мисимиянами, как считают, входили на вассальных началах в состав Лазики (чисто номинально), а через нее и в Византию.

Вассальные феодалы получали от византийских императоров субсидии, почетные титулы и придворные звания, а сами вассалы, сверх поставок военных контингентов, должны были оказывать императору все положенные почести (внешним выражением вассальной зависимости от империи было, в частности, соблюдение сложного византийского придворного этикета). Представители абазгов, как видно, занимали при дворе и важные должности. Так, евнух Ефрат, абазг по происхождению, обладатель огромного состояния, занимал чрезвычайно важное место в государстве, являясь «препозитом (т.е. начальником) дворцовых евнухов», исполняя при этом должность «препозита священной спальни», фактически ведая всеми финансами. Таким образом, по рангу он был равен самым высшим должностным лицам империи¹¹⁵². Должно быть именно он был инициатором открытия в Константинополе школы, специально предназначавшейся для абазгских мальчиков, где их обучали грамоте и разным наукам. Вполне вероятно, что эту идею подал Юстиниану Ефрат, сам привезший затем в столицу империи детей, а среди них и своего племянника. Об этом событии сообщает в своей «Церковной истории» Евагрий Схоластик. Сколько лет просуществовала эта школа, к сожалению неизвестно.

Что касается более позднего времени, то, как видно, абхазские правители пользовались в значительной степени суверенитетом в своей внешней и внутренней политике. Согласно «Дивану» **Баграта**, взятом без сомнения, из «**Летописи Абхазии**» и сведениям «**Картлис Цховреба**», это были цари, о чем свидетельствуют, например, свинцовые печати, привешивавшиеся к документам. В связи с этим особый интерес представляет найденная в Пицунде вислая печать (моливдовул) рубежа VII–VIII вв. с греческой надписью: «**Константин Абазгский**»¹¹⁵³. «Так мог именоваться только достаточно суверенный владетель, пользовавшийся правом скреплять свои акты и послания вислыми печатями, на которых было высечено его собственное имя»¹¹⁵⁴. Вторая царская свинцовая печать, с надписью арабской вязью, явно относящаяся ко времени

¹¹⁵² **Прокопий из Кесарии**. Тайная история (XXIX)./ Перевод С.П.Кондратьева // ВДИ. 1939, № 4 (5), с. 350 и др.

¹¹⁵³ «Георгика».Том 1, ч. II, с. 292 (на груз.яз.).

¹¹⁵⁴ **Леквинадзе В.А.** Вислая печать **Константина Абазгского** // «Мацне» (Сообщения АН Грузинской ССР). Том XVI, 5. – Тбилиси. 1955, с. 404.

арабского присутствия в Абхазии, находится в частной коллекции в Турции. Позднее правители Абхазии получали от византийского императора золотую буллу (кольцо с изображением императора) весом в 2 солида, а официальное обращение к царю, согласно автору X века **К. Багрянородному**, гласило: «Христолюбивому, божьей милостью блистательному эксусиасту (владельцу) Абасгии», хотя в письме **Николая Мистика** говорится об их «**царском достоинстве**». Фактически это был акт, символизировавший, о якобы имевшей место, политической зависимости страны от Византийской империи.

Как видно, не только абхазские правители, но и духовные лица, и вельможи, следуя византийским обычаям, заказывали для себя и по своему вкусу печати для скрепления официальных бумаг, о чем говорят и другие экземпляры печатей из Анакопии, Пицунды и других мест.

В известном корпусе **Шлюмбергера**, как и в другой соответствующей научной литературе, полной аналогии печати **Константина** не встречено. Следовательно, пицундская печать **Константина**, исследованная **В. А. Леквинадзе**, местного, абхазского происхождения не столько, может быть, в том смысле, что она не лишена оригинальности по своей форме, сколько в том, что принадлежала **Константину**, отражая его суверенные prerogatives, то есть исключительные права и преимущества, связанные с занимаемым положением.

В самой Византии, как известно, пользование подобными печатями было широко распространено среди самых высокопоставленных должностных лиц, например, печать **Трибониана**, квестора священных палат, начальника канцелярии и министра юстиции в правительстве **Юстиниана**¹¹⁵⁵, свинцовыми буллами **Иоанна апоэпарха**¹¹⁵⁶, военачальника **Иоанна**¹¹⁵⁷, консула **Павла**¹¹⁵⁸, свинцовой буллой самого **Юстиниана**¹¹⁵⁹ и многих других.

Как сказано, Апсилия была относительно более связана с Лазикой¹¹⁶⁰ да и Мисиминия, как считают, находилась в номинальной от нее зависимости, в то время как Абазгия во времена греко-персидских войн была по существу почти независима¹¹⁶¹. Правда, эта независимость была еще весьма относительной, – она нередко грубо нарушалась со стороны Византии.

По сообщению византийского историка начала IX в. **Феофана Исповедника**, в промежутке где-то между 709 – 711 гг. византийский император **Юстиниан II** отослал своего спафария, будущего императора **Льва III** «в Аланию с деньгами, чтобы поднять аланов против абазгов». В то время, говорится в документе, в Абасгии, Лазике и Иверии господствовали сарацины, то есть арабы, хотя присутствие арабов в Абасгии вызывает некоторые сомнения. В Лазике, оставив деньги на хранение в Фасисе (на р. Риони) и взяв с собой местных жителей, **Лев** прошел в Апсилию. Преодолев Кавказские горы, он прибыл в Аланию. Аланы, принявшие спафария с почестями, а затем по его наущению, «напали на Абасгию и полонили её». Властитель абазгов, явно местного происхождения, выразил аланам – союзникам Византийской империи – резкий протест, требуя через послов немедленной выдачи спафария за большое денежное вознаграждение, дабы не иссякла их «старинная друг к другу любовь». После длительных переговоров аланы, во

---

¹¹⁵⁵ Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. – СПб. 1908, с. 105 – 106.

¹¹⁵⁶ Там же. с. 57.

¹¹⁵⁷ Там же. с. 184.

¹¹⁵⁸ Там же. с. 125.

¹¹⁵⁹ Там же. с. 9.

¹¹⁶⁰ В свою очередь, лазские цари, как вассалы византийского императора, из рук последнего в середине VI в. получали инсигнии царской власти – корону и другие знаки. Например, Цата – брат Губаза в 553 году был утвержден на престоле Лазского царства и в том же году возвратился в Лазик с большой торжественностью, украшенный короной, с золотой царской нашивкой на одежде, в сапогах под названием «цага» (на языке греческого источника «цангия»), усеянных жемчугами (ср. груз. и абх. а7аяа, что в переводе означает «тонкий») и другие инсигнии царской власти. **Агафий**. Указ.соч. кн. Третья, §15).

¹¹⁶¹ **Ивашенко М. М.** Великая Абхазская стена // Известия АБНО. Вып. IV. – Сухум. 1926, с. 85.

второй раз получив от абазгов много подарков и золото за выдачу спафария, повели последнего к ним через перевал вместе с послами. В пути же тайно напав на абазгов с тыла, аланы убили их. Спрятав спафария, они вновь опустошают Абазгию. В ответ на послание **Юстиниана** с просьбой разрешить спафарию пройти через их земли и с обещанием простить им за это «все их прегрешения», абазги вновь шлют послов в Аланию со словами: «Мы дадим вам в заложники наших детей, вы же выдайте нам спафария с тем, чтобы мы отослали его к **Юстиниану**». Но спафарий, явно не веря этому и не доверяя абазгам, сказал: «Через Абасгию я не пойду».

Спустя некоторое время византийские войска напали на Лазику, но, услышав о появлении арабов, отступили назад. Только немногие – около двухсот человек, – отделились от них и «с грабежами поднялись к областям Апсилии и Кавказских гор!». Спафарий же в мае месяце с 50 аланами на круглых лыжах перешел Кавказский снежный хребет и добрался до византийского отряда, находившегося, по-видимому, уже в Апсилии. Сюда к нему пришел «первый из апсильцев» по имени **Марин**, в сопровождении 300 человек. Спафарий обманным путем овладел с помощью своего отряда местной крепостью, которую **Феофан** называет **Сидероном** и «мощной» (вероятно, это **Тцахар Агафия**). Главой Сидерона был некий **Фарасманий**, находившийся в то время под властью арабов. Через несколько дней, разрушив крепость, **Лев** «спустился в Апсилию с Марином... и с великими почестями был принят апсильцами. Оттуда он спустился к побережью, переправился через море и пришел к **Юстиниану**»¹¹⁶².

При всем том несомненным является тот факт, что Абхазия в целом, а в особенности Абазгия находилась в тесных взаимоотношениях с Византийской империей – торгово-экономических, военно-политических, культурных – вплоть до родственных, династических и прочих отношений.

Так, например, абхазы входили в личную охрану императора Юстиниана I. Значительные абхазские (абазгские) армейские отряды, называемые иногда «союзниками», видимо еще с римских времен, состояли в императорских войсках. Абхазские отряды, из которых один конный, под названием «Первое крыло абазгов» (*Ala prima abasgorum*)¹¹⁶³, составляли, как видно, нередко особые части византийской армии и принимали еще с самого начала IV века активное участие во многих крупных военных операциях, которые приходилось осуществлять Византии. Например, в 571 г. в Армении во время византийско-иранской войны, в составе византийских войск находились и абхазские части. Воинские соединения из Абхазии в 20-е годы VII в. принимали активное участие и в восточных походах императора **Ираклия**, который будучи кавказцем (армянином) прекрасно знал их воинственность. Касаясь неповиновения союзников византийскому императору, который в 622 году совершил поход против Ирана, **Феофан Исповедник** писал: «... Но армия не поддержала его в этом, особенно не согласились **его союзники из лазов и абазгов**» и «вернулись на родину»¹¹⁶⁴. Весьма показательно, что союзники, в том числе абазгские, могли позволить себе не соглашаться с действиями императора и даже возвращаться по своему усмотрению на родину. Поставляли эти контингенты императорам местные абхазские правители и феодалы.

Вооружение и внешний облик абхазских войсковых соединений часто ничем особенным не отличались от византийских. Так, перед вторжением арабов абхазское войско было перевооружено по византийскому образцу в сплошные латы, в то время как другие кавказские народы носили кольчужные доспехи. По словам летописца Иоанна Драсханакертского, на это войско все «кругом смотрели со страхом и трепетом».

Абхазы нередко принимали непосредственное активное участие в ожесточенных закулисных и открытых политических схватках, которые так часто сотрясали стены византийского двора. Так, говоря об участии сторонников еретического движения

¹¹⁶² **Феофан**. Хронография. // **Чичуров И. С.** Византийские исторические сочинения. – М. 1980, с. 65 – 67.

¹¹⁶³ «Георгика». Том I. – Тбилиси. 1961, с. 171, 172.

¹¹⁶⁴ «Георгика». Том V. – Тбилиси. 1963, с. 24; См. и **Чичуров И. С.** Указ. соч. с. 58.

павликиан в крупнейшем народном восстании в Византии IX века под руководством **Фомы Славянина**, объявившего себя императором и осадившего Константинополь (821 – 823 гг.), византийский историк, армянин Иосиф Генесий пишет, что **Фома «заключил союз с агарянами, индами, египтянами, ассирийцами, мидянами, абасгами (выделено мной – Ш.И.), зехами¹¹⁶⁵, иберами¹¹⁶⁶, кабирами, славянами, гуннами, вандалами, готами и теми, кто разделял позорное заблуждение Ману, лазами»¹¹⁶⁷.**

Это сообщение находит свое подтверждение и в официальном письме византийского императора **Михаила II** (820 – 829 гг.) франкскому императору, сыну **Карла Великого Людовика Благочестивому**, где также среди главнейших сторонников Фомы, – наряду с арабами, персами, иберами, армянами – названы опять-таки абазги¹¹⁶⁸.

В этой связи можно привести два примера почти одновременного упоминания «абазгов» и «Абазгии» – одно из них 1118 года.

Согласно сообщениям византийской принцессы **Анны Комниной**, автора мемуаров, в основном об отце – «**Алексиаде**»¹¹⁶⁹, а также других византийских писателей, главным образом, **Зонары** и **Никиты Хониата**, в первой четверти XII в., к концу царствования отца **Анны** – **Алексея I Комнина** (1081-1118 гг.) в Византии разгорелась отчаянная борьба за верховную власть в стране. При дворе действовали в это время две непримиримые партии: императрицы **Ирины**, стремившейся передать власть дочери **Анне** и партия **кесареви́ча Иоанна**, которому помогал брат **Исаак**. Решающая схватка разыгралась в покоях умирающего **Алексея I**. Враждующие стороны буквально вырывали друг у друга корону. В этой борьбе определенное участие принимали как-будто и абхазы, как об этом свидетельствуют византийские хроники.

Зонара и **Никита Хониат** сообщают о том, что происходило 15 августа указанного года при византийском дворе в связи с вопросом наследования власти **Алексея**: «... Сына императора ставят в известность, что его отец испускает дух. Он является в дом, где лежит умирающий, не с целью оплакать отходящего, а с целью лично убедиться в том, что он умирает. Удостоверившись в этом, он сразу же вышел, вскочил на коня и со своей свитой выехал из Манган. Многие ушли вместе с ним. У самой ограды **Манган** его встретили авасги, они были присланы из Авазгии вместе с девушкой, обрученной со старшим сыном кесаря (выделено мной – Ш. И.)¹¹⁷⁰. Увидев его, они подняли крик и преклонили колена...»¹¹⁷¹.

Таким образом, в сложных условиях византийских дворцовых интриг, в накаленной атмосфере непримиримой борьбы за власть, вооруженные «авасги», родственники будущего властелина великой державы, «присланные из Авасгии вместе с девушкой, обрученной со старшим сыном кесаря», оказались, видимо, одной из тех сил, которые в решительный час помогли **Иоанну** взойти на императорский трон¹¹⁷². Не исключено, что среди сторонников **Иоанна** были и другие люди кавказского происхождения, в том числе и такие, которые занимали видные государственные посты в Константинополе.

¹¹⁶⁵ **Зехи/зихи** – название одного из средневековых абхазо-адыгских племен. (ср. абх. «азахъ»).

¹¹⁶⁶ Иберами назывались в то время (восточные) грузины картвелы.

¹¹⁶⁷ **Липшиц Е. Э.** Очерки истории византийского общества и культуры. – М – Л. 1961, с. 154 – 155.

¹¹⁶⁸ **Там же.** с. 218.

¹¹⁶⁹ **Комнина Анна.** Алексиада. – М. 1965, с. 431 и сл.

¹¹⁷⁰ У абхазов еще в XIX в. сохранялись пережитки древнего обычая, согласно которому представители высшего сословия своим дочерям при выходе замуж давали иногда в приданое крепостных крестьян и домашних слуг (анабзы0, агандал).

¹¹⁷¹ **Анна Комнина**. Указ. соч. с.627.

¹¹⁷² **Иоанн II Комнин**, или **Каланоанн**, прозванный так, якобы за душевную красоту, занимал византийский императорский трон свыше 25 лет (1118 – 1143 гг.). Подавив, вспыхнувший сразу же после его воцарения дворцовый заговор, душой которого была сестра **Анна**, он вел успешную борьбу с внешними врагами – **турками-сельджуками**, крестоносцами, печенегам, Венецией, Антиохией, признавшей в 1137 г. свою вассальную зависимость от Византии и др. Жизнь его прошла в непрерывных походах, но умер он от раны, нанесенной ему на охоте отравленной стрелой.

А вот другой пример. В византийском анонимном романе «Дигенис Акритас» (наиболее ранняя рукопись – XIV в.) рассказывается, что среди подарков жениху и невесте находились «12 соколов из Абазгии» и что «по случаю бракосочетания ее (то есть **Анны Комнен – Ш. И.)** старшего сына с дочерью **князя Абазгии**, официальные ораторы отмечали в помпезных эпиталямах качества этого молодого человека, который казался достойным империи и славы своих родителей». Так сказано у Ш.Диля.¹¹⁷³

Здесь и там речь идет, скорее о грузинах, хотя, однако, в источниках далеко не всегда ясно и понятно, кто подразумевается под именем князя Абазгии и именами «абазгов» – собственно грузины или собственно абхазы (см. ниже). **Однако, вряд ли грузинского царя называли бы князем.**

Вообще Константинополь рано стал интернациональным городом (так даже среди императоров шестеро было из армян), с многочисленными национальными колониями. Например, русские жили в Константинополе по крайней мере с X в. (см. договоры Руси с греками)¹¹⁷⁴. Мы имеем основание сказать то же самое и в отношении абхазов. Более того, абхазо-византийские взаимосвязи, в том числе «обмен» населением, начинается гораздо раньше X в. Как видно из сообщения Прокопия Кесарийского и других авторов, византийцы (в частности, воины-акриты)¹¹⁷⁵ давно расселялись среди абазгов в разных пунктах страны, а некоторое количество самих абазгов (евнухов, внутренней стражи дворцов, учащейся молодежи, чиновников, воинских подразделений, моряков и др.), проживало в Константинополе и в других частях империи.

в. Работорговля

Император **Юстиниан I** открыл в Константинополе школу для детей абазгов, чтобы готовить в христианском духе послушные ему кадры «рабов божьих», а в Абхазии построил **храм Богородицы** и назначив к ним священников добился того, чтобы они приняли «христианский образ жизни». Он использовал для этой цели, в частности, и одного из своих самых высокопоставленных евнухов – Ефрата, родом абазга,¹¹⁷⁶ о ком уже писалось выше.

Присутствие абазгских евнухов при дворе «великого самодержца» не было неожиданной случайностью. Абхазские феодалы, и прежде всего цари, превратили свой край в один из основных рынков по поставке красивых невольников и евнухов в Византию. У **Прокопия Кесарийского** прямо сказано, что **большинство евнухов (отличавшихся красотой) у византийцев и, главным образом, в царском дворе, были родом абазги**¹¹⁷⁷. Он же пишет далее о «неслыханных вещах», которые испытывали абазги из-за «корыстолюбия» их царей. Мы вновь сошлемся на его описание, которое частично приводилось и выше. «Дело в том, – рассказывает **Прокопий**, – что оба эти царя замеченных ими красивых и лицом и фигурой мальчиков без малейших угрызений совести отнимали у родителей и, делая евнухами, продавали в римские земли тем, кто хотел купить их за большие деньги. Родителей же этих мальчиков тотчас же убивали для того, чтобы кто-нибудь из них не попытался в будущем отомстить царю за несправедливость по отношению к их детям и чтобы царь не имел в числе своих подданных людей, для него подозрительных. Таким образом, красота их сыновей обрекала их на гибель; эти несчастные погибали, имея несчастье родить детей, обладавших роковой для них смертоносной красотой».¹¹⁷⁸

¹¹⁷³ Диля Ш. Указ.соч. с. 40, 301.

¹¹⁷⁴ Тихомиров М. Н. Средневековая Россия на международных путях (XIV – XV вв.). – М. 1966, с. 85.

¹¹⁷⁵ Диля Ш. Юстиниан... с. 82 и сл.

¹¹⁷⁶ Евнух, надзиравший над гаремом, назывался по-абхазски турецким словом «ауадалыг», в то же время его можно объяснить как «домашний» (досл. комнатный) мужчина (от тур. «ауада» – комната и «алыг» – слабоумный мужчина).

¹¹⁷⁷ Прокопий из Кесарии. Война с готами. / Перевод С. П. Кондратьева. – Москва. 1950, с. 383.

¹¹⁷⁸ Там же. с. 382 – 383.

Прокопий, говоря об абазгах, пожалуй, более всего останавливается на вопросе об евнухах. По его словам, **Юстиниан**, при котором будто-бы «все отношения у абасгов облеклись в более мягкие формы», запретил абазгским правителям «лишать кого-нибудь из этого племени признаков мужского пола, железом насилуя природу», однако умалчивая при этом, что цены на них во время Юстиниана сильно возросли, в связи с увеличивавшимся на них спросом. Абасги, по тому же сообщению, с радостью встретили этот императорский приказ, и «уже решительно воспротивились таким действиям своих властителей. А до этого времени каждый из них боялся, как бы ему не стать отцом красивого сына».¹¹⁷⁹

Евнухи играли важную роль не только в сугубо личной жизни и домашнем быту императоров, византийских вельмож и властителей, но и в осуществлении ими государственной и общественной деятельности, как их ближайшие помощники и советники, и как неременная составная часть многочисленной и помпезной императорской свиты. Евнухи входили в состав свиты императоров особенно во время их торжественных выездов, например, на ипподром **Юстиниан** являлся не иначе, как окруженный, прежде всего евреями, а потом уже другими придворными и высшими сановниками.¹¹⁸⁰ Именно евнухи должны были следить за женами своих хозяев и прислуживать им.

Обычай поручать оскопленным слугам надзор за гаремом, возникший в Малой Азии, получил широкое распространение в ряде стран Ближнего Востока. Еще **Геродот** писал, что на Востоке было в обычае кастрировать пленных. Евнухи упоминаются и в Древней Греции и в Риме, но, как предполагают, сам процесс оскопления их совершался только в странах Ближнего Востока. Широкую известность получило могущество многих евнухов при дворах восточных монархий. Им часто приписывали, возможно не всегда справедливо, скупость, жадность, жестокость, ханжество, интриги. Через своих властителей и их жен евнухи нередко приобретали большое влияние на ход государственных дел. Византия унаследовала их от Востока, а ислам, с дозволенным им многоженством резко увеличил потребность в черных и белых евреях, причем последние, в отличие от первых, совершенно лишались признаков мужского пола.¹¹⁸¹

Среди подобных деятелей в Константинополе – «царственном граде», который византийские ораторы величали «оком и сердцем земли», – не мало было таких, которые мечом и золотом были в свое время оторваны от родных берегов Абхазии. Потому что раб был собственностью, а со своей личной собственностью, называемой на абхазском языке тем же термином, что и раб (по-абхазски атэы) хозяин мог делать все, что хотел.

---

¹¹⁷⁹ Там же. с. 383.

¹¹⁸⁰ Диль Ш. Указ. соч. с. 460.

¹¹⁸¹ Истории известны имена ряда знаменитых евнухов: философ **Фафорин**, полководец **Птолемеев Аристоник**. Едва ли не самым крупным деятелем из евнухов был **Евтропий** – первый министр императора **Аркадия** (395 – 407 гг.). Варвар по происхождению, пленный раб, перепроданный несколько раз, он вошел в доверие к бесхарактерному **Аркадию**, устроил ему брак с дочерью франкского вождя **Евдоксией**, а **Иоанна Златоуста** возвел на Константинопольскую архиепископскую кафедру. Он достиг самых высших должностей, а получив звание патрикия и консула, сделался фактическим правителем всего римского Востока. Однако императрица, враждовавшая с ним, добила, чтобы временщика лишили власти и осудили на казнь. Не помог ему и **Златоуст**. В конце концов, **Евтропия** сослали на о. Кипр, а оттуда – на Халкедон, где по новым обвинениям предали смерти путем отсечения головы. **Нарсес**, ближайший сподвижник **Юстиниана**, талантливый полководец, произведенный императрицей **Феодорой** в генералы, тоже «был евнухом и хранителем императорских сокровищ; вообще человек острого ума и энергичный более, чем это свойственно евреям» (**Прокопий из Кесарии**. Указ. соч. с. 205). Широко известен был и визир **Али** при султане **Сулеймане II**, который пользовался огромным влиянием и т. д.

По вопросу культурно-исторических связей Абхазии, в том числе конкретно территории исторической Абазгии с Византией и вообще с средиземноморским и малоазийским культурным миром, значительный интерес представляют абхазские памятники христианского зодчества. **Юстиниан**, следуя своему правилу: «единое государство, единый закон, единая вера», развернул колоссальное церковное строительство во всех тех зависимых странах, где его государству надо было укреплять свои позиции, в том числе и среди абазгов, которым он уделял большое внимание¹¹⁸³.

Исключительный интерес в этом отношении представляют ранние и разновременные Пицундские христианские памятники. Среди последних особое значение имеет самый ранний пицундский храм с мозаичной вымосткой из камешков семи цветов. Мозаики эти, выполненные в IV–V вв., «свидетельствуют о ближайшем родстве их со средиземноморским искусством»¹¹⁸⁴, конкретно с мозаикой Бир-аль-Кута близ Вифлеема (монастырь **Феодора Тирона**). Историко-художественное сближение Пицунды с Вифлеемом, выходя из рамок общих гипотез, все более становится на вполне реальную почву конкретных связей. Как показали специальные исследования, мозаика пицундской базилики (сохранившиеся ее части) относятся к нескольким строительным периодам. «Настил крещальни и повышенной части мартирия принадлежит ко времени не позднее второй половины IV в. Он характеризуется живым эллинистическим наследием и столь тесной связью с местными народными художественными образами, что **закономерно ставить вопрос о местных предшественниках новооткрытых мозаик...** Нельзя не признать, насколько жизнедеятельны в Пицунде были художественные силы и местные культурные связи»¹¹⁸⁵.

В декоре пицундского мозаичного пола мы находим изображение коровы с телком. Как справедливо подчеркивают **Л. А. Шервашидзе** и **Л. А. Мацулевич** особого внимания заслуживает то, что выбор безымянного художника пал именно на этот сюжет. Надо полагать, что такая акцентация художника является не случайной, не произвольной, а, напротив, она диктовалась естественным и разумным желанием декоратора воспользоваться не любым пришедшим на ум мотивом, а сделать свое произведение как-то близким и понятным тому населению, для которого собственно оно создавалось, связав его с соответствующими местными традициями. Поэтому есть все основания предполагать, что выбор указанного сюжета, «по-видимому, связан с исторической этнографией абхазского народа, с местными верованиями и преданиями, связанными в частности, с культом коровы» и священного бычка от нее пицундского святилища **Лдзаа-ных** (вспомним также божество **Жвабран – Божество коров** и **Илыр-ных** и другие также связанные с почитанием быка и коровы¹¹⁸⁶).

Положение об определенной связи отдельных элементов пицундской мозаики с местными древнеабхазскими традициями подкрепляется и тем, что стилистические особенности рассматриваемого памятника не стоят в одинокой изоляции, а, напротив, находят себе сходные черты еще в некоторых других местных памятниках искусства, например, в цебельдинских барельефах VI в., где эти особенности выражены в еще

¹¹⁸²В 2005 г. вышла фундаментальная работа Иеромонаха Дорофея по истории христианства в Абхазии, в которой на широком историческом фоне, глубоко освещены вопросы, затронутые в данной главе. (**Иеромонах Дорофей (Дбар)**. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. – Новый Афон. 2005.) (Прим. комм.).

¹¹⁸³См. подробнее об этом: **Аджинджал Е. К.** Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе. // ВДИ. 1987, № 3; **Его же**. Из истории христианства Абхазии. – Сухум. 2000. (Прим. комм.)

¹¹⁸⁴**Мацулевич Л. А.** Мозаики Бир-аль-Кута и Пицунды // «Византийский временник». 1961. Том XIX, с. 143.

¹¹⁸⁵**Там же**. с. 140 – 141.

¹¹⁸⁶**Шервашидзе Л. А.** Монументальная средневековая живопись на территории Абхазии. – Тбилиси. 1971, с. 8.

большей степени¹¹⁸⁷. Все это убеждает нас в том, что специфические черты пицундской мозаики, которые отличают ее от синхронных мозаик в других странах, «не являются следствием индивидуальных особенностей, создавших эту мозаику мастеров, но обусловлены местной спецификой искусства и его общим ходом развития»¹¹⁸⁸.

В. А. Леквинадзе, читая надпись мозаики, в своей интересной статье «О древнейшей базилике Питиунта...», находит в ней имя мученика **Орентия**, которому, видимо, и был посвящен храм¹¹⁸⁹, а **Т. С. Каухчишвили – Орела** и видит в нем знатного лаза – ктитора храма (в связи с именем Орел представляет интерес редкое староабхазское мужское имя **Арел**)¹¹⁹⁰.

Ко всему этому следует добавить весьма существенное с точки зрения местного центра мозаичного искусства сообщение «Патерика Киево-Печерской Лавры» о том, что смальту для мозаик в Киевскую Русь доставляли именно обезы, т.е. абхазы¹¹⁹¹. Реальность этого сообщения и вообще длительного развития мозаичного дела в Абхазии подкрепляется и остатками стенной мозаики из смальты разных цветов V – VI вв. в районе Сухумской крепости, найденными в 1959 году¹¹⁹², а также мозаичными фрагментами из неточно датированного средневекового храма у р. Беслетки (за средневековым мостом).

Религиозное состояние абазгов в середине VI в. характеризуется, пожалуй, еще господством языческих верований. «Эти варвары, – пишет **Прокопий Кесарийский** об абазгах, – еще в мое время почитали рощи и деревья. По своей варварской простоте они полагали, что деревья являются богами».¹¹⁹³ Однако такие верования сохранялись до самого последнего времени у многих народов Кавказа и Европы, но почему-то именно здесь им придают особое значение. Хотя христианство в Абхазии впервые начинает распространяться именно на абазгской территории (пицундский епископ **Стратофил** принимал участие уже в I Никейском соборе 325 года), но официальная христианская религия так и не смогла искоренить среди абазгов древние местные воззрения, впрочем, как и везде. Более того, у населения северо-западной и центральной части Абхазии языческие представления оказались наиболее развитыми и живучими. Об этом можно судить и по тем многочисленным языческим божествам и святилищам, пережитки которых до недавнего времени широко были распространены среди абхазов.

Христианство в Абхазии таит в себе немало загадок и проблем. За свою свыше чем полуторатысячелетнюю историю оно пережило здесь периоды расцвета, глубокого упадка, кратковременного возрождения и нового кризиса. Но абхазы никогда от него не отказывались, в том числе и во времена владычества турок, всеми мерами насаждавших в крае исламскую религию.

Антиохийский патриарх **Макарий**, один из известнейших иерархов восточноправославной церкви, прибывший со своей свитой в Грузию в 1664 году, так описывает религиозное состояние абхазов его времени: «Абхазцы, услышав о нашем прибытии..., явились к нам и приняли от нас крещение. Их было двадцать пять человек и между ними два предводителя, которые попросили нас поехать к ним и окрестить всех абхазцев, ибо они жаждут иметь у себя людей, которые бы их окрестили и научили христианской вере. Эти абхазцы составляют в наше время большую нацию и называются Абазами. До недавнего времени все они считались христианами и у них же находился католикосский престол, который теперь находится в Имеретии. Да и до сих пор

---

¹¹⁸⁷ Там же. с. 8 – 9.

¹¹⁸⁸ Там же. с. 9.

¹¹⁸⁹ Леквинадзе В. А. О древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках // ВДИ. 1970, № 2, с. 182 – 189.

¹¹⁹⁰ Каухчишвили Т. С. Греческая надпись Бичвинтской мозаики. // «Великий Питиунт» III. – Тбилиси. 1977, с. 231 – 241.

¹¹⁹¹ Патерик Киево-Печерского монастыря. / Под. ред. Д. И. Абрамовича. – СПб. 1911, с. 8.

¹¹⁹² Шервашидзе Л. А. Указ. соч. с. 10; Изготовление же смальты, то есть цветного непрозрачного стекла, представляет собой, как известно, сложный производственный процесс: сплавлении стекла, олова, сурьмы, мышьяка и минеральных красок для переработки этой стекломассы в кубики, пластинки и прочее.

¹¹⁹³ Прокопий из Кесарии. Указ. соч. с. 382.

еще величественная церковь апостола **Андрея**, через которого они приняли христианство, находится в их стране и весьма почитается ими. В наше время лишь немногие из них умеют перекреститься и делать земные поклоны..., так как у них нет священников и никто вообще о них не заботится и не учит их. В виду этого я посвятил для них нового мокохского (моковского?) епископа, представил его вышеупомянутым представителям абхазского племени и велел ему отправиться к ним для обучения их (христианской вере) и крещения их».

Это описание очевидца свидетельствует не только о печальном положении христианства в Абхазии около середины XVII в. (согласно тому же источнику, ничем особенным оно не отличалось от положения вещей в Мегрелии и других соседних областях)¹¹⁹⁴, но и о том, насколько живучи были еще, несмотря ни на что, многовековые христианские традиции среди абхазского населения, о чем говорит в частности, то, что они сохранили благоговейное отношение ко всем божьим храмам (Пицундскому и др.) и «весьма почитались ими»¹¹⁹⁵. Абхазы «гордятся тем, что когда-то они были христианами». (**Я. Рейнеггс** XVIII в.)

Эти традиции были связаны не только с длительным и многосторонним греко-византийским влиянием, но и с местными исторически сложившимися условиями жизни, культурными познаниями, представлениями, обычаями, культовым строительством и т.п. Однако некоторые авторы например, **З. В. Папаскири** целиком отвергают всякую возможность существования какой бы то ни было местной, «абхазской школы» в области христианского зодчества. Но на этот счет авторитетные специалисты придерживаются другого мнения. Например, **В. А. Кузнецов** считает вполне правомерным говорить об абхазской (в известном, конечно, смысле) церковной архитектуре, имея в виду существенные характерные особенности: главным образом, выступающие наружу полуциркульные или граненные абсиды, наличие нартексов, приделов с трех сторон, почти равные диаметры куполов и высоты барабанов, придающие храмам приземистый вид и некоторые другие характерные черты (**Лео, Пицунда, Симона Кананита, Алахадзы, Бзыбь, Лыхны, Мсыгхуа** и др.), в чем также проявилось восточно-византийское влияние, а кроме того «достаточно высокий уровень и организация местного строительного дела и наличие здесь опытных мастеров»¹¹⁹⁶. При этом указанное восточно-византийское влияние через Абхазию распространялось и на захребетную область¹¹⁹⁷. Об этом также существует немало высказываний, написаны статьи и др. В частности, все согласны с тем, что зеленчукские храмы X в. и Шоанинский храм в верховьях Кубани бесспорно, связаны с Абхазией, которая оказала свое влияние на процессы христианизации Северного Кавказа, в особенности Алании.

Отмечая, что одновременно с Тмутараканью большую роль в распространении христианства у адыгов и, особенно, алан, сыграло Абхазское царство, **Л. И. Лавров** писал: «Верхнекубанские храмы имеют общие архитектурные особенности в первую очередь со средневековыми храмами Абхазии, а не собственно Грузии. На них лежит печать византийского искусства в большей степени, чем на собственно грузинских храмах»¹¹⁹⁸.

---

¹¹⁹⁴ **Иоанн де Галонифонтибус**. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). (Из сочинения «Книга познания мира»). – Баку. 1980, с.19 – 21. Долго прожив среди мегрелов, архиепископ Султании Галонифонтибус писал, что «их вера и все, что их окружает – наихудшие из ересей ...» и, что «хуже их образа жизни нельзя нигде найти...».

¹¹⁹⁵ **Жузе П.** Грузия в 17 столетии по изображению патриарха **Макария**. – Казань. 1905, с. 43.

¹¹⁹⁶ **Кузнецов В. А.** Северный Зеленчукский храм // СА. 1964, № 4; **Его же**. Зодчество феодальной Алании. – Орджоникидзе. 1977, с. 39 – 48, 67 – 73. Большое значение имеют в этом отношении исследования **К. Н. Афанасьева** (см. ниже).

¹¹⁹⁷ Ныне и в Сочи обнаружен еще один подобный крестово-купольный трехнефный храм (Прим. комм.)

¹¹⁹⁸ **Лавров Л. И.** Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. // Исследования и материалы по вопросам первобытных религий. – М. 1959, с. 229, 230.

В том же своем заключении о моей книге, приписывая мне мысль о «чисто абхазской христианской культуре», **З. В. Папаскири** пишет, что «христианская церковь с самого начала была греческой, а потом в течение почти одного тысячелетия только грузинской»¹¹⁹⁹. Во-первых, нигде у меня нет утверждения о существовании какой-то мифической «чисто абхазской христианской культуры», а, напротив, как и многие другие, я пишу не только о византийском, но и о грузинском влиянии на развитие христианской культуры в Абхазии. Во-вторых, ни одна культура, даже в основе своей заимствованная, никогда полностью не повторяет другую, особенно в такой заимствующей стране, которая сама уже достигла значительного культурного уровня, а средневековая Абхазия принадлежит к числу именно таких краев. Об этом свидетельствуют, в частности, ранние храмы Абхазии. Вспомним еще раз слова **Л. А. Мацулевича** в связи с мозаикой, о «местных народных художественных образах». Он пишет: «Нельзя не признать, насколько жизнедеятельны в Пицунде были художественные силы и местные культурные связи».¹²⁰⁰ Такие связи с течением времени развивались и расширялись, а вместе с тем крепла и церковная самостоятельность. Абхазское царство нельзя представить без его идеологической союзницы – Абхазской автокефальной церкви, существовавшей уже с VI – VII вв. и сыгравшей, несомненно, консолидирующую роль.

К местным «жизнедеятельным силам» относится и сложнейшая система оригинального абхазского язычества, продолжавшая оказывать большое влияние на жизнь народа, несмотря на преследования со стороны церковников. У нас нет оснований утверждать, что в абхазской народной религии отразились древние завоевания и межплеменная борьба, как это имело место, например, в древнегреческой религии с ее тремя поколениями богов и борьбой между ними, и что ряд ее божеств был заимствован из верований других народов.

Абхазских богов можно считать в основном автохтонными (включая верховного бога **Анцва** и связанного с ним бога-воителя **Афы**), а эта племенная однородность и оригинальность о многом говорит в отношении этногенеза абхазов и их бесспорной аборигенности, ибо корни культа богов абхазского пантеона восходят к культурному наследию тех древних племен Кавказского побережья Черного моря, которые впоследствии образовали абхазский этнос. Что же касается духовной стороны жизни, то хотя почти каждый христианский храм воздвигнут на костях язычества, но все равно свыше чем полуторатысячелетняя борьба между двумя религиями не привела к окончательной победе ни одной из них.

В связи с этим, мною составлена по возможности полная порайонная таблица языческих святилищ на территории Абхазии – от современного Сочи почти до р. Ингур, причем больше половины из них были еще действующими вплоть до второй половины XIX столетия.

Порайонный список древнеабхазских языческих святилищ (по-абхазски – аныха)

Район Сочи – Гагра (Джигетия, или Садзен):

¹¹⁹⁹ Он вновь все повторил в вышедшей позже работе: **Папаскири З. В.** Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. – Сухум. 2005, с. 64. (Прим. комм.).

¹²⁰⁰ **Мацулевич Л. А.** Указ. соч. с. 140 – 141.

Названия святилищ	Местонахождение
1. Олинуха (Алоу-ныха) (святилище рода Лоу-Лоо)	К северо-западу от Сочи
2. Аублаа рныха (святилище рода Аублаа)	в центре г. Сочи
3. Варха-ных (Գарժа-ных)	в районе Сочи (св. рода Агумаа)
4. Цаных (ошибочное написание: Цанык)	р. и св., на р. Цаных, Цанык, (прав.приток р. Мацесты)
5. Лацунуха, т.е. Лацуныха	в верховьях р. Кудепста
6. Лиашв-ных (Лиашэ-ных)	вблизи Адлера
7. Чыгу-рных	в р-не Гагры (у санатория «Украина»)
8. Ах-ных	в 15 км. с.-з. Гагры
9. Анахомста (Аныха-Դսժա)	между Гребешком и р. Бегерепстой
10. Гагра-инхуу	в Гагре
11. Ахаш-ных (Ахаш-ных)	в районе Алахадзы
12. Лдзаа-ных, Лыдзаа-ных, Анан-Лдзаа-ных, Аныпс-ных-Лдзаа-ных, (Лззаа-ных, Лыззаа-ных, Анана Лззаа-ных, аныԴсных-Лззаа-ных).	с. Лдзаа (в Пицунде)
13. Айтарных (Аиժар-ных)	с. Лдзаа (в Пицунде)

Гудаутский район (Бзыбская Абхазия):

Названия святилищ	Местонахождение
1. Ахуаных	с. Калдахуара
2. Ет-ных и Аг-ных (ЕԾ-ных-Аг-ных)	св. рода Ампар в устье р. Ряпшь (правобережье) юго-восточнее г. Пицунды
3. Хуапшьа-ныха (ХэаԴшьа-ных)	св. рода Абиа в с. Блабырхуа
4. Лап-рных (ЛаԴ-рных)	с. Блабырхуа

5. Аныха (Аныха-тэарта)	На гор. тропе из с. Блабырхуа, у большой пихты
6. Леиаа-рныха	св. рода Лейба в с. Мгудзырхуа
7. Джирху-ных (Цырхэ-ныха)	Св. Джирхвинской общины
8. Ху-ных (Ахэ-ных)	с. Хуап
9. Ебыр-ныха (Ебырныха)	с. Дурипш
10. Лых-ных (Анан Лых-ных ⁹)	св. Лыхненской общины во дворе храма.
11. Мтаргелаз (Мтаргьалаз)	с. Лыхны пос. Аджымчыгра (свящ. вековые дубы) ср. груз. Мтавар ангелози)
12. Гумбаа-рныха	св. рода Гумба в с. Куланурхуа
13. Хбы-ных	Св. рода Ахба в с. Ачандара
14. Дыдрыпш, Дыдрыпш-Аныпс-ных (Дыдрыпш-Аныпс-ных)	с. Ачандара
15. Абгархук (Аббарахыкэ)	с. Абгархук
16. Аац-ных (Акрых-Аацных)	Св. Аацинской общины
17. Аныхамца (Аныхамца)	с. Анхуа
18. Олинуха (Алоуныха)	Бзыбская Абхазия Калдахвара
19. Лваханых (Лваханых) или Чагурханых (Чагэыханыха)	с. Отхара. Прежде пребывало в местности Хышхва (Хышха) за Гагрой, теперь поклоняются Отхарские крестьяне Нанба
20. Аныхамца (Аныхамца)	Н. Афон (рядом с пещерой)

Сухумский район:

Названия святилищ	Местонахождение
1. Псху-ных (Псхэы-ных)	с. Псху
2. Инал-Куба (Инал-Кэыба)	с. Псху
3. Псху-итоу (Псхэы-итоу)	с. Псху («пребывающая в Псху», покр. рода Абухба)
4. Амдзных (Амзных)	с. Псху (левобережье р. Бзыбь)
5. Ешыр-ных и Варда-ныха	с. Эшера

6. Аныха-паара (Аныха-ҭаара)	у правого приустья р. Келасур
7. Амбыр-ныха	На горе Амбыр, выше Каман (в старину там стояла церковь)

Гульрипшский район:

Названия святилищ	Местонахождение
1. Тгылаху (ҭгылахә)	басс. Мал. Мачара
2. Джахашькьар (Ҫахашькьар)	с. Цебельда
3. Мача-ныха (Мач-ныха)	Бассейн р. Мачара

Очамчирский район (Абжуа):

Названия святилищ	Местонахождение
1. Ага-ныха	с. Адзюбжа
2. Апша-ныхвара (Аҭша-ныхәара)	с. Адзюбжа
3. Швджы-ныха (Дапу-ныха)	с. Адзюбжа
4. Абыр-ныха	
5. Наа-ных	с. Наа
6. Амшын-ныхва (Амшын-ныхәа)	устье р. Дгамыш (с. Тамыш)
7. Ергъ-Ахат-ныха	с. Джгерда
8. Пскал (ҭскал)	в р-не с. Джгерда
9. Аныхамца (Аныхамца)	с. Джгерда (центр)
10. Кьач-ных (Кьач-ных)	с. Джгерда (пос. Ахәца)
11. Кьач-ных (Кьач-ных)	с. Кутол
12. Лашкендар (Лашькындар)	с. Ткварчал

13 Лашкендар (Лашькындар)	с. Цхенцкар, быв. Чабырхва (Чабырхэа)
14. Елыр-ныха	с. Илор
15. Ала зшыыз (убившая собаку)	с. Ткварчал
16. Аныха-баа	с. Пакуаш

Гальский район (Самурзакан)

Названия святилищ	Местонахождение
1. Швджина-ныха (Хэцъына-ныха)	с. Окум (Одышь)
2. Шьагунаха Зхэаа-рныха, (то есть св. рода Зухба)	с. Окум
3. Кечь-Ноха	где-то между Очамчирой и Зугдиди (по В.И. Стражеву). Святилище рода Кячь.
4. Напур-ныха	в районе г. Гал

«Родственные» или разделившиеся» аныхи:

1. Аныха – Лапырных (с. Блабырхуа)
2. Дыдрыпш (мужское) – Лдзаа-ных (женское)
3. Инал-Куба – Дыдрыпш (брат и сестра)
4. Псху-ных – Лашкендар
5. Псху-ных – Елыр-ныха
6. Джахашькар (Цебельда) – Джахашькар (Члоу) и др.

Таким образом, по имеющимся описаниям и нашим полевым материалам, на сегодня можно еще обнаружить следы или воспоминания о древних языческих святилищах Абхазии количеством свыше 60-ти. Этот перечень достаточно велик для такой маленькой территории, как Абхазия. К тому же, по-видимому, он является далеко не полным, так как многие, очевидно, наиболее древние святилища исчезли с лица земли, не оставив о себе никаких воспоминаний у населения (особенно пришлого). В то же время остаются не учтенными целые районы, обезлюдившие после махаджирства, где находилось гораздо большее количество святилищ.

О чем говорит нам приведенный список? Прежде всего, о преобладании количества языческих молитвенных мест в северо-западной части Абхазии. Но вряд ли на основании большего количества сведений о них по сравнению с южной Абхазией можно говорить о такой смене населения, которая повлекла бы за собой какие-то глубокие изменения.

Во-вторых, прежде всего мы видим нередко территориальную разобщенность почитателей и почитаемых (например, **Гумбовцы** живут ныне в сс. Лыхны и Дурипш, а

их «аныха» – на священной горе соседней деревни Куланурхва, что, вероятно, связано с передвижением населения (иногда целыми родами) и поступлением в «подданство» чужой аныхи, а также с трагедией махаджирства, когда возвращающиеся на родину не могли вернуться в свои села. Что же касается Гагрского, Адлерского и Сочинского районов, где не осталось аборигенного населения, информацию об их святилищах получить уже не у кого. Обращает также внимание наличие значительного числа общинно-родовых божеств и святилищ (св. **Лейба**, св. **Гумба**, св. **Джопуа** и др.), что свидетельствует о значительной живучести вплоть до недавнего времени пережитков патриархального родового общества, которые задерживали процесс консолидации замкнутых в себе сельских общин – в более монолитное целое.

В-третьих, характерно, что важнейшие абхазские святилища (аныхи) выглядят не узколокальными, а, напротив, сила их и сфера влияния большая, причем у них установлены тесные связи с родственными божествами, которые когда-то отделились друг от друга, но продолжают общаться между собой, время от времени совершая «визиты» друг к другу, и т.д. При этом одни из них выступают как мужские божества, а другие, как женские. Иногда же как брат и сестра (Дыдрыпш-Лдзаа; Инал-Куба – Лашкендар; Псху – Елыр-ныха и др.). Вероятно, все это является косвенным отражением процессов превращения родовых божеств в племенных богов и образования древних союзов племен.

Все это, однако, были в основном местные божества, пусть и перераставшие иногда свои узкие локальные рамки, но все же «земные» (адэны-и́коу) сверхъестественные силы, находившиеся, или «восседавшие», пребывавшие (аныха-тэарта) постоянно в своих определенных тронных или престольных местах-резиденциях где-нибудь на высокой горе или в священной роще.

Христианство, борясь с язычеством, не упускало случая оторвать население от его древних верований, разрушая для этой цели все наиболее почитаемые святилища, широко используя их местонахождение для строительства своих храмов. Вот почему возле почти каждой древнеабхазской «аныхи», в том числе и на территории исторической Абазгии, как, например, на вершине горы Дыдрыпш мы находим христианские храмы или их развалины. И наоборот, там, где стоит старинный христианский храм, смело можно предполагать существование когда-то в прошлом какого-нибудь древнеабхазского святилища, «похороненного» у стен церкви или под ней самой.

д. Грамматик Абазг

Выше уже говорилось вскользь о том, что одно из последних упоминаний племенного названия «абазг» встречается у известного византийского философа XI в. **Иоанна Итала**, писавшего письма «**Грамматику Абазгу**».

В этой связи мы должны вспомнить имя грузинского философа **Иоанна Петрици**, которого, по мнению некоторых грузинских исследователей, вслед за **Н. Я. Марром** идентифицируют с личностью названного «Грамматика Абазга»¹²⁰¹.

Иоанн Петрици – крупнейший представитель средневековой грузинской философии, неоплатоник и просветитель (XI – XII вв.). Он перевел на грузинский язык трактат **Прокла Диадоха**¹²⁰² «Элементы теологии» и снабдил его обширными комментариями. Подвергался гонениям со стороны церковников за свои передовые для того времени пантеистические воззрения. Его идеи оказали влияние, в частности, на мировоззрение гениального **Шота Руставели**. Именно этот выдающийся грузинский

¹²⁰¹ **Марр Н. Я.** Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI – XII вв. // ЗВО. Том XIX. 1909. с. 108 – 109.

¹²⁰² **Прокл Диадох** (410 – 485 гг.) – греческий философ V в., выдающийся неоплатоник афинской школы, названный **Гегелем** «вершиной неоплатонизма», последний крупный представитель античной философии, автор «Элементов теологии», «О теологии **Платона**» и ряда произведений о провидении.

мыслитель-энциклопедист был известен, как считают некоторые грузинские ученые, под именем «**Грамматика Абазга**» (**Авазга**)¹²⁰³.

Грамматик Абазг упоминается в одном из грамматико-логических трактатов **Иоанна Итала**. Этот трактат называется «**К Грамматику Авазгу. О затруднениях в некоторых вопросах «грамматики»**»¹²⁰⁴. В нем не раз встречается этноним «**абазг**», а обращения гласят: «**Абазгскому ученому**», или «**Мой великолепный абазг!**»¹²⁰⁵.

Еще в сравнительно недавнем прошлом до акад. **Н. Я. Марра** личность «**Грамматика Абазга**», которому было адресовано письмо **И. Итала** ни с кем не отождествлялась. Ныне, одна из лучших знатоков жизни и творчества **И. Итала** – **Н.Н. Кечакмадзе**, также придерживается мнения тех ученых, которые считают, что указанный трактат «был адресован известному грузинскому философу и ученому XI в. **Иоанну Петрици** в ответ на его вопросы касательно спорных проблем грамматики, обращенные к **Италу** (в трактате излагаются мысли **Итала** о языке)»¹²⁰⁶. **Н. Кечакмадзе** уверена, что «**Грамматик Абазг**» и **Иоанн Петрици** – одно и то же лицо. Этот факт она устанавливает путем сравнительного анализа текста письма и философских и грамматических сочинений **И. Петрици**.

О жизни **И. Петрици** известно, к сожалению, слишком мало. В Константинополь он попал, вероятно, в числе той молодежи, которая стремилась приобщиться к столичному византийскому образованию и культуре. Там он примкнул к группе популярных мыслителей во главе с **Италом** и получил ученую степень «философа», затем, после осуждения **Итала** и его последователей, почти двадцать лет пробыл в **Петрицонском** монастыре в Болгарии, в связи с чем и закрепилось за ним имя **Петрици (Иоанна Петрицонского)**¹²⁰⁷. С конца XI в. **И. Петрици**, по приглашению **Давида Строителя** стал работать в основанной царем грузинской Академии при **Гелатском** монастыре, где проработал до конца своей жизни. О себе он пишет: «Я занятый философией рассыпался в огне зависти, вражды, отчужденности и даже коварства как среди греков, так и грузин». Поддержку и понимание он находил только у царя **Давида Строителя**.

Грамматик Абазг был учеником и последователем **Иоанна Итала**. Это прямо вытекает из текста письма **Итала** к **Абазгу**. Так, **И. Итал**, восхваляя его, пишет, что последний, невзирая на преследование византийских властей, остался до конца верен его (**И.Итала**) идеям. Более того, этот **Абазг**, получивший свое образование, надо полагать, в самом Константинополе, как и некоторые другие представители местной знати, был не только выучеником, но и сотрудником и соавтором **И. Итала** в написании и составлении некоторых ученых трактатов. Одна из работ **И. Итала** содержит указание о том, что она

¹²⁰³Под именем «Грамматика» были известны и некоторые другие деятели византийской культуры, например, поэт и филолог первой половины VI в. **Иоанн Грамматик** (История Византии. Том I. М. 1967, с. 426).

¹²⁰⁴**Иоанн Итал** – передовой деятель Византии XI в., по происхождению грек, родом из Италии, ректор Константинопольской высшей школы, ученик **Пселла**, толкователь **Платона**, **Аристотеля** и неоплатоников. В начале царствования императора **Алексея I Комнина**, когда была ограничена свобода философского мышления авторитетом священного писания, **И. Итала** и его учеников предали анафеме, а над ним был организован судебный процесс на церковном соборе 1082 года., после чего он был заточен до конца жизни в монастырь.

¹²⁰⁵**Нуцубидзе Ш. И.** История грузинской философии. – Тбилиси. 1960. с. 247; **Ф. Успенский.** Синодик в неделю православия. – Одесса. с. 65.

¹²⁰⁶**Удальцова З. В.** Советское византиноведение за 50 лет. – М. 1969, с. 274.

¹²⁰⁷**Петрицонский монастырь в Болгарии**, называемый ныне **Бачковским** (Бачково, на р. Чая), был основан **Григолом Бакуриани** или **Пакурианом** в 1083 году. На одной из фресок церкви монастыря изображен **Григол** со своим братом **Абазом**, причем **Григол** представлен как строитель монастыря с моделью церкви в руках. Надписи на этой фреске сделаны на греческом языке. Там хранятся и грузинские рукописи, грузинская надпись имеется и на одной из икон **Богородицы**, а также крест с надписью на древнегрузинском языке – ძვლჳო, что в переводе означает «Победа». Сохранился и оригинальный памятник грузинской письменности XI в. – устав **Петрицонского монастыря**. В этом монастыре со времени его основания жил и творил **Иоанн Петрици** до своего приглашения **Давидом Строителем** в **Гелатскую Академию**.

составлена им совместно с Абазгом. В одном месте указанного письма И. Итала прямо сказано, что до определенного места работы текст принадлежит И. Италу, а дальше уже идет текст его сотрудника Абазга¹²⁰⁸. Они были настолько близки и преданы друг другу, что и тогда, когда И. Итал, преследуемый императором Комниным, находился в заключении, он не терял связи со своим «великолепным» другом Абазгом.

Таким образом, Иоанн Итал и Грамматик Абазг были не только единомышленниками, сотрудниками и соавторами при написании некоторых работ, но и близкими друзьями. Само собой разумеется, что они прекрасно знали друг друга, в том числе и в отношении этнической принадлежности. Поэтому, когда **И. Итал** называл своего ближайшего друга **Абазгом**, то это можно, я думаю, понимать в его прямом смысле, то есть в смысле собственно абхазского этнического происхождения его сподвижника. Вряд ли грузин стал бы называть себя абазгом.

Как известно, в средние века часто было принято называть человека по личному имени с прибавлением его племенной принадлежности или места происхождения. Так было и в Грузии. Например: **Иоанн Лаз** (он же, **Иоанн Евнух** и **Иеротеос**) – мыслитель V в., из племени лазов¹²⁰⁹; **Петр Ивер** – автор так называемых Ареопагитских книг, ученик и друг **Иоанна Лаза**; **Иоанн Месх** – грузинский двуязычный писатель из племени месхов (VI – VII вв.), автор «Балавариани» и «Лимонария» на грузинском и греческом языках; **Илларион Грузин конца IX в.**; **Евфимий Ивер** – грузинский философ X – XI вв., автор греческого метафраза «Мудрости Балавара»¹²¹⁰; **Митридат Лаз**, философ XI – XII вв.; **Захарий Грузин** – XII – XIII вв.; **Макар Месхи XIII вв.** и др. Примерно так было и в других местах, например, в Византии – родиной известного византийского историка V в. **Приска** был город Панион, от названия которого «писатель получил, по существующему тогда обычаю, свое прозвище – **Приск Панийский**»¹²¹¹, **Прокопий из Кесарии**, **Агафий из Мирины**, тот же **Иоанн Итал** и мн. др.

Принимая все это во внимание, трудно, на мой взгляд, сомневаться в том, что **Грамматик Абазг, мог быть по своему этническому происхождению абхазом, что корни его родословной ведут к западноабхазскому племени абазгов.** Это обстоятельство нисколько не противоречит тому, что он писал по-грузински, являясь грузинским философом. Однако некоторые грузинские исследователи придерживаются другой точки зрения. Например, **Ш. Нуцубидзе** пишет: «...абхазский в тогдашнем греческом понимании равнозначен грузинскому, так как имеются доказательства тому, что в то время греки грузин называли «абхазами»,¹²¹² т.е. перестали называть их иберами (но как, в таком случае, называли самих абхазов?). Однако вряд ли так было и в частной жизни.

Во-первых, далеко не всегда в имеющихся исторических источниках «абхазский» равнозначен «грузинскому», а во-вторых, что в данном случае особенно важно отметить, насколько известно, в греческих или других источниках, грузина редко персонально называли абазгом. Параллельное упоминание самостоятельных этнонимов «абазг», «лаз» и «ивер» в XI и XII вв. (например, **Грамматик Абазг, Евфимий Ивер, Митридат Лаз**¹²¹³ и др.) не оставляет сомнения в том, что в современной им научной литературе хорошо различали иверов, лазов и абазгов. Эти названия не покрывали собой друг друга в византийских ученых кругах, где прекрасно разбирались в особой этнической принадлежности тех и других.

¹²⁰⁸ **Нуцубидзе Ш.И.** Указ. соч. с. 247.

¹²⁰⁹ **Там же.** с. 581, 583.

¹²¹⁰ **Там же.** с. 247.

¹²¹¹ **Удальцова З. В.** Мировоззрение византийского историка V в. **Приска Панийского** // «Византийский временник». – 1972. Том 33, с. 47.

¹²¹² **Нуцубидзе Ш. И.** Указ.соч. с. 247.

¹²¹³ **Его же.** Источники Ареопагистики. //Седьмая всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси 13 –18 декабря 1965 г. Тезисы докладов. – Тбилиси. 1965. с. 111.

Когда же в некоторых средневековых исторических источниках содержится отождествление или смешение абхазского с грузинским, то это может означать либо широкое распространение абхазского элемента на восточном побережье Черного моря и его большое политическое и культурное значение в крае, либо лучшее знакомство автора соответствующего текста с собственно Абхазией, чем с Грузией. С этой точки зрения следует подходить и к неаполитанскому латинскому тексту греческого романа «Варлаам и Иоасаф», где имеется отмеченная выше приписка, говорящая о том, что текст его «переведен с абхазского (абасгского) языка» (*Translata abasgo genere stilo*) (1048 г.), что и стало предметом целой дискуссии между специалистами (**Фр. Дельгером, Д. Лангом** и др.).¹²¹⁴

Не распространяясь, однако, больше вокруг всех этих вопросов, ограничусь только одной цитатой из работы **Н. Я. Марра** «Кавказоведение и абхазский язык». Там мы читаем: «Абхазский народ заслуживает, однако, самого серьезного внимания и историка христианской культуры на Кавказе. Абхазский народ в лице его передовых слоев, преимущественно знати, был долгое время, веками, сподвижником носителей христианского света и его проповедников в соседних странах. Языческим племенам христианизованная часть абхазского народа могла нести евангельское учение, а христианским народам с восточно-христианской культурой – греческое просвещение. С этой точки зрения требует пересмотра и намечавшееся мною освещение личности **абхаза Иоанна**, «весьма близкого человека и стойкого единомышленника греческого философа **Иоанна Итала**». Пересмотр требуется в сторону прямого этнического толкования термина «абхаз» (а не культурно-исторического взамен «грузин») в устах **И. Итала**, называющего именно абхаза **Иоанна** ученым. Мы раньше как будто старались, наоборот, замести след значения абхазского народа как проводника византийско-христианских начал в кавказский мир, **использовав и это столь ясное упоминание в пользу грузинского народа**».¹²¹⁵

По мнению **Н. Марра, Ш. Нуцубидзе, Н. Кечакмадзе** и других ученых **Грамматик Абазг** и грузинский философ **Иоанн Петрици** одно и то же лицо. Правда, есть специалисты, считающие сомнительным это предположение. Я имею в виду мнение **А. Каждан** о том, что безоговорочная идентификация вышеупомянутых лиц «остаётся чисто гипотетической». При этом он пишет: «следовало бы учесть, что *γραμματικός* в византийской терминологии это не специалист по грамматике, а писец, нотариус... Трактат мог быть адресован какому-то византийскому чиновнику, авасгу (грузину?) по происхождению».¹²¹⁶

Как явствует из приведенной цитаты с многозначительным вопросительным знаком в скобках после слова грузин, **А. Каждан**, как и **Н. Я. Марр**, сильно сомневается в грузинской этнической принадлежности адресата **Иоанна Итала**, который (адресат) мог быть, скорее всего **абазгом**, то есть абхазом по своему этническому происхождению. При этом, адресат **Итала** был, оказывается, не единственным образованным абазгом в Константинополе того времени. Современником философа являлся, как указывает **А. Каждан**, «некто **Георгий Авасг**, известный по печати XI – XII вв.»¹²¹⁷, был также **Василий Авасг** – клирик **Ираклийской метрополии** в 1161 г. Вряд ли только такой человек, как **Грамматик Абазг**, которого прямо называли «ученым», был лишь простым чиновником или писцом, а не известным ученым-филологом своего времени.¹²¹⁸

¹²¹⁴ Нуцубидзе Ш. И. История грузинской философии. с. 16 – 17, 247.

¹²¹⁵ Марр Н. Я. Кавказоведение и абхазский язык. // Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. – М – Л. 1938, с. 126 – 127.

¹²¹⁶ Цит. по рец. **А. Каждан** на работу «**Иоанн Итал.** Сочинения. Редакция и предисловие **Н. Н. Кечакмадзе**». – Тбилиси. 1966. // «Византийский временник». 1969. Том 30 (55), с. 273 – 274.

¹²¹⁷ Панченко Б. А. Каталог моливдовулов. // ИРАИК. XIII, 1908, № 359.

¹²¹⁸ Известен иконоборец **Иоанн Грамматик**, один из виднейших ученых и политических деятелей Византии IX в. Однако не только в Византии, но и в остальной Европе имели своих «грамматиков». Так известен средневековый датский летописец под именем **Саксона Грамматика** (1150 – 1220 гг.), которому

Грамматик Абазг, Георгий Аवासг, Василий Аवासг и другие ездили получать образование в Константинополь, где, по сообщению **Евагрия Антиохийского**, еще в VI в. **Юстинианом I** (вероятно при Константинопольском университете), была открыта школа специально для абазгских детей, о чем пишет и антиохийский патриарх Макарий (ссылаясь на **Евагрия**).¹²¹⁹

Итак, вопрос о **Грамматике Абазге** остается дискуссионным. Существующее мнение о том, что в его лице мы имеем грузинского философа рубежа XI – XII вв. **Иоанна Петрици** не является общепринятым, как и проблема его этнической принадлежности.

По моему мнению, не исключается, что **Грамматик Абазг**, мог быть абхазом по своему происхождению. Но эта гипотеза, впервые высказанная акад. М. Я. Марром, встречает резкое неприятие со стороны грузинских авторов. Они утверждают, что ничем не обосновано стремление доказать абхазскую национальную принадлежность **Грамматика Абазга, Георгия Абазга или Василия Абазга**, ибо в XI – XIII веках византийские авторы «**Абазгией**» и «**абазгами**», будто бы всегда, называли всю Грузию и ее население в целом. Возникает, однако, вопрос: что же стало с самими абазгами, которых греческие, римские, византийские и другие источники хорошо знали в течение всего I тысячелетия? Почему нельзя подразумевать под «абазгами» хотя бы иногда и самих собственно абазгов? И почему, в частности, исключается всякая возможность этнической принадлежности **Грамматика Абазга** к собственно абхазам по происхождению? Почему это так оскорбительно для грузин? Неужели все перечисленные выше личности сознательно отказались называть себя иберами или картвелами и представлялись византийцам, называя себя абазгами?

Вместе с тем, заслуживает внимания, что и в самой Абхазии той поры (XI – XIII вв.) были, оказывается, люди, также интересовавшиеся филологией. Так, одно сочинение жившего здесь еврея (может быть бывшего хазарина), по вопросам еврейской грамматики было написано в **Гагре в начале XIII в. (1208 г.)**. В нем мы читаем: «Вот то, что я писал тебе о глаголах и именах, оно просветит глаза твои знанием... Написано мною: я, **Иехуда бен Иакоб бен Иехуда**, здесь, в городе Гагра и завершено в воскресенье седьмого элула 4968 года по еврейскому исчислению...». Тот же **Иехуда** годом раньше (1207 г.) переписал и другое сочинение грамматического характера и тоже в **городе Гагра**.¹²²⁰

Приведем здесь сообщения о самих абхазах, например, **Миная Медичи**, который в начале XIX века писал: «Абазы славятся ловкостью. Из их среды вышло много выдающихся и образованных людей. Также и среди османцев известны начитанные и разумные паши, выходцы из этого народа»¹²²¹. О том же писали еще в XVII в. **Арканджело Ламберти, Ольферт Даппер** и многие другие.

Если **Грамматик Абазг** не абхаз по происхождению, то и обратное тоже ведь является недоказанным, а многозначными были не только термины «абазги» и «Абазгия», но и другие этниканы, например, тот же «ивер» («ивир»).

В византийской хрисовуле (иммунитетной грамоте) 1088 года, в которой перечисляется этнический состав наемных («иноземных») войск империи, появляются, как пишет **А. П. Каждан** «новые (?) народы – аланы и авасги, т.е. абхазцы или – шире – грузины»¹²²². В этой связи он указывает: «Ни в этой грамоте, ни в случае с **Грамматиком**

принадлежит первый литературный памятник, в котором рассказывается исландская сага о мести полулегендарного **Амлета**, использованная **Шекспиром** при написании своего «Гамлета» (**Аникст А.** Гамлет принц Датский. См. в кн.: **Уильям Шекспир**. Полное собрание сочинений в восьми томах. Том VI – М. 1960, с. 572).

¹²¹⁹ **Жузе П.** Указ. соч. с. 119.

¹²²⁰ **Зисман М. Н.** Восточная школа еврейских грамматиков в X – XIII вв. // Материалы Первой конференции по семитическим языкам 26 – 28 X. 1864 г. Семитические языки. Том II (вып.2). – Москва. 1965, с. 768. Выражаю благодарность **В. А. Чиригба**, любезно указавшему мне на этот материал.

¹²²¹ **БСЭ.** 2, 1950. с. 173.

¹²²² **Каждан А. П., Фонкич Е. Л.** Новое издание актов **Лавры** и его значение для византиноведения. // «Византийский временник». 1973. Том 34, с. 49.

Авасгом нельзя сказать, что это непременно абхазцы или обязательно грузины. Терминология путанная – и очень!.. Одно я могу сказать твердо: кто этот **Грамматик Авасг** – неизвестно и всякие отождествления его бесплодны (напр., с **Иоанном Петрици** – у Кечакмадзе)¹²²³.

В одном месте у **Иоанна Цеца** (сер. XII в.) сказано: «Ивиры, авасги и аланы – одно племя: Ивиры первенствующие, авасги вторые, а аланы занимают последнее место из трех». Значит, как отмечает **А. П. Каждан**, «разница между авасгами и ивирами самому **Цецу** была недостаточно ясной», несмотря на то, что «в жилах самого **Цеца** текла» «авасгская» кровь – он был в родстве с царицей **Мариам Авасгиссой**. Разница, действительно, «недостаточно ясная», но только в одном – в причислении трёх народов к одному племени. Из контекста же приведенного отрывка явствует, что перечисленные группы представляли собой, конечно, не «одно племя» а, три, хотя и соседние, но самостоятельные этнические общности, что видно из их характеристики, содержащейся в двух последних строках, ибо не может быть единого племени из трех этнических групп со своими особыми названиями, одна из которых занимает первое, другая – второе, а третья – последнее место. Надо учитывать и то, что **Грамматик Абазг** в то же время мог себя считать и грузином как говорящим, и как писавшим на грузинском языке и, главное, в силу своей конфессиональной принадлежности, что было распространенным явлением того времени.

Вообще же, если под апсилами и абазгами во всех случаях подразумевать только одних грузин, как это иногда делается, то сам собой напрашивается вывод о том, что современные абхазы не имеют никакого отношения ни к апсилам, ни к абазгам, ни к Абхазскому царству, вообще к истории и культуре Абхазии вплоть до позднего средневековья, да и вообще не существовали в то время в Закавказье.

Неоднократные параллельные упоминания абазгов (абасгов, авасгов), Абазгии (Авасгии), лазов и Лазики, иверов (ивиров) и Иверии (Иберии), говорят о том, что византийские ученые различали абхазов и картвелов, особенно когда дело касалось хорошо известных им личностей. Но современным исследователям, исключая при этом грузинских ученых, трудно решиться предпочесть какое-нибудь одно из двух возможных толкований, в силу уже сложившейся традиции, даже такому, казалось бы независимому известному византисту как **А. П. Каждан**, в чем легко убедиться из вышеприведенных его слов.

Возможное абхазское происхождение **Грамматика Абазга**, повторяю, отнюдь не противоречит тому, что он возможно писал и по-грузински и являлся деятелем грузинской национальной культуры. Известно, например, что уже в X в. писали, что «грузином становится всякий, кто является халкедонитом (на Кавказе или по соседству с ним) и кто слушает богослужение на грузинском языке»¹²²⁴.

Неправильно также высказанное в мой адрес обвинение в стремлении доказать «во что бы то ни стало» «полную несомненность» «предвзятой идеи» (**З. В. Анчабадзе**). На самом же деле мое стремление, кроме желания разобраться в истории интересной личности с абхазским прозвищем, состоит, в частности, в том, чтобы уяснить себе, всегда ли «абазг» означает «грузин»? Разве, например, в приведенном выше феофановском перечне «...союзники из лазов, абазгов и иверийцев» этноним «абазг» упоминается не в собственном смысле, то есть не в узком своем значении? И разве в известном тексте послания 824 года императора Михаила II к франкскому императору Людовику Благочестивому¹²²⁵ не упомянуты абасги в ряду других участников восстания (арабы, персы, иберы, армяне и абасги)? И разве у византийского историка X в. **Иосифа Генесия**, не говорится о том, что **Фома Славянин** «заключил союз с агарянами, ... абасгами,

¹²²³ Каждан А. П. Рец. на работу: «Иоанн Итал... // «Византийский Временник». 1969. Том 30 (55).

¹²²⁴ Бердзенишвили Н. А. Об историческом значении присоединения Грузии к России // «Мнатоби». 1954. № 6. с. 121 (см. у Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. с. 152.

¹²²⁵ MGH. Legum sectio III. Concilia. t.II pars. II. – Hannoverae et Lipsiae. 1908. p. 476.

зехами, иберами, ... готами и... лазами,...»¹²²⁶? Неужели под абасгами, которые упоминаются **параллельно** с грузинами (иберами), лазами и зехами мы не вправе подразумевать собственно абазгов, то есть абхазов? Кем же тогда являются упоминаемые здесь абазги, и куда они затем делись?

Подчеркнем еще раз, что параллельное упоминание в XI – XII вв. «абазг» и «ивер» («ивир») – **Грамматик Абазг, Евфимий Ивер** – не оставляет сомнения в том, что современники, касаясь непосредственно какой-либо личности, хорошо различали иверов и абазгов и не путали их.

Авасги, которые упоминаются в связи с указанными выше драматическими событиями в византийском дворе, некоторыми авторами (**З. В. Папаскири** и др.) объявляются грузинами: мол, авасгами тогда называли только грузин. Но есть и другое мнение. Например, в том месте источника, где говорится, что у ограды Манган сына императора встретили авасги, присланные из Авасгии, переводчик и крупнейший комментатор мемуаров **Анны Комниной**, проф. **Я. Н. Любарский** делает в скобках такое пояснение: авасги «предки современных абхазцев». А о том, что **Я. Н. Любарский** прекрасно осведомлен в вопросах истории Византии и сопредельных стран, в том числе этнической принадлежности персонажей мемуаров византийской принцессы, свидетельствуют его многочисленные и высококвалифицированные научные комментарии к этому труду.

Название «абазги», постепенно поглотившее собой этноним «апсилы», уже у **Прокопия Кесарийского** выступает иногда как общее обозначение всех абхазов, а позже приобретает порой еще более широкое значение, охватывая собой не только абхазов, но и некоторые другие соседние родственные народы и племена. Например, даже в наше время некоторые западные ученые называют северозападнокавказские (абхазо-адыгские) языки **Понто-Абазгскими (Ponto-Abasgian)** (подчеркнуто мной. – Ш. И.)¹²²⁷.

Абазги¹²²⁸, впервые упоминаемые еще у античного автора первой половины III в. до н. э. **Ликофрона**¹²²⁹, с довольно широко развитой городской жизнью на ее территории, внесли большой вклад в политическую и культурную историю не только средневековой Абхазии, но и всего региона, о чем частично будет сказано и ниже¹²³⁰.

Таковы некоторые из поздних упоминаний в источниках этнонима «абазг». Этноним «абазг», когда он употреблялся не только в узком, но и в широком смысле, то покрывал собой, естественно, и собственно абазгов (абхазов), и собственно грузин, а не только одних грузин или одних абхазов. Что касается этнической принадлежности тех личностей, которые носили его в качестве прозвища, то в каждом сомнительном конкретном случае требуется уточнение путем сопоставления с другими данными, чтобы выяснить, идет ли речь о человеке собственно грузинского или собственно абхазского происхождения, но он-то сам, в первую очередь, прекрасно знал свою этническую принадлежность и будучи грузином вряд ли разрешил бы называть себя абазгом. Думаю это было исключено. Вот мой взгляд на проблему, не претендующий однако на приписываемую мне «полную

¹²²⁶ **Genesius** regum res, C.Lachmann. – Bonnae. 1834. p. 32. ; **И. Генесий**. Мятаж Фомы (из «Книги царств») //Сборник документов по социально-экономической истории Византии. / Перевод **Е. Э. Лифшиц**. – М. 1951. (Прим. комм.)

¹²²⁷ **Colarusso J.** The Languages of the North West Caucasus. // McMaster University. – Hamilton. Ontario. October 22 – 23, 1976. p. 65.

¹²²⁸ Это, как можно было заметить из приведенных источников, поливариантное этническое название с общей, однако, основой: абаски, абазги, абасги, абгасы, авасги, авогазы, абасы, абхазы и т.п., а также Абогазия, Абоказия, Боказия, Афгазия, Абогастес и др.

¹²²⁹ **Kollauz A.** Abasgen. Abasgia. // Reallexicon der Byzantinistik. R. A. Bd. I. Heft 2, 1968. s. 21 – 49.

¹²³⁰ **Бибииков М. В.** Новое издание латинских и византийских источников. // Древнейшие государства на территории СССР. – М. 1981, с. 216 – 217. В этой статье М. В. Бибииков отметил, что его «удивляет отсутствие в латинской серии статей об авазгах и Авазгии, тем более, что в византийской серии эти статьи весьма содержательны и интересны. «Авазги и Авазгия (Abasgia) неоднократно, – пишет он, – встречаются и в латиноязычных источниках – в переводе **Анастасия Библиотекаря**... у **Равенского анонима**, в «Истории» **Ландульфа Сагакса**». К сожалению достать указанные выше источники мне не удалось.

несомненность» абхазского происхождения **Грамматика Абазга**, будь он Иоанном Петрици или, что более вероятно, самостоятельной личностью, не имеющей никакой связи с последним. Всякая гипотеза, как известно, есть только гипотеза – не больше. Но и не меньше!

* * *

Племена древней Абхазии характеризуются не только общностью происхождения, но в целом и одинаковым уровнем развития и ближайшим сходством культуры. Так, случайными находками, а также проведенными в северо-западной части Абхазии (Хашупсинское ущелье) археологическими изысканиями выявлен ряд могильников первой половины I тысячелетия нашей эры, принадлежащих древнеабхазскому племени санигов, упоминаемых, как мы знаем, в греко-римских исторических источниках наряду с абазгами и апсилами. Сравнение погребального обряда, а также инвентаря этих могильников с соответствующими археологическими материалами из исторической Абазгии и Апсилии недвусмысленно свидетельствует об общности, можно сказать, единстве основных элементов местной материальной и духовной культуры древнеабхазских племен позднеантичного и раннесредневекового времени. «Поразительное сходство между погребениями позднеантичной эпохи Гагрского района и Цебельды прослеживается не только в погребальном обряде, но и в инвентаре. В обоих случаях одного и того же типа топоры, двухлезвийные и однолезвийные мечи, лучковые фибулы с крестовой дужкой, бронзовые браслеты, наконечники копий, ножи, бусы и т.д., уже не говоря о римских серебряных монетах, представленных среди населения нагорной Цебельды и Хашупсинского ущелья».¹²³¹ Иначе говоря, это была в основном единая историко-этнографическая область, с единым типом хозяйства и культуры с глубокими местными корнями, разумеется, в целом не очень значительными, хотя иногда и заметными локальными особенностями, как это имело место, например, в Цебельде, Мисиминии и Аtare с их удивительно своеобразной керамикой¹²³² (имеющей, правда, отдаленное сходство по форме чашеобразного венчика с некоторыми колхидскими чернолощеными вазами и кувшинчиками из Вани)¹²³³.

Всестороннее углубленное изучение дальнейшего этнокультурного сближения и консолидации абхазских племен и этнографических групп – одно из актуальных очередных задач научного абхазоведения.

В данной же главе нашли отражение лишь основные сведения о главнейших этнических компонентах абхазского народа – апсилах и абазгах, а отчасти и мисимиянах. Но этим, не исчерпываются материалы племенной структуры абхазов того времени. Приходится поэтому сожалеть, что в сделанных описаниях не хватает хотя бы краткого очерка о садзах, самой северо-западной абхазской этнической единице (исторические саниги – джихы у убыхов,¹²³⁴ отсюда джигеты или джикеты у грузин и русских¹²³⁵). До

¹²³¹ **Шамба Г. К.** Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе // Материалы по археологии и искусству Абхазии. – Сухуми. 1974, с. 64.

¹²³² **Трапш М. М.** Культура Цебельдинских некрополей. Труды. Том III. – Тбилиси. 1971, с. 131, сл.; **Воронов Ю. Н.** Тайна Цебельдинской долины. – М. 1975, с. 64 и другие работы.

¹²³³ Археологические раскопки 1947 – 1969 гг. // «Вани» I. – Тбилиси. 1972, табл. 180, 218, 219 (на груз. языке).

¹²³⁴ **Dirr Ad.** Über den Namen “Ubychen” // Orientalische Fritz Hammel gewidmet. II 1918, s. 313 – 315; **Vogt H.** Dictionnaire de la langue Oubykh. – Oslo. 1963., p. 234.

¹²³⁵ В 40-х годах XIX века **Ф. Боденштедт** писал, что «жители Абхазии и Джигетии сами себя называют апсуа, а свою общую страну – Апсны». // **Фридрих Боденштедт.** По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. // Из серии: «Абхазия в письменных источниках», вып. 2. – М. 2002, с. 127./ Автор проекта и редактор **Денис Чачхалия.** Предисловие, комментарии и послесловие его же. / Перевод с нем. **М. Кривенко.** (Прим. комм.).

своего поголовного выселения в Турцию в 1864 году они жили в районе Гагра-Сочи, в непосредственном соседстве с бзыбскими абхазами (исторические абазги) на юго-востоке и убыхами на северо-западе. В какой-то мере успокаивает только то, что я написал о них специальные работы, одна из которых «Садзы» уже долгое время находится в издательстве в Тбилиси¹²³⁶, а вторая – «Убыхи» – готовится к изданию.

Недавно в Турцию, где сохранилось свыше дюжины садзских сел, жители которых говорят пока на своем языке, ездил известный филолог и лингвист **В. А. Чирикба**, сделавший сообщение о том, что он собрал довольно богатый материал по языку садзов, а также и по фольклору. О своей экспедиции он сообщает в письме ко мне следующее: «Главный результат садзы – это стопроцентные абхазы, а их диалект – на одной плоскости с абжуйским и бзыбским. Ашхарский несколько дальше, а тапантский еще далее. Они считают себя абхазами, родину называют Апсны, самоназвание их – апсуа или аҭсуу». Эти слова полностью соответствуют основному содержанию упомянутой моей монографии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О раннефеодальной Абхазии

Этническая история народа, как и культурно-политическая, предопределяется в конечном итоге его социально-экономическим развитием. С этно-социальными общностями тесно связано определенное направление и уровень хозяйства и культуры. В доклассовом и раннеклассовом обществе специфика хозяйства часто определяла собой основные черты этнической культуры близких по условиям жизни и уровню развития народов. Но такое конвергентно возникающее сходство народов, обитающих в сходной природной среде при определенном уровне их социально-экономического развития, несет в себе элементы дифференциации и этнизации. Каждая культура или ареал – это не абсолютизация местных факторов, не собрание культурных особенностей, а целостная система, обусловленная экологическими и хозяйственными причинами и определенным уровнем общего развития социально-экономических отношений.

Пройдя длительный период военно-демократического строя, общество древнеабхазских племен стало постепенно перерастать в общество феодальное. На этом пути возникли первые абхазские государственные образования, а значение государственности для формирования и поддержания целостности этнической общности не подлежит сомнению.

---

¹²³⁶Работа **Инал-Ипа Ш. Д.** Садзы. Историко-этнографические очерки. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXVIII. Народы Кавказа. Кн.2. – М. 1995, 286 с. Книга вышла еще при жизни автора в Москве в самом начале 1995 года с приложением статьи **В. А. Чирикба** «Расселение абхазов в Турции» с. 260 – 278. Книга же «Убыхи. Историко-этнографические очерки» готовится к изданию. (Прим. комм.)

Начало периода феодализма в странах Закавказья «можно отнести примерно к III – V вв. Процесс феодализации в силу специфики местных условий раньше начался в Армении, несколько позже в Восточной Грузии, а затем – в Кавказской Албании. Феодализм в Закавказье господствовал вплоть до присоединения его к России, а генезис капитализма происходил уже после вхождения стран этого региона в состав России»¹²³⁷.

Для характеристики общественного строя древней и средневековой Абхазии недостает соответствующих источников. Правда, иногда по данным археологии в среде абхазских ученых делалась попытка реконструкции самых разных и сложных общественных форм и отношений – от групповой семьи и сельской общины до образования классового общества и государства. Но такие попытки нередко оказываются умозрительными абстракциями. Об этом хорошо сказал **Д. Б. Шелов**: «...бесплодны попытки извлечь из археологического материала больше того, что он может дать»¹²³⁸.

Вместе с тем следует отметить, что для реконструкции общественных отношений все еще мало используются языковые и фольклорно-этнографические материалы, при крайней недостаточности письменных сообщений, приобретающие особое значение.

Неравномерность развития феодализма, отмечаемая для разных регионов Закавказья, была характерна и в отношении средневековой Абхазии и Грузии. В частности, существуют разные точки зрения, относительно времени зарождения и оформления феодальных отношений в Лазике и Абхазии. Одна из них принадлежит **С. Н. Джанашиа**, который полагал, что в Абхазии уже в VI в. развернулась так называемая «феодальная революция», приведшая очень быстро к торжеству феодальных отношений, находившихся на уровне восточно-грузинских. **Г. А. Меликишвили** же считает, что это положение неверно, что Абхазия, как и Западная Грузия в целом отставала от Восточной Грузии не только в VI, но даже и в VII – VIII вв. и что нет оснований говорить о быстром развитии в этих районах феодализма. Такой подход, как он считает, многое объясняет в истории Грузии, в частности, становится понятно, **по его мнению**, почему именно Абхазское княжество в VIII в. «объединило» Западную Грузию. Таких фактов, когда народы, у которых только начинают складываться классовые отношения и государство, подчиняют более развитые страны – в истории, пишет он, известно немало¹²³⁹. Однако мы фактически очень мало, что знаем о социальном развитии Абхазии в VI – VIII веках, чтобы делать подобного рода заключения.

Вопрос социально-экономического развития раннефеодальной Абхазии привлекает внимание ряда исследователей, но единства взглядов все еще не достигнуто. Думается, что нет достаточных оснований для того, чтобы характеризовать абхазское общество середины первого тысячелетия как общество, в котором произошла «феодальная революция» или «революция общинников». Перед нами, скорее всего замедленный процесс длительного вызревания феодальных отношений из военно-демократического строя, получившего в крае широкое развитие и просуществовавшего здесь в течение многих столетий. Резкое разделение общества на антагонистические социальные группы, наличие родовой и раннефеодальной аристократии (**«самые знатные» или «имеющие наибольшую власть»** – исторических источников), **даже «царей»**, стоявших во главе отдельных этно-политических единиц, опиравшихся на свои крепости и вооруженные отряды, разбой на суше и на море в целях обогащения, развитие торговли, в особенности работоторговли и другие формы эксплуатации не исключают, разумеется того, что основная масса непосредственных производителей, несомненно, все еще сохраняла здесь личную

¹²³⁷ **Новосельцев А. П.** К историографии средневекового Закавказья // ВИ. 1982, 3, с. 19, 24.

¹²³⁸ **Шелов Д. Б.** Критическое выступление//Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. – Тбилиси. 1979, с. 376.

¹²³⁹ **Меликишвили Г. А.** Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. – Тбилиси. 1973, с. 6 (на груз. яз.).

свободу и не была лишена также собственности (в личной или общинной форме) на средства производства¹²⁴⁰.

Неверно, однако, и встречающееся в литературе утверждение о том, что «...уровень феодализации местного населения никогда не поднимался выше начальных ступеней раннефеодальных (патриархально-феодальных) отношений»¹²⁴¹. Следует обратить внимание на слова: **«никогда выше начальных ступеней»**. Резче сказать, пожалуй, трудно. Иными словами, абхазы всегда жили, оказывается, в условиях дремучей патриархальщины, а феодализма по существу почти и не было. Но как объяснить при такой предельно низкой степени развития феодальных отношений существование исторически засвидетельствованных княжеств и «царств» местного населения, наличие многочисленных феодальных замков и крепостей, а также христианских храмов, целой иерархии социальных категорий, характерных именно для феодального общества, высокоразвитого феодального этикета и пр. В связи с развитием социальных отношений представляет интерес абхазский термин ахратэра – т.е. «рабовладение». Слово состоит из двух частей Ахра – «царство» и атэы – «раб», причем последнее означает не только раба, но и «собственность». Таким образом, этот социальный термин отражает определенный этап в социально-экономическом развитии Абхазии и имеет четкие исторические корни раннефеодальных отношений.¹²⁴² Трудно согласиться в полной мере и с тезисом того же автора, что «скот, судя по всему, являлся важнейшим продуктом, составлявшим **основу** экономики тогдашнего населения в Абхазии» (VII – VIII вв.)¹²⁴³. «Судя по всему», не исключая и данные археологии, основу экономики тогдашней Абхазии составляло, по-видимому, земледелие со скотоводством, но и не только. Это было время складывания абхазского раннефеодального государства. Существование же государства немыслимо без прибавочного продукта. Основой для создания такого продукта было все-таки именно земледелие¹²⁴⁴, затем скотоводство и пчеловодство с охотой, эксплуатация природных ресурсов (лес и др.), перевалов и морских путей (таможенные сборы, пошлины и мн.др.)

К X в. в ведущих районах Абхазии в основном победил феодализм, правда, феодализм так называемого горского типа, при котором в значительной мере сохраняются пережитки предшествующей общественно-экономической формации. Это выражается в том, что в отличие от внутренних районов Грузии, где процесс утверждения крепостнического правопорядка завершается, в основном в XIV-XV вв., в Абхазии вплоть до XIX столетия феодальные производственные отношения не достигли ступени всеобщего закрепощения крестьян. Здесь еще сохранялись значительные остатки общинных отношений и слой формально свободных крестьян. В силу этого зависимость крестьян сплошь и рядом вуалировалась всякого рода патриархальными отношениями. Среди них особо следует отметить систему молочного родства между феодалами и крестьянами, в том числе прежде всего высшей категории лично свободных, так называемых «чистых крестьян» (анхафы). Однако главным пережитком дофеодального общественного устройства являлась сельская община (ақыта), которая пережиточно сохраняла немалую силу вплоть до предреволюционного периода.

В XIII – XVIII вв. Абхазия переживала политически неустойчивое положение вследствие феодальной раздробленности, постоянных смут и широко развернувшейся работорговли, которые, наряду с факторами внешнеполитического характера, мешали хозяйственному и культурному развитию страны, тормозили ее прогрессивное движение вперед.

---

¹²⁴⁰ Там же. с.143, 144.

¹²⁴¹ Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар. 1979, с. 11.

¹²⁴² Фадеев А. В. Абхазский термин «атэы» (раб – собственность) . // Труды АБНИИК. Вып.второй. – Сухум. 1934, с. 61 – 66.

¹²⁴³ Воронов Ю. Н. Указ.соч. с. 96.

¹²⁴⁴ Правда, известны редкие случаи образования государственной организации и у скотоводческих обществ, например, в Центральной Азии, как и существование государств без письменности.

* * *

Главными занятиями населения раннефеодальной Абхазии, как уже отмечено, являлись земледелие и скотоводство. Развивалась и торговля, о чем говорят найденные в различных пунктах денежные знаки того периода. Их находят, что очень важно, не только в прибрежной, но и в предгорной и частично горной полосе – это боспорские, понтийские греческие, персидские, римские, византийские, арабские, грузинские, трапезундские монеты и монеты других стран. Большое место в хозяйственной жизни страны занимали различные ремесла – металлообработка, гончарство, судостроение, обработка шкур и кож, ткачество и др. В качестве товарного продукта несомненно, продолжали эксплуатироваться и природные ресурсы – лес, металлы, мед, воск, шкуры, пушнина и т.д.

Основными классами общества были господствующий класс феодалов и трудовое крестьянство. Наиболее многочисленный слой лично свободных мелких собственников – земледельцев и скотоводов (анхаю) продолжает быть главным производителем материальных благ страны. Из среды все еще довольно слабо дифференцированного крестьянства выходили по преимуществу остальные категории населения. Высший слой господствующего класса составляли владетельные князья (ах),¹²⁴⁵ и дворяне (аамыста) нескольких высших и низших категорий. Отсутствовало еще обозначение самой высшей феодальной категории – князей – тавадами. Заимствованный из грузинского термин «атауад», принятый для обозначения князя, проникает в Абхазию не раньше XIV в.

Во властвующую социальную группу входили также духовные князья, высшие служители христианской церкви, а также жрецы влиятельных языческих святилищ (аныхагџаацаа). Церкви и монастыри имели большой вес в экономической, политической и культурной жизни края. Они были по существу настоящими феодальными владениями, являясь самыми крупными землевладельцами, обогащавшимися пожертвованиями и пожалованиями разных владетелей и царей. Например Баграт, построив Бедийский храм и создав там епископскую кафедру, пожаловал ему многие села с ущельями и лесами. Так несомненно поступали и предшествовавшие ему абхазские цари. Наиболее крупным церковным владением был, однако, позже ставший по значению «интерлокальным» – Пицундский храм. Там находилась резиденция абхазского католикоса, которому в течение XV – XVI вв. в религиозном отношении подчинялась вся Западная Грузия.

Феодальная раздробленность, политическая неустойчивость, непрекращающиеся смуты и распри, а также сложное переплетение феодальных отношений с пережитками дофеодального общественного устройства не могли не влиять отрицательно на развитие края, в том числе этническое. И все-таки как достигнутый уровень внутреннего накопления производительных сил, так и длительные интенсивные связи с народами, с богатой политической историей, многовековой опыт создания племенных союзов, «княжеств» и царств, подготовили условия для сравнительно раннего развития у абхазов своей феодальной системы и своей государственности. В системе этих связей важное место занимали взаимоотношения с Лазикой.

Как считают, уже с конца IV в. на территории Западного Закавказья сформировалось раннеклассовое политическое образование под названием Лазского (Эгрисского по грузинским источникам) царства со столицей в Археополе (совр. Нокалакеви). Современные грузинские историки пишут что «мощная» Лазика, хотя и находившаяся в вассальной зависимости то от Византийской империи, то от Сасанидского Ирана, объединяла не только западногрузинские области мегрело-чанов, сванов и других племен, но и Абхазию – Аписилию, Мисиминию, а также частично Абазгию. Последняя, будто-бы отпав от Лазики, с первой половины VI в. находилась под непосредственным

---

¹²⁴⁵В начале XIII в. упоминается правитель цхумской, т.е. Сухумской области **Дотагод Шервашидзе**. //«История и восхваление венценосцев». – Тбилиси. 1954, с. 38.

протекторатом Византии. Впоследствии и в самой Лазике царская власть была упразднена и там правили византийские наместники – патрикии.

Впрочем, историк **М. М. Гунба**, судя по данным источников, никак не считает Лазское царство мощным, так как оно почти постоянно находилось под протекторатом то Ирана, то Византии. В то же время он пересматривает и взаимоотношения между Лазикой и всей Абхазией в период V – VI веков,¹²⁴⁶ как их подают в современных работах.

Что же касается взаимоотношений между Лазикой и Абхазией, правда, несколько более позднего времени, то во всех случаях, когда правители Лазики в силу тех или иных обстоятельств были вынуждены покинуть свою страну, то бежали не в Сванетию, скажем, или другие места, а «находили надежное убежище именно в Абхазии»¹²⁴⁷ (Абазгии) и получали от нее военную помощь.

Немалый интерес представляет пассаж в тексте Прокопия о действиях персидского полководца **Набеда**. Вместо оказания помощи, отправшим от Византии абазгам, **Набед**, вызвавший, как видно, недовольство абазгов какими-то неблагоприятными действиями, повернул назад из Абазгии, забрав с собой **60 мальчиков из числа самых знатных семей страны**. Проходя же Апсилию и узнав, что там находится византийка **Феодора**, жена царя **Опсита**, он пленил и ее и увел с собой. Удивляет, что царица **Феодора**, находилась почему-то не вместе с родней лазского царского рода где-нибудь в Лазике, а именно в Апсилии, да и абхазское имя лазского (согласно Прокопию) царя **Опсита** также наводит на многие размышления.

Идентичность имен апсильского и лазского правителей – **Опсит**, думается, должно явиться предметом отдельного специального рассмотрения в системе абхазо-лазской ономастики: **Лаз** (ср. староабхазские мужское и фамильное имена **Лаз**, **Лаз-ба**), **Маласс/Маласса**, **Губаз**, **Дамназ (Замназ)**, **Цата (Цате)**, **Опсит** и др.

Если же говорить о собственно лазской династии, то среди ее местных правителей наиболее известны несколько царей: **Губаз I (Цата, Цатий)**, **Губаз II** и **Цата/Цате** – младший брат Губаза II, также возможно носивший второе (родовое?) имя Губаз¹²⁴⁸. Происхождение, т. е. этническая принадлежность этой династии все еще остается невыясненной.

Фамильное имя грузинских летописей, выступающее в форме **Губадзе**, **Н. Я. Марр** пытался объяснить, исходя из абхазского и считал, что если отбросить наращенное дзе, то останется **Гу-ба** – абхазская фамилия со значением «сын сердца»¹²⁴⁹.

Антропоним **Губаз**, отсутствующий, как и **Лаз**, в номенклатуре современных западных грузин, встречается по сей день лишь у абхазов, правда, не у южных (абжуйских), ближайших к исторической Лазике, как следовало, казалось бы, ожидать, а у северных (бзыбских) в качестве крестьянской абхазской фамилии. Ее представители, живущие числом до десяти семейств в с. Мгудзырхва, хранят, к сожалению, какие-то, очень смутные воспоминания о своем «царском» происхождении, связанные к тому же, возможно, с книжной традицией.

Существует старинная загадочная народная песня-заговор, где, наряду с другими редкими абхазскими родовыми именами, упоминается и Губаз в форме Губз, множественное число – Губзаа. Эта песня, почти не поддающаяся переводу, гласит:

...Гыблаа Цыгыгы,
Цыгыгыраа,

Гублаа Джугу,
Джугуговцы,

¹²⁴⁶Подробнее об этом см. в главе «Абхазия и Лазика в IV – V вв.» книги **Гунба М. М.** Абхазия в первом тысячелетии. – Сухуми. 1989, с. 157 – 175.

¹²⁴⁷**Амичба Г. А., Папуашвили Т. Г.** Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей. – Тбилиси. 1985, с. 63.

¹²⁴⁸В данном случае обозначение лазских царей Губазов I или II является чисто условным и дается по времени их упоминания в исторической литературе, а их, скорее всего, было больше.

¹²⁴⁹**Марр Н. Я.** Из лингвистической поездки в Абхазию.// **Марр Н. Я.** О языке и истории абхазов. с. 57.

Щаи-уй!
Гъбзаа акъа-къашъа
Суйаа рашъа,
Гъышърчаа рышйа,
Щаи-уй!

Хай-уй!
Губзовцы.....?
Сукваровцев песня,
К Пышвурчавцам (удались),
Хай-уй!

Исполняли эту песню-заговор, чтобы скот, застряв ночью в лесу, не стал жертвой зверей¹²⁵⁰.

Вообще же многообразные абхазско-лазские параллели и взаимоотношения – особая благодатная тема, к сожалению, пока неразработанная.

Абхазия уже к концу VIII в., а возможно и значительно ранее фактически освободилась от византийской зависимости. Правда, сама Византия никогда официально не признавала отпадения Абхазии от империи, не удостоивала ни одного из абхазских царей после VI века звания «царя» («басилевса»), именуя их лишь «архонтами» (старшими начальниками, правителями), а после VIII в. «эксусиастами» (владельцами). Однако в письме к царю **Георгию II** (ок. 923 г.) Константинопольский патриарх **Николай Мистик**, обращаясь к нему с просьбой, пишет о его «царском достоинстве» (письмо №162)¹²⁵¹. Сохранялись и знаки некоторой формальной, а вернее символической зависимости. В частности, византийский император присылал царю Абхазии (так же как и другим независимым от Византии правителям), а последний по-прежнему принимал от него золотую буллу – круглую печать, с изображением императора, скреплявшую императорские акты (абх. амхэыр – печать, и амхэыр аарханы – ставить печать). Следует вообще иметь в виду то обстоятельство, что Византия почти беспрерывно господствовала здесь в течение нескольких веков, а потому ее влияние еще долго не могло не сказываться в различных областях, особенно в области культуры и церковной жизни.

* * *

Как уже говорилось выше, ряд исследователей, прежде всего **К. Н. Афанасьев** и **В. А. Кузнецов**, изучая восточно-византийское влияние на культовое строительство Абхазии и Алании раннего средневековья, выделяют собственно абхазскую школу восточно-византийской церковной архитектуры, для которой характерны выступающие наружу полуциркульные или граненые абсиды, наличие нартекса и приделов с трех сторон, крестообразные в сечении столбы, отсутствие декора, характерные пропорции барабана и купола, базиликальный план центрального нефа и др. (храмы в Лоо¹²⁵², Алахадзы, Пицунды, Бзыби, Лыхны, Мсыгхуа, Симона Кананита, Моквы, первоначальный храм и в Бедии, а также большой храм у реки Ингур, согласно описанию Дюбуа де Монпере и др.). Как показали исследования указанных авторов, абхазское влияние в церковном строительстве в конце эпохи раннего средневековья, распространилось и на захребетную область (Северный Зеленчукский и Шоанинский храм в верховьях Кубани). Вместе с тем, говоря об Абхазии, указывается на «достаточно высокий уровень и организацию местного строительного дела и наличие здесь опытных мастеров, обладавших определенными производственными традициями, ибо вряд ли можно сомневаться в их активном участии в строительстве храмов»¹²⁵³.

¹²⁵⁰Со слов 88-летней **Тинат Хагуш** записал в с. Дурипш Константин Габния в 1975 году.

¹²⁵¹**Nicholas I Patriarch** of Constantinople. Letters.(Greek text and English transl. by **R. H. Jenkins, L. g. Westernik**) –Washington, 1973, p. 279.(См. и **Е. К. Аджинджал**. Из истории христианства в Абхазии. – Сухум, 2000, с. 107-108. (Прим.комм.)

¹²⁵²Ныне раскопаны руины подобного трехнефного купольного храма в самом Сочи (**Егоров Ал.** В Сочи найден самый древний христианский храм в России) // Газ. «День» № 241, октябрь 27. – Сочи. 2010.

¹²⁵³**Кузнецов В. А.** Северный Зеленчукский храм //СА.1964, № 4, с.147–149. **Его же.** Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе. 1986, с. 39 – 46 и др. В изучение типологического сходства северкавказских храмов с абхазскими, большой вклад внес **Афанасьев К. Н.** Типологический и пропорциональный анализ Верхнекубанской группы храмов Северного Кавказа. //Новые материалы по археологии Центрального

О полном освобождении Абхазии от византийской зависимости следует говорить осторожно, так как отделение не являлось абсолютно полным и окончательным, т.к. Византия еще была в состоянии в случае необходимости попытаться восстановить силой свое господство над всей или частью Абхазии. Так, в период существования абхазо-грузинского царства значительную часть Абхазии, в том числе Анакопию с прилегающей с северо-запада территорией с 1032 года, в течение сорока с лишним лет занимали византийцы. Имеются основания говорить и о том, что Абхазия сохраняла и определённую религиозную зависимость от византийской церкви. Так, по словам **И. А. Джавахишвили** «абхазский архиепископский престол в Севастополе входил тогда в паству иерарха константинопольской церкви в качестве автокефального архиепископства». В XI веке и Анакопийская церковь в течение почти полувека находилась в подчинении византийского патриарха.

При всем том, однако, занятая борьбой с арабами, раздираемая внутренними противоречиями и клонившаяся, под влиянием этих и других факторов к упадку, Византия вынуждена была, хотя бы временно, отказаться от своей активной завоевательной политики по отношению к народам Закавказья и довольствоваться лишь внешними, номинальными знаками своего верховного права сюзерена над фактически независимыми от нее правителями.

* * *

Современные абхазы являются непосредственными потомками древних и средневековых абхазов и ни с кем не делили на основной части территории своей страны этнической гегемонии. Идентичность современных абхазов (апсуа), в смысле прямой этнической преемственности средневековым абхазам (выступающим иногда и под племенным названием абазгов), так же как и языковую и культурную особенность, отличающую их от всех других народов, можно считать неоспоримыми. Этническая самостоятельность абхазского народа не может быть подвергнута никакому сомнению. Это доказывается, в частности, на основе неоднократно цитированного выше грузинского анонимного исторического произведения «История и восхваление венценосцев», составленного в 20-х гг. XIII в., посвященного жизни и деятельности грузинских царей второй половины XII и самого начала XIII вв. – **Георгия III, Тамары** и ее супруга **Давида Сослана**, относящегося к важнейшим источникам по средневековой Грузии и Абхазии. Рассказывая о рождении у царицы **Тамары** наследника престола **Георгия**, которому было дано абхазское имя **Лаша**¹²⁵⁴, составитель этой «Истории...» пишет: «собрались на счастье и судьбу Лаши, которое переводится с языка **апсаров** как «просветитель вселенной». При этом автор, давая понять, что «**Лаша**»¹²⁵⁵ – негрузинское слово, непонятное простому читателю-грузину, счел необходимым дать его перевод. Хотя в Грузии, в том числе при царском дворе, знание абхазского языка не было в то время, надо полагать, неожиданностью, как об этом свидетельствует и сам пример с «Лашой».

Другой не менее важный вопрос: почему, в связи с чем понадобилось знаменитой царице, имевшей мужем царя осетинского народа, назвать своего сына-наследника абхазским, а не осетинским возвеличивающим именем-эпитетом? Эту эпиклему вернее перевести не как «просветитель», а как «светлый», «сияющий», «освещающий», «блистательный», «лучезарный», сохранившим в абхазском языке тот же смысл до настоящего времени. Не является ли это отражением далекой и долгой традиции, связанной с номенклатурой абхазских царей, тронным прозванием или *nomen sacrum* – в

Кавказа. – Орджоникидзе. 1986, с. 105 – 109, а также **Афанасьев К. Н., Чачхалия Д. К.** Моквский кафедрал //Ж-л «Апсны аказара». 1989, № 2, 3.

¹²⁵⁴ Отметим, что не только у абхазов, но и у абазин все еще встречается и довольно широко, имя **Лаша** (например, **Лаша-Махмут Куадзба** из абазинского аула Старо-Кувинск и многие другие).

¹²⁵⁵ «Жизнь Картли». 1913, с. 434.

смысле русской «светлости» (вспомним, что и сына колхидского царя **Эта** – **Апсирта** называли **Фазтоном**, т.е. «сияющим» «блестящим»).

Итак, в анонимной «Истории...» недвусмысленно отмечается этническая самостоятельность абхазов, которые в документе выступают под именем **апсаров**, а этот этноним, несомненно, происходит от самоназвания абхазов – апсуа (аҧсуа). Речь идет, как сказано, о рождении у **Тамары** единственного наследника, в ознаменование чего был устроен торжественный прием и предпринят поход в Барду (по-грузински Бардави) – древний город Азербайджана на р.Тердер – правом притоке Куры (юго- восточнее Тбилиси)¹²⁵⁶, а младенец наречен оригинальной и яркой эпиклесой – **Лаша** (это слово в армянской надписи на стене Багаванского храма в Армении сохранило абхазский аффикс **а**: «В царствовании **Алаша**...»).¹²⁵⁷

После того, как автор прокомментировал цитированное место с указанием как языковой принадлежности, так и этимологии прозвища, не остается никакого сомнения в собственно абхазском происхождении интересующего нас термина. Перед нами полное совпадение как абхазской языковой принадлежности, так и абхазской же этимологии имени **Лаша**, которое переводится только с языка апсаров, что является единственным общенациональным самоназванием собственно абхазов (аҧсуа). И только на этом языке оно поддается осмыслению как светоч, потому что действительно только на абхазском «лаша» означает свет, сверкание, блистательный, освещение (ср. поговорку: **Ацара** – **лашароуп**, **ацарадара** – **лашыцароуп**, т.е. «ученье – свет, неученье – тьма»).

Какие, на основании приведенного летописного сообщения, можно сделать выводы? Укажем, например, на три момента:

во-первых, средневековые собственно абхазы представляли собой отдельный, этнически самостоятельный народ апсаров, т.е. апсуа со своим особым языком, отличным от всех других языков, в том числе от грузинского и всех его диалектов;

во-вторых, абхазский язык взаимодействовал с соседними языками, в частности, некоторые характерные абхазские слова и выражения сохранялись и в грузинской царской семье;

в-третьих, представители образованных кругов грузинского феодального общества не только хорошо отличали в этническом отношении абхазов и грузин (включая любые грузинские этнические группы), но, видимо, и сами могли неплохо знать абхазский язык, как об этом свидетельствует текст **Анонима**, где фигурирует **Лаша**. Во всяком случае, составитель летописи, который, несомненно, был человеком из близкого окружения царицы, должен был хорошо понимать абхазский, иначе он вряд ли мог бы делать для широких кругов народа такие точные пояснения к указанной лексической единице.

И вновь возникает вопрос, почему все-таки для имени царевича было использовано коренное абхазское слово, а из абхазской лексики выбор пал именно на слово «лаша», и почему с этой ситуацией совпал и военный поход на дальний восток? Иначе говоря, не связана ли история с Лашой с какими-нибудь абхазо-грузинскими обычаями и традициями¹²⁵⁸?

На мой взгляд, вся эта история является еще одним из веских доказательств того, что абхазы и грузины высших кругов поддерживали между собой многообразные культурно-исторические, родственные и прочие традиционные связи и отношения. В данном конкретном случае, возможно, мы имеем дело со взаимоотношениями, вытекающими из общего для этих народов древнего обычая, так называемого, аталычества, пережиточно дожившего у абхазов вплоть до первых десятилетий XX столетия. Суть этого обычая состоит, как известно, в том, что дети привилегированных родителей с момента рождения

¹²⁵⁶ Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников./ Перевод, предисловие и примечания **Г. А. Амичба**. – Тбилиси. 1988, с. 91.

¹²⁵⁷ **Ашхацава С. М.** Указ. соч. с. 26, 28.

¹²⁵⁸ Я здесь оставляю открытым вопрос о какой-либо возможной связи абхазского «лаша» с красочным пшаво-тушинским языческим праздником **Лашара**, **Лашароба**, требующим, специального рассмотрения.

в течение ряда лет (иногда до совершеннолетия), воспитывались в семьях из нижестоящих социальных категорий (в особых, правда, редких случаях молочная мать могла кормить своего питомца в доме его родителей). При этом воспитатели одаривались родителями за труды по воспитанию ребенка, нередко весьма значительными ценностями. Они же не только растили, холили и лелеяли своего воспитанника, как самое дорогое и любимое существо, но сами же иногда и нарекали его именем или прозвищем, и голубили ласковыми словосочетаниями: **Лаша**-алаша, алашара, сылашара – мой свет, халашара – наш свет, ясный день.

Этот путь мне представляется одним из возможных вариантов решения поставленного вопроса. Подчеркиваю, не исключается, что в указанном летописном сообщении можно предполагать случай, когда грузинского царевича забирают его воспитатели – какой-то родовитый абхазский аталык и сопровождающие его лица, получавшие ценные подношения, которыми родители награждали новых родственников из «страны (народа) апсуа».

Много может иногда нести в себе информации даже небольшое по объему сообщение содержательного исторического источника. **Жаль только, что исследователи не уделяют ему должного внимания, а иногда и умалчивают его. В издании 1954 г., к сожалению, как ни странно, оказались опущенными как раз слова о том, что Лаша «с языка апсаров переводится...» и сказано только «...Лаша, что значит «Просветитель вселенной»¹²⁵⁹. Ясно, что сделано это неслучайно!**

Можно привести целый ряд и других доказательств этнической индивидуальности средневековых абхазов, с их собственным языком и самобытной культурой. В представлении многих авторов, в том числе грузинских, абхазы выступали как отдельная «этническая единица, которая в этом отношении отличалась от других народов Кавказа, в частности, как от картвельской народности в целом, так и от ее отдельных этнических ветвей – картвелов, мегрелов и сванов»¹²⁶⁰.

Несмотря на, казалось бы, самоочевидность всего этого, даже в научной литературе не обходится иногда без фальсификации и искажения исторической действительности. Например, как об этом говорилось выше, **П. Ингороква** в работе «**Георгий Мерчуле**» утверждает, что **Леонтий Мровели** не упоминает об абхазах, поскольку считает их этнически идентичными эгрисцам (мегрелам) или картам, отождествляя их друг с другом. Тезис об отсутствии предков современных абхазов на территории нынешней Абхазии вплоть до позднего средневековья он пытается доказать и фальсификаторским «анализом» топонимики Абхазии, которую (топонимику) считает почти целиком принадлежащей «грузинскому языковому миру», хотя, как указывалось выше, **само название Егриси отражает абхазскую форму Егры. Реку Ингур абхазы и теперь называют по-прежнему Егры**, также как и речку в Бзыбской Абхазии (ср. и Егеркуай – название адыгского аула и племени). «Экер», «эгер» – армянское наименование адыгов и абхазов, как пишет об этом **С. F. Neuman** в своей работе «Черкесы и Россия», ссылаясь на «егерацик» – средневековое название адыгов и абхазов армянских источников и т. д.).

Как увидим ниже, в некоторых средневековых источниках абхазы иногда действительно отождествляются с грузинами. Но это объясняется или неосведомленностью автора источника, или слишком широким пониманием этнического и территориального содержания в определенную эпоху термина «абхазы», подобно тому, например, как нередко «черкесами» называются в старой литературе все народы абхазо-адыгской группы в совокупности и даже шире. Наиболее же объективные и точные источники всегда хорошо отличали абхазов от других народов, в том числе и от грузин.

Одним из примеров этого является указанное выше сообщение известного арабского историка X в. **Масуди**. Побывав лично в Армении и Азербайджане, он писал следующее:

¹²⁵⁹ «История и восхваление венценосцев». / Перевод и примечания проф. **К. С. Кекелидзе**. – Тбилиси. 1954, с. 53, 106.

¹²⁶⁰ **Анчабадзе З. В.** Указ. соч. с. 218.

«Народ, соседний со страной Алан, называется абхаз. Абхазцы исповедуют христианство и имеют своего царя... Живут они около горы **Кабх**. К ним примыкает царство Джурзия (Грузия). Это большой народ, они христиане и называют их **джурзан**. Они теперь имеют царя... Абхазцы и грузины платили харадж владетелю пограничной области Тифлис с того времени, как Тифлис был завоеван и в нем поселились мусульмане»¹²⁶¹. Тот же автор упоминает «народ **Хазран**, различный от абхазов», причем истоки р. Кур, говорит Масуди в другом месте, находились в области **Хазран**¹²⁶². Соседство с аланами, близость горы **Кабх** (Кавказ) и упоминание отличного от абхазов отдельного народа, расположенного южнее собственно Абхазии под именем хазран, дают основание думать, что в приведенной цитате под абхазами понимаются только собственно абхазы.

В тюркском (огузском) героическом эпосе – «Книге моего деда **Коркута**», относящемся к XI – XIV вв. и рассказывающем о событиях в восточной части Анатолии, греки (трапезундские), грузины и абхазы упоминаются как самостоятельные христианские народы – «гяуры», с которыми сталкивались исламизированные турки¹²⁶³. Вряд ли в XIII – XIV вв., к которым в основном относятся приведенные сведения, под абхазами понималось все население Западной Грузии, тем более, что в разных исторических источниках VI – XV вв. мы находим и параллельное употребление терминов «Абхазия» и «абхазы» наряду с терминами эгрисцы, лазы, сваны и другие, что свидетельствует о том, что «Абхазия» и «абхазы» понимались не только в широком, но, конечно, и в узком смысле¹²⁶⁴. А иначе и не могло быть.

Итак, у многих авторов абхазы и грузины упоминаются как этнически самостоятельные народы, имеющие свои отдельные названия, свои территории, свои языки и культуру. Например, баварский автор рубежа XIV – XV вв. **Иоанн Шильтбергер**, перечисляя народы, исповедующие греческую веру, указывает и языки, на которых проводилось богослужение в его время: греческий, русский, валахский, венедский, болгарский, **ясский**, **готский**, **зихский** (черкесский), **абхазский, грузинский, мингрельский**¹²⁶⁵.

И его современник, архиепископ персидского города Султанийя **Иоанн де Галонифонтибус**, чуть более ранее него, писал об абхазах, что они «располагают множеством животных и прекрасным вином... в вере следуют грузинам... имеют свой собственный язык... и искусны в выделке сукна, холста и шелка»*

И армянский автор **Товма Мецопеци** писал, как грузинский царь Баграт, обращенный Ленгтимуром в мусульманство, обманул его, сказав: «Дай мне большое войско я поеду в Грузию, займу всю страну и обращу в вашу веру, поскольку народ тот восьми языков, всех покорю и обращу в вашу религию. Вот эти языки: дельский, осетинский, имеретинский, **мегрельский, абхазский, сонский, грузинский, месхский**»¹²⁶⁶.

Если в течение первых веков на территории Абхазии по-прежнему отмечается существование нескольких этнополитических единиц – апсилы, мисимияне, абазги, саниги, – то с середины I тысячелетия на карте края находят отражение процессы

¹²⁶¹ Цит. по **В. Ф. Минорскому**. История Ширвана и Дербента. – М. 1963, с. 209 – 210.

¹²⁶² **Брун Ф.** Путешествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря // ЗИООИД. Том IX. – Одесса. 1875, с.174.

¹²⁶³ Книга моего деда **Коркута**. Огузский героический эпос. – М – Л. 1962, с. 49, 142.

¹²⁶⁴ **Анчабадзе З. В.** Из истории средневековой Абхазии. с. 224.

¹²⁶⁵ **Брун Ф.** Путешествие **Иоанна Шильтбергера** по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. // Записки императорского Новороссийского университета. Том I. Вып. первый-второй. – Одесса. 1867, с. 102.

Иоанн де Галонифонтибус. Указ. соч. с.19.

¹²⁶⁶ **Товма Мецопеци**. История Ленгтимура (Тамерлана) и его преемников (на древнеармянском языке). – Париж. 1860, с. 20 (цитировано по книге **Налбандян В. С.** Тбилиси в армянских литературных памятниках древних и средних веков. – Ереван. 1961, с. 115.

определенного сближения родственных племен, их этнической консолидации. Социально-экономической предпосылкой образования единой абхазской народности было возникновение с V – VI вв. феодальной системы, отдельные элементы которой начинают обнаруживать себя, надо полагать, с позднеантичного времени. Нарождавшийся класс феодалов использовал в своих целях христианство, которое утверждается здесь в качестве официальной религии в VI в., хотя распространялось здесь с гораздо более раннего времени. Оно несомненно освящало борьбу верхних слоев общества за создание независимого от Византии единого государства, одновременно являясь надежным идеологическим оружием воздействия на широкие народные массы. В то же время оно, как видно, в свою очередь, стимулировало процессы общенародного самоопределения. Все это содействовало постепенному формированию и консолидации в течение VI – VII вв. относительно единой раннефеодальной абхазской народности, что нашло свое определенное отражение и в некоторых исторических источниках (главным образом, древнегрузинских). Так, вместо ранее употреблявшихся этно-географических терминов «Абшилети», («Апсилия»), «Абазгия» («Авазгия»), «Санигия» и другие, постепенно получает преобладание общее собирательное название «абхазы» (по-грузински «абхазни»). Теперь у абхазов имеется и общий не два, а один правитель «царь абхазов» – **Апсха**, стоявший во главе созданного им «царства» с династией абхазского происхождения¹²⁶⁷.

Неблагоприятные для Византийской империи внутренние и внешнеполитические факторы поставили ее перед необходимостью разрешить вассальной Абхазии самой выбирать своего собственного правителя, называвшегося у греков «архонтом» (так именовалось высшее должностное лицо в древнегреческих полисах), по-грузински – «мтавари», а у самих абхазов – «ах» (ах) – владетель, а затем и «**Апсха**» (Аḡсха) царь Абхазии, царь абхазов. Как видно к середине VIII в. Византия оказалась вынужденной признать **Леона I** правителем Абхазии от Клисурь и почти до Таманского полуострова. Этим был сделан очень серьезный шаг к созданию крупного абхазского раннефеодального государства.

В VII – VIII вв. Абхазия представляла собой густонаселенную страну с растущими производительными силами и сравнительно выгодным международным положением. Высшая социальная категория была представлена светской и духовной знатью, низшая – крестьянами раннефеодальной эпохи. «Страна Абхазская» имела своего владетеля, епископов, священников, в ней процветало христианство¹²⁶⁸. Большие христианские храмы в прибрежной полосе и, что особенно важно – невероятно многочисленные небольшие церковки покрывают всю территорию Абхазии, заходя глубоко в предгорную и в горную зоны, что говорит не только о густой заселенности всего края, но и о широкой христианизации населения. Величественные же базилики, крестовокупольные и другие храмы строились здесь с V–VI вв., а однефные церкви с выступающей апсидой – со второй половины III в.¹²⁶⁹. Большие размеры соборных храмов указывают на существование крупных поселений, ибо «без связи с значительным поселением такие базилики бессмысленны»¹²⁷⁰.

Особое значение имели взаимоотношения с Византией и не только во время ее владычества в крае, но и в последующие века. И в этом плане значительный интерес представляют, в частности, приведенные выше сведения феофановой «Хронографии».

В источнике, к сожалению, почти отсутствуют сведения о культуре и быте населения Абхазии того времени. Но он все же дает некоторое представление о политической обстановке в крае (взаимоотношения с Византией, аланами и арабами), о локализации

¹²⁶⁷ **Амичба Г. А.** Сведения средневековых грузинских нарративных источников об Абхазском царстве и Абхазском княжестве. – Тбилиси. 1969, с. 7 – 10.

¹²⁶⁸ Памятники древнегрузинской агиографической литературы. – Тбилиси. 1956, с. 49 – 51.

¹²⁶⁹ **Апакидзе А. М.** Археологические раскопки в Пицунде. // «Великий Питиунт» III. – Тбилиси. 1978, с. 19.

¹²⁷⁰ **Якобсон А. Л.** Указ.соч. с. 219; История Византии. Том I. – М. 1967, с. 150 – 153.

абхазских племен – абасгов и апсилов, некоторых из их ближайших соседей, а также о характере их взаимных связей и отношений. В частности, как видно из этого описания, в VIII в. с абасгами, а возможно уже и с апсилами непосредственно граничили через хребет аланы (в этот период они были распространены на Северном Кавказе от бассейна верховьев Кубани до бассейна Терека – на территории современных Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). В состав апсильской территории вполне возможно входил уже весь бассейн р. Кодор и вся бывшая Мисиминия, а также и земли, расположенные по побережью как северо-западнее, включая территорию современного Сухумского района, так и юго-восточнее до р. Ингур, а скорее всего и далее. Как мы видели, будущий император **Лев**, направляясь к аланам, сделал остановку в Фасисе, а затем, продолжая путь, вступил непосредственно на территорию Апсии. Но **Феофан** не указывает, где проходила юго-восточная граница апсильской территории, находившаяся по всей вероятности, где-то между рр. Риони и Ингуром. Что же касается Мисиминии, то судя по Феофану на нее еще не распространилось название Апсии. Хотя он и не называет Мисиминию, но она явно подразумевается в фразе, где говорится, что «...Лев разрушил стены [крепости Тцахар-Сидерон] ... (затем) **отправившись в путь, спустился в Апсию** с Марином...»¹²⁷¹. Значит крепость находилась не на территории Апсии.

У Феофана мы не находим прямого ответа и на вопрос о политическом статусе и о взаимоотношениях упоминаемых в источнике двух основных областей Абхазии того времени. При всем том, категорический отказ спафария **Льва** возвращаться через «Абазгию» («через Абазгию я не пойду»), а также то обстоятельство, что его путь как в Аланию, так и обратно лежал через Апсию, вероятнее всего по Даринской, то есть Военно-Сухумской дороге, может свидетельствовать о сравнительно более мирных отношениях апсильских правителей с империей, в то время как Абазгия, добивавшаяся освобождения от византийской зависимости, находилась с ней, мягко говоря, в натянутых отношениях. Главная цель миссии **Льва** как раз и состояла в том, чтобы, натравив алан на абазгов, вернуть последних вместе с их правителем абазгом к повиновению и покорности Византийской империи.

***

В результате внутреннего развития и более или менее благоприятных внешнеполитических условий происходит создание практически самостоятельного Абхазского государства. Надо полагать, что на первом этапе в его состав вошли собственно абазги, затем саниги и некоторые другие близкородственные племена. Вслед за этим наступает второй этап, когда оно выступает уже как достаточно независимая политическая единица, которая (вопреки желаниям Византии) стала расширяться за счет родственных северо-западных племенных объединений. В VIII в. граница этого довольно обширного для того времени и по кавказским масштабам политического объединения, доходила на севере до Никописи. С военно-политической экспансией абазгов было связано и расширение их культурного влияния. В VII – VIII вв. и позже некоторые северокавказские народы (аланы, адыгские племена и др.) испытывали, по словам **А. В. Гадло**, «сильное воздействие византизированной культуры абазгов и апсильской».

Абхазские правители все больше начинают проявлять самостоятельность, предъявляя свои претензии к соседним княжествам и царствам. В этом смысле характерны взаимоотношения, возникшие между абхазским **Леоном I** и правителем Эгриси – **Арчилем**. Некоторые исследователи, касаясь этого вопроса, иногда недостаточно учитывают, как мне кажется, тот факт, что сравнительно благоприятные исторические условия периода VII – VIII вв. способствовали усилению Абхазии, упрочению её самостоятельности, вследствие чего зависимость **Леона** от **Арчила** вряд ли вообще когда-

¹²⁷¹ **Чичуров И. С.** Указ. соч. с. 67.

либо имела место! По-видимому, реальное соотношение их сил было таково, что ни о какой фактической зависимости в тот период не могло быть и речи. Важно и то, что о ней мы знаем только из тенденциозного сообщения лишь одного грузинского автора.

В то время ни о правителе, ни тем более о царе Лазики (Эгриси) ничего не слышно, Абхазия же все более выдвигалась на передний план, а ее правители вовсе не считались с Лазикой. Понадобилось специальное письмо византийского императора **Льва III Исавра** к **Леону I**, в котором, жалуя ему и его потомкам «навечно» звание правителей Абхазии, вместе с тем повелевалось хорошо относиться как к самому Арчилу, так и к его народу, «ибо **отныне**, – писал он, – **ты не должен использовать свою власть в ущерб им и границам их эгрисским**»¹²⁷². Слово «отныне» говорит о каких-то событиях, в которых Леон позволял себе «использовать свою власть» «в ущерб» эгрисским границам, причем производил он это явно с тайного согласия Византии. Вероятнее всего, уже тогда к Абхазии была присоединена и восточная часть страны. Из этого отчетливого указания документа с совершенной очевидностью вытекает, что, если бы не сдерживающее с этого времени влияние Византии, то абхазский владетель располагал возможностью «использовать свою власть». Слова источника дают основание думать, что он прежде, по-видимому, не раз прибегал к силе для расширения границ своих владений, прежде всего для присоединения к себе «единокровной» Апсилии, а затем и самой Лазики.

Завершение процесса образования самостоятельного Абхазского царства падает на середину VIII в., точнее на 40-е годы,¹²⁷³ (по мнению **С. Н. Джанашиа**, объявил себя независимым царем, лишь **Леон II** и может быть только после 797 г.).

Вызывает большое сомнение господствующее в грузинской историографии объяснение происхождения самого термина «**Абхазское царство**». Говоря в двух словах, оно сводится к тому, что в VIII в. сформировалась крупная политическая единица, которая «якобы» лишь по этнической принадлежности царствующей династии стала называться Абхазским царством. Это положение, ставшее хрестоматийным, вошло и во все грузинские учебники и во все учебные пособия.

Иными словами, основным, определяющим признаком в этих (и подобных им) названиях государственных образований выступает этнический аспект: название царства обычно этнического, а не династического происхождения. При этом, как правило, именно коренная народность дает свое имя соответствующей стране или царству, независимо от того, местного или иноплеменного (иностранныго) происхождения царствующая династия. Так было в Грузии и Абхазии, царства которых назывались соответственно «Картвельским» и «Абхазским», а цари «Картвельскими» («Картвелта мепе») и «Абхазскими» («Абхазта мепе»).

Абхазское царство никогда и нигде не называлось «Эгрис-Абхазским». **Вахушти** употребил это сочетание для обозначения Западной Грузии только в исторической перспективе – сначала Эгриси, как он считал, затем Абхазети. При этом в процессе образования Абхазского царства власть над Эгриси не просто перешла в руки **Леона** как «родственника» бывших картвельских правителей, а была захвачена и присоединена к Абхазии, во главе которой стоял **Леон Абхазский**. Иными словами, этнические группы и их лидеры, опираясь на достигнутый уровень политического развития, сыграли решающую роль в образовании этого царства. Потому оно и вошло в историю под названием Абхазского. Процесс же его культурно-политической грузинизации начался впоследствии и протекал постепенно и лишь с XI века. (На территории Абхазии нет ни одной надписи на грузинском языке до XI или даже XII веков).

В грузинских средневековых документах Западная Грузия нередко называется то Эгриси, то Лихт-Имерети (букв. «по ту сторону Лихи»), то Апхазети¹²⁷⁴. Но в основе

¹²⁷² Цит. по **З. В. Анчабадзе**. Указ. соч. с. 73.

¹²⁷³ См. подробнее в работах **Гунба М. М.** К вопросу о времени образования Абхазского царства. // «Известия» II. – Тбилиси. 1973; **Его же**. Абхазия в первом тысячелетии. – Сухуми. 1989, с. 213 – 234.

¹²⁷⁴ Грузинские документы IX – XV вв. – М. 1982, с. 228, 238.

каждого из этих трех названий лежат наименования соседних, но все же отдельных этно-территориальных и политических образований – Имеретии, Мегрелии и Абхазии. В литературе же они часто выступают под одним общим именем Западной Грузии, в то время как картвелоязычными являются только две первые области (причем Мегрелия имела не только собственную территорию, но и свой собственный язык), что следует иметь в виду во избежание путаницы в отношении этнической ситуации в регионе в эпоху Абхазского царства и позднее.

Уже из сказанного видно, что Абхазское царство, включая его название – проблема номер один во всей средневековой истории Абхазии. Вопросов больше, нежели ответов. Существуют самые разные точки зрения почти по всем основным аспектам этой проблемы. Например, по сложному вопросу о времени и условиях его образования, о том, каковы были действительные взаимоотношения со смещенными арабами картлийскими правителями и владетелями и с самой Византийской империей, каков был этнический состав царства, когда произошло присоединение Апсолии и когда Эгриси, освобождение от византийского протектората, создание суверенного государства, а также вопрос о том, кто сыграл решающую роль в этом событии **Константин II**, **Леон I** или **Леон II** и в какой последовательности все это происходило и т.д.

Первоначальной и единственной столицей этого царства была **Анакопия** у современного Нового Афона, но вскоре, в царствование **Леона II** им были отстроены крепость и город **Кутатиси**, который он **сделал второй своей резиденцией** («...и сделал его престольным [городом] царя абхазов, вторым после Анакопии»).¹²⁷⁵ Вторым, а не новым! Это было выражением одного из наиболее ранних проявлений последующей политики абхазских царей.

Думаю, неверно мнение о том, что столицей царства с самого начала стал Кутаиси. На самом деле были две столицы – сперва только в Анакопии – в стране, давшей свое имя царству, а потом уже и в Кутаиси, и нигде не говорится, что Леон сразу же перенес столицу в Кутаиси. Значение первой, как резиденции царей и центра западной части царства продолжалось и в последующее время. Об этом говорит и тот факт, что Анакопия являлась, как видно, местом проживания, т.е. резиденцией одной из двух жен (младшей) царя **Георгия I** – царицы, аланской царевны **Алды** с царевичем **Дмитрием**, которому в наследство от отца, царя **Георгия** была назначена Анакопия, несомненно, с прилегавшими к ней с северо-запада землями и крепостями. **Дмитрий** с **Аldой** передали город византийцам после неудачной борьбы за власть. Даже гораздо позже **Вахушти** писал, что «был сей город превосходным, красивым, построенным над морем, а затем особенно он был возвеличен **Багратионами**; около сорока колонн его и сегодня виднеются в море». То есть Анакопия не теряла и при них своей былой славы и значения как западного центра царства. **Вахушти**, как бы опасаясь, чтобы его неправильно поняли, подчеркивает и уточняет, что абхазский царь «подобно Анакопии» **сделал сей Кутатиси «вторым стольным (городом)»**¹²⁷⁶ (выделено мной – Ш. И.). **К сожалению в издании Вахушти 1976 года переводчик Н. Т. Накашидзе счел нужным убрать эти слова, изменив тем самым смысл цитаты.** Между прочим, не только абхазские цари, владения которых простирались от Сурамских гор и почти до Кубани, но даже абхазские владетельные князья, власть которых ограничивалась пределами собственно Абхазии, также всегда, по традиции имели две резиденции – одну в северной части княжества в селе Лыхны, а другую – в южной, в местечке «**Старая Очамчира**»(быв. **Ачамчира**) вблизи устья р. Адзиква, продолжая, как видно, древнюю традицию.

Основание второй столицы в Кутаиси связано с присоединением Западной Грузии и произошло оно, по-видимому, достаточно скоро после образования царства. **Д.Гулиа** считал, что этот акт совершился в 806 году¹²⁷⁷.

¹²⁷⁵ **Вахушти Багратиони.** История царства Грузинского. – Тбилиси. 1976, с. 222.

¹²⁷⁶ **Амичба Г. А.** Указ. соч. с. 129.

¹²⁷⁷ **Гулиа Д. И.** История Абхазии. 1925, с. 213.

При основании царства, выдающийся абхазский государственный и политический деятель **Леон II** – племянник **Леона I**, воспользовался выгодным международным положением, а главным образом военной помощью со стороны хазарского кагана, дочь или сестра которого была его матерью (**Леон II** был двоюродным (?) братом византийского императора **Льва Хазарина** (775 – 780), поскольку оба они со стороны матерей были внуками или племянниками хазарского царя¹²⁷⁸). **Леон II** с неукротимой энергией приступил к созданию своего независимого государства. Прежде всего, он прочно объединил Абзгию и Аpsилию, а завоевав Эгриси и освободившись от византийской зависимости, объявил себя верховным правителем страны с титулом царя. Говоря словами документа, **Леон II**, овладев Абхазией и Эгриси до Лихи (Сурамского хребта), провозгласил себя «царем абхазов» и всего созданного им государства¹²⁷⁹.

Важнейшим документом, из которого мы черпаем сведения об условиях создания Абхазского царства, является грузинское анонимное сочинение XI в. «**Матианэ Картлиса**». В нем сказано, что когда ослабела Византия, от нее отложился **Леон II**, сын брата **Леона I**, внук (сын дочери) хазарского царя. Воспользовавшись силой хазар, **Леон II** отошел от греков. Присоединению же Лазики к Абхазии способствовало, как пишется в грузинских источниках, будто- бы то обстоятельство, что один из сыновей **Арчила**, правителя Эгриси – был уже мертв (эристав **Иоанн**), а другой (**Джуаншер**) – очень стар и поэтому не мог воспользоваться создавшимися условиями «для объединения Западной Грузии» под своей властью, а Абхазия, как указывал **С. Н. Джанашиа**, напротив, «сумела к этому времени накопить достаточное количество внутренних сил», так как была лучше ограждена от арабских завоевателей (хотя, как представляется, Лазики вошла в состав Абхазии уже при **Леоне I**).

После такого, как мы видим, отчетливого указания источника о характере присоединения Эгриси к Абхазии, не совсем понятно, на каком основании **З. В. Анчабадзе** солидаризируется с **П. Е. Ингороква** в той части, где последний алогично утверждает, что «Абхазский эристав не из Абхазии завладел Эгриси...»¹²⁸⁰. Ведь хорошо известно, что выдвигание одних владетелей за счет других, нескончаемые братоубийственные междоусобицы, захваты чужих территорий и расширение за их счет своих владений, являются закономерными явлениями феодального периода в истории всех стран и народов. Так было и в Абхазии, и в Грузии. Один из абхазских владетелей сперва забрал под свою власть земли других абхазских феодалов, а потом, пользуясь поддержкой хазар и ослаблением не только Эгриси, но и Византии, пошел дальше и завоевав Эгриси, утвердил и в ней свое политическое влияние. Это естественно в условиях феодализма и, вместе с тем, вполне соответствует духу и букве приведенного основного источника по вопросу об образовании Абхазского царства.

Некоторые авторы придерживаются того мнения, что присоединение Эгриси к Абхазии носило мирный характер, другие же, наоборот, склонны считать, что оно было насильственным, учитывая помощь со стороны военной силы хазар. В «**Матианэ Картлиса**» употреблено грузинское слово «**даипкра**» (დაიპკრა) когда говорится о присоединении Эгриси к Абхазии. Этот термин в современном грузинском языке понимается только в значении «завоевал» (ср. абхазский термин «**апкара**» (აჟკარა) – избивать, избиение), а в древнегрузинском, как считают

¹²⁷⁸В связи с указанными родственными отношениями **Леона II** с хазарами небезынтересно историческое предание о происхождении рода абхазских **Харазия**, записанное мною в 1961 г. в с. Джирхва со слов старейшего представителя этой фамилии **В. К. Харазия**. «Мой дед рассказывал, – говорил он, – что некогда мы вышли из Анапы. Нашего предка звали **Хараз**, а его сестра была какой-то очень большой правительницей». Фамилия известна и в форме **Хазария**, ***хазария** и **Щарзалиа**. Абхазскому языку не чужды подобного рода метатезы например: аказарма / акарзама, алаярыё/алаярыё, айбарыл-айбалыр. У абхазов сохранилось и имя Хазар.

¹²⁷⁹«Картлис цховреба». с. 25.

¹²⁸⁰**Анчабадзе З. В.** Указ. соч. с. 96.

грузинские ученые, в зависимости от контекста, в прошлом, видимо мог означать как «завоевал», так и «завладел», однако примеры последнего значения этого слова мне лично неизвестны. **С. Н. Джанашиа** склоняется к тому, что имел место «захват» старой Лазики абхазскими владетелями, хотя он и не настаивал на таком толковании и допускал также мирное присоединение Эгриси к Абхазии с санкции византийского императора. Но зачем в таком случае понадобилась военная сила хазар? Это нелогично.

Пытаясь примирить указанные точки зрения, **З. В. Анчабадзе** пишет: «Недостаток источников не позволяет нам категорически утверждать, что объединение Абхазии и Эгриси в одну политическую единицу было осуществлено только мирным путем при отсутствии какого бы то ни было насилия со стороны абхазского владетеля. Вполне допустимо, что некоторые элементы эгрисского общества, могли оказать сопротивление объединительной [вернее завоевательной] политике **Леона II**, однако, общественные силы, поддерживающие такую политику, были, по-видимому, значительно сильнее, поскольку это объединение диктовалось объективной необходимостью»¹²⁸¹.

Для эпохи феодализма вряд ли будет правильным настаивать на мирном пути. Не следует также ни малым, ни большим феодалам приписывать слишком высокие чувства, особенно когда речь идет о борьбе за власть, за подчинение своих политических противников. Все без исключения феодалы прибегали, не брезгуя ничем, ко всем средствам – мирным и насильственным – для достижения своей цели – господства над другими феодалами и расширения своих владений. Хорошо сказал об этом **И. А. Джавахишвили**: «Между этими мтаварами велась обостренная борьба за преимущество и господство; каждый из них изо всех сил стремился к тому, чтобы расширить свое владение, а чужое прибрать к своим рукам, объединить различные мтаварства и стать единственным господином; каждый думал о себе и всячески препятствовал действиям другого... Эта непрерывная, то скрытая, то явная борьба – достижение господства и объединение страны заслуживает большого внимания»¹²⁸². Лучше не скажешь!

Задача преодоления сопротивления народных масс составляла, по мнению **З. В. Анчабадзе**, один из главнейших мотивов, побуждавших феодальные элементы Лазики и Абхазии объединиться в одно централизованное государство¹²⁸³. В принципе против этого возражать особенно как будто бы и не приходится, но у нас нет фактов, подтверждающих данное положение, источники слишком мало сохранили сведений о сопротивлении масс и классовой борьбе. Вместе с тем, вообще будет натянуто объяснять происхождение централизованной монархии, главным образом стремлением феодалов к преодолению сопротивления крестьян.

Основным направлением политики абхазских царей было расширение территории своего царства как на Северо-Западе, так и на Юго-Востоке и Востоке. В соответствии с этим, после кратковременного «подлинно абхазского национального периода Абхазского царства» (**Н. Я. Марр**), его царь **Леон II**, по-видимому, уже в самом начале IX в. (по **Д. Гулиа**, в 806 году), основал резиденцию и в Кутаиси, а затем утвердил ее в качестве главной столицы, ставшей одним из важнейших культурно-экономических центров государства. С этого времени именем «Абхазия», по-грузински «Абхазети», стали называть всю Западную Грузию.

Абхазское царство было по тому времени обширным государством, простиравшимся от Никопсии на крайней северо-западной границе Абхазии, а по некоторым данным даже от «великой реки Хазаретии» (т.е. Кубани)¹²⁸⁴ до Сурамского хребта на востоке и реки Чорохи на юге. Собственно же Абхазия делилась в то время, согласно грузинской

---

¹²⁸¹ Там же. с.101.

¹²⁸² Цит. По **З. В. Анчабадзе**. Указ. соч. с. 122.

¹²⁸³ Там же. с.154.

¹²⁸⁴ **Джанашиа М.** Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. вып. XXII. – Тифлис. 1897, с. 26.

летописи, на две традиционные административные единицы – Северную и Южную Абхазию – исторические Абазгия и Апсилия.

По-моему, трудно полностью согласиться с **З. В. Анчабадзе**, неоднократно подчеркивающим тезис о том, что **Абхазское царство на протяжении всей своей истории «являлось грузинским, по своему характеру, политическим образованием»**¹²⁸⁵, что с воссоединением Западной Грузии под главенством абхазских царей, столица «сразу же» была перенесена в ее центральную часть – в Кутаиси.

Однако, Абхазское царство, созданное абхазами на первом этапе своей истории, включая сюда почти все время правления его создателя **Леона II**, вплоть до основания второй столицы в Кутаиси, есть основания считать абхазским «национальным» государственным образованием как по этническому составу своего населения (в том числе значительного процента родственного абхамам адыгского элемента, а вероятно и убыхского, также представленного в Абхазском царстве), так и по характеру его деятельности и направлению политической линии. Предпосылкой этому служили, как предшествующие социально-экономическое и политическое развитие страны, так, очевидно и значительное количество ее компактного населения.

Имеются основания предполагать, что Абхазия периода раннего и зрелого средневековья была, как указывалось выше, густонаселенной страной. Об этом говорит, что тоже уже не раз отмечалось выше, прежде всего необычайное обилие на ее территории христианских храмов, относящихся к этому времени. Во-вторых возможно, уже с той поры постепенно начинается переселение части избыточного населения Абхазии на Северный Кавказ. По мнению **Е. П. Алексеевой**, «можно считать, что уже с V – VI вв. предки абазин расселялись среди адыгов на восточном побережье Черного моря и в Закубанье. Число этих переселенцев увеличивается в X – XII вв. Отдельные протоабазинские группы, очевидно, проникали и в верховья Кубани...»¹²⁸⁶ Переселялись и в некоторые местности Западной, а частично и Восточной Грузии. Об этом свидетельствует установленное **С. Н. Джанашиа** абхазское происхождение известных в феодальной Грузии княжеских родов (напр. от **Гечба (или Кыч)** – **Качибадзе**, затем **Бараташвили** и другие, **Мачабели** – от **Ачба**, от многих иных родов – **Чачибая**, **Алшибая**, **Какубава**, **Езугбая** и пр.)¹²⁸⁷.

Г. А. Меликишвили также отмечает процесс ассимиляции абхазами иноплеменного населения смежных с Абхазией областей¹²⁸⁸. Наличие большого количества огрузинившихся впоследствии абхазов на территории Грузии объясняется, надо полагать, основанием столицы Абхазского царства и в Кутаиси и связанным с ним переселением туда же многих, близких к царскому роду знатных людей, вместе с их вооруженными отрядами и обслуживающим персоналом. Вхождение же Сванетии в Абхазское царство нельзя пока считать доказанным¹²⁸⁹, ибо на этот счет в документах нет никаких указаний, если не считать одно, несколько сомнительное место в «**Картлис цховреба**», где сказано, что «...Эгриси, которая суть Суанети» (с. 27). С другой стороны, юго-западная часть Эгриси была мало населена. Вспомним, что еще **Прокопий Кесарийский** в VI в. указывал, что по левобережью Риони не было лазских поселений¹²⁹⁰. Известно также, согласно сообщению **Вахушти**, что эта область именно в эпоху Абхазского царства стала заселяться картами (гурийцами), занявшими при **Леоне II** земли между Чорохи и Риони. Из Картли население массами бежало, спасаясь от арабского порабощения, как об этом пишет современник событий **И. Сабанисдзе**. Таким образом, постоянное грузинское, именно картское население в западных районах появляется только с VIII в.

¹²⁸⁵ **Анчабадзе З. В.** Указ. соч. с. 170.

¹²⁸⁶ **Алексеева Е. П.** Средневековая история народов Северо-Западного Кавказа. – Л. 1969, с. 26.

¹²⁸⁷ **Джанашиа С. Н.** Труды. Том II. с. 476 – 481.

¹²⁸⁸ **Меликишвили Г. А.** Наири-Урарту. с. 135.

¹²⁸⁹ **Анчабадзе З. В.** Указ. соч. с. 105.

¹²⁹⁰ **Прокопий из Кесарии.** Война с готами. Кн. VIII (книга IV. Войны с готами) 13, 3. – М. 1950, с. 416.

Итак, не подлежит сомнению, что существовал «подлинно абхазский национальный период Абхазского царства» (**Н. Я. Марр**) со столицей в Анакопии. Население его в это время, в основном, было, естественно, абхазским, убыхским и адыгским, а мнение о том, что картский элемент стал преобладать после присоединения Лазики и основания резиденции в Кутаиси, является спорным: во-первых, Сванетия вряд ли входила в состав этого царства; во-вторых, юго-западная болотистая часть Эгриси была мало населена; в третьих, Абхазия являлась очень удобной для жизни, защищенной горами густонаселенной страной, о чем свидетельствует, как сказано, необычайное обилие мелких сельских христианских храмов и языческих святилищ (можно думать, что именно к этому периоду и относится появление приведенного предания о чрезмерной густонаселенности Абхазии).

Принимая все это во внимание, а также то обстоятельство, что северные и западные границы Абхазского царства в период его наибольшего расширения выходили далеко за пределы собственно Абхазии, можно ли без оговорок утверждать, что «в обширном Абхазском царстве картвельский этнический элемент (эгрисцы, сваны, карты) ...был преобладающим»?¹²⁹¹. Мне кажется, что нет достаточных оснований для такого утверждения, особенно если иметь в виду ранний период истории этого царства. В самом деле, трудно себе представить, чтобы абхазские цари в своих экспансионистских устремлениях могли иметь такие успехи, какие были ими достигнуты, если бы они не опирались на компактное, этнически в основном однородное население своей страны, представляющее значительную силу и в количественном отношении. Вместе с тем, мы все признаем, что «абхазы», «Абхазия» – этническо-географические термины. Но истории еще неизвестны случаи, чтобы тот или иной этнический термин, обозначающий какой-нибудь численно мизерный народ, мог бы стать таким широким собирательным понятием (не даром, например, весь Советский Союз часто называли за границей «Россией»). Словом, мы должны непременно учитывать не только династическо-политическую сторону, но и другой не менее важный аспект – численность народа. А абхазы в эпоху создания ими своего государства, по всей вероятности, представляли собой по тому времени значительный по количеству народ. **З. В. Анчабадзе** сам правильно утверждает, что вплоть до XIII в. абхазский корень занимал значительную территорию – до Туапсинского сектора и даже далее на север¹²⁹². Таким количественным соотношением объясняется, в частности, и отмечаемая некоторыми исследователями (например, **Л. И. Лавровым**) абхазизация части мелких северо-западных родоплеменных групп.

Вопрос о характере и этническом составе Абхазского царства является одним из важнейших вопросов всей этой проблемы. Вопрос этот, как известно, не новый, но он не сходит со страниц исторических трудов, так как по основным его аспектам до единства взглядов все еще далеко. В некоторых старых работах (например, **К. Кудрявцева**¹²⁹³) имеет место преувеличение роли абхазов в истории этого политического образования, а история Абхазского царства представлена как история исключительно абхазского народа. Хорошо известна и другая крайняя точка зрения, представленная в новой научной литературе, например, в трудах **П. Е. Ингороква**, **Т. В. Гамкрелидзе** и многих других ученых, которые, как было отмечено, в своих антинаучных публикациях доходят даже до отрицания этнической специфичности абхазского народа и генетической связи средневековых абхазов с современными. Развивается мнение о полностью и исключительно грузинском характере Абхазского царства, начиная от его населения и кончая династией.

Династия же абхазских царей по своей этнической принадлежности была, несомненно, абхазской. Опровергая положение **П. Е. Ингороква** о лазском

¹²⁹¹ **Анчабадзе З. В.** Указ. соч. с.120. При этом не мешает вспомнить Римскую империю – разве в ее населении преобладали собственно римляне?

¹²⁹² **Анчабадзе З. В.** Указ. соч. с. 208.

¹²⁹³ **Кудрявцев К.** Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухум. 1922.

происхождении абхазской династии **З. В. Анчабадзе** подчеркивает: «у нас нет никаких оснований для пересмотра давно признанного в грузинской историографии положения, что во главе абхазского объединенного княжества была поставлена династия прежних абазгских правителей в лице **Леона I**», представители которой до конца VIII в. именуются в разных источниках по-разному: в византийских – «архонтами», «егуменами», в латинских – «принцепсами» в грузинских – «зриставами»,¹²⁹⁴ однако, в самой Абхазии их называли царями.

Выше упоминалось об абхазском социально-политическом термине **Апсха** – «царь Абхазии», «царь абхазов», который широко представлен в соответствующих абхазских исторических преданиях. Естественно, что «апсха» должны были быть абхазами, хотя в преданиях иногда говорится и о греческом их происхождении. Однако у **Феофана Исповедника** абазгский правитель говорит аланам, что **Юстиниан хочет «поднять вас на нас, ваших соседей»**, из чего с несомненностью вытекает его местное (абазгское) происхождение.

Есть некоторые основания думать, что основатель якобы новой, а фактически продолжатель старой абхазской династии Аносидов **Леон II** и другие по происхождению абхазские цари (апсха) принадлежали к роду **Ачба**¹²⁹⁵. К этой мысли склоняет то, что в исторических преданиях именно **Ачба** выступает как самый коренной и самый древний абхазский род, предшествующий по времени появлению здесь позднефеодальных владетелей из фамилии **Чачба (Шервашидзе)**, представители которой, (тоже по преданию), становятся правителями Абхазии лишь во времена **Давида Строителя**. Первенствующая роль **Ачба** в политической истории Абхазии нашла свое яркое выражение в следующих словах абхазского афоризма: «Не сказав **Ачба**, не скажешь **Чачба**» (Ачба умхэакэа, Чачба узхэом). Иначе говоря, старшинство и первенство **Ачба** по отношению к **Чачба (Шервашидзе)** в народных представлениях несомненно.

Вспоминается и другое труднопереводимое абхазское изречение, которое можно еще услышать у отдельных представителей абжуйских старожил, и в котором афористическое выражение приблизительно гласит так: «(человек), не дождавшийся подходящего момента (лишенный возможности), чтобы сказать: «Да живет (досл. «Да не умирает») **Лауан!**» («Лауан дымсит ахэарта змоуз»). Кроме того, под Лауаном в народе подразумевают какого-то жившего давным-давно великого человека. Некоторые видят в нем представителя старо-абхазского княжеского рода **Ачба**, что также дает основание думать, что речь в поговорке идет об одном из исторических Леонов – основателей Абхазского царства.

«Не лишены оснований предположения о принадлежности фамилии **Ачба** к потомкам первых правителей в Абхазском царстве», – писал когда-то **Л.И. Лавров** в своем заключении об этой работе. Возможно, однако, что **Ачба** являлись правителями только собственно Абхазии (груз. «эристави») во времена Абхазского царства, а может быть и в начальный период существования объединенного царства.

Что же касается происхождения феодального рода **Шервашидзе (Чачба)**, то существует полуполюгендарная версия, которой придерживаются некоторые исследователи (например **З. В. Анчабадзе**), что **грузинский царь Давид Строитель, сместив прежнего непокорного эристава Абхазии, назначил на его место одного из своих родственников (по дочери Тамар), представителя династии Кесранидов – ширваншахов** (правители Ширванского феодального государства на территории современного Северного Азербайджана). Фамилия **Шервашидзе** неразрывно связана с древним абхазским родом **Чачба** (если бы она имела полностью иноземное

---

¹²⁹⁴Там же. с. 77, 79.

¹²⁹⁵Это мое предположение об **Ачба** не поддерживалось **З. В. Анчабадзе**, о чем он и сообщил мне в письме 1960 года, после прочтения, посланного ему, по его просьбе, текста моего доклада «О содержании термина «А8сца» – царь Абхазии», опубликованного позже в «Трудах АБИЯЛИ», в томе XXXIII–XXXIV. – Сухуми. 1963.

происхождение и не имела бы отношения к **Чачба**, то это должно было бы отразиться, в частности, в каких-нибудь местных преданиях). Существует мнение и о том, что **Шервашидзе** был одним из абхазо-имеретинских царей, а некоторые авторы (Филипсон) выводили фамилию **Чачба** из Джигетии – от известного западноабхазского феодального рода **Гечь**¹²⁹⁶.

Первое упоминание этого рода содержится не в анонимной «Истории и восхвалении венценосцев», написанной в 20-х гг. XIII в.¹²⁹⁷, но раньше, а именно около середины XI в. в «Летописи Грузии» – в «**Матианэ Картлиса**», где говорится об осаде **Багратам IV** Анакопии весной 1046 г. Вызванный в Тбилиси, **Баграт** оставил для продолжения осады «абхазские войска», как говорит летописец, во главе с эриставом **Куабулел Отаго Чачасдзе**. Несомненно, что **Чачасдзе** – это есть ничто иное, как грузинская форма абхазского фамильного имени **Чачба** (ср. также **Куабулел** со старинным абхазским мужским именем **Куаблыху**). **Н. А. Бердзенишвили** же связывает фамилию **Шервашидзе** с военачальником XIII в. **Отаго (Дотагод) Чачасдзе**.

Созданием Абхазского царства завершается процесс объединения абазгов, апсиров, санигов, мисимиян и других под главенством абазгов. После первой половины VIII в., когда **Феофан Исповедник** в начале века называет «первейшего среди апсиров», а через 30 лет уже «блистательного патрикия **Марина**», апсирлы почти не упоминаются, а мисимияне исчезают из поля зрения истории еще раньше. Политически оформляется консолидация основных абхазских племен в абхазскую народность, сложившуюся, в основном, к VIII в. Главную роль в этом сложном и длительном процессе сыграли абазги, а также апсирлы, хотя в условиях патриархального общества еще долго сохранялись остатки старого территориально-племенного деления. Все это оказало значительное влияние и на развитие соседних племен северо-западной части Кавказа, выразившееся, в частности, как уже было сказано выше, в ассимиляции некоторых родственных мелких разноразличных этнических групп¹²⁹⁸ и в расширении лингвистических границ Абхазии.

Во главе Абхазского царства стоял царь, именовавшийся у абхазов, как мы уже знаем, термином «Апсха». Этот термин образован путем сочетания двух основ: «пс» краткая форма самоназвания абхазов (апсуа) и «ха» («ах») – старший князь, владетель, верховный правитель, (например **аҭсха Таташь**) Само собой разумеется, что абхазы не могли называть своих правителей ни архонтами, ни егуменами, ни принцепсами. Известно также, что они не называли их и грузинскими терминами «мепе» или «эристави», которые отсутствуют в списке как оригинальных, так и заимствованных слов абхазского языка. В таком заимствовании и не было необходимости, так как абхазами на базе родного языка был создан свой абхазский термин для понятия «царь», а именно «Апсха»¹²⁹⁹, который до сих пор употребляется в значении «царь абхазов» (в отличие от владетеля – ах) и который, как и его грузинский эквивалент «апхазта мепе», несомненно связан по своему происхождению с образованием объединенного абхазского суверенного государства. Вряд ли термин «апсха» мог появиться у абхазов после обоснования столицы царства в Кутаиси. Ясно, что он возник в результате единого, этнически однородного образования. Может быть, первым «апсха» был **Леон I**, объединитель собственно Абхазии – ядра Абхазского царства, а, как видно и Апсирлии, который длительное время правил краем.¹³⁰⁰ Образ апсха занимает исключительно большое место в исторических преданиях

¹²⁹⁶ **Дьячков-Тарасов А. Н.** Гагры и их окрестности // ЗКОИРГО. Кн. XXI. –Тифлис. 1904, с. 52.

¹²⁹⁷ «История и восхваление венценосцев»./ Грузинский текст перевел, предисловием и примечаниями снабдил действ.чл. АН Груз. ССР, проф. **К.С. Кекелидзе**. –Тбилиси. 1954, с. 38.

¹²⁹⁸ **Лавров Л. И.** Указ. соч. с. 204.

¹²⁹⁹ **Марр Н. Я.** Абхазско-русский словарь. – Л. 1926, с. 81 – 82.

¹³⁰⁰ Связаны ли между собой или же случайны разительное сходство со словом **Апсха** как имя «предводителя варваров» **Апсх** (встречающееся в «Хронографии» **Феофана**), действовавшего против стратига Фракии **Петра** у современных Железных ворот на Дунае, так и имя византийского императора **Апсимара (Тиверия III)**, чье происхождение неизвестно – сказать трудно (ср. и с названием местности **Лапсха** в Верхней Сванетии).

абхазов. Согласно этим преданиям, те, которых в народе называют «апсха», «абхазский царь», стояли во главе обширного царства, простиравшегося от самого Константинополя до берегов Кубани. Им же часто приписывается строительство многих памятников, в том числе Великой Абхазской стены VI века. С именем «апсха» связывают также некоторые топонимические факты, например, названия прекрасных старинных родников на территории селений Ачигвара и Кутол (Аҧсха ихьз) т. е. «царский источник»), приписывается ему и строительство крепости на берегу р. Кодор в с. Атара, а в селении Кутол, по преданию, находилась и одна из резиденций этих царей и т. д. Встречаются и иные абхазские топонимы предположительно «царского происхождения». Например, «Лестница царя» (Аҧсха имардуан) в окрестностях с. Дурипш, а в верховьях р. Мдзымта обращает на себя внимание название перевала Псеашхо, абхазское Псхашьха «гора Апсха» (ҧсхашьха) и пр.

Происхождение апсха предания связывают нередко с фамилиями **Аублаа**, **Аббаз**, **Губаз**, **Ачба**. Обо всем этом более подробные сведения можно почерпнуть из специальной работы автора этих строк¹³⁰¹ и других исследователей.

Жаль, что при крайней ограниченности источников по Абхазскому царству эти ценнейшие фольклорные этнографические и языковые материалы не находят адекватного отражения на страницах исторических исследований.

В IX – X вв. Абхазское царство достигает наивысшего развития. Оно проводит энергичную политику, проявляя активную деятельность по дальнейшему расширению сферы своего политического влияния. Так, преемник **Леона (?)**, царь **Феодосий**, продолжая линию своего предшественника, в начале IX в. ведет уже борьбу за Картли. Другие цари распространяют свою экспансию еще дальше на восток. В частности, **Константин III** присоединяет к своим владениям даже смежную с **Кахетией Эрети**, населенную в то время албанцами (но абхазским правителям в дальнейшем пришлось убедиться в безуспешности попыток прочно завладеть даже Кахетией).

Царь **Георгий III**, завоевав внутреннюю область **Картли**, назначил там наместником своего сына. Начата была борьба за преобладание и на Северном Кавказе, так как полное освобождение от византийской зависимости в тех исторических условиях могло осуществиться лишь в результате укрепления и расширения государства.

Из всего вышесказанного видно, что в указанный период Абхазское царство представляло собой, можно сказать, наиболее значительную силу на Кавказе. Однако отсутствие наследника, династическая борьба и другие неблагоприятные события конца X в. привели к воцарению на абхазском престоле Баграта – представителя рода **Багратидов (Багратуниани)**, считавшего себя законным наследником трона абхазских царей и их царства, и для того, чтобы убедить всех в законности происшедшего, в его «Летопись Абхазии» им был включен генеалогический ряд имен династии абхазских царей, названный учеными «Диваном абхазских царей». В него он внес и свое имя, но при этом, сохранил за собой фамилию своего рода¹³⁰², заложив тем самым, основу новой династии на абхазском престоле. Таким образом, в 975 г. **Баграт**, сын владельца всего лишь северной части области Тао на Юго-Западе Иверии, был провозглашен царем Абхазии, поскольку был сыном Гурандухт, дочери абхазского царя. Он оказался единственным наследником (по материнской линии) абхазского престола, так как отстраненный царь **Феодосий Слепой**, был бездетным.

¹³⁰¹ **Инал-Ипа Ш. Д.** Апсха (к политической и этнической истории Абхазского царства). // **Инал-Ипа Ш. Д.** Страницы... с. 212 сл.

¹³⁰² Наоборот было с **Георгием-Лашой** – сыном царицы **Тамары**, а также и с **Мугаит-ад-Дином** (в крещении **Давид**) – сыном царицы **Русудан** и **Могис-ад-Дина** (последний был сыном правителя **Арзрума Тогрул-шаха** и внуком **Иконийского султана Кылыч-Арслана Сельджукида**). Наученные опытом с историей потери имени рода династии абхазских царей, обе царицы – и Тамара и Русудан сохранили за сыновьями фамилию своего рода – рода Багратидов. (Прим. комм.)

Отвергая широко распространенный в научной литературе взгляд о **Давиде Куропалате** как инициаторе «объединения Грузии», и подчеркивая то обстоятельство, что Абхазское царство в конце X века еще было столь сильным политическим образованием, в отличие от многочисленных Тао-Кларджетских княжеств, что ни один из их одновременных правителей не мог и мечтать о присоединении Абхазии к своим владениям, **Г. А. Меликишвили** считает, что инициаторами и проводниками «объединения» (?) феодальной Грузии «остаются правящие круги Абхазского царства».¹³⁰³ **Баграт**, наследник северной части области Тао по линии отца, а по линии матери – абхазских царей, видимо показался им весьма подходящей фигурой в качестве «управляемого» в будущем царя.

Вместе с тем, правящая прослойка Абхазии получила возможность¹³⁰⁴ «присоединить к Абхазии, помимо Картли», хоть и небольшую, но все же, какую-то часть одного из владений Багратионов в Юго-Западной Грузии. Представители абхазской знати, конечно, не предполагали, что за содеянное им придется заплатить очень дорогой ценой – потерей независимости и пресечением династии абхазских царей.

Так, к концу X в. вместо абхазской династии на престоле Абхазского царства появляются грузинские **Багратиды**. **Н. Я. Марр** по этому поводу писал: «... История абхазов есть начало грузинской **Багратидской** династии и в то же время тесно сплетается в IX и X вв. с историей армянских **Багратидов**, имевших столицу в городе Ани»¹³⁰⁵.

Таким образом, абхазы, этнически негрузинское племя, сыграли чрезвычайно важную роль в истории Грузии.

Баграт III, а фактически **Баграт II** если его считать абхазским царем (а он называл себя им), учредил одну из своих политических резиденций в Абхазии в селении, названном им **Бедиа**¹³⁰⁶, где был воздвигнут дворец и прекрасный храм, развалины которых сохранились до наших дней. Последний был возведен, как показали раскопки и исследования, по типу абхазских храмов, схожих с Лыхненским и другими подобными ему (об этом см. выше).

В обширном объединенном феодально-монархическом государстве, достигшем своего расцвета в эпоху царицы **Тамары** (1189 – 1213), абхазские элементы, как видно, играли еще довольно активную роль. Они были заметны в политической жизни страны и особенно в армии. Так, войска этого государства до монгольского нашествия, как писали, состояли из «абхазов и картвелов»¹³⁰⁷. Абхазы принимали активное участие во всех войнах, которые приходилось вести государству. В частности, они сыграли немалую роль в крупном баянском сражении 1205 г. против объединенных сил мусульманских владетелей.

Ни одно важное мероприятие не проводилось без участия представителей Абхазии. Они должны были всегда присутствовать при дворе царицы **Тамары** во время приема иностранных посольств. Перечисление полного титула грузинских царей начиналось, как и в прошлом, со слов «царь абхазов...»

Так, монета **Баграта (975 – 1014)** на реверсе имеет грузинскую надпись: «Христе, возвеличь Баграта, царя абхазов!», и на монете его внука **Баграта IV (1027**

¹³⁰³ **Меликишвили Г.А.** Политическое объединение феодальной Грузии...с. 138

¹³⁰⁴ Там же. с.135.

¹³⁰⁵ **Марр Н. Я.** Кавказоведение и абхазский язык. // **Марр Н. Я.** О языке и истории... с.138. Краткую историю рода Багратуниани или Багратидов см. в комментарии 1, к главе 45 книги **Константина Багрянородного** «Об управлении империей», под редакцией член-корр-в АН СССР **Г. Г. Литаврина** и **А. П. Новосельцева**. – Москва. 1989, с. 415–416.

¹³⁰⁶ До этого времени **Бедией** назывался, только **Мартвильский монастырь с храмом под мегрельским названием «Велики дуб»**. Об этом сохранилось свидетельство некоего **П. С.**, автора статьи, который советует тем, «кто захочет собирать Грузинские надписи, должен прежде всего посетить в **Мингрелии – Бедию или Дшкон-Дид [Чкон-Диди]**, Зугдиди и главнейшие резиденции **Даданов** (**П. С.** Грузинские древности, надписи и монеты // **ЖМНП.** 1837. часть XVI. Науки с. 497. (Прим. комм.).

¹³⁰⁷ «Картлис цховреба». с. 279.

– 1072) с изображением Влахернской Богоматери, на реверсе шрифтом асомтаврули нанесена надпись: «Христе, возвеличь Баграта, царя абхазов и новелисимоса» и, наконец, на монете Георгия II (1072 – 1082) с тем же изображением (свидетельствующим о продолжающейся «зависимости грузинских монет от их византийских аналогий») мы читаем: «Христе, возвеличь Георгия, царя абхазов, картлов и новелисимоса»¹³⁰⁸.

Царица **Тамара**, как и ее предшественники, целые месяцы проводила в Абхазии, в частности, в своей Цхумской резиденции.

Однако абхазские феодалы, обманувшиеся в своих надеждах, постоянно вели сепаратные действия против центральной власти. Не только Баграту III, но и его преемникам приходится в течение всего XI в. вести упорную борьбу с сепаратизмом абхазских феодалов, в частности, особое внимание привлекает деятельность в первой половине XI в. неких пяти могущественных братьев **Абаза**, несомненно стремившихся вернуть независимость Абхазии и выйти из состава фактически картлийского царства, хотя и называвшегося Абхазией. Согласно летописи, уже в самом начале царствования **Баграт III** «**всех непокорных сместил с их мест и заменил верными ему людьми**». Но это, видимо, не возымело должного действия, и абхазские феодалы опять восстали против центрального правительства. Тогда **Баграт III**, чтобы «**уладить все дела абхазские**», применил суровые меры против неукротимых элементов, т.е. силою убрал их с пути. При его преемниках борьба приняла еще более острый характер. Так, в результате династической борьбы, в 1032 г. часть Абхазии с Анакопией отложилась и отошла к Византии. Все попытки **Баграта IV** отвоевать ее не имели успеха (она была возвращена лишь в 1074 г. **Георгием II**).

Подобные выступления не затихают даже при прославленном грузинском царе **Давиде Строителе** (1098 – 1125), который считал своей основной задачей внутреннее упрочение государства и централизацию управления. Абхазские феодалы, не прекращая стремления выйти из состава царства, чтобы обрести независимость в 1121 г. вновь подняли голову. **Прибыв в Абхазию, Давид доехал до Пицунды, где «управился с делами тамошними, достойных осыпал милостями, а провинившихся захватил и наказал**». Возможно, именно тогда он привез в Абхазию своего родственника, потомка Ширван-шахов, и породнив его, как видно, с родом Чачба оставил правителем собственно Абхазии.

Феодалы Западной Грузии, в том числе и Абхазии, в начале царствования **Тамары** (1184 – 1213), поддерживая первого мужа царицы, князя **Юрия Русского**, организовали самое крупное выступление против центральной власти. Они, видимо, намеревались возвести его на престол и превратить затем в свое послушное орудие. Руководил этим движением **Вардан Дадияни**, в административном подчинении которого находилась тогда вся территория от Сурамского хребта до Никопсии. Как говорится в историческом сочинении, написанном около 1222 г., он собрал всю Сванетию, Абхазию, Мегрелию, Гурию, Имеретию и, присоединив санигов и кашагов, «заставил бояр и военных этих земель присягнуть русскому царю в старании возвести его на трон»¹³⁰⁹.

Однако ни одно из выступлений против центральной власти успехом не увенчалось.

* * *

Невозможно понять во всей сложной противоречивости особенности этнического развития абхазского народа без учета длительных и многосторонних связей, глубокого

¹³⁰⁸Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. – М. 1955, с. 51, 55, 56.

¹³⁰⁹«История и восхваление венценосцев». с. 48.

этно-культурного взаимопроникновения между ним и родственными и соседними народами.

Если говорить о грузино-абхазских отношениях в период средних веков, то они были самыми разнообразными. Можно привести, например, исторические свидетельства, говорящие об участии абхазов и картвелов в совместных действиях против многих завоевателей.

Так, в VIII в. грузинские правители, скрывшиеся от арабов в Абхазии, своим небольшим отрядом приближенных, численностью около тысячи человек, помогали двум тысячам абхазских воинов защищать Анакопию от арабов.

Абхазы участвовали вместе с грузинами в их борьбе с нашествием монгольских поработителей, хотя последние и не дошли непосредственно до Абхазии. Против монголов, говорится в одном документе, выступили «в полной боевой готовности» и «далеко живущие абхазы». Они принимали активное участие и в большом антимонгольском восстании грузинского народа в 1259 г. и т. д.

В XI – XIII вв. влияние Грузии начинает все заметнее сказываться на культурной жизни Абхазии. Грузинский язык, начиная с XI в. постепенно получает распространение в области официального делопроизводства и частично христианского богослужения, вытесняя греческий, о чем говорят, в частности, грузинские надписи в абхазских церквях и на иконах, нанесенные часто поверх древних греческих¹³¹⁰. На грузинском языке написаны **Моквское** и **Пицундское евангелия**. В области культовой архитектуры в этот период строятся маленькие церковки, но при этом перестают возводиться крупные храмы абхазской школы византийской архитектуры.

В свою очередь, некоторые черты самобытной абхазской материальной и духовной культуры средневекового времени включая язык, проникали и в Грузию (например, элементы народной одежды, хозяйственного быта, традиции и т. д.), если же говорить словами **Н. Я. Марра**, то «абхазы, давно находившиеся в теснейшей связи с Византией и под непосредственным культурным ее влиянием, надо думать, были издавна проводниками византийской образованности в грузинскую среду», хотя в этих словах мы имеем элемент преувеличения даже для раннего средневековья.

В позднефеодальную эпоху происходило этническое взаимопроникновение между абхазами и картвельскими племенами – довольно слабая эмиграция абхазов на территории Мегрелии, Гурии и т. д. и интенсивное переселение мегрелов, а также других представителей западногрузинского населения в Абхазию, что приводило к ассимиляции значительного числа абхазов в основном мегрелами и лишь отчасти и в предельно слабой степени – наоборот.

Однако многообразные связи и отношения между средневековыми абхазами и картвелами у иных авторов сводятся, к сожалению, к вызывающему недоумение тезису, существо которого можно выразить так: Абхазия существовала практически без собственно абхазов и абхазской культуры. Ограничимся двумя-тремя примерами.

Так, основное содержание пространственных высказываний **М. Д. Лордкипанидзе** по указанным сюжетам можно выразить в таких словах: Абхазское царство было создано «грузинским этносом»¹³¹¹ и развивалось на всем протяжении своей истории как грузинское государство, а собственно абхазы (аҧсуа) не играли в его жизни почти никакой роли. В другом месте **ничтоже сумняшеся она утверждает: «... и после создания в XVII в. Абхазского княжества во главе с княжеским родом Шервашидзе,**

¹³¹⁰ Представляет интерес сообщение С. Смоленского о том, что он читал в Лыхненской церкви в 30-гг. надпись на греческом языке о появлении кометы. Поверх нее уже в 40-х годах, появилась надпись о том же явлении на грузинском языке, прочитанная Мари Броссе. Как видно она была исполнена по желанию Ивана Гегия, работавшего священником в Лыхненском храме и не знавшего, по сведению С. Смоленского, ни одного языка кроме абхазского и грузинского. (Смоленский С. Воспоминание кавказца. (Из записок юнкера. II // Военный сборник. Том LXXXVII, отд. I. 1872. с. 350. (Прим. комм.)

¹³¹¹ Очерки истории Грузии. Том II. – Тбилиси. 1988, с. 286.

Абхазией начали называть именно это княжество, абхазами – жителей этого княжества, которые сами себя именовали апсуами». И это говорит человек, считающий себя ученым!

Ш. А. Бадридзе также характеризует не только Абхазское царство, но и Абхазское княжество, как «западногрузинское государственное образование»¹³¹² и др. **Выходит, что до XVII в. не существовало Абхазского княжества, которое будто бы было «создано» только в указанном столетии, и даже само название «Абхазия» появляется именно с этого времени.** А как быть с этнополитическими образованиями апсиров, абазгов и санигов со своими местными царями во главе? А надгробная плита из Цандрипшского храма VII в. с сохранившейся частью надписи [«АБ»]АЗГИАС? А «**Константин Абазгский**» и его вислая печать (конец VII– нач. VIII в.?) А «**первый из апсильцев**» «**блистательный патрикий**» по имени **Марин** (первая половина VIII в.). А абхазская царская династия **Аносидов** и ее продолжение в лице **Леонидов**? А оригинальные абхазские исторические предания об «абхазских царях» Апсха Ц А военачальник Квабулел **Отаго Чачасдзе** во главе абхазских войск под Анакопией (XI в.)? А правитель Цхумский **Дотагод Шервашидзе** (нач. XIII в.)? А апсары (апсуа) и их язык, словом из которого **Тамара** назвала своего сына (**Лаша**)? А существовавшая и таинственно исчезнувшая летопись «**Житие Абхазии**», о которой упоминается в «Картлис Цховреба» («Матиане Картлиса») и которую видел иерусалимский патриарх Досифей, откуда и выписал генеалогию абхазских царей, названную «Диваном абхазских царей»? А куда деть почти тысячелетнюю историю Абхазии во главе со «светлейшим» абхазским княжеским родом **Чачба (Шервашидзе)** упоминаемым в летописях с XI века и игравшим немалую роль в истории Кавказа? А внушительные руины тысячелетнего древнего каменного дворца этих владетелей Абхазии, выстроенного по преданию на месте старого сгоревшего деревянного, которые до сих пор стоят в Лыхнах, напоминая собой о большой, но растоптанной истории края.

Я уже не говорю о важнейших этнографических, языковых эпиграфических, топонимических и фольклорных материалах, которые запечатлели страницы многовековой социально-политической и культурной истории абхазов, в том числе истории абхазского феодализма и государственных образований.

Таким образом, отдельные раннеабхазские царства во главе со своими местными «царями» зафиксированные в источниках II – VI вв. и феодальные княжества (?), существовали как до Абхазского царства, так и после него, вплоть до XIX в., когда последнее из них во главе с **Михаилом Шервашидзе** было упразднено русскими колониальными властями в 1864 году.

Разве все это, не доказательство того, что абхазский народ, живя тысячелетиями на земле своих предков в Абхазии, прошел здесь длительный и сложный путь своего социально-экономического и культурно-политического развития, что зачатки его государственности уходят к первым векам н.э., что абхазская земля дышит кровью и потом создателей и строителей многих памятников местной материальной и духовной культуры, что «абхазы» и «апсуа» не могут быть противопоставлены одно другому, а являются тождественными понятиями так же, как картвелы и грузины, Цхуми и Аква, как персидское Тифлис и армянское Тпхис, а абхазское и мегрельское Карт и Тбилиси и т.п.

В 1988 году в Тбилиси вышел сборник «Вопросы истории народов Кавказа», посвященный памяти **З. В. Анчабадзе**. Авторы сборника отзываются об известном абхазском ученом **З. В. Анчабадзе**, о его научной и общественной деятельности и человеческих качествах с большим уважением, любовью и душевной теплотой. Ряд статей, написанных известными исследователями, содержат большой и ценный фактический материал и освещает важные вопросы истории страны и народов Кавказа.

---

¹³¹² **Бадридзе Ш. А.** О времени и условиях возникновения Абхазского царства. //Труды ТГУ. Вып. IV. 1972, с. 41.

А вместе с тем, **Ш. А. Бадридзе** в своей статье «Некоторые вопросы политического и социально-экономического строя Абхазского царства» пишет: **«Основное население Абхазского царства составляли коренные жители Абхазии – мингрельские, сванские и картязычные (грузинские) племена. Абхазское царство было грузинским и в культурном отношении. В нем доминировали, по его словам, идеи грузинской феодальной общественности, а также картский (общегрузинский) язык».** На самом же деле с древности и в раннем средневековье в Абхазии доминировал греческий язык.

Согласно **Ш. А. Бадридзе**, получается, что Абхазское царство возникло и развивалось без самих абхазов, что, следовательно, оно случайно называлось абхазским, что абхазы, их язык и культура не играли никакой роли в его истории. Значит, они не входили в состав основного населения страны. Умалчивается, что их непосредственные предки – апсилы, абазги, саниги и другие племена, упоминаемые еще в греко-римских источниках, обитали именно здесь, в пределах государства, о котором идет речь, задолго до его образования и были аборигенами края.

Автор, повторяя укоренившуюся в грузинской историографии трактовку этнокультурной природы Абхазского царства, без единого упоминания собственно абхазов, ссылается на **З. В. Анчабадзе, М. Д. Лордкипанидзе** и других, игнорируя, по интересующим нас сюжетам, мнения многих других ученых – абхазских и не абхазских. Но **З. В. Анчабадзе** писал не совсем так. На страницах его книги «Из истории средневековой Абхазии» мы читаем: «Абхазское царство уже на первом этапе своего возникновения... представляло собой многоэтническое государственное образование, в которое, наряду с абхазами, сыгравшими вначале ведущую роль в образовании этого царства, оказались включенными представители других, этнически родственных им народностей и племен – на северо-западе адыги, а на востоке и в центральных областях картвелы в лице прежде всего эгрисцев и сванов, коренных обитателей Западной Грузии...». В другом месте того же труда написано: **«В течение всего периода существования самостоятельного Абхазского царства абхазская народность являлась составной частью этнически неоднородного населения этого государства»**¹³¹³. При этом отмечается и то, что «абхазы обитали на своей исконной территории, составлявшей часть Абхазского царства». В основном то же самое говорится в статье **З. В. Анчабадзе**, написанной для второго тома Грузинской Энциклопедии: **«Большинство населения Абхазского царства составляли картвелы (карты, мегрелы, сваны). Значительную его часть составляли абхазы и другие народности и племена Кавказа».** **Ш. А. Бадридзе** опускает вторую, столь важную часть приведенной выше цитаты, не согласующуюся с его утверждениями об этническом составе населения Абхазского царства.

Конечно, можно спорить по поводу того, всегда ли население Абхазского царства было полинациональным. Представляется, что особенно многоэтническим оно никогда не было, включая в свой состав в основном всего лишь три этноса – абхазов и некоторые адыгские и картвельские племена и народности; (можно не соглашаться и с тем, что будто-бы с самого начала грузины являлись основным населением рассматриваемого государственного образования – несомненно существовал, говоря словами **Н. Я. Марра**, «подлинно абхазский национальный период Абхазского царства», но мнение **З. В. Анчабадзе** о том, что собственно абхазы сыграли ведущую роль в образовании Абхазского царства и всегда составляли один из существенных этнических компонентов его населения, являясь исконными жителями на территории современной Абхазии, не вызывает у непредубежденного читателя никакого сомнения.

Ш. А. Бадридзе, как мы видели, считает, что «Абхазское царство было грузинским и в культурном отношении». Он разделяет мнение согласно которому оно «с первых же пор своего образования в культурно-политическом отношении развивалось как грузинское

---

¹³¹³ **Анчабадзе З. В.** Указ. соч. с. 106, 154.

государство». Кроме того, как вытекает из общего содержания статьи, все города и памятники материальной культуры в пределах царства, включая собственно Абхазию, являются исключительно грузинскими; тем самым совершенно отрицается участие собственно абхазов в создании всех памятников истории и культуры, расположенных на территории их страны¹³¹⁴. Однако, с исчезновением летописи «Житие Абхазии» легко говорить об этом, когда большинство «движимых» памятников искусства и бытовой материальной культуры были вывезены и часто неизвестно, где находятся и к кому относят их принадлежность, когда многое исчезло или уничтожено¹³¹⁵. Памятью средневекового искусства остались в основном лишь монументальные сооружения, которые, к счастью, никак невозможно вывезти, хотя никакого содержимого, кроме частично сохранившихся фресок в них уже нет. Даже пицундские храмовые мозаики были вырезаны и вывезены в Тбилиси в Музей искусств Грузии, где выставлены в нескольких залах, хотя их следовало законсервировать на месте, как это делается во всех других странах.

Утверждения, лишённые какой бы то ни было доказательной силы, не согласуются ни с логикой, ни просто со здравым смыслом. Абхазы – древнейшие аборигены своей страны, у них свой древний язык, великий фольклор и уникальная бытовая культура, они рано приняли христианство, создали свое государство (что, кстати, нашло широкое отражение в синхронном, оригинально-абхазском, многовариантном, историческом предании об **Апсха** – «царе (народа) апсуа», то есть собственно абхазов). Так разве можно представлять их себе, как народ, не имеющий никакого отношения к памятникам культуры, находящимся на его этнической территории?

Здесь уместно вновь напомнить известное мнение специалистов об особой «абхазской школе» византийской культовой архитектуры, сформировавшейся именно в период Абхазского царства, когда на территории исторической Абхазии были построены оригинальные памятники церковного зодчества, а росписи этих храмов эпохи зрелого средневековья, также носят своеобразные местные черты¹³¹⁶. В тот же период церкви того же типа появляются и в некоторых смежных районах Северного Кавказа. Следует отметить, что после того, как перестало существовать самостоятельное Абхазское царство, в Абхазии не было построено ни одного крупного храма такого типа.

В статье сборника «Некоторые вопросы грузино-адыгских экономических и культурных взаимосвязей», принадлежащей **М. В. Цинцадзе**, говорится, в частности, что адыгские племена жили и развивались «в соседстве с населением картвельского происхождения». Но кого автор имеет в виду под «соседями» многочисленных адыгских племен? Надо полагать, прежде всего, жителей средневековой Абхазии, которые этнически характеризуются им как «население картвельского происхождения». Но это – завуалированная форма отрицания абхазской этнической принадлежности того населения, которое проживало на территории Абхазии того времени. Далее он пишет, что через Марухский перевал «абазинские племена непрерывным потоком переселялись в Абхазию». Но в кавказоведческой научной литературе давно установлено, что абазинские племена в позднесредневековый период действительно переселялись, но не в Абхазию, как утверждает **М. В. Цинцадзе**, а, наоборот, из исторической Абхазии на северную сторону Главного Кавказского хребта. Это находит отражение в языке и преданиях как самих абазин так и абхазов. Обратного движения абазин история не знает.

---

¹³¹⁴ Летопись «Житие Абхазии» первоначально, скорее всего, была написана на греческом языке, что явилось, возможно, одной из причин ее исчезновения или вообще уничтожения.

¹³¹⁵ Также были уничтожены уже в наше время Абхазский институт с его уникальным архивом, Музей **Н. А. Лакоба** с его архивом, Государственный архив Абхазии, как впрочем, в свое время и архив князей Шервашидзе и все принадлежавшее им имущество и т. д. и т. п.

¹³¹⁶ **Шервашидзе Л. А.** Некоторые средневековые стенные росписи на территории Абхазии. – Тбилиси. 1971, с. 109, 110.

Эта версия «непрерывного потока» абазинских и других переселений в Абхазию, которой упорно придерживаются и некоторые другие исследователи, понадобилась **М. В. Цинцадзе**, очевидно, для подтверждения ничем необоснованного положения о том, что хлынувшие на юг по абхазским перевальным путям «массы отсталых северокавказских горцев» – абхазо-адыгские племена – обосновались на побережье, а затем и ассимилировали местное коренное грузинское население Абхазии, которая будто бы исторически не является этнической территорией абхазского народа.

Мнение об отсутствии абхазского этнического элемента на территории средневековой Абхазии представляет собой грубое искажение истории абхазского народа, научно несостоятельно и находится в вопиющем противоречии с хорошо известными специалистам, историческими источниками, начиная с античных времен.

Показательны в этом отношении и статьи **Э. В. Хоштария-Броссе**, который, повторяя положение о том, что Абхазия в VIII – XIII вв. и позже, когда **она была населена «грузинским племенем абхазов»**, представляла собой развитую феодальную страну, а в XVII в., после переселения сюда северокавказских горцев – предков нынешних абхазов, пришла в упадок и превратилась в резко деградировавшую провинциальную область с «примитивным бытом и языческой религией». Далее он пишет следующее: «Вышеприведенные сведения о том, что абхазы очень схожи с горскими народами Кавказа по своему быту, верованиям, что они не живут в крепостях и городах, что имеют свой язык, что все их хозяйство составляют скотоводство и охота, что как видно, зерноводства у них совсем нет или же очень мало, что они по своему быту на мегрелов не похожи, – все это свидетельствует о том, что абхазы XVII в. действительно кавказские горцы, достаточно поздно спустившиеся на равнину. Они пока еще не успели освоить равнину и продолжают горскую жизнь. Конечно, они не являются аборигенами. Они не сумели освоить христианство, так же, как не сумели освоить феодальное хозяйство (в этой благодатной и плодотворной стране), так же, как не сумели освоить феодальный социальный строй, поселившись на холмах по родам (представители одной фамилии). Если у них и есть собственность на землю, она, безусловно, может быть начальной стадией этого института, так как абхазы в основном занимаются скотоводством, но не земледелием...»¹³¹⁷.

Оказывается, современные абхазы – поздние пришельцы в своей стране, не имеющие ничего общего со средневековыми абхазами – грузинскими аборигенами края; при своем появлении на новом месте жительства они, не зная по существу ни земледелия, ни феодальных отношений, ни собственности на землю, ни христианства, живя родами на холмах, так и не сумев освоить равнину и вообще культуру коренных жителей, в частности, резко отличаясь в бытовом отношении от мегрелов, принесли с собой примитивные формы хозяйства (скотоводство, охота) и духовной культуры (языческие верования), «продолжая свою горскую жизнь». Есть у них – слава богу! – свой язык, а больше получается ничего. О чем здесь можно спорить!? Но перелистывая исторические источники, мы увидим, что предки современных абхазов издревле занимались «зерноводством» – разводили пшеницу (ача), о чем писал еще и Эвлия Челеби и, особенно, много проса двух сортов, а **Вахушти** писал, что в Абхазии «рождаются всякие зерна»; веками широко пользовались ручными мельницами и каменными и деревянными ступами для очищения проса и колосьев пшеницы, женщины же славились в области возделывания льна и изготовления превосходных тканей из льна и конопли; многие знают и за пределами страны прекрасное абхазское «железное» яблоко, были выведены многие сорта фруктовых деревьев – персиков, груш, черешни, гранатов и других; редко, где было такое разнообразие и сортов винограда, как в Абхазии, особенно в Гудаутском районе (свыше 60); «здесь изготовляют много вина», – констатировал **де Лукка** (XVII в.), а в слоях IV – III вв. до н.э. при раскопках Сухумской крепости в 1959 г. были найдены

¹³¹⁷ **Хоштария-Броссе Э.** Из архива ученого. // «Мнатоби». 1990, № 5, с. 143.

косточки широко известного и теперь абхазского сорта винограда под названием «**качич**». А абхазское ткачество, металлообработка и оружейное дело? А такой широко известный исторический факт, как судостроение, мореплавание и пиратство абхазов? Памятны и вахуштиевские слова о том, что абхазы (именно собственно абхазы) «**по морям ходят на судах..., в которые они садятся по сто, двести и по триста человек**», что в боях на море они «**стойки и могущественны**». Разве такой народ относится к примитивным племенам, не имевшим понятия, что такое море и мореходство? И свет христианства, не смотря ни на что, здесь никогда окончательно не угасал (вспомним, абхазского владетеля **Путо**, носившего нателный крест на груди и слова, сказанные им в 1625 году итальянскому миссионеру **Иоанну**: «...ты можешь у меня остаться, так как **я и вся моя страна – христиане**»). Язычества же было еще везде много, и у картвельских народов, в том числе и у соседних мегрелов. Однако грузинские историки предпочитают не вспоминать авторов, писавших о быте их народов, вычитывая все отрицательное только об абхазах. Достаточно же прочесть о мегрелах у долго прожившего среди них **Иоанна де Галонифонтибуса**¹³¹⁸ и других авторов, а о сванах и прочих племенах у **В. В. Бардавелидзе**¹³¹⁹. Однако с мегрелами и сванами у абхазов была не только «непохожесть», но, разумеется, и немало общего в быту, культуре и исторических судьбах.

Одним словом, не единой прославленной горной козой жили абхазы, хотя и развитое скотоводство не является, конечно, показателем какой-то ущербности народа.

А проф. **Т. Мибчуани** сперва объявил собственно абхазскую топонимику сванской, едва ли существующей на территории современной Абхазии, а затем обратился к абхазским фамилиям, изрекая опять-таки, более чем сомнительные положения. Но можно ли, например, соглашаться с утверждениями о том, что все фамилии, оканчивающиеся на **уа** и **ва**, являются мегрельскими, что эти форманты возникли бесспорно в недрах мегрельского языка, что вообще «абсолютное большинство фамилий, которые встречаются у абхазов, грузинские (не менее 80 процентов!) и т. п.»¹³²⁰ Ему следовало бы ознакомиться с трудами акад. **К. В. Ломтатидзе**, чтобы глубже разобраться в этих вопросах¹³²¹.

Автор статьи, решившийся порассуждать и по такому специальному вопросу, как происхождение абхазов в свете антропологии, должен был бы знать, что абхазы сходны в антропологическом отношении далеко не со всеми грузинами, а только с некоторыми западнокартвельскими группами, в особенности аджарцами, мегрелами и некоторыми другими, причем этот факт, находит свое объяснение с точки зрения известной субстратной гипотезы, т. е. долговременных интенсивных взаимосвязей древне-абхазских и картвельских племен на территории современной Западной Грузии.

Теоретическая беззаботность **Т. Мибчуани** ярко проявилась при формулировании им одного из важнейших своих выводов. Он пишет: «в процессе формирования этноса абхазского народа главенствующая и ведущая роль принадлежит грузинскому элементу». Во-первых, «этнос абхазского народа» – это простая тавтология, так как слова «этнос» и «народ» обозначают одно и то же, только на разных языках, а во-вторых, грузинский этнический элемент, если он действительно играет «главенствующую и ведущую роль», не может быть базой образования нового народа с совершенно другим языком, в данном случае – абхазским.

---

¹³¹⁸ **Иоанн де Галонифонтибус**. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). – Баку. 1980. О мегрелах он пишет как о язычниках, образ жизни которых по сравнению со всем миром «наихудший» (с. 19 – 24).

¹³¹⁹ **Бардавелидзе В. В.** Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. – Тбилиси. 1957.

¹³²⁰ **Мибчуани Т.** Об абхазских фамилиях // Газ. «Апхазетис хма». 25 февраля 1992 г. (на груз. яз.)

¹³²¹ **Ломтатидзе К. В.** Абхазское слово «ауаюы» – человек // «Моамбе». 1943. Том 4, № 7. (на груз. яз. с русск. резюме). (См. об этом в кн. **Инал-Ипа Ш. Д.** «Антропонимия абхазов». – Майкоп. 2002 г., с. 278 – 279. Прим. комм.).

В период существования Абхазского царства и в последующие века продолжали развиваться связи с адыгскими и аланскими племенами, занимавшими центральное Предкавказье. Впервые завязываются отношения и с Древней Русью¹³²². После разгрома Хазарского государства киевским князем **Святославом** в 965 г. на Северном Кавказе усилилось влияние русов (русское княжество в Тмутаракани). Именно в этом районе, по-видимому, русские оказались в соседстве с абхазами и родственными им племенами. Представляет, в частности, интерес сообщение арабского историка XII века **Ал-Идриси**, писавшего: Тмутаракань – «очень древний город; имя его основателя неизвестно... его князя, известные под именем **Олу Абас (Абазы)**, прославленные своей силой... наводили страх среди своих соседей»¹³²³. Имя Алоу **Абас (Абаза)** свидетельствует о том, что в Тмутаракани в середине XII века правила династия абхазского княжеского происхождения¹³²⁴. Через Абхазию пролегали сухопутные и морские пути, соединявшие Восточную Европу с Малой Азией. Ею пользовались с древних времен скифы, сарматы, аланы, понтийцы, и другие племена и народности..

В русских летописях несколько раз упоминается народ «обезы», «обежане» и страна «Обезь» (иногда встречаются названия «абазки», «абазги», «авазги», «авагазы» и др.)¹³²⁵. Этими названиями вначале обозначались абхазы с абазинами вместе и их родина – собственно Абхазия. Не случайным является, конечно, и ближайшее сходство этнических названий «обезы», «абаза», «абазины», «абхазы». По мнению специалистов, летописные обезы суть абхазы, и локализуют они их в Абхазии (или в непосредственной близости от нее). В этой связи **М. И. Скрипиль** пишет: «названием «обезы» в Древней Руси, как известно, обозначались абхазы». Отождествляют обезов с абхазами (абазинами) также акад. **М. О. Тихомиров**¹³²⁶, **В. Н. Лазарев**, **Л. И. Лавров** и мн. др.

Вместе с тем, обезов и на Руси, и на Востоке нередко смешивали с грузинами, поскольку Абхазия и Грузия составляли в тот период (XI – нач. XIII вв.) одно царство¹³²⁷. Поэтому с течением времени первоначальное содержание названия «Обезы» иногда меняется, его начинают употреблять и в широком смысле – для обозначения всей Грузии. Так, «Обезь» обозначает Грузию, когда русский летописец рассказывает о половецком князе **Отроке**, бежавшем от **Владимира Мономаха** к грузинскому царю **Давиду Строителю** через Дарьяльское ущелье («во Обезы за Железные Врата»). В «Русской толковой палее», где разъясняются названия некоторых народов, сказано: «Авер – иже суть «Обезы»¹³²⁸. Азербайджанские поэты XII в. **Низами** и **Хагани** под Абхазией понимали всю Грузию («стал я жителем Абхазии и заговорил по-грузински»¹³²⁹). Подобные места в источниках, конечно, дают ясно понять, что «Обезь» и Грузия здесь одна и та же страна. Под обезами следует понимать грузин и там, где говорится о надписи «на обезском языке», в котором нужно подразумевать грузинский и т.п.

В таких случаях двух мнений не может быть. Другое дело, отрицание в той или иной форме сопричастности вообще исторических обезов с собственно абхазами.

¹³²²В Новгороде были найдены самшитовые гребни X – XV вв., которые, как можно предполагать, были сделаны новгородскими мастерами из самшита, привезенного купцами из Западного Кавказа – ближайшего к Новгороду места, где растет самшит (**Греков Б. Д.** Киевская Русь. – М. 1963, с. 433.)

¹³²³**Ал-Идриси.** География Идриси. – Париж. 1840, с. 395 (на фр. яз.).

¹³²⁴**Новосельцев А. П.** Внешняя торговля Древней Руси // История СССР. 1967, № 3, с. 107.

¹³²⁵**Скрипиль М. О.** Сказание о Вавилон-граде // Труды ОДРЛ. Том IX. 1953, с. 135 – 136.

¹³²⁶Полное собрание русских летописей. Том XXV. – М – Л. 1949, с. 440.

¹³²⁷Всемирная история. Том III. – М. 1957, с. 794.

¹³²⁸Цит. по **Г. Г. Сулава.** Что понимали в Древней Руси под названием «Обезь» // История СССР. 1957, № 2, с. 158.

¹³²⁹Памятники эпохи Руставели. – Тбилиси. 1938, с. 137.

По мнению **З. В. Папаскири** – одного из сторонников грузинской интерпретации термина «обезы» – «нигде в русских средневековых источниках **под обезами никогда нельзя подразумевать собственно абхазов, а только «все население Грузии в XI – XII вв. – грузин, абхазов и другие народы...**» Но, во-первых, нужно еще доказать, во всех ли средневековых русских источниках под Грузией и грузинами понимались не только собственно Грузия и грузины, но также Абхазия и абхазы, и вообще все «другие народы, входившие в состав Грузинского государства в это время»¹³³⁰. Во-вторых, надо научно отвергнуть выводы, к которым пришли **М. О. Скрипиль** и другие исследователи, специально изучавшие обезскую проблему. В третьих, надо учитывать конкретную историческую обстановку, которая существовала в период, когда имели «хождение» те или иные этнонимы, в данном случае «обез»¹³³¹, в XI или в XII, а так же и в XIII веках.

Речь идет, прежде всего, о благоприятных условиях, которые сложились в то время для Абхазии и которые выдвинули ее на передний план. В частности, она была избавлена от монгольского нашествия, сохранила свое население и свою экономику, пользовалась церковной независимостью от Грузии. Все это содействовало повышению роли и престижа Абхазии не только в самой Грузии, но и за ее пределами. Неудивительно поэтому, что на «святой Руси» до конца XV в., по-видимому, не хуже знали абхазов, в свое время близких соседей средневекового русского Тмутараканского княжества (сер. X – XI вв.) – чем грузин.

Кроме того, нужно еще раз подчеркнуть, что этнонимы «обез», «обезы», «обежане» генетически неразрывно связаны, как это видно и невооруженным глазом, не с «грузинами», а только с названиями абхазо-абазинских групп, то есть с этнонимами «абаза», «абазины», «абхазы».

В средневековое время и до наших дней (за пределами бывшего СССР) Абхазию и все абхазоязычное население называют «абаза». Вспомним, например, знакомые нам уже слова антиохийского патриарха **Макария**, который в 1664 году писал: «**Эти абхазцы составляют в наше время большую нацию и называются Абазами**». Военно-Сухумскую дорогу именовали не только «Абхазским путем», но и синонимичной «**дорогой в Абазу**». Абазины – в прошлом, как мы знаем, неотъемлемая часть абхазской этнической группы, сравнительно не так давно переселившаяся из Абхазии на северную сторону гор, сохранили в чистом виде свой древний этноним и по сей день, продолжая называть себя «абаза», под каковым именем известны у соседей и во всем мире, за исключением, разве, самих абхазов, которым ближе для наименования сородичей племенное название «ашвуа» (ашәуа). Название «а-база» лежит в основе летописной формы «обезы», – утверждал акад. **Н. Я. Марр** еще в 1912 году¹³³².

Г. Г. Пайчадзе, доказывая, что Абхазское царство создали не абхазы, а грузины, тоже обращается к древнерусской литературе. Содержащиеся в ней термины «Обез», «обезы», «обежанин», утверждает он, «означали именно Грузию и грузин», ссылаясь при этом на ряд тех русских летописей, в которых грузин русские сначала называли, мол, словом «обезы», а затем – «гурзи»¹³³³. Но он, как подчеркивает **В. Кожин**, «не заметил (или не захотел заметить), что в других томах того же самого «Полного собрания русских летописей» (т. 24, 26, 33, 34, и др.) «обезы» и «гурзи» упоминаются рядом как разные народы. То есть, русские летописцы, вовсе не путали и далеко не всегда отождествляли абхазов и грузин (точно так же, например, и в армянском памятнике, относящемся к IX – X вв., «Мученичество святых **Григория, Рипсимэ и Гаяне**» говорится о миссиях

¹³³⁰ Архив АБИЯЛИ. № 659, с. 69.

¹³³¹ Этому вопросу посвящена недавно опубликованная обширная монография **А. Л. Папаскири**. Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. – Сухум. 2005, 547 с. с исчерпывающим материалом об обезах. (Прим. комм.)

¹³³² **Марр Н. Я.** История термина «абхаз» // Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. с. 45.

¹³³³ **Пайчадзе Г. Г.** Названия Грузии в русских письменных исторических источниках. – Тбилиси. 1989 (См. и брошюру **Гумба Г. Д.** Значение терминов «Грузия» и «Сакартвело» в средневековых источниках. – Сухум. 1994. (Прим. комм.)

просветителей: «Иного отправил в Грузию, иного в Абхазию и иного к аланам»). Они (летописцы) употребляли слово «обезы» по отношению к предствителям Абхазского царства, а когда абхазская по своему происхождению династия окончательно «огрузинилась», русские летописцы перестали называть ее представителей «обезами»¹³³⁴.

Итак, в Древней Руси все же не всегда имели ясное понятие об этническом и территориальном содержании термина «обезы». Этим словом называли сначала Абхазию причем «обезами» именовались абхазы вообще, в широком смысле этого слова, а не только собственно абазины, которые в период создания летописей жили еще в основном на своей первоначальной родине, близ Черноморского побережья. С течением же времени, в определенный исторический период, «Обезом» стали именовать без различия Абхазию и Грузию вместе, причем иногда вся Грузия называлась Абхазией («Обезом»). Такое расширительное толкование находит свое объяснение в присоединении Грузии к Абхазскому царству. Употребление в столь широком смысле термина «обезы», возникшего в начале на основе местного этнонима, как русское летописное наименование части или всей средневековой абхазской этнической среды, является отражением того места и значения, которое имело это царство в политической жизни и международных отношениях той эпохи.

* * *

Образование Абхазского царства имело большое значение в процессе становления и развития абхазской народности. Это был период подъема абхазского народа. Возникновение такого крупного национального, на первых порах, государства содействовало упрочению этнической общности людей, объединенных единством происхождения, территории, языка, культуры. Оно знаменовало собой разрушение племенных преград, усиление процесса консолидации абхазских племен в единую народность под политической гегемонией абазгов (надо полагать, что именно вокруг абазгов, как наиболее сильного и многочисленного ядра, происходило дальнейшее объединение абхазских племен). Существование такого консолидирующего фактора, каким являлось государство, границы которого выходили далеко за пределы собственно Абхазии и которому удалось добиться независимости и ликвидации иноземного засилия, создавало благоприятные условия не только для образования единой народности в результате экономического, политического и культурного сближения абазгов, апсиров, санигов, мисимиян и других близкородственных племен, но, видимо и для ассимиляции некоторых входивших в его состав неабхазских племен.

Вместе с тем действовали и силы, сдерживавшие этническую консолидацию местного населения – феодальный партикуляризм, формирование политического центра государства в Западной Грузии (Кутаиси), сильные пережитки общинного строя и языческих верований, а также отсутствие письменности на родном абхазском языке, который в силу этого не мог выполнять в должной мере роль главного орудия в развитии национальной культуры, торговых отношений, и официального делопроизводства.

Всем этим ограничивались первоначальные военные и политические успехи правителей Абхазии. В результате постепенно прекращается относительно непродолжительный процесс ассимиляции абхазами иноплеменного населения смежных с Абхазией областей, а вслед за этим последовал и обратный процесс – не абхазизация Грузии, а, наоборот, грузинизация значительной части самих абхазов, прежде всего представителей¹³³⁵ знати¹³³⁶.

¹³³⁴ **Кожин Вадим.** Да не запоздает слово. О межнациональной розни // Ж-л «Политика». 1991, с. 6.

¹³³⁵ **Меликишвили Г. А.** Указ.соч. с. 135.

¹³³⁶ Однако еще в прошлом столетии знание абхазского языка было распространено среди привилегированной части западногрузинского (мегрельского) населения. В тридцатых годах XIX в. английский путешественник и ученый **Э. Спенсер** посетил Пицунду, Сухум, Анакрию (мегр. форма

Рассмотрение дальнейших путей абхазской истории, этнического и культурного развития абхазского народа в неблагоприятных условиях позднефеодальной и капиталистической эпох, революционных преобразований в крае выходит за рамки этой книги.

Всякие же утверждения о сравнительно недавнем появлении здесь дикого этнического элемента – адыгского племени «апсуа» откуда-то из-за гор, о том, что «апсуа» и «абхазы» – это разные племенные миры, что, стало быть, «апсуа» не имеют никакого отношения к истории и культуре Абхазии до XVII в., что только с этого времени начинает современный абхазский народ свою политическую государственную жизнь и тому подобное являются, как мы могли убедиться, необъективными, бездоказательными по существу домыслами, не выдерживающими научной критики и представляющими собой грубое искажение исторической действительности.

Заключение

Формирование некоторых народов (особенно относительно молодых) происходит на виду у истории. Источниками порой хорошо засвидетельствованы основные этапы их этнического оформления. Иначе обстоит с абхазами и не только из-за чрезмерной ограниченности имеющихся сведений и недостаточной их изученности, но отчасти еще и потому, что чем древнее народ, тем труднее и сложнее исследование вопросов его этнокультурной истории.

В настоящее время подавляющее большинство археологов признают преемственность культур на Западном Кавказе, начиная по крайней мере, с раннеметаллической эпохи. Показателем этнокультурной преемственности является, например, то, что бытовавший в Абхазии еще в эпоху ранней бронзы обряд вторичного захоронения органически увязывается с зафиксированным здесь же античными и позднейшими авторами погребальным обычаем абхазов – подвешивать покойников на деревьях с последующим преданием их земле.

Постепенно вырисовывается и общая картина определенной этнолингвистической непрерывности, культурной однородности в широком смысле слова. Эта древняя непрерывность была представлена отдельными локально-динамичными, близкими между

абхазского Акра – «мыс», «маяк»). Под черкесами, имея в виду собственно абхазов, он пишет: «Известно, что мегрельские крестьяне не говорят на черкесском (читай: «абхазском» – Ш. И.) диалекте, которым пользуются лишь князья и дворяне, претендующие на общее происхождение с... черкесами... Достоверность этого факта была подтверждена русскими офицерами... от которых мы узнали много подробностей... и которые охарактеризовали знать Мегрелии... как расу, резко отличающуюся от зависимых сословий... (Е. Spenser. Travees in Circassia, Krim-Tartary. Vol. I. – London. 1839, pp. 317 – 318).

собой этническими образованиями – предками абхазо-убыхо-адыгов и родственными им племенами. Находясь на стадии первобытнообщинного строя с сильными начатками имущественной и социальной дифференциации, но еще без классов и государства¹³³⁷, они в III – II тыс. до н. э. сплошной полосой занимали почти все восточное побережье Черного моря, пока где-то около рубежа II – I тыс. или в VIII в. I тыс. до н. э. не начались значительные инородные инфильтрации (главным образом картвельского этнического происхождения), повлекшие за собой изменения этнической ситуации на указанной территории.

О простиравшемся так широко первичном расселении абхазо-адыгских племен исследователи начинают говорить все чаще, хотя пока еще, быть может, не всегда очень уверенно. Выше уже привлекались соответствующие высказывания **Г. А. Меликишвили** и других, а здесь можно вновь сослаться на известное уже нам высказывание **И. М. Дьяконова**: «Представляется довольно вероятным, – хотя оно и не может считаться доказанным, – что на всем протяжении от центральной и западной части Северного Кавказа и Закавказья, через Восточное Причерноморье, Колхиду и Южное Причерноморье... в III и, вероятно, во II тыс. до н. э. были распространены племена, либо непосредственно принадлежавшие к северо-западнокавказской (абхазо-адыгской) языковой группе, либо говорившие на языках, родственных абхазо-адыгским, а в отдельных районах (Закавказья), вероятно, на картвельских»¹³³⁸.

Абхазо-адыгские племена занимали и в древние времена не только горы, но и низменные места восточного побережья Черного моря. У **Клавдия Птолемея** (II в.) в районе Гагры указан пункт **Инантия**¹³³⁹, под которым следует, по-видимому, подразумевать знаменитое святилище с культом **Великой Матери** богини **Ананы (Инаны)** в сосновой священной роще Пицунды, где еще недавно абхазы приносили в жертву бычков от «посвященных ей неприкосновенных коров» (Лзаа-ных ажэзатэ). Некоторые подобные почитаемые места назывались **Анантварами**, то есть «местами пребывания (досл. «восседания») **Ананы** Анантэа (ра). Привлекает внимание и название пункта **Кукунда** того же Птолемея в районе р. Мдзымта происходящее от имени абхазской богини льна и конопли **Кукуны** (видимо места особого ее почитания; его же указание на пункт на р. Коракс – **Наа**, имя которого сохранилось на той же реке Кодор в названии села **Наана**. Птолемеевские сообщения являются дополнительным свидетельством автохтонности абхазов на занимаемой ими территории.

Преобладание в приморском Эшерском городище, раскопанном **Г. К. Шамба**, «местной глиняной посуды, украшений и т.д. над привозными дает основание полагать, что удельный вес аборигенного населения в городской жизни Абхазии был значительным» (город, процветавший в течение нескольких столетий, около середины I в. до н.э. был сожжен и пришел в полный упадок).

Вспомним также слова **Л. Я. Люлье** о том, что «адыгские племена вместе с абхазскими должны быть если не первобытными, то по крайней мере, древнейшими жителями морского побережья», что «племена, переселившиеся на северный склон, хорошо помнят места, на которых жили их предки», что «адыге считают побережье Черного моря старым своим пепелищем (хекуз)»¹³⁴⁰. Все вышеуказанное хорошо отражает собой контуры давнишнего расселения указанной группы народностей, имеющих вместе с тем глубоко уходящие этнокультурные связи с некоторыми из исторических народов

¹³³⁷ Особняком в этом отношении стоит мнение **Г. Ф. Турчанинова**, который на основании только имущественной дифференциации (представленной еще в конце III тыс. до н. э. погребением племенного вождя и двух женщин в богатейшем **Майкопском кургане** при бедности синхронного рядового поселения Мешоко), считал местное общество XIII – XII вв. до н. э. классовым (**Г. Ф. Турчанинов**. Указ. соч. с. 7 – 8).

¹³³⁸ **Дьяконов И. М.** Предыстория армянского народа... – Ереван. 1968, с. 13.

¹³³⁹ **Клавдий Птолемей** // ВДИ. 1948, № 2, с. 245.

¹³⁴⁰ **Люлье Л. Я.** Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами. Черкесия. – Краснодар. 1927, с. 13, 17.

древней Малой Азии – хаттами (протохеттами) и близкими к ним малоазийскими аборигенами (кашки, абешла, может быть пафлагонцы и др.).

Установленные специалистами разительные черты структурного и материального сходства абхазо-адыгских и хаттского языков – разграничение префиксальной, корневой и суффиксальной части глагола, расположение префиксов в определенной последовательности; аналогичность положения и функции локативного суффикса (хат. *ta*, абх. *ṭa*, адыг. *ṭ*; одно-двухсложные корни глаголов; образование повелительного наклонения от чистой глагольной основы без суффиксов; чередования гласных в основе глаголов; слабое развитие склонения имени (в абхазо-абазинских языках, сохранивших исходное состояние, система склонения вообще отсутствует, а в адыгских она также образовалась сравнительно поздно и представлена в зачаточном состоянии); морфологическая недифференцированность существительного и прилагательного; сходные типы редупликации основы имени; одинаковое сочетание имен (препозиция); совпадения в построении простых предложений¹³⁴¹, а также отдельные лексические встречи – имена богов (западнокавказ. – хат. **Уашхо**, хаттского бога-защитника **Инара** и абхазского божества высоких деревьев и виноградной лозы – **Нара** и др.); близость племенных названий – малоазийские кашки (каска) и абешла и западно-кавказские касоги (кашаги) и апсилы (абсилы), а вместе с тем и отмеченные выше выразительные палеоэтнографические параллели, особенно в области ономастики, топонимики, архаических религиозных верований (культ Великой богини матери, бога грозы, быка и др.), – все это вместе взятое свидетельствует в пользу не только реальной близости, но и этнического родства абхазо-адыгских народов с древнейшими аборигенами отчасти центральной, но в основном северо-восточной части Малой Азии.

При всем том, то есть при всей огромной значимости исследований известных лингвистов об этническом родстве абхазо-адыгских групп с хаттами и другими доиндоевропейскими малоазийскими коренными народами, следует вместе с тем отметить и то, что по существу пока нет у нас соответствующих археологических материалов, существенно подкрепляющих положение об указанном родстве, а без данных археологии вряд ли можно обойтись при решении таких вопросов. Время для окончательного тезиса об абхазо-адыго-хаттской этнической общности, видимо, еще не наступило, хотя, надо полагать, оно уже не за горами, учитывая новые открытия в этом направлении филологов, археологов и антропологов.

Имея в виду все изменения языковой ситуации, которые происходили на Восточном Причерноморье и прилегающих территориях (по крайней мере, с III тысячелетия до н. э.) мы не могли бы указать ни на одну семью языков, которую можно было бы уверенно считать субстратом для абхазо-адыгской группы¹³⁴². Неместного (например, индоевропейского или семитического) субстратного слоя нащупать в абхазском, по-видимому, не удастся, но зато можно и нужно выявлять в нем адстратные черты, то есть признаки воздействия на него других языковых групп, в том числе и некавказских. Если бы абхамам в Абхазии предшествовало какое-то другое иноязычное коренное население, и оно не было вытеснено или истреблено пришельцами, а, наоборот, слилось с ними, то в таком случае мы должны были бы иметь в абхазском языке какой-то пласт субстратной лексики, а, может быть, даже период двуязычия в процессе длительного перехода аборигенных жителей на язык пришлых завоевателей. Но такого чужеродного пласта в историческом составе абхазской, как и абазинской лексики не наблюдается, хотя, может

¹³⁴¹ **Ардзинба В. Г.** Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков // Переднеазиатский сборник. III – М. 1979, с. 26 – 37.

¹³⁴² Другое дело, например, древнеармянский язык, для которого субстратными являются языки хурритов, урартов даже заново и других народов, учитывая при этом, что протоармянский язык мог появиться на Армянском нагорье не ранее XII и не позже VI в., а вернее с XII по IX в. до н. э. (**И. М. Дьяконов**. Указ. соч. с. 206, 209). (На 28 странице своей диссертации и **Г. Кавтарадзе** также отмечает о «... занском субстрате армянского языка», о чем писали и пишут многие другие исследователи).

быть, трудно об этом еще судить на основе современного состояния изученности абхазского языка, его исторической фонетики и грамматики. Абхазский и родственные с ним языки сформировались, как видно, здесь же, на Кавказе, еще задолго до II тысячелетия до н. э., судя по тому, что с начала II тысячелетия в соседней Малой Азии мы уже имеем исторически достоверные, вполне оформившиеся и даже сменяющие друг друга языки.

Некоторыми исследователями (**Л. Н. Соловьев, З. В. Анчабадзе**) развивается тезис о консолидации древнейших аборигенов Абхазии с пришлыми завоевателями, о том, что абхазский этнос сложился на Черноморском побережье Кавказа (в том числе на территории нынешней Абхазии) в результате длительного (от конца III до середины I тысячелетия до н. э.) процесса этнического объединения аборигенного населения края с более культурными и этнически сравнительно более устойчивыми представителями племени кашков, пришедших из северо-восточных районов Малой Азии и явившихся носителями «языка-победителя». При этом они предполагают, что аборигены, возможно, находились с ними в определенном этническом родстве, но это положение археологическими данными пока не подтверждается. Такие важные события, как большое переселение целых племен и народностей, глубокое смешение населения и даже смена языка, должны были оставить какой-то след в особенностях развития местной материальной или духовной культуры. Переселение, если оно и было, то могло иметь место задолго до III тыс. до н. э. (**В. В. Бжания** и др.). Это нисколько не означает отрицания возможности спорадических этно-культурных инфильтраций на территорию Абхазии. Отдельные инородные элементы культуры (нередко вместе с относительно небольшими группами их носителей), естественно, проникали с юга (впрочем, как и с севера) в Абхазию, которая, как мы видели, тесно была связана с древней Малой Азией. Существенные филологические, этнографические, антропологические и другие данные, говорящие об этой связи, скорее всего, указывают на этнокультурную однородность, на непрерывность культурно-исторических традиций почти на всем протяжении древнего Восточного Причерноморья, включая Абхазию. Что же касается конкретно кашков, то в основном во II тыс. до н. э. они продолжали обитать по-прежнему на своей малоазийской прародине.

В связи с сопоставлением названий малоазийских «кашка» и «абешла» с западнокавказскими «касоги» и «апсилы» следует отметить, что, как известно, одни и те же племенные и родовые названия иногда встречаются на очень большой и разноязычной территории, повторяясь у разных народов. Эта одноименность и повторяемость родоплеменных делений хотя бы отчасти может свидетельствовать о том, что в состав данных народов в свое время вошли одни и те же этнические компоненты, ибо многие из родоплеменных групп по существу оказываются остатками целых племен и народностей.

Нет ничего удивительного в том, что совпадения этнонимов таких районов, как Северо-Восточная Анатолия и Западный Кавказ, являются результатом миграции племен в ту или другую сторону, хотя, учитывая смежность и относительную ограниченность этих территорий, нельзя считать исключенной возможность проживания некогда на всем их протяжении однородного в этнокультурном отношении населения, состоявшего из родственников между собой племен, названия которых частично сохранились как в источниках, так и в памяти народа, поскольку этнонимы отличаются еще большей долговечностью, чем топонимы.

Итак, даже с учетом мнения крайних скептиков, отрицающих возможность решения того, на каком языке говорили абешла, кашки и другие, – на протоабхазском, протоадыгском, протоубыхском или каком-нибудь ином, вообще полагающих все это слишком гадательным с лингвистической точки зрения, большинство крупнейших специалистов склоняется к тому, что уже имеются серьезные научные данные (правда, не всегда быть может вполне убедительные) об этническом родстве хаттов, кашков (касков), абешлайцев, а всех их вместе – с абхазо-адыгской, западнокавказской группой, и что

хаттско-абхазо-адыгская языковая семья в III—II тыс. до н. э. территориально простиралась от центральной части Северного Кавказа до Черного моря, включала почти все Восточное Причерноморье и захватывала значительную часть восточной Малой Азии. По мнению же И. М. Дьяконова, хаттский язык либо очень древнее ответвление от абхазо-адыгской группы, либо промежуточное звено между этими языками и языками картвельской группы.

В древности основной этнической единицей являлось племя или объединение племен, отличающееся общностью территории и диалекта, а также эндогамной структурой и сознанием кровного родства (действительного или воображаемого). Для ранних эпох характерно также дислоцирование племен, связанное с их разделением (филиацией) и подвижностью, а также широким территориальным распространением (например, южные и северные гениохи побережья Черного моря), причем филиация племен ведет и к филиации языков, которую можно изобразить в виде генеалогического древа. Близкие между собой племена объединялись сходными чертами культуры и языка. При этом наличие общей культуры на определенной относительно обширной территории часто является результатом слияния родственных или близких между собой племен, без миграции какого-либо из них (обычно только чрезвычайные обстоятельства заставляли племена покидать привычную им естественно-географическую и этническую среду и, совсем оторвавшись от нее, уйти куда-то далеко, тем более, если первоначальные места обитания являлись благоприятными для жизни).

Народы, близкие между собой по ряду признаков, объединяются иногда термином надэтническая (макроэтническая, суперэтническая) общность. Историческая реальность подобных общностей не подлежит, по-видимому, сомнению. Абхазо-адыгская группа народов это также довольно яркий пример этно-лингво-культурной общности, которая объединяет разные народы этой группы в одну, так сказать, надэтническую общность по признакам единства происхождения, сходства языка и культуры. Некогда в эту общность, вероятно, входили, или примыкали к ней кашки, абешла, хатты и другие, в совокупности занимавшие, как сказано, большую полосу Восточного, Юго-Восточного и части Южного Причерноморья, а также и прилегающие области Малой Азии. Более того, как видно, можно говорить о своеобразной лингвистической непрерывности на этой территории, населенной (до нарушения указанной целостности) древними народами и племенами, говорившими на сходных между собой родственных языках (если первобытная лингвистическая непрерывность не соответствует действительности в глобальном смысле, то в региональном, т. е. для ограниченного пространства, занятого близкими по происхождению племенами, она является, очевидно, исторической реальностью). Вместе с тем это была единая в далеком прошлом, хотя и «многозвеньевая» историко-этнографическая область с единым хозяйственно-культурным типом. В состав историко-этнографических областей далекого прошлого, которым иногда соответствуют «культуры», выделяемые археологами, входят народы смежных земель, связанные общностью происхождения или последующего хозяйственного и культурного развития (правда, хозяйственно-культурный тип и историко-этнографическая область могут и не совпадать с надэтнической общностью, ибо последняя предполагает сознание о единстве происхождения).

В недрах указанной надэтнической общности создавались и вызревали частично охарактеризованные выше памятники древней материальной и духовной культуры, например, такие, как миф о карликах-ацанах, героический нартский эпос, легенда прометеевского круга – абхазская об Абрскиле, груз. Амирани (у сванов иногда Амирм)¹³⁴³. В имени Амиран ученые усматривают абхазское слово «амра» (бз. амыр, садз. амара, абж. амра, абаз. мра), что означает солнце. Важно и то, что греки Лихский хребет называли Амарантским, как видно, заимствовав это название у местного

¹³⁴³ Чиковани М. Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. – М. 1966, с. 314.

населения (т.е. **Солнечным**, как, вероятно, называло его аборигенное население, для которого солнце вставало именно из-за этого, восточного для них хребта). Одну из гор этого хребта, картвелы называют **Пасис-мта** (в картвельских языках нет фонемы «ф»), т.е. Фасиская гора, упоминаемая древнегреческими авторами на востоке Колхиды¹³⁴⁴.

Об единстве этногенеза абхазо-адыгских народов свидетельствуют многочисленные фольклорно-этнографические и языковые сходства глубокой древности. Поразительные аналогии и тождественные совпадения в самых различных областях духовной и материальной культуры, брака и семьи, например, круглые жилища, ядро нартского эпоса, особое брачное помещение, скрывание жениха, и многие другие черты, образующие в совокупности единый, четко очерченный абхазо-адыгский этнографический тип, – не могут быть результатом только длительных контактов и культурного взаимодействия. Они заставляют думать об общности происхождения. При этом особое значение имеют языковые данные – сходство грамматического строя и лексические встречи, количество которых, несомненно, будет возрастать по мере дальнейшего сравнительного изучения. Сходств в родственных (и даже неродственных) языках бывает много, но нигде в языках разного происхождения не встречается общность таких, например, важнейших элементов, как местоимения. В абхазском и адыгских языках местоимения выражаются идентичным образом: с – я, у – ты (муж.). Общим является также показатель отрицания и т. д.

Одним словом, проведенные до сих пор лингвистические исследования не оставляют сомнения в том, что при любой классификации абхазский язык органически остается на стороне западнокавказской (абхазо-адыгской) группы языков, проявляя при этом особую близость с ныне зарубежным убыхским языком в области грамматической структуры. Это не следствие только взаимовлияния и заимствования в процессе длительного общения между народами, входящими в указанную группу, а бесспорный показатель их этнического, генетического родства. Существование в прошлом такой этнической общности предполагает и наличие единого праязыка, место и время дифференциации которого не поддаются пока точному определению (может быть, это произошло где-то к концу III тыс. до н. э., а, скорее всего, значительно ранее).

Для конкретного суждения по вопросу о времени и условиях размежевания абхазов, убыхов и адыгов, их выделения из общего первобытного этнического конгломерата имеется пока слишком мало данных. Тот факт, что в настоящее время представители адыгских и абхазских народов, говоря на своих языках, практически совершенно не понимают друг друга, несомненно свидетельствует о глубоко зашедшей дифференциации, потребовавшей не века, а целые тысячелетия. Некоторые авторы придерживаются того мнения, что указанное размежевание произошло еще до возникновения здесь дольменной культуры, которая ими приписывается собственно абхазской этнической среде (**Я. А. Федоров**). Разные названия для меди указывают на то, что в эпоху доклассической бронзовой культуры эти народы уже выступали как самостоятельные этнические единицы. С другой стороны, обращает на себя внимание наличие общего названия лошади в абхазо-адыгских языках, а лошадь, как известно, получает распространение в Малой Азии и сопредельных областях только в начале II тыс. до н. э., а у майкопцев еще раньше. Если ориентироваться с помощью подобных косвенных указаний, то где-то в III тыс. до н. э. абхазы и адыги, вероятно, составляли в целом единую, все еще недостаточно четко расчлененную внутри себя этническую общность.

При исследовании этнокультурной и политической истории абхазов особое значение имеет также проблема их исторического взаимоотношения с картвельскими племенами.

Установленное лингвистами (**Н. Марр, А. Шанидзе, И. Кипшидзе, А. Мурвалян, А. Ачарян, Гр. Капанцян**) наличие «сильного древнейшего мегрело-чанского (западно-грузинского) слоя» в армянском языке¹³⁴⁵, появление которого на Армянском нагорье приурочивается к XII—IX вв. до н. э., является результатом длительных и тесных

¹³⁴⁴ Там же. с. 34.

¹³⁴⁵ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. 1959, с. 172.

контактов между этими этническими группами в местах их древнейшего расселения. Оно свидетельствует о том, что мегрело-чанские племена первоначально жили в непосредственном соседстве с древними армянами, где и происходило их этнолингвистическое, а частично и физическое взаимопроникновение. Следовательно, мегрело-чанов не было поначалу у восточных берегов Черного моря, занятых протоабхазо-адыгскими племенами. Если, таким образом, мы имеем дело с «абхазским субстратом в мегрело-чанском языке» (А. С. Чикобава, К. В. Ломтатидзе), то этот факт указывает не только «на древнейшие интенсивные контакты» между абхазами и мегрело-чанцами, но прежде всего на то, что территория Западной Грузии до прихода картвельских племен была занята абхазо-адыгскими племенами.

У исследователей нет согласия по вопросу о времени проникновения картвелоязычных племен на территорию исторической Колхиды. Б. Б. Пиотровский вообще считал, что «предки современных закавказских народов в древности жили на другой территории»¹³⁴⁶. По мнению же И. М. Дьяконова, только к началу античности, «по-видимому, языки абхазо-адыгской группы были уже оттеснены» на север, на территории их нынешнего распространения. А В. И. Абаев, исследуя мегрелизмы в осетинском языке, указывает, что мегрелы некогда жили «восточнее и севернее нынешних мест их расселения»¹³⁴⁷. Встречаются утверждения и о том, что племя лазов на рубеже н. э. находилось еще вне пределов центральной Колхиды¹³⁴⁸ и т.п.

Оставим открытым трудный вопрос датировки указанного передвижения картвельских племен. Уточняясь в ходе дальнейших исследований, это датирование приведет, надо полагать, к переоценке некоторых положений по истории Западного Закавказья. Очевидно можно, утверждать только, то что эти племена, придя в Колхиду с востока (в значительном, вероятно, количестве) и вклинившись в расположение древнейшего абхазо-адыгского населения, начали затем постепенно распространяться в северо-западном направлении, смешиваясь на своем пути с аборигенными жителями и ассимилируя их.

Следует обратить внимание и на другой аспект рассматриваемой проблемы. Мы уже знаем, что имеются, говоря словами А. С. Чикобава, весьма «серьезные основания предполагать, что на территории Западной Грузии картвельским племенам предшествовали абхазско-адыгские племена», при этом «факт насыщенности чанских и мегрельских глагольных приставок абхазскими элементами.., – факт бесспорной древности». **Как мы видим, чанские и мегрельские глагольные приставки насыщены именно абхазскими, а не адыгскими элементами. Следовательно, в Западном Закавказье носители именно абхазского языка предшествовали картвельским племенам.** Из сказанного вытекает и то, что ко времени встречи носителей абхазской и мегрело-чанской речи, распад языка-основы абхазско-адыгских языков был давно совершившимся фактом, а адыгские племена уже были оттеснены к северо-западу.

Абхазский этнический субстрат в Западном Закавказье один из фундаментальных фактов древней истории абхазского языка и его носителей. Продвинувшись сюда в относительно более позднее время, западнокартвельски племена в течение веков взаимодействовали с местным населением. Только на этой основе стало возможным столь существенное влияние абхазского языка на структуру мегрельского. При этом имели свое значение и длительность, и количественный потенциал, который менялся в процессе иммиграции, пока все это не завершилось полной ассимиляцией субстратного населения на территории современной Западной Грузии.

Вопросы хронологии решаются пока больше на уровне предположений. Считается, что распад общекартвельского языка-основы датируется XIX веком до н. э. К этому времени относят обособление сванского языка, а выделение западнокартвельских

¹³⁴⁶ Пиотровский Б. Б. Ванское царство. – М. 1959, с. 14.

¹³⁴⁷ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Том I. – М – Л. 1949, с. 328.

¹³⁴⁸ Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. – М. 1975, с. 140

(занских, или мегрело-чанских) диалектов из восточного (собственно картвельско-грузинского) – VIII веком до н. э., что, вероятно, связано с продвижением западных протокартвельских племен в сторону Колхиды и Понта, занятых протоабхазо-адыго-убыхо-хаттской группой племен (подробнее об этом см. в указанных выше исследованиях **А. С. Чикобава, Г. А. Климова, Г. А. Меликишвили, И. М. Дьяконова** и др.).

В этногенезе абхазов принимали участие (разумеется, неодинаковое) разные компоненты, не только родственные адыгские, отчасти и картвельские племена, а также некоторые аборигены Малой Азии, но, вероятно, незначительно и северные народы (скифы, сарматы, аланы, позже возможно частично даже готы и др.), нельзя исключить и определенное участие и древних греков и римлян, а быть может и карийцев (населявших во II тыс. до н.э. часть бассейна Эгейского моря и Малой Азии). Об этом свидетельствует «проникновение догреческой субстратной топонимики Эгейского ареала до самых восточных областей Черного моря». В частности, название Пицунды, по **Ю. В. Откупщикову**, отражает догреческую (карийскую) топонимику как в отношении своей «растительной» (сосна) этимологической основы, так и в словообразовательном плане¹³⁴⁹.

Но вряд ли следует преувеличивать роль и значение каких-либо дальних этнических составляющих в процессе длительного образования абхазского народа, который, как видно, формировался на базе в основном кавказской этнокультурной общности, при значительном участии в этом процессе этнических элементов прежде всего адыгского происхождения, а позднее, отчасти и картвельского. Разумеется, не надо гиперболизировать местные истоки этногенеза, но их недооценка является, конечно, еще более существенным упущением.

Согласно исследованиям грузинских ученых абхазы, антропологически сходные с западными картвелами (мегрелами, аджарцами и др.), отличаются не только от адыгов, но как ни странно, и от своих непосредственных сородичей – абазин. Этот удивляющий и несколько загадочный антропологический разрыв между абхазами и адыгами, почти полное выпадение абхазской группы из круга родственных адыгских народов, повторяю – по данным грузинских ученых, требует дополнительного изучения антропологических данных и их уточнений. Это расхождение, если оно действительно имеет место, невозможно объяснить без привлечения других исторических источников, прежде всего этнографических. Образование в Западной Грузии антропологического и этнографического типа, отличного от восточногрузинского, но сходного с абхазским, было бы необъяснимо без допущения длительного проживания здесь абхазо-адыгских племен, ибо Восточный Понт, Колхида и Западный Кавказ были заселены в бронзовом веке преимущественно абхазо-адыгскими племенами. Население современной Западной Грузии, в известной мере, – физические потомки субстратного аборигенного абхазо-адыгского населения, ибо субстрат, как более многочисленный слой, передал и антропологические черты пришлому населению, язык которого, между прочим, более легкий для усвоения, был воспринят местными жителями (например, современные самурзаканцы — жители пограничного с Мегрелией Гальского района Абхазии – также представляют собой яркий пример языковой ассимиляции абхазов мегрелами в основном в течение XIX и особенно XX вв. при возобладавшем в процессе этнического взаимопроникновения в целом абхазской народной культуры над культурой носителей победившего языка).

Вот этой ассимиляцией предками картвелов древних абхазов на территории современной Западной Грузии, интенсивными культурно-историческими и брачными

---

¹³⁴⁹ **Откупщиков Ю. В.** Греческая колонизация Причерноморья и карийцы. // Всесоюзная научная конференция. – Тбилиси. 1975, с. 19; **Его же.** Карийцы в Причерноморье (Ономастика). Согласно исследованию автора, названия «Колхида» и «колхи» были даны еще догреческими мореходами, в которых он видит карийцев. Да и имена аргонавтов и героев других мифов, связанных с Причерноморьем и некоторые топо- и оронимы также носят согласно его исследованиям, догреческий тип (с. 68, 69, 72, 73). (Прим.комм.).

связями абхазов с картвелами (особенно западными) в продолжение веков, а вернее тысячелетий и объясняется отмеченный некоторый антропологический разрыв абхазов с родственными по языку адыгами и их близость в антропологическом отношении с западными картвелами (в случае если исследования проводились без ошибок, в чем, к сожалению, нет большой уверенности).

Остаточные группы древнейшей понтийской расы, известные на Западном Кавказе с неолитической эпохи, ныне представлены, при всем том, абхазами и абазинами, адыгскими народами и западнокартвельскими группами: лазами, мегрелами, гурийцами, аджарцами¹³⁵⁰ и другими. Представляют в этом плане интерес жители **Хашурского, Чиатурского и Сачхерского** районов, сохранившие древнейший адыгский вариант понтийской расы, то есть черты своих физических предков. Восточные же грузины – это не понтийский, а в основном переднеазиатский тип, сваны же благодаря длительной географической изоляции, сохранили древнейший антропологический облик, названный кавказионским, однако, возможно, в этом отразилась роль древнего субстратного населения. Можно надеяться, что накопление палеоантропологического краниологического материала позволит наметить более ясные контуры основных этапов формирования понтийской расы, а вместе с тем приведет к заключению, что древние абхазы и родственные им племена — это собственно и есть основные представители адыгского варианта понтийской расы. **М. Г. Абдушлишвили** в 1966 году писал «о наличии в абхазах понтийского субстрата и кавказионского элемента, что довольно наглядно прослеживается и в соматологических материалах», и о «единстве антропологического типа» Кавказского Причерноморья¹³⁵¹. **В. П. Алексеев** же, как мы видели, придерживается того мнения, что **абхазо-адыгская группа, а также аджарцы относятся к «понтийской группе популяций и, следовательно, представляют собой потомков древнего населения и имеют местное происхождение»**.¹³⁵² К сожалению нам неизвестны палеоантропологические данные с территории Центральной и Восточной Малой Азии, что имело бы существенное значение в истории изучения физических предков населения этих районов – хаттов, кашков, урумцев и других, не изучены, как видно и дольменные черепа, находящиеся в Тбилиси

Большое значение при исследовании этногенетических проблем, в частности, этнических компонентов, которые вошли в состав народа в процессе его формирования имеют материалы древней народной религии. Ярким показателем в этом отношении является, например армянское язычество, вобравшее в себя многие божества и поверья тех этнических групп, из слияния которых образовался армянский народ – иранские, семитические, особенно хеттские и другие, о чем подробно говорится в книге **Гр. Капанцяна «Хеттские боги у армян»**¹³⁵³. Однако пантеон не каждого народа представляет собой такое же сложносочетанное образование. В составе богатого абхазского языческого наследия мы находим, удивительно мало богов, верований и культов иноплеменного происхождения. Об этом свидетельствует то, что почти все названия абхазских божеств, культов, святилищ, покровителей, обрядов, вплоть до имени верховного бога являются местными т. е. древнеабхазскими. Во всяком случае, у нас нет пока никаких данных для отрицания абхазской в основном языковой принадлежности языческой номенклатуры абхазов: **Анцва (Анцэа)** Всевышний, **Анан, Анана** – Великая богиня-мать, **Айтар (Айтар)**, **Амра** – божество солнца, **Амза** – божество луны, **Шашвы (Шьашэы)** – бог-кузнец, покровитель металлургии, **Джаджа (Цьацэа)** – богиня урожая

¹³⁵⁰ **О. М. Ахвледиани**, изучивший современное население Западного Кавказа, приходит к выводу, что абхазы, гурийцы, мегрелы, аджарцы и имеретины сходны в антропологическом отношении и находятся в «потомственном родстве» между собой. Отмечается также особое сходство абхазов с аджарцами (XIX в.) (**Ахвледиани О. М.** К антропологии коренного населения Аджарской АССР. – Батуми. 1957).

¹³⁵¹ **Абдушлишвили М. Г.** К краниологии древнего и современного населения Кавказа. – Тбилиси. 1966, с. 72, 73.

¹³⁵² **Алексеев В. П.** Происхождение народов Кавказа. – М. 1974, с. 193.

¹³⁵³ **Капанцян Гр.** Хеттские боги у армян. – Ереван. 1940.

и плодородия земли, **Анапа-Нага** – богиня зерновых культур, **Кукуна/Квиквину** – богиня технических культур – льна и конопли, **Жвабран** (Жэабран) богиня-мать коров, **Джабран** (Цэабран) богиня-мать коз, **Ачышашана** (Аџышьашана) – божество лошадей, **Алышкынтыр** (Алышькынтыр) божество собак, , **Ажвейпшаа** (Ажэиҧшьаа) божества дичи и охоты и другие, а также слова **аныха** – святилище, капище святая сила, икона и др., **аныхва** (Аныхэа) – религиозное празднество, **аныхвара** (Аныхэара) моление и т. д.

Все эти теонимы и слова абхазские, хотя, конечно, в области научного историко-лингвистического анализа лексики абхазского язычества, впереди еще много работы. Надо полагать, что такого в целом моноэтнического однообразия с названиями абхазских богов, богинь и культов не могло быть, если бы в этногенезе абхазов принимали участие большие иноэтнические компоненты со своей особой религиозной системой (речь не идет о сравнительно мелких группах, эпизодически вливавшихся в данную этническую среду, но довольно быстро и почти бесследно растворявшихся в ней). Относительно немногочисленные религиозные культы и термины, проникавшие к абхазам извне, подвергались в новом окружении такой адаптации, что выявить их иноязычный корень удается далеко не всегда. Одним словом, сравнительная несложность этнического состава архаического абхазского пантеона и язычества связана, очевидно, с тем, что этногенез абхазов протекал в довольно большой, но в основном однородной этнокультурной (протоабхазо-адыгской) среде.

Вместе с тем, в этой среде рано начинают появляться локальные различия, в том числе и в религиозной сфере. Конечно, в системе традиционных верований абхазов и адыгов немало сходных черт, иногда тождественных совпадений, но это больше в плане функций культов, их назначения, а не терминологической общности: слишком мало общих названий божеств и ритуалов, что в свою очередь свидетельствует о длинном пути самостоятельного языкового и этнического развития каждого из этих народов.

Главными древнеабхазскими племенами являлись абазги и апсилы, а также саниги и мисимияне. Апсилы населяли в первых веках н. э. территорию современной юго-восточной части Абхазии, а некогда, вероятно, по предположению **С. Н. Джанашиа** и смежные районы Западной Грузии доходя до р. Хоби¹³⁵⁴. (**Н. В. Хоштария** считала, например, что чхороцкувские кремационные захоронения I–III вв. н. э. принадлежали апсилам)¹³⁵⁵. Более точному определению апсильской племенной территории мешают ограниченность и противоречивость имеющихся источников, которые отчасти связаны с подвижностью этнических границ и филиацией племен, затрудняющие решение вопросов локализации¹³⁵⁶.

Встречающееся в литературе мнение о том, что название «апсилы» имеет сарматское происхождение – от иранского «асп» – «конь», а не от «пс» не соответствует действительности. Ошибочно и причисление апсильцев к грузинским племенам, если даже они и «происходят из центральных районов Колхиды». Не соответствует действительности и определение апсильцев как северокавказского племени. Апсилы никогда не жили на Северном Кавказе. Они представляли собой один из основных этнических компонентов абхазского народа, в самоназвании которого – «апсуа» звучит и теперь их племенное название, связанное, возможно, с названием «абешла» – одного из аборигенных племен северо-восточной части Малой Азии.

Неопровержимым доказательством абхазской этнической принадлежности древнего населения современной юго-восточной Абхазии (историческая Апсилия вместе с современным Самурзаканом, абхаз. Мурзакан) является, можно сказать, почти полное совпадение элементов традиционного этнографического быта населения этих мест

¹³⁵⁴ **Джанашиа С. Н.** Тубал, табал, тибарен, ибер. // **Джанашиа С. Н.** Труды. Том III. – Тбилиси. 1959, с. 23 (на груз. языке).

¹³⁵⁵ **Хоштария Н. В.** Цихидзири. – Тбилиси. 1962, с. 22.

¹³⁵⁶ Например, вот уже полтора столетия ученые пытаются определить территорию хотя бы одного скифского племени, но ни одна из этих попыток не получила пока общего признания.

(включая современный Самурзакан) и остальной Абхазии, общность мифа о карликах (с их оригинальными горными каменными пастушескими постройками), ряда характерных языческих верований и культов (например, обряда погребения на вышке пораженного молнией, сопровождаемого хороводом – ритуальной круговой пляской в сопровождении ритуальной песни; вызывания дождя с особой песней **Дзинуоу** и др.). Причем подобные религиозные и мифологические образы и обряды были еще в конце XIX в. известны самурзаканцам под своими абхазскими названиями: **ацан** (самурз. **цания**) – племя легендарных пигмеев, бог-кузнец **Шашвы** (старо-самурз. **Шаши**) – божество железа, металлургии, кузни и кузнечного ремесла, а также и ряд древнеабхазских фразеологических окаменелостей¹³⁵⁷, включая обязательность отправления некоторых молений на абхазском языке.

Особо следует отметить и наличие почти сплошной древнеабхазской топонимики предгорной и горной части этого края, а также ее слоев и на побережье. Все это было бы необъяснимо без признания аборигенности земледельческо-скотоводческого абхазского населения на рассматриваемой части территории современной Абхазии.

Этнокультурная и политическая ситуация, которая сложилась в Абхазии к началу формирования единой абхазской народности, является результатом длительного социально-экономического развития древнеабхазских племен. Еще с раннего античного времени они испытывали большое влияние греческих городов, колоний и поселений, которые цепочкой вытянулись вдоль абхазской береговой линии (Триглит, Питиунт, Кигн, Анакопия, Гвандра, Эшера, Диоскуриада, Гюзнос, Гудаа и др.).

Исключительное развитие морского дела – судостроения, мореходства и пиратства, скорее всего, задолго до доантичной эпохи, также подрывало устой патриархального общества и содействовало резкому обособлению племенных вождей. Пленные стали едва ли не первым товаром, что в первую очередь и привлекало сюда греков. Само понятие собственности у абхазов воплотилось в слово «раб», о чем уже не раз писалось выше. По крайней мере к I в. до н. э. разложение первобытнообщинного строя зашло достаточно далеко, – в литературе зафиксированы «цари» и «тираны», как об этом свидетельствуют, в частности, историки Митридатовых войн (однако мы ничего не знаем о социальных отношениях и структуре общества в предшествующие века за исключением может быть наличия монет базилиевсов Аки и Саула). К середине первой половины последнего века до н. э. у генихов засвидетельствованы четыре царя, в подчинении которых были скептухи-скиптроносцы (или жезлоносцы), осуществлявшие управление народом. Это говорит о далеко зашедшем процессе социального расслоения и об образовании раннеклассового общества. И если у сванов почти столетием позже мы еще находим почти в полном расцвете признаки патриархально-родового строя в лице народного собрания трехсот, то здесь налицо уже явные зачатки классового общества и государственной организации. Учитывая все это, не должно показаться неожиданным наличие «царей» и на рубеже I – II вв. н. э., так как в этом явлении можно видеть продолжение отмеченного выше института у наиболее вероятных потомков генихов – апсилов, абазгов, санигов и других. Последующая консолидация этих племен в одну раннефеодальную народность (**аҧсуа** жәлар, абхазский народ) оформилась, как принято считать, к VIII в., но вернее к VII в.

Когда точно появляется самоназвание «апсуа» сказать трудно. Его можно вычленишь из названия страны абазгов и апсилов в **Армянской географии VII в. – Псинун**, в котором просвечивает самоназвание апсуа. Наиболее же раннее появление этого общего для абхазов этнонима в Картли имеется у грузинского автора начала XIII в., которому принадлежит «Восхваление венценосцев», где впервые в грузинской литературе

¹³⁵⁷ **И. Н.** Абхазия и в ней Ново-Афонский Симона-Кананитский монастырь. – М. 1898, с. 47, 48; **Н. М. Альбов.** Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 году // ЗКОИРГО. Кн. XVI. – Тифлис. 1894, с. 115 – 158, 141; **Альбов Н. М.** Этнографические наблюдения в Абхазии // Ж-л «Живая старина». Вып. III. – Спб. 1893, с. 306.

упоминается интересующий нас этноним – **апсары**. Под апсарами он понимал, вероятно, не какое-то одно племя, а «апсаров», то есть абхазов вообще, говоривших на «апсарском языке». Следовательно, общее самоназвание абхазов получило широкое распространение и им пользовались не только в Абхазии, но и за ее пределами. Имеются основания думать, что общее самоназвание абхазского народа возникло не позднее, а скорее раньше периода возникновения Абхазского царства. Об этом свидетельствует вышерассмотренный термин «апсха», означающий «царь абхазов», «царь Абхазии».

Эти названия – «**апсары**», «**аҭсуа**», «**апсха**» «**Псинун**» армянского источника – относятся к важнейшим фактам, выступающим перед нами как определенное обозначение решающего рубежа в процессе формирования общего этнического самосознания абхазов, как особого, то есть самостоятельного народа. «Апсуа», бесспорно, связано с «апсилами». Из этого логически вытекает, что апсилы в период образования общего самоназвания абхазов представляли собой, вероятно, наиболее значительную и многочисленную абхазоязычную этническую группу, широко распространенную на территории современной юго-восточной части Абхазии и прилегающих районов. По имени апсилов стал называться весь абхазский народ, хотя сами они вскоре почти перестают фигурировать в исторических источниках.

Каждый абхаз называет себя тем же именем народа «апсуа», под каким, говоря словами одного дореволюционного автора, знали их еще в начале истории. В этом составном самоназвании окончание «уа» выражает «человек», «люди», а основа «пс», наличная и в «апсилах», встречается в составе разных абхазских слов, означающих воду, душу, жизнь, смерть, пихту Нордмана (словом **аҭса** иногда называют и сосну) – возможно тотемное дерево древних апсилов и т. п.

Как было выше отмечено, в грузинских средневековых исторических источниках, где говорится о событиях до VIII в., этно-географические термины – абхазы, Абхазия используются очень редко и означают соответственно собственно абхазов и собственно Абхазию. Сам термин «Абхазети» (Абхазия) почти не употребляется. По **Г.А. Меликишвили** этот термин встречается, только «В одном единственном месте, (скорее это поздняя вставка), где «Абхазети» фигурирует рядом с «Эгриси» (основная часть Западной Грузии). В «Истории **Вахтанга**» говорится о захвате крепостей Абхазети вплоть до Цихе-Годжи, в прошлом древней столицы Эгриси, в то время, как только с VIII в. «Абхазети» постепенно входит в обиход в качестве обозначения территории почти всего Западного Закавказья. Таким образом здесь мы имеем явный анахронизм.

Этническое и географическое содержание этих терминов в эпоху объединенного абхазо-картвельского царства несколько меняется: понятия «абхазы» и «Абхазия» начинают употреблять в более широком значении, и они объемлют, вместе с собственно абхазами и Абхазией, все население и всю территорию Западной Грузии.¹³⁵⁸ В период существования объединенной феодальной грузинской монархии название «абхазы» нередко выступает синонимом (вариантом названия) грузин, а «Абхазия» – всей Грузии (в XII – XIII вв. Западную Грузию порой называли также Имеретией, но этот последний термин все же не смог тогда вытеснить старый – «Абхазию»). После распада грузинского царства термины «абхазы» и «Абхазия» снова начинают употреблять только в их узком, собственном значении (когда, например, **писатель XIII в. Абулфеда упоминает «Сахум» как, «приморский город абхазцев»,** то последние выступают здесь, конечно, в смысле собственно абхазов)¹³⁵⁹. Последнее говорит о том, что во все века в Картли именно абхазов называли абхазами, как и они сами себя, но не картлийцами, а сами картлийцы никогда не называли себя абхазами.

Одним словом, Абхазией называлось (после VIII в.) почти все Западное Закавказье, а в эпоху царицы **Тамары**, например в Византии, иногда даже всех грузин называли абхазами. Поэтому исследователи в понятии «Абхазия» отмечают две стороны:

¹³⁵⁸ Впрочем так было и в других государствах.

¹³⁵⁹ **Уварова П.** Указ. соч. с. 79.

этнографическую (собственно Абхазия) и политическую (так по словам грузинского автора VIII в. **Иоанна Сабанидзе**, Абхазия простиралась даже до Трапезунта)¹³⁶⁰.

Но почему все-таки Грузию, прежде всего Западную, называли нередко Абхазией? Само собой разумеется, что мы не получим удовлетворительного ответа на этот естественный вопрос без учета того удельного веса, который принадлежал абхамам в средневековой этнокультурной и политической истории Грузии и всего Кавказа. Это было связано с образованием Абхазского царства и той роли, которую в нем играл абхазский этнический элемент как в политическом, так и в количественном отношении. Недаром царство и после присоединения к Абхазии Эгриси, продолжало называться Абхазским, а первые цари из Багратидов сначала называли себя царями только абхазов да и позже длинная титулатура царей Грузии продолжала начинаться словами «царь абхазов...».

Абхазы представляют собой остаток некогда гораздо более крупного этнического объединения, достигшего значительного политического и культурного развития, включая широкое распространение христианства в период раннего и зрелого средневековья. Слишком малочисленный народ не смог бы образовать большие племенные союзы (абазгов, апсиров, санигов и др.), объединить их и создать сильное по тому времени государство, которое и после присоединения земель до Лихского хребта, а затем и Центральной Картли сохраняло свое первоначальное национальное название Абхазского царства. Характерно указанное выше предание о необычайной густоте населения Абхазии, где кошка по крышам домов могла свободно пропутешествовать от моря до самых вершин кавказских гор, не могло бы возникнуть без всякого основания. Об этом же говорит и великое множество развалин мелких раннехристианских храмов, обслуживавших крестьянское население не только в прибрежной, но и в горной полосе Абхазии. Известно также, что избыточное население края уходило частично во внутренние районы Грузии, но главным образом на Северный Кавказ (например, выделение абазин как самостоятельной этнической группы связано с их перемещением из исторической Абхазии в богатые кормами верховья Кубани, в основном в течение XIV – XVII вв., а еще раньше – в XIII – XV вв. в том же северо-восточном направлении продвинулась часть адыгов (нынешние кабардинцы), занимавших прежде почти смежные с Западной Абхазией территории. Словом, недаром антиохийский патриарх **Макарий** даже в XVII веке говорил, что «**абхазы – большой народ, и они называются абазгами или абазми**».

Как мы видим, средние века, особенно первая их половина, – один из важнейших периодов многовековой истории Абхазии. Это период завершения длительной трансформации военно-демократического строя в крае, перерастания ранних этнополитических образований («царств») в раннефеодальные образования, зарождения и утверждения феодальных отношений, широкого распространения христианства, которое в качестве официальной религии вело ожесточенную борьбу с мощной системой местного язычества и содействовало консолидации населения. Это период строительства множества прекрасных храмов и значительных фортификационных сооружений, упорной борьбы с византийскими, иранскими, арабскими и другими завоевателями, создания независимого Абхазского царства во главе с общеабхазским царем (аҭсха), **это период образования в процессе этнического и социально-экономического развития, абхазской феодальной народности**. Отмеченные выше сведения «**Армянской географии**» VII века об единой стране абазгов, населенной абазгами совместно с апсирами (представление, унаследованное, очевидно, от прокопиевой двуединой Абазгии VI века), возникновение термина «**Апсха**», связанного с образованием единой Абхазии (аҭсны) и выступающего ярким показателем завершившейся, в основном консолидации абхазов (аҭсуа) как осознанной этнической общности, дают основание утверждать, что оформление абхазской

---

¹³⁶⁰ **Кекелидзе К. С.** Памятники древнегрузинской агиографической литературы. – Тбилиси, 1956, с. 36.

народности (аҧсуа жәлар) произошло не позднее VII века, а может быть и несколько ранее.

Известный грузинский педагог-демократ и писатель **Я. С. Гогобашвили** писал: «В одно время Абхазия стояла во главе всей Западной Грузии, которая называлась Абхазским царством, но в дальнейшем, когда превратности водоворота исторических событий привели к распаду Грузии на мелкие царства и княжества, дела абхазов пошли все хуже и хуже, и они из большого народа стали малочисленным, над ним нависла опасность исчезновения». В этих словах вкратце выражена концепция абхазской истории со времен средневековья до наших дней.

Окинем под конец беглым взглядом те коренные изменения этно-культурной ситуации, которые произошли в Абхазии за последние два столетия, чтобы представить более конкретно, как и в чем «дела абхазов пошли все хуже и хуже».

Величайшей трагедией абхазского народа явилось насильственное выселение абхазов XIX века в султанскую Турцию, известное под названием махаджирства. Эта трагедия стала следствием нескольких факторов: с захватнической политикой и военными действиями царской России во время Кавказской войны, коварной реваншистской политикой Турции, подстрекательством английских и французских эmissаров, а также представителей польских, революционных элементов, боровшихся за независимость своей страны и в связи с этим заинтересованных в продолжении Кавказской войны, отвлекавшей от Польши значительные военные контингенты; противодействием абхазов царским реформам (Лыхненское восстание 1866 г. и другие, более ранние выступления), а также русско-турецкой войны (1877 – 1878 гг.) В результате этих событий большая часть Центральной Абхазии опустела и, по точному марровскому выражению, здесь «не видно было ни души абхазской, не слышно было ни звука абхазского». В настоящее время потомки ушедших составляют почти полумиллионную абхазскую диаспору, разбросанную ныне по всему миру. До махаджирства население Абхазии было в основном моноэтническим: в его составе, кроме самих абхазов, были представлены сравнительно небольшие иноплеменные группы.

Начиная с юго-восточной стороны, этническая граница абхазов около середины XIX в. проходила непосредственно у правобережья нижнего течения Ингура (хотя население здесь уже было частично смешанным и шла ассимиляция самурзаканских абхазов соседними мегрелами), и, продолжаясь по предгорьям Главного Кавказского хребта, выходила к бассейну реки Сочипста, вблизи приустья которой население также было этнически смешанным – абхазо(садзско)-убыхским. За пределами очерченного пространства оставались разбросанные по верховьям Кубани и ее притоков поселения ближайших соплеменников – северокавказских абазин, в языке которых, если говорить словами **Ф.Торнау** произошло лишь «слабое изменение, сравнительно с чистым абхазским языком, заметное, впрочем, только для привычного уха».

Таким образом, на юго-востоке абхазы граничили с картвельскими народами (сваны, мегрелы), на северо-западе – с убыхскими группами, за которыми шли адыгоязычные шапсуги, натухайцы и другие, а с северной стороны Кавказского хребта, вблизи абхазских этнических рубежей мы находим, наряду с абадзехами и абазинами, поселения и тюркоязычных карачаевцев (долина Теберды), с которыми по Военно-Сухумской дороге, называвшейся «абхазским путем», также поддерживались разного рода традиционные связи. Общение с северокавказцами осуществлялось и по другим перевальным путям через большие и малые незаселенные горные массивы.

Наиболее сложной, пожалуй, была этническая ситуация и родоплеменной состав населения вблизи северо-западных пределов Абхазии, включая так называемую Малую Абхазию (Джигетия, или Садзен). Здесь, на небольшой территории, в непосредственной близости друг от друга, веками жили три родственные между собой группы – абхазские (садзы, или джигеты) до района реки Сочипста, убыхские до р. Шахе, адыгейские с севера и северо-запада от убыхов (абадзехи, шапсуги и др.). В результате постоянного

взаимодействия этих этно-территориальных групп, их языков и культур здесь отчасти стали намечаться некоторые политические и другие признаки образования своеобразной, теснейшим образом взаимосвязанной общности, которую условно можно назвать «абазской» (хотя «абаза или абадза если судить по **П. Услару** и **А. Генко**, выражало у части черкесов не этническое, а социальное понятие), некоей этно-лингвистической непрерывности в пределах определенного круга этнических единиц, когда соседние языки взаимопонимаемы, а культурные традиции нередко тождественны. Изучение происходивших в этой уникальной контактной зоне этнокультурных процессов представляет большой научный интерес и с точки зрения общетеоретических вопросов этнической и культурной истории народов Кавказа, и не только его.

Колонизация и освоение земель, освободившихся после выселения коренных жителей, привели к образованию чрезвычайно сложного в этническом и социальном отношении состава населения Абхазии (начиная в основном с конца XIX века). Иммигранты большей частью были представлены безземельными главным образом мегрельскими и другими крестьянами. По данным Н.С.Джанашиа ряд мегрельских поселений на территории современного Гульрипшского района был создан после выселения абхазов в Турцию – Наа и Мерхеул в 1879 г., Пшав в 1883 г., Дранда в 1889 г. и т.д.). Были среди переселенцев и греки, появившиеся здесь уже к середине XIX в.¹³⁶¹ и русские помещики, и чиновники из разных социальных слоев – дворян и разночинцев, а также многочисленные крестьяне из глубинных губерний России, эстонцы, чехи, немцы, австрийцы, греки, армяне и лазы, бежавшие от турецкого засилья, торгово-промышленный люд из числа разных национальностей (греки, армяне, турки, мегрелы, имеретины и др.), русские и грузинские военные и гражданские чиновники, деятели культуры, служители культа и т.д.¹³⁶²

Особенно резко изменилась этническая карта Абхазии в результате активного осуществления планомерной и широкомасштабной переселенческой политики, проводившейся грузинским правительством в основном с 30-х годов XX в., но начатой еще при меньшевиках, в целях быстрейшего этнического освоения края и завершения искусственной ассимиляции абхазов, которые по этой и другим вышеуказанным причинам составили, согласно переписи 1989 г., всего лишь 17 с небольшим процента населения своей страны.

В целом Абхазия, где издавна сталкивались и перекрещивались исторические судьбы абхазского, убыхского, адыгских, греческого картвельских и других народов, где бок о бок жили и трудились, за последнее столетие с лишним, представители около ста национальностей (в том числе очень небольшие остатки ассимилированных африканцев) стала, своего рода естественной лабораторией для изучения взаимодействия этносов, культур и языков, и трудно переоценить научное и практическое значение комплексного исследования всех этих процессов.

Прошлое абхазов – коренных жителей Абхазии, обитающих здесь с отдаленнейших эпох, не разделяя ни с кем свою аборигенность¹³⁶³, – представляет собой одну из ключевых, узловых проблем этнографии и истории многоликого Кавказа. И будущие исследования, несомненно, дадут много нового, интересного не только для разрешения остающихся неясными вопросов о ранних и последующих исторических судьбах самих абхазов, но и для научного кавказоведения в целом, привлекающего к себе все большее и большее внимание отечественных и зарубежных ученых.

Итак, прослежены некоторые основные этапы развития ранней и средневековой этно-культурной истории абхазов – одного из интереснейших и древнейших народов

---

¹³⁶¹ Греки, появившиеся здесь вновь уже к середине XIX в., несомненно внесли заметный вклад в культурное строительство города Сухум // **Иоаниди Н. Н.** Греки в Абхазии. – Сухуми. 1990.

¹³⁶² **Джанашиа Н. С.** // Газ. «Дроеба»/ 1910, № 77 (на груз. яз.).

¹³⁶³ Разумеется, это нисколько не противоречит тому обстоятельству, что Абхазия с течением времени стала многонациональной страной.

Кавказа. Материал по возможности исчерпан (и только по моей возможности). Но, конечно же, не исчерпана сама тема. Исчерпать такую тему, пожалуй, не под силу одному человеку¹³⁶⁴, особенно если он к тому же испытывает большой недостаток в источниках.

Понимание всех этих сложностей и скромного значения своей лепты в разработке поставленной проблемы, автор пытался выразить с помощью того символического образа мерцающего во тьме светильника, которым открывается настоящая книга.

Литература

А

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Том I. – М–Л.1949.

Абаев В. И. Русско-осетинский словарь. – М.1950.

Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. – М.1965.

Абазинско-русский словарь. – М. 1964.

Абазинско-русский словарь. / Под ред. Тугова В.Б. Состав. Адзинов Н.Х. и др. – М.1967.

---

¹³⁶⁴ К тому же человеку немолодому и тяжело больному. (Прим. комм.).

- Абдушелишвили М.Г.** К палеоантропологии Самтаврского могильника. – Тбилиси.1954.
- Абдушелишвили М.Г.** Антропология древнего и современного населения Грузии. – Тбилиси.1963.
- Абдушелишвили М.Г.** К краниологии древнего и современного населения Кавказа. – Тбилиси.1966.
- Абрамишвили Р.М.,** Микеладзе Т.К., Мухелишвили Д.П. О результатах археологических исследований на строительных площадках Ингури ГЭС (1964 – 1965года). // Пленум Института археологии АН СССР 1966. Секция археологии Кавказа. Тезисы докладов. – М. 1966.
- Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников./ Перев., на русс., предисл. и комментарии Г.А.Амичба. – Тбилиси. 1988.
- Абхазско-русский словарь. /Состав. Н.Я.Марр. – Л.1926.
- Абхазско-русский словарь. /Состав. В.А.Касландзия. Том 1 и 2. – Сухум. 2005.
- Абхазские народне сказки.// Состав. и автор примеч. К.С.Шакрыл. – М. 1975.
- «Абхазцы» (Азег). (Введенский А.Н.) // ССКГ. Вып.VI. – Тифлис.1972.
- Абхазские сказки. // Состав., обраб., перев. с абхазского Х.С.Бгажба. – Сухуми. 1974.
- Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. – М – Л. 1953.
- Адамия И.** Грузинское народное зодчество. Книга вторая. – Тбилиси. 1968.
- Аджинджал Е.К.** Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе. // ВДИ. 1987. № 3.
- Аджинджал Е.К.** Из истории христианства в Абхазии. – Сухум. 2000.
- Адзинба З. И.** Географические названия местонахождений растений флоры Абхазии // Труды СБС. Вып. XXIV. – Тбилиси. 1978.
- Акаба Л.Х.** Абхазо-адыгские мифологические параллели. // «Известия» АБИЯЛИ.Том III. – Тбилиси. 1974.
- Алборов Б.Д.** Осетинские нартские сказания о Созрыко и Гумском человеке. // Ученые записки Северо-Осетинского пединститута. Том XXVIII, вып.3. – Орджоникидзе. 1957.
- Альбов Н. М.** Этнографические наблюдения в Абхазии. // «Живая старина». Вып.III. – СПб.1893.
- Альбов Н. М.** Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 год. // ЗКОИРГО. Кн. XVI. – Тифлис. 1894.
- Альбов Н. М.** Путешествие в Черноморских горах в 1894 г. // ЗКОИРГО. Кн. XVIII. – Тифлис. 1896.
- Алексеев В.П.** Рец. на кн.: Абдушелишвили М.Г. К палеоантропологии Самтаврского могильника. – Тбилиси. 1954. // СЭ. 1955. № 1.

- Алексеев В.П.,** Бромлей Ю.В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. // СЭ.1968. №2.
- Алексеев В.П.** Происхождение народов Кавказа. Краниологические исследования.– М. 1974.
- Алексеев В.П.,** Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. – М. 1984.
- Алексеев В.П.** К характеристике морфологической специфичности кавказских народов по краниологическим данным. // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. – Институт истории филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. – Новосибирск. 1986.
- Алексеева Е.П.** Средневековая история народов Северо-Западного Кавказа. – Л.1969.
- Ал-Идриси.** География Идриси. – Париж. 1840 (на фр.яз.)
- Амиранашвили А.И.** (Болтунова). Новая находка в низовьях р.Ингури. – Тифлис. 1935.
- Амичба Г.А.,** Папуашвили Т.Г. Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей. – Тбилиси. 1985.
- Аникст А.** Гамлет принц Датский. // Уильям Шекспир. Том. 6. – М.1960.
- Анна Комнина.** Алексиада. / Перевод и комментарии Я.Н.Любарского. – М.1965.
- Анчабадзе З.В.** Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). – Сухуми. 1959.
- Анчабадзе З.В.** История и культура древней Абхазии. – М. 1964.
- Анчабадзе З.В.** Страницы истории Абхазии. // Сб. «50 лет Советской Абхазии». – Сухуми. 1971.
- Анчабадзе З.В.** Очерки этнической истории абхазского народа. – Сухуми. 1976.
- Аншба А.А.** Абхазский фольклор и действительность. – Тбилиси. 1982.
- Апакидзе А.М.** Археологические раскопки в Пицунде. // «Великий Пителинт». Том III. – Тбилиси. 1978.
- Апакидзе А.М.,** Лордкипанидзе О.Д. Новые материалы к археологии Диоскурии – Себастополиса // Труды АБИЯЛИ. Том XXXIII – XXXIV. – Сухуми.1963.
- Аполлоний Родосский.** Поход аргонавтов. // ВДИ.1947. № 3.
- Аппиан.** Митридатовы войны. // ВДИ. 1948. № I.
- Ардзинба В. Г.** Хаттские истоки социальной организации древнехеттского общества. – М. 1971.
- Ардзинба В.Г.** Рец. на кн.: Оттен Г., Соучек В. Старый типичный ритуал для царей. – Висбаден. 1969 // ВДИ. 1973. № 3.
- Ардзинба В.Г.** Придворные титулы хаттского происхождения и функции соответствующих им должностных лиц // «Вопросы древней истории». – Тбилиси. 1973.

- Ардзинба В.Г.** Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков // Переднеазиатский сборник. III. – М. 1979.
- Ардзинба В.Г.** Ритуалы и мифы Древней Анатолии. – М. 1982.
- Ардзинба В. Г.** О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры Древней Анатолии // Послесловие к кн.: **Маккуин Дж. Г.** Хетты и их современники в Малой Азии. – М. 1983.
- Ардзинба В.Г.** Некоторые проблемы наследия хаттов в традиции Хеттского царства // Культурное наследие Востока. – Л. 1985.
- Ардзинба В.Г.** Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. – М. 1985.
- Ардзинба В.Г.** К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток. Этнокультурные связи. – М. 1988.
- Ардзинба В.Г.** К истории имени, функции и образа общезападнокавказского бога кузнеца // Медные рудники Западного Кавказа III – I тыс. до нашей эры и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения. Тезисы докладов Башкапсарского полевого семинара Ин-та Археологии АН СССР, АБИЯЛИ и Абгосмузея. – Сухуми. 1988.
- Аристотель.** Политика. // ВДИ. 1947. № 2.
- Арриан Флавий.** Объезд Эвксинского Понта. // ВДИ. 1948. № 1.
- Артамонов М. И.** Раскопки курганов в долине реки Маныч в 1935 г. // СА. 1937. № 4.
- Археологические раскопки 1947 – 1969 гг. // «Вани». Том I. – Тбилиси. 1972.
- Архив Государственной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. – Ленинград.
- Архив АБИЯЛИ им.Д.И.Гулиа АН Грузинской ССР.
- Асланишвили В.О.** Новые материалы по дерматоглифике населения Западного Кавказа. // Полевые исследования Института этнографии в 1982 г. – М. 1986.
- Аутлев П.У.** Новые материалы по религии адыгов. // Ученые записки. АдНИЯЛИ. 4. – Майкоп. 1965.
- Атлас Армянской ССР. – Ереван. Москва. 1961.
- Афанасьев К.Н.** Типологический и пропорциональный анализ Верхнекубанской группы храмов Северного Кавказа. // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. – Орджоникидзе. 1986.
- Афанасьев К.Н., Чачхалия Д.К.** Моквский кафедрал. // Ж-л «Апсны аказара». – 1989. №№ 2 и 3. (на абх. яз.)
- Ахвледиани О.М.** К антропологии коренного населения Аджарской АССР. – Батуми. 1957.
- Ачарян Р.А.** История армянского языка. Том I. – Ереван. 1940; Том II. – Ереван. 1951.

Аш И.К. Военно-статистическое обозрение страны, заключенной между Мингрелией, крепостью Анапой, Черным морем и Северо-Западной частью Кавказского станового хребта (1830-1831гг.) // ЦГВИА, ВУА, ф.414, №310, л.4.

Ашхацава С.М. Пути развития абхазской истории. – Сухум. 1925.

«Ашхарацуйц» – армянская география VII века.

Б

Бадридзе Ш.А. О времени и условиях возникновения Абхазского царства. // Труды ТГУ. Вып. IV. – Тбилиси 1972.

Бакрадзе Д.М. Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии. // Газ. «Кавказ». 1860. № 49.

Балкаров Б.Х. Адыгские элементы в осетинском языке. – Нальчик. 1965.

Балкаров Б.Х. Введение в абхазско-адыгское языкознание. – Нальчик. 1979.

Барамидзе М.Б. Мерхеульский могильник. – Тбилиси. 1977.

Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. – Тбилиси. 1957.

Бартоломей И. А. Абхазский букварь. – Тифлис. 1865.

Басария С.Н. Редкие случаи долголетия в Абхазии. // Басария С.Н. Избранные сочинения. – Сухуми. 1967.

Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Два всаднических захоронения апсиров из Цебельды. // Труды АГУ. Том V. – Сухуми. 1987.

Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Материалы по культуре апсиров II до н.э. – II в. н.э. // Труды АГУ. Том VI. – Сухуми. 1988.

Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка. – Тбилиси. 1964.

Бгажба Х.С. Этюды и исследования. – Сухуми. 1974.

Белл Д.С. Письма о пребывании в Черкесии в 1837-1839 гг. / Перев. с фр. Н.А.Данкевич-Пушиной) / Рукописный фонд АБИЯЛИ.

Бендукидзе Н.А. Хеттский миф о Телепину и его сванские параллели. // «Вопросы древней истории». – Тбилиси. 1973.

Бердзенишвили Н.А. Об историческом значении присоединения Грузии к России. // «Мнатоби». 1954. № 6.

Бердзенишвили Н.А. Вопросы истории Грузии. Том VIII. – Тбилиси. 1973.

Бердзенишвили Н., Дондуа В., Думбадзе М., Меликишвили Г., Месхия Ш., Ратиани П. История Грузии. Кн. I. С древнейших времен до конца XIX в. – Тбилиси. 1958. (на груз. яз.).

Бердзенишвили К.И. Позднеантичная керамика из Цебельды. // МАГК. Том II. – Тбилиси. 1959. (На груз. яз. с русс. резюме).

- Беридзе Ш.А.** О времени и условиях возникновения Абхазского царства. // Труды ТГУ. Вып. IV. – Тбилиси. 1972.
- Бжания В.В.** Древнейшая культура Абхазии (эпоха неолита и ранней бронзы). – М. 1966.
- Бжания В.В.** Древние рудники у перевала Аденг. // Медные рудники Западного Кавказа III-I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения, Тезисы докладов Башкапсарского полевого археологического семинара. – Сухуми. 1988.
- Бжания В.В.** Древние башкапсарские рудники. // Ж-л «Природа». 1989. №1.
- Бжания В.В., Бжания Д.С.** Древний могильник в Гагре. – Сухуми. 1991.
- Бжания Ц. Н.** Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми. 1973.
- Бибииков М. В.** Новое издание латинских и византийских источников. // Древнейшие государства на территории СССР. – М. 1981.
- «Бичвинта» (буклет). –Тбилиси. 1969.
- Боденштедт Фр.** По Большой и Малой Абхазии. О Черкессии. // Из серии: Абхазия в письменных источниках. Вып.2. Автор проекта, ред. предисл., коммент., послеслов. Д.Чачхалиа. / Перевод с нем. **М.Кривенко**. – М. 2002.
- Болтунова А.И.** Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии. // ВДИ. 1956. № 2.
- Болтунова А.И.** Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии. // ВДИ. 1973. №4.
- Болтунова А.И.** Колхидки // ВДИ. 1973, № 4.
- Большая Советская энциклопедия. Том 2. 1950.
- Браун Ян.** Хаттский и абхазско-адыгские языки. // Нартский эпос и кавказское языкознание. – Майкоп. 1994.
- Брашинский И.Б.**Понтийское пиратство. // ВДИ. 1973. № 3.
- Бромлей Ю.В.** Этнос и этнография. – М. 1973.
- Брун Ф.** Путешествие Иоанна Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. // Записки императорского Новороссийского университета. Том I. Вып. первый-второй. – Одесса. 1867.
- Брун Ф.** Путешествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря. // ЗИООИД. Том IX. – Одесса. 1875.
- Брун Ф.** Черноморье. // ВДИ. 1947. № 1.
- Брюсов А.Я.** Передвижение племен по археологическим данным. // СА. 1957. № 27.
- Бунак В.В.** Этнографические группы и антропологические типы.(Тезис1). // Тезисы докладов..., подготовленных совещанием по методологии этногенетических исследований. – М. 1951.

Бунак В.В. Черепа из склепов Горного Кавказа в сравнительно-антропологическом отношении. // МАЭ. Том XIV – М.–Л. 1953.

Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». (рукопись).

Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». – Сухум 2001

В

Вартанов Г.А. Колхидская дидрахма, найденная в Гермонассе. // Нумизматика античного Причерноморья. – Киев. 1982.

Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. – Тбилиси. 1976.

Вирсаладзе Е.Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. – Москва. 1976.

Владимиров Н.А. Древности Черноморского побережья Кавказа. – СПб. 1900.

Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. – М. 1855.

Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М. 1973.

Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века. – М. 1974.

Воронов Ю.Н. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии. //ВДИ. 1968. №3.

Воронов Ю.Н. Материальная культура гениохийских племен в VI-I вв. до н.э. // Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии. – Сухуми. 1974.

Воронов. Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. – М. 1975.

Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар. 1979.

Воронов Ю.Н. Диоскуриада – Севастополис – Цхум. – М. 1980.

Воронов Ю.Н. Древняя Цебельда. // ВИ. 1987.

Воронов Ю. Н. Послесловие к книге Иоаниди Н. Н. Греки в Абхазии. – Сухуми. 1990.

Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия. – Сухум. 1998.

Всемирная история. Том I. – М. 1956.

Всемирная история. Том III. – М. 1957.

Г

Габуния С. Л. Баскские погребальные обряды и их грузинские параллели – Ленинград. 1988.

Галонифонтибус Иоанн. Сведения о народах Кавказа (1404 г.) // с предисл. и комм.

Л.Тарди и З.М. Бунятова – Баку. 1980

Гамба Ж.Ф. Путешествие по Южной России и Закавказским провинциям в 1820 – 1824 годах. Том 1. – Париж. 1826. / Перев. Н.А.Данкевич-Пушиной. Рукописный фонд АБИЯЛИ. Д. № 50.

Гамкрелидзе Т.В., Гиоргадзе Г.Г., Менабде Э.А. Рецензия на второе издание книги А.Гётце «Малая Азия». // ВДИ. 1961. № 3.

Гамкрелидзе Т.В. «Анатолийские языки» и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. – М. 1964.

Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаута в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. – Тбилиси. 1965.

Гамкрелидзе Т.В. К проблеме историко-этимологического осмысления этнонима древней Колхиды. (К истории термина «апхаз»-«абазг»). // ВЯ. 1991. № 4.

Гамкрелидзе Т. В. Из истории племенных названий Колхиды. (К историко-этимологическим взаимоотношениям этнонимов «абхаз»-«абазг» и «абаза»-«апсуа» // «Мацне». Серия языка и литературы. 1992, № 2.

Ган К.Ф. Поездка в Мингрелию, Самурзакань и Абхазию. // КВ. № 4 –Тифлис. 1902.

Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. – М. 1967.

Гасвиани Саша. Новая страна Абхазская Сванетия. // Рукописный фонд Архива АБНИИ. Ф.1.

Гекатей Милетский. Землеописание. // ВДИ. 1947. № 1.

Гелланик. Основания городов. // ВДИ. 1947. № 1.

Генесий И. Мятеж Фомы (Из «Книги Царств») / Сб. документов по социально-экономической истории Византии / Перевод **Е. Э. Липшиц.** – М. 1951.

Георгиев В. Ш. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. – М. 1958.

Георгий Мерчуле.

«Георгика». Том 1. – Сведения византийских писателей о Грузии / Греческие тексты с груз. переводом и примеч. изд. **А.Г.Гамкрелидзе и С.Г.Каухчишвили.** –Тбилиси. 1961.

«Георгика». Том II. – Сведения византийских писателей о Грузии./ Греч. тексты с груз. переводом и примеч. изд. **С.Г.Каухчишвили.** – Тбилиси. 1965.

«Георгика». Том III. – Сведения византийских писателей о Грузии./ Греч. тексты с груз. переводом и примеч. изд. **С.Г.Каухчишвили.** – Тбилиси.1936.

«Георгика». Том IV Вып. I. – Сведения византийских писателей о Грузии./Греч. тексты с груз. переводом и примеч. изд. **С.Г.Каухчишвили.** – Тбилиси. 1941.

«Георгика». Том IV Вып. II. – Сведения византийских писателей о Грузии./ Греч. Тексты с груз. переводом и примеч. изд. **С.Г.Каухчишвили.** – Тбилиси. 1952.

«Георгика». Том V. – Тбилиси. 1963.

- Гераклид.** О государстве фасианов. // ВДИ. 1947. № 3.
- Герасимов М.М.** Восстановление лица по черепу. // Труды Института этнографии им.Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Том XXVIII. 1955.
- Герберштейн С.** Записки о Московских делах. – СПб. 1908.
- Геродиан Элий.** Об общей просодии. // ВДИ. 1948. № 2.
- Геродот.** Истории. // ВДИ. 1947. № 2.
- Геродот.** История в девяти книгах./ Перев. и прим. Г.А. Стратановского. – Л-д. 1972.
- Гигинейшвили Б. К** происхождению этнонима гениох. // «Мацне» 1. – Тбилиси. 1975.
- Гиоргадзе Г.Г.** К вопросу о локализации и языковой структуре каскских этнических и географических названий. // Переднеазиатский сборник. I. – М. 1961.
- Гиоргадзе Г.** Страна тысячи божеств.– Тбилиси. 1988. (на груз. яз.).
- Гиппократ.** О воздухе, водах и местностях. // ВДИ. 1947. №2.
- Гиунашвили Д.Ш.** «Абхазы». // К кн.: Энциклопедия Персика (рукопись).
- Глейе А.** К праистории северокавказских языков. // СМОМПК. Вып. 37. – Тифлис. 1907.
- Глonti А.А.** Топонимические разыскания. –Тбилиси. 1971.
- Голенко К.В.** Денежное обращение Колхиды в римское время. – Л. 1964.
- Гордезиани Р.В.** Кавказ и проблемы древнейших средиземноморских языковых и культурных взаимоотношений. – Тбилиси. 1975.
- Грантовский Э.А., Ардзинба В.Г.** Этапы этнической и политической истории абхазов. // «Советская Абхазия», «Апсны Капш», «Сабчота Абхазети». 1977. 14 января.
- Греков Б.Д.** Киевская Русь. – М. 1963.
- Грен А. Н.** Династия Багратидов в Армении. // ЖМНП. 1893. № II.
- Григолия Г. и др.** Результаты работ 1971 г. разведочно-археологической экспедиции в Западной Грузии. // Археологические исследования в Грузии в 1971 году. – Тбилиси . 1972.
- Грузинские документы IX – XV вв.** – М. 1982.
- Грузинские документы IX – XV вв.**// Собрание Ленинградского отделения Института Востоковедения АН СССР. / Перев. и комм. С.С.Какабадзе. – М. 1989.
- Гулиа Д.И.** Абхазский календарь. – Сухум. 1921.
- Гклиа Д. И.** История Абхазии.– Сухум. 1925.
- Гумба Г. Д.** Значение терминов «Грузия» и «Сакартвело» в средневековых источниках. – Сухум.1994.
- Гунба М.М.** К вопросу о локализации крепости Трахеи. // Труды АБИЯЛИ, Том XXXIII – XXXIV. – Сухуми. 1963.

Гунба М.М. Некоторые новые вопросы этнографии Абхазии. // Ж-л. «Алашара». 1971. № 4.

Гунба М.М. К вопросу о времени образования Абхазского царства. // «Известия» АБИЯЛИ. Том II. – Тбилиси. 1973.

Гунба М.М. Келасурская стена: когда и для чего ее построили? // «Советская Абхазия». 20 сентября, 1975.

Гунба М.М., Квициния В.К. Об археологических разведочных работах в селе Атара. // Труды Абхазского госмузея. Вып. IV. – Сухуми. 1974.

Гунба М.М. Келасурская стена. // «Известия» АБИЯЛИ Том. VI. 1977.

Гунба М.М. Новые памятники цебельдинской культуры. – Тбилиси. 1978.

Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии. – Сухуми. 1989.

Д

Даппер Ольферт. Азия или подробное описание Великих Моголов, Персидского королевства, а также Грузии, Мингрелии, Черкесии и других соседних стран из различных старых и новых материалов и путевых заметок». – Нюрнберг. 1681 / Перев.

Т.Э.Васильевой.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М.–Л. 1948.

Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Трофимова Т.А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза. (Тезис 5). //«Тезисы докладов..., подготовленных совещанием по методологии этногенетических исследований». – М. 1951.

Дебец Г.Ф. Череп из эпилеолитического могильника у с. Волошского. // СЭ. 1955. № 3.

Дедабришвили Ш., Мирцхулава Г. Куро-Араксская культура и Центральная Европа. // Всесоюзная научная конференция. – Тбилиси. 1975.

Десницкая А.В. О хеттском языке. // В кн.: **Фридрих И.** Краткая грамматика хеттского языка. – М. 1952.

Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. // ВДИ. 1939. № 4.

Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Книга вторая. – Тбилиси. 1948. (на груз. яз.).

Джавахишвили И.А. Введение в историю грузинского народа. Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Книга первая. – Тбилиси. 1950 (на груз.яз.).

Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. // СМОМПК. Вып. XXII. – Тифлис. 1897.

Джанашиа Н.С. // Газ. «Дроеба». 1910. № 77.

- Джанашиа Н.С.** Давайте работать. // «Сухумский вестник». 1915. №№ 99, 100.
- Джанашиа Н.С.** Статьи по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1960.
- Джанашиа С.Н.** Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии. // «Мацне». Том I, № 8. – Тбилиси. 1940. (на груз.яз.).
- Джанашиа С.Н.** Феодалная революция в Грузии. // Труды. Том I. – Тбилиси. 1949 (на груз. яз.).
- Джанашиа С.Н.** К генеологии рода Бараташвили.// Труды. Том II. – Тбилиси. 1952 (на груз. яз.).
- Джанашиа С.Н.** Тубал, табал, тибарен, ибер. //«Труды». Том III. – Тбилиси.1959. (на груз. яз.)
- Джанберидзе Г.К.** Проблема происхождения абхазского народа в свете антропологических данных. –Тбилиси. 1963.
- Джапаридзе О.М.** Дольменная культура в Грузии (результаты абхазской археологической экспедиции за 1955-1956 гг.). //«Труды ТГУ». 77. – Тбилиси. 1959.
- Джапаридзе О.М.** К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. – Тбилиси. 1961.
- Джапаридзе О.М.** К этнической истории грузинских племен по данным археологии. – Тбилиси. 1976.(на груз. яз.).
- Джапаридзе О. М.** На заре этнокультурной истории Кавказа. – Тбилиси. 1989.
- Джаукян Г.Б.** О стратификации и хронологизации картвельско-армянских совпадений (Арнольду Степановичу Чикобава) // Сборник, посвященный 80-летию со дня рождения. – Тбилиси. 1979.
- Дзидзария О. П.**(Дзария). Морская лексика в абхазском языке. – Сухуми. 1989.
- Дзидзария О. П.**(Дзари). Море и абхазы. Историко-лингвистический очерк. – Сухум. 2002.
- Дзидзигури Ш.В.** Грузинский язык. Краткий обзор. – Тбилиси. 1968.
- Дзидзигури Ш.В.** Грузинский вариант нартского эпоса. (Исследования, тексты). – Тбилиси. 1974.
- Дзидзигури Ш. В.** Баски и грузины. – Тбилиси. 1979.
- Дикшит К.С.** Введение в археологию. – М. 1960.
- Диль Ш.** Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. – СПб. 1908.
- Диль Ш.** Основные проблемы византийской истории. – М. 1947.
- Диоген.** Письма. К синопцам. // ВДИ. 1948. № 4.
- Дион Кассий Коккеиан.** Римская история. // ВДИ. 1948. № 2.
- Дионисий Периегет.** Землеописание. // ВДИ. 1948. № 1.

- Дорофей Иеромонах (Дбар).** История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. – Изд-во «Стратофил». – Новый-Афон. 2005.
- Древнегреческо-русский словарь. Том II. – М. 1958.
- Дунаевская И.М.** О характере и связях языков древней Малой Азии. // ВЯ. 1956, №4.
- Дунаевская И.М.** О структурном сходстве хаттского языка с языками Северо-Западного Кавказа. // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь акад. И.А. Орбели. – М –Л. 1960.
- Дунаевская И.М.** Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола.// Переднеазиатский сборник. Том I. – М. 1961.
- Дунаевская И.М.** Протохеттский именной суффикс косвенного дополнения. // ВДИ. 1964. №1.
- Дунаевская И.М.,** Дьяконов И.М. Хаттский (протохеттский) язык. // Языки Азии и Африки. Том III. – М. 1979.
- Дундуа Г.Ф.** Чеканилась ли монета в Вани. // «Мацне». 1972. 2.
- Дундуа Г.Ф.** К происхождению колхидок с изображением льва. // «Мацне». 1974. 4.
- Дундуа Г.Ф.** Еще раз о происхождении колхидок. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. – Тбилиси. 1979.
- Дундуа Г.Ф.** Нумизматика античной Грузии. – Тбилиси. 1987.
- Дюбуа Фредерик де Монпере.** Путешествие вокруг Кавказа. / Перевод Н.А. Данкевич-Пушиной. – Сухуми. 1937.
- Дьяконов И.М.** Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. (АВИИУ) // ВДИ. 1951. № 2.
- Дьяконов И.М.** История Мидии. – М.– Л. 1956.
- Дьяконов И.М.** Языки древней Передней Азии. – М. 1967.
- Дьяконов И.М.** Предыстория армянского народа. (История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н.э. Хурриты. Лувийцы. Протоармяне). – Ереван. 1968.
- Дьячков-Тарасов А.Н.** Гагры и их окрестности. // ЗКОИРГО. Кн. XXI. – Тифлис. 1904.
- Е
- Евстафий.** Комментарии к «Землеописанию» Дионисия. // ВДИ. 1948. № 1.
- Егоров А. Л.** В Сочи найден самый древний христианский храм в России // Газ. «День» № 241, октябрь 27. – Сочи. 2010.
- Ельницкий Л.А.** Из исторической этнографии древней Колхиды. // ВДИ. 1938. № 2.
- Ельницкий Л.А.** Знания древних о северных странах. – М. 1961.
- Еремеев Д.Е.** Язык как этногенетический источник. // СЭ. 1967. № 4.
- Еремеев Д.Е.** Этногенез турок. – М. 1971.

Еремян С.Т. Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт. // ВДИ. 1967. № 4.

Ж

Жизнь Картли. 1913.

Жузе П. Грузия в 17 столетии по изображению патриарха Макария. //«Православный собеседник» ч. 2. – Казань. 1905.

З

За глубокое научное изучение истории Абхазии. // «Советская Абхазия», «Апсны капш», «Сабчота Абхазети». 1977. 14 мая.

Завадский М. Р. Записи. // Институт рукописей Грузии им. К. С. Кекелидзе. Ф. III. Д. 422.

Зайцевский Е.П. Абхазия. // СМОМПК. 1909. Вып. 40.

Замаровский В. Тайны хеттов. – М. 1968.

Званба С.Т. Этнографические этюды. – Сухуми. 1955.

Зисман М.Н. Восточная школа еврейских грамматиков в X – XIII вв. // Материалы первой конференции по семитическим языкам (26 –28 октября 1864 г.). Семитские языки. Том II. Вып.2. – М. 1965.

Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. – М. 1964.

Зухба С.Л. Абхазская народная сказка. – Тбилиси.1970.

Зухба С. Л. Фольклорные памятники об этногенезе абхазов // Всесоюзная сессия 1988 г. Тезисы докладов. – Сухуми. 1988.

Зухба С.Л. Об абхазских мифах и сказаниях. // Ж-л «Алашара». 1989. № 8 (на абх. языке).

Зыцарь Ю.В. О родстве баскского языка с кавказскими. // ВЯ. 1955. № 5.

И

Иванов В.В. Из истории индоевропейской лексики клинописного хеттского языка. // Переднеазиатский сборник. I. – М. 1961.

Иванов В.В. Очерк истории и культуры хеттов.// Предисловие к кн. : К.Керам. Узкое ущелье и Черная гора. – М. 1962.

Иванов В.В. Хеттский язык. – М. 1963.

Иванов В.В. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в Древней Малой Азии и на Балканах. // Всесоюзная научная конференция. Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Черноморья. Тезисы докладов. – Тбилиси. 1975.

Иванов В. В. Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики // Историко-филологический журнал. – Ереван. 1976. № 4 (75)

Иванов В. В. К истории древних названий металлов в южно-балканском, Малоазийском и средиземноморском ареалах // Славянское и балканское языкознание. – М. 1977.

- Иванов В. В.** Славянские названия металлов и проблемы восстановления ранних этапов в истории металлургии у словян // Советское славяноведение. – М. 1979.
- Иванов В. В.** Структура гомеровских текстов, описывающих психические состояния. – Структура текста. – М. 1980.
- Иванов В. В.** История славянских и балканских названий металлов. – М. 1983.
- Иванов В. В.** Об отношении хаттского языка к северо-западнокавказским. // Древняя Анатолия. – М. 1985.
- Иванов С.В.** Материалы изобразительного искусства к проблеме культурно-исторических связей хантов и манси. // Тезисы к совещанию по методологии этногенетических исследований. – М. 1951.
- Иващенко М.М.** Великая Абхазская стена. // Известия АБНО. Вып. IV. – Сухум. 1926.
- Иессен А.А.** К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. // ИГАИМК. Вып. 120. – Л. 1935.
- Иессен А.А.** Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и в начале I тысячелетия до н.э. // КСИИМК. XVIII. – Л. 1947.
- Иессен А.А.** Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. // МИА. 1951. № 23.
- И.Н.** Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. – М. 1898.
- Инадзе М.П.** К истории Грузии античного периода (Флавий Арриан и его сведения о Грузии). – Тбилиси. 1953.
- Инадзе М.П.** К вопросу о самоуправлении в причерноморских городах Колхиды в античную эпоху. // САНГ. Том 21, 2. – Тбилиси. 1958.
- Инадзе М.П.** О времени образования Колхидского царства по данным древнегреческих авторов. // «Вопросы древней истории». – Тбилиси. 1973.
- Инадзе М.П.** Вопросы этнополитической истории древней Абхазии. // «Мацне». 1992. I. – Тбилиси. 1992.
- Инал-Ипа Ш.Д.** К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии. // «Труды АБИЯЛИ». Том XXV. – Сухуми. 1954.
- Инал-Ипа Ш.Д.** Абхазы (Историко-этнографические очерки). – Сухуми. 1960, переиздание – 1965.
- Инал-Ипа Ш.Д.** Слово о нартах. // Предисловие к кн. ; Приключения Нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев. Абхазский народный эпос. – М. 1962.
- Инал-Ипа Ш.Д.** О содержании термина «Апсха» – царь Абхазии. // «Труды АБИЯЛИ». Том XXXIII-XXXIV. – Сухуми. 1963.

- Инал-Ипа Ш.Д.** Апсха (к политической и этнической истории Абхазского царства). // Инал-Ипа Ш.Д. Страницы исторической этнографии абхазов . – Сухуми. 1971.
- Инал-Ипа Ш.Д.** Новые данные по истории мореходства в Абхазии. // Инал-Ипа Ш.Д. «Страницы ...». – Сухуми. 1971.
- Инал-Ипа Ш.Д.** Убыхи и их этнокультурные связи с абхазами. // Инал-Ипа Ш.Д. «Страницы ...». – Сухуми. 1971.
- Инал-Ипа Ш.Д.** Абхазский миф о карликах и их горных постройках. // Инал-Ипа Ш.Д. «Страницы...». – Сухуми. 1971.
- Инал-Ипа Ш. Д.** О дольменной культуре в Абхазии и проблема ее этнической принадлежности // «Страницы...» – Сухуми 1971.
- Инал-Ипа Ш.Д.** К вопросу о древних этнокультурных связях Западного Кавказа и Малой Азии. // Доклады Советской делегации на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. – Чикаго 1973. (Отд. оттиски на русск. и англ. яз.). – М. 1973.
- Инал-Ипа Ш.Д.** Ацаны. // **Инал-Ипа Ш.Д.** Памятники абхазского фольклора. – Сухуми. 1977.
- Инал-Ипа Ш.Д.** Садзы. Историко-этнографические очерки. // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXVIII. Народы Кавказа. Кн. 2. – М. 1995.
- Инал-Ипа Ш.Д.** Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2002.
- Инал-Ипа Ш. Д.** Что рассказывают абхазы о древнейшем населении Абхазии и своем происхождении // Абхазоведение. Язык. Фольклор. Литература. Раздел «Наследие». – Сухум. 2006. (Прим. комм.)
- Инасаридзе З.П.** Факторы генетической дифференциации народонаселения Кавказа (Рукопись).
- Ингороква П.** Леонтий Мровели – грузинский историк VIII в. – Тбилиси. 1941.
- Ингороква П.** Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века. Очерк по истории литературы, культуры и государственной жизни древней Грузии. – Тбилиси. 1954.
- Иоакимов А.** Абхазцы. // «Кавказ». 1874. № 39.
- Иоаниди Н. Н.** Греки в Абхазии – Сухуми. 1990.
- Иоанн Грамматик** // История Византии. Том I. – М. 1967.
- Иоанн Цец.** Объяснение к «Кассендре» Ликофрона. // ВДИ. 1947. № 3.
- История Византии. Том 1. – М. 1967.
- История Грузии. Том 1. – Тбилиси. 1962.
- История древнего мира. – М. 1989.
- История и восхваление венценосцев. / Изд. **З. Чичинадзе**. – Тифлис. 1913.

История и восхваление венценосцев./ Перевод, предисловие и примечания
К.С.Кекелидзе. – Тбилиси.1954.

К

Кабардинский фольклор. – М. – Л. 1936.

Кавтарадзе Г.Л. К вопросу о взаимоотношении раннебронзовых культур Центральной Анатолии и Северного Кавказа. // Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов. – Тбилиси. 1975.

Кавтарадзе Г.Л. К вопросу расселения картвельских племен в Анатолии. – Тбилиси. 1985.

Кавтарадзе Г.Л. Вопросы этнической истории Кавказа и Анатолии и проблема хронологии и периодизации (VI – I тыс. до н.э.) – Тбилиси. 1992.

Каждан А.П. Рец. на работу «Иоанн Итал. Сочинения». Редакция и предисловие **Н.Н. Кечакмадзе.** – Тбилиси.1966. // ВВ. Том 30 (55). 1969.

Каждан А.П. Рец. на Большой лексикон по византиноведению. Изд. Хаккерта. // ВВ. 1972. 33.

Каждан А.П., Фонкич Е.Л. Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения.// ВВ. 1973. № 34.

Калоев Б.А. Осетины. – М. 1967.

Каменецкий И.С. Новый меотский могильник в Приазовье. // СА. 1968. № 2.

Камменхубер А. Хаттский язык. // Древние языки Малой Азии. – М. 1980.

Канделаки Д.А. Палеоантропологический материал из грота Юпсы. // «Абхазоведение» АБИГИ. Вып. IV. – Сухум. 2007.

Капанадзе Д.Г. О достоверности имени, выбитого на статере базилевса Аки. // ВДИ. 1949. № 1.

Капанадзе Д.Г. Грузинская нумизматика. – М. 1955.

Капанадзе Д.Г. Неизвестный вариант грузинской монеты XI в. //«Труды» АБИЯЛИ. Т XXX. – Сухуми. 1959.

Капанадзе Д.Г. Нумизматические находки пицундской археологической экспедиции за 1958 –1959 гг. // ВДИ. 1966. № 4.

Капанцян Г.А. Хеттские боги у армян. – Ереван. 1940.

Капанцян Г.А. Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их ранняя история. – Ереван. 1947.

Капанцян Г.А. О взаимоотношении армянского и лазо-мегрельского языков. – Ереван. 1961.

Капанцян Г.А. История армянского языка. – Ереван. 1961.

Карачаево-балкарско-русский словарь. / Под ред. Э.Р.Тенишева, Х.И.Суюнчева. – М. 1989.

««Картлис Цховреба».

Каухчишвили С.Г. Племя мисимиян. //«Труды ТГУ». 1936. I.

Каухчишвили С.Г. Тбилиси. 1965

Каухчишвили Т.С. О некоторых сведениях Ликофрона и его схолиастов. // Всесоюзная научная конференция. –Тбилиси. 1975.

Каухчишвили Т.С. Греческая надпись Бичвинтской мозаики. // Великий Питиунт. III. – Тбилиси. 1977.

Каухчишвили Т.С. Кавказские племена по античным источникам. 2. Гениохи. // «Мацне». 1980. № 4 (на груз. яз. с русс. резюме).

Квициния П. К. Черепа Гагрского магильника раскопок В. В. и Д. С. Бжания (Рукопись отдела археологии).

Кекелидзе К.С. Памятники древнегрузинской агиографической литературы. – Тбилиси. 1956.

Керам К. Узкое ущелье и Черная гора. – М. 1962.

Кечакмадзе Н.Н. Предисловие к кн. : Иоанн Итал. Сочинения. – Тбилиси. 1966.

Кинжалов Р.В.Резной сердолик Государственного Эрмитажа. // Исследования по истории культуры народов Востока. – М. – Л. 1960.

Клавдий Птолемей. Географическое руководство. // ВДИ. 1948. № 2.

Клавдий Элиан. Различные рассказы. // ВДИ. 1948. № 2.

Клечко Н.Б. Стелы гемакопидов как источник о рабах V в. до н. э. // ВДИ. 1966 № 3.

Климов Г.А. Новое в изучении убыхского языка. // «Труды». АБИЯЛИ. Том XXX. – Сухум. 1959.

Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. – М. 1964.

Климов Г.А. Кавказские языки. – М. 1965.

Климов Г.А. Абхазо-адыгские этимологии. II. (Заимствованный фонд) // «Этимология. 1966 г.». – М. 1969.

Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. – М. 1986.

Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. – М. – Л. 1962.

Кожин В.В. Да не запоздает слово. О межнациональной розни. // Ж-л. «Политика». 1991. № 6.

Кондратов А., Шеворошкин В. Откуда вставало солнце? //«Знание-сила». 1966. № 3.

Кондратов А. Земля людей – земля языков. – М. 1974.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М. 1989.

- Корнелий Тацит.** Истории. // ВДИ. 1949. № 3.
- Коростовцев М.А.** Путешествие Ун-Амуна в Библ. – М. 1960.
- Коростовцев М.А.** Введение в египетскую филологию. – М. 1963.
- Косвен М.О.** Очерки истории первобытной культуры. – М. 1953.
- Крамер С. Н.** История начинается в Шумере. – М. 1965.
- Крупнов Е.И.** Древняя история Северного Кавказа. – М. 1960.
- Крушкол Ю.С.** К вопросу об этногенезе синдов. // Античное общество. – М. 1967.
- Крушкол Ю.С.** Древняя Синдика. – М. 1971.
- Ксенофонт.** Анабасис. – М. – Л. 1951.
- Ксенофонт.** Анабасис. // ВДИ. 1947. № 1.
- Кудрявцев К.** Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухум. 1922.
- Кузнецов В.А.** Северный Зеленчукский храм. // СА. 1964. №4.
- Кузнецов В.А.** Зодчество феодальной Алании. – Орджоникидзе. 1977.
- Кумахов М.А.** Словоизменение адыгских языков. – М. 1971.
- Кумахов М.А.** Адыгейский язык.// Языки народов СССР. Том IV. – М. 1971.
- Кумахов М.А.** Теория генеалогического древа и вопросы дифференциации западнокавказских языков. // ВЯ. 1973. № 6.
- Кумахов М.А.** Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. – М. 1981.
- Кун Н.А.** Легенды и мифы Древней Греции. – М. 1954.
- Куфтин Б.А.** Археологические раскопки в Триалети. – Тбилиси. 1941.
- Куфтин Б.А.** Материалы к археологии Колхиды. Том I. – Тбилиси. 1949.
- Л**
- Лавров Л.И.** Из поездки в Черноморскую Шапсугию. // СЭ. 1936. №№ 4-5.
- Лавров Л.И.** «Обезы» русских летописей. // СЭ. 1946. № 4.
- Лавров Л.И.** О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. // Сб. материалов по истории Кабарды. – Нальчик. 1954.
- Лавров Л.И.** Абазины. // Труды института этнографии. Новая серия. Том XXVI. – М. 1955.
- Лавров Л.И.** Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX в.// КСИЭ. Вып. XXXII. – М. 1959.
- Лавров Л.И.** Происхождение балкарцев и карачаевцев. // КСИЭ. Вып. XXXII. – М. 1959.
- Лавров Л.И.** Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. // Исследования и материалы по вопросам первобытных религий. – М. 1959.

- Лавров Л.И.** Дольмены Северо-Западного Кавказа. // Труды АБИЯЛИ. Том XXXI. – Сухуми. 1960.
- Лавров Л.И.** О пути вторжения киммерийцев в Переднюю Азию. // СА. 1965. № 3.
- Ладария И.П.** К изучению дерматоглифики населения Западного Кавказа. // СЭ. 1975. № 4.
- Ламберти Арк.** Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией, в котором говорится о происхождении, обычаях и природе этих стран с картою 1654 года. / Перв. с итал. К.Ф.Гана. // СМОМПК. Вып.43. –Тифлис. 1913.
- Лапинский Теофил (Тефик-Бей).** Горные народы Кавказа и их борьба за свободу против русских. Том I. – Гамбург. 1863 / Перев. с немецкого Н.А. Данкевич-Пущиной. // Рукописный отдел биб-ки АБИЯЛИ. Д. №164.
- Латышев В.В.** К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря. // Сборник археологических статей, поднесенных графу А.Бобринскому. – СПб. 1911.
- Латышев В.В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. // ВДИ. 1947 №№ 1-4; 1948 №№ 1-4; 1949 №№1-3 ;1950 №4; 1952 №2.
- Левин Исидор и Уку Мазинг.** Типологический анализ сюжетов (сказок). // Абхазские сказки. / Состав. и автор примечаний К.С.Шакрыл. – М. 1975.
- Левин М.Г.** Этнографические и антропологические материалы как исторический источник. К методологии изучения истории бесписьменных народов. (Доклад на VI МКАЭН в Париже). // СЭ. 1961. № 1.
- Леквинадзе В.А.** Вислая печать Константина Абазгского. // Сообщения АН Груз. СССР. Том. XVI. 5. – Тбилиси. 1955.
- Леквинадзе В.А.** По поводу Анакопийской крепости. // «Моамбе». (Вестник Госмузея Грузии). Т. XXV-V. – Тбилиси. 1968.
- Леквинадзе В.А.** Понтийский лимес.// ВДИ. 1969. № 2.
- Леквинадзе В.А.** О древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках. // ВДИ. 1970. № 2.
- Леквинадзе В.А.** О постройках Юстиниана в Западной Грузии. // ВВ. 1973. № 34.
- Леонтий Мровели.** Жизнь картлийских царей. // Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. / Перев., предисл. и коммент. Г.В.Цулая. – М. 1979.
- Леонтьев А.А.** Возникновение и первоначальное развитие языка. – М. 1963.
- Лещенко А.Ф.** Матеріали до орнаментики дольменів на Північно-Західному Кавказі. // Антропологія. Том IV, за р. 1930. – Київ, 1931.
- Липшиц Е.Э.** Очерки истории византийского общества и культуры. – М.– Л. 1961.

Литературная энциклопедия. Т. 1. 1930.

Логинов В.А. Керамика и керамическое производство Абхазии позднеантичного и ранне-византийского времени (II-VII вв.). – М. 1987

Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. Часть I. – Тбилиси. 1979.

Ломоури Н.Ю. Грузино-римские взаимоотношения. – Тбилиси. 1981.

Ломоури Н.Ю. К истории взаимоотношений Лазского (Эгрисского) царства и Византии в V в. // Византийские очерки. – М. 1982.

Ломтатидзе К.В. Абхазское слово ауауы. – «человек». // «Моамбе». (Сообщения АН Груз. ССР) – Тбилиси. 1943. № 7. (на груз. яз с русск. Резюме).

Ломтатидзе К.В. Тапантский диалект абхазского языка. – Тбилиси. 1944.

Ломтатидзе К.В. О некоторых вопросах происхождения и расселения абхазов. // «Мнатоби». 1956. № 12. (на груз. яз).

Ломтатидзе К.В. Абхазский язык. // Языки народов СССР. Том IV. – М. 1971.

Лордкипанидзе Г.А. Колхида в VI – II вв. до н.э. – Тбилиси. 1978.

Лордкипанидзе О.Д. Древняя Колхида. – Тбилиси. 1979.

Лукка (Жан де Люкка). Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мегрелов и грузин Жана де Люкка, монаха Доминиканского ордена (1625). / Перев. с фр. П. Юрченко. // ЗООИД. Т. 2. – Одесса 1879.

Лукин А.Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. // ТОИПКГЭ. Том I. – Л. 1941.

Луначарский А.В. Почему нельзя верить в бога. – М. 1958.

Лурье С. Геродот. – М.–Л. 1947.

Любин В.П. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества. // СА. 1957. № 27.

Люлье. Л.Я. О натухайцах, шапсугах и абадзехах. // ЗКОИРГО. Кн.V. – Тифлис. 1857.

Люлье Л.Я. Черкессия. Историко-этнографические статьи. – Краснодар. 1927.

Люлье Л.Я. Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами. Черкессия. – Краснодар. 1927.

М

Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. – М.1983.

Марковин В.И. Дагестан и Горная Чечня в древности. – М.1968.

Марковин В.И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. – Нальчик. 1974.

Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. – М.1975.

Марковин В. И. Дальмены Западного Кавказа. – М. 1978.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.21.

- Март Н.Я.** Из поездки в Сванию. // «Христианский Восток». Том. II. Вып. I. 1913.
- Март Н.Я.** Абхазско-русский словарь. – Л. 1926.
- Март Н. Я.** Постановка учения об языке в мировом масштабе // О языке истории абхазов. – М. – Л. 1938.
- Март Н.Я.** Из лингвистической поездки в Абхазию. // О языке и истории абхазов. – М – Л. 1938.
- Март Н.Я.** Русское человек, абхазское ауаԥ. // Март Н.Я. «О языке и истории абхазов». – М. – Л. 1938.
- Март Н.Я.** История термина «абхаз». // Март Н.Я. О языке и истории абхазов. – М – Л. 1938.
- Март Н.Я.** О языке и истории абхазов. – М–Л.1938.
- Март Н.Я.** Кавказоведение и абхазский язык. // Март Н.Я. «О языке и истории абхазов». – М– Л.
- Март Н.Я.** Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком. // Март Н.Я. Избранные работы. Том II. (или в кн. «Сборник языковедения и материализм». – Л. 1929.
- Массон В.М.** Древние гробницы вождей на Кавказе (некоторые аспекты социологической интерпретации). // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М.1973.
- Массэ А.** Ислам. – М.1963.
- Матиане Картилисай...
- Мацулевич Л.А.** Мозаики Бир-аль-Кута и Пицунды. // ВВ. 1961. Т. 19.
- Мачавариани Г.И.** К вопросу об индоевропейско-картвельских (южно-кавказских) типологических параллелях. – М.1964.
- Меликишвили Г.А.** Наири-Урарту. – Тбилиси.1954.
- Меликишвили Г.А.** К вопросу возникновения классового общества и государства в Грузии. – Тбилиси. 1955. (на груз.яз.).
- Меликишвили Г.А.** К истории древней Грузии. – Тбилиси.1959.
- Меликишвили Г.А.** К изучению древней восточномалоазийской этнонимии. // ВДИ. 1962. № 1.
- Меликишвили Г.А.** Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии. // ВДИ. 1965. № 1.
- Меликишвили Г.А.** К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. – Тбилиси.1965.
- Меликишвили Г.А.** Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. – Тбилиси. 1973.(на груз.яз. с русс. резюме).

- Меликсет-Бек Л.М.** По следам Перипла Арриана. //Труды АБИЯЛИ. Том XXX. – Сухуми.1959.
- Мемнон.** О Геракле. // ВДИ. 1948. № 1.
- Мещанинов И.И.** Египет и Кавказ. – Баку.1927.
- Мещанинов И.И.** О пользовании этнографическим материалом при археологических работах. // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. – Баку.1928. № 5.
- Мибчуани Т.** Об абхазских фамилиях. // «Апхазетис хма». 1992, 25 февраля.
- Микеладзе Т.К.** К вопросу об этнической принадлежности фасианов. // МИГК. Вып.32. – Тбилиси.1955.
- Микеладзе Т.К.** К вопросу о периодизации истории Древней Колхиды. // Вопросы древней истории. – Тбилиси.1973.
- Микеладзе Т.К.** Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. – Тбилиси.1974.
- Микеладзе Т.К.** К вопросу о взаимосвязи картов и иберов. //Всесоюзная научная конференция. – Тбилиси.1975.
- Микеладзе Т.К., Барамидзе М.В. и др. О работе Колхидской экспедиции в 1974 г. – Тбилиси. 1975.
- Миновский В.Ф.** История Ширвана и Дербента. – М.1963.
- Монгайт А.Л.** Задачи и возможности археологической картографии. // СА.1962, № 1.
- Монгайт А.Л.** Археология Западной Европы. – М.1973.
- Мунчаев Р.М.** Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954. // КСИИМК. 1958. № 71.
- Мунчаев Р.М.** Кавказ в эпоху неолита и ранней бронзы. – Тбилиси. 1971.
- Мурзаевы Э. и В.** Словарь местных географических терминов. – М. 1959.

Н

- Налбандян В.С.** Тбилиси в армянских литературных памятниках древних и средних веков. – Ереван. 1961.
- Народное хозяйство Абхазской АССР. – Тбилиси. 1967.
- Приключения Нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев. /Составители Х.С. Бгажба, **Ш.Д. Инал-Ипа, К.С. Шакрыл.** Под ред. Б. В. Шинкуба. Придисловие Ш. Д. Инал-Ипа. – Сухуми. 1962 (на абх.яз).
- Н.В.** Утверждение наше в Абхазии. // КС. Т. XIII. 1889.

Николаев С.П. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом. // Древняя Анатолия. –М. 1985.

Николай Дамасский. Свод странных обычаев. // ВДИ. 1947. № 4.

Нимфодор Сиракузский. Варварские законы. // ВДИ.1947. № 3.

Новосельцев А.П. Внешняя торговля Древней Руси. // История СССР. №1. – М . 1967. 3.

Новосельцев А.П. К историографии средневекового Закавказья. // ВИ.1982. № 3.

Нордман А.Д. Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю. // ЖМНП. 1838. XI. Часть XX.

Нуцубидзе Ш. История грузинской философии. – Тбилиси. 1960.

Нуцубидзе Ш. Источники Ареопагистики. // Седьмая Всесоюзная конференция византинистов Тбилиси 1965 года. Тезисы докладов. – Тбилиси. 1965.

О

Овидий Насон. Послание IV, 10. // Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. – М. 1985.

Окладников А.П. Ученый А.Деревянко. // «Комсомольская правда». 2 марта 1974.

Орлов Вад. Проснется ли Белоснежка. //«Техника молодежи». 1964. II.

Откупщиков Ю.В. Греческая колонизация Причерноморья и карийцы. //Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов. – Тбилиси.1975.

Откупщиков Ю. В. Карийцы в Причерноморье (ономастика) // Кавказ и средиземноморье. – Тбилиси 1980.

Очерки истории Абхазской ССР. Ч.1. – Сухуми.1960.

Очерки истории Грузии. Том II. – Тбилиси.1988.

П

Пайчадзе Г.Г. Название Грузии в русских письменных исторических источниках. – Тбилиси.1989.

Памятники эпохи Руставели. – Тбилиси. 1938.

Памятники древнегрузинской агиографической литературы. – Тбилиси. 1956.

Панченко Б.А. Каталог моливдовулов. // ИРАИК. XIII. 1908.

Папаскир А.Л. Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. – Сухум. 2005.

Патерик Киево-Печерского монастыря. / Под ред. **Д.И.Абрамовича**. – СПб. 1911.

Патканов К.П. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. // ЖМНП. 1883. Март.

Пачулия В. П. В краю золотого руна. – М.1964.

- Первухин М.К.** Страна белых гор (Албанские впечатления). // «Природа и люди». 1916. № II.
- Пестряков А.П.** Расово-морфологическая характеристика абхазов с.Члоу. // «Феномен долгожительства». – М. 1982.
- Пигулевская Н.В.** Сирийский источник VI в. о народах Кавказа. // ВДИ. 1939. № 1.
- Пигулевская Н.В.** Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // ВВ 1947. № 1.
- Пиотровский Б.Б.** Археология Закавказья. – Л. 1949.
- Пиотровский Б.Б.** Ванское царство. – М. 1959.
- Плиний Гай Секунд.** Естественная история. // ВДИ. 1949. № 2.
- Подозерский К.И.** Санчарская через Главный Кавказский хребет тропа и урочище Псху. // ИКОИРГО. Т. XVI. 1903. № 2.
- Подозерский К.И.** По Черноморской губернии (в Туапсинском и Сочинском округах). ИКОИРГО. Т. XVII. 3. 1904.
- Полибий.** История. // ВДИ. 1947. № 3.
- Полное собрание русских летописей. Т. XXV. – М.–Л. 1949.
- Помпоний Мела.** Землеописание. // ВДИ. 1949. № 1.
- Попов А.И.** Географические названия (Введение в топонимику). – М.–Л. 1965.
- Приключения Нарта Сосрыквы и его 99 братьев. Абхазский народный эпос. / Сост. Бгажба Х.С., Инал-Ипа Ш.Д., Шакрыл К.С.. Предисловие Ш.Д. Инал-Ипа. – М. 1962.
- Приск Панийски.** Готская история // ВДИ. 1948. № 4.
- Прокопий из Кесарии.** О постройках. / Перев. С.В. Кондратьева. // ВДИ. 1939. № 4.
- Прокопий из Кесарии.** Тайная история. // Перев. С.П. Кондратьева. // ВДИ. 1939. № 4 (5).
- Прокопий из Кесарии.** Война с готами. Кн. VIII. (Кн. IV Война с готами). / Перевод С.П. Кондратьева. – М. 1950.
- Псевдо-Арриан.** Обезд Эвксинского Понта. // ВДИ. 1948. № 4.
- Псевдо-Орфей.** Поход аргонавтов. // ВДИ. 1948. № 3.
- Путуридзе Г.В.** и др. Предисловие к кн. **Эвлия Челеби** «Книга путешествия». Вып. 3. – М. 1983.
- Пхакадзе Г.К., Барамидзе М.В.** Могильник в Мерхеули. // Полевые археологические исследования в 1969. – Тбилиси. 1971.

Радде Г.И. Кавказ. Очерк П. Кавказский хребет. // «Живописная Россия». Приложение к журналу «Новь». Том IX. 1894.

Редер Д.Г. Комментарий к разделу «Восточные тексты». // ВДИ. 1947. № 1.

Рейнеггс Я. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа. II. – СПб. 1787. / Перев. с нем. яз. Н.А.Данкевич-Пущиной. Рукописный фонд АБИЯЛИ.

Рогава Г.В. О вульгарно-материалистическом изучении абхазского и адыгских языков. // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. – М. 1951.

Рогава Г.В. К суффиксации некоторых грузинских фамилий. // «Труды Кутаисского пединститута». Т.13.1955.

Рогава Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских языках). – Тбилиси. 1956.

Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеймона на святой горе Афон. – М. 1886.

«Русско-абазинский словарь».

Русско-абхазский словарь. / Сост. Х.С.Бгажба, **Б.П.Джанашиа, Г.З.Шакирбай, Е.П. и К.С.Шакрыл, Б.В.Шинкуба.** – Сухуми. 1964.

Русско-адыгейский словарь. – М. 1960.

Русско-кабардинско-черкесский словарь. – М. 1955.

Русско-карачаевско-балкарский словарь. / Под ред. Х.И.Суюнчева и И.Х.Урусбиева. – М.1965.

Рчеулишвили Л.Д. Купольная архитектура VIII – X вв. в Абхазии. – Тбилиси. 1988.

Рыбаков Б.А. К вопросу об образовании древнерусской народности. // Тезисы докладов и выступления сотрудников института истории материальной культуры Ан СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований». – М. 1951.

С

Салакая Ш.Х. Абхазский народный героический эпос. – Тбилиси. 1966.

Сборник «50 лет Советской Абхазии». – Сухуми. 1971.

Сведения средневековых грузинских нарративных источников об Абхазском царстве и Абхазском княжестве. / Перев. на русс., предисл. и комментарии. Г.А.Амичба. – Тбилиси.1969.

Семенов В.Г. Полезные ископаемые и минеральные воды Абхазии. // Труды АБНИИК. Вып. второй. – Сухум. 1934.

- Сердюченко Г.П.** Основные грамматические особенности языков Западного Кавказа. – М. 1955.
- Силагадзе А., Беридзе Ш.** Доколе Катилина. // «Народное образование» 29 октября, 1989.
- Скилак Кариандский.** Описание моря, прилегающего к Европе, Азии и Ливии. // ВДИ. 1947. № 3.
- Скрипиль О.М.** Сказание о Вавилон-граде. // Труды ОДРЛ . 1953. Т. IX.
- Скуднова В. М. Находки колхидских монет и пифосов в Крыму // ВДИ 1952, № 2.
- Словарь абхазского языка. Т. 1./ Сост. **К.С.Шакрыл, В.Х.Конджария.** – Сухуми. 1986 г.;
- Т. 2./ Сост. **К.С.Шакрыл, В.Х.Конджария, Л.П.Чкадуа.** – Сухуми. 1987.
- Смирнова Я.С.** Абхазы.//СИЭ. 1 – М. 1961.
- Смирнова Я.С.** Абхазы. Народы мира: Историко-этнографический справочник /под ред. **Ю.В. Бромлея.** – М. 1988.
- Смоленский С.** Воспоминания кавказца (Из записок юнкера П. // ВС. 1872.
- Смоленский С.** Воспоминания кавказца. Экспедиция Псху (статья вторая). // ВС. Том LXLVI, отд. 1.
- Советская историческая энциклопедия. Том 1. 1961.
- Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии / Перев. на русс., предисл. и комментарии. **Г. А. Амичба.** – Сухуми. 1986.
- Соселия Г.К.** Существовала ли рабовладельческая формация в Грузии. // ВИ № 10. – М. 1956.
- Соловьев Л.Н.** Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры и прилегающей части Адлерского района. //Труды АБИЯЛИ. Том XIX. – Сухуми. 1958.
- Соловьев Л.Н.** Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. // Труды АБНИЯЛИ. Том XXXI. – Сухуми. 1960.
- Справочное издание **Гердера** (Фрейнберг. 1953).
- Старостин С.А.** Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде.// Древняя Анатолия. – М.1985.
- Старостин С.А.** Металлургические термины в общезападнокавказском. // Тезисы Башкапсарского полевого семинара. – Сухуми. 1988.
- Старостин С.А.** Индоевропейско-северокавказские изоглоссы. //Древний Восток. Этнокультурные связи. – М. 1988.
- Стефан Византийский.** Описание племён (Этника). // ВДИ. 1948. № 3.
- Страбон. География.** – М. 1964.
- Стратановский Г.А.** Страбон и его «География» // Страбон. География. – М. 1964.

Струве В.В. Хрестоматия по древней истории. Том I. 1936.

Струве В.В. Предисловие к кн.: Крамер С. История начинается в Шумере. – М. 1965.

Струве В.В. Древнейший историк СССР. // Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. – Л. 1968.

Сулава Г.Г. Что понимали в Древней Руси под названием «Обезь»././История СССР.1957. №2.

Т

Тизенгаузен В. Г. Заметка Элькальканди о грузинах. // ЗВОРАО. Т. I. 1886 –1887

Тизенгаузен О. Еще об абхазской музыке. // «Апсны – Страна души». – Сухум. 1925. 14 января.

Тихомиров М.Н. Средневековая Россия на международных путях (XIV – XVвв.). – М. 1966.

Товма Мецопеци. История Ленг Тимура (Тамерлана) и его преемников. – Париж. 1860. (на древнеарм. яз).

Токарев С.А. К постановке проблем этногенеза.// СЭ. 1949. № 3.

Токарев С.А.Этнография народов СССР. – М. 1958.

Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. – М. 1964.

Токарев С.А. Религия в истории народов мира. – М. 1964.

Токарев С.А., Чебоксаров Н.Н. Методология этногенетических исследований на материале этнографии...// Тезисы совещания по методологии этногенетических исследований». – М. 1951.

Толковый словарь грузинского языка. Том. I.– Тбилиси. 1950, Том. VI. – Тбилиси. 1960.

Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М.1864.

Трапш М.М. Археологические раскопки в Анакопии в 1957-1958гг.// ВВ. 1961. Том XIX.

Трапш М.М. Памятники колхидской и скифской культуры в селе Куланурхва Абхазской АССР. – Сухуми. 1962.

Трапш М.М. Древний Сухуми.// **Трапш М.М.** Труды. Том 2 . – Сухуми. 1969.

Трапш М.М. Культура Цебельдинских некрополей. // **Трапш М.М.** Труды. Том.3. – Тбилиси. 1971.

Тураев Б.А. История Древнего Востока. Том I. – Л. 1935.

Турчанинов Г.Ф. Древнейшая IV в. н. э. осетинская (аланская) надпись греческого письма на инталье из Эрмитажа.// Известия Северо-Осетинского НИИ. Том. XII. Вып. IV. История. – Орджоникидзе. 1960.

Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л. 1971.

У

Уварова П.С. Кавказ, Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки. //МАК. Ч. IV. 1894.

Удальцов А.Д. Теоретические основы этногенетических исследований.// СЭ. №№ VI, VII. 1947.

Удальцов А.Д. Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза в свете работ И.В.Сталина о языке. Против вульгаризации в археологии. «Тезисы докладов..., подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований». – М. 1951.

Удальцова З.В. Мировоззрение византийского историка VI в. Агафия Миринейского.// ВВ. XXIX. – М. 1968.

Удальцова З.В. Советское византиноведение за 50 лет. – М. 1969.

Удальцова З.В. Мировоззрение византийского историка V в. Приска Панийского.// ВВ. 1972. 33.

Услар П.К. Гурийский отряд в 1855г. //КС,ТомV .– Тифлис. 1880.

Услар П.К. Абхазский язык. Этнография Кавказа. – Тифлис. 1887.

Услар П.К. Черновые заметки о черкесском языке.// Абхазский язык. Этнография Кавказа. – Тифлис. 1887.

Услар П.К. О языке убыхов. // Абхазский язык.Этнография Кавказа. – Тифлис. 1887.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. – Тифлис.1888.

Успенский Ф. Синодик в неделю православия. –Одессы.

Ушаков П.Н. Проблема древнейшего населения Малой Азии, Кавказа и Эгеиды. // ВДИ. 1939. №4.

Ушаков П.Н. К походам урартийцев в Закавказье в IX – VIII вв. до н.э.// ВДИ. 1946.№ 2.

Ф

Фадеев А.В. К вопросу о генезисе кобанской культуры в Абхазии. //Труды АбНИИК. Вып. II. – Сухум. 1934.

Фадеев А.В. Абхазский термин «атъы» (раб-собственность). //Труды АбНИИК. Вып. II. – Сухум. 1934.

Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. Издание второе.Том IV. – М. 1987.

Федоров Я.А. О дольменной культуре Западного Кавказа и ее носителях. // ВМГУ. 1974. № 4.

- Фелицин Е.Д.** Западно-Кавказские дольмены.// МАК. Том. IX. – М. 1904.
- Феодорит Епископ Кирский.** Церковная история // ВДИ. 1948. № 3.
- Феофан Исповедник** (ок. 760-818). «Хронография». // **Чичуров И.С.** Византийские исторические сочинения. – М. 1980.
- Философская энциклопедия. Том. II. – М. 1962.
- Филострат Афинский.** Об Аполлонии Тианском.// ВДИ. 1948. № 2.
- Флавий Иосиф.** О войне иудейской. II, 16, 4. // ВДИ. 1947. № 4.
- Формозов А.А.** Древние историко-этнографические области Европейской части СССР.// СЭ. 1958. № 5.
- Формозов А.А.** Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе.// СА. 1963. № 4.
- Формозов А.А.** Каменный век и энеолит Прикубанья. – М.1965.
- Фридрих И.** Краткая грамматика хеттского языка. – М.1952.

Х

- Хазарадзе Н.В.** Гекатеевы матиены. //Вопросы древней истории. – Тбилиси. 1973.
- Халиков А.Х.** Очерки по истории Марийского Поволжья в эпоху железа. //Труды Марийской археологической экспедиции. Том. II. – Йошкар-Ола. 1962.
- Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И.** Сванское село в прошлом. – Тбилиси. 1964.
- Хатанов А.А., Керашева З.И.** Толковый словарь адыгейского языка. – Майкоп. 1960.
- Хачатрян В.Н.** Восточные провинции Хеттской империи. (Вопросы топонимики). – Ереван. 1971.
- Хашба Л.Х.** Культура грецкого ореха в Абхазии. – Сухуми. 1950.
- Химшиашвили Л.** Некоторые вопросы реставрации (Цроми и Бедиа) // «Дзеглис мегобари» 1968. № 14. – Тбилиси.
- Хить Г.Л.** Дерматоглифика народов СССР. – М. 1983.
- Хить Г.Л., Асланишвили В.О.** Новые материалы по дерматоглифике населения Западного Кавказа. //Полевые исследования Института этнографии в 1982 г. – М. 1986.
- Хотелашвили М. К., Якопсон А. Л.** Византийский храм в селе Дранда (Абхазия) // ВВ. Том 45. – М., 1984.
- Хоштария Н.В.** Чхороцку // МИГК, Том II, 1941....
- Хоштария Н.В.** Цихисdziри. – Тбилиси. 1962.
- Хоштария-Броссе Э.В.** Из архива ученого. // «Мнатоби». 1990. № 5 (на груз. яз.).
- Хоштария-Броссе Э.В.** Архивные материалы проливают свет на «белые пятна» истории. //«Вестник Грузии». 1991. 12 февраля.
- Хоштария-Броссе Э.В.** Документы свидетельствуют. //«Вестник Грузии». 1991. 8 марта.

Ц

- Цагарели Г. В.** Мингрельские этюды. Вып. 1. –С-Петербург. 1880.
- Цвинария И.И.** Новые памятники дольменной культуры Абхазии. – Тбилиси. 1990.
- Цвинария И.И.** Археологические открытия на поселении Апсар // XXXVIII научная сессия АбНИИ. Тезисы докладов. – Сухуми 1991.
- ЦГВИА, ВУА .
- Церетели Г.В.** О теории сонантов и аблаута в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Предисловие // Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаута в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. – Тбилиси. 1965.
- Цулая Г.В.** Рецензия на кн.: **Глonti А.А.** Топонимические разыскания. – Тбилиси. 1971.// СЭ. 1972.№ 2.
- Ч**
- Чайлд Гордон.** Древнейший Восток в свете новых раскопок. – М. 1956.
- Чалмаз В.** Абхазское хлеб-соль.// Газ. «Апсны». 1919. № 28. (на абх.яз.).
- Чарая П.Г.** Об отношении абхазского языка к яфетическим. – СПб. 1912.
- Чебоксаров Н.Н.** Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.// СЭ.1967.№ 4.
- Челеби Эвлия.** Путешествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря. //ЗИООИД. Том. 9. – Одесса. 1875.
- Челеби Эвлия.** Книга путешествия. Вып. 3. Перевод и комментарии к главам II, III, VIII и X Г.В.Путиридзе.– М. 1983.
- Черняев П.Н.** Из истории кавказоведения.
- Чикобава А.С.** Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта. – Тбилиси. 1936.
- Чикобава А.С.** Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь – Тбилиси. 1938. (на груз. яз.).
- Чикобава А.С.** Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. – Тбилиси. 1942.
- Чикобава А.С.** Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. //Известия ИЯИМК. Том XII. – Тбилиси. 1942.
- Чикобава А.С.** Введение в языкознание. – М. 1953.
- Чикобава А.С.** П.Услар и вопросы научного изучения горских иберийско-кавказских языков.// Иберийско-кавказское языкознание.VII. – Тбилиси. 1955.
- Чиковани М.Я.** Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. – М. 1966.
- Чиковани М.Я.** Амираниани (грузинский эпос). – Тбилиси. 1960 и 1974.
- Чирикба В.А.** Баскский и северокавказские языки. //Древняя Анатолия.– М. 1985.

Чирикба В.А. Расселение абхазов в Турции // Приложение к кн.: Инал-Ипа Ш.Д. Садзы. – М. 1995.

Чирикба В.А. К новому прочтению Келасурской надписи. // Абхазоведение. Вып. V – Сухум. 2010.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана. «Бревиарий» Никифора. – М. 1980.

Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. – Новосибирск. 1984.

Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1957.

Чхатарашвили К. Надпись Абуласана Иобисдзе из Цебельды и ее историческое значение. // Вопросы истории Грузии феодальной эпохи. VI. – Тбилиси. 1990.

Ш

Шагиров А.К. Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. – М. 1982.

Шакирбай Г.З. Географические названия в Абхазии с элементом «ҧшь». // «Известия» АБИЯЛИ. Том III. – Тбилиси. 1974.

Шакрыл К.С. К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов. // Ученые записки АДНИЯЛИ. Том IV. – Краснодар. 1965.

Шакрыл К.С. О лексических и звуковых соответствиях в абхазо-адыгских языках. // Научная сессия, посвященная 10-летию кафедры абхазского языка и литературы. Тезисы докладов. – Сухуми. 1967.

Шамба Г.К. Ахаччараху – древний могильник нагорной Абхазии. – Сухуми. 1970.

Шамба Г.К. О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского района. // «Известия» АБИЯЛИ. Том II. – Сухуми. 1973.

Шамба Г.К. Тайна древнего городища. // Ж-л «Алашара». 1973. № 11. (на абх. яз.).

Шамба Г.К. Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе. // Материалы по археологии и искусству Абхазии». – Сухуми. 1974.

Шамба Г.К. Эшерские кромлехи. – Сухуми. 1974.

Шамба Г. К. Амфорные клейма Диоскурии // Труды АБИЯЛИ. Том V – Тбилиси. 1976.

Шамба Г.К. Эшерское городище. – Тбилиси. 1980.

Шамба Г.К. Погребение VI в. до н.э. близ Сухуми. // КСИА 1983.

Шамба Г.К., Шамба С.М. Раскопки древнего Гюэноса. // АОА. 1981-1982 гг. – Тбилиси. 1985.

Шамба С.М. Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до н.э. – XIII в. н.э.) – Тбилиси. 1987.

Шамба С.М. Гюэнос – I. – Тбилиси. 1988.

Шамба С. М. Очамчыра – один из древнейших городов мира // В кн. Очамчыра – 2500 лет. – Сухум. 2008.

Шанидзе А.Г. Язык и письмо кавказских албанцев. // Мацне». – Тбилиси. 1960. 1.

Шанидзе А.Г. Вопросы текстологического изучения «Жизнеописания царя царей Давида». // Материалы Первого международного картвелологического симпозиума. – Тбилиси. 1988.

Шелов Д.Б. Критическое выступление. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. – Тбилиси. 1979.

Шенгелия Н.Н. Османские источники по истории Грузии XV – XIX вв. – Тбилиси. 1974.

Шервашидзе Л.А., Соловьев Л.Н. Исследование древнего Себастополиса. // СА. 1960. № 3.

Шервашидзе Л.А. Некоторые средневековые стенные росписи на территории Абхазии. – Тбилиси. 1971.

Шервашидзе Л.А. Монументальная средневековая живопись на территории Абхазии. – Тбилиси. 1971.

Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии // «Этнография». 1926, № 1-2.

Щ

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Том II. – Екатеринодар. 1913.

Э

Элий Геродиан. Об общей просодии. // ВДИ. 1948. № 2.

Энциклопедический словарь. – Лейпциг. 1956.

Этимологический словарь картвальных языков.

Я

Яйленко В.П. Греческая колонизация VII – III вв. до н.э. – М. 1982.

Якобсон А.Л. Из истории средневековой архитектуры Крыма. // СА. 1940. № VI.

Яковлев Н.Ф. Языки и народы Кавказа. – Тифлис. 1930.

Büyüka B. Ö. Abhaz Mitolojisi Anagmi. – Istanbul. 1971.

Chirikba V. A. On the Etymology of the Ethnonym /apswa/ ‘Abkhaza // In: The Annual of the Society for Study of Caucasia, no.3. – Chicago. 1991.

Chirikba V. A. Common West Caucasian. The Rekonstruktion of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morfologiy. – Leiden. 1996. p. 402-432.

- Chirikba V. A.** Abkhaz . – Munchen. 2003.
- Cavaignac E.** L'extension de la zone des Gasgas a l'Ouest // RHA, I, 4, 1931.
- Colarusso J.** The Languages of the North West Caucasus. // McMaster University. – Hamilton. Ontario. October 22-23, 1976.
- Deeters G.** Armenisch und Südkaukasisch. // «Caucasica». f. 3-4. 1926 –1927.
- Deeters G.** Die kaukasischen Sprachen. //Handbuch der Orientalistik. Bd. 7. – Leiden-Köln. 1963.
- Dhorme E.** Les religions de Babylonie et d'Assyrie, 2 ed. – Paris. 1959.
- Dictionnaire étymologique la langue grecque.** – Paris. 1938
- Dirr Ad.** Über den Namen “Ubychen” // Orientalistische Studien. – Leipzig. 1918.
- Dumézil G.** Contes et Légendes des Oubykhs. //Travaux et Mémoires de l'institut d'Éthnologie, t. LX. – Paris. 1957.
- Dumézil G.** Études Oubykhs // Bibliothèque archéologique et historique de L'Institut Français d'Archéologie d'Istanbul. T. VII.– Paris, 1959.
- Forrer E.** Forschungen, II, 1 . – Berlin 1926.
- Forrer E.** Stratification des langues et des peuples dans le Proch-Orient, préhistorique. // (Asiatique). T. CCXVII 1930
- Forrer E.** Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches. // ZDMG, 2, 1922.
- Goetze A.** Kleinasien. – München.1957.
- Genesius** regum rec, C.Lachmann. – Bonnae. 1834. p. 32. **Theophanes Continuatus**, ed.I.Bekker. – Bonnae,1838.
- Hüsing G.** Die Völker Alt-Kleinasien und am Pontos. – Wien. 1933.
- Kammenhuber A.** Das Hattische. Altkleinasienische Sprachen // «Handbuch der Orientalistik», 1, Abt., 2. Bd., 1-2 Abcsch, Ltr 2 – Leiden-Köln, 1969.
- Knudtzon J.** Die El-Amarna –Tafeln. – Leipzig, 1915.
- Kiessling.** Ἡβριοῦ // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue bearbeitung begonnen von Georg Wissowa. Fünftehnter Halbband. – Stuttgart. 1912.
- Kollauz A.** Abasgen. Abasgia. //Reallexicon der Byzantinistik. R. A. Bd. I. Heft 2, 1968.
- Laroche E.** Études “protohittites” // PA, 41, 1947.
- Laroche. E.** Recherches sur les Noms des Dieux Hittites – Paris. 1947
- Luca Jean.** Relation des Tatares, percopites et Nogais, des Circassiens, Mingreliens et Georgiens
- Marquart J.** Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. – Leipzig, 1903.
- Mellaart J.** The End of the Early Bronze Age in the Anatolia and the Aegean. //AJA. vol. 62, N1, 1958.
- Mészáros Julius.** Die Päkhy-Sprache. – Chicago. 1934.
- Namitok A.** Origines des Circassiens. – Paris. 1939.
- Nicholas I Patriarch of Constantinople.** Letters.(Greek text and English transl. by R.H. Jenkins, L. g. Westernik) – Washington, 1973.
- Otten H. und Soucek V..** Ein althethitisches Ritual für das Königspaar – Wiesbaden.1969.
- Petrie Fl.** Origin of the Book of the Dead. 1926.
- Rosen Georg.** Ossetisch Sprachlehre nebst einer Abhandlung über das Mingrelische, Suanische und Abchasische. – Berlin. 1846.
- Ravennatis Anonymi.** Cosmographia et Gvidonis Geographica. – Berolini. 1960.
- Schuler F.** Die Kaškäer. – Berlin. 1965.
- Spenser. E.** Travees in Circassia, Krim-Tartary. Vol. I. – London. 1839.
- Tardy L.** The Caucasian Peoples and their neighbours in 1404. Acta Orientalia. – Budapest. t. XXXII (1), 1978.
- Vogt H.** Dictionnaire de la langue oubykh. – Oslo. 1963.

I. Именной указатель

А

Аазис

Абаев В.И

Абаз
Абаз Бакуриани/Пакуриан
Абаза (род)
Абаза/Абазасдзе
Абаза(член цар. Госдумы)
Абазг Грамматик
Абази
Аббаз
Абдушлишвили М. Г.
Або Тбилели
Абрагь
Абрамишвили Р. М.
Абуласан Иобисдзе
Абулфеда
Абхаз
Абшилава
Агафий Миринейский
Агрба
Агирппа Випсаний (см. Випсаний)
Адамиа И.
Аджинджал Е. К.
Аджинджал К.
Адзинба В. Г.
Адзинба З. И.
Адлейба М.
Адриан
Ака/Аки/Акибей
Акаба Л. Х.
Акаба Н. Т.
Акес
Алаша Лаша / см. Георгий Лаша
Алборов Б. А.
Алда
Александр Македонский
Алексеев В. П.
Алексеева Е. П.
Алексей I Комнин
Али (визир)
Али (евнух)
Ал-Идриси
Альбов Н.М.
Алшибая
Амамма
Аменхотеп III (1455-1424 до н.э.)
Амзалакия
Амзцба
Амиранашвили А.И.(Болтунова)
Амичба Г.А.
Амлет (Гамлет)
Ампар
Ампар М.М.
Анания Ширакаци

Анастасий
Анастасий Библиотекарь
Анастасий (имп.)
Аникст А.
Анна Комнина
Анна (груз.царица)
Аноним Сирийский
Аноним Картвельский (XII-XIII вв.)
Аноним Равенский
Аноним (Псевдо-Арриан)
Аноним (Псевдо-Скилак Кариндский)
Аносиды (абх. царская династия)
Ануа
Ануа-пха
Ануширван (Хосрой I)
Анхиал
Анчабадзе З. В.
Анчабадзе Омар
Аншба А. А.
Апакидзе А. М.
Апимарда
Аполлодор
Аппиан
Апполоний Родосский
Апполоний Тианский
Апса
Апсандзе
Апсараа (абаз.фам.)
Апсимар (имп. Тиверий III)
Апсинд (фрак. имя)
Апсит
Апсих
Апсуа (род)
Апсуа Муса
Апсырт Чанба
Апшилава
Араб
Аргишти I
Аргун X
Ардзинба В. Г.
Арел / Орел
Аристарх Колхидский
Аристоник
Аристотель
Аркадий (имп.)
Арнаут (фам)
Арриан Флавий
Артамонов М. И.
Артемидор Эфесский
Арчил (пров. Грузии)
Аршак II (арм. царь)
Аршакиды

Асандр
Асланишвили В. О.
Атабег
Атилла
Аублаа (род)
Аутлев П. У.
Афанасьев К. Н.
Ахба (род)
Ахвледiani О. М.
Ахемениды
Ахуба
Ачарян Р. А.
Ачба
Аш И.К.
Ашхацава С.М.

Б

А.
Баграт III (абх. II)
Баграт IV
Багратиды (арм.)
Багратиды (груз.)
Багратионы
Багратуниани
Бадридзе Ш. А
Бакрадзе Д. М.
Бакура
Бакуриани Абаз.
Бакуриани Григол
Баладзори
Балкаров Б. Х.
Барамидзе М. В.
Барануква
Бараташвили
Барга (Бага)
Баргайе (царь касков)
Барганджия Л. (абх. фам.)
Бардавелидзе В. В.
Барибан
Барней С.
Барнук
Бартоломей И. А.
Басария С. П.
Басилов В. Н.
Баша-Мелек
Бгажба О. Х.
Бгажба Х. С.
Бганба
Бегуа Омар
Белл Дж. Ст.
Бендукидзе Н. А.

Бения
Берадзе
Бердзенишвили Н. А.
Бердзнишвили К. И.
Берже А.
Берзек / Берзедж
Беридзе Ш. А.
Бесс
Бжания В. В.
Бжания Д. С.
Бжания Ц. Н.
Бибииков М. В.
Бир-аль-Кут
Блейхштейнер Р.
Бобренсуий А. (граф)
Боденштедт Ф. Р.
Бокарев Е. А
Болтунова А. И. (Амиранашвили)
Боуда К.
Браун Ян
Брашинский И. Б.
Бромлей Ю. В.
Броссе Мари
Брун Ф.
Брюсов А. Я.
Бубрих Д. В
Бунак В. В.
Бутба В. Ф
Бутба Силах.
Быджба

В

Вардан
Вардан Дадияни
Варданижвлара
Варданисдзе
Варлаам Иоасаф
Вартанов Г. А.
Василий Авазг (Абазг)
Васильева Т. Э.
Вахтанг (груз.царь)
Вахушти
Введенский А. Н.
Вейль Р.
Велизарий
Видина В. О.
Випсаний Агриппа
Вирсаладзе Е. Б.
Владимир Мономах
Владимиров Н. А.
Владыкин М.
Волкова Н. Г.

Вонон (арм. Царь)
Воронов Ю. Н.
Воротников В. И

Г

Габния К.
Габния С.
Габуния С. Л.
Гадагатль А. М.
Гадло А. В.
Гайдуквич В. Ф.
Гамба Ж. Ф.
Гамкрелидзе Т. В.
Гамисониа /Гамсания (потомки Апсуа)
Гамлет (Амлет)
Ган К.Ф
Гарданов В. К.
Гарцкиа Я. В.
Гасвиани Саша Д.
Гасвиани Дм.
Гаяне (свят.)
Гегель
Гегия И.
Гекатей Милетский
Гелланик
Генесий И.
Генко А. Н.
Георгиев В. Ш.
Георгий Авазг
Георгий II (абх.)
Георгий II (груз.)
Георгий III
Георгий IV (Лаша)
Георгий Мерчуле
Георгий Русский
Гераклид
Герасимов М. М.
Герберштейн С.
Гердер
Геродиан Элий
Геродот
Гесихий
Гетце А.
Гечь /Гечба/
Гзелишвили И. Г.
Гигинеишвили Г.
Гиннекен Ж.
Гиоргадзе Г. Г.
Гиппократ
Гиунашвили Д. Ш.
Глейе А.
Глonti А. А.

Гогебашвили Я.С.
Гоза / Гадзар / Гадзара (абх. имена)
Гозар (абх. царь)
Голенко К. В.
Голубцова Е. С.
Гордезиани Р. В.
Гохман И. И.
Грамматик Авазг
Грантовский Э. А.
Греков Б. Д.
Грен А. Н.
Григол Бакуриани/Пакуриан
Григолия Г.
Григорий (свят.)
Григорий /Георгий (царь Абасгии)
Грозный Б.
Губа
Губадзе / Губаз
Губаз I
Губаз II
Губз /Губзовцы / Губзаа
Гублаа Джгугу
Гуваз
Гудиса
Гулиа Д. И.
Гулиа Р. К.
Гумба Г. Д.
Гумбовы, Гумба
Гумбовцы
Гунба М. М.
Гурандухт
Гюльденштедт

Д
Давид Куропалат
Давид Сослан
Давид Строитель
Дадиани Вардан
Дамей ипха
Дамназ / Замназ
Данкевич-Пущина Н. А.
Даппер Ольферт
Даруква
Дахар/Дахара
Дбар
Дгебиа И. Х.
Дебец Г. Ф.
Дедабришвили Ш.
Деетерс Г.
Дельгер Фр.
Деревянко А.
Десницкая А. В.

Дестунис С. Спирдон
Дешериев Ю. Д.
Джавахишвили И. А.
Джанашвили М.
Джанашия Б. П.
Джанашиа Н.С.
Джанашиа С.Н.
Джанберидзе Г.К
Джапаридзе О. М.
Джаукян Г. Б.
Джафар (эмир)
Джгугуровцы
Джебелъ-уль-гиммет
Джения С.
Джинори-пхе
Джоуа
Джуаншер (груз. летописец)
Джуаншер (груз.)
Дзидзария Г. А.
Дзидзария/Дзария/Дзари О. П.
Дзидзигури Ш. В.
Дикшит К. С.
Диль Ш.
Диоген
Диодор Сицилийский
Диоклетиан
Дионисий Периэгет
Дион Кассий Коккеиан
Дмитрий (груз. царевич)
Дондуа В.
Дорофей/Дбар (Иеромонах)
Дотагод / Отаго
Думбадзе М.
Дунаевская И. М.
Дундуа Г. Ф.
Дюбуа Фредерик де Монпере
Дюмезиль Ж.
Дьяконов И. М.
Дьячков -Тарасов А. Н.

Е

Евагрий Антиохийский
Евдокия
Евдоксия (имп)
Евмел (царь Боспора)
Евстафий
Евтропий
Евфимий Ивер
Евфимий Магистр
Егоров Ал.
Езугбая
Ельницкий Л. А.

Епифаний
Еремеев Д. Е.
Еремян С. Т.
Ефрат
Ефрем Мцире

Ж

Жан де Лукка
Жиба/Жьиба
Жиров Е. В.
Жузе П.

З

Завадский М. Р.
Зайцевский Е. П.
Закарая П. П.
Замаровский В.
Замназ / Дамназ
Замятнин С.П.
Захарий Грузин
Зантараия В.
Званба С.Т.
Зимарх/Земарх
Зисман М. Н.
Золотарев А. М.
Зонара
Зухба (абх.род)
Зухба Александр
Зухба С. Л.
Зухбаия
Зыцарь Ю. В.

И

Иалмен
Ибн Исфандиар / Испандиар
Ибн Руста
Ибн Хаукаль
Иванов В.В.
Иванов С.В.
Иващенко М.М.
Иессен А.А.
Иесова / Ешсоу
Иехуда Бен Иакоб
Иисус Христос
Ильдегиз
Илларион Грузин
И.Н.
Инадзе М.П.
Инал (имя)
Инал-ипа Ш.Д.
Инапшба
Инарба

Инасаридзе З.П.
Ингороква П.Е.
Иниотеф (фараон)
Иоакимов А.
Иоаниди Н. Н.
Иоанн (апоэпарх)
Иоанн (военачальник)
Иоанн Златоуст
Иоанн Зонара
Иоанн Итал
Иоанн (кесаревич)
Иоанн II Комнин
Иоанн Лаз (Евнух, Иеротеос)
Иоанн Лукский
Иоанн Месх
Иоанн Петрици
Иоанн (виз. полков.)
Иоанн Цец
Иоанн Циба
Иоанн (эристав)
Иосаф
Иосиф Флавий
Ираклий (имп.)
Ирина (имп.)
Ирку А.
Исаак (цесаревич)
Исидор Харакский

К

Кавеньяк Э.
Кабарда Тамбиев
Кавтарадзе Г. Л.
Каждан А. П.
Каис
Какабадзе С. С.
Какубава
Каландадзе А. А.
Каллин
Калги /Колги
Калоев Б. А.
Калоноанн / Иоанн Комнин
Калги / Колба/ Колбая
Каменев Н.
Камменхубер А.
Каменецкий И.С.
Камгаз (абх.имя)
Канделаки Д.А.
Капанадзе Д.Г.
Капанцян Г.А.
Капба О.К.
Карл Великий
Карст И.

Касипа
Касландзия В. А.
Каухчишвили С.Г.
Каухчишвили Т.С.
Кац
Качибадзе-Гечба
Квабулел Отаго Чачасдзе
Квапсырген У.К.
Квезерели- Копадзе Н. И.
Квициния П. К.
Квициния С.
Квициния Я. С.
Кедрин
Кекелидзе К.С.
Керам К.
Керашева З.И.
Кечакмадзе Н.Н.
Кинжалов Р.В.
Кипшидзе И.
Кисслинг М.
Кису
Киут (род)
Киж/Кижв
Клавдий Птоломей
Клавдий Элиан
Клечков Н. Б.
Клапрот И.
Клеохар
Климов Г. А.
Клыч (абх – абаз. род)
Кожин В. В.
Коларуссо Дж
Колба / Колбая/ Колги (абх.род)
Коллауц А.
Конджария В. Х.
Кондратьев С. П.
Кондратов А.
Константин Абазгский
Константин II (абх.)
Константин III (абх.)
Константин Багрянородный (Порфиrogenет)
Константин / Кирилл
Корейш
Коркут
Коростовцев М. А.
Косвен М. О.
Кожин В.
Крамер С. Н.
Краснов А. П.
Кривенко М.
Крупнов Е. И.
Крушкол Ю. С.

Ксенофонт
Куаблыху
Куабулел
Куадзба
Куараса
Куаса
Куджба (абх. род)
Кудж/Куджи (имя)
Кудрявцев К.
Кузнецов В. А
Куйперс А. Х.
Кумахов М.А.
Курышвба А.
Кун Н. А.
Курашев Р. Р. (Куршев)
Куртене (Бодуэн де Куртене)
Куталандия К. У.
Куфтин Б. А.
Куча-пхе
Кучуберия Л. Е.
Кыжв(род)
Кыпса (абхю имя)
Кячь (абх.абаз.род)

Л

Лабарна
Лавров Л. И.
Ладария И. П.
Лаз
Лазарев В. Н.
Лазарев Л. И.
Лазба
Лазки
Лакоба Н.А.
Ламберти Арканджело
Ланг Д.
Ландульф Сагакс
Лап
Лاپинский Теофил (Тефик-Бей)
Ларош Е.
Ласария
Латышев В. В.
Лафон Р.
Лауан (Леон)
Лаша (Георгий IV)
Лаша Махмуд Куадзба
Лев III Исавр (имп.)
Лев Хазарин (имп.)
Левин И. В.
Левин М. Г.
Лейба
Лейбовы

Леквинадзе В. А.
Ленгтимур
Леониды (абх. династие)
Леон I
Леон II
Леонтьев А. А.
Леонтий Мровели
Леруа-Гуран А.
Лещенко А. Ф.
Ликофрон Халкидский
Липарит
Липшиц Е. Э.
Логинов В. А.
Ломоури Н. Ю.
Ломтатидзе К. В.
Ломтати-пхе
Лордkipанидзе Г. А.
Лордkipанидзе О.Д.
Лукка /Жан де Лукка/
Лукиан
Лукин А. Л.
Лукулл
Луначарский А. В.
Лурье С.
Лушба/Лушдзаа /
Людовик Благочестивый
Любин В.П.
Любарский Я.Н.
Люлье Л.Я.

М

Маан/Маргания
Маг
Магъ
Мазинг Уку
Маклакова Е.А.
Макалистер Р.
Макар Месхи
Макарий (патриарх)
Максим Исповедник
Маккуин Дж.Г.
Маласса (лаз. царь)
Маниах
Мануил (имп.)
Ману
Манча (имя)
Мараса (жен. имя)
Маргания Кац
Мард

Марин (апсил. влад.)
Мариам (царица)
Мариам Авасгисса (импер)
Маркварт И.
Маркиан (имп.)
Марковин В.И.
Маркс К.
Марр Н.Я.
Маршан / Маршьан /Маршания
Маршан Таташ
Марушиани Варданижвалара –
Марушидзе
Марчан
Массон В.М.
Массэ А.
Масуди
Махар (сын Митридата)
Махар/Махара (абх. адыг. имя)
Мацулевич Л.А.
Мачабели
Мачавариани Г.И.
Мдзаа / Мамдзаа (племя)
Мевали
Мейе А.
Мелик-Ахмед (паша)
Меликишвили Г. А.
Меликсе-Бек Л. М.
Меллаарт И.
Мемнон
Менабде Э. А.
Менандр
Менуа
Мерван-ибн-Мухаммед (Мурван Кру)
Мермероес
Мершье
Мершенье
Месарош Ю.
Месхиа Ш.
Мецопеци Товма
Мещанинов И.И.
Мзахуа (абх. имя)
Мзаа / Мамзаа (племя)
Мибчуани Т.
Микеладзе Т.К.
Миллер В.Ф.
Мина Медичи / Бжишкян
Минорский В.Ф.
Мир (пров. Грузии)
Мицхулава Г.
Мита
Митридат Лаз
Митридат V Эвергет

Митридат VI Евпатор
Митридат Пергамский
Митридат Филопатор Филадельф
Михаил II (имп.)
Михаил Атталиат

Мканба
Моавия
Моисей Хоренский
Монгайт А.Л.
Мровели Леонтий
Мунчаев Р.М.
Мурвалян А.
Мурван Глухой (Кру)
Мурзаев Э.
Мурзаев В.
Мурсилис I (хетт. царь)
Мурсилис II (хетт. царь)
Мусса /Муса
Мухелишвили Д.П.
Мыкуба
Мысылбай
Мыта
Мыс / Мсаа/ Мысраа
Мюллер Ф.

Н

Набед
Над
Налбандян В.С.
Намиток А.
Нанба
Наполеон
Напсо (Нэпсэу)
Нарзес /Нарсес
Наут
Нахар/Нахара
Нахогаран / Нохогаран?
Н.В.
Нерон
Низами Гянджеви
Никанор
Никифор
Николаев С.Л.
Николай Дамасский
Николай Мистик
Никон
Никонов В.А.
Никита Хониат
Нимфодор Сиракузский
Новосельцев А.П.

Нордман А.Д.
Нойман Ф.
Нуцубидзе Ш.И.

О

Овидий Насон
Одынец /Одинец
Окладников А.П.
Олу Абас
Омар (халиф.)
Омар Анчабадзе
Опсит (абх. царь)
Опсит (лаз.? царь)
Орбели И. А.
Орел/Арел
Орентий
Орлов Вад.
Отаго / Дотагод (абх.имя)
Откупщиков Ю.В.
Отрак
Оторогиус
Отрок
Оттен Г.

П

Павел / Павл (консул)
Пайчадзе Г.Г.
Палефат Абидосский
Памба (хатт. имя)
Памба (абх. имя)
Паничкина М. З.
Панченко Б. А.
Папаскир А. Л.
Папаскири З. В.
Папуашвили Т. Г.
Патканов К. П.
Пачулия В. П.
Пачулия Нарик
Пелопид
Пемба (абх. имя)
Первухин М. К.
Перисад (босп. царь)
Пестряков А. П.
Петр Ивер
Петр Кнафей
Петр (стратиг)
Петри Фриндерс
Пигулевская Н. В.
Пиндар
Пиотровский Б.Б.
Пифодорида

Пиххунияс
Пихассасисс
Платон
Плиний Секунд (Старший)
Плутарх
Подозерский К.И.
Полемон I
Помпоний Мела
Помпей
Попов А.И.
Потоцкий
Приск Панийский
Прокл Диадох
Прокопий из Кесарии
Псардиа (абх. фам.)
Псевдо-Арриан
Псевдо-Орфей
Псевдо-Скилак Кориандский
Пселл
Псынча
Птолемей Аристоник
Птолемей Клавдий
Пузо / Путо (абх. Апыза)
Пфаф В.
Пхакадзе Г.К.
Пшкяч ипа Манча
Пышвурчовцы
Пэч Г.

Р

Радде Г.И.
Раз
Рамзес II
Ратиани П.
Раш (имя в М. Азии)
Рашь (абх. имя)
Редер Д.Г.
Решь (абх. имя)
Рейнегтс Я.
Рес (м. имя)
Ресмаг / Рисмаг / Римага
Рипсима (свят.)
Робакидзе А.И.
Робава Г.В.
Розен Г.
Руставели Ш.
Русудан
Рчеулишвили Л. Д.
Рыбаков Б. А.

С

Сабанидзе Иоанн

Савлак
Савмак
Сакания М.
Саксон Грамматик
Салакая Ш.Х.
Самсон Грамматик
Саргон II (722-705)
Сардури II
Сасангаз
Саул
Саулах/Соулах (абх.имя)
Сафаз (абх. имя)
Святослав
Сезострис
Селезнев М.А.
Семенов В. Г.
Сердюченко Г.П.
Сенкиевич Юрий
Сидя / Сидяа / Сидовы
Сизов В.
Силагадзе А.
Симон Кананит
Скепарна
Скилак Кариандский
Скрипиль О.М.
Скуднова В. М.
Смирнова Я.С
Смоленский С.
Собадак
Соловьев Л.Н.
Соселия Г.К.
Сосновкин И. М.
Сотерих
Соулак
Соучек
Софокл
Софроний (епископ)
Спадаг
Спадакуа / Спадак (абх.имя)
Спедага
Спартокид
Спенсер Э.
Старостин С. А.
Стахемфак (царь зигов)
Стефан Византийский
Страбон
Стражев В. И.
Стратановский Г. А.
Стратофил
Струве В. В.
Сукваровцы
Сулава Г. Г.

Сулейман II Кануни
Сулиникатти
Суппилиумас (1380-1340)
Суюнчев Х. И.

Т

Тай
Тагу
Тамара (царица)
Тамбиев Кабарда
Тарба
Тарди Л.
Таркил К. М.
Таркил Катана
Тар-пха
Тата (абх.имя)
Таташ (апсха)
Тах/Таха (абх.имя)
Тацит Корнелий
Тенишев Э. Р.
Теофраст
Тердет
Тефик-Бей
Тиберий III (Апсимар)
Тиглатпаласар I (асс. царь)
Тиглатпаласар III
Тизенгаузен В. Г.
Тизенгаузен О.
Тимосфен
Тихомиров М.Н.
Тлапс (абх. имя)
Товма Мецопеци
Токарев С. А.
Толстов С. П.
Томашек В.
Торнау Ф. Ф.
Трапш М. М.
Траян
Трибониан
Тромбетти А.
Трофимова Т.А.
Трубачев О.Н.
Трубецкой Н.
Туана (мисс. прав.)
Туанба (абх. фам.)
Тураев Б.А.
Турчанинов Г.Ф.
Тхуаз (абх. имя)

У

Уазба/Возба (абх.-абаз. фам.)
Уварова П.С.
Удальцов А.Д.
Удальцова З.В.
Улигаг (виз. воен.нач.)
Ун -Амун
Урусбиев И. Х.
Услар П. К.
Успенский Ф.
Ушаков П. Н.
Уча

Ф

Фадеев А. В.
Фарасман (карт.царь)
Фарнак
Фарсман А. Е.
Фаворин (философ)
Фасмер М. Р.
Фафорин
Федоров Я. А.
Фелицин Е. Д.
Феодор (Тирон)
Феодора (царица)?
Феодора (имп. VIв.)
Феодорит Кирский
Феодосий (абх.царь)
Феодосий Слепой
Феофан Исповедник
Феофил (имп.)
Фераизи
Ферекид
Ферран
Филипсон Г.И.
Филострат Афинский
Флавий Иосиф
Фогт Х.
Фома Славянин
Фонкич Е. Л.
Форрер Э.
Формозов А. А.
Фофорс
Фредуче Анконский
Фридрих И.

Х

Хагуш М.
Хагуш Т.
Хада (мисим. предв.)
Хазарадзе Н. В.

Хакани
Хаккерт А.
Халед-Бен-Велид
Халиков А. Х.
Хантили I (хетт. царь)
Харабз (ж. имя)
Харадзе Р. Л.
Хараз / Хазар (абх. имя)
Харазия В. К.
Харазия/Хазария (Пхазрия)
Хатанов А. А
Хаттушили II(хетт. царь)
Хачатрян И. Н.
Хашба Л. К.
Хварцкия М. Х.
Хвынча
Хиба/Хибба (абх. род)
Хибба Л.
Хигани
Химшиашвили Л.
Хить Г. Л.
Хозрет-Али
Хосрой I Ануширван
Хотелашвили М. К.
Хоштария Н. В.
Хоштария-Броссе Э. В.
Хрипс
Христос
Хрушкова Л.Г.
Хубуа
Хутаба Рашь
Хутпа
Хыбры ипа

Ц

Цагарели Г.В.
Цанба / Цандба / Цамба
Цате / Цата / Цафит / Цатий
Цвижба И. Д.
Цвинария И. И.
Цезарь Ю.
Цец И.
Церетели Г. В.
Циколия М. М.
Цицинадзе М. В.
Цулая Г. В.
Цыбла / Цибла (абх-абаз.род)
Цыблы (абаз.род)
Цымц
Цышвба Рашь

Ч

Чайлд Гордон В.
Чалмаз В.
Чалмаз
Чамаз
Чанба Апсирт
Чарая П. Г.
Чачба
Чачасдзе Отаго (Дотагод?)
Чачибая
Чачхалия Д. К.
Чебоксаров Н. Н.
Челеби Эвлия
Черняев П. Н.
Чикобава А. С.
Чиковани М. Я.
Чимса
Чирикба В. А.
Чичинадзе З.
Чичуров И. С.
Чкадуа Л. П.
Членова Н. Л.
Чочуа Я.
Чуаз (абх. фам)
Чукбар (абх. род)
Чурсин Г.Ф.
Чхатарашвили К.
Чыркса (ж. имя)

Ш

Шагиров А.К.
Шакирбай Г.З.
Шакрыл Е.П.
Шакрыл К.С.
Шамба Г.К.
Шамба С.М.
Шанидзе А.Г.
Шарден
Шария А.Р.
Шат-ипа Н.
Шеварднадзе Э. А.
Шеворошкин В. В.
Шекспир В.
Шелов Д. Б.
Шенгелия Н. Н.
Шервашидзе (род.)
Шервашидзе Дотагод
Шервашидзе Л.А.
Шервашидзе Михаил
Шиллинг Е. М.
Шильтбергер Иоанн
Шинкуба Б. В.

Шлюмбергер
Шухардт Г.
Шюлер Е.
Шьябаз
Щербина Ф. А.

Э

Эберс Г.
Эби-Софиан
Эвмел (босп. царь)
Элькалькашанди Шихабеддин
Элий Геродиан
Энгельс Фр.
Эсвед-вен-Мокдад
Эсхил
Эшсоу
Ю
Юлиан (апсил.царь)
Юрченко П.

Я

Яйленко В. П.
Якобсон А. Л.
Яковлев Н. Ф.
Якут

II. Теонимы, Мифологические образы, Святилища.

А

Аац – ныха (с. Аацы)
Абнауаа (лесные люди)
Абра-камень
Абрасет – легенд. город
Абрскил
Абчрхук
Абыр-ных
Аг – божество морского побережья
Ага – ныха (святилище в с.Адзюбжа)
Аг – ныха (с.Калдахвара)
Агиалей (одно из прозвищ Апсирта)
Агнис – (хатт.)
Адад – бог небесных стихий (хатт.)
Адауы – сказ. Великаны
Адны икоу – души предков
Адыд – бог грома (абх.)
Ажвеипшаа
Айнар жьи
Айерг
Айтар (абх.)
Ай-Тар (хатт.)

Айрых / Эйрых (с. Аацы)
Айтар ных
Ала зшыыз
Александра
Алышькынтр
Амазонки
Амамма – (хатт.)
Амарантские горы
Амбыр-ныха
Амза
Амза – шха (Лунная гора)
Амдзных или Амзных
Амзныха (с. Псху)
Амиран / Амирани
Амирм
Амра
Амран
Амыр
Амыш
Амцын-ныхва
Анахомста –Аныха-пста
Аныпс
Аныпс – ных Лдзаа -ных
Ан-божество вообще (абх.)
Анан / Анана Инана
Анана-Гунда
Анан-Лдзаа-ных
Анапа-Нага
Анантвара – («тронное» место Ананы)
Анахомста (за Гаграми)
Аныпс-ных
Андрей (апостол)
Аныцвахэ – молитв. славословие божеству
Анцили (хатт)
Анцва (Всевышний)
Анцэа
Ан-Бык(?) или Мать-Бык(?))
Анапа нага
Аныпс-ных (с. Ачандара)
Аныхамца (с.Анухва)
Аныхамца (с.Джгерда)
Аныха – Лапырных (с. Блабырхва)
Аныха –баа
Анан / Анана
Аныха – паара (на р.Келасури)
Аныхва
Аныхвара (моление)
Апса – (пихта – свящ. дерево)
Апсат
Апсат /Афсат (осет.)
Апсирт
Апсу (Абзу) (морская бездна, храм бога Энки)

Апсцваха (дух смерти)
Апулуна (хатт)
Апсху - ныха
Апсабара (мир, вселенная)
Апса- пихта священная дерево
Апсататв – (жертв.животное)
Апсхура – (поминки)
Апсха (царь)?
Апша-ныхвара
Арашь (сказ.конь)
Арго
Аргонавты
Армаз – хатт.
Аттис
Аублаа – рныха (г. Сочи)
Афы
Афыпс (св.место)
Афырхаца (абх.)
Ах- ду
Ахаш – ных (с.Алахадзы)
Ах- ду
Ах- ных (в 15 км. от Гагр)
Ахуаных (с. Калдахвара)
Ацаны – миф. карлики
Ачышашана – (божество лошадей)
Ашхуаныхвара – корабельное моление
Аэт (Аиэт, Ээт) –царь мифической Колхиды

Б

Богиня солнца – хатт.
Богородица
Босели-Босла
Белоснежка
Бит-апси – (дом Апсу)
Бцента – миф. карлики (осет.)

В

Варда-ных
Варлаам и Иоасаф
Варха-ных
Великая Мать
Великая Мать Анана
Венера
Висхв
Влахернская Богоматерь
Всевышний

Г

Гагра-инхуу

Гаянэ (свят.)
Гелиос
Геракл (местный, кавказский)
Гефест
Гипсипила
Гунда
Гунда Пшдза / Гунда Прекрасная
Гумба-рныха (с.Куланырхва)
Гумирты (сказочные великаны)
Гырджи

Д
Дамакъя
Джабран (бож. коз)
Джаджа (богиня урожая)
Джахашькар (с.Цебельда)
Джахашькар (с.Члоу)
Джинёф
Джирху-ных (с. Джырхуа)
Дзиуоу
Дзызлан
Дигенис Акрит
Диоскуры
Дипсак
Дулдул – (легендарный конь)
Дыдрыпшь – (с. Ачандара)
Дыдрыпш-Аныпс-ных (с.Ачандара)

Е
Е-абзу
Ебырныха
Елыр-ныха (с.Илори)
Енки
Енча-Ненча (ср. с Анцва-Нанцва)
Ерг-Ахат-ныха
Ерыш – богиния тканья и рукоделия
Ет-ных (с.Калдахвара)
Ерцаху – (Священная гора)
Ешыр-ных (с.Эшеры)

Ж
Жвабран – божество коров

З
Змей (миф.)
Зосхан
Зевс

И
Иашхуари(?)
Илыр-ных

Инана / Инанна
Инал-Куба (в Псху)
Инар
Инара
Инантия
Иштарь

К

Калипсо
Кассандра
Кастор
Кекропы – миф. карлики М.Азии
Кибела
Кипсел
Кирка
Коркут
Куджи
Кукун / Кукуна – божество льна
Къач-ных (с. Джгерда)
Къач-ных (с. Кутол)
Кеч-ноха (Киач-ныха)

Л

Лап-р-ных – (святил. Лаповых)
Лапуныха – (верх. р. Кудепста)
Лапырныха – (святилище)
Лацунхуа т.е. Лацу-ныха
Лашкендар – (с. Ткварчал)
Лашара
Лашароба – (рел.праздник)
Лваханых – (с. Отхара)
Лдзаа-ных – (Лыдзаа-ных)
Леиаа рныха – (с. Мгудзырхва)
Лета – (миф.река забвения)
Лиашв-ных – (бл. Адлера)
Лых-ных – (с.Лыхны)

М

Ма
Макъапсыс
Магомет
Мард
Мард-ипа Марда-соу
Мармал-Абаа
Мать богиня Земли – хатт.
Мача-ныха
Медея
Мезитха
Мезлануква – (черк. лесной человек)
Мезцыф – (лесной человек)
Мелиа Телепия – (сван.)

Мтаргелаз – (с. Лыхны)
Мусхв – (сван.свят.корова)

Н

Наа-ныха
Нан
Нана
Напур-ныха
Нарт
Нарты
Нар
Нарджхьоу / Нарчхоу
Нептун
Нипсея

О

Огигин – (свят.пещера и остров Кирки)
Оггин – (свят. абх. пещера и бык)
Одиссея
Океан – миф. река вокруг ойкумены
населенной земли
Олимп
Олинуха (с. Калдахвара)
Олинуха / Алоуныха – (Садзен)
Опс
Орентий
Орел / Арел
Очокочи (мегр. лесной человек)

П

Пантелеймон – (святой)
Пасифая
Пелопс
Перса
Пигмеи – (кавказские)
Пигмеи – (египетские)
Пихассасис (хатт.)
Полидевк кастор
Поллукс
Посейдон
Прометей
Псатха
Психея
Пскал – (с.Джгерда)
Псху-ных
Псху – итоу
Псы – душа
Пуснабуасдни (сванс. владыка неба)

Р

Рашь, рерашья

Рея
Решь
Рипсимэ – (святая)
Рутас

С
Савмак
Сатанай – (сван.)
Сатаней
Сатаней-Гуашья
Сасрыква
Симон Кананит – (апостол)
Солнца богиня
Сосруко
Сосруква – (сван.)
Сотерос
Спи – (миф. карлики адыг.)
Стикс – (мифол. пограничная река
с потусторонним миром)

Т
Тавропола
Татартуп – (св. местность)
Тару / Тар / Дару – (хатт.)
Тгылаху – (бас. р. Мачары)
Телепинус – (хатт. бог)
Терпсихора
Тесуб / Тешуб – (хуритт. бог)
Тлепш – (адыг. бог)

У
Уас Гырджы – св. Георгий (осет.)
Уасхуа
Уашхо
Уашхо-Махо / Ошха- Махо
Уассха (осет.)
Уасха – (осет. дигор.)
Улликуми
Усхвай – (сванск.святц.бык)

Ф
Фаэтон – (Апсирт)
Федор Тирон (св.)
Филлеид

Х
Хабиж/Хабджа – (сван.)
Хазаратаалы
Хазрет-Али
Хайт / Эт
Харабз

Харибда
Хбы-иных – (с. Ачандара)
Хважарпыс – (нарт)
Хепа – (хуррит. богиния)
Хозрет-Али
Христос Спаситель
Хуапшыа-ныха – (с. Блабырхва)
Ху-ных – (с.Хуап)
Хупасияс – (хатт.)

Ц

Цании /Ацаны
Цаных – (ок.Сочи)
Цвицв – (нарт)
Цоппай – (осет.)

Ч

Чагурханных
Чоп – (дух очага, возможно божество
надочарной цепи)
Чыгу-рных – (за Гаграми)

Ш

Шашвы – (бог-кузнец)
Шьагунаха – (с.Окуми)
Шьагунаха – (Гал район)
Швджина-ныха – (с.Окуми)
Швджы-ныха / Дапуныха

Э

Энки (Енки) – (морской бог)
Энцу
Эт/Хаит – божество моря
Эт-ных – капище бога на побережье
в с. Калдахуара.
Эя (Ээя) – город , остров и страна
Ээт / Аиэт – Царь Колхиды

III. Географические названия

А

Аалдзга / Галидзга

Аапсы (р.)

Аацы (с.)

Аачарыпшь/Аачрыпшь

Абаарук

Абаата (кр.Гагра)

Абавюа (ущ.)

Абаза (р.) (Алаза)

Абаза (мест.)

Абазаки/Абхазия

Абазгос – (Абасгос) (р.)

Абазгия – (Абогазия , Абоказия, Боказия, Афгазия,
Абазакия, Абасгия, Авазгия, Авасгия, Абогастес и др.)

Абазинское – (Абхазское) море

Абазия

Абасгос (р.)

Абасия / Абазия

Абаск (р.)

Абжарские высоты – (бл. Кутаиси)

Абжуа

Абиссиния

Абсар / Апсар – (река и крепость)

Абсар – (р. Чорохи)

Абсилис /Апсилис (р.)

Абсилия/Апсилия

Абсне (Апсны)

Абрасет

Абу-Шахрейн

Абхаз (гор.)

Абхаз (страна) Апхаз

Абхазия Южная

Абхазия Абжуйская

Абхазская крепость
Абхазская стена
Абхазские горы (Апсуа шхаква)
Абхазское княжество
Абхазское царство
Абхазское побережье
Абхазаши нохори (Абастум. р-н)
Абхазшига (мест.)
Абшилетия /Апшилети
Абшилия /Апшилия
Абшилк
Аварский каганат
Аваза/Абаза
Авлония
Австралия
Авхида (пос.)
Агван
Агидаква – (Аджария)
Агпста
Адапазары – (гор.)
Адау ибнара – (мест.)
Аденг
Аджария
Аджбна – (в низ. р.Кодор)
Аджапс – (р.)
Аджупсан – (в устье р. Кодор)
Адзгара – (сел.)
Адзгара – (р.)
Адзиква – (р. в Очам. р-не)
Адзиква – (Адзиквис сакдари – церковь)
Адзхыда (р.)
Адзюбжа – (село)
Адлер
Адлерский район
Адриатическое море
Ажашвари
Азантха
Азараба – (пос.)
Азербайджан
Азербайджан (иранский)
Азих
Азия
Азия/ Передняя Азия
Азовское море
Азра
Аймара
Айя/Аия
Акамписис/Акампсеон
Аква – (мест.в Аджарии)
Аква – (Сухум)
Акра
Акуараа

Алада – (Ахалкал. р-н)
Аладжа-Хююк
Алаза /Абаза
Аланда – (в Абх.)
Аланда – (М. Азия)
Аланда / Ланда (хет.)
Алания
Алаза
Алазань
Алазия – (гор. на р.Одрисс)
Алахадзы – (село)
Алашара – (мест.)
Албания
Албания Кавказская
Александровское – (село)
Альпы Абхазские
Алцвипсра –(пос. в с.Хуап)
Амарантские горы
Америка
Амьен (город)
Амзара
Амза-шьха
Амткел / Амткъал
Амшын – (море)
Амшын Еикъуа
Анакрия /Анаклиа
Анакопийская крепость
Анакопия
Анакопста
Анапа
Анатолия «Восточная»
                  «Северо-восточная»
                  «Центральная»
Ани – (Армения)
Антиохия
Анхуа /Анухва
Анчи /Анча – (Анчисхати , церковь в Батум.
                  обл. Хандзта и вТбилиси)
Апсагча – (гора у верх. р.Гега)
Апсар /Апсара – (крепость, гавань, город)
Апсара – (р.)
Апсара – (гора)
Апсарунт
Апсатыгура – (гор. мест. в Гуд. р-не.))
Апсашха – (горы в Оч. р-не)
Апсил – (страна)
Апсилия/Абсилия
Апсирт – (древ. гор.)
Апсирт – (остр.)
Апсиртида
Апсиртидовы острова
Апскнахарта

Апсны / Абсны
Апсуа – (абаз.аул – быв. Чагерей)
Апсуа шхаква – (Абхазские горы)
Апсушта / Пуста / Пустус – (Апушта?)
Апхазети
Апсха идзихь – (мест.)
Апсха-Кетамовка
Апсцва рыкнахарта
Апушта
Апшилети / Апшилиа
Арабистан
Аравийский полуостров
Аравия
Араква (Ахалкалакский р-н)
Аракс – (р.)
Аран/Албания
Арацани – (р.)
Ардануци – (крепость)
Арзаул – (сел.)
Аринна – (хетт.гор.)
Арипса – (крепость)
Арктур – (р.)
Арнаутское царство
Армениакос
Армения
Армения Малая
Армянское нагорье
Армянское царство
Арпа/Арпаг – (р.)
Ар-рымюа – (военная дор.)
Архабе – (Архабис, Архавесу)
Археополис
Археополь
Арцава – (древн. государства)
Арюта – (село)
Аспара – (Апсара)
Аспа / Апса
Ассирия
Астелеф/Астелф (р.)
Асхарпа – (Ашхарпайя) (гора)
Атара – (с.)
Атина
Ауадхара
Аугаз
Аутль – (гора)
Аух – (креп.)
Афины – (пункт на юж. побережье Ч. Моря)
Афон
Африка
Африка Северная
Аха
Ахадара (р.)

Ахалкалакский р-н
Ахбакыт
Ахей
Ахей – (р.)
Ахеунт – (р.)
Ахибла
Ахо – (мест.)
Ахийява – (древн. госуд.)
Ахипс /Ахыпсы – (р.)
Ахубырдыхъ
Ахчипсы/Ахчипсу – (совр. Красная поляна)
Ацамкуара
Ацана – (Гурия)
Ацвидж-мца
Ацкур
Ацци-Хайаса – (древн. госд.)
Ашуя
Ашхарпайя – (Асхарпа)
Ашхарацуйц
Ачадара
Ачандара
Ачапара
Ачгуара
Ачдзы
Ачигвара
Ачипсоу
Ачирха
Ачква – (мест. в Адж.)
Ачмарда – (пос.)
Аю-Даг

Б
Багаванский храм – (Амения)
Багбаран
Багрыпта – (река)
Багрыпш
Базгун
Бактрия / Бактриана
Балк
Балканы
Балканский полуостров
Барда /Бардави
Бармыш – (село)
Баса
Басгун
Басиани /арм. Басен, Басиан, тур. Пасин
– (сев.-вост. М.Азии)
Басиани – (обл. в верх. р. Рион)
Батис – (р.)
Батраха – (пос.)
Батуми

Батумская область
Бачково
Башкапсара – (Гал.р-н)
Башкапсара – (Псху)
Башкапсарские рудники
Баярыпш
Бзана
Бегерепста
Бедия
Беслетка / Баслата
Бжилва
Бзана
Бзыбский бассейн
Бзыбь – (село)
Бзыбь– (река)
Библ
Бир-аль-Кута – (гор.)
Блабурхва
Ближний Восток
Бобоквати
Бове – (город Фр.)
Богазкёй
Боква
Болгария
Болгария Великая
Большой Зеленчук /Зел.Бол.
Большой Кавказ
Бор
Боргис – (р.)
Борчалинский уезд
Боспор
Боспор Киммерийский
Боспорское царство
Брухонт
Бу /Буу
Буколус
Бурка (р.)
Буршаханда /Пурусханда
Бухлоон
Бышта (р.)

В

Вавилон
Вавилон-Град
Вавилония
Вавилонское царство
Вани
Ванское озеро
Вардан – (река)
Вардзия

Васпаракан (гос.)
Великое – (Верхнее) море
Великая Абхазская стена
Великая Армения
Верхнее море
Верхний Ефрат/Ефрат Верхний
Верхний Нил
Венеция
Византийская империя
Византия
Висбаден
Витеру/Витерухи
Вифлеем
Военная дорога (Ар-рымюа)
Военно-Сухумская (Военная дорога)
Военно-Грузинская дорога
Войсковая дорога
Волга
Волошское
Воронцовские пещеры
Восток Древний
Восток Ближний
Восток Дальний
Восточная Европа/Европа Восточная
Восточная Грузия
Восточный Понт/Понт Восточный
Восточно-Понтийские горы
Восточное Закавказье/Закавказье Восточное
Восточная Европа/ Европа Восточная

Г

Гага
Гагра Новая
    Старая – (Абаата)
Гагрская крепость
Гагрский грот
Гагрский район
Гагрыпш
Гал /Гали
Гальский р-н
Галидзга (р.)
Галис – (р.)
Гальский район
Гамир
Гантиади – (Цандрипш)
Гбапшыра
Гвада – (сел.)
Гвандра
Гегечкорский район

Геджас
Гелати
Гелатская Академия
Геллеспонт
Гениохия
Генцвиш / Левый
Гегечкорский район
Герзеул
Гераклей (р.)
Гераклей – (мыс)
Гераклея Понтийская – (город)

Гессирий или Тесирий (р.)
Гечьрыпш
Гипп (р.)
Гиресунт/Керасунт/Фарнакия
Гонио/быв. Апсирт
Горгипия
Горная Чечня/Чечня Горная
Горный Кавказ
Греция Древняя
Грузинское царство
Грузия Восточная
Западная
Южная

Гуад-иху
Гуандра (р.)
Губазоули (р.)
Гудаа /Гудава / Гудаква
Гудаута
Гудаутский массив
Гудаутский район
Гудаква
Гудава
Гулрипш – (Гульрипш)
Гума
Гумм – (мест.)
Гумм – (Гумма) (ущ.)
Гумати
Гумбста
Гумпста (р.)
Гумрыш/Гумуриши/Гумрипш
Гумский перевал
Гумская земля
Гумская (Кумская) долина
Гумиста – (Гумпсы)
Гумистинское ущелье
Гумистинский курган
Гумистинский курганный мог-к
Гумлокт
Гумпсы /Гумиста
Гумрика

Гумрыпш
Гумсы /Гумпсы
Гумуриши
Гунрхуа
Гуп
Гупсы – (Оч. р-н)
Гурзан – (Грузия)
Гурия
Гхассульская культура
Гюэнос/Гиен

Д

Дабла-Гоми
Дагва
Дагестан
Дагестан Центральный
Дагуа – (гора в Адж.)
Дайаэни – (древн. гос.)
Дакия
Дал
Дамаск
Дапукыт/Допуакыт
Дарука
Даринский путь
Дарыквакыт
Дарьял
Дарьяльский перевал
Дарьяльское ущелье
Дахара – (местность)
Двуречье
Дгамыш
Дезрыпш
Делония
Дербент
Дербентский проход
Джбаара
Джал
Джампал
Джахашькар
Джгерда
Джебелье
Джебелье (гор.)
Джемдет-Наср
Джигетия /Джикетия
Джирхва
Джишра
Джоруг
Джогура (побережье)
Джантух (гора)
Джурзийа (Грузия)
Джуруквети

Дзижвдзих
Дзиа́та
Диаухи – (древн. гос.)
Диври́ги
Диоскуриада/ Диоскуриа
Дирапс (р. в Колхиде)
Длинные стены
Дманиси
Днепровские пороги
Дон
Дор (город)
Дракон (р.)
Дранда
Древний Египет/Египет Древний
Древняя Русь
Дуабзу
Дука (мест.)
Дуката
Дукаты (горы)
Дунай
Дурипш
Дыдрыпш

Е

Евразия
Европа Восточная
          Западная
          Северная
          Центральная
Европейская часть
Евфрат
Егер (Лазика)
Егерквай (адыг. аул и племя)
Египет
Егры (р. Ингур по абх.)
Егры (речка в Гуд. р-не)
Егури /Егриси (р. Ингури по груз.)
Егриси (страна)
Ерцаху
Ерцкар
Ерцкар/Юардзы
Ешрыпш
Ешыра

Ж

Жвакуара /Жокквара
Железные Ворота (на Дунае)
Жибиани

Забаха
Закавказье Восточное/
Западное
Центральное
Южное
Закавказский край
Закавказье Южное/Юж.Закавказье
Закубанье
Запад
Западная Грузия
Западная Европа/Европа Западная
Западный Кавказ/Кавказ Западный
Звандрыпш
Зеленчук Большой /Б.Зеленчук
Зигана – (перевал в Турции)
Зиганис – (мест.в Абх.)
Зиганий – (в Абх.)
Зигополь – (Мал. Азия)
Зугдиди
Зугдидский район

И
Иапсха (гора в окр. с.Дурипш)
Иберия / Иверия
Иверская гора
Иганиехи/ Игани / Ия
Ильбессан
Иллирийское побережье
Иллион /Троя (гор.)
Илори/Илор/Илыр
Имеретия
Ингури
Ингури ГЭС
Инд
Индия
Инджик-Чукун
Инжиг
Инкит (оз.)
Ирак
Иран
Иран Сасанидский/Сасанидский Иран
Иранский Азербайджан
Исис (р.)
Италийская метропия

Италия

К

Кааба-и- Зардушт
Кабарда

Кабардино-Балкария
Кабх (Кавказ)
Кабуранда (Kaburanda – Кабурнат)
Кавказ Большой
    Восточный
    Горный
    Западный
    Северный
    Северо-восточный
    Северо-западный
    Центральный
    Южный
Кавказская Албания
Кавказские горы
Кавказский перешеек
Кавказский хребет
Кавказское побережье
Кавказское Причерноморье
Калдахвара
Калдахварский грот
Каменноостская станция
Кани (мест.)
Каппадокия
Капсы (р.)
Капшара
Кара-су/Зап. Ефрат
Кара-Хисса
Кариент (р.)
Кария
Картли
Касахия
Касипа
Каскейская гора
Каску /Каска – (страна)
Каспий
Каспийские ворота
Каспийское море
Катарза
Кахетия
Кахети
Квараса / Аквараса (мест.)
Квараши
Кегритика
Келасури
Келасурская стена
Керасунт
Керченский пролив
Керчь
Кефар (р.)
Кецесон
Кианей (р.)
Кигн/Кинг (гор.)

Киевская русь
Кижинара
Кизинка
Киево-Печерская Лавра
Киликийский Тавр
Киликия
Килхи
Кинапс
Киндари
Киндги (с.)
Кипр
Кир
Киркипал (мест.)
Кису
Китея/Кутаиси
Кицватна
Кичмай (с.)
Кларджети
Клухорский перевал
Клыч (р.)
Кобулетский район
Кодор «Малый» – (Абхазия)
Кодор – (бас. р. Риони)
Кодор/Кодори – (р. Абхазии)
Кодор – (р. в Мегр.)
Кодори – (села в Мегр.)
Кодор – (гора)
Кодори – (Цхак. район)
Кодорский бассейн
Кодорская гора – (бас.р.Риони)
Кодорский участок
Кодорское ущелье
Колика
Колхида
Колхида Северная
Колхидская низменность
Колхидское царство
Комана
Команский грот
Конский воды
Константинополь
Конья
Коракс – (р.)
Корак – (р.)
Коракс и Корак – (Крым)
Коракс – (Греция)
Кораксийская страна
Кораксийская стена
Кораксика
Кораси
Корсика
Корусия – (пос.)

Котиора
Кошехабль
Красновосточный
Краснодарский край
Красный Восток
Красный Маяк (Сухум)
Крумхул
Крым
Куараса (мест.)
Кубань
Кудепста
Куджрыпш
Кудзхылпа (ущ.)
Кудры /Кодор
Кукунда (пос.)
Куланурхвинский могильник
Куланрхуа/ Куланырхва
Кулха /Килхи
Кума (р.)
Кура
Кур
Кута /Кыта /Кутаиси
Кутаисская губерния
Кутаиси/Кутатиси
Кутол (с.)
Кызыл-Ирмак
Крым
Крымские степи

Л
Лаба (р.)
Лабра
Лавинный грот
Лавра
Лазаревский район
Лазика
Старая Лазика
Лазистан
Лазское царство
Лакрыпшь
Лампсак – (города в Греции и Мал. Азии)
Ланда – (хет.)
Ланчхути
Лапста (р.)
Лапсха – (мест.Саван.)
Лапрных /Лапырных /Лап
Лаша – (гора в Абхазии)
Лашпсы (р.)
Лдзаа – (сел.Абх.)
Лейпциг
Лемнос
Ленинакан

Лечхуми
Лик (р.)
Лихи
Лихт-Имеретия
Лосорион
Лоукыт / Локт / Гумлокт
Лузитания
Луша/Лоса/Ласа
Лыхненская поляна
Лыхны

М

Маговский холм
Маджара (Сев. Кавказ)
Мазарипшъ
Майкоп
Майкопский курган
Македония
Малая Азия Восточная
Северо-восточная
Малоазийское побережье
Малтаква
Мамисонский перевал
Мамисоно-Дарьяльское ущелье
Мамдзишха – (гора)
Манганы – (Константинополь)
Мангуп
Марийское Поволжье
Мармал-абаа
Марухский перевал
Марыху
Матий (гор.)
Махелония
Мачара/Маджара
Мачарское поселение
Мачарыпш
Мацеста
Мгудзырхва
Мдзымта / Мзымта
Мдзаа
Мдзадзых
Мегрелия / Мингрелия
Мекка
Меланхлена
Мелид-Камману
Метрополис
Мерзифон
Меотидское болото
Мерхеул

Мерхеул Верхний
Месибиста/Мсибиста – (верх. Код.)
Месимиана /Мисиминия
Месопотамия
Месопотамия Северная/Сев.Месопотамия
Место тесания судов
Место хождения судов
Месхетия
Мешоко
Мидия
Мизиг (р.)
Милет (гор.)
Мингечаур
Мингрелия (Мегрелия)
Мисиминия
Мисимийский /Мисимианский путь
Митанийское царство
Михайловская пещера
Могр (р.)
Моква /Мыку
Москва
Мрамба (р. и с.)
Мсибиста/Мсибиста – (басс. р. Кодор)
Мсыбиста (гора)
Мсычхуа (мест.)
Мса
Мсыгхуа
Мсыбиста
Мсыр /Мсра/ Мыср / Мысраа
Мюссера
Мурквети
Мухурча
Мхьалрипш
Мцра / Мцара
Мчишь
Мыку /Моква

Н

Наа – (совр. сел. на Кодоре)
Наана – (пункт Птолемея на Кодоре)
Наабакаре
Наабхазу (мест.)
Нант (гор.)
Навалишенская пещера
Надиквари (р.)
Наири
Наири-Урарту
Накалакеви /Ноклакеви
Накопсия (Анакопия)
Нальчикский могильник
Нант

Нарчхьоу-Абаа/Аква
Неаполь (гор.)
Негопсуко (Негопсухо)
Нерик
Неса
Нечепсухо (Негопсуко)
Нигвзиани
Никейский собор (г. Никея)
Никомедия (гор.)
Никопсис
Никопсия
Никофия / Анакопия
Нил
Нимфей
Нинфи (город)
Нитика
Новгород
Ново-Вавилонское царство
Новороссийск
Новосвободная
Новосвободненский дольмен
Новая Гагра
Новый Афон
Нхыц

О

Обез /Обезь
Одиши
Одрисс(р.)
Одынец (башня в Сух.)
Окваре (руч.в Ланчхути)
Океания
Окс
Окуми / Окум
Олагвана /Олагвани
Олимп
Ольвия (гор.)
Ольгинское (сел.)
Оман
Омаришара – (мест.)
Орду (Турция)
Осеро (остров)
Осетия Южная
Отап
Отапская пещера
Отхара
Отхарский курган
Охурай – (р. в Туапс. р-не)
Охурей – (р. в Очамч. р-не)
Очамчира /Ачамчыра
Очамчирский район

Очамчирское селище
Ошха-Махо/Эльбрус

П

Падгу (пос. в с.Гуп)
Пакуашь
Пал
Палестина
Палури (с.)
Панавский хребет
Панион
Папанцкур (оз.)
Париандр (хреб. в Турции)
Парпарра (хат.)
Парфия
Парфянское царство
Пасиквара /Псыквара
Пасис-мта груз./Фасисская гора
Пахува
Пахулан (с.)
Пашьгуашь (р. в Сванетии)
Пений (город)
Пений (р.)
Персидская держава
Персия
Петра (креп.)
Пикант (р.)
Пиксит (р.)
Пиленково
Пиренейские горы
Пиренейский полуостров
Питиа
Питиунт /Пицунда
Питиусса
Пичора
Поволжье (Марийское)
Поквеша
Понт Восточный
    Эвксинский
Понтийские горы
    Восточные
Понтийское море
Понтийское царство
Португалия
Посховский участок
Поти
Предкавказье Северное
    Центральное
Приазовье
Приамурье
Прикаспий

Прикаспийские области
Прикаспийское побережье
Прикубанье
Прикубанский очаг
Приморское (Арзаул) ?
Причерноморье Восточное
Северное
Северо-Западное
Юго-Восточное
Южное
Псакыч – (гора за Гуд. пер.)
Псатий (р.)
Псахапсис (р.)
Псахара (окр.г.Гагра)
Псеашхо /Псхашха – (верх.р.Мдзимта)
Псинун /Писинун – (Абхазия геогр. «Ашхарацуйца»)
Псир – (остров Апсиртовых островов)
Псирт / Псирста / Апсара
Псирт – (замок в Н. Афоне)
Психра/Супса
Пскал – (мест. и храм в с.Джгерда)
Пскальская крепость
Пскуара (р.)
Псоу (мест.)
Псоу (р.)
Псху (обл. и с.)
Псыж (с.)
Псыква (р.)
Псырдзха (р.)
Псырдзха (пос. у Н.Афона)
Псырта
Псыхва
Псыш (р.)
Псышьха (гора за Гуд.пер.)
Пунт
Пуста (Пустус)
Пшаури
Пшьап /Пшап
Пырджал
Пятигорск
Пятигорье

Р

Рапстан
Рача
Рача-Лечхуми
Редут-кале (креп.)
Реймс (гор.Фр.)
Резайе

Речепста (Сев.Кавказ)
Речьабаа (креп.)
Речьхо/хуа(сел.)
Речьшьха (гора)
Риапшь
Ризе
Рим
Римская империя
Рион (Роан)
Риони
Рионская низменность
Рица
Роан (р.)
Родос
Ромбит
Россия
Россия Южная/Южная Россия
Русь (Киевская)

С

Саапсандзо
Саба (обл.)
Садзен (страна)
Саетро
Сакен / Сакян
Сала/Салуа (страна)
Салуа
Самтаврский мог-к.
Самурзакан / Мурзакан
Самуха
Санника (Тианника)
Сант-Анджело
Санчара
Санчарская тропа
Сардиния
Сарон (долина)
Сасанидский Иран
Саспира
Сасунские горы
Сатамашо
Сатанджо
Сахум /Сухум
Сачхерский район
Сванетия (Свания)
Сванетия Абхазская
    Верхняя
    Дадешкелиаковская
    Нижняя
    Свободная
Себастополис (Севастополь)
Северная Африка

Северо-сирийский союз
Сельджукско-Османское государство
Сенаки (гор.)
Серака (пос.)
Сиалк
Сиганий (р.)
Сидерон (креп.)
Сикана
Синд (гора)
Синдика
Синдская гавань
Синоп
Сирия
Сирийский Триполис
Сисган /Сиуник
Сиуник
Сицилия
Скепсис (город)
Скидис (хреб. в сев.-вост. Турции)
Скифия
Скопел (пос.)
Скурча (р-н Дранда)
Скурча (мест. в устье Кодора)
Сомали
Сотириуполь/Сухум
Сочи
Сочипсы
Сочипста (р.)
Сочинский
Сочинский округ
Спарта
Средиземное море
Средиземноморский бассейн
Средиземноморье
Среднее царство (Египет)
Старая Гагра
Старая Очамчира
Старо-Кувинск
Стеннитика
Стробил (гора)
Суассон (гор.Фр.)
Сузы (город)
Сулак (р.)
Султания
Супса
Сурамский хребет
Сурий / Суря (р. в Гурии)
Суруба (пос.)
Сухму/ Сохма – (в Малой Азии)
Сухум
Сухумская бухта
Сухумская гора

Сухумская крепость
Сухумский район
Схалта (р. в Аджарии)
Сюрень (Крым)

Т

Табал /Тубал
Тавр Северный/Северный Тавр
Тагижитара /Тахиджиктара
Тайк/Тао Северный
Южный
Тао /Тайк
Тао-Кларджетия
Тао-Кларджетское княжество
Таманский полуостров
Тамыш /Тамшь
Тамышский канал
Тамышское поселение
Танаис
Татар-туп
Тахитара (в Раче)
Теберды долина
Тердер (р.)
Терек
Термодонт (р.)
Терс (р.)
Тессирий (р.)
Тетрамица
Техури
Тзаника /Чаника
Тзибила /Тибелий /Тсибила
Тибарения
Тибелий /Цибиллий /Тзибила
Тигр
Типия /Тибия
Тифлис
Ткварчал
Тмутаракань
Того (мест.)
Токапса
Топсида
Торетика
Тоумыш (р.)
Трапезунт
Трапезунтская область
Трахейская крепость
Трахейское ущелье
Трахея (креп.)
Триалети
Триглит
Три дуба (мест.)
Триполис Сирийский

Троя
Труа (город Фр.)
Тсибила (Тзибила)
Туапсе
Туапсинский округ /Туапсинский р-н
Туба(мест.)
Турецкое побережье
Турция
Турция Европейская
Тха-Куджи
Тцахар
Тюркский каганат

У

Уаз-Абаа – (крепость)
Уашхо-Махо /Ошха-Махо – (Эльбрус)
Украина
Уплис-цихе
Урарту /Наири
Урмия – (оз.)
Урта – (гора в Мегрелии)
Урта – (возв. в с.Поквеши)
Ушба – (гора в Сванетии)

Ф

Фаз
Фазис – (крепость, город)
Фанакопия /Анакопия
Фарнакия /Керасунт/Гересунси
Фарс – (обл. в Иране)
Фарс – (р. на Сев. Кавказе)
Фас – (Пасисмта)
Фасиана
Фасис (р.)
Фасская гора
Феодосиуполь
Фессалия
Фивы (ег.)
Филлеид
Финикия
Фракия
Франция
Фрейберг
Фригия
Фустас

Х

Хабезский район
Хабха (Хапхи)
Хазаретия
Хазарский каганат (царство)
Хазран (обл.)
Хайаса – (Анци-Хайаса)
Халкедон
Хамыш / Хоста – (пос.в Адлер. р-не)
Хамыш (р.)
Хандзта
Хариент (р.)
Хариуста
Хасант
Хасант-Абаа
Хассуна
Хат
Хатти
Хаттусас
Хачмиз/хьэчмэз – (святой лес)
Хашупсе – (р. и пос.)
Хашупсинское ущелье
Хашурский район
Хвап /Хуап
Хегрыпш
Хариент (р.)
Херсо (ост.)
Херсонес
Хеттская империя
Хеттская страна
Хеттское царство
Хецкуара
Хецрыпш – (р.)
Хоби /Хоб – (р.)
Хобос
Ходжкуара
Хопа – (с. в Лазистане)
Хопи – (р. в Мегрелии)
Хопи – (мест.)
Хрисоррой – (р. в окрест. Диоскуриады)
Хоста – (р.)
Хуаджал
Хуадыпсы /Хуадыпса – (р.)
Хуажв
Хуажвкуара /Ходжкуара
Хуап
Хутпа
Хуш /Хуша
Хыпста/ Хыпсы (р.)

Ц

Цабал

Цакицера (назв. верх. Ингура)
Цандрипш – (Гантиади советс. времени)
Царча (с.)
Цахара /Тцахара
Цачхур (приток Риони)
Цибела
Цебельда
Цибилиум
Ципнигвара (с. в Гурии)
Циппаланда
Ципурийский храм
Цихе-Годжи (или Куджи)
Цихис-дзири (с.)
Цквара (р.)
Цкургил
Цкыбынский храм
Цухма
Цхакая
Цхакаевский р-н
Цхенцкар /Ачдзы
Цхенис-Цкали
Цхум
Цхумская область

Ч

Чаабалрхуа
Чааркыт
Чагъам
Чагерия
Чагрыпшь
Чаква
Чалдырское озеро
Чанети
Чаника
Чацвкыт
Чая
Чбалдыху (пос.)
Чегем (р.)
Черкесия
Черкесск
Черкесское побережье
Черное море
Черноморская губерния
Черноморское побережье
    Абхазское
    Кавказа
    Восточное
    Северо-восточное
    Юго-восточное
    Западное
Чечено-Ингушетия
Чечня горная

Чиатурский район
Члоу (с.)
Члоуская пещера
Чопсунырмаг
Чорохи
Чох
Чужипсы (р.)
Чхалта (р.)
Чхалтинская крепость
Чхороцку
Чхороцкуйские захоронения
Чхоуши (р.)
Чхуартал / Чхортоли – (с. в Гал. р-не)
Чыргсалбаа – (креп. в р-не басс. р. Кодор)

Ш

Шам
Шапсугия
Шапсугия Черноморская
Шартр (гора)
Шартур
Шахе (р.)
Ширак
Ширван
Шумер
Шубара (мест.)
Шубарту (страна)
Шхара (гора в Сванетии)
Шыцкуара

Э

Эбриана (пос.)
Эвксин, Эвксинский Понт (море)
Эгер
Эгерия (Мегрелия)
Эгейское море
Эгриси
Эгрисское царство
Экректика (страна)
Элам
Эльбассан
Эльбрус
Эн (гор.)
Эпир
Эрети (страна)
Эрзерум
Эрети
Эрцаху (гора)
Эрцо (юж. Осет.)
Эски-Кермен

Эшера Нижняя/ Нижняя Эшера
Эшерские кромлехи
Эшерские дольмены
Эшерское городище
Эшкыт
Эшрыпш
Эя

Ю

Юардзы
Южно-русские степи
Юпсы (грот)
Юпшара

Я

Ятреб

IV. Этнические названия.

Абадзехи
Абазги / авазги / абаски / абасги / абазхи
Абазины
Абазы / абаза
Абадза
Абас (абасец)
Авогазы (авасги)
Абешла / абешлайцы
Абешла-кашкайцы
Абешло-каскайские племена
Абсуаны – (абхазы)
Абжуйцы

Абхазо-адыгейские племена
Абхазаки – (абхазы)
Абырзенква – (греки)
Агаряне
Агухоуаа – (абх.-убых. род)
Агыркуа – (мегр.по-абх.)
Аджамква – (персы)
Аджарцы
Аджупсан – (общины в с. Адзюбжа)
Адзыге
Адыги, адыгские племена
Аедыг /едыгъаа
Аибговцы
Азербайджанцы
Азра
Азэга
Азеха
Азы
Аибга
Акарачква – (карачаевцы)
Акыртква – (груз. по-абх.)
Аланы
Албанцы
Алазоны
Алаза
Алазква
Ампревты
Апаиты – аппаиты, керкеты
Апсары / абсары
Апсилы /абсилы / апшилы / афшилы
Апсуа
Апсы – (абх.в Иорд.)
Апсуйцы
Апсы
Апсыс
Апхазк – (арм. назв. абхазов)
Апхаза
Апхази
Апшилы
Апшеги
Апшуа
Арабы
Аравляне
Аримы-урумейцы
Армяне / армены / арменийцы / протоармянские племена
Армено-халибы
Арнауты
Ассирийцы / ассирияне
Атырквцэа – турки
Ауапсква / асатинква (осет.)
Аублаа – (абх. садзский род)
Аурысква

Аурымква (римляне)
Афгазы /абхазы
Ахейцы /ахеяне / ахеи / ахейские племена
Ахейцы (гомеровские)
Ахчипсы /ахчипсуйвцы
Ахчипсхувцы
Ачараа – (Аджария по-абх.)
Ачоуква – (чаны по-абх.)
Ашвамахква (армяне по-абх.)
Ашуйцы

Б

Балкарцы
Басилы
Баски
Басил
Басхыг / Басхег
Башкиры
Бзыбцы
Берзены – (греки и визант. у абх.)
Бизеры
Болгары
Боспорцы
Брухи
Булгары
Будины
Бушмены

В

Вавилоняне
Валы
Валды
Вандалы
Византийцы
Виктуалы
Витеру
Водь

Г

Гарши
Гелоны / будины
Гениохи / эниохи / инохи / инсохи
Гептакомиты
Гемкины
Геты

Гиксосы
Готтентоты
Готы
Греки
Грузины / грузинские племена
Гумцы
Гунны
Гурийцы

Д

Дагестанцы
Даки
Дал-цебельдинцы
Дорийцы
Джики / джихи
Джурзан
Джихы (садзы по-убых.)
Дриллы
Дриллы-санны

Е

Евреи
Евдусиане
Египтяне
Египты

Ж

Жане

З

Забаха – (племя)
Зиги /зихи
Зихи /джики / джихи
Зехи
Зидриты

И

Иберы (иверы, иверийцы)
Иганиехи
Дактилы
Имеретины
Имаратаа (имеретины по-абх.)
Ингуши
Индоевропейские племена
Инды
Ираноязычные племена

Ирокезы / сенека
Ирландцы
Ия / Игани

К

Кабардинцы
Кабардаа
Кабиры
Карачаевцы
Карийцы
Карты /картвелы / картвельские племена
Касоги / косоги / кашаги / кешаги
Касситы – (древн. племена)
Катарза – (область и племя)
Кашки / кашкейцы / кашкайцы / каски/ каскейские племена
Кашак / кешак
Керкеты
Керкетии
Кефалотомы – (головорезы)
Киммерийцы
Кимвро-скифские – (сев.-иранские племена)
Киммерийско-скифские племена
Кис – (колени племени)
Клыч
Козари
Колика – (колики)
Колоты – (сколоты)
Колы
Колхи
Кораксы – (корахи)
Корейшиты
Корела (племя)
Кораси
Кроки (племя)
Кумыки
Кумите (племя)
Курды
Курджи (грузины по абх.)
Кутии
Куты
Куш-хазиб-абази

Л

Лазы
Лезгины
Лезги
Лигуры
Лопь
Лувийцы
Лузы

Лушба (Лушдза)

Луша (племя)

М

Мадьяры

Макрокефалы

Макроны

Малоазийские племена

Манралы

Манси

Массагеты

Матиены

Махелоны (махлии)

Махороны

Мегрело-сваны

Мегрело-чаны (мегрело-чанские племена)

Мегрелы

Медовей (мдауэй)

Медийцы

Меланхлены

Меоты

Месхи / мосхи

Мидяне

Милетцы

Мисимияне

Монголы

Мородва

Мосиники / моссиники / мосинеки / мосинойки

Мосхи

Мсыраа (племя)

Мудави (племя)

Мурома

Мушвены (сваны)

Мушки

Мыпхаз

Мысылбай

Н

Наири

Натухайцы

Ногайцы

Норманы

О

Обезы / обежане
Обри
Одрисы
Осетины
Осилы

П

Пафлагоняне
Пеласги
Персы
Пермь
Печенеги
Пех
Пигмеи
Протоармяне
Протохетты
Псесы
Псхувцы
Пховы
Пшавы

Р

Римляне
Русские

С

Сарматы – (иранские племена)
Сагины
Сагины-саниги
Садзы
Салтии /фтирофаги/ вшееды или
«пожиратели сосновых шишек»
Самурзаканцы
Сан (чан)
Санареи
Саниги /санниги/ санники /санихи
Саниги-гениохи
Саны-гениохи
Санны /саниги
Саспейры /саспиры
Сваны /сванские племена
Сваны-колхи
Североиранские (кимвро-скифские племена)
Северокавказские племена
Семты
Сенека – (ирокезы)
Серры
Синдо-меотские племена
Синды

Сирийцы
Скифо-иранские племена
Скифо-сарматские племена
Скифы / скифские племена
Скифы индийские
Сколоты
Славяне
Соаны (сваны)
Соугды
Средиземноморцы
Стафилы
Суаны / сваны

Т

Табалы
Тавры
Таохои
Тамберина (племя)
Тзаны (цаны)
Тай
Тибарены
Тирсены
Тирены
Тореты
Трапезундцы
Туахы – (самоназвание убыхов)
Турки /турки-сельджуки
Турьси – (турки по русск.)
Турша
Тюрки / тюркюты

У

Убыхи
Урарты
Урумейцы

Ф

Фасианы / фазианы
Филистимляне
Финикияне
Фрако-фигийские племена
Фракийцы
Фтирофаги / фтейрофаги

Х

Хазары
Хазран
Хайасцы
Хакучи / хакучинцы
Халдайцы / халды
Халды / халибы
Халибы
Халибы / халдейцы
Хализоны
Хамиты
Ханты
Хатты (протохетты, хаттские племена)
Хевсуры
Хета
Хетты / хиттиты / неситы
Хурриты
Хуррито-урартские племена
Хуша

Ц

Цаны
Цанары
Цыгане

Ч

Чаны
Чекер
Черкесы
Черемиса
Чеченцы
Чечено-лезгинские племена
Чудь

Ш

Шапсуги / шапсыгаа
Шумеры
Шуханеты / сваны / сванеты

Э

Эбзе – (назв. сванов у сев.-кавказцев)
Эгрисцы / эгры
Эллины
Этруски
Эфиопы

Я

Языги

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

АБ	Античная балканистика. Москва.
АБКНЕС	Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII -XIX вв. Нальчик.
АБННЛН	Абхазский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия (ныне Абхазский институт гуманитарных исследований. Сухум.
АБНННН	– Абхазский научно-исследовательский институт краеведения. Сухум.
АБНО	– Абхазское научное общество. Сухум.
АГУ	Труды Абхазского Государственного Университета. Сухум.
АДННННЛН	Адыгейский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ныне Адыгейский институт гуманитарных исследований). Майкоп.
АКАК	Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис.
АОА	Археологические открытия в Абхазии. Сухум.
АЭКЧ	Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкеск.
БСЭ	Большая Советская энциклопедия.
ВВ	Византийский временник.
ВГМГ	Вестник государственного музея Грузии. Тбилиси.
ВДИ	Вестник древней истории. Москва.

ВИ	Вопросы истории
ВМГУ	Вестник Московского Государственного университета.
ВИГФЭ	Вопросы истории Грузии феодальной эпохи. Тбилиси.
ВС	Военный сборник. СПб.
ВУА	Военно-ученый архивный фонд ЦГВИА, (ныне РГВИА). Москва.
ВЯ	Вопросы языкознания. Москва.
ЕИКЯ	Ежегодник иберийско-кавказского Языкознания. Тбилиси.
ДГТС	Древнейшие государства на территории СССР. Москва.
ЖМНП	Журнал Министерства народного Просвещения. СПб.
ЗВОРАО	Записки Восточного отделения Российского археологического общества.
ЗИНУ	Записки императорского Новороссийского университета. Одесса.
ЗКОИРГО	Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис.
ЗООИД	Записки одесского общества истории ИГАИМК Известия Государственной и древностей. Одесса.
Академии истории материальной культуры.	Ленинград.
ИИЯИМК	Известия института языкознания и истории материальной культуры
ИКОИРГО	Известия Кавказского отделения Импера торского Русского географического об-ва. Тифлис.
ИРАИК	Известия Российской академии истории материальной культуры.
КБС	-
КК	Кавказский календарь. Тифлис.
КС	Кавказский сборник. Тифлис.
КСИИМК	Краткие сообщения института истории материальной культуры.
КСИА	Краткие сообщения института археологии АН СССР.
КСИЭ	Краткие сообщения института Этнографии.
КЭС	Кавказский этнографический сборник. Москва. Москва.
ЛГУ	Ленинградский Государственный Университет.
МАК	Материалы по археологии Кавказа. Москва.
МАГК	Материалы по археологии Грузии и Кавказа.
МАЭ	Музей антропологии и этнографии.

МИА Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
 МКАЭН Международный конгресс антропологических и этнографических наук.
 МИГК Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси.

ОДРЛ

РА Русский архив. Москва.

РГВИА Российский государственный Военно-исторический архив. Москва.

СА Советская археология.

-САНГ

СИЭ Сообщения института этнографии им.А.Н.Миклухо-Маклая АН СССР.

СМОМПК Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
 ССКГ Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.

СЭ Советская этнография. Москва.

ТГУ Тбилисский государственный университет. Тбилиси.

ТОИПКГЭ Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа.

ЦГВИА Центральный Государственный военно-исторический архив.

ЦГВИА, ВУА №18510 ЦГВИА,

ВУА, ф.414, №301, 18 об.

ЦГВИА, ВУА, №18510 -Торнау.

AJA American Journal of Archaeology. New York

ZDMG “Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft”

MGH Monumenta Germaniae Historica. Hannover. Berlin.

RA „Revue d’Assyriologie et d’Archeologie orientale. Paris “

RE Pauly-Wissowa – Kroll, Real encyklopädie der klassischen

Послесловие

Предлагаемая читателю книга в первом своем издании имела драматическую судьбу. Выход ее в свет в 1976 году вызвал с одной стороны благодарные отклики, а с другой бурю негодования как среди ученых Грузии, так и некоторых ученых Абхазии. Причиной такой реакции явилось, прежде всего, обоснование главного тезиса данного труда об автохтонности абхазов на Восточном побережье Черного моря, а также не принятая в то время независимость в суждениях относительно этногенеза абхазов. Судя по силе оказываемого сверху давления, скорее всего сигнал о необходимости наказать своевольного автора и изъять книгу исходил из грузинских партийных органов. К сожалению, в Абхазии с готовностью откликнулись на этот призыв и 5 марта 1977 г. в АбНИИ языка, литературы и истории по инициативе дирекции института и ректората АГУ состоялось закрытое обсуждение книги с приглашением лиц, в основном недоброжелательно относившихся к Ш.Д.Инал-Ипа. Об атмосфере обсуждения можно судить по фразе одного из приглашенных сотрудников института, который в своем выступлении обвинил автора даже в том, что он, «не обладая грамотностью ученика старших классов средней школы, взялся за столь сложные вопросы, как вопросы этнической истории абхазов!».

Возмущенные ходом заказного обсуждения в институте и негативными оценками, содержащимися в опубликованной позже в центральных абхазских газетах анонимной рецензии, группа молодых ученых Абхазии послала письмо в Москву, в ЦК КПСС с просьбой разобраться в сложившейся ситуации. По поручению ЦК, Академия Наук СССР создала комиссию из ряда крупнейших специалистов ведущих академических институтов Москвы и Ленинграда (историки, этнографы, лингвисты, антропологи, археологи). На основе семи рецензий на книгу членов комиссии, ее председатель – доктор исторических наук В.К.Гарданов составил сводную рецензию. Главным итогом работы комиссии была весьма положительная оценка книги¹³⁶⁵. Заключение комиссии должно

---

¹³⁶⁵ С выдержками из нее можно ознакомиться в предисловии автора.

было быть опубликовано как в журнале «Советская этнография», так и в центральной печати. Однако она не была обнародована по требованию лиц, приехавших (по сигналу из института) в Москву из Сухума с предупреждением: «Нельзя ссорить ЦК КПСС с ЦК Грузии», так как выход в свет положительной рецензии вызовет в Грузии острую негативную реакцию, чреватую нежелательными политическими последствиями. Высокая рецензия так и не увидела свет, а автора с ее содержанием ознакомили конфиденциально. * Однако само Заключение ему не дали. Тем не менее, намерение исключить Ш.Д.Инал-Ипа из партии и снять с работы уже не могло быть осуществлено. Не отступив и не отказавшись ни от одного своего положения, автор выстоял в этой тяжелой, неравной борьбе – книгу не смогли ни запретить, ни изъять из оборота. Эти события, достаточно подробно описана мною в третьей главе еще неопубликованной работы о жизненном пути Ш.Д.Инал-Ипа под названием «Книга о книге».

Однако вряд ли теперь кто-либо помнит, что история эта имела продолжение. В предвоенные годы с критикой книги по телевидению выступали многие грузинские ученые. По поводу основных положений, содержащихся в данной работе, на страницах периодической печати разгорелась довольно острая полемика между Ш.Д. Инал-Ипа и грузинским историком Н.Ю. Ломоури (в последний раз свою статью против концепций Ш.Д.Инал-Ипа он поместил в сухумской газете оккупационного правительства «Демократическая Абхазия» 31 июля 1993 года, когда еще шла война, и всем, конечно, было ясно, на что он рассчитывал!)

В дебатах же по вопросам истории Абхазии того предвоенного времени часто ссылались на данную работу, которая к тому времени стала библиографической редкостью. Основываясь на просьбах читателей, дирекция института поручила автору подготовить книгу к переизданию. Ш.Д.Инал-Ипа составил рукописный черновой вариант дополненной и переработанной книги и попросил сына Адгура набрать его на компьютере для облегчения дальнейшей доработки и редактирования. И сын исполнил просьбу отца. Однако в один из напряженных предвоенных дней он наскоро распечатал набранное, сложил листы в папку, и связав ее тесьмой, передал отцу со словами: «Сейчас мне некогда, пусть она пока полежит. Когда все успокоится, я вместе с тобой внесу все правки и дополнения какие ты захочешь сделать, все проверим и затем я вновь все распечатаю». Шалва Денисович, написав на папке «Адгуру на проверку», положил ее в ящик своего рабочего стола, а сам занялся завершением книги «Ступени к исторической действительности», так как его очень торопили с ее изданием. Затем была война. Адгур не вернулся, погибнув в бою на подступах к городу за восемь дней до освобождения Сухума. Шалве Денисовичу очень тяжело было взять папку в руки, он не мог заставить себя даже заглянуть в ящик стола, где она лежала. Во вторую годовщину гибели сына, на его могиле он обещал ему, что постарается взять себя в руки и продолжить работу над переизданием книги. Он предполагал еще кое-что доработать и добавить, затем отредактировать и в полном готовом виде сдать в печать, посвятив памяти сына. Однако судьба распорядилась иначе. Через три дня его не стало. Работа, после его смерти пролежала нетронутой десять с лишним лет, так как и мне было очень тяжело развязать узел, связанный дорогими руками сына. После того, как Юрий Дмитриевич Анчабадзе обнаружил в архиве члена комиссии АН СССР, Л.И.Лаврова копию сводной рецензии на книгу Ш.Д.Инал-Ипа, она была опубликована в журнале «Колокол» (2002, № I), затем мною была проведена небольшая редакторская правка, после чего рукопись книги была сдана в АБИГИ для опубликования. Вместе с заведующим Отделом этнологии АБИГИ Юрием Гудисовичем Аргун мы провели много часов над подготовкой книги к печати. Приношу ему особую признательность за проведенную работу. Список литературы, указатели и комментарии к тексту работы подготовлены мною. Благодарность выражаю и сотрудницам АБИГИ Ламаре Чамагуа, набравшей сложный черновой текст данной работы и Каролине Бутба, внесшей многочисленные правки после последнего редактирования, а также сестрам Амине, Адике и Елане Гицба за набор

списка литературы и указателей. В связи же с тем, что ссылки на литературу в рукописи часто давались в сокращенном виде, а цитаты необходимо было сверить с оригиналом, приходилось искать литературу в Москве, Петербурге, Тбилиси и в некоторых европейских и американских библиотеках, так как почти все книги и копии использованных статей сгорели в институте, а в библиотеках Сухума после погромов военного времени найти их было невозможно. Нужную литературу для заполнения ссылок и сверки цитат доставали и пересылали мне друзья и родственники – Ю. Д. Анчабадзе, Г.З.Анчабадзе, Г.Н.Колбая, В.А.Чирикба, Пола Гарб, Астанда Ашхаруа-Квирая и Наала Инал-Ипа, за что приношу им глубочайшую благодарность и признательность. Выражаю благодарность всем, кто оказывал содействие в подготовке к печати данной книги во втором, переработанном и дополненном издании.

М. К. Хотелашвили – Инал-Ипа

* Заключение комиссии с условием, что он его не будет разглашать, ему тайно переслали. Вместе с тем, почти все члены комиссии прислали ему свои собственные рецензии, сожалеению погибшие во время сожжения Абхазского института.

Содержание

От редактора

Предисловие

Введение

I. Общие вопросы этногенеза

1. Этнос и этногенез

2. Теории этногенеза

II. Из истории изучения этногенеза абхазов

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

К ранней этнической истории абхазов

I. Истоки и связи археологических культур

II. Дольменная культура

1. Из истории вопроса

2. К поискам местных корней дольменной культуры

а. Территория

б. Вторичные погребения

в. Почитание черепа

г. Дольмены и анимистические представления абхазов

д. Жертвенники и жертвоприношения у дольменов

е. Об абхазском названии дольмена

ж. Проблема этнической принадлежности

III. К вопросу происхождения абхазов в свете антропологии

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Язык и фольклор

1. Предварительные замечания
2. О взаимоотношениях абхазского с родственными языками
3. О лексике абхазского языка
4. О названии и самоназвании абхазов (аҧсуа)
5. Топонимика
6. Краткий экскурс в абхазскую мифологию

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Политическая карта и этнический состав

Восточного Причерноморья (III – I тыс до н.э.)

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Об этнокультурных связях

Западного Кавказа и Малой Азии

1. Хатты, каски и абешла и вопрос об их этническом родстве с абхазо-адыгскими племенами
2. Уашхо
3. Этногенетические предания и генеалогии

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Этническая ситуация на Восточном

Причерноморье в античную эпоху

1. Мозаика племен и народностей
2. Колхида и колхи

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Древнеабхазские племена

I Апислы

1. Вопрос о племенной территории
2. Этническая характеристика
3. Апислы и мисимияне
4. Об апсильской культуре

II Абазги

1. Локализация абазгов
2. Были ли абазги бинарным племенем.
3. Трахейская битва.
4. О некоторых чертах социально-экономической и культурно-политической жизни абазгов.
  - а. Анакопия – столица абазгов.
  - б. Об абазго-византийских связях.
  - в. Работоторговля.
  - г. Христианство и языческие верования.
  - д. Грамматик Абазг.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О раннефеодальной Абхазии

Заключение

Ш. Д. ИНАЛ-ИПА

**ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ
АБХАЗОВ**

Второе, переработанное и дополненное издание

Том III

Шалва Денис-ипа Инал-ипа

**АПСУАА РЕТНО-КУЛЬТУРАТӘ ТҒУРЫХ
АЗЦААРАҚӘА
(урысшәала)**

Ихартәаау, аус зыдулоу аәбатәи атґыжсьымтә

III атом

Редакторы *А. Е. Аргун*
М. К. Хотелашвили-Инал-ипа

Набор *Л. Р. Чамагуа*
К. Е. Бутба

Корректоры *Л. З. Клычева*
Л. С. Пачулиа

Верстка *А. Ш. Гицба*

Фотмат 60х90/16. Тираж 1000. Физ. печ. лист 43. Заказ № 34.

Республика Абхазия, РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.